

g(Дар)
M 92

80

Мухаммед-Тахир аль-Карахи

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Ч. I

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ

instituteofhistory.ru

**БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ
В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ
БИТВАХ**

(Комментированный перевод Т. Айтберова)

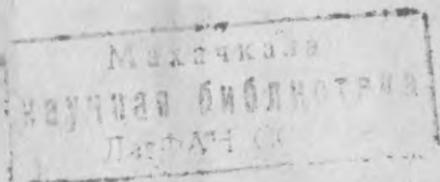
Для широкого круга читателей
(с привлечением автографа Мухаммед-Тахира Карахского)

часть 1

Махачкала 1990

«Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» принадлежит перу Мухаммед-Тахира из сел. Цулда общества Карах. Автор опирается в своей работе на рассказы Шамиля, отдельных участников Кавказской войны и на личные наблюдения. Сочинение Мухаммед-Тахира Карахского является одним из ценнейших местных источников по истории борьбы горцев Дагестана и Чечни с царизмом.

Библиотека фонда Шамиля

150210

ВВЕДЕНИЕ

Среди немногих, известных науке в арабском оригинале источников для истории Северного Кавказа XIX в., хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» занимает основное и ведущее место. Довольно значительная по объему, содержащая массу фактического материала, касающегося внешней и, главное, внутренней сторон жизни государства Шамиля, хроника является одним из тех местных первоисточников, без использования которых в наше время вообще нельзя обойтись при детальном и всестороннем изучении данного периода истории.

Автор хроники — современник большинства описанных им событий — в течение 8 лет (1850—1858 гг.) жил в резиденции Шамиля — Дарго. Исполняя при Шамиле обязанности «писца», как он сам неоднократно указывает, Мухаммед Тахир, естественно, был хорошо осведомлен о всех происходивших в его время событиях. Здесь же, в Дарго, он составил и основную часть своей хроники. Источниками устной информации служил сам Шамиль или же лица, бывшие участниками или очевидцами передаваемых событий. В ряде случаев привлекались письменные документы (послания, письма и пр.) и поэтические произведения других авторов. Обстоятельства составления хроники позволяют рассматривать ее, если не целиком, то в основной части, как вполне надежный исторический источник, вышедший из-под пера современника описываемого периода.

Биографические сведения об авторе хроники крайне скудны и отрывочны; ряд из них имеется в самом его произведении.

Родился он, как указывает его имя, в Карахе, вероятно, в конце XVIII или в первом десятилетии XIX в. Арабистическое образование получил он у себя на родине у хаджи Дибера ал-Хунухи ал-Карахи¹. Круг его ученых занятий можно определить лишь предположительно. Судя по характеру его последующей деятельности и содержанию его литературных произведений, основными науками, в области которых специализировался Мухаммед Тахир, были арабский язык, мусульманское право и поэзия. Первое из известных нам его поэтических произведений относится к 1832 г. Это была элегия на смерть первого

¹ См. текст хроники, стр. 54. примечание 9 (араб).

имама Дагестана — Гази Мухаммеда. К этому времени Мухаммед Тахир, очевидно, закончил свое образование, так как он величает себя уже «стремящимся к истине ученым».¹

Второе дошедшее до нас его поэтическое произведение относится к 1837 г. Он включено Мухаммедом Тахиром в свою хронику. Это касыда, написанная в связи с проникновением русских в Ашильту. При защите Ашильты погиб его учитель Дибир ал-Хунухи. Мухаммед Тахир обращается к Аллаху с просьбой о даровании сторонникам Шамиля победы над русскими и благодоставляет прах погибшего своего устаза². Можно с известной долей уверенности предположить, что, кроме упомянутых двух касыд, к тому времени у него были и другие литературные или поэтические произведения, однако нам они еще не известны. Ничего мы не знаем и о характере его практической деятельности до поселения в Дарго. Впервые упоминание о нем, как о «скромном писце» при Шамиле в Дарго, мы находим в самой хронике. В «Главе о назначении сына Шамиля Гази Мухаммеда наибом Каралаяля» (это назначение имело место в конце 1850 г.) Мухаммед Тахир сообщает: «В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго»³. Жил он в Дарго «до тех пор, пока не умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртунай для закладки там крепости»⁴, т. е. до июля-августа 1858 г.

После падения Дарго Шамиль с небольшим числом оставшихся верных ему приближенных и членами своей семьи с боями отходил к Гунибу. Мухаммеда Тахира не было в числе поднявшихся на Гуниб, он, вероятно, остался в занятом русскими войсками Дарго.

Во время осады Гуниба он был одним из трех посредников, посланных русским командованием к Шамилю для переговоров о сдаче⁵. Посредников Шамиль на Гуниб не пустил, и Мухаммед Тахир вернулся обратно, не выполнив возложенной на него миссии.

После падения Гуниба и сдачи Шамиля Мухаммед Тахир переселился в Темир-хан-Шуру, где и жил до конца своих дней, исполняя обязанности кадия⁶, а впоследствии — старшего кадия дагестанского народного суда. К последнему периоду его деятельности относится и ряд его произведений по вопросам мусульманского права и юриспруденции. Некоторые из этих произведений до нас дошли в арабском оригинале⁷, другие известны только по случайным упоминаниям их названий⁸. Несколько больших писем на юридические темы, написан-

¹ Арабская рукопись исторических произведений дагестанских ученых. Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР, № 3339, л. 7а.

² Касыду, см. стр. 54 (араб.).

³ Стр. 175 и 176, примечание (араб.).

⁴ Стр. 176 (араб.).

⁵ Стр. 197 (араб.).

⁶ Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 137.

⁷ См. указанную арабскую рукопись, лл. 95—100 (о штрафах и наказаниях в государстве Шамиля).

⁸ Так, например, из писем Мирзы Мавраева к сыну Мухаммеда Тахира Хабибуллаху известно о его сочинении **Шарх ал-Мафруд**.

ных им как участником полемики о «назре» (пожертвовании на благотворительные и богоугодные цели) с Али Аджи, кадием селения Акуши, — мы имеем опубликованными на русском языке¹. Факт участия в данной полемике указывает на то, что он пользовался широкой известностью и авторитетом в местных мусульманских кругах. Из заключительной статьи полемики видно, что он поддерживал переписку и с рядом мекканских и египетских ученых². Его авторитет и всесторонние знания мусульманского права и истории ислама неоднократно использовались и русскими властями: кроме выполнения обязанностей кадия и участия в упомянутой полемике о «назре», он привлекался для выработки законодательства о «сейдах»³.

Умер Мухаммед Тахир в 1882 г.

Причины, побудившие Мухаммеда Тахира приступить к составлению данной хроники, нам известны из послесловия к хронике сына автора, Хабибуллаха, продолжавшего и редактировавшего труд отца после его смерти⁴. Инициатива по составлению хроники исходила от самого Шамиля, желавшего «собрать и записать рассказы про случившееся в его время»⁵.

Как уже указывалось выше, в течение восьмилетнего пребывания в Дарго, резиденции Шамиля, Мухаммед Тахир составил основную часть хроники; здесь он довел описание событий до 1858 г. (возвращение сына Шамиля Джемаль ад-Дина из русского плена). Первые же записки относятся к 1830—1831 гг. — началу деятельности имама Гази Мухаммеда. Эта часть хроники, охватывающая период в 27—28 лет, является наиболее ценной по содержанию и достоверности. Большинство изложенных в ней событий записано непосредственно со слов самого Шамиля и его приближенных, участников или очевидцев передаваемых событий. В ряде случаев автор указывает имена своих информаторов, в их числе и Шамиль⁶, или называет те письменные источники, из которых он взял отдельные отрывки⁷. В большинстве же случаев он ограничивается лаконичными оговорками: «сообщил мне человек, заслуживающий доверия», «передают», «рассказывают» и т. п.

Мухаммед Тахир не ограничивается описанием событий, происходивших на стороне Шамиля. Он стремится также собрать и сведения о положении в лагере

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 8—10, 17—24 и 33—37.

² Там же, стр. 40.

³ И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд-во Акад. наук СССР, 1939, стр. 7.

⁴ Стр. 256 (араб.).

⁵ Там же.

⁶ См., например, описание обстоятельств избиения аварских ханов, стр. 34 (араб.).

⁷ Послание имама Гази Мухаммеда, стр. 12, 13, стихи из его же сочинения, стр. 10, 11 (араб.).

русских войск. Информации о событиях среди русских он получает от лиц, побывавших при тех или иных обстоятельствах в лагере русских. «Со слов Исмайла сына Джемал ал-Чиркави, бывшего в то время с русскими», передано содержание бесед последнего с генералом Пантелеевым¹, о потерях русских при осаде Ахульго сообщается «со слов Джавад-хана, который раньше служил у русских», причем Джавад-хан сообщал, в свою очередь, те сведения, которые он вычитал в «военных ведомостях», будучи в крепости Кизляр². Такие же «ведомости», сообщавшие о потерях русских войск в борьбе с первым имамом Гази Мухаммедом, читал в Дербенде Хусейн ал-Гимри³. Сведения о событиях, происходивших в лагере русских войск во время осады Ахульго, изложены со слов верного помощника Шамиля — Юнуса. Юнус находился несколько дней в лагере осаждающих во время перемирия, так как он сопровождал выданного в аманаты сына Шамиля Джемаль ад-Дина. Его рассказы выделены в специальное «Дополнение»⁴.

Крайне интересны сообщения хроники о событиях, имевших место в лагере Воронцова во время его неудачной экспедиции в 1845—1846 гг. Здесь дана подробная характеристика неуравновешенной природы самого Воронцова⁵, приведены тексты двух адресованных ему писем: одно из них «от царя»⁶, второе — анонимное — было подброшено в его канцелярию в Тифлисе⁷. Кроме того, приведен ряд личных высказываний Воронцова. Все эти сведения могли исходить только от лица, если не близко знавшего, то, во всяком случае, лично неоднократно видевшего Воронцова и вращавшегося среди его приближенных. Вероятно, информатором этих сообщений хроники Мухаммеда Тахира был один из русских офицеров, при тех или иных обстоятельствах очутившийся в лагере Шамиля. Обычный горец из иррегулярных войск не мог, при всей его наблюдательности, так тонко подметить ряд тех мелких деталей из жизни и традиций русских войск, которые сообщает Мухаммед Тахир (содержание писем, помещение их в газетах, помимо желания Воронцова, отмена Воронцовым военного салюта и пр.). К сожалению, для этой части хроники Мухаммед Тахир не указывает имен своих информаторов; он здесь повсюду ограничивается обычными для него «нам сообщили», «рассказывают» и пр.

Последующая часть хроники охватывает период с 1859 по 1871 гг., т. е. период с момента падения Гуниба до смерти Шамиля. Последняя запись самого Мухаммеда Тахира относится к 1872 г. Она касается пребывания сына Шамиля, Гази Мухаммеда, в Стамбуле⁸. Эта часть хроники писалась при других обстоятельствах и в иной обстановке, чем первая. Шамиль в качестве пленника находился в ссылке в Калуге, Мухаммед Тахир жил в Темир-хан-Шуре и сос-

¹ Стр. 60 (араб.).

² Стр. 78 (араб.).

³ Стр. 27, 28 (араб.).

⁴ Стр. 66—69 (араб.).

⁵ Стр. 144, 145 (араб.).

⁶ Стр. 159 (араб.).

⁷ Стр. 149 (араб.).

⁸ Стр. 251 (араб.).

тоял на русской службе в должности кадия при мусульманском народном суде. Изменявшаяся обстановка в Дагестане и резкие перемены в судьбах как инициатора хроники—Шамиля, так и ее составителя—Мухаммеда Тахира, сказались на ее содержании, формах выражения и достоверности.

Прежде всего, находясь вдали от Шамиля и в то же время продолжая хронику событий, касающихся его жизни, автор уже не мог своевременно и подробно записывать происходившее. Источники его информации в этот период крайне случайны и разнообразны. Среди обычных «передают», «рассказывают» или «сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же» появляются новые источники — русские газеты¹. Записи носят случайный отрывочный характер, без хронологической последовательности, которая строго выдержана в первой части хроники. Часто в одном рассказе соединены сведения о событиях, отстоявших друг от друга во времени на несколько лет и происходивших в различных местах. Нарушено и конструктивное построение хроники. Если в первой части материал относительно равномерно распределен по главам, то во второй многочисленные, совершенно между собою не связанные «дополнения», «заключения», «приставки» чередуются с текстами писем и документов и поэтическими произведениями.

По первоначальному плану автора хроника, вероятно, заканчивалась описанием падения Гуниба и сообщениями о судьбах ряда видных сторонников Шамиля. Это ясно видно по заключительной концовке, в которой автор спрашивает у Аллаха помощи угнетенным жителям Дагестана. Затем к хронике Мухаммед Тахир счел нужным приложить большую касыду (160 двустиший) Хаджи Мухаммеда, сына ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, в которой в сокращенном виде повторено содержание всей хроники. Перед касыдой Мухаммед Тахир делает краткое замечание, поясняющее причину появления ее в хронике: «Пусть будут стихи равны тому, что им предшествовало в прозе»².

Однако через несколько лет Мухаммед Тахир вновь принялся за продолжение своего произведения. Поводом к этому послужило попавшее в его руки сочинение зятя Шамиля Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки³.

Абдуррахман, как член семьи Шамиля, находился при последнем в течение всей его 10-летней ссылки в Калуге. Он сопровождал пленного Шамиля из Дагестана в Петербург, а затем в Калугу, ездил с ним в Москву, Красное Село и Петергоф, присутствовал на устраиваемых Шамилю приемах и встречах, осматривал вместе с последним фабрики, заводы, дворцы, музеи, обсерваторию и пр. Впечатления от всего виденного и слышанного Абдуррахман изложил в упо-

¹ Стр. 222, 247, 250 (араб.).

² Касыду, см. стр. 209—219 (араб.).

³ Подробно об этом произведении см. статью акад. И. Ю. Крачковского «Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле» (Записки Института востоковедения, II, 1934, стр. 9—20).

минутом сочинении. Сюда же он включил ряд сведений о жизни Шамиля в период калужской ссылки. Сочинение Абдуррахмана, таким образом, хронологически является как бы продолжением хроники Мухаммеда Тахира. В 1869 г. Шамиль получил разрешение царского правительства поехать в Мекку в хадж. Вскоре после отъезда Шамиля Абдуррахман вернулся к себе на родину в Дагестан, где и провел остаток своих дней в должности кадия Гази-Гумука. Рукопись своего произведения Абдуррахман хранил при себе; он продолжал свои записи и после отъезда Шамиля из России. По заключению акад. Н. Ю. Крачковского, Абдуррахман начал писать свое произведение около 1864 г., а дополнение вносил вплоть до 1883 г.¹, т. е. находясь уже в Дагестане. Мухаммед Тахир, получивший возможность познакомиться с произведением Абдуррахмана после переселения последнего в Дагестан, решил, вероятно, дополнить сведения своей хроники материалами, собранными Абдуррахманом. Он воспользовался этим сочинением и включил ряд извлечений из него в свою хронику под специальным заглавием «Дополнение»². Так получился законченный очерк о жизни Шамиля; начатый описанием первых шагов его деятельности еще при первом имаме Гази Мухаммеде, он доведен до времени отъезда Шамиля в Мекку.

Не вдаваясь в детальную и всестороннюю оценку произведения Абдуррахмана, все же необходимо отметить, что по содержанию, тону и манере изложения и идеологической направленности это произведение резко отличается от хроники Мухаммеда Тахира. Здесь ярко выразились диаметрально противоположные политические ориентации и взгляды авторов и, кроме того, сказалась та различная обстановка, в которой писались оба произведения.

Мухаммед Тахир писал свою хронику в период ожесточенной борьбы горцев во главе с Шамилем против царских войск, против колонизаторов и их помощников — местной знати и ханов. Будучи в то время верным сторонником горцев и одним из приближенных Шамиля, он неизбежно должен был освещать излагаемые в хронике события с точки зрения своей среды, выражать настроения и чувства горцев и их руководителей, разделять господствовавшие в государстве Шамиля взгляды, симпатии и антипатии. Кроме того, составляя хронику по устным рассказам самого Шамиля и его ближайших помощников, т. е. со слов идейных и военных руководителей горцев, Мухаммед Тахир находился в полной зависимости от своих информаторов не только при выборе фактического материала, но и при оценке событий. В итоге его произведение правдиво отражает действительность и идеологию участников и руководителей описываемых им событий.

Абдуррахман писал во время пребывания Шамиля в Калуге в качестве почетного пленника. Царское правительство прекрасно знало о том влиянии, которое имел Шамиль среди горцев в течение 25-летней кровопролитной борьбы. Знало оно и о том, что, несмотря на прекращение борьбы и плен Шамиля, има

¹ См. указанную статью, стр. 13.

² Стр. 223 (араб.).

последнего, как «имама», руководителя «священной борьбы» против «неверных» — русских, все еще продолжало быть священным среди многих мусульман. Дагестан был покорен, но дух горцев не был сломлен: в различных уголках страны периодически вспыхивали мелкие восстания, грозившие каждую минуту перерасти во всеобщую «священную войну» за независимость и свободу. Достаточно указать хотя бы на то, что всего через несколько месяцев после падения Гунуба вспыхнуло восстание в Ичкерии (май 1860 г.), затем в Ункратльском обществе (октябрь 1860 г.), и с тех пор отдельные вспышки повторялись до всеобщего восстания в 1877 г. Во главе восстаний часто стояли бывшие наибы Шамиля. При такой обстановке царскому правительству было очень важно изолировать Шамиля, не допустить с его стороны оказания какого-либо влияния на восставших горцев, сделать из пленного имама и членов его семьи своих сторонников. Этими обстоятельствами и определялось чрезмерно почтительное отношение царских властей к пленному Шамилю. Александр II любезно обходится с ним, приглашает его на военные парады, дает ему аудиенции, посылает от своего имени подарки. Шамилю и его спутникам показывают дворцы, музеи, военный арсенал, обсерваторию, фабрики, заводы и пр. Их окружают дольством и роскошью. Военные власти, во главе с министром Милютиним, внешне оказывают ему почтение и уважение, ведут с Шамилем любезную переписку. Так, например, во время пребывания Шамиля в Калуге военным министром было приказано всем проезжавшим через Калугу военным чинам от прапорщика до генерала включительно делать визиты Шамилю. Каждый посещавший Шамиля получал предварительно инструкцию у пристава при Шамиле о том, как себя держать во время визита и на какие темы вести разговор. Пленному руководителю горцев были оказаны почести как высокопоставленному титулованному гостю.

Молодой Абдурахман, с детства находившийся в условиях суровой и примитивной жизни Дагестана того времени, воспитанный в среде горцев, ведущих непрерывно ожесточенную борьбу с «неверными» — русскими, был ошеломлен происшедшей в его жизни переменной обстановки. Он быстро забыл о своей родине и своих единоверцах, продолжавших борьбу в Дагестане. Внешние почести и милости сделали из Абдурахмана, принимавшего все попусту царского правительства за проявления искренних чувств, верного русского подданного. Он бесконечно благодарен за все «благоденствия», оказанные Шамилю и его семье царским правительством. Его восхищает «доброта» царя к Шамилю и уважение, проявляемое русскими властями в отношении всех с ним находившихся. Когда Абдурахман сравнивает отношение русских к пленному Шамилю с отношением горцев к своим пленникам, то, по его словам: «содрогается моя кожа и стыд морщит веселость моего лица»¹. Находясь полностью во власти этих настроений и чувств, Абдурахман и писал свое произведение, которое оказалось, в противоположность хронике Мухаммеда Тахира, панегириком царским властям.

¹ Стр. 237 (араб.).

Мухаммед Тахир, включая в свою хронику извлечения из произведения Аб-дуррахмана, соединил, таким образом, в одно целое два сочинения, написанные авторами, стоящими на диаметрально противоположных позициях.

Последующие дополнения к хронике сделаны уже, вероятно, после смерти Мухаммеда Тахира его сыном Хабибуллахом. Эти дополнения распадаются на две части: первая содержит тексты писем и речей, вторая — сведения о последних днях Шамиля в Медине и обстоятельствах его смерти.

Источник первой части дополнений Хабибуллаха нам не известен. Вероятнее всего это были какие-то записи, случайно попавшие в руки Хабибуллаха, может быть, даже из семейного архива Шамиля. Все приводимые документы Хабибуллах ошибочно рассматривает как письма Шамиля к царю и от царя к Шамилю. В действительности же, как явствует из содержания самих документов, письмами являются только два первых документа — прошение, направленное Шамилем Александру II с просьбой о принятии от него и членов его семьи присяги на подданство¹ и ответ об удовлетворении просьбы Шамиля, посланный военным министром Милютиним².

Третий документ представляет текст присяги, принятой Шамилем в дворянском собрании города Калуги. Последние три документа — записи речей, которыми обменялись в дворянском собрании губернский предводитель дворянства и Шамиль после окончания церемонии принятия присяги³.

Источником информации второй части дополнений Хабибуллаха был сын Шамиля Гази Мухаммед, с которым Хабибуллах встречался в Медине⁴. Гази Мухаммед был отпущен царским правительством из России в 1870 г. сроком на 6 месяцев для совершения паломничества в Мекку и посещения отца, находившегося тогда в Медине. Ко времени приезда Гази Мухаммеда Шамиля уже не было в живых. Гази Мухаммед вернулся в Россию и через год был отпущен в Медину к семье покойного отца на постоянное жительство. В 1873 г. он переселился с семьей в Стамбул. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Гази Мухаммед служил в турецких войсках в чине дивизионного генерала. Затем, после поражения Турции, вынужден был опять переехать в Медину, где и жил до конца своих дней. Умер он в 1903 г. Встреча Хабибуллаха с Гази Мухаммедом в Медине могла состояться не ранее 1881—1882 гг. Мухаммед Тахир умер в 1882 г., т. е. примерно в то же время. Таким образом, продолжение хроники отца было для Хабибуллаха не случайным занятием, а как бы наследственной обязанностью. Кроме указанных доподлинно, Хабибуллах систематически пополнил хронику отца различными доходившими до него сведениями, легендами и рассказами. Его дополнения к различным главам легко проследить по примечаниям издаваемого нами текста (см., например, легенды об Ахульго, стр. 73 (араб.))

¹ Стр. 241 (араб.).

² Стр. 242, 243 (араб.).

³ Стр. 243—246 (араб.).

⁴ Стр. 251 (араб.).

В 1902 г., по инициативе владельца арабской типографии в Темир-хан-Шуре Мирзы Мавраева, принимавшего деятельное участие в издании трудов Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Хабибуллах приступил к подготовке хроники отца к печати. Царская цензура никоим образом не дала бы разрешения на издание этой хроники. Это понимал Хабибуллах и еще более учитывал Мирза Мавраев. Тогда Мавраев решает несколько переделать хронику: он советует Хабибуллаху, не изменяя ее основного содержания, опустить все те места, где автор нелестно отзывался о русских, заменить ругательные эпитеты более пристойными и дать произведению другое заглавие. В одном из своих писем к Хабибуллаху Мавраев писал: «Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство и переименовал название на «Крепости Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение на ее напечатание. Поистине, как часто цензура смотрит на название книги и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это и с миром»¹.

Хабибуллах переделал хронику в точном соответствии с указаниями Мавраева. В конце хроники Хабибуллах поместил «Разъяснение выражений», т. е. своеобразный подстрочный толковый словарь. Этот словарь помещен нами в алфавитном порядке корней вслед за текстом хроники. В ноябре 1904 г. Мавраев сдал рукопись в цензуру. Разрешение на издание этого, значительно переделанного «в интересах дела», как пишет Хабибуллах в своем послесловии, произведения Мавраев не получил. Труд Хабибуллаха пропал даром. Рукопись была похоронена в цензурных архивах. Вновь появилась она на свет только через 30 лет: в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии наук СССР наследники бывшего цензора мусульманских изданий проф. В. Д. Смирнова. В издаваемом тексте она использована нами в числе других рукописей. По примечаниям к тексту легко проследить все изменения и переделки, произведенные Хабибуллахом в произведении отца².

Начало составления хроники, как указывалось выше, следует относить к 1850—1851 гг., ее окончание, на основе последних записей Хабибуллаха, датируется 1904 годом. Хроника, таким образом, составлялась в течение пятидесяти с лишним лет.

Хроника Мухаммеда Тахира получила широкую известность среди горцев задолго еще до ее окончания. Написанная в Дарго первая часть хроники (включая главу о возвращении из русского плена Джемаль ад-Дина) считалась,

¹ Подлинник письма хранится в Дагестанском краеведческом музее в г. Махачкала. Перевод с арабского сделан мною.

² Автограф Хабибуллаха хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР (В 2521). В издаваемом тексте при ссылках эта рукопись обозначена «рукопись А».

вероятно, автором вполне законченного произведения. Копии с этой части хроники начали распространяться еще до падения Гуниба. О существовании произведения Мухаммеда Тахира были осведомлены и русские военные власти. Известный кавказовед того времени А. П. Берже, побывавший на Гунибе всего через несколько месяцев после его падения, получил в подарок от генерала Лазарева копию хроники Мухаммеда Тахира¹.

Полковник П. Г. Пржецлавский, назначенный после сдачи Шамиля начальником Дербентского уезда и поселившийся на Гунибе, также имел копию произведения Мухаммеда Тахира и уже в 1860 г. занимался переводом хроники на русский язык². Можно с уверенностью предположить, что копия хроники была и у отправившегося в калужскую ссылку Шамиля, так как она и составлялась собственно по его заказу и инициативе. Сын Шамиля Гази Мухаммед, находясь в Медине, также имел список этого произведения. Может быть, это был список, доставшийся ему в наследство от отца. Свой список Гази Мухаммед впоследствии подарил посетившему его в Медине известному турецкому литератору и поэту Мехмеду Акиф-бею Эфенди. Турецкий перевод этой рукописи был опубликован в Стамбуле в 1914 г. Как явствует из турецкого перевода, список Гази Мухаммеда также оканчивался главой о возвращении Джемаль ад-Дина, т. е. принадлежал к числу наиболее ранних копий.

Последующие известные нам по различным упоминаниям или в оригиналах списки хроники уже включают касыду Хаджи Мухаммеда ас-Сугратли и извлечения из сочинения Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки. Наиболее ранний из известных нам списков этой группы был скопирован с оригинала, по определению акад. И. Ю. Крачковского, в 1873—1874 гг. Кто был заказчиком и переписчиком этого списка, к сожалению, не установлено. Рукопись приобретена Институтом востоковедения Академии наук СССР в конце 1939 г. у одного проживающего в Махачкала арабиста — Абдуррахмана Казиева³.

Списки хроники распространялись не только в пределах одного Кавказа. Иногда они попадали в самые различные уголки мусульманского мира. Так например, в 1935 г. экспедиция Академии наук СССР приобрела в Астрахани список хроники, датированный 1899 годом⁴. Эта рукопись переписана дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гази-Гумуки, и была поднесена в дар известному астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба.

За пять лет до выхода в свет цитированного выше турецкого перевода Тахира аль-Мевлеви, в 1909 г., в Стамбуле был издан небольшой сборник стихов, извлеченных из хроники Мухаммеда Тахира. Сборник имеет одноименное с хроникой название. Издан он дагестанцем Тахиром ар-Ригали ал-Ху-

¹ Сделанный А. П. Берже перевод первых трех глав хранится в Архиве Академии наук СССР (Фонд 100, оп. I, д. № 195/15).

² Перевод П. Г. Пржецлавского, датированный 1 июля 1862 г., находится в Архиве Академии наук СССР среди бумаг историка Кавказа Н. Ф. Дубровина (Фонд 100, оп. I, д. № 44).

³ В тексте при ссылах данный список обозначен «рукопись К».

⁴ Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР (В 3712). При ссылах в тексте этот список озаглавлен «рукопись Б».

сейли, как указывает автор в предисловии, на его собственный счет. В этот сборник входит также и касыда хаджи Мухаммеда ас-Сугратли. Наличие в сборнике указанной касыды указывает на то, что источником для сборника послужил один из более поздних списков хроники. Таким образом, только в одной Турции по нашим, далеко не полным сведениям имелось два списка хроники: список, подаренный Гази Мухаммедом упоминавшемуся выше литературоведу Мехмеду Акиф-бею Эфенди, и список, послуживший источником для сборника стихов Тахира ар-Ригали ал-Хусейни. Есть все основания полагать, что при более тщательных изысканиях можно было бы обнаружить списки хроники Мухаммеда Тахира и в других мусульманских странах, в частности в Египте и Саудии.

Оригинал хроники, вероятно, находился у автора до конца его жизни. После смерти Мухаммеда Тахира автограф остался у его сына Хабибуллаха, который пользовался им при составлении списка, предназначенного для печати. О том, что Хабибуллах пользовался именно автографом, а не одним из списков произведения отца, говорят следующие факты: в списке Хабибуллаха содержится ряд отсутствующих в других списках сведений; судя по характеру этих сведений, они могли быть записаны только самим автором; значительное количество глосс рукописи Хабибуллаха, также не имеющих в других списках, заканчиваются пометкой «от автора», пояснения же и глоссы самого Хабибуллаха отмечены «от сына автора», и, наконец, обращение Мирзы Мавраева к Хабибуллаху с просьбой переработать рукопись отца для печати говорит о том, что Мавраев знал о месте нахождения автографа произведения.

Дальнейшая судьба оригинала хроники неизвестна; может быть, со временем он и будет обнаружен, но в данное время он уже недоступен.

При подготовке к изданию данной хроники передо мной была поставлена задача дать такой текст хроники, который по своему объему и содержанию наиболее приближался бы к утраченному оригиналу. Эта задача могла быть решена только при наличии нескольких копий, отражающих постепенные этапы нарастания хроники в течение пятидесятилетнего периода ее написания. При копировании арабоязычных произведений и документов даже самый аккуратный и грамотный переписчик не гарантирован от случайных ошибок, опусков и пропусков. Кроме того, в зависимости от предполагаемого назначения снимаемой копии, конкретной обстановки, политической ориентации, личных интересов и симпатий переписчика или заказчика в цовые списки, как правило, сознательно вносятся ряд изменений: некоторые места оригинала опускаются или, наоборот, дополняются новыми, отсутствующими в оригинале сведениями, пояснениями и комментариями.

Наглядным примером к сказанному может служить рукопись Хабибуллаха. Руководимый тщетной попыткой напечатать произведение отца, он вынужден был в угоду придирчивой царской цензуре значительно переделать хронику: опустить ряд мест текста, заменить все резкие и подчас грубые эпитеты авто-

ра, иногда дать совершенно иное изложение текста¹, дополнить произведение рядом сообщений и копиями документов, содержание которых совершенно не согласуется с духом и общей направленностью произведения² и даже изменить название произведения. В итоге получилась копия, во многом отличная от своего оригинала и в то же время, казалось бы, наиболее авторитетная, так как снята непосредственно с оригинала лицом, близким к автору произведения. Необходимо указать, что без сличения с другими копиями невозможно установить количество и характер допущенных Хабибуллахом отклонений; о внесенных им изменениях Хабибуллах очень глухо упоминает лишь в послесловии своей рукописи³.

Мотивы, побудившие переписчика или редактора внести те или другие изменения, не всегда могут быть известны. Если по случайно обнаруженному письму Мирзы Мавраева и пометке на самой рукописи о том, что она представлена в цензуру, можно с известной определенностью установить причины, побудившие Хабибуллаха внести в рукопись изменения, то некоторые изменения в других списках хроники объяснить невозможно. Совершенно ничего определенного нельзя сказать, например, о пропуске в астраханской рукописи (рукопись Б) касыды Мирзы ал-Ахди, написанной им во время его заключения у Шамиля⁴.

Учет истории создания хроники и особенностей каждой из имевшихся у меня, первоначально, трех копий⁵ привел к выводу о необходимости привлечения дополнительных списков, предпочтительно различных дат написания. Вскоре в Махачкала мною были обнаружены еще две рукописи⁶, которые удачно восполнили имевшийся пробел.

При подготовке текста, таким образом, появилась возможность использовать пять рукописей, даты написания которых последовательно расположены в пределах 60 лет (К 1872 г. — Б 1899 г. — А 1904 г. — без шифра 1929 г. и В без даты). Важно также отметить, что места нахождения рукописей различны: Махачкала (2 рукописи), Тбилиси, Астрахань и рукопись А из царских цензурных архивов.

¹ Ср., например, текст хроники в рукописи Хабибуллаха на стр. 96, примечание I, где речь идет о женитьбе Шамиля на взятой в плен армянке Шуаванат.

² Имеются в виду тексты документов и содержание речей, приведенных в «дополнении» (см. стр. 241 (араб.).

³ Стр. 254, 255 (араб.).

⁴ Мирза Али был взят Шамилем в плен во время сражения в селении Ахди в 1848 г. Затем в качестве заложника от этого селения он находился в заключении. В своей касыде Мирза Али сетует на постигшую его горькую участь.

⁵ Первые две—упоминавшиеся выше автограф Хабибуллаха (рукопись А) и астраханская (рукопись Б), третья—фотоснимок со списка, хранящегося в Тбилиси, любезно предоставленный мне в пользование проф. Г. В. Церетели.

⁶ Разобранная выше рукопись К и вторая, почти буквально ее повторяющая и, вероятно, восходящая к очень близкому к рукописи К списку. Последняя рукопись, как наиболее поздняя по времени написания (1929 г.) и тождественная рукописи К, привлекалась при подготовке текста только для справок.

При установлении критического текста, в случае разночтений в отдельных рукописях, предпочтение отдавалось тексту, имеющемуся в большинстве рукописей, или же—рукописи К, как наиболее ранней. Транскрипция и огласовки собственных имен и географических названий приняты преимущественно по рукописи А, так как в ней наиболее полно даны имена и тщательно расставлены огласовки и диакритические знаки у литер, применявшихся в то время в Дагестане дополнительно к арабскому алфавиту. Допущенные в хронике отклонения от норм арабской грамматики и синтаксиса мною сохранены в издаваемом тексте.

Говорящие на языках яфетической системы народы Дагестана, пользуясь при письме арабским языком, неизбежно должны были ощущать трудности не только в области передачи фонетических особенностей своих языков, но также и в области морфологии и синтаксиса. Возникла вполне закономерная потребность в дополнительных к арабской грамматике средствах передачи звуков и мысли. Особенно острая потребность в дополнительных средствах фонетической передачи ощущалась при написании местных географических названий и собственных имен. Кроме того, арабская лексика постепенно пополнялась новыми словами и терминами, заимствованными из других языков, в частности аварского и русского.

Издаваемая хроника Мухаммеда Тахира, помимо ее исторической ценности, представляет также исключительный интерес и с филологической точки зрения. Впервые на страницах этого относительно крупного произведения мы можем всесторонне проследить все те нововведения и дополнительные средства выражения фонетики и мысли, которыми пользовались в Дагестане в XIX в. Наличие же нескольких списков одного и того же сочинения дает, кроме того, еще и богатый сравнительный материал, вполне достаточный хотя бы для предварительного и поверхностного изучения этих новых для арабского языка филологических явлений. Для передачи ряда звуков и фонем, имеющих в дагестанских языках, но отсутствующих в арабском, в хронике, как и в других письменных документах того же периода, применены дополнительные литеры.

Некоторые из этих литер к тому времени, вероятно, еще недостаточно прочно вошли в алфавитную систему и не твердо закрепили за собой соответствующие комбинации звуков. Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, чередование при написании одних и тех же слов или названий литеры. Одновременно с этим недостаточно четко различались, а поэтому иногда смешивались, некоторые арабские звуки. Все эти особенности в транскрипции оставлены мною неизменными и их необходимо учитывать при чтении данной хроники. Дополнительные средства выражения и уточнения излагаемой мысли были найдены дагестанскими учеными в своеобразной системе под- и надстрочных пояснительных значков¹. Попутно необходимо отметить, что расшифровать эти

¹ Подробно об этих значках см. мою статью «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа» (Советское востоковедение, III, Изд-во Акад. наук СССР, 1945), стр. 183—214.

значки, долгое время остававшиеся непонятными арабистам, мне удалось лишь благодаря текстам хроники.

Пополнение лексики шло, главным образом, за счет привлечения русских терминов и названий военных чинов и титулов. Лексическая сторона хроники Мухаммеда Тахира исследована акад. И. Ю. Крачковским в цитированной выше его статье «Новые рукописи истории Шамиля»; кроме того, к издаваемому тексту приложен указатель всех употребляющихся в хронике русских и отчасти вообще неарабских слов.

Морфологические особенности языка хроники касаются исключительно местных географических и этнических названий и образованных от них прилагательных. Очень часто при написании этих названий автор пользовался одно временно нормами арабского и аварского (или других соседних с ним) языков.

Так же часто автор хроники употреблял местные названия (аварские и чеченские), нигде до сих пор на картах не зафиксированные. Расшифровка этих названий может быть выполнена только лицом, хорошо знающим дагестанские языки и местную историческую географию. По моей просьбе известный специалист в этих областях проф. А. Н. Генко любезно взял на себя труд идентифицировать ряд таких названий с общепринятыми. Им составлен прилагаемый к данному предисловию «Географический указатель», за что и приношу ему свою искреннюю благодарность¹.

Вся работа по подготовке и изданию данной хроники и русского с нее перевода велась мною под непосредственным руководством и контролем акад. И. Ю. Крачковского. Его строгая требовательность и в то же время неизменная внимательность дали мне возможность справиться с поставленной задачей.

Девять лет тому назад И. Ю. Крачковский первый поставил вопрос о необходимости изучения дагестанских арабоязычных произведений как весьма ценных источников для истории народов СССР. Затем он взял на себя инициативу подготовки ряда переводов наиболее важных из этих источников и издания их в арабском оригинале. Выход в свет хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи в арабском оригинале и русском переводе — первый результат этой его инициативы².

Июнь 1941 г.

А. БАРАБАНОВ

¹ В материалах А. М. Барабанова рукопись упомянутого указателя не была найдена, и он не мог быть напечатан.

² Последние части настоящей работы, равно как и предисловие, печатаются без окончательного просмотра и корректур издателя, который с начала войны находился на фронте. В связи с этим редактор не имел возможности проверить ряд мест в арабском тексте, казавшихся искаженными, равно как удалить недоразумения в глоссарии и указателе, или восполнить пробелы, оставленные издателем до набора всей работы. Можно все же надеяться, что и в таком виде текст, печатавшийся по необходимости спешно, послужит основательной базой для углубленного изучения этого важного памятника

БЛЕСК ГОРСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Создал эту книгу Мухаммадтахир Карахский.

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. На все воля великого Аллаха. Хвала—Аллаху, который возвысил борцов за веру великой наградой над теми, кто сидит по домам. Да будут благословение и приветствие всевышнего Аллаха над нашим пророком Мухаммедом, его семьей и его сподвижниками, а также над их последователями на поприще священной войны, учения и обучения.

А далее:

На протяжении последних веков дагестанцы¹ считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих к проведению в жизнь исламских решений и запрещающих мерзкие с точки зрения мусульманства поступки. Дагестанцы руководствовались тогда обычным правом (**расм**)². Мало того, дагестанские кадии толкали народ к использованию обычного права, восхваляли главарей (**раис**) за проведение этого права в жизнь и его развитие, и даже обозначали его термином «адлу»³.

А сколь мерзкими были их поступки при встречах и общении, особенно с неверными русскими^{а)}. Дагестанцы ходили вместе с ними даже воевать против мусульман. Дагестанцы общались с неверными днями и ночами — общались деды, их дети, внуки и братья. Дагестанцы отдавали неверным в залог своих сыновей, нища для себя милостей. Дагестанцы делали своими правителями разных идолищ из числа неверных или своего дагестанца, чьим поведением, однако, были довольны неверные. Дагестанцы предпочитали службу императору (**патишах**), искали его расположе-

а) К-приписка: «**Мюрид**—на языках тех, кто проживал в стране (**вилаят**) имама Шамиля—это тот, кто действует под шариатским управлением и повинуется ему, хотя бы внешне. **Мунапик**—тот, кто присоединился к неверному врагу, убежал к нему или поселился под его управлением; его именуют так, даже если будет искренним правоверным

В этих двух значениях эти два слова употреблены в этой книге в ряде мест».

ния, одобряли его политику и считали ее вещью крайне необходимой для становления своей мирской и загробной жизни. Законы же мусульманской религии, которые установил для них всевышний Аллах, эти дагестанцы считали порочными и губительными, а ведь «Мы принадлежим Аллаху и к нему мы [после смерти] возвратимся»^{а)}.

Затем, однако, всевышний Аллах оказал дагестанцам милость — послал ученого исследователя, храбреца, познавшего Аллаха, мученика за веру, которому подчинялись, Газимухаммада — да будет благословенна его тайная святая и похвальная мысль! — для: возобновления изучения шариацких законов⁴, выпрямления искривлений, имевшихся в высокой мусульманской общине, введения забытых ранее исламских церемоний и исполнения предписаний Корана, заброшенных с давних времен.

Затем Аллах поставил на место Газимухаммада мудрого ученого, доблестного храбреца, отважного мученика за веру, потомка благороднейших из неарабов (аджам) Хамзата и направил его по пути Газимухаммада. Да будет ему земля пухом, а рай — обителью!

Затем Аллах направил ученого, познавшего Аллаха, внушающего почтение и симпатии, борца за веру, стойкого против мощной силы и бедствий, чьи результаты в священной войне получили известность на западе и востоке до такой степени, что его упоминали в своих молитвах с пожеланием победы, завоеваний, успехов и долголетия люди, пребывающие в Мекке и Медине, шейхи Балха⁵ и Бухары⁶, прочие праведники из различных стран света, а пetersбургцы, москвичи и сибиряки были в восхищении — Шамиля.

Это^{б)} произошло лишь по милости всеведущего Аллаха!

Эти личности породили удивительные события, великие сражения, бросаясь при этом лично на явную гибель в противостоянии могущественным русским и вражде с их помощниками-вероотступниками, ренегатами по отношению к мусульманской религии. А ведь они действовали в стране с чрезвычайно ограниченными средствами к существованию, с малочисленным населением и нехваткой снаряжения, большая часть населения которой предалась неверным в жадном устремлении к тому, что находилось у них в руках и предпочитая ад.

Мы описали некоторые из тех событий и сражений для того, чтобы они послужили примером на будущее, наставлением для вдумчивых, образцом для проникательных. Назвали мы этот труд:

а) Коран.

б) Б. К.—приписка: «То есть упомянутое о его блестящей и высокой личности». К имеет дополнительную приписку: «Посмотри «Сражения при Ахульго».

«Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах». Дело в том, что Шамиль — очевидец мученической гибели за веру Газимухаммада и Хамзата, человек, отличившийся в большинстве сражений и при [ликвидации] величайших раздоров.

Сбор же и запись всех подробностей этих сражений заполнили бы целые тома, слушание содержания которых поразило бы слух и разум. Всевышний Аллах в состоянии сотворить то, что Он желает. Он — патрон и прекрасный помощник ^{а)}.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ДЕЯНИЙ ГАЗИМУХАММАДА

[1826/27 г.]

В тысяча двести сорок втором (1826/27) году — когда всевышний Аллах пожелал обновления ^{б)} своей религии, отделения приятного от мерзкого и прославления одних горцев удачными битвами, а других мученической гибелью за веру — выступил некий муж, не имевший родственников (**ашира**), у которых бы он укрылся ^{в)}, и власти, дающей силу над теми, кого богатства приучали к роскоши, а обилие вина привело в возбуждение. Это был направленный к истине милостью небес ученый Газимухаммад Гимринский (Гимрави) — да будет благославленной его тайная мысль!

Он призвал ^{в)} людей: считать обязательными для себя решения шариата и действовать согласно им, а также отвергнуть обычное

а) Предисловие рукописи А: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного Хвала Аллаху, который обновляет светлейшую мусульманскую религию в начале каждого века, как то сказал лучший из пророков Мухаммед. Да благославит Аллах и приветствует его самого, его семью и его сподвижников—богобоязных имамов!

А далее:

Это—книга, в которой упомянуты события, произошедшие в Дагестане в последние годы. Создал ее ученый Мухаммадтахир Карахский-Дагестанский, а отредактировал, как это требуется для печатного издания, его сын. Успех и польза достигаются благодаря лишь всевышнему Аллаху.

На протяжении последних веков дагестанцы считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих их придерживаться исламских решений. Большая часть приговоров, имевших место среди них, разрешалась согласно обычному праву (**расм**). Кадни дагестанцев, за исключением немногих, воздерживались от [шариатских] приказов и запретов, вместе с невежественными дьялами пили вино, развлекались и курили».

б) К—«напряжение».

в) А—«... возбуждение. Он поднялся и начал усердно изучать науку, говоря: «Я изучаю науку только лишь для проведения в жизнь дела религии. Это был Газимухаммад Гимринский-Дагестанский—да помилует его всевышний Аллах! Когда же он подробно изучил науки, то призвал...»

право и полностью оставить его. Он загремел, как гром, сверкнул, как молния и создал трактат, в котором обвинил в неверии приверженцев адата, названный потом «Блистательным доказательством отступничества старшин (ариф) Дагестана».

Он сочинил об этом и следующее стихотворение:

Нормы обычного права — собрания трудов поклонников сатаны.

Господь еще рассудит между Мухаммедом и сатаной, который создал для гибнущих подлое обычное право.

Если последователь пророка получает прочную путеводную нить,

то сторонники обычного права не получают даже слабейшего помощника.

Они еще узнают: кто из них двоих исполняет обещания,—

когда однажды увидят сатану хмурым.

Милостивый Аллах ведь отдалил людей, любивших обычное право

от райского водоема в день тайных помыслов!

Если сторонник обычного права будет равным шариатисту,

то значит в нашей среде нет разницы между праведником и нечестивцем.

Для чего же посылались пророки, установлены божественные законы,

и ниспослан Коран с этими предзнаменованиями?

Как же можно жить в доме: где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха не приемлема?

Где святой ислам отрицают,

а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку?

Где презреннейший считается славным, а развратный—справедливым, где мусульманство превращено в невесть что?

Где человек, отдающий приказ о совершении благодеяний, подозревается в том, что он портиг,

а запрет порицаемого исламом оказывается не имеющим силы?

Если бы жизнь пророка была продлена до этого времени,

то его индийский меч был бы обнажен!

Если кто-либо из людей возразит этому, то я скажу ему:

«Выступать с отрицаниями экспромтом неразумно».

О, отчужденный от исламского мира! Ты двинулся вечером в путь.

Так приветствуй же того, кто похоронен в земле—
Благородного пророка-хашимита⁸, у которого ищут заступничества,

Посланника Аллаха — могучего Мухаммеда.

Все эти люди разбрелись к нынешнему времени из-за бедствий и вражды.

Их беспокоят свое положение и свои дела,
а не исполнение заповедей Аллаха, запрет осужденного исламом и верный путь.

Из-за своего характера и грехов они раздробились и ими стали править неверные и враги.

Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы

И говорю, что если вы не предпочтете покорность своему Господу, то да будьте рабами мучителей.

Характер горцев после всяких отговорок, наконец, смягчился. Они согласились на принятие шарията^{а)}.

[1828 г.]

Газимухаммад пошел в город чиркеевцев (чирка)⁹ и призвал их к шарияту. Они согласились примерно за месяц. Группы людей (кавм)¹⁰ волей-неволей одна за другой стали его последователями.

[1829 г.]

Один надежный человек рассказал мне со слов слуги старого шамхала¹¹, что Газимухаммад в одиночку разгневанным пришел к шамхалу и грубо сказал ему: «Вводи шарият в своем вилайете¹²». У шамхала изменился цвет лица, он размяк и сказал: «Я сделаю это, сделаю». С этим Газимухаммад и ушел, а шамхал сказал слуге: «Ей богу, я был близок к тому, чтобы намочить в штаны в страхе от него». Казалось одно время, что шамхал вроде бы подымается ради совершения того дела, но так он никуда и не продвинулся¹³.

а) А—приписка: «то есть на принятие шариятских решений».

Затем, через ученого Мухаммада-эфенди Ярагского ^{а)} ¹⁴ и Джамалуддина Казикумухского (Газигумуки) ¹⁵ — да помилует их обоих всевышний Аллах! — распространилась в горах благодать шейхов тариката ¹⁶. Для проведения в жизнь шариатских решений эта благодать была как весенний дождь для ростков растений.

Газимухаммад написал послание в адрес различных краев и областей, в котором присутствовало дружелюбие по отношению к правоверным и угрозы бунтовщикам, высокомерно отказывающимся от истины.

Вот копия ее текста:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Он — всевышний Творец, к которому обращаются за помощью.

Наше дело идет. Мы — рабы всевышнего Аллаха, люди мощные, побеждающие любого грубого тирана.

Каждому кто противодействует шариату и противится образу жизни людей благонравных.

Привет тем, «кто внимает словам Аллаха, следует лучшему из них» ^{б)} и принимает ислам в качестве своей религии.

А далее:

Эй, вы, мерзавцы!

Знаете, что мы принесли в жертву наши души и нашу жизнь ради возвышения слов всевышнего Аллаха. Мы запродали себя, страстно желая угодить всевышнему Аллаху.

«Если у вас будет какая-либо хитрость, то применяйте ее, ^{в)} но пусть грядущее положение ваших дел будет ясным для вас. Не выжидайте, ибо «когда мы спустимся на территорию какого-либо племени, утро для выжидающих окажется неприятным» ^{г)}. Если вы раскаетесь, то ваше имущество будет принадлежать вам. «Не притесняйте других и вас не будут притеснять» ^{д)}.

В противном же случае — как только холода скинут свою шубу, и тепло оденет свои одежды, «мы придем к вам с войсками, против которых вам не устоять» ^{е)}. «Мы выгоним вас из ваших селений униженными, и при этом вы будете покорными» ^{ж)}. «Мы заставим вас вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее из мучений; может быть, вы опомнитесь» ^{з)}.

а) А—«Кудалинский»; читай: «Куралинский», то есть «Кюринский».

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

д) Коран.

е) Коран.

ж) Коран.

з) Коран.

Мы — люди смиренные перед правоверными и могущественные в отношении неверных выступили для оказания помощи нашим правоверным братьям, которые раскаялись и поклоняются Аллаху.

Да будет над вами мир вплоть до Судного дня!

А далее:

«О, благородные братья! Терпите, проявляйте настойчивость, постоянно занимайтесь и бойтесь Аллаха! «Авось вы и достигните успеха»^{а)}. «Может быть, Аллах сдержит могущество притесняющих»^{б)}. «Аллах ведь не будет устраивать дела тех, кто портит»^{в)}. Вы поэтому терпите до тех пор, пока мы не придем к вам. Не повинуйтесь приказам тех, кто вносит расстройство. «Не будьте слабыми, не печальтесь: вы ведь самые высшие!»^{г)}.

Да будет мир над тем, кто следует правильному пути, а ложный оставил.

Если мы увидим, что кто-либо не знает: фатиху¹⁷, шахада¹⁸, прочие столпы ислама и условия исполнения молитвы; значение слов — «шахада», «иман» и «ислам»; высказываний и действий, делающих человека неверным (кафир); четыреста девяносто семь тяжелых преступлений,—то такого человека мы подвергаем соответствующему наказанию.

Вот так.

Все!»

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ГАЗИМУХАММАДОМ

[1830 г.]

Газимухаммад увидел, что в вопросе религии люди разошлись на несколько категорий: одни поднялись для установления шариатских решений и проведения их в жизнь; другие встали, чтобы потушить свет шариата и возвысить свои обычаи; третьи колебались между ними. Тогда он собрал войско для обхода сел и городов (балда), чтобы дать указания покорным, выправить искривившихся и сломать шеи преступных вельмож селений.

Газимухаммад вступил сначала в селения Каранай¹⁹ и Эрпели²⁰. Их жителей он подверг дрессировке и дал им надлежащее воспитание²¹. Кадия²² же и вельмож Караная он отправил в гимринскую тюрьму. Потом Газимухаммад пошел в Араканы (Хара-

а) Коран

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

кан) а) ²³. Араканцы повиновались ему и поддались, а их старый б) ученый — известный Саид ²⁴ убежал на Равнину под опеку русских. В доме Саида было тогда разлито содержимое винных кувшинов, имевшихся в Араканах. Потом Газимухаммад перешел к унцукульцам (ансал) ²⁵. С ними он обошелся мягко, расположил их к принятию шариата и подчинению последнему.

Относительно некоторых газимухаммадовых — да будет благословенна его тайная мысль! — чудес люди рассказывают, что он сказал унцукульцам примерно следующее: «Вы желаете возврата к тому, что было прежде — посещать Равнину для продажи там яблок и вина. Но ведь к вам придет затем второй, который обременит вас, а еще вы увидите: что сделает с вами третий» в).

Потом Газимухаммад прибыл в область гумбетовцев (баклу-лал) ²⁶. Он дал им приказы и установил запреты, а также побил кадия мехельтинцев (милил) ²⁷. *Они подчинились, и тогда он взял их с собой в вилайат андийцев (андал) ²⁸. В селении Гагатль (Гагал) ²⁹ те дали ему сражение. Там пали мучениками за веру мужи из числа мехельтинцев г) и других, но было убито и много андийцев. Последние были там побеждены и возвратились назад покорными, смиренными и послушными д) всему, что было приказано и на что был наложен запрет.

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В ХУНЗАХЕ

[1830 г.]

Так как жители Хунзаха и его глава являлись источником всякой смуты и раздора, убежищем для любого злодея, бунтовщика и изгоя, Газимухаммад выступил против них с войсками, состоящими из многочисленного сброда е). Он отправился против города главы хунзахцев — Бахубике ж) ³⁰.

Рассказывают, что она, во время вторжения в тот город мюридского войска, торчала на плоской крыше, ободряла хунзахцев и поддерживала их.

а) Б—«спасение».

б) Можно иначе: «шейх».

в) А, Б, К—«Он вроде бы подразумевает под вторым Хамзата, а под третьим Шамиля. Мы—если захочет всевышний Аллах—еще пойдем это (От него)»

г) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

д) К—«качающиеся».

е) А—дано пояснение: «смесь, простонародье».

ж) А—пояснение: «дочь Уммахана».

Газимухаммад повел с собой войско хиндалальцев³¹, а своего ученика и особо верного товарища Шамиля³² назначил руководителем войска гумбетовцев. Тот повел их со стороны кладбища; чтобы оттуда запрыгнуть в город. Хунзахцы вели по ним обстрел из ружей, подобный граду, идущему с небес. Шамиль и около тридцати юношей из числа тех, кто был с ним, все же проникли в один дом и закрыли перед собой ворота—забаррикадировались. Много гумбетовцев и других мюридов стало тогда мучениками за веру.

Те же, кто были вместе с Газимухаммадом и наступали с восточной стороны, — отошли в сторону. Говорят, что гумбетовцы даже напали сзади на хиндальцев, когда те отступили.

Гумбетовцы и хунзахцы (хунз) заключили мир и один мехельтинец прокричал об этом прочим хунзахцам. Он же закричал тем, кто находился в доме: «Выходите! Вам вреда не сделают!» Шамиль, однако, терпел^{а)} до заката, опасаясь, что тут какая-то хитрость. Потом они все же вышли.

Шамиль подошел к гумбетовцам. Те же собрались против него толпой, окружили его и начали теснить. Они отчитали Шамиля, говоря: «Эта смута произошла от вашего злополучия», — отняли у него оружие и чалму и чуть было не убили. Шамиль освободился лишь благодаря дервишу³³ Нурмухаммаду Инховскому³⁴, его товарищам (**рафик**)³⁵ и Хадису Мехельтинскому — сыну того побитого кадия. Произошло это в первую ночь рамазана 1245/1830 года, в конце зимы³⁶.

Мунапик³⁷ обрадовался той битве. К ним склонились колеблющиеся, а среди других людей появились вялость* и чувство униженности^{б)}.

Газимухаммад и его товарищи осели за селением Гимры в пустынной местности и выкопали для себя — применяя кладку — подземные комнатки (худжра) и мечеть³⁸.

Вскоре после возвращения Газимухаммада с хунзахской битвы произошло^{в)} сильное землетрясение. Затем среди людей распространилась великая холера, и тогда они как будто очнулись³⁹.

В месяце зу-л-хиджа в ночь курбан-байрама из-за коварства Бахубике на Газимухаммада напали русские. Произошел бой, после которого гимринцы отдали им в качестве залога и символа перемирия двух порочных мужчин из своей среды. Газимухаммад не был, однако, согласен на это⁴⁰. Данное обстоятельство и толкнуло его на сооружение крепости Агач⁴¹.

а) Б, К—«заставил их потерпеть».

б) Б—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—приписка: «об этом еще будет сказано».

ГЛАВА О БИТВЕ ХАМЗАТА В ДЖАР-ТАЛА

[1830 г.]

Осенью того же года, а это был второй год после постройки Джарской (Чар) крепости⁴², Хамзат, спросив разрешение у Газимухаммада, привел с разных сторон великое войско в Голода⁴³. Джарцы и те, кто действуют вместе с ними⁴⁴, были согласны с Хамзатом. Русские же из той крепости выступили против них.

Хамзат и джарцы дали ожесточенное сражение. Было убито множество русских. Горцы обратили их в бегство по направлению к крепости и те, убегая, даже оставили позади себя пушку.

Горцы взяли ее, раздели убитых⁴⁵ из числа русских и затем применили всяческие уловки, чтобы испортить ту пушку, но не получилось.

Когда Хамзат увидел, что горцы не могут выжить неверных из крепости, то захотел получить охранную грамоту для Джарского вилаята. Вместе с Шихшабаном Богнадинским⁴⁶ он пошел в крепость, но там их арестовали и отправили в Тифлис⁴⁷. Там они оба пробыли некоторое время. Затем их освободили в связи с перемирием, но в залог Хамзат отдал двух сыновей [их обоих]⁴⁸.

Хамзат засел после этого у себя дома и изучал науку до тех пор, пока ему не объявили о смерти сына, отданного в залог ради него. В тот же день он направился к Газимухаммаду—да будут благословенными их тайные мысли!

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1831 г.]

На шестом году весной Газимухаммад с примерно 148-ю мужчинами выступил для сооружения крепости Агач; между ней и Казанцем около часа пути.

Затем выступили* шамхал и Ахматхан^{а) 49} вместе со всем населением Равнины, но мюриды нанесли им жесточайшее поражение. Подавляющее большинство населения Равнины склонилось тогда на сторону Газимухаммада и подчинилось его приказам.

Второй раз туда пришли уже русские. Они остановились около Арюв-терека⁵⁰. Часть тех мюридов, которые находились в крепости, под предводительством Алисултана Ундукульского⁵¹ выступила против них. Они нанесли русским поражение и убили некоторых из них. При этом мучениками за веру пали лишь двое мюридов, а дервиш Нурмухаммад Инховский был ранен⁵².

а) В. К.—«шамхал-хан и Ахмадхан».

Русские затем пришли в Кафыркумух⁵³. Газимухаммад же со своим войском пошел к Атлыбуюну⁵⁴; между последним и Таркинской крепостью⁵⁵ один час пути.

Русские отряды пошли на мюридов [засевших в Атлыбуюне] с двух сторон, и те сразились с ними также с двух сторон. Горцы перебили многих из них и нанесли им жесточайшее поражение. Толпы русских собрались там вторично, но у них не было уже сил вести сражение из-за страха перед Газимухаммадом⁵⁶.

Затем Газимухаммад бросился на селение Параул (Пари)⁵⁷, где находились сокровища и драгоценности шамхала и остальных вельмож. Он взял все, что было там, и доставил это в крепость Агач⁵⁸.

ГЛАВА О БИТВЕ У ТАРКИНСКОЙ КРЕПОСТИ

[1831 г.]

Затем Газимухаммад выступил против Таркинской (Таргу) крепости. Горцы смело бросились в нее. Говорят, что они проникали в нее через амбразуры для пушек.

Рассказывают: «Один гимринец подошел к Газимухаммаду сообщить радостную весть, что крепость уже взята. Тот, однако, ответил ему, что крепость не возьмут, но такова воля всевышнего Аллаха. «Ты иди» — сказал [имам] — «Я сейчас подойду».

Когда мюриды сражались внутри крепости, в пороховой погреб, вокруг которого находились наши воины, вдруг попал огонь. От этого произошел взрыв и в результате из нашего войска было уничтожено тогда около тысячи двухсот мужей, в том числе около восьмидесяти чиркеевцев.

После той битвы в Тарки пришли русские сражаться против Газимухаммада. Произошел бой. Газимухаммад три раза бросался там в гущу русских, а храбрец Нурмухаммад Зубутлинский⁵⁹ убил тогда саблей солдата, который вознамерился было нанести Газимухаммаду удар штыком^{а)} ⁶⁰.

Дополнение: примерно через двадцать дней после той битвы родился Джамалуддин — сын Шамиля. Хвала—Аллаху, Господу миров!

а) К-приниска: «От взрыва в Таркинской крепости, произошедшего во время Газимухаммада, погибло около тысячи двухсот воинов; при взятии селения Чох убито около двухсот, а ранено тысяча двадцать пять душ; при взятии Уцуккульской крепости убито около ста двадцати душ, а ранено тысяча пятьсот двадцать душ. Во время этих трех событий, произошедших в их обоих время, понесены наибольшие потери. (От него)».

ГЛАВА ОБ ОСАДЕ ЭНДИРЕЕВСКОЙ КРЕПОСТИ И СРАЖЕНИИ В АКТАШ-АУХЕ

[1831 г.]

Абдулла Ашильтинский⁶¹ с войском салатавцев⁶² осадил город Эндирей⁶³ и его крепость⁶⁴. К ним пошел и Газимухаммад.

Эндиреевцы и русские находились в осаде около полутора месяцев. Затем, однако, Газимухаммад узнал, что со стороны на мюридов наступают русские, и тогда он разрешил войскам возвратиться назад. Большая часть войск, сформированных из черни, возвратилась и поэтому русские, пришедшие со стороны, вступили в сильное сражение лишь с теми, кто остался вместе с Газимухаммадом.

Он собрал затем войско и засел в Чумлы — неприступной местности, расположенной между Эндиреем и Аухом⁶⁵.

Тут пришли отряды русских, вступили в селение Акташ-аух⁶⁶ и начали жечь его. Их, однако, прогнали оттуда, нанеся позорнейшее поражение, два брата [ауховца], которые оба пали затем мучениками за пределами селения. Говорят, что когда мать нашла их обоих, то не заплакала, не выказала печали, а напротив — явно обнаружила ликование и радость по поводу той мученической кончины, которая поразила их. Она даже пожалела, что еще один ее сын не оказался вместе с ними и не стал мучеником, как те двое; он отсутствовал, будучи в поездке*. «Легко переносить утрату, когда источником помощи является Аллах»^{а)}.

Русские начали возвращаться и тут Газимухаммад разжег против них пламя войны. Многих из них он убил, а остальных обратил в бегство, в сторону Эндирея. Он отнял у русских прекрасную пушку и доставил ее в Чиркей⁶⁷.

Жителей Эндирея Газимухаммад перевел затем в некую местность, которую он купил за пятьдесят туманов⁶⁸, взятых из казны (байтулмал), для организации там поселения. Те, кто находился около эндиреевцев, также перебрались туда, а он ушел к себе домой.

Затем русские пришли в Кафыркумух. Газимухаммад же ушел тогда на осаду крепости Дербент. Он держал ее в осаде около пятнадцати дней. Там произошли бои^{б)}, затем к Газимухаммаду пришли: находившийся ранее в Табасаране познавший Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский — да будет благословенна его тайная мысль! — и те, кто были вместе с ним⁶⁹.

Газимухаммад вернулся назад вместе с Мухаммадом-эфенди и поселил его сначала в Эрпели, а затем в Чиркее⁷⁰.

а) Коран.

б) А—«бой».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР

[1831—1832 гг.]

Осенью Газимухаммад собрал войско, так как ему был дан на-мек, что русские идут на Гельбах⁷¹, и со стороны Чечни пошел к Кизляру⁷². Он захватил его, взял оттуда огромные богатства и многих пленил⁷³.

Со слов одного черкеса⁷⁴, который находился в Кизляре во время его захвата Газимухаммадом, рассказали: «Вдруг прилетели полчища черных воронов, такие что их множество закрывало солнечный свет. Они облетели вокруг крепости русских, которых отвлекло и привело в замешательство их карканье. Когда же войско Газимухаммада ушло, эти вороны понемногу исчезли».

Когда Газимухаммад пошел на Кизляр, проклятый сардал^{а)}⁷⁵ подошел к Чиркею с многочисленными полками. Чиркеевцы, однако, с разрешения шейха Мухаммад-эфенди Ярагского, заключили с ним перемирие и возвратили ему^{б)} ту пушку. Тогда же эфенди перебрался в селение Игали⁷⁶, а эндиреевцы и те, кто переселялся [в горы], вместе с ними возвратились в свои первоначальные обиталища⁷⁷.

Затем Газимухаммад собрал войско и двинулся к крепости Бурав⁷⁸. Он приблизился к ней, но там был сброшен с коня сильным потоком воздуха, созданным пролетающим по близости ядром, выпущенным из пушки неверных. После этого Газимухаммад возвратился назад.

ГЛАВА О ВТОРОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1832 г.]

Против крепости Агач пришли сражаться русские и все жители Равнины. Газимухаммада там тогда не было; в ней находились: Шамиль, Хамзат и Санд Игалинский.

Шамиль выступил на врагов вместе со своими гимринскими товарищами. Когда, однако, дело приняло серьезный оборот эти товарищи разбежались. С ним осталось лишь трое. Они то и разбили отряд врагов с одного фланга, обстреляв их тыл из ружей, и затем отбежали в крепость.

а) А—«сардар-глава».

б) А—«ним».

Хамзат, Шамиль и часть тех, кто были в крепости вместе с ними, дали сильное сражение. Они убили много неверных, которые уже окружили крепость со всех сторон, но никак не могли заскочить внутрь.

Сражение продолжалось, а когда наступила ночь, враги отошли немного* от нее^{а)} назад, и те, кто находился внутри, начали раздевать тех, кого они убили. Затем они вышли наружу и покинули крепость⁷⁹.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ГАЗИМУХАММАДОМ И ПОХОДЕ В ЧЕЧНЮ

[1832 г.]

Когда чиркеевцы и другие соседи Газимухаммада перешли к неверным⁸⁰, он собрал войско и двинулся весной к чеченцам, для исправления их и открытия военных действий [против царских войск] с чеченской стороны. В этот поход выступил вместе с ним познавший всевышнего Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский.

Газимухаммад вступил на землю чеченцев и сжег некоторые их селения. В Гудермесе (Гуйдурмас)⁸¹ на мюридов напало пятьсот русских кавалеристов, но горцы их перебили и лишь трое из них спаслись. Все убитые были раздеты, горцы взяли также две пушки и кое-что другое бывшее у кавалеристов. На следующий день подошли многочисленные отряды русских. Произошло сражение, после которого* воины Газимухаммада^{б)} повернули назад: те две пушки, однако, они все же доставили в селение Беной (Баян)⁸².

Газимухаммад возвратился^{в)} из Чечни, говоря: «Эти отряды еще придут на меня, и я погибну мучеником за веру перед воротами моего двора». Затем он начал подготавливать к боям одно труднодоступное место, расположенное в теснине ирганайского (рикун)⁸³ ущелья,—копать ров, возводить строения. Этим он занимался до начала осени.

Со слов одной гимринской женщины — дочери дяди Газимухаммада по линии матери и одновременно дочери тетки Шамиля по линии отца, рассказывают: «Она в числе других женщин посетилла Газимухаммада в Ирганеае, и он в ходе беседы сказал им:

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

б) К—«наши воины».

в) А—«Отступление, повествующее о некоторых похвальных поступках Газимухаммада и чудесах, сотворенных им.

Газимухаммад возвратился...»

«Вскоре я разлучусь с вами». Женщины заплакали и сказали: «Кто же будет у нас после тебя?» Он ответил: «Шамиль окажет вам милость», тогда женщины сказали примерно следующее: «Он не будет для нас таким, как ты», а Газимухаммад сказал: «Шамиль будет жить долго. Я видел во сне «Будто по реке плыло два бревна, одно из которых принадлежало мне, а другое Шамилю. Мое бревно река унесла затем вниз, а бревно Шамиля оказалось выброшено на берег, причем это был можжевельник, а ведь сказано, что польза от можжевельника сохраняется навечно».

Рассказывают, что однажды — тогда, когда Шамиль возвратился от того, кто стоял перед воротами Газимухаммада, Газимухаммад сказал, глядя Шамилю в спину, примерно следующее: «Каковым же он стал бы, если бы узнал, что с ним еще будет?»^{а)}

Рассказ. Вместе с Газимухаммадом одно время находился ученый мухаджир⁸⁴ с Равнины по имени Хасанхусен, которого он в своих делах выставлял вперед, а Мухаммад-эфенди Ярагский — любил и радовал им свои глаза. [Он был с Газимухаммадом и Мухаммадом-эфенди в Чеченском походе], а когда они возвращались из Чечни, Хасанхусена оставили там. Через небольшой промежуток времени из Чечни пришел человек и сообщил: «Хасанхусен возвратился к русским, а затем выступил против нас вместе с их оказией⁸⁵, и тогда мы убили его». Газимухаммад произнес фразу: «Мы принадлежим Аллаху и возвратимся к Нему»^{б)}, — затем заплакал и сказал Шамилю: «Если я отклонюсь в сторону от этой нашей деятельности, то вы сразу же убейте меня, дабы не получилось так, что слова всевышнего Аллаха: «Мы даруем им долгую жизнь, чтобы они совершали побольше грехов»^{в)} — касаются и меня». Это выскочило у Газимухаммада из страха за плохой конец, подобный тому, какой был у Хасанхусена. Да вознаградит нас всевышний Аллах хорошим концом!^{г)}

Один^{д)} доверенный человек рассказал мне со слов кравчего Абумуслим-шамхала⁸⁶ примерно следующее: «Шамхалу было доставлено^{е)} послание от человека, пребывающего по соседству с могилой пророка Мухаммеда и наблюдающего за ней, в котором говорилось: «Раньше я видел во сне пророка—да благославит его всевышний Аллах и приветствует! — в одиночестве, а сейчас я вижу вместе с ним еще какого-то человека. Я во сне же спросил про-

а) В—«Шамиль отвернулся от Газимухаммада к тому, кто стоял перед его дверьми».

б) Коран.

в) Коран.

г) В, К—данная глава в отмеченном месте кончается.

д) Б—«Отрывок о некоторых достоинствах Газимухаммада.

Один...»

е) Б—«Шамхалу он (кравчий) доставил».

рока про этого человека и он ответил: «Это Газимухаммад». В послании шамхалу находилось разъяснение драгоценной внешности того человека и его особенностей. После того человек, находящийся по соседству с могилой пророка, написал: «Прошу тебя ради великого Аллаха—о, Абумуслим! — написать мне: имел ли Газимухаммад ту драгоценную внешность и те особенности?» Абумуслим позвал тогда известного ученого хромого Хаджиява⁸⁷ Оротинского (Урути)⁸⁸, дал ему послание и спросил: «Был ли Газимухаммад таким, как указано в этом послании?» Ученый Хаджияв ответил: «Клянусь Аллахом! Я общался с Газимухаммадом в течение двенадцати лет, во время учебы. Он был именно таким, как описан. Я не смог бы описать внешность Газимухаммада так, как тот человек написал в своем послании, хотя и общался с ним столько лет».

Тот доверенный человек рассказал мне также, что тот ученый Хаджияв Оротинский неоднократно говорил: «Если бы я и Газимухаммад жили до времени появления нашего пророка Мухаммеда,—да благославит его Аллах и приветствует!—то я бы сказал, что Газимухаммад—пророк»⁸⁹.

Тот доверенный человек рассказал мне также, что в детстве он был учеником в одном селении. Там проживал дряхлый старик, который [в молодости] многократно сопровождал Мухаммада-эфенди Ярагского и Газимухаммада. Он сообщал нам, что Мухаммад-эфенди неоднократно говорил: «Мы^{а)} с вами говорим, что Газимухаммад гадает на Коране в отношении того, что он задумал, но он еще смотрит в ал-Кашф и ему открывается все, кроме тайны трона Аллаха»^{б)}.

Доверенный^{в)} человек сообщил мне со слов другого доверенного человека—гимринца, что после возвращения с Хунзахской битвы гимринцы^{г)} после полуденной молитвы говорили в своей мечети в присутствии Газимухаммада: «Это он поднял великую смуту и ухудшил жизнь людей». Они даже как будто бранили его. Газимухаммад же в сильном гневе от сказанного ими закричал^{д)}: «Аллах»^{е)}!» И мечеть закачалась. Те люди испугались и сказали: «Да-

а) Б—«Я».

б) Коран.

в) Б—«Другое чудо, произошедшее с Газимухаммадом.

Доверенный...»

г) Б—«люди».

д) А, Б—приписка: «Существует следующий рассказ: «Газимухаммад сказал «А мне все равно: как перевернется этот мир — так или эдак» и повернул свою руку сначала направо, а затем—налево, и тут мечеть сдвинулась, как и его рука—направо и налево. Те люди испугались...».

е) Б—«Аллах, Аллах!»

вайте покаемся», а Газимухаммад, быстро встал и сказал: «Я уже раньше покался» и пошел к себе домой. А это было то самое сильное землетрясение, которое поразило тогда Дагестан^{а) 90}.

Ученый Муртузали Цулдинский-Карахский⁹¹ сообщил мне: «Я сам, Газимухаммад и еще кое-какие мужчины находились в Ашильта в одном доме. Газимухаммад лежал под буркой и вдруг произнес высоким голосом фразу: **Ля хавля ва ля куввата илля биллахи**⁹². Его спросили: «Что ты увидел?» Он ответил: «Ничего не увидел». Ему задали вопрос вторично и тогда он сказал: «Русские как будто уже приблизились к нам»,—и тут послышался голос всадника. Он подошел к Газимухаммаду и сказал: «Такой-то наиб послал меня к тебе сообщить, что русские подходят с такого-то места». Газимухаммад сказал ему: «Скажи наибу, чтобы не боялся. Они идут ко мне, а не к нему». Тот подготовился тогда выйти от него и затем вышел».

Сильная богобоязненность Газимухаммада видна, к примеру, из того, что его рубашка была изорванная и люди ему говорили: «Не скронть ли нам для тебя рубашку из этой ткани?»—в том доме было много ткани. Газимухаммад, однако, ответил: «Это имущество не является моим. Оно предназначено на благо всех (маслахат) и для бедных».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ^{б)}, В КОТОРОМ ПАЛ МУЧЕНИКОМ ГАЗИМУХАММАД И БЫЛ РАНЕН ШАМИЛЬ

[1832 г.]

Пришли русские, а подготовка *того места^{в)} к бою закончена еще не была. Вместе с русскими были тогда: османцы (усманлу)⁹³, каджары⁹⁴, Джамав Кайтагский⁹⁵, Джамал Чиркеевский⁹⁶ и Саид Араканский.

Газимухаммад пошел к Гимринскому ущелью и закрыл его в узком месте. Позади заграждения он построил дома. В ночь, предшествующую дню битвы, которая соответствует ночи понедельника — третьему числу месяца джумада ал-ухра тысяча двести сорок восьмого (1832) года, Шамиль увидел во сне: «Он будто бы находится в доме, его ружье и пистолет испортились. Враги же взошли на плоскую крышу дома, продырявили ее и суют в направлении мюридов^{г)} ружья, а он, Шамиль, изнутри отталкивает их и этим спасся».

а) Б—здесь текст данной главы кончается.

б) В—«битва».

в)—В. К—отмеченная фраза отсутствует.

г) Б—«пнурть».

В понедельник русские остановились перед мюридами. Бой длился с раннего утра до вечера, когда наше войско^{а)} убежало. Газимухаммад и Шамиль вошли в дом, стоящий позади заграждения. Вместе с ними было тогда около тринадцати мужей.

Газимухаммад сказал Шамилю: «Зачем ты здесь остался?» Он как будто не хотел присутствия Шамиля там, ибо в том доме находилось большое количество пороха. Враги собрались толпой вокруг этого дома. Некоторые из них взобрались на крышу, продырявили ее и обстреляли тех горцев, которые находились в доме. Врагов, однако, также обстреляли.

Тут испортилось ружье Шамиля. Русские же, которые находились на крыше, тыкали в мюридов штыками через дыры. Они наносили горцам колющие удары и поражали их штыками, как то и видел во сне Шамиль.

Газимухаммад приказал мюридам прыгать на солдат через двери дома, где те столпились. Никто, однако, не пошел на это. Тогда Газимухаммад многократно попросил у Аллаха прощения (астагфиру Аллах), многократно воскликнул: **Ля илаха илля ллах**^{б)}, а затем обнажил свою саблю и выпрыгнул наружу. Вместе с ним выпрыгнул Мухаммадсултан — сын его тетки по линии матери.

Шамиль дал приказ, чтобы мюриды прыгали вместе с Газимухаммадом, ибо сам он находился тогда далеко от дверей, а дом был тесный. Никто, однако, не выпрыгнул. Тогда Шамиль сказал: «Посмотрите: пал ли Газимухаммад?» Ответили: «Он пал поблизости». Тогда Шамиль сказал: «Пришел день смерти, но мы не будем оплакивать Газимухаммада». В тот момент у Шамиля не было в голосе ни тревоги, ни печали. Он говорил горцам: «Гурии посещают мучеников за веру прежде чем души покидают их. Возможно, что они уже находятся в небе и ожидают нас».

Шамиль опасался, что через дыры в крыше солдаты кинут на мюридов огонь, и порох взорвется. Поэтому он и приказал им выпрыгивать, но они не выпрыгнули. Тогда Шамиль обнажил саблю, отшвырнул ножны с поясом, засучил рукава, заправил полы [черкески] и *выпрыгнул через дверь^{в)}. При этом от столкновения с верхом двери упали его шапка и чалма.

Шамиль ударил саблей того солдата^{в)}, который стоял у двери, и тот упал лицом вниз, распустив свою бороду. Шамиль тут же ударил другого, и тот тоже упал. В это время один [солдат] нанес Шамилю удар штыком в грудь и вогнал его внутрь, *а тот взял

а) А—«войско Газимухаммада».

б) Б—«Выпрыгнул тот, кто находился у дверей».

в) Слово «солдат» имеется лишь в тексте списка В.

одной рукой штык, который находился у него внутри, ударил (солдата) саблей и свалил; ружье упало из его рук^{а)}.

Когда (солдаты) увидели Шамиля таким, то начали разбегаться перед ним. Те же, кто находился позади Шамиля, лезли на него, но из-за своей скученности не могли стрелять в него из ружей. Один из врагов все-таки выстрелил, но не попал. Шамиль же кинулся на него с саблей и нанес ему множество ударов, но тот защищался своей буркой.

Рассказали: «Тот мужчина — Хану Мухул. Он возвратился из Гимр с большими ранами, но: умер он от них или нет?—знает только всевышний Аллах».

Один солдат швырнул в Шамиля камень и попал ему в правую лопатку, от чего сломалась ключица. Боль была столь сильной, что Шамиль застонал, но все же не упал.

Кто-то сказал: «Это, вероятно, результат того, что Шамиль натренировал свое тело и откормил его для походов, что он делал с того времени, как они^{б)} возвратились из Чечни».

Шамиль кидается то туда, то сюда, не имея и в мыслях спастись от врагов и вдруг он услышал голос человека, бегущего позади со словами: «Аллах, Аллах!» Оказалось, что это муэдзин мюридов, тот, который был вместе с ними в том^{в)} доме. В голову Шамиля пришло: «Спасение!», а муэдзин побежал за ним^{г)}.

Когда они оба оторвались от скопления солдат, те выстрелили им в спину многими пулями, но ни одна из них не попала в бегущих. После того враги больше не рвались за двумя беглецами, хотя находились как впереди, так и позади их обоих, двигаясь в Гимры.

Шамиль, неся саблю, ослабел и передал ее муэдзину. Когда же они немного оторвались от врагов, Шамиль упал позади одной скалы и приготовился к смерти, а муэдзин спрятался поблизости от него. Шамиль приказал муэдзину уходить, но он отказался.

Находясь в таком положении, Шамиль вдруг увидел, что солнце еще не закатилось за вершины гор и вспомнил, что он не совершил вечерний намаз^{д)}. Сделав два ракаата^{е)}, Шамиль вырвал кровью, потом еще и еще, но от этого ему стало легче.

а) В—отмеченная фраза отсутствует.

б) А—«он»

в) Б—отмеченное слово пропущено.

г) В нескольких списках, кроме списка В, далее следует фраза: «Он многократно указывал ей»; К—«Он многократно указывал ими обоими».

Беглецы вдвоем тихо просидели до тех пор, пока не исчез свет от солнца и луны. Затем Шамиль и муэдзин поднялись на вершину горы и там при сильном холоде заночевали. А ведь у него на голове ничего не было, ворот был заполнен кровью, а остальная одежда — намочена ею. Из дырки в груди у Шамиля раз за разом выходил поток горячего воздуха, который расходился у него за пазухой. Этим Шамиль и согревался. Он сказал как-то: «Той ночью рана оказалась для меня полезнее ста туманов»^{а)}.

Когда наступило утро, Шамиль на лошади своего родственника двинулся в местность, где находились семья мюридов.

Русские простояли в Гимрах целую неделю¹⁰⁰. Им нужен был труп мученика за веру Газимухаммада. Русским показали его те гимринские мунапики, которые были вместе с ними. Известный ученый Саид Араканский приказал им не позволять погребение^{б)} трупа на гимринской земле, приводя в качестве аргумента следующее: «Если Газимухаммад будет погребен в Гимрах, то мюриды станут посещать его могилу, собираться вместе и устраивать смуты и беспорядок».

Сказанное Саидом Араканским получило понимание среди русских, они перенесли труд Газимухаммада в Тарки, высушили его и в течение долгого времени сохраняли там, установив рядом караул. Затем, правда, они захоронили его¹⁰¹. В эпоху же могущества Шамиля, когда власть его достигла Тарков, он отправил людей вырыть останки Газимухаммада из могилы. Они, исполнив это, перенесли труп в Гимры и захоронили там. Над его могилой Шамиль построил затем благословенный мавзолей и таким образом поместил нас под сень благодати Газимухаммада!

Рассказывают со слов Хусайна — сына Ибрахима Гимринского: «В Дербенте Хусайн видел запись о том, что из-за Газимухаммада у русских погибло восемь тысяч человек. Вот так. Воевал же Газимухаммад всего три года. Хвала — Аллаху, Господу миров».

Шамиль со своей семьей перебрался затем в селение Унцукуль. Более двадцати ночей он не мог лежать. Потом пришел лекарь и прилепил к телу Шамиля куски восковой ткани, после чего он проспал с раннего утра до следующего раннего утра. Затем Ша-

а) К—приписка: «Шамиль втыкал в свою рану в закрученном виде обрывок одежды и затем многократно вытаскивал его из раны из-за обилия крови. От выхода [крови] Шамилю становилось легче. Когда же из-за раны Шамиль ощутил тепло той холодной ночью, он сказал: «Эта рана оказалась для меня полезнее... и т. д.» (От него)».

б) Б—«не оставлять».

миль проснулся и спросил: «Совершил ли я полуденный намаз?» Ему ответили: «Нет. Да ты, кстати, пропустил несколько намазов». Он сказал тогда: «Как так?», а ему ответили: «Лекарь заставил тебя спать со вчерашнего раннего утра и до этого времени».

Полностью Шамиль поправился лишь к концу месяца шабан¹⁰². Затем он встал и первым делом посетил старого устаза Мухаммада Ярагского, находившегося в Балаханах¹⁰³.

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ И ГИМРИНЦЕВ ПОСЛЕ ТОГО

[1833 г.]

В начале месяца рамадан Шамиль ушел в селение Гимры. Когда он шел в молельню для совершения омовения, наткнулся на женщин, сидящих на улице, которые обрабатывали шерсть. Шамиль прошел мимо них, говоря: «Они, оказывается, считают, что шарият умер со смертью Газимухаммада». Тогда Шамиль подумал, что женщины уйдут до того, как он возвратится. Когда же он возвратился, то нашел женщин в таком же положении, а около них еще и дряхлый старик без штанов с толстой палкой в руках. Шамиль отнял ее у старика и резко сказал ему: «Тебе разве приказано с женщинами сидеть?» Старик тут упал и тогда показались его половые органы.

Шамиль ударил женщин, и они убежали, кроме одной. Она отказалась и была побита. Когда же она увидела, что Шамиль не оставит ее в покое, то убежала, крича: «Меня убивают».

Шамиль пошел к себе домой, а сын этой женщины побежал тем временем к гимринскому кадию с жалобой на его действия. Их кадием был тогда Хасаниль Мухаммад Хариколинский (Харикули)¹⁰⁴, тот самый, чью ногу поцеловал однажды Газимухаммад, сказав: «Шарият—суть религии нашего Господа и касается он не только меня. Будь помощником делу шарията, устанавливай его. Да не заташат тебя невежественные бунтовщики в свою пропасть». Хасаниль Мухаммад, однако, не поднялся для того дела и не вразумился.

Очень быстро к Шамилю пришел рассыльный кадия с сообщением, что Хасаниль Мухаммад зовет его, чтобы наказать за то, что он, Шамиль, без его, кадия, разрешения выразил порицание неподобающему поступку, а это не позволено. Шамиль ответил: «Слушаюсь и повинуюсь» и пошел.

Палач нанес ему более двадцати ударов плетью. Во время битья Шамиль почувствовал, как что-то вышло из раны, бывшей в

его груди. Он потрогал рукой и оказалось, что это пошла кровь. Шамиль показал кровь палачу, говоря: «Ты разорвал мою заживавшую рану. Поэтому на тебя падает ответственность». Палач испугался и сказал: «Мы подумали, что твоя рана уже зарубцевалась, а то бы мы не били тебя».

Эта была пятница. Шамиль явился в мечеть на пятничный намаз и попросил у кадия разрешения выступить с речью. В ходе ее он доказал допустимость для отдельных лиц устранять неподобающее и без разрешения со стороны представителя власти. Он сказал примерно следующее: «То, что мы делаем—установление религии всевышнего Аллаха, которая ни в коем случае не умрет со смертью своих авторитетов. Ведь уже давно умерли люди лучшие, чем Газимухаммад—наш пророк Мухаммед, да благославит его Аллах и приветствует, а также праведные халифы [но религия то сохранилась]. Аллах помогает тому, кто помог его религии. Я — клянусь Аллахом! — не оставлю этого дела до тех пор пока не умру. Кто хочет получить на том свете награду от Аллаха, пусть оказывает помощь делу шарията, а если же кто хочет войны [с нами], пусть готовится к ней». Шамиль, в результате, привлек к себе мюридов, энергичность их повысилась и получилось так, что огонь усердия со стороны мунапиков потух.

Затем Шамиль возвратился к своей семье, то есть в Унцукуль и постился там в течение месяца рамадан. В ночь же праздника разговения он возвратился к себе домой.

Еще до пения петухов Шамиль пошел в молельню, чтобы умыться, а оказалось, что она заполнена мунапиками. Они разожгли в молельне огонь, били в барабан, плясали и ругали мюридов даже по матери. Мунапики говорили: «Завтра все увидят, как будут унижены мюриды, обнаружив тут вино и музыкальные инструменты». Шамиль сначала думал вернуться, но затем сказал про себя: «Если я уйду отсюда, то, значит, у меня нет веры», и он бросился на них с обнаженным кинжалом, так, чтобы они увидели его, говоря примерно следующее: «Клянусь Аллахом (все) будут знать тех, кто унижает других^{а)} и кого унижают^{а)}». Мунапики страшно испугались Шамиля и разбежались—одна часть их упала в воду, а другая свалилась в дверях от толчеи. Барабан же их остался на месте, и Шамиль продырявил его кинжалом, а затем сломал камнем и бросил им вслед, говоря: «Возьмите эту шкуру вашего осла».

Рядом с усадьбой Шамиля проживал один из гимринских мунапиков, бывший ставленником русских, которые назначили его правителем над Гимрами, поселив в усадьбе, купленной мучеником

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

за веру Газимухаммадом для шейха Мухаммада-эфенди. И вот, утром те мунапики побежали к этому мерзавцу^{а)}. Они собрались около него с требованием наложить на Шамиля штраф за тот барабан, который был изготовлен по просьбе кадия, с уплатой девяти очередных поступлений (навба)¹⁰⁵ в пользу села, для того, чтобы барабанить на заре.

К Шамилю пришли старики селения, утверждая: «Ты разжигаешь смуты, а ведь [религиозные] деятели, подобные тебе, обязаны гасить их и делать то, в чем заключается общее благо». Шамиль обратился к ним с плоской крыши, возвыся голос, чтобы слышали те, кто собрался* около того мерзавца^{б)}. Он сказал: «Я нашел их говорящими так-то и так-то. Пускай они продолжают поступать так, как поступают. Я же — клянусь всевышним Аллахом! — не перестану устранять неподобающее и воевать против этого, даже если рядом со мной не будет никого. Всевышний Аллах вознаградит меня. Кто хочет пусть становится правоверным, а кто хочет — неверным». Шамиль говорил грубо, отчитал, и тогда толпа, бывшая вокруг того мерзавца,^{в)} покорно рассеялась. Затем Шамиль произнес речь в мечети во время сбора гимринцев на праздничную молитву. Он сказал примерно следующее: «Если вы думаете, что со смертью Газимухаммада шариат ослабел, то ошибаетесь. Я—клянусь Аллахом!—не дам ему уменьшиться даже на палец. Напротив,—при помощи всевышнего Аллаха—я увеличу его на целый локоть. Вы же знаете, что я более ученый, чем Газимухаммад, более сильный и родовитый.¹⁰⁶ Пусть -ка выйдет тот, кто враждебен шариату, и тогда «Могущественный непременно выгонит оттуда презреннейшего»^{г)}. Тут поднялись головы у мюридов, они встали для помощи шариату, а спины их противников согнулись.

Из-за того, что произошло тогда между гимринцами, тот главарь^{д)} убежал к русским. Затем в месяце зу-л-када того же (1248/1833) года у Шамиля родился сын Газимухаммад. Хвала—Аллаху, Господу миров.

а) А—«человек».

б) А—«человек»; В—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—«человека».

г) Коран.

д) Б, В—«мерзкий главарь».

ГЛАВА О НАЗНАЧЕНИИ ХАМЗАТА ХАЛИФОМ И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО БИТВАХ

[1833 г.]

Когда Газимухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Хамзата. Он со своими товарищами вначале обошел селения и города—давая наставления, проповедуя, отдавая приказы и устанавливая запреты. Когда, однако, он увидел, что это большой пользы не дает, пошел в селение Ирганай, убил тамошних мунапиков и сам осел там. С разных сторон к Хамзату группами пришли люди, и затем он вместе с Шамилем двинулся к унцукульцам.

Хамзат остановился вдали от Унцукуля. Шамиль же со своими примерно двенадцатью товарищами заскочил в молельню унцукульцев, расположенную около селения.

Унцукульцы позвали Шамиля в селение, утверждая, что они сделают то, что им прикажут. Понятливый Кебед-хаджияв¹⁰⁷ с крыши молельни передал ему, однако, сообщение, что в этом с их стороны кроется хитрость. Поэтому Шамиль не дал на то ответа до тех пор, пока унцукульцы не передали Хамзату залог, который он потребовал. Унцукульцы в конце-концов подчинились, но лишь после того как мюриды чуть было не вступили с ним в бой. С них был взят залог стоимостью в шестьдесят туманов.

Этот Хамзат-второй, о ком говорил им мученик за веру Газимухаммад—«пойдет на них второй и отяготит их».

После возвращения мюридов в свои обители к Шамилю прибыл посланник от Хамзата и сказал, чтобы он вместе с муртазиками¹⁰⁸ той стороны выступил против селения мушулинцев (мушул)¹⁰⁹ и размягчил тамошних бунтовщиков. Дело в том, что они не подчинялись приказам Саида Игалинского, который являлся набом той стороны.

Когда Шамиль со своими товарищами прибыл на годекан (нади) селения Орота, раздался крик: «Хунзахцы¹¹⁰ вступают в селение Арадерих (Харадирик)¹¹¹!» Муртазики устремились на них вместе с оротинскими юношами, а хунзахцы тем временем швыряли в них сверху камни. Когда оба отряда сошлись врукопашную, хунзахцы были обращены в бегство. Победители двинулись вслед за хунзахцами, раздевая многих из них и убивая¹¹². Затем они вернулись назад, и тут прибыл Хамзат, после чего мюриды обошли области хиндалальцев и, наконец, осадили Шабан-дибира Унцукульского и тех мужей, которые были вместе с ним. Последние, однако, быстро согласились с властью Хамзата и тогда Ша-

бан-дибир^{а)} пришел, дрожа от страха, но [имам] простил его. Вельмож же селения Гергебиль (Каркал)¹¹⁸ Хамзат отправил тогда в гогатлинскую тюрьму под арест.

Когда мюриды подошли к ущелью кородинцев¹¹⁴, те закрыли его узкую часть и сказали: «Мы сделаем то, что нам приказывают. Но мы не хотим, чтобы вы входили в наше селение». И Хамзат не разрешил мюридам идти против них.

Потом мюриды пошли к селению гоготлинцев (гагал)¹¹⁵ со стороны Голотля (хакал)¹¹⁶ и сразились: с ними и куядинцами (кувал)¹¹⁷. В Гоготле мюриды заночевали, а затем двинулись к телетлинцам¹¹⁸. Телетлинский старшина (кабир) Чупан¹¹⁹ вместе с остальными старшинами был отправлен в гимринскую тюрьму, под арест.

К Хамзату пришли затем карахцы (каралал) вместе со своими вассалами (таби)—куллабцо-бацадинцами (кула-биц)^{б)}¹²⁰, а также келебцы (кил)¹²¹.

ГЛАВА О БИТВЕ ПРИ РУГУДЖА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ПЕРЕПУГАЛИСЬ МУНАПИКИ ТОЙ СТОРОНЫ И УВЕЛИЧИЛАСЬ СИЛА МЮРИДОВ

Когда Хамзат остановился в Гоготле с полками мюридов, на вершине ругуджинской¹²² горы собрались толпы андалальцев (андадал)¹²³. Они закрыли имеющиеся там проходы с целью сражаться и защищаться. Хамзат двинулся против андалальцев и нанес им сильнейшее поражение. При этом было убито много ругуджинцев и других.

Хамзат остановился затем в селении ругуджинцев, главарь которых—Султанав¹²⁴ Ругуджинский сидел в своем замке (хиси) и не выходил оттуда в страхе за свою голову. Шамиль, однако, хитростью обеспечил его выход наружу. Затем он напал на Султанаву,* арестовал его^{в)}, наложил на него оковы и отправил в гимринскую тюрьму.

Мюриды взяли то, что было в доме Султанавы, а также взяли заложников от ругуджинцев, согратлинцев (сугур)¹²⁵ и других. После этого Хамзат пошел в область гидатлинцев (хид)¹²⁶, взял у них заложников, отправил Шамиля в Карах для взятия там заложников, а сам пошел в область багвалальцев (бакулал)¹²⁷.

а) Б—«Шаман-диир»; В—«Шабан-диир».

б) А—«куллабцы (куласел), бацадинцы (биц)...»

в) Б—отмеченная фраза отсутствует.

ГЛАВА ОБ УБИЙСТВЕ ХУНЗАХСКИХ ГЛАВАРЕЙ И ЧТО ТОГДА ПРОИЗОШЛО

[1834 г.]

Когда Шамиль, при своем возвращении, прибыл в область гидатлинцев, он встретил посланника Хамзата, сказавшего, чтобы Шамиль шел в область хиндалальцев, взял последних и поднялся с ними в такой-то день на землю хунзахцев. Там Шамиль и Хамзат со [своими] многочисленными толпами черни¹²⁸ встретились и просидели около пятнадцати дней, требуя от хунзахцев придерживаться шариата и проводить его в жизнь.

От голода и скуки воины [имама] готовы были уже возвращаться назад, но Шамиль давил на них, говоря: «У нас есть и терпеливые, те, кто удовлетворятся только искоренением хунзахцев. Но когда мы возвратимся назад^{а)}, мы перебьем вас до последнего». Тут воины успокаивались.

Дело пошло к примирению на условии отдачи в залог Булача¹²⁹—сына Бахубике^{б)} в качестве гарантии введения шариата в ее вилайете. Булач был отправлен тогда в Харачи¹³⁰, а два других сына Бахубике—Нуцалхан и Уммахан¹³¹, их приближенные из числа ученых и старшин, и около двухсот слуг прибыли позвать руку Хамзату. Хунзахцы остановились там же, где Хамзат и смешались с воннами [имама].

Познавший всевышнего Аллаха Шамиль поклялся составителю этой книги, то есть Мухаммадтахиру, что у мюридов не было стремления убивать кого-либо из хунзахцев, за исключением двух злобных убийц—Буги Цудахарского¹³² и Маллачи Танусинского¹³³. Но тут вдруг от имени Бахубике к Шамилю подошел Ахберди¹³⁴ и говорит: «Хамзат исполняет то, что ты говоришь. Ты поверни его от нас на земли Равнины, а сам возвращайся^{в)} назад. За выполнение этого тебе будет дано двести туманов наличными».

Шамиль, однако, по секрету сообщил об этом Хамзату и сказал: «Ты понял, что нужно^{г)} Бахубике и что за этим последует?» Хамзат воскликнул: «Так значит истончение и смягчение характера хунзахцев еще не закончилось!» и приказал испытать прибывших через требование выдать, находившегося у них в Хунзахе убийцу—мехельтинца, чтобы затем: либо подвергнуть его кровной мести, либо простить. Хунзахцы, однако, под разными поводами

а) А—приписка: «то есть из этого похода».

б) А—приписка: «дочь старого Уммахана, похороненного в Голода».

в) В большинстве списков «возвращайся от Хамзата назад»; А—«возвращайся от нас».

г) А—«речь».

отговаривались от этого. Хамзат приказал тогда хунзахцам вернуть кобылу хиндалальца, находившуюся в руках у одного из их слуг. Они отговорились и от этого. Тут Хамзат приказал хунзахцам разрушить все замки, имевшиеся в их городе, а также, чтобы Нуцалхан, Уммахан и еще такой-то и такой-то остались при нем, Хамзате, пока не будет закончено разрушение замков. Хунзахцы с этим не согласились и вознамерились было возвратиться, но товарищи Хамзата запретили им это, и тогда ученый Мирзал Хаджияв¹³⁵ схватился за оружие. Он закричал: «Эй, юноши хунзахцев! Приложите-ка ваши силы и возможности, чтобы перебить этих людей!» Они сразились^{а)}, и тогда со стороны хунзахцев были убиты: Нуцалхан, Уммахан, Нурмухаммад-кади¹³⁶, Мирзал Хаджияв и еще такой-то и такой-то. Из именитых старшин и главарей хунзахцев, таким образом, не осталось в живых никого.

С нашей же стороны^{б)} пали мучениками за веру: Мурадбек—брат Хамзата, Чупан—сын дяди Хамзата по линии отца, Дибира-сул Мухаммад¹³⁷ Ирганайский, Мухаммадали Гимринский и еще такой-то и такой-то.

Эта битва произошла в то время, когда Хамзат вышел из своей палатки и удалился для совершения омовения. Его подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством ружейных пуль, которые хунзахцы в изобилии выпустили по палатке, думая, что Хамзат находится в ней^{в)}¹³⁸.

Утром следующего дня Шамиль дал Хамзату, будучи наедине, совет. Он сказал: «Отныне самое лучшее для тебя—сидеть у себя дома в Гочатле со смирением и покорно молить Аллаха о прощении. Я же буду проводить в жизнь твое дело и работать над ним в нашей стороне. Точно так же Саид Игалинский будет делать это в своей стороне, Газияв Каратинский¹³⁹—в своей стороне, а Кебед-мухаммад Телетлинский и Абдурахман Карахский—в своих сторонах». Хамзату это мнение понравилось, он согласился с Шамилем.

Затем Хамзат приказал Шамилю отправиться с десятком, но не больше, своих товарищей в усадьбу Бахубике, находящуюся в городе, и посмотреть: какое имущество там есть; сама же Бахубике находилась тогда в селении Геничутль (Киничук)¹⁴⁰, лежащем примерно в часе пути от города. Шамиль вошел туда, но не нашел там ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Тогда он пригрозил хунзахцам и строго сказал им: «Если вы не вернете то, что было тут, мы возьмем это из ваших усадеб и, причем, вместе с

а) А—«то есть Хамзат и хунзахцы».

б) А—приписка: «Из людей имама Хамзата».

в) В, К—отмеченный абзац пропущен.

вашими пожитками», и хунзахцы принесли: один-то, другой—это Собралось множество вещей. Шамиль погрузил их на семь или восемь телег, которые направил по гоцатлинской дороге.

Тем временем к Хамзату собрались ученые. Они побеседовали между собой и сочли наилучшим для него поселиться в Хунзахе, в княжеском дворце (дар ал-имара)^{а)}. Хамзат согласился с ними в этом вопросе. Когда же вернулся Шамиль, то нашел их уже полностью согласными с таким мнением. Поэтому мюриды вернули телеги с дороги обратно.

Затем мюриды остановились в городе Хунзахе. Бахубике была приведена и убита в своей усадьбе, затем привели Сурхая¹⁴¹. Его также убили.

РАССКАЗ: Товарищи Шамиля более трех месяцев находились вдали от своих домов. Штаны их пришли в негодность, на что они пожаловались Шамилю. Шамиль попросил тогда Хамзата дать им чего-нибудь для обновления штанов или починки, но Хамзат не согласился на это.

Шамиль вернулся назад. На обратном пути он при этом сказал своим товарищам: «Самое лучшее для нас—было бы оставить Хамзата на год, пока хунзахцы не забудут все то, что мы сделали с ними. Мы ведь проявили грубость по отношению к ним и разгневали их».

Затем, * уже после убийства Хамзата^{б)}, Шамиль получил весточку от Саида Игалинского: «Для общего блага Булача надо лишить жизни»; он находился тогда в селении Балаханы. Шамиль послал двух человек, которые и бросили Булача в Койсу (Большая река). «Так был истреблен последний человек из племени угнетателей. Хвала—Аллаху, Владыке миров»^{в)}. «Они хитрили и Аллах хитрил, но Аллах—лучший из хитрецов»^{г)}.

Алумкач Таркинский—родственник шамхала и его посол сообщил после того Шамилю во время их встречи: «Те люди, пришедшие с Нуцалханом и Уммаханом имели намерение убить Хамзата, Шамиля и Саида Игалинского. На каждого из них они выделили по три человека из числа своих, чтобы те совершили убийство, после возвращения обоих ханов^{д)} от Хамзата».

Хамзат расширил хунзахскую мечеть за счет развалин части княжеского дворца.

а) А—приписка: «По-видимому, наименование здания, принадлежавшего, их княгине Бахубике».

б) В—отмеченная фраза отсутствует.

в) Коран.

г) Коран.

д) А—приписка: «то есть двух сыновей Бахубике».

ГЛАВА О ВЫСТУПЛЕНИИ ХАМЗАТА НА САЛТА И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО ГИБЕЛИ ОТ РУК ХУНЗАХЦЕВ

[1834 г.]

Хамзат послал человека к Шамилю сказать: «Ты выступай на Цудахар со стороны Куппа¹⁴², а я выступлю со стороны Салта». ¹⁴³ Затем он выступил вместе с хунзахцами и другими. Выступил и Шамиль: он расположился лагерем на гергебильской площадке, дожидаясь, пока не присоединятся унцукульцы и араканцы. Последние, однако, запоздали примерно на три дня.

Когда Шамиль подошел к Куппа, ему повстречался человек, который вдруг сообщает ему, что Хамзат возвратился с салтинской стороны назад, понеся частичное поражение^{а)}. Шамиль обругал тогда унцукульцев и их кадия—своего устаза, сказав: «Это произошло из-за вашего злополучного мунапикства и вашего мерзкого поступка», и затем вернулся назад.¹⁴⁴

Хамзат остановился после того в Гоцатле. Оттуда он взял множество ружей и направился в Хунзах устанавливать дружбу с хунзахцами, ласкать их и задабривать. Просидел он там меньше месяца, пока хунзахские мунапики не насовещались вдоволь и не приняли тайное решение: убить Хамзата в пятницу, когда он пойдет на пятничную молитву. Помощник Хамзата—Хаджиясул Мухаммад¹⁴⁵ Хунзахский известил его об этом и подтвердил сказанное ему клятвой^{б)}. Хамзат, однако, не обратил внимания на его слова и пошел на пятничную молитву, не надев даже кинжала, хотя его товарищ Хаджиясул Мухаммад вооружился.

Последний предварительно объявил, чтобы ни один хунзахец не брал* на пятничную молитву^{в)} никакого оружия и затем пошел. Мунапиков они нашли сидящими у ворот мечети^{г)}. Там Хам-

^{а)} В—приписка: «потерпев поражение от цудахарцев, и те преследовали его (Хамзата) до того места».

^{б)} А—«...клятвой. Хамзат сказал, однако: «Если я пойду ради пятничной молитвы в Геничутль, то не поспею к ней [в полдень] и моя пятничная молитва пропадет. Если же я пойду на пятничную молитву в Хунзах, то буду подло убит. Если же просижу дома и пропущу пятничную молитву, то я буду убит в наказание за пропуск пятничной молитвы. Какое же из двух убийств я должен предпочесть для себя?» Затем он сказал: «Я предпочитаю быть подло убитым» (верно)».

^{в)} Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

^{г)} А—приписка: «Когда Хамзат подошел к хунзахцам, Осман Хунзахский — брат Хаджимурада сказал: «Вы почему не поднимаетесь?»

Почему не встаете перед старшим, когда он приблизился к вам?» Хунзахцы встали, и тут Осман выстрелил в Хамзата из пистолета. (верно)».

зата и убили. Хаджиясул Мухаммад, правда, убил убийцу Хамзата, но и сам был убит.¹⁴⁶ «Мы ведь принадлежим Аллаху и к Нему мы возвратимся»^{а)}.

Период халифата Хамзата—полтора года.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ХАЛИФАТА ШАМИЛЯ И О ТОМ, ЧТО ОН ТОГДА ИСПЫТАЛ

[1834 г.]

Хамзат еще раньше завещал халифат Шамилю. Поэтому после его убийства собрание благородных ученых [без колебаний] возложило звание халифа на Шамиля. Последний, однако, принял его только после долгих отказов. Ученые чуть было даже не разошлись без принятия решения.

Когда Шамиль услышал об убийстве Хамзата, то первое, с чего он начал—было убийство Султанава Ругуджинского,¹⁴⁷ который находился в гимринской тюрьме. Затем Шамиль пошел к унцукульцам с намерением выступить во главе их против хунзахцев. Он дал унцукульцам наставления, любезно обошелся с ними, сказав: «Вы—главари этих хиндалальских областей. Среди вас есть ученые, мудрецы и храбрецы. Так будьте же предводителями, главарями-повелителями для дела исламской религии. Не будьте подчиненными хвостами. Клянусь: Аллах не даст погибнуть своей религии и ее адептам». Унцукульцы выказали тогда Шамилю послушание и повиновение и выступили вместе с ним против Хунзаха. Одновременно, однако, они послали к русским сообщение: «Спешите в Гимры».

Когда Шамиль вел унцукульцев на Хунзах, вдруг пришло сообщение: «Русские вошли в Гимры». Шамиль повернул назад и тут вдруг оказалось, что разрушен мост. Тогда примерно с пятнадцатью мужами он перешел Койсу вброд и вышел на гимринскую землю. Шамиль с семью товарищами набросился на русских с одной стороны, а Раджабиль Мухаммад¹⁴⁸ Чиркеевский и Хусайн Гимринский — сын Ибрахима с еще семью товарищами напали на них с другой стороны. Мюриды убивали быстро, как будто косили. Они убили у русских даже одного большого начальника. Последние были разбиты и обращены в бегство, и при этом мучеником за веру пал лишь один человек-ашильтинец. К этому времени, однако, русские уже порубили виноградные лозы и деревья, находившиеся около селения.¹⁴⁹

а) Коран.

Семьи гимринцев были тогда раскиданы по пустырям для защиты от русских, и вдруг кто-то из находившихся внутри селения увидел людей, приближающихся к ним. Гимринцы пригляделись и поняли, что это унцукульцы, выступающие в контакте с их семьями, и тогда они побежали к ним. Большинство гимринцев пошло, таким образом, к унцукульцам и с Шамилем остались лишь немногие.

Унцукульцы порубили имевшиеся на той стороне виноградные лозы и деревья, а кроме того, они выделили ранее искусных стрелков из ружей для убийства Шамиля, но всевышний Аллах не предопределил им совершить это. Он же примерно с тринадцатью товарищами укрепился тогда позади стены моста. Мюриды носили унцукульцев, угрожали им и грубили словами типа: «А ну-ка, сделайте, что можете. Не оставляйте ничего, что может исходить с ваших рук».

Унцукульцы, однако, не нанесли вреда семьям гимринцев, хотя и находились между ними. Дело в том, что местонахождение унцукульцев не годилось для быстрого отхода из-за наличия лагеря и местопребывания Шамиля. Ночью же от унцукульцев к Шамилю пришли братья хаджи Кебеда и Тахира Унцукульских и заявили: все люди против мюридов^{а)}, подходят ругуджинцы, русские возвращаются, Уллубий^{б)} против них. Эти двое сказали: «Советуем вам перейти отсюда в какое-либо труднодоступное место и побыть там, пока приближающиеся люди не возвратятся в свои обители». Они оба при этом гремели, как гром и сверкали, как молнии^{б)}.

Шамиль подал тогда знак своим товарищам и сказал: «Мы закрепимся в усадьбе, расположенной в селении Гимра и так встретим тех, кто приближается». Товарищи, однако, не согласились с этим. Тогда Шамиль сказал: «Мы встретим их и сразимся с ними в одном крепком месте, расположенном в нашем лесу». Они опять не согласились. Сошлись, наконец, на том, что они перейдут к Риккил нохо.¹⁵¹ Там мюриды пробыли около двух или трех дней, а затем возвратились назад в Гимры. Хвала—Аллаху, Господу миров!

Затем дело гимринцев приняло такой оборот: заключается перемирие [с русскими] и одновременно они устанавливают шарнат в своем селении. Перед этим, однако, большую часть своего имущества—продукты питания и прочее гимринцы переправили к унцукульцам, а те захватили его и заявили: «Заклады, которые взял

а) А—приписка: «то есть против Шамиля и его последователей (от его сына)».

б) А—приписка: «и затем ушли вдвоем от Шамиля».

с нас Хамзат, мы дали тогда только из-за ослабления нас Шами-лем. Поэтому заставьте его уплатить штраф за них».

Из-за этого акта гимринцев поразила нужда, и тогда Клюки фон Клюгенау (Кулука)¹⁵²—начальник русских, находившихся в Шуре,^{а)} отправил им три раза по шестьдесят ослов, нагруженных мукой. Слава Аллаху—вращателю сердце и устройтелю дел!

Затем гимринцы—и хорошие из числа их и плохие вознамери-лись было уплатить унцукульцам штраф за те заклады, заявляя: «То, что они захватили намного больше того, что они требуют». На пятничном намазе, однако, Шамиль прочел гимринцам проповедь, дал наставления и сказал: «Уплата штрафа—это унижение и с точки зрения религии и с точки зрения мирской жизни, позор за которое никогда не сойдет с вас». Он поклялся, что не даст для этого дела абсолютно ничего. Тогда и другие гимринцы—один за одним дали клятву об этом. Поклялись в конце концов все. Унцу-кульцы же, когда узнали о твердом намерении гимринцев относи-тельно того дела, возвратили им имущество без ничего.

Затем Клюки фон Клюгенау пригласил к себе гимринского кадия Хасаниль Мухаммала Хариколинского вместе с некими мужами. Отправились: сам кадий, а также бунтовщики, мюриды и Бартихан^{б)}—дядя Шамиля по линии отца. Назад они пришли послушными, одобряя приказы Клюки фон Клюгенау и получив от него подарки. Ходившие сказали: «Единственный недостаток у него—непризнание единства Аллаха и пророческой миссии Мухаммеда». Они даже заявили, что в доме Клюки фон Клюгенау благоухает аромат, а Бартихан сказал: «Позади наших кладбищ нам попались кизлярцы, которые совершили туда^{в)} поездку для продажи винограда» и сказал он это с ликованием.

Затем Шамилю сообщили, что те мунапики, которые * побывали в Шуре вместе с Бартиханом^{г)}, выпили вина и были пьяны, и что кадий сказал: «Я вам ничего не приказываю и не запрещаю». Шамиль встал тогда и пошел к этому кадию. Он вошел к кадию в комнатушку и заговорил с ним, порицая их пьянку. Тот ничего не ответил, а подал Шамилю книгу и сказал: «Посмотри-ка сюда», и ткнул в то место, где говорилось, что имам Шафи¹⁵³ не порицает ханифита,¹⁵⁴ который выпил вина^{д)}. Шамиль взял тогда ту же книгу и сказал: «Посмотри-ка вот сюда» и показал Хасаниль Мухаммаду место, находящееся немного дальше того места, к которо-

а) В, К—«Кулука—енарал, пребывающий в крепости Темир-Хан-Шура».

б) Б, В—«Баратхан».

в) А—пояснение: «то есть в Шуру».

г) В, Б—«... побывали вместе с ними».

д) А—приписка: «Это произошло во время толкования тридцать четвертого хадиса из книги ал-Фатх ал-мубин. (от него)».

му апеллировал последний. В нем говорилось, что имам Шафи наказывает пьющего вино ханифита. Шамиль сказал: «Завтра же призови тех, которые выпивали и накажи их». Тогда кадий был вынужден замолчать, а к следующему утру он уже удрал к себе домой.

[не позднее 1830 г.]

Рассказ. Махди-шамхал пригласил однажды Шамиля встретиться. Шамиль отказался от этого. Гимринцы, однако, попросили его согласиться и проявили при этом в отношении него большую настойчивость. Шамиль опять не согласился и тут пришел один мюрид, который сказал: «За отказ от встречи гимринцы относят тебя к числу трусов». Тогда Шамиль встал, взял кумган—он был в шубе, с ночной шапочкой на голове, без какого-либо оружия, даже без кинжала—и вышел из дома, как будто сходить по нужде и подмыться. Он дошел до кладбища, положил свою шубу на его стену и побежал к месту встречи. Гимринцы вышли вслед за Шамилем и закричали ему, чтобы он остановился, пока они не догонят его. Шамиль, однако, не остановился и закричал им: «Если вы подойдете, я вместе с вами не пойду».

Шамиль появился перед теми, кто находился на месте встречи, а оказалось, что это сын шамхала со старшинами и слугами, около ста человек. Они подошли к Шамилю и стали как будто изумленные. Шамиль же усадил их, сам сел рядом с сыном шамхала и сказал: «Говорите мне теперь то, что вы хотите сказать». Они тогда потребовали, чтобы Шамиль пришел к шамхалу для того, чтобы тот превознес его и почтил, и чтобы, сказали они: «люди на равнине и в горах ходили с пропусками, заверенными твоей, Шамиль, и его печатями».

У шамхала была в то время молодая жена, которая забеременела и его подвластные продемонстрировали уже по этому случаю радость и веселье. Шамиль сказал: «Я приду, если вы отдадите ту его жену в залог Кебедмухаммаду Телетлинскому. Если вы затем проявите вероломство по отношению ко мне, Кебедмухаммад убьет ее, как суку, которая на сносях»; а встреча эта имела место после убийства Кебедмухаммадом преступных вельмож своего селения. Шамхальцы сказали: «Такой залог невозможен». Тогда и Шамиль сказал: «Если это является невозможным, то невозможен и мой приезд». После этого он вышел из круга шамхальцев и возвратился назад, а они остались смотреть ему вслед.

По дороге Шамиль встретил гимринцев и сказал им: «Теперь идите к ним. Я дал им ответ достаточный для них». После того у Шамиля спросили однажды: «С какой целью ты пошел на явную

гибель, не имея в руках ничего острого?». Шамиль ответил: «На это меня понес приступ гнева. Если бы, впрочем, шамхальцы только склонились в мою сторону, я выхватил бы холодное оружие у кого-либо из них и затем напал бы на них». Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ШАМИЛЯ В АШИЛЬТА И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ДО И ПОСЛЕ ЭТОГО

[1886 г.]

Клюки фон Ключенау потребовал у гимринцев, чтобы они прислали примерно на пяти ослах виноградные лозы и саженцы деревьев, дающих вкусные плоды. Те из гимринцев, которые имели право разрешать и запрещать, собрались тогда в доме Бартихана — дяди Шамиля по линии отца, посоветоваться по этому вопросу. Пригласили они и Шамиля.

Шамиль спросил их о причине собрания, и те поведали ему полученную весть. Шамиль заметил при этом, что они как будто вознамерились отправить требуемое и тогда сказал им: «Если требуемое отправим мы—те, кто здесь, найдется ли в нашем селении тот, кто не пошлет?» Собравшиеся сказали: «Нет», тогда Шамиль продолжил: «А если мы не пошлем, то пошлет ли это кто-нибудь из гимринцев?»—и они ответили: «Нет». Тогда Шамиль сказал: «Нам нельзя делать этого. Плохие привычки, появившись, сохраняются ведь навсегда». Он прочел им затем проповедь типа того, что: «Блажен тот, кто умер и с ним умерли его грехи и горе тому, кто умер, а грехи его остались». Шамиль сказал собравшимся: «Я так думаю—вы должны отговариваться перед Ключи фон Ключенау тем, что ты, мол, порубил наши виноградные лозы и наши деревья, а унцукульцы, мол, порубили то, что ты оставил; в этом году, мол, нам нечего послать тебе и поэтому в этом году ты требуй виноградные лозы и деревья от других горцев, а мы, мол, пришлем их тебе в следующем году после того, как они вырастут. Аллах же, — добавил Шамиль,— по всей вероятности, создаст затем другие дела». Собравшиеся гимринцы замолчали, но с этим не согласились, и тогда Шамиль ушел от них, а они остались там сами по себе.

Шамиля догнал Ибрахим—сын его дяди по линии отца и сказал: «Они обсуждают тебя и говорят: «Вы посмотрите на него и на его речи, произносимые в то время, когда остальной^{а)} народ не

а) А—приписка: «то есть все».

может защитить от русских даже своих женщин». Эти люди, одним словом, решили послать лозы и фруктовые деревья». Шамиль ответил: «Пускай делают, что хотят». Душа его, однако, испытала отвращение. Симпатия к собравшимся у него пропала по причине этого, а также из-за одобрения ими дел Клюки фон Клюгенау, которые имели место раньше.

Указание на нечто чрезвычайно удивительное. Хвала великому Аллаху! Те собравшиеся люди, которые взялись улучшить свою мирскую жизнь, нанося вред делу религии, исчезли менее чем за два года. Родни у них осталось очень мало, дома их были сожжены, а обитатели исчезли. Что же касается Шамиля, то, как только он уцепился за религию, так и мирская жизнь стала ровано долготетие, ведь «то, что приносит пользу людям остается [надолго] на земле». ^{a)} Таково открытие, сделанное некоторыми из наставников!

Удивительно то, что селение Гимры было сожжено три раза, но находящийся в нем дом Шамиля так ни разу и не сгорел. Русские при этом приложили огромные усилия для сожжения этого дома или хотя бы для его поджога. Не сгорели также: ни дом Шамиля в Ашильта, когда само село было сожжено, ни его обитель, находившаяся на Ахульго, когда русские поднялись туда первый раз, еще до великого сражения. Да окажет всевышний Аллах содействие Шамилю в делах религии!

В тот день Шамиль отправил посланца в Ашильта просить, чтобы оттуда явились юноши. От ашильтинцев пришли к нему около шестнадцати человек. О своем намерении переселиться Шамиль известил тогда лишь жену Патимат, да и то после последней вечерней молитвы. Патимат покорно согласилась с ним в этом вопросе, и тогда они подготовили свое домашнее имущество и мебель, связали все это и после утренней молитвы передали юношам. Мальчики же—Джамалуддин и Газимухаммад были посажены на плечи других ашильтинских юношей. Выходя, Шамиль обратился к своему дому с речью, говоря: «Я покидаю тебя, так как для меня оказалось невозможным, проживая внутри тебя, установить законы религии. Ну ничего, лучшее творение Аллаха, пророк Мухаммед—да благословит Он его и приветствует!—тоже покидал лучшую из земель Всевышнего—Мекку, когда ему не удалось утвердить там свою религию. Если всевышний Аллах предопределит установление тут законов религии, то я вернусь в твою

^{a)} Коран.

стены, а если нет, то что мне от тебя? Ты ведь изгажен солдатским калом»; они в прошлом испражнялись на его плоской крыше. Шамиль вышел наружу и тут его встретила мать, которая плакала и говорила: «Куда же ты идешь? Как же ты меня оставляешь?» Шамиль ответил: «Я далеко не уйду. Я перебираюсь в твоё селение, в Ашильта»¹⁵⁵—его мать была оттуда.—«Если ты желаешь, то я отвезу туда и тебя, после того, как будут переправлены женщины и дети». Мать перебралась тогда в Ашильта, но затем возвратилась назад в Гимры и там умерла,—да простит её всевышний Аллах!

Шамиль прожил в Ашильта около двух лет. Ашильтинцев он нашел буйными, подобными стаду ослов, выпущенных на пустошь. Он прочел им проповеди, дал приказы и установил запреты, после чего они стали как будто бы послушными и покорными.

Однажды ночью, однако, пришел знакомый мальчик и говорит: «В доме одной женщины сидят мужчины и женщины вперемежку и занимаются лущением кукурузы и сортировкой её зерен. А ты же ведь запретил такое смешение». Шамиль спросил мальчика: «Ты пойдешь со мной показать тот дом?». Он ответил: «Да». Шамиль тогда встал, вооружился, взял толстую трость и пошел. Остановился он только перед дверьми. Найдя их запертыми, Шамиль прислушался к находящимся внутри. По голосу он узнал среди собравшихся своего родственника по имени Инус. Строгим голосом Шамиль подозвал его и сказал: «Открой дверь». Тот боязливо встал и открыл дверь. Шамиль зашел к занимавшимся лущением, ударил мужчин тростью и выбранил за мерзостное смешение. Он отчитал их, и они убежали. Осталось лишь несколько женщин по углам дома. Тут Шамиль спросил: «Где хозяйка этого дома?» Та поднялась и сказала: «Это я—готовая пожертвовать жизнью за тебя». Шамиль хорошенько поругал её и затем возвратился назад.

На другой день из-за того происшествия двое мужчин подрались, и при этом оба отказались принять наказание (тазир). Народ же в Ашильта проявил снисходительность в вопросе их принуждения к этому. Тогда Шамиль встал, вооружился, взял книгу, уселся на ашильтинском годекане, положил книгу перед собой и сказал: «Сегодня день размежевания между выполняющими шариат и отвергающими его. Поэтому, если вы пойдете, приведете ту парочку и принудите её к принятию наказания, то и делу конец. В противном же случае я пойду в одиночку и сражусь с ними обоими из-за этого. Я затем попрошу помощи в окрестных местах, и тогда придут те, которые будут сражаться с вами и искоренят вас. Вы что же, считаете, что тех, кто помогает шариату и устанавливает его уже не осталось? Всевышний Аллах не оставит мусульманскую религию и её адептов на произвол судьбы. На-

против, он поможет последним возвеличить ее.» Тут ашильтинцы набросились на тех двух мужчин, как львы, и притащили их для совершения наказания. С того дня под влиянием шариата ашильтинцы стали мягкими. А ведь то время было временем сильного возбуждения взаимной ненависти и вражды между людьми, проживающими в Дагестане, в связи с чем ослабла мощь шариата и усилилось высокомерие мунапиков, чьи голоса возвысились, а голы поднялись.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА УНЦУКУЛЬЦАМИ ПРОТИВ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

За то время унцукульцы три раза собирали войско против Шамиля, но всевышний Аллах через это лишь сильно принизил их и обесчестил.

*Во время одного собрания унцукульцев против Шамиля он написал им письмо следующего содержания: «Эй, унцукульцы! Не касайтесь пальцами ваших рук задницы медведя. Он вас уничтожит». После уже подчинения унцукульцев и укрощения их могуществом Шамиля один из равнинных мунапиков познакомился с этим посланием и сказал примерно следующее: «Вы только посмотрите, сколь истинными была слова этого человека, и сколь безобразной, сколь массовой была гибель людей среди унцукульцев»^{а)}.

Один раз, к примеру, унцукульцы вывели против ашильтинцев (иш) рассыльных из [всех] областей хиндалальцев, которые потребовали, чтобы те удалили Шамиля из своего селения. Ашильтинцы испугались рассыльных: что они попортят их пашни и фрукты. Поэтому они попросили Шамиля, чтобы он вышел из Ашильта в какую-либо сторону, а затем, после возвращения рассыльных назад, вернулся бы к ним. Ашильтинцы настойчиво просили его об этом. Шамиль же указал на большой палец своей ноги и поклялся: «Если они потребуют от меня пошевелить ради них вот этим пальцем, то я и этого не сделаю». Затем он, со своими товарищами числом менее десяти, вооруженный, в кольчуге, в шлеме — как будто закованный в железо — вышел и остановился на холме, находящемся вдали от селения ашильтинцев, на виду у тех рассыльных. Со стороны последних к Шамилю подошел в качестве их посланника один мужчина, знакомый ему со времени учебы, и ска-

а) А, К—отмеченный абзац отсутствует.

зал: «Они просят тебя выйти из этого селения куда-нибудь в сторону и оставаться там, пока они не возвратятся назад, исполнив то, к чему их обязали вышестоящие, вплоть до Ахматхана ^{а)}, ¹⁵⁶ а затем ты возвратишься сюда же». Шамиль, однако, обругал рассыльных, пригрозил им, произнес несколько грубых слов—как будто он командующий ^{б)} огромного войска—и поклялся, что ради них он не пошевелит и пальцем. Он сказал: «А ну-ка, пусть подойдет ко мне тот, кто собирается выгнать меня. Если ты посмеешь еще раз вернуться ко мне с такими словами, я непременно влеплю тебе пулю в лоб».

Когда этот посланец вернулся к рассыльным и передал им слова [имама] они в ужасе удрали оттуда, а Шамиль вместе с бойцами, которые были с ним на холме, помчался вслед за ними. Тут с другой стороны подоспели ашильтинские юноши, вследствие чего они захватили многих рассыльных и раздели их.

Другой раз унцукульцы, выступив против ашильтинцев, остановились на их пашнях и в их садах. Унцукульцы потребовали удалить Шамиля, то есть, чтобы ашильтинцы изгнали его из своего селения. Унцукульцы порубили и пожгли то, что находилось там и принадлежало ашильтинцам, а также повредили усадьбы, стоявшие на ашильтинских хуторах (риф). Ашильтинцы же не хотели изгонять Шамиля, но при этом они мучались от того, что унцукульцы сделали им из-за него. И тут случилось так, что к Шамилю пришел один из ашильтинцев и говорит: «Наш мулла — ученый Али Кульзебский ^{в)} ¹⁵⁷ ведет между нами на годекане разговор, что Шамиль, мол, должен уйти из этого селения ради пресечения этой великой смуты, чтобы потушить ее». Шамиль пригласил тогда муллу к себе. Они оба уселись на скамью и немного побеседовали. Затем Шамиль спросил муллу: «Это что за разговор, который передают с твоих слов?» Тот ответил: «Я сказал это потому, что отсюда на Ашильта лезут хунзахцы»—и он показал на одну сторону, «отсюда—гумбетовцы. Лезут и отсюда и отсюда. Враги вызывают смуты, делают серьезным положение дел и в результате оно становится тяжким». Шамиль сказал тогда: «Эй, мулла! Потише! А если, к примеру, неверные повернут на стамбульцев, осадят их в городе и потребуют изгнать из их среды султана (гункар) ^{г)} ¹⁵⁸. Ты что же, дашь фетву ¹⁵⁹ на изгнание его оттуда, чтобы успокоить смуту и ради устранения вреда от противостоя-

а) А—«обязали со стороны Ахматхана».

б) А—«старший».

в) А—приписка: «[Кульзеб]—одно из селений Мукратля (Мукрат), расположенное в Казикумухской стороне».

г) Б, В—«(хунгар)»; А—приписка: «Наименование великого имама на аварском языке».

ния?» Мулла ответил: «Я не дал бы фетвы на это». И тогда Шамиль сказал: «А если так, то знай, что я—имам, подобный турецкому султану, а это селение для нас—подобно Стамбулу». Мулла спросил: «Ты что же, хочешь сказать, что я распространитель ложных слухов, ведущих к смутам?» Шамиль сказал: «Скорее я говорю, что ты самый злостный распространитель ложных слухов, ведущих к смутам, и за подобное распространение слухов тебе следует отрубить голову». Мулла после этого сразу вышел наружу, пожелтев от испуга.

Унцукульцы повернули затем из Ашильта на землю гимринцев, задумав: одних мужей из числа гимринцев перебить, а других мужей взять в плен. Они вначале пригласили гимринцев к себе [в лагерь]. Часть унцукульцев совершала в то время вечерний намаз под руководством некоего Мутаалима^{а)}, другая часть, находившаяся позади молящихся, беседовала с гимринцами. Вдруг между ними возникло волнение и раздался крик. Мутаалим, прервав молитву, сразу спрыгнул с земляного возвышения и убежал.

Унцукульцы убили тогда одного праведного мюрида и еще одного мужчину из Гимр, остальные гимринцы^{б)} убежали. Унцукульцы также взяли в плен убежавшего Бартихана. А некоторые из гимринцев тем временем прокричали своим родственникам, находившимся в Гимрах: «Они убили того-то и того-то и взяли в плен того-то. Будьте осторожны». Те начали разбегаться и укрепляться против унцукульцев. Тут кто-то закричал на языке унцукульцев: ¹⁶⁰ «Кто будет тихо сидеть в селении, тот—в безопасности».

Гимринцы находились в таком вот взволнованном состоянии и вдруг после наступления темноты унцукульцы устремились на них—внутрь селения. Когда, однако, первые из унцукульцев вступили туда, гимринские юноши атаковали их с криком: «Подошли первые из товарищей Шамиля. Он уже перешел через мост и приблизился к нам. Ля хавля ва ля куввата илля биллахи ал-алий ал-азим. Мунапики обратились оттуда в бегство, побросав на улицах Гимр сумки со своей едой. Одни из них были тогда взяты в плен, другие — убиты, третьи—раздеты. Унцукульцы рассеялись по разным местам, так что в тот день больше собраться не смогли. К себе в родные места они возвратились небольшими группами—униженные, несчастные до такой степени, что когда какая-то женщина встретила одну такую группу на краю селения Унцукуль и сказала: «С прибытием!»—ей не ответили. Затем она встретила другую группу. Женщина сказала то же самое и ей опять не отве-

^{а)} Можно иначе: «одного ученика», но в списке В дается пояснение: «Это имя мужнины».

^{б)} Б, В—пропуск.

гли. Таким же образом, когда она встретила третью группу, ей опять не ответили на приветствие. Тогда женщина сказала: «Бедняги! Вы же не виноваты, если оказалось, что вы боязливые».

Шамиль пошел затем в Гимры и просидел там около недели. Что же касается того ученого Али Кульзебского, ашильтинского муллы, то—когда ему стало ясно, что лежит на сердце у мунапиков, когда он познал результаты их речей и деяний—он сказал ашильтинцам: «Я раньше говорил вам речи, но вы не приводите их теперь в качестве довода. Я раскаялся в этом, я отказываюсь от них. Шамиль создан именно для того дела, которое он творит. В этом деле он пользуется божественной поддержкой». После этого Али Кульзебский пошел к себе домой и сложил с себя обязанности муллы вплоть до возвращения Шамиля^{а)}; он как будто почувствовал тогда стыд перед ним.¹⁶¹

ГЛАВА О ПЕРВОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

Унцукуль был, кстати, захвачен еще и во второй и в третий раз в наказание за то, что унцукульцы собрали войско против Шамиля, о чем будет рассказано ниже.

Саид Игалинский—да помилует его всевышний Аллах!—с товарищами ушел к тому времени в Чечню для сбора войска оттуда. Там он, однако, и умер, как говорят, от яда.

Затем от чеченцев к Шамилю прибыл хаджи Ташав^{б)}¹⁶² с примерно сорока товарищами. С ними и со своими собственными товарищами Шамиль выступил в сторону селения Чирката. Чиркатинцы выказали Шамилю повиновение, правда, после намерения сразиться с мюридами и таким образом оказать им сопротивление, проявленного было Бисалилавом¹⁶³ и теми, кто следует за ним: как его сельчанам, так и жителями других мест. Затем мюриды пошли к селению инховцев (инхал), которых Шамиль подверг дрессировке, а затем—к селению Орота.¹⁶⁴

В Орота произошла перед этим сильная смута. Главой оротинских мюридов являлся тогда Аликул Хусайн,¹⁶⁵ а главой мунапиков—Дибирхаджияв. Там было убито тогда около двенадцати мунапиков и около восьми мюридов. Поэтому Шамиль примерно с сотней

а) А—«до возвращения Шамиля в Ашильта».

б) А—приписка: «В главе о начале сбора войска Шамилем будет сказано, что хаджи Ташав [родом] из Эндирея. Вдумайся (от его сына)»

товарищей направился к оротинцам. Навстречу Шамилю вышли, чтобы пригласить его в Орота, хаджи Нурмухаммад Оротинский и еще один мужчина. Шамиль спросил их: «Сможете ли вы вдвоем провести нас в селение?» Они ответили: «Да»—и тогда мюриды пошли. Оротинцы сразу подчинились Шамилю, кроме засевших в замке—Дибирхаджиява и его последователей. Мюриды поэтому сразились перед замком с ними, а также—с теми хунзахскими мунапиками, которые выступили для оказания помощи своим оротинским друзьям и стояли за пределами селения. Затем в темноте проклятый Дибирхаджияв и те, кто был вместе с ним, убежали в Хунзах (Авар). Спасся он при этом переодевшись в женскую одежду.¹⁶⁶

Затем мюриды остановились в селении Харахи (хирик)¹⁶⁷ и тут на них напали: полки хунзахцев с одной стороны, андийцев—с другой, а также технуцальцы (тихнусалал)¹⁶⁸ и чеберлойцы (джарбилал)¹⁶⁹. Шамиль со своей группой атаковал тогда хунзахцев, а чеченцы¹⁷⁰ и их предводитель Газияв Андийский напали на андийцев. Все они были обращены в бегство под ударами мюридов и рассеялись. Из числа их удалось *после того^{а)} проявить враждебность по отношению к Шамилю только хунзахцам.

Затем они, то есть воины Шамиля и он сам, подойдя со стороны харахинцев, остановились в садах унцукульцев с топорами в руках. Шамиль пригрозил унцукульцам порубить их деревья, и тогда они сдались ему.¹⁷¹ Шамиль назначил над ними набом и одновременно кадием ученого Сурхая из Коло (Кулуви).¹⁷²

ГЛАВА О БИТВЕ С АНДАЛАЛЬЦАМИ И ХУНЗАХЦАМИ В ГОЦАТЛЕ

[1836 г.]

Шамиль со своими муртазиками выступил против буцринцев (буцун).¹⁷³ Те сразились с Шамилем и не позволили ему войти в Буцра. Шамиль остановился тогда в Оркачи (уркач)¹⁷⁴ у Муртазаласул Мухаммада.¹⁷⁵

Они посовещались между собой. Те, кто прибыл вместе с Шамилем, захотели было вернуться в родные места, но он отказался, сказав: «Мы не имеем права вернуться назад, подобно собаке, которую мельник отогнал от мельницы». После этого Шамиль повел своих товарищей через Гоцатль к мосту кородинцев (карал). Оттуда мюриды увели стадо коров, принадлежавших кородинцам и

а) Отмеченная фраза имеется только в списках Б, В.

затем призвали их к повинности и покорности, за что, как они объявили: «их коровы будут им возвращены». Кородинцы, однако, отказались и обратились за помощью к своим друзьям.

Шамиль объявил тогда кородинцам, что он возвратит коров, принадлежащих сиротам, если придет человек, который отделит их. Никто, однако, не пришел и тогда мюриды в гнев зарезали всех коров на виду у кородинцев.

Тут подошли андалальцы, во главе которых шел, подстрекая их, ученый—сын согратлинского кадия. Остановились они напротив селения Гоцатль. Пришли и хунзахцы ^{а)}. Они остановились в стороне, а русские с Клюки фон Ключенау и Ахматханом ^{б)} остановились на площадке Бири. Войско Шамиля напало на андалальцев, и те были принуждены бежать оттуда, но при этом пали мучениками и превосходные мюриды.

К Шамилю пришло тут послание от Клюки фон Ключенау, в котором говорилось: «Что это ты творишь?» Шамиль написал ему в ответ: «Перемирие было заключено у нас на условии введения между нами—мусульманами шариата волей или неволей: если кто примет шариат добровольно, то это будет благом для них же, а если кто откажется от шариата, то их мы принудим к принятию его. Мы будем сражаться за шариат с отказывающимися, подобно тому, как сразились против андалальцев. Если ты, то есть Клюки фон Ключенау, будешь придерживаться условий нашего мирного договора и обещанного, то и делу конец, а если нет, то на все божья воля». Клюки фон Ключенау рассердился, затем пришел в ярость, швырнул письмо на землю и ударил по нему ногой.

Товарищи Шамиля напали затем на* лагерь хунзахцев ^{в)}, обратили их в бегство и очень многих из них убили. Газияв Андийский и другой мужчина убили тогда по пятнадцать человек; говорят, что Газияв Андийский дал ранее обет убить пятнадцать хунзахцев за убийство ими имама Хамзата, что он «там и выполнил».

Говорят, что из селения Хунзах (Авар) было убито тогда около ста человек, а из числа ахалчинских (Акалчи) главарей—сторонников обычного права (русам) — около восьми. Из них были, кроме того, взяты в плен: ученый Мухамад—сын Хунзахского (Авар) кадия и мулла Омар Ахальчинский. ¹⁷⁶ Шамиль ударил последнего по рту, говоря: «Ты что же, не понял смысла сказанного в Ко-

а) В—«Авар».

б) Б, В—«Ахмад»; К—«енарал Гулюка и Ахмадхан».

в) В, К—«лагерь Авара».

ране: «Мы заставим их вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее мучение»^{а)}.

Андалальцы, Клюки фон Ключенау и те, кто был вместе с ним, возвратились таким образом назад, не получив [божьей—?] помощи, разочарованные. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ШАМИЛЕМ ДЛЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУССКИМ, КОГДА ОНИ УСТРЕМИЛИСЬ НА ХУНЗАХ И О СРАЖЕНИИ АССАБЦЕВ ПРОТИВ НЕГО

[1837 г.]

Хунзахцы^{б)} испугались затем, что возвышение религии и ее приверженцев лишит их господства^{в)}, ибо они много чего натворили^{г)}. Поэтому хунзахцы пошли к русским и пригласили их построить у себя крепость. Те вместе со своими подчиненными двинулись тогда в путь.¹⁷⁷

Когда Шамиль узнал об этом, он со своими товарищами поднялся и, оставив свое семейство в Ашильта, собрал—и волей и неволей—войско из багвалальцев, ахвахцев (акхал)¹⁷⁸ и других с намерением встретить русских на дорогах, в узких местах. Шамиль имел намерение закрыть эти проходы, прежде чем русские успеют взойти на Хунзахское плато. Когда, однако, он прибыл с воинами к хуторам ассабцев (ис),¹⁷⁹ те дали мюридам сильнейшее сражение. Войско Шамиля бежало. Ассабцы убили, захватили и раздели [многих] мюридов.

Всевышний Аллах спас, однако, Шамиля, которого чуть было не убили. Сделал Он это рукой одного из его товарищей, который убил того ассабца, — который устремился на Шамиля. Затем Шамиль остановился в местности Зоно¹⁸⁰ и просидел там со своими товарищами, сильно голодая, около двадцати дней и ночей, поднимая людей, набирая их в войско. Русские, однако, к тому времени уже поднялись в Хунзах^{д)}—и тогда Шамиль вернулся назад со своими товарищами числом менее сотни, среди которых находились хаджи Ташав и его товарищи-чеченцы.

Шамиль подошел к селению Цекоб (цикал), но там с ним сразились гидатлинцы (хид). Они не позволили ему переправиться

а) Коран.

б) В—«жители Авара».

в) А—приписка: «то есть успехов».

г) А—приписка: «...натворили — убили имама Хамзата, сражались с Шамилем».

д) В—«они, то есть русские, уже поднялись в Авар».

через свой мост. Тогда Шамиль перешел в ущелье ратлубцев (рихик).¹⁸² Большинство ратлубцев сразились с Шамилем, но некоторая часть их выразила тогда свое согласие с ним. Тут подошли карахцы и настелили там мост, после чего Шамиль вышел к ним из того ущелья. Карахцев и их вассалов он повел с собой и затем остановился напротив селения Телетль (тикал).

Мухаммадмирза-хан Казикумухский (Гумуки)¹⁸³ со своим полком и мунапиками той стороны находились тогда в селении Чарах (Шарах).¹⁸⁴ Он отправил нескольких мужей к Шамилю поговорить о перемирии и примирении, пока не пришли русские. Те же окружили мюридов.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В ТЕЛЕТЛЕ И ВСТУПЛЕНИИ РУССКИХ В АШИЛЬТА

[1837 г.]

Шамиль и те, кто добровольно повиновались ему, вступили тогда в селение Телетль. Остальные же воины убежали той дождливой ночью в свои обители, претерпев большие мучения.

Произошло сражение. Русские полностью блокировали мюридов. Вместе с русскими были тогда андалальские и куядинские мунапики и их вассалы, причем куядинцы оказались одними из наиболее зловредных по отношению к мюридам. Были с ними также Мухаммадмирза-хан Казикумухский и Ахматхан Равнинный^{а)} со своими полками. Ночью был отправлен против мюридов отряд русских, чтобы атаковать их со стороны Голотля. В ночной темноте, однако, мюриды сами атаковали их. Они перебили этот отряд и раздели его. Из этих русских назад вернулись лишь немногие. Той же ночью мучеником за веру пал храбрец, ученый мухаджир Малларамазан Джарский—да будет благословенной его тайная мысль!

Русские опять напали на мюридов. Пушками они разрушили в Телетле все замки и высокие здания. Головы мюридов опустились, сердца—сжались. Если бы не призывы к терпению, исходившие со стороны Шамиля, и его запрет мюридам вступать в контакт с теми, кто находился снаружи,^{б)} и даже беседовать с ними, мюриды не смогли бы там противостоять врагу.

Хаджи Ташав Эндиреевский отправил к Шамилю Газиява Андийского, говоря при этом последнему: «Давай мы выйдем отсюда

а) А—приписка: «У него, правда, имелись земля и посевы в Хунзахе».

б) А—«снаружи от селения».

в окружении а) детей и женщин этого селения б), которых не отпустим, пока мы все не освободимся из вражеской осады и от вреда, наносимого ею. Если же нет, то ты проси разрешения на выход лично для меня. В противном случае я уйду один». Шамиль, услышав это, сказал Газияву: «Клянусь Аллахом! Я не выйду отсюда, если даже останусь один-одинешенек и не разрешу ему выйти. Если же хаджи Ташав попытается выйти без моего разрешения, то я влеплю ему пулю в центр спины» в). Хаджи Ташаву было сказано: «Терпи, уповай на всевышнего Аллаха»,—а он ответил: «Я-то буду уповать, но это упование—вынужденное».

Отдельные группы русских вошли все же в один конец селения Телетль. В таком положении они пробыли примерно сорок с небольшим дней и ночей. В конце концов, однако, всевышний Аллах убрал их от мюридов. Было заключено перемирие и для гарантии его Мухаммадмирзе-хану г) были отданы в залог: сын сестры Шамиля, сын Мирзы Телетлинского и сын Абдурахмана Каракского-Гочобского д).¹⁸⁵

Шамиль имел затем встречу с названными лицами и приказал им, чтобы они в своих вилаятах вводили шариа́т. А было это перемирие заключено тогда, когда мунапики и люди слабых убеждений предложили, что из числа тех, кто находился в Телетле, не осталось никого из-за великой мощи неверных и многочисленности их помощников.

Произошло это в конце весны тысяча двести пятьдесят третьего (1837) года.¹⁸⁶

Я благословил их тогда стихом в размере раджаз:

**О, боже! Помоги мюридам, даруй им победу.
О, господи! Посодействуй им и обрадуй их.
Окажи этим рабам божьим
помощь и еще раз помощь.
Ниспошли им спокойствие в бою
и сотрясай их врагов и каждого тирана.
Даруй мюридам победу над теми, кто враждебен тебе.
И сделай последних добычей для тех, кто дружественны
тебе.**

а) Можно иначе: «поместив в центр», «при посредничестве».

б) А—«этого телетлинского селения».

в) А—приписка: «Он (Газияв—Т. А.) возвратился назад и сообщил то, что сказал Шамиль».

г) В—«Мухаммадмирза-хан Казикумухский».

д) Б, В, К—отмеченное слово отсутствует.

**О, боже! На тех, кто покусился на мюридов
ниспосли молнию, которая бы их уничтожила.
Если ты оставишь без поддержки эту группу суннитов,
то не будет искренним величественное богопочитание.
Пророку, который пришел с божьей помощью и победами
возношу приветствия и благословения
Возношу я их также его семье и сподвижникам
и еще, да будет спасен этот устаз благодаря сподвижникам! ^{а)}**

Что касается сына сестры Шамиля, то его русские «скрыли» ^{б)} * в то время, и вернулся он лишь через много лет, как то будет рассказано в конце книги ^{в)}. Двух же других заложников Мухаммад-мирза-хан через некоторое время доставил ночью к куллабцам и бацадинцам (куласил ва бацадисил) ^{г)}, а слух пустил, что они, якобы, тайком убежали от него. * Да воздаст ему всевышний Аллах за это добром! ^{д)}.

Шамиль вернулся затем к своей семье. Нашел он ее, однако, в Чирката, ибо, когда он находился в осаде в Телетле, русские двинулись на Ашильта. Население его убежало тогда на Ахульго (Ахул кух), и те сожгли селение; не сгорели только дом Шамиля и дом его родственницы, который та завещала ему по назру. Затем, однако, русские вознамерились подняться на Ахульго и тогда женщины и дети убежали в Чирката. Русские же поднялись тогда на Ахульго и сожгли дома, которые там были, за исключением дома Шамиля, причем книги Шамиля чуть было не попали в их руки и спасены были лишь благодаря остроумию познавшего Аллаха богобоязненного аскета Мухаммада Ашильтинского. Да помилует его всевышний Аллах!

Затем с русскими сразились: ученый Алибек—сын Хириясулава, который был тогда муллой в Аргвани ¹⁸⁶, а также бывшие вместе с ним багвалальцы и другие горцы. Они убили много врагов и удержали их от того, чего эти враги желали. После этого русские вернулись ^{е)} назад.

а) А, Б, К—приписка: «то есть моего устаза хаджи Дибера Гунухского (Хунухи)-Карахского и тех борцов за веру, которые были вместе с ним в той (Телетлинской—Т. А.) битве; в числе их—нетребовательный аскет Герги-чиль (Киркичил) Мухаммад Глерошский (Куруши)-Карахский». ¹⁸⁷ (Фраза, следующая после точки с запятой, имеется только в списке А).

б) Б—приписка: «затем, однако, они возвратили его, о чем будет рассказано в конце (от него)».

в) Отмеченная фраза имеется лишь в списке А.

г) Б, В—(кула-биц).

д) Отмеченная фраза имеется только в списках А, К.

е) К—«вернулись разочарованными».

До Шамиля, находившегося тогда в Телетле, весть об этом сражении дошла, но он не стал даже слушать ее, пока не закончилось дело, которое происходило там. Каким же сильным было пепеложение Шамилем своих дел на волю Аллаха и его Упование на Него! ¹⁸⁹

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ С ЖИТЕЛЯМИ ЧИРКАТА, КОГДА ОН НАХОДИЛСЯ ТАМ

[1837 г.]

Шамиль возвратился из Телетля и осел в Чирката. С разных сторон к нему стали приходить группами мюнды. Тут собрались двадцать три чиркатинских мунапика, которые поклялись разрушить мосты и не давать дороги чужакам, приходившим к Шамилю. Мунапики при этом утверждали, что они де сами сделают Шамилю то, в чем он нуждается. Об этом было сообщено Шамилю, чье местопребывание находилось в верхней части селения Чирката. Он обнажил тогда свою саблю, положил ее на плечо и вышел из своего местопребывания, причем вместе с Шамилем был тогда лишь его неотлучный товарищ—Юнус. Шамиль бранил мунапиков и угрожал им самыми, что ни есть грубыми словами. Он подошел к воротам мечети и закричал мулле: «Выходи». Тот пошел, дрожа от страха; рассказывают, что мулла был согласен с мунапиками в этом вопросе. Шамиль сказал мулле: «Я услышал то-то и то-то. Но я знаю смысл заявлений этих мунапиков и выводы, к которым они пришли в этом вопросе. Если ты согласен сейчас же наказать их и арестовать, то делай это. Если же нет, то я убью из них каждого, кого встречу, безразлично—мужчина это или женщина». Мулла попросил, чтобы Шамиль вошел в мечеть, пока он не совершит указанное ему. Шамиль, однако, поклялся, что не войдет до тех пор, пока это дело не завершится. Тогда мулла арестовал их, и только после этого Шамиль вошел в мечеть и произнес проповедь членам чиркатинской общины, после того, как мулла собрал их. Шамиль выбранил чиркатинцев, сказав: «Эта религия не унижает своих приверженцев, а возвышает, вопреки воли скверных людей. Дела никогда не будут такими, как предположили мунапики. Я—клянусь Аллахом! — непременно убью того, кто коснется моста чем-либо иным, кроме внутренней стороны стопы своей ноги». С тех пор характер чиркатинских мунапиков смягчился.

Рассказ. В то время, когда Николай (Микалай) Русский кружил* по горным странам,^{а)} Клюки фон Клюгенау пригласил Шамиля, который находился тогда в Чирката, на съезд. Клюки фон Клюгенау примерно с пятнадцатью товарищами прибыл в Гимринское ущелье. Пошел туда с товарищами и Шамиль. Когда они встретились, Клюки фон Клюгенау предложил свою руку для рукопожатия, но Шамиль отказался от этого, хотя товарищи и настаивали. Затем они сели, и Клюки фон Клюгенау заговорил, прося Шамиля приехать для встречи с русским Николаем. Он утверждал, что император возвеличит его, Шамиля, окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман. От императора, мол, не будет никакой измены. Шамиль, однако, не соглашался на это. Они пребывали в таком вот положении, и вдруг снизу появился Ахбердиль Мухаммад¹⁹⁰ со своими товарищами, которые пели: **Ля иляха илля ллах**. Проклятый Клюки фон Клюгенау испугался, взволновался и спросил Бартихана: «Разве я не нахожусь под вашим покровительством?» Тот ответил: «Да». Затем Клюки фон Клюгенау спросил: «Вы разве допустите вероломство по отношению ко мне?» Бартихан ответил: «Нет». Тогда Клюки фон Клюгенау сказал: «Вот точно так же и наш Николай не допустит вероломства по отношению к Шамилю».

Когда они затем встали, чтобы расстаться, проклятый Клюки фон Клюгенау опять предложил руку, но Шамиль опять отказался. Мало того, между ними обоими встал Ахбердиль Мухаммад Хунзахский, препятствуя возможному рукопожатию. Тут проклятый^{б)} выказал гнев против Ахбердиль Мухаммада, чего, однако, он не выказал по отношению к Шамилю. Шамиль же отчитал Клюки фон Клюгенау и, грубо обратившись к нему из-за этого, сказал затем: «Уведите этого проклятого человека от нас подальше».¹⁹¹

ГЛАВА С РАЗЪЯСНЕНИЕМ ПРИЧИН ПОДГОТОВКИ К БОЯМ АХУЛЬГО

[1838 г.]

После того как русские поднялись на Хунзахского плато и овладели им, они заложили: огромную крепость в Хунзахе, крепость в Ахальчи, крепость в Моксохе,¹⁹² крепость в Цатанихе,¹⁹³ крепость в Гочатле, крепость в Зирани,¹⁹⁴ крепость в Гергебиле (Караб), крепость в Балаханах и крепость в Гимрах.¹⁹⁵ Когда неверные обосновались в этих местах, мунапики подняли головы, шею

а) В—«по России».

б) А—«этот человек».

их вытянулись. Большинство людей волей-неволей склонилось к ним. В результате этого умножились беды правоверных. Тяжким стало положение дел у Шамиля и у тех ученых и мюридов, которые следовали по его стопам.

Они тогда по своему вопросу стали совещаться. Большинство предложило эмигрировать в Чечню.¹⁹⁶ Шамиль, однако, не согласился на это и сказал: «Мы будем сражаться, имея постоянное пребывание в какой-либо труднодоступной местности, имеющейся в нашей стране, *до тех пор, пока не насытимся^{а)} войной и не станем мучениками за веру». Ученый Сурхай Колобский согласился с тем, что сказал Шамиль. Тогда-то мюриды и начали искать местность, подходящую для этого.¹⁹⁷ В конце концов они склонились к тому, что будут подготавливать к боям Ахульго. Мюриды начали строить на нем завалы и укреплять его—пробивать отверстия в скалах, рассекать твердые холмики, а также возводить дома и мечеть в одном углубленном месте. Там они и обосновались со своими женщинами и детьми.¹⁹⁸

Пока мюриды занимались этим делом, русские вдруг двинулись против них. Когда, однако, они дошли до горы Хихи, преждевременно выпал большой снег. Начались сильные холода и русские ушли назад с огорчением, разочарованные^{б)} тем, что приходили.

Шамиль услышал затем, что мулла игалинцев (ихил) и их преступные вельможи стремятся к разложению шариата. Хотя у Шамиля и болели тогда глаза, он выступил ночью на Игали вместе с учеными Алибеком Хунзахским и Амирхамзой Гацалухским¹⁹⁹ и примерно с сорока товарищами. Один из этих двух ученых примерно с пятнадцатью товарищами вступил в Игали через верхнюю часть этого селения, другой ученый таким же образом вступил через нижнюю часть его. Сам Шамиль таким же образом, но через середину этого селения подошел к мечети. Тот мулла и его сторонники попытались было из домов сражаться с мюридами, но не долго. Его взяли в плен вместе с прочими мунапиками, и все они были затем убиты.

ГЛАВА О БОЕ В ТАРАДА ИНХЕЛО

В то время пришел однажды к Шамилю человек с просьбой о помощи, говоря: «Русские встали лагерем на краю земель Хунзаха, расположенных со стороны Карата».²⁰⁰ Шамиль с товарищами

а) В—«чтобы мы могли насытиться».

б) Б—«оставленные без помощи»; В, К—«разочарованные, оставленные без помощи».

выступил против них. Когда, однако, он подошел к ущелью Зоно то обнаружил там еще и войска багвалальцев вместе с их предводителями — Бахназил Мухаммадом²⁰¹ и другими. Тут багвалальцы неожиданно устремились на русский лагерь. Шамиль попытался было запретить им это, но багвалальцы не обратили внимания. Они говорили лишь о страстном желании священной войны, ибо в то время прослушали коранические аяты²⁰² о войне, прочитанные одним из багвалальских ученых,* который, кстати, находился тогда вместе с ними. Когда же багвалальцы были затем вынуждены быстро отойти назад, то у ученого спросили: «Где же то, что ты нам читал?», а он ответил: «Клянусь Аллахом! Я тогда не вспомнил прочитанного, даже слов кул хува длаху ахад».²⁰⁸

Багвалальцы пошли в наступление вместе с небольшой группой товарищей Шамиля, но очень скоро бегом возвратились назад со склона горы. Они—кроме членов той небольшой группы—отходили быстро, подобно стаду овец, не разбирая дороги. Никто из багвалальцев не оглядывался при этом на идущего сзади. Говорят, что один из багвалальцев прибыл тогда [к Шамилю] с неподвижным взором, вздыхая и рыдая. Он вскоре умер, не имея при этом на своем теле абсолютно ничего.

В тот же день неожиданно пришел другой человек опять с просьбой о помощи, говоря: «Русские вступают в селение Тарада Инхело».²⁰⁴ Шамиль выступил туда со своими товарищами. Он попытался при этом побудить к бою в Инхело и тех [багвалальских] воинов, но они не согласились. Тогда Шамиль пошел без них. Он совершил полуденный намаз в Карата, а затем вместе с теми, кто находился при нем, двинулся к Тарада Инхело. Русские к тому времени частью уже засели внутри этого селения, а частью продолжали спускаться.

Когда Шамиль оказался напротив селения, русские узнали его потому, что сабля у него была подвешена с правого бока^{а)}. Стоял он отдельно от товарищей, и тогда русские выстрелили по нему всеми пулями и ядрами, которые были в их ружьях и пушках. Шамиль, однако, успел встать за дерево и всевышний Аллах таким образом сохранил его от этого зла. Сразу же после этого залпа, прежде чем русские подготовили оружие ко второму залпу, Шамиль то пробежками, то быстрым шагом скрылся из их поля зрения в нижней части селения. Тут начальник тех русских, которые засели в селении, дал приказ подвести своего коня, чтобы он мог убежать. Русские после того обратились в бегство, а мюриды убивали их с тыла до тех пор, пока они в темноте не дос-

а) А, Б, К—приписка: «с тех пор он носил саблю только с левой стороны»

тигли своего лагеря. При этом, как рассказывают, каратинские женщины, чтобы утолить жажду* сражавшихся мюридов^{а)}, таскали воду аж с реки. Много русских было тогда убито. Мучениками же за веру пали: Сулайман Чиркатинский, Тамачалав Мехельтинский, хаджи Салихиль Хусайн²⁰⁵ Чиркеевский и еще кое-кто. Рассказывают при этом, что* названный хаджи^{а)} долго бежал за одним солдатом и, наконец, поверг его. Затем он вдруг услышал звук удара сабли по своей голове. Оказалось, что его ударил тот самый солдат, который перед этим упал.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В АРГВАНИ

[1839 г.]

На втором году после начала подготовки Ахульго к боям Шамиль услышал, что русские двинулись против этого пункта вторично. Он тогда вышел из Ахульго в одиночку и лишь в Аргвани (иргин) к нему присоединился его товарищ Юнус. Шамиль разослал [оттуда] посланцев и послания поднимать людей на бой.

Шамиль вместе с теми, кто собрался вокруг него, встретил русских сначала на земле буртунайцев (буртинал).²⁰⁶ Там, однако, ничего особенного не произошло, и он повернул назад, к селению Аргвани. Шамиль подготовил его, закрыл аргванийские проходы и создал завалы на дорогах для будущих сражений.

Русские двинулись на мюридов первый раз в обеденное время, но те отразили их. Мюриды убивали их в большом количестве вплоть до заката солнца. Из-за множества сраженных руками мюридов говорили даже, что русские на следующий день возвратятся туда, откуда пришли.

Рассказывают, со слов Исмаила Чиркеевского, сына Джамала, который в то время находился вместе с русскими: енарал (инарал) Пантелеев (Танфули)²⁰⁷ из Темир-Хан-Шуры, бывший другом Исмаила, рассказал ему, что утром того дня он видел отвратительный сон—все его воины перебиты, а ему самому пуля пробила грудь и вышла через спину. Исмаил сказал: «Вечером того же дня я встретил Пантелеева—двое мужчин тащили его, опиравшегося на их плечи. Большая часть воинов Пантелеева при этом уже погибла. Когда генерал увидел меня, сказал: «Исмаил! Разве не говорил я тебе, что так произойдет?»

Той ночью, однако, русские войска двинулись к правой, широкой стороне селения; рассказывают, что это произошло по указке

^{а)} Б. В. К.—отмеченная фраза отсутствует.

мунапика Гули²⁰⁸ Мехельтинского, который был вместе с русскими. Шамиль приказал тогда тем, кто находился на другой стороне Аргвани, перейти на эту—правую сторону. Мюриды, однако, не согласились, в связи с чем Шамиль сказал: «Беда, которая поразила пророка — да благословит его всевышний Аллах и приветствует!—и его сподвижников в день битвы при Оходе²⁰⁹, произошла, между прочим, из-за неподчинения стрелков приказу. Посмотрим, что вы еще увидите».

И, действительно, с той широкой стороны к Аргвани подошел отряд солдат. Мюриды, правда, убили многих из них и в результате отразили. Однако, подошел другой отряд солдат. Мюриды побили и отразили и их. Подошел третий отряд солдат, мюриды побили и отразили и их. Шамиль вознес тут хвалу всевышнему Аллаху, поблагодарил его и даже коснулся руками лица, думая, что русские больше не вернутся из-за многочисленности убитых с их стороны и этих поражений. Русские, однако,—да проклянет их всевышний Аллах!—дали сильнейший залп из ружей и пушек по месту, где сражалось* наше войско^{а)}, а затем большой отряд солдат полез вперед на четвереньках. Вот таким образом они и взобрались на стену Аргвани.

Говорят, что русские складывали своих убитых — одного на другого [в виде вала], пока не взобрались на стену и завал. Со слов человека, который был тогда вместе с русскими, рассказывают, что в отряде, который совершил такую атаку, в уши каждого солдата было заложено по кусочку воска, чтобы не слышать звяканья оружия.

Наше войско после того рассеялось—воины разошлись в разные стороны. Одни отошли назад и возвратились в ущелье, причем тогда враг побил их сзади и таким образом этим мюридам был нанесен там большой ущерб. Другие бросились в ущелье с вершины горы. Третьи были перебиты при отходе.

Шамиль спасся оттуда, не претерпев какого-либо ущерба. Спасся также и ученый Курбанали Хваршинский (Харши).²¹⁰ Он, правда, чуть не падал от усталости, а его бурка была продырявлена в пяти местах.

Часть наших воинов осталась, однако, в селении. Они находились там в осаде до наступления темноты и также претерпели большой ущерб. В Аргвани же пал мучеником за веру храбрый, познавший Аллаха хаджи Малламухаммад Тлохский.²¹¹ Да помилует его всевышний Аллах!

а) А—«имам и его войско».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ ПРИ АХУЛЬГО

Шамиль и его последователи собрались затем на равнине Саду,²¹² так как у мюридов сохранилось мало помощников, так как не осталось у них крепкого и безопасного места, где бы можно было противостоять врагам религии. После того мюриды пошли в Чирката и тут оказалось, что часть чиркатинцев не намерена переселяться на Ахульго, отговариваясь тем, что они де разойдутся по другим, разбросанно лежащим местам. Шамиль, однако, пригрозил им немедленной казнью и полным уничтожением, сказав: «Это все потому, что вы [втайне] желаете быть проводниками наших врагов в наши слабые места». Тогда эти чиркатинцы со своими женщинами, детьми и имуществом переселились на Ахульго.

Тут пришли русские. Они выступили затем в сторону Ашильта. Пришли также другие русские и мунапики из числа хунзахцев и унцукульцев.

С Шамилем же было тогда общим числом до пятисот бойцов. Из них примерно сотню воинов Шамиль оставил на высоком холме, который называли Шулатлюл (Шулалул) гох,²¹³ чтобы они охраняли его. Они и сохранили Шулатлюл гох в руках Шамиля около месяца. В течение этого времени Ахульго особо большого ущерба не понес.

Для тех, кто приходил на Ахульго и уходил оттуда, дорога шла через Чирката. По ней поступали нужные вещи и припасы (сусат), большая часть которых шла из Чиркея. Поэтому несколько групп русских и мунапиков вернулись назад, они построили лагерь в Чирката и обосновались там. После этого враги усилили бой против мюридов, находившихся на том высоком холме—как с фронта, так и с тыла. Бедственное положение тех мюридов ухудшалось, им стало тяжело. Около семнадцати героев из их числа пали мучениками за веру, и лишь после того мюриды покинули Шулатлюл гох. Они перешли к своим товарищам, находившимся на Ахульго. На холме же том засели русские.

Русские дали затем сражение, но были перебиты. Когда же они увидели* множество убитых^{а)} и все то, что было у них попорчено, то решили прибегнуть к хитрости. Они начали строить сооружение из досок, имеющее крышу, и понемногу приближаться^{б)} к Ахульго, так, чтобы не терпеть ущерба* от воинов Шамиля^{в)}. Несколько его товарищей бросились, однако, на них и испортили это сооружение.

Русские оставили последнее и прибегли к другой хитрости.

а) В—«множество боев».

б) В—«приближать его».

в) Б, В—«от наших пуль».

Они сделали длинный круглый мешок, который заполнили дровами, связали железными цепями и понемногу покатали в сторону Ахульго. При этом позади мешка русские опять соорудили крытое сооружение. Когда же все это таким образом приблизилось к Ахульго, у людей изменился цвет лица и сердца сжались. Шамиль призвал тогда желающих, если они есть, пойти на разрушение названного сооружения, но ему никто не ответил. Тут Шамиль поклялся, что этой ночью он непременно испортит названное сооружение и причем вознамерился пойти на это дело лично. Вместо Шамиля, однако, это дело взяли на себя ревностные мужи, которые набросились на русских и испортили то сооружение.

У русских было двадцать четыре пушки. Когда они стреляли из этих пушек по горе Ахульго, она покачивалась и причем так сильно, что ударяла в спину тем, кто прислонялся к ней. А русские все стреляли по Ахульго и путем размельчения земли, круша огромные скалы, разрушали стены в проходах и портили имевшиеся там убежища. Те, кто засели на Ахульго, не имели возможности спать ночью и не находили покоя днем—каждую ночь мюриды копали убежища и возводили стены в проходах, чтобы днем спокойно сидеть там, а русские каждый день разрушали это пушечными ядрами. Так мюриды провели около трех месяцев.

Шамиль вначале говорил: «Мы тут потерпим. Будем противостоять русским до трех месяцев. Надеюсь, к тому времени люди, находящиеся извне, или хотя бы часть их выступят на бой с врагами для нанесения им вреда с тыла». Его мнение об этих людях, однако, не оправдалось. Они лишь все больше и больше трусливо удерживали друг друга.

Из-за большой силы врага при собственной малочисленности и недостатке снаряжения те бедствия очень сильно подействовали на мюридов. Среди них появилось много раненых и больных. Ряд горцев пал к тому времени мучениками за веру. Силы горцев таким образом ослабли. Воду, к примеру, они доставали, отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку.

ГЛАВА О ПЕРЕДАЧЕ ДЖАМАЛУДДИНА — СЫНА ШАМИЛЯ РУССКИМ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКА ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Когда проклятый⁹⁹ сардал увидел, что ему не победить мюридов, не искоренить их, то предложил им заключить перемирие. В качестве залога, однако, он потребовал сына Шамиля. Все, кто был вместе с Шамилем, захотели, чтобы он дал согласие на это. Шамиль

а) А—«великий».

однако, отказался, говоря: «Это вам пользы не принесет. Сардал из-за этого не уйдет отсюда». Соратники, однако, опять попросили его, а Шамиль опять отказал. Они попросили его еще раз, но он и на этот раз отказал.

Когда, однако, настойчивые просьбы мюридов умножились и Шамиль увидел их ослабление и бедственное положение, он согласился с ними, чтобы прекратить их болтовню и стоны. Он передал русским своего сына Джамалуддина, который был мальчиком примерно восьми^{а)} лет, со следующими словами, обращенными к Аллаху: «О, Господь! Ты взрастил своего пророка Моисея— да благословит его Аллах и приветствует!—в руках фараона. Этого моего сына, формально, я, если и передаю неверным, в действительности, однако, он является закладом, врученным Тебе, вещью, отданной Тебе на сохранение. Ты—лучший хранитель!»

Проклятый сардал^{б)} потребовал затем, чтобы Шамиль пришел в одно место для встречи с русским начальником Пулло (Фуллу).²¹⁴ Шамиль же приказал тогда людям отговариваться перед сардалом: Шамиль, мол, не придет, потому что он болен или что-либо в этом роде. Шамиль сказал: «Если я приду к Пулло, то он, вполне возможно, потребует от нас того, что для нас будет невозможно сделать». Люди, однако, пожелали их встречи.

Шамиль отказывался от встречи до тех пор, пока осажденные не отнесли его отказ к трусости. Тут Шамиль встал разгневанный и пошел впереди мюридов. Они двинулись к месту встречи. Из Ахульго были тем временем выведены дети, женщины и домашние рабы (камил). Их расставили в поле зрения русских, чтобы толпа горцев выглядела большой и многочисленной. Женщины были одеты в одеяния юношей—в плащах, чалмах и с оружием. Когда русские увидели этот ряд, чаландар²¹⁵ спросил Юнуса: «Кто эти мужи, которых мы до сих пор не видели?» Юнус ответил: «Ахульго заполнено нашими людьми так же как ваши палатки заполнены солдатами». Когда же они увидели мужей в головных уборах, но без чалмы, чаландар сказал: «Среди них имеются, видимо, и наши мужи, не мюриды». Юнус ответил: «Это наши люди. У нас мюридом называется тот, кто выказал повиновение всевышнему Аллаху, кто придерживается его религии, а не тот, кто надел чалму». Чаландар сказал: «Так».

Шамиль и его товарищи увидели в том месте Пулло, а поблизости от него около тысячи русских—начальников и солдат. Они стояли так, что если бы был дан залп, то их пули попали бы в

а) Б—«восемнадцать».

б) А—«Русские».

Шамилля. Шамиль сел около Пулло. Тот подстелил было край своей накидки для Шамиля, но тогда он не сел туда.

Пулло начал длинную речь. Шамиль же, ведя себя как кичливый гордец, тем временем подложил край одежды Пулло под себя. Дело в том, что он твердо решил: убить Пулло и напасть на его товарищей, а не просто отойти назад, если только русские вознамерятся поступить вероломно. Товарищ Шамиля—мученик за веру Газияв Андийский понял смысл того, что он сделал. Поэтому Газияв приблизился к ним двоим и приготовился обнажить оружие.

Пулло суммировал затем содержание своей речи так: «По вашему обычаю право на выбор того или иного решения находится в ваших собственных руках. Мы же делаем лишь то, что нам приказано и установлено со стороны императора (патишах).²¹⁶ Если поэтому между нами будут подписаны мирный договор и соглашение, то нам необходимо будет сделать так, чтобы ты побывал у нашего сардала, и чтобы он увидел тебя и мог бы сообщить императору об этом». Шамиль же, как будто ругая и порицая своих товарищей, приведших его на эту встречу, сказал: «Пусть сейчас же берут [оружие]. Пусть сейчас же берут». ^{a)} Тут Бартихан — дядя Шамиля по линии отца ответил Пулло, прежде чем в беседу вступил Шамиль: «Мы, как-то сказал ты, люди свободные до анархизма. Один, к примеру, делает что-либо, а другой ему противоречит, один заключает договор, а другой—аннулирует его. У нас, однако, имеются ученые и мудрецы, которые находятся в селе. Они сюда не пришли, а мы можем делать что-либо лишь по совету с ними». Тут Ибрахимиль Хусайн²¹⁷ призвал мюридов к полуденной молитве, хотя время ее еще не подошло. Шамиль сразу же встал и сказал: «После призыва на молитву разговоров не бывает»,—и они разошлись.

После того русские потребовали отправить посредников, которые бы действовали между ними. Затем они потребовали этого еще раз, и тогда Шамиль ответил им так: «Я приду вооруженным с сотней товарищей, и во время беседы это оружие будет при мне. Ваш же сардал пусть приходит с тысячей товарищей, но остальные его воины пусть находятся вдали. Пусть он их возвратит назад». Русские, однако, не согласились на это и потребовали прихода в таком случае Бартихана, но он отказался. Во исполнение мирного договора русские потребовали тогда возвратить по домам тех детей и женщин, которые находились на Ахульго. Семьи, принадлежавшие к нескольким чиркатынским и гимринским

^{a)} А — приписка: «Гъанже босе (Теперь бери); на аварском языке».

домам, были высланы с Ахульго, но русские не удовлетворились этим.

Дополнение. Юнус—товарищ Шамиля рассказал: «Когда было решено отдать в заложники Джамалуддина, провели совещание: кто именно пойдет вместе с ним к русским, чтобы там постоянно сопровождать Джамалуддина и давать ему исламское воспитание. Никто, однако, не давал на это ответа, и тогда он, Юнус, сказал Шамилю: «Я сделаю то, что ты желаешь. Если ты считаешь, что я достоин пойти вместе с Джамалуддином, то я пойду». Шамиль наизусть прочел тогда Юнусу кое-что из Корана и затем тот, вооружившись, увел Джамалуддина с Ахульго.

Когда Юнус и Джамалуддин пришли к русским, те возвеличили их обоих и выказали им почтение. Вдвоем они были поселены в палатке у чаландара русских, который являлся у них начальником всех дел и их управителем.

Однажды Юнус был приглашен в палатку Граббе (Кираффи).²¹⁸ Тот многократно похвалил Юнуса и сказал: «Шамиль ведь прислушивается к твоим словам. Пусть он приходит к нам. От этого он получит множество благ, которых хватит до конца света». Юнус ответил: «Он этого не сделает. Если даже он лично склонится к тому,* чтобы сделать это,^{а)} на Ахульго имеются люди, которые удержат его от прибытия». Граббе сказал: «Ты все равно непременно сходи туда. Может быть, Шамиль все же придет».

Юнус пошел к Шамилю и сообщил мюридам о том, что сказал Граббе. Тут Шамиль сказал: «Я еще до отправки сына в заложники знал, что русские не помирятся с нами. Пусть они теперь сражаются с нами с той стороны, с какой хотят. Для них у нас имеется только сабля». Товарищи—Бартихан и другой мюрид не согласились на такой ответ. Они пожелали, чтобы Шамиль смягчил свои слова, но он сказал: «В сношениях с русскими смягчение нам пользы не даст». Юнус тут спросил: «Что же я скажу Граббе?» Ответа эти два горца не нашли, и тогда Юнус сказал: «Я скажу Граббе так-то и так-то». Соратники воскликнули: «Это—мысль!»

После этого Юнус к утру вернулся в палатку чаландара. Сделав утренний намаз, Юнус заснул и спал до тех пор, пока солнце не поднялось. Тут чаландар сказал ему: «Тебя зовут к Граббе». Юнус разбудил Джамалуддина, и они вышли вдвоем.

Вдруг показались ряды солдат, которые шли в сторону палатки Граббе, ударяя в большой барабан так, будто их ведут на смерть. Они оба вошли затем к Граббе, причем Юнус был вооружен; он не

а) А—отмеченная фраза отсутствует.

расставался с оружием и чалмой Граббе спросил: «Ну, что сказал Шамиль?» Юнус ответил: «Он утверждает: ты взял его сына в заложники ради заключения мира, обещая при этом вернуться назад и не наносить никому и ничем ущерба, но ты нарушил это обещание; затем ты приказал отправить часть детей и женщин в их прежние обители, а остальных обещал отпустить туда, куда они захотят пойти, но и в этом вопросе ты проявил вероломство». Юнус упомянул еще и третий факт, а затем сказал: «После всего этого мы вам больше не верим. Вы—люди вероломные, лживые и коварные». Граббе^{а)} пришел в возбужденное состояние, рассердился и сказал: «Шамиль и его слова меня не интересуют. Нам приказано пленить его и захватить женщин и детей. Для этого мы и посылаем солдат наводить там мост». От слов Граббе кожа у Юнуса вздрогнула, во рту стало горячо, а рука потянулась к кинжалу с намерением убить этого негодяя^{б)}. Затем, однако, Юнус проявил терпение, пожалел этого мальчика Джамалуддина и подумал^{в)}: «Подожду-ка я лучше. Если со стороны русских проявится то, что мы Шамилю не желаем, то я, будучи при своих убеждениях, совершу убийство, пренебрегая смертью». После этого Юнус остыл и успокоился.

Граббе^{г)} понял перемену, произошедшую в Юнусе, и приказал переводчику вывести его из палатки. Юнус, однако, не вышел, пока не высказал генералу того, что было у него на душе и на языке из-за вероломства русских и нарушения ими обетов.

Затем он вышел с мальчиком наружу и пошел к палатке чаландара. Когда Юнус пришел, русские перестали курить из уважения к нему. Юнус, однако, сказал: «Из-за нас не бросайте ничего из того, что вы делаете постоянно, а мы из-за вас не будем бросать того, что мы делаем».

Увидев, что Юнус опечален, чаландар коснулся его спины своей рукой и сказал: «Не печалься. Вы—рабы всевышнего Аллаха, люди, покорные Ему. Он убережет вас и вашего Шамиля от всего плохого». Юнус ответил чаландару: «Мы убеждены, что всевышний Аллах предопредил происходящее в мире, прежде чем взялся создавать его. Мы убеждены также, что претерпим только тот ущерб от вашей многочисленности и мощи, который предопределил навечно всевышний Аллах».

Они пребывали в таком положении. Вдруг оттуда, куда ходили прежде, вернулись отряды солдат. Они были веселыми, смеялись

а) Во всех списках, кроме А—«Проклятый».

б) А—«начальник».

в) А—«подумал и сказал про себя».

г) Во всех списках, кроме А—«Проклятый»; А—«Граф».

и пели песню. Так эти проклятые радовались миру. Что же касается мунапиков из числа чтецов (?) и других, то из-за поступления вести о мире их лица стали сумрачными, из глаз полились слезы, а сердца сжались.

Однажды после утреннего намаза Юнус находился в своей модельне, и тут чаландар вдруг выпрямился, сделал семь земных поклонов и воззвал к Аллаху. Затем он посмотрел на Юнуса и сказал: «За ваше богомолие и вашу покорность всевышнему Аллаху Он вознаградит вас добром. От нашего же поклонения императору нет никакой пользы». Таким образом, чаландар, подобно мусульманскому проповеднику, давал наставления и этим доставлял ему приятное.

Когда Юнус полностью убедился, что у русских одно желание— поразить чем-либо Шамиля, у него появилось намерение найти верного человека, который бы доставил весточку Шамилю. И вот однажды чаландар сказал Юнусу: «Граббе приказывает тебе, чтобы ты пошел и привел свою жену и тех, кто пребывает ныне вместе с ней, а также детей Муртузали Чиркеевского»—он находился тогда у русских в заключении—«и за это ты получишь великое жалование и постоянные блага от нашего императора. Постарайся также привести с Ахульго и других людей с их детьми и женщинами. Ты дай им знать, что такая же награда, как тебе, будет дана и им, с оказанием, однако, предпочтения тем, кто придет первым». Чаландар еще долго распространялся об этом, пока, наконец, Юнус совершенно ясно не понял, что русские хотят, чтобы Шамиль остался на Ахульго один-одинешенек.

Юнус для того, чтобы чаландар не понял его намерений, начал было отговариваться. Он сказал: «Мюриды не дадут мне вернуться назад». Чаландар ответил на это: «Посланцев не арестовывают». Юнус затем сказал: «Этот ребенок станет среди вас скучать». Тогда чаландар позвал Муртузали, чтобы тот находился при Джамалуддине. После этого они попрощались и оба заплакали.

Затем Юнус вместе с двумя офицерами (**абсир**) вышел в сторону Ахульго. [Интересно, что] русские, всякий раз^{а)} как они встречались, оказывали Юнусу почтение по своему обыкновению поклонами. Около окопа Юнус оставил офицеров, пошел к Шамилю и сообщил ему весть о намерении русских, причем вместе с ними обоими находился тогда лишь Тахир Унцуккульский. Шамиль сказал: «Я знал это и раньше».

Затем пришла весть, что чаландар зовет Юнуса к окопу. Тот подошел и застал чаландара беседующим там с Бартиханом об

а) В, К—«когда».

отправке Шамиля. Тут раздался призыв на вечернюю молитву, причем преждевременный. Бартихан сразу повернул назад, говоря: «Мы еще поговорим завтра». Чаландар же сказал тут Юнусу: «Иди сюда. Давай-ка мы возвратимся», — но тот начал отговариваться необходимостью вывести с Ахульго тех-то и попытаться вывести тех-то. Чаландар сказал: «Для этого завтра сходишь». Юнус ответил: «Я сейчас, только возьму свое ружье». Тот сказал: «Иди и приходи назад». Юнус вернулся к Шамилю и попросил у него разрешения остаться при нем. Тут пришел посланец чаландара сначала один раз, затем еще и еще^{а)}. Когда же чаландару сообщали, наконец, что Юнус не придет, он топнул ногой по земле и ушел назад.

Неверные^{б)} начали сражение после того как проговорили таким образом около трех дней, увидели худобу тел товарищей Шамиля, ослабление их сил, многочисленность раненых и больных в среде мюридов, разрушение их укреплений и остальные их слабые места. Обо всем этом русским сообщили мунапики, которые ходили к мюридам от имени Граббе,^{в)} выдавая себя за посредников, действующих ради заключения мира.

Русские обрушились теперь на мюридов и разрушили пушечными ядрами все самые крепкие стены. Горцы, однако, противостояли^{г)} русским вопреки этому великому бедствию еще около недели. Ночами они исправляли, по мере сил, то, что враги портили днем. От этого мюриды в конце концов сильно ослабли. От стеснений, претерпеваемых в этом мире, они стали раздраженными до такой степени, что соперничали друг с другом в стремлении к смерти, мечтали о ней. Умершего мюриды рассматривали как человека, вошедшего в рай, а себя, как бы взирающими ему вслед.

В один из таких дней Шамиль уселся на место, видном для врагов, а своего сына Газимухаммада посадил на колени. Около Шамиля, укрывшись за скалой, находился дервиш Нурмухаммад Инховский. Шамиль завидовал тогда одиночеству дервиша — он ведь не беспокоился о своих детях, *дело в том, что домашние этого дервиша находились в своих исконно родных местах^{д)}. Шамиль* сказал тут про себя^{д)}, обращаясь к всевышнему и великому Аллаху: «О, Господи! Это — самое дорогое для меня живое существо. Так пошли же смерть от пули в лоб сначала мне, а уже потом — этому моему мальчику». Шамиль страстно желал тогда доз-

а) А — приписка: «по он (Юнус) не пошел».

б) Во всех списках, кроме А — «Они».

в) Во всех списках, кроме А — «проклятый»; А — «граф».

г) Б, В — «сражались».

д) В списках Б, К отмеченная фраза отсутствует.

воленной Аллахом смерти; но она ведь приходит лишь по желанию Всевышнего! А как же могущественный и мудрый Аллах может пожелать этого в отношении Шамиля и его сына?

Всевышний Аллах ведь хотел видеть от них обоих: подавления воюющих неверных, подчинения мунапиков, возвышения религии и наведения, благодаря им обоем, порядка в делах мусульман, как в земной, так и в загробной жизни. Об этом мы еще расскажем, если захочет всевышний Аллах. В Коране ведь сказано: «То, что приносит пользу людям, [долго] остается на земле». ^{а)}

ГЛАВА О ВЫХОДЕ ШАМИЛЯ ИЗ АХУЛЬГО И О ТОМ ТРУДНОМ И РАДОСТНОМ, ЧТО ОН ВСТРЕТИЛ ПОСЛЕ ЭТОГО, ПОКА НЕ ДОШЕЛ ДО СЕЛЕНИЯ ШАТОЙ

[1839 г.]

Всевышний Аллах захотел выставить напоказ действительно предопределенное и тогда оказалось, что: «расширилась дырка перед чинящим одежду», «сошлись два кольца подпруги»^{б)} и «один из двух хурджинов перемета перевесил»^{б)}.

Люди на Ахульго перестали уже блокировать проходы, собираться и затем выходить на сражения. Шамиль же прекратил отдавать приказы, устанавливая запреты, так как они не приносили пользы осажденным. В тот последний день, когда горцы еще явились на сражение, Шамиль устремился в центр его. Он решил про себя не возвращаться назад. Мюридам же Шамиль заявил тогда, что он будет находиться там вместе с ними для того, чтобы приказывать и запрещать по ходу дела. Всевышний Аллах сохранил его, однако, от гибели, отдав взамен мужчин и женщин—его сестру, его тетку по матери и такого-то, и такого-то.

Ночью те, кто находился на Ахульго—мужчины, женщины и дети спустились в одно узкое место, расположенное в самой нижней части этой горы. Они тащили друг друга, наступая друг другу на ноги и ударяясь друг о друга. Вслед за ними Шамиль отправил туда же своего сына Газимухаммада и свою семью.

Сам же Шамиль возымел тогда намерение стать мучеником за веру на Ахульго. Своего товарища Юнуса он спросил: «Ты что будешь делать?» Тот ответил: «Я сделаю то, что сделаешь ты». После этого Шамиль приказал своему слуге Салиху убить прямо в конюшне своего коня, чтобы враг не завладел им, и потом

^{а)} Коран.

^{б)} В—отмеченная пословница отсутствует.

ушел. Когда же Салих встал перед конем, тот заржал и* подошел к нему^{а)}. Тут Салиха охватила жалость к этому коню. Он не смог убить его.

Шамиль в боевом снаряжении вышел тем временем из своего дома. Книги же и прочие свои мирские предметы он оставил там. Шамиль при этом хлопнул рукой по книге* «Инсан ал-уюн», которая была написана рукой известного ученого Саида Араканского и воскликнул: «В руки какого же врага ты попадешь?»

Своей блистательной мощью всевышний Аллах через некоторое время возвратил эту книгу в руки Шамиля, в собственное его владение. Хвала Ему — мудрому устройтелю!^{б)}

Шамиль примерно с десятью воинами пошел к месту засады, расположенному на месте прежней битвы, которое мюриды выкопали ночью. Мюриды уже находились в месте, предназначенном для засады, как вдруг к Шамилю подошел Тахир Унцукульский и сказал: «Мы до сих пор никак не могли узнать твоего местонахождения. Там [в низине] имеется много мужчин, которые требуют тебя, чтобы делать то, что делаешь ты». Шамиль, однако, был согласен лишь с одним—сидеть в месте засады, пока жив. Тахир тут уподобился грому и молнии. Он сказал затем: «Самое лучшее и самое подходящее для тебя—делать вместе с ними то, что ты делаешь, а не быть один-одинешенек».

Шамиль вместе с Тахиром возвратился тогда в свой дом. Там, однако, он встретился с Бартиханом. Бартихан спросил Шамиля: «Ты что сейчас делаешь?» Тот ответил: «Я сижу там, в месте для засады. Что же касается того узкого места, [где спрятались многие], то туда я не спущусь, ибо враги перебьют нас камнями и комьями сухой глины». Бартихан сказал: «Я поступлю так же»,—и пошел к себе домой, чтобы подготовиться к бою.

Салаватские (нахбакал) юноши затем все же принудили Шамиля спуститься в то узкое место, где находились тогда женщины и дети.* Он спустился^{в)}, и там горцы пробыли около трех дней. Враги же находились тогда и над ними, и под ними.

У Шамиля и его товарищей не было тогда возможности соединиться друг с другом. Они не имели ничего такого, что могло бы утолить их голод. В один из дней случилось так, что Шамиль задремал, и тут он увидел во сне: жена его Джавхарат как будто упала

а) А—отмеченная фраза отсутствует.

б) Б, В—отмеченная фраза отсутствует; в списке К она дана в виде приписки на полях.

в) Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

на землю, а его сын от нее, двухлетний Саид, ползает по ней. Шамиль растолковал этот сон так: она умрет.

У Джавхарат на голове была рана; вот такими были ее дела. В укрытии она из-за этого ослабла и после ухода Шамиля оттуда прожила лишь около трех дней. Джавхарат, пока не умерла, постоянно просила Тахира Ундукульского достать ей воды и жевала жареные зерна, которые взяла для своего сына с Ахульго, завернув в край своей вуали. А после смерти Джавхарат этот сын ползал еще по ней и с криком звал: то отца—«Шамиль», то мать—«Джавхарат».

Рассказ. Через год Шамиль пришел в ту местность и спросил про жену. Кто-то показал на одно место и сказал: «Вот тут упала Джавхарат». Ее и действительно нашли под камнями и мокрой глиной, которые нанесла речная вода во время разлива. Ни одежда Джавхарат, ни ее тело совершенно не изменились. Даже губы у нее были влажными—когда их приподняли над зубами, они сами сомкнулись над ними, как у живого человека. Там,* то есть на Ахульго,^{а)} Джавхарат и была похоронена.

Другой рассказ. На Ахульго в пещере находится труп мужчины. До сих пор—до тысяча двести семьдесят второго (1855/56) года у него ни на теле, ни в одежде ничего не изменилось. Его может увидеть каждый, кто посетит то место.

Другой рассказ. Передают его со слов одного дряхлого старика из селения Уриб,^{б)} который посетил Ахульго примерно через двадцать лет после его падения. Там этот старик увидел сидящую женщину—мученицу за веру, которая держала руками два конца своей вуали. На одном конце ее находилось при этом немного муки, а на другом—чутьочку соли. Тело женщины было высохшим.

Другой рассказ. На принадлежащих одному ашильтинцу землях, где похоронены мученики за веру, погибшие на Ахульго, около двадцати мужчин, начали было создавать пашни и сады. У всех них, однако, отсохли руки^{б)}.

Шамиль дал приказ членам своей семьи и детям, по мере сил, сражаться: «тот же из них, кого ослабит рана, пусть прыгает в Койсу, но не сдается в плен». Когда Шамилю выразили соболезнование по случаю мученической гибели Бартихана—его дяди по линии отца, он, страстно желая смерти и будучи раздражен происходящим в мире, сказал людям, выражавшим соболезнование: «Вы лучше скажите: «Да присоединит тебя всевышний Аллах к Бартихану!»

а) Б. В.—отмеченная фраза отсутствует.

б) Б, В, К — последние два рассказа отсутствуют.

Ночью мюриды приставили к верхней части горы бревно, что бы по нему выйти из той теснины на простор, где, однако, перед ними стояли отряды русских. Шамиль начал искать человека, который бы за высокую оплату поднял по бревну его сына Газимухаммада. Никто не согласился. Тогда Шамиль посадил сына к себе на спину, привязал его к себе и взял свою обувь себе в рот. Затем он первым поднялся на поверхность. Вместе с Шамилем поднялась тогда и часть его товарищей.

Шамиль сел около верхней части бревна и отказался двигаться дальше, пока его не догонят его товарищи—Муса Балаханский и еще такой-то и такой-то. Вслед за своей семьей он отправил тогда около восьми мужчин—одного за одним.

Газияв Андийский попросил Шамиля перейти поближе к ним, ибо, сказал он: «Эта наша позиция мешает поднимающимся». Исполнив это, Шамиль вдруг увидел какую-то черноту. Он шепнул Газияву: «Это что за чернота? Это человек чернеет или что-либо другое?» Тут раздался свист солдатских пуль, выпущенных по ним. Шамиль сказал тогда: «Мы должны встать и атаковать, ибо дело раскрылось. Уже не спрячешься». Мюриды ринулись на солдат и выстрелили из ружей. Те разбежались; за это* небольшое время^{а)} Шамиль успел выстрелить целых пять раз.

Затем сказали, что спереди на них движется большой отряд. Шамиль приказал своим тихо сидеть за скалой, пока русские не разрядят в них свои ружья. Товарищи Шамиля встали, однако, позади него, а Сулганбек Дылымский²⁰ впереди—грудью закрывая его. Затем мюриды произвели атаку на тот отряд, тогда-то и пал там мучеником за веру этот дылымец. Русские, будучи разбиты, отбежали в сторону. Шамиль имел тогда намерение бежать вслед за ними, но его благочестивый и благоразумный товарищ Ахбердиль Мухаммад повис на нем. Мухаммад подозвал к Шамилю другого товарища и при нем поклялся Шамилю: «Клянусь Аллахом! Ты не умрешь в эту ночь». После того у Ахбердила Мухаммада спросили: «Почему ты так поклялся?» Он ответил: «Я видел сновидение: «Как будто огромный поток воды залил Ахульго и тех, кто находился на нем. Однако я,^{б)} Шамиль и немногие товарищи вылетели оттуда на чиркатинскую дорогу^{в)} и причем совершенно не затронутые потоком». Я растолковал его так: «Мы спасемся, а те, кто остался на Ахульго,—погибнут».

Шамиль шел вместе со своими товарищами и вдруг в сторону его головы полетел ком твердой земли, который поразил его в

а) Б. К—«миг»; В—«час».

б) В тексте: «он».

в) В некоторых списках—приписка: «парсал», (по-аварски²⁵ «утесы»).

шею. От этого Шамиль упал на землю. Один его товарищ подско-чил и спросил: «Куда поразил тебя этот ком?». Шамиль ответил: «Меня не ранило», а затем встал и стряхнул землю. Тут мюриды увидели второй отряд солдат, затем — третий. Всевышний Аллах не предопределил, однако, этим отрядам победы над ними—мюриды немного отделились от лагерей русских и от их дозорных и остано-вились у воды. Шамиль возымел было намерение вернуться оттуда назад, чтобы разузнать о своих детях, но соратники запрети-ли ему это. Юнус—товарищ Шамяля встал тогда и сказал: «Для этого дела пойду я»,—а вскоре пришла весть, что Газимухаммад и его мать Патимат спаслись и уже подходят.

Дополнение. Мальчишка—его сын Газимухаммад, которому было семь лет, сидел на спине одного мужчины, когда они проходили через отряды русских. Какой-то солдат ткнул тогда Газимухамма-да своим штыком в голень и тем самым ранил. Газимухаммад же, зная распоряжение своего отца и напоминая его, лишь крикнул тому, кто нес его: «Брось меня в реку! Брось меня в реку!».

Что же касается жены Шамяля—Джавхарат и его сына от нее —Саида, то они остались на Ахульго, как то уже было сказано выше.

Что же касается сестры Шамяля, то она была тяжела телом. Когда русские вознамерились взять в плен детей и женщин, нахо-дившихся на Ахульго, она намотала свою вуаль себе на лицо и бросилась в Койсу.

Вместе с Шамилем по бревну поднялось тогда около тридца-ти душ. Около шести из них пали затем там мучениками за веру.

Мюриды начали затем говорить друг другу: «Мы, наконец, спас-лись от русских». Вот тут Шамиль и опечалился, заплакал, обругал их и подверг упрекам, говоря: «Это вы не оставили меня на Ахуль-го, на месте, подготовленном для засады, сражаться, пока не по-гибну. Где же мы найдем теперь убежище? Где обоснуемся? На свете есть ныне лишь те, кто ненавидит нас, относится к нам враждебно».

Ночью мюриды пошли вдоль берега реки, подобно овцам, исху-давшим от голода, слабые телесно. Когда они ощутили потреб-ность снять обувь, чтобы затем идти по воде, Шамиль приказал совершить тогда же и омовение для утреннего намаза. Когда же рассвело, мюриды совершили этот намаз.

Затем мюриды подошли к месту, напротив которого находи-лись гимринские дозорные. Они сидели там для того, чтобы сра-зиться с Шамилем, чтобы помешать ему. Между двумя отрядами текла Койсу. Дозорные выстрелили по Шамилю из ружей. Он при

этом узнал поименно тех гимринцев, которые находились там вместе с гимринскими аристократами. Шамиль вытащил тут свою саблю, поднял ее над головой и помахал ею так, чтобы они увидели ее. Шамиль затем закричал: «Эй, такой-то и такой-то! Это — моя сабля — сабля левши достигнет вас, если будет угодно всевышнему Аллаху, в течение трех месяцев». От его слов дозорные страшно перепугались. Дело в том, что преступные гимринские вельможи имели давнее намерение: переловить тех гимринцев, которые не соглашались с ними, не желают портить дело шариата и затем, схватив таких людей, отправить их к русским. От таких слов Шамиля они теперь испугались уже за самих себя—того, что судьба может от них отвернуться.

Так мюриды шли до наступления полуденной жары. В одном месте от слабости они свалились, наконец, наземь, утомленные, голодные, невыспавшиеся.

Когда стало известно, что Шамиль и его товарищи выскользнули из Ахульго,* вслед за ним^{а)} выступили: Ахматхан Равнинный и Хаджимурад Хунзахский^{б)} с отрядом мунапиков. Они приблизились к тому месту на расстояние менее чем полет стрелы, и тут всевышний и мудрый Аллах сделал так, что их глаза не заметили мюридов, а самих преследователей. Он отклонил в сторону. После этого мунапики вернулись назад.

Затем они, то есть Шамиль и его товарищи, поднялись и пошли, подобно тощим овцам. Жажда у мюридов усилилась до такой степени, что они даже выпили воду, взятую из ямок на дороге, оставленных копытами животных.

Шамиль предложил высокую плату любым двум мюридам, которые пойдут вперед и принесут остальным воду. Такие нашлись. Они пошли и возвратились с водой. Один из этих двоих передал ее при этом группе, идущей впереди, с которой находился мальчик Газимухаммад, а другой отнес ее группе, в которой был Шамиль. Люди выпили эту воду. Вскоре одна группа мюридов догнала другую, которая сидела и отдыхала. Газимухаммад находился тогда на небольшом возвышении в стороне от остальных. Шамиль пошел к нему и спросил: «Ну, как ты? Выпил водички?» Тот грустным голосом ответил: «Они не напоили меня». Шамиль тогда отругал мюридов за это, выбранил, а сына приласкал и развеселил. Он сказал Газимухаммаду: «Скоро мы дойдем до воды. Напоим тебя, накормим»,—а затем сказал: «Ну, иди». Тот было пошел заплетающимися ногами, чуть ли не падая, и тогда Шамиль посадил сына к себе на спину.

а) А—«вслед за ним и в поисках его».

б) В—приписка: «Ахматхан Нижнедженгутаевский и известный Хаджимурал Аварский, служивший русским до своего ухода к Шамилю».

Голова Газимухаммада ударялась о голову Шамиля. Мальчик даже сказал: «Моя шея не в силах держать мою голову». Он ведь очень сильно ослаб из-за раны, которая была у него, а также из-за других бедствий и тягот.

Мюриды шли в течение всей ночи, подымаясь на верхнюю часть горы. Сынишка—Газимухаммад потерял тут терпение и пожаловался Шамилю, что он умирает от голода: в это время он сидел на спине уже другого мужчины. Шамиль же во тьме указал тогда на вершину горы и спросил: «Ты видишь это? Когда мы дойдем до нее, накормим тебя хлебом досыта». Перед подъемом на вершину мюриды совершили утренний намаз и затем взошли на нее с восходом солнца.

Пребывая в таком положении, мюриды вдруг увидели всадника, движущегося к ним. Когда тот, однако, их заметил, быстро поскакал было назад. Шамиль закричал: «Стреляйте в него! Стреляйте в него!» — и тут всадник повернул назад и спросил: «Вы эти, что ли?» Когда же он узнал их, обрадовался и сказал: «А я-то подумал, что вы одна из вражеских групп».

Оказалось, что он привез мешок, полный хлеба и сыра, для того, чтобы встретить и накормить людей, ускользнувших из Ахульго. Газимухаммад был тогда накормлен, покушали и мюриды. Затем Шамиль приказал тому удачливому Исахаджияву²²¹ Чиркеевскому пойти и привезти, посадив на коня, Ахбердиль Мухаммада, который ослабел и утомился. Исахаджияв привез его. Тогда Шамиль приказал ему привезти, посадив на коня, одного раненого мюрида. Исахаджияв привез и его. Затем Исахаджияв пошел на дальний загон для овец и принес мюридам оттуда муку. Да воздаст ему всевышний Аллах за это добром!

Все это—лишь краткое резюме того, что произошло на Ахульго. Подробное же изложение тех событий составило бы толстенную книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными.

Рассказали со слов Джавадхана из Дарго,²²² который раньше был служащим у русских: «В крепости Кизляр он, Джавадхан, прочел один документ, гласящий, что только из-за Ахульго погибли тридцать три тысячи русских». А почему бы и нет? Говорили же ведь, что за один день у них были убиты на Ахульго пять тысяч человек. Рассказывали также, что, когда проклятый^{а)} Пулло вернулся оттуда, от всего его войска остались лишь два человека.

На Ахульго пали мучениками за веру свыше трехсот мужей. Первым, кто пал там, был мученик за веру Муртузали Чиркатин-

а) А—«начальник».

ский. Из числа почетных горцев и их ученых погибли: ученый мухаджир Алибек Хунзахский; ученый Бартихан—дядя Шамиля по линии отца; ученый мухаджир Сурхай из Коло; выносливый ученый Кази²²³ Чиркатинский; храбрец Балал Мухаммад²²⁴ Ирганайский, убивший, как говорят, за один день около ста врагов, которых, будучи сильно ослаблен, остался затем в руках у русских, которые начали было поносить его, но Мухаммад и тогда не проявил мягкости к ним, даже в своих речах; храбрец Мухаммадсултан Ирганайский; два аргванийских храбреца — Хусайн—сын Хирака²²⁵ и Мухаммад—сын Ханака²²⁶; юный ученый Мухаммад—сын сестры обновителя религии, мученика за веру Газимухаммада; храбрец Осман Балаханский; Ибрагимиль Хусайн Гимринский. Оцав (Усав) Арадерихский; Алихан Харахинский; два оротинца —Аликул Хусайн и Сааду; Муртазаласул Мухаммад Оркачинский—отец понятливого и храброго юноши по имени Муртаза—товарища имама и одновременно начальника его регулярного войска (**ни-зам**); искренний друг Муртазали Гидатлинский (Хидали)-Мачадинский (Мачади)²²⁷, который в своей области, наполненной гордцами и великанами, держался в отдалении от остальных людей, когда те еще придерживались обычного права, и не принимал гидатлинской политики в отношении этого права; Мухаммадами Хотодинский,²²⁸ истинный и искренний, сходявший в Мекку пешком Омар Короткий Согратлинский; храбрый и доблестный Бусайлав Тиндинский,²²⁹ который во время испытания убил русских начальников, разъезжавших по областям, делавших топографическую съемку и определявших размеры выступов, а кроме того, он, Бусайлав, задержал Аличул Мухаммада²³⁰ и изъял у него и у тех, кто был с ним, то, что они взяли у тех русских начальников; и еще такой-то и такой-то. Да будет ими доволен всевышний Аллах, а они Им!

На Ахульго русские взяли в плен около шестисот душ; некоторые говорят: семьсот душ — женщин, детей и мужчин. Учеными из числа их были: мулла мюридов Силикул Мухаммад²³¹ Тапунинский, который умер в плену; выносливый Ибрагимхаджияв Мехельтинский, следы которого не известны; из Бетля (Бики)²³²—Ахмад Большой, следы которого не известны, Ахмад Малый, которого уморили, и Джабраиль, следы которого также не известны; Хизкиль Харачинский,²³³ который был убит при попытке к бегству от русских; Мухаммадали из Кахабросо (Белое село),²³⁴ следы которого не известны; Нурмухаммад Оркачинский, который и ныне в руках у русских; Мухаммад Хелетуриинский (Хириккури),²³⁵ следы которого не известны; Талхат Буцринский, его выкупили; хаджи Булат Янгиюртовский (Янгиви),²³⁶ его уже выкупили; и такой-то, и такой-то. Да воздаст всевышний Аллах доб-

ром их старания и да вменит в обязанность и им и нам произнесение слов о богобоязни и вере!

Дополнение, повествующее о милости всевышнего Аллаха. С того дня, как Шамиль освободился от бедствий, имевших место на Ахульго, в мирской жизни постоянно возрастали его высокое положение и уважение к нему. На него проливались благосклонность и милость вплоть до наших дней. Пронестекало же это от милости всевышнего Аллаха по отношению к Шамилю и к людям, большинство которых, однако, не знают этого. Мы поэтому просим всемогущего и мудрого Аллаха, чтобы эта мирская жизнь продолжалась таким же образом до тех пор, пока политика Шамиля и его война не соединятся с появлением Мухаммеда — мессии в конце света. В Коране ведь сказано: «То, что приносит людям пользу — [надолго] остается на земле»^{а)}. Да и как же нам не просить! Благодать от сражений Шамиля распространилась ведь до Мекки и Медины, до Балха и Бухары. Шейхи, находившиеся там, молятся за его победы и его созидательную деятельность, как-то мы уже указали в обращении.

Хаджи Деэнали²³⁷ Джарский рассказал, что, убежав из Сибири^{б)}, он перебрался в Бухару. Деэнали увидел там, что властитель бухарцев каждый вечер посещает усыпальницу шейха Мухаммада Накшбендийского — да будет благословенна его тайная мысль! — и молится там за Шайхшамиля, а народ при этом даже на базарах восклицает: «Аминь!»

То же самое рассказал Карахан Гулукский (Кулуки)-Грузинский, убежавший из Сибири после Деэнали и перебравшийся в Бухару. Карахан добавил к этому, что, когда он спросил о причине такой молитвы, ему ответили, что к Его величеству властителю Бухары пришли как-то два посланника от Его величества Шайхшамиля. Властитель спросил этих двоих о цели их отправки: нужна в деньгах ли это, или в людях, или в снаряжении? Посланники ответили ему: «Шайхшамиль просит у Вас лишь то, чтобы Вы молились за него». Говорят, что из-за этого властитель Бухары и молится за него таким образом.

Так и пошли затем мюриды. Остановились они у одного загона для овец, где пашли юношу, которого знали; его отец пал мучеником за веру рядом с ними на Ахульго. Юноша этот оказал мюридам гостеприимство — зарезал несколько овец во исполнение завещания своего отца и таким образом почтил их. Там мюриды и увидели новолуние месяца раджаб тысяча двести пятьде-

а) Коран.

б) А — «то есть из рук неверных».

сят пятого (1839) года. Время это было: конец лета — начало осени.

Мюриды вышли в путь ночью. Затем они слышали шаги мужчин, направляющихся к ним. Они спросили друг друга: «Кто вы? Кто вы?»—и затем узнали. Оказалось, что это мюриды из селения Артлух (Арлух),²³⁸ вышедшие навстречу Шамилю. Артлухцы повели его в темноте и поместили на своем хуторе, скрывая его от преступных элементов своего селения. Один артлухский мюрид принес тут хлеб, другой—лепешки, третий—сыр, четвертый—мясо. Так оказали они гостеприимство Шамилю, так почтили его.

Они пребывали в таком положении, и вдруг Иманкулав²³⁹ Чиркатинский закричал артлухцам, находясь в поле их зрения и в радиусе слышимости: «Шамиль и его товарищи изгнаны и принуждены разбежаться в разные стороны да так, что больше они не соберутся. Если у кого находится имущество, принадлежащее кому-либо из мюридов, то пусть он ни в коем случае не возвращает его хозяину».

Впоследствии этот крикун был убит как мунапик по приказу мученика за веру наиба Хитина Данухского.²⁴⁰ Так ему и надо!

Ночью мюриды вышли с того хутора и шли, пока не достигли селения алмакцев (алмахал)²⁴¹ к утру, когда их муэдзин призывал к молитве. Мюриды, однако, сразу вышли из Алмака, прячась и не сообщив никому, чтобы люди его не претерпели какого-либо ущерба со стороны своих преступных соседей из близлежащих больших селений по причине того, что Шамиль останавливался у них. Около воды мюриды остановились для совершения ритуального омовения, и тут торопливо подбежали: мулла алмакцев, а также их знать и простонародье. Алмакцы повисли на Шамиле и попросили, чтобы мюриды вернулись в их селение, посидели и отведали алмакского гостеприимства. Тогда Шамиль был вынужден объяснить алмакцам причину, по которой мюриды не стали останавливаться в их селении. Алмакцы, однако, поклялись, что не отпустят мюридов, не оказав им гостеприимства, если даже из-за этого их живыми бросят в огонь. Тут Шамиль сказал: «Ну, если уж так, то мы остановимся вот здесь», и тогда алмакцы принесли: один—еду, другой—другое и так, пока не оказали мюридам самое лучшее гостеприимство, пока не накормили их вкуснейшими и сладчайшими блюдами. Алмакцы дали им этого и на запас, заставили под их охраной поспать до обеда и лишь затем ушли назад.

Рассказ. Во время того перехода Шамиль и его товарищ Юнус шли вдвоем впереди других мюридов. Неожиданно они наткнулись на одного зандакского (зандаки) а)²⁴² старика, спавшего в своем

а) А—приписка: «селение в Чечне».

свежем сене. Они присели около него, и старик проснулся. Шамиль сказал тут своему товарищу: «Нет ли у тебя чего-либо, чтобы угостить его?» Юнус вытащил для него вареную баранью грудинку. Зандакец же первым делом осведомился у них о Шамиле. Шамиль тогда сделал ему знак, означающий, что тот убит, низвергнут и раздет. Старик заплакал, зарыдал и упал, словно бы он лишился чувств. Шамиль и Юнус тем временем встали и отошли от него.

Затем мимо старика прошли остальные товарищи. Он спросил их относительно известий о Шамиле. Те убедили зандакца: «Шамиль — один из тех двух мужчин, которые прошли перед тобой». Старый зандакец побежал тогда вслед за ними. Они же вдвоем присели тем временем, чтобы отдохнуть и вдруг видят какого-то старика, подбегающего к ним по-стариковски и с непокрытой головой. Оказалось, что это тот самый старик. Он же упал тут на колени к Шамилю и плачет, и плачет. Шамиль даже опечалился тем, что их слова заставили зандакца грустить.

Мюриды дошли к вечеру до Даттыха (Таттахи).²⁴³ Даттыхцы оказывали им гостеприимство в течение почти трех дней. Мюридам было оказано большое уважение. Один даттыхец даже зарезал быка, ибо дал обет поступить так при избавлении Шамиля от злощастных врагов. Этот человек накормил мюридов и других людей.

Затем мюриды пошли и остановились в селение Беной. Беновцы оказали им гостеприимство и большое уважение. Беновец — кунак Шамиля приходил даже в Даттых, чтобы лично принять его как гостя. Там же после двадцатого числа месяца раджаб (1839 г.) родился Мухаммадшапи^{а)} — сын Шамиля. Перед седьмым днем после его рождения в честь Мухаммадшапи было зарезано жертвенное животное.

Затем мюриды двинулись из Беноя и прибыли в селение Ведено (Видан).²⁴⁴ Там они увидели новолуние месяца шабан. Шамиль оставил тогда в Ведено своих детей, а сам выступил с товарищами в поисках места, подходящего им для остановки и проживания. Наиболее пригодным для этого местом мюриды сочли селение Гуш-Керт (Гаршкити)²⁴⁵ Шатоевской (Шубут)²⁴⁶ области. Там Шамиль остановился у одного благородного кунака, который приходил навстречу ему, когда мюриды вышли из Ведено. Затем этот кунак по имени Шабан пошел и через десять ночей месяца шабан привез из Ведено детей Шамиля.

Затем вернулись в Гуш-Керт и некоторые товарищи Шамиля. Вместе с ним там поселилось восемь человек: его неразлучный

а) А, Б — приписка: «Между Мухаммадшапи и Газимухаммадом разница около 7 лет, а между последним и Джамалуддином — около 3-х лет (от него)».

товарищ Юнус; его слуга Салих; гоцатлинцы—раненый Худанатиль Мухаммад,²⁴⁷ Белади и Гимбат (Химмат);²⁴⁸ арадерихцы—раненый Нурали и Муртазали, раненый Муса Балаханский.

Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитый храбрец Шуаиб Центороевский (Цамутари)²⁴⁹ и Джавадхан Даргонский. Последний, будучи опечален из-за той беды, которая поразила Шамиля, во время той встречи сказал ему: «Ты не грусти по поводу пропажи и рассеяния твоих старых товарищей. Здесь у тебя появятся новые, равные прежним, постоянные товарищи числом более трех тысяч. Я буду тебе как бы рабом-мамлюком, которому ты будешь приказывать то, что ты желаешь. Я буду повиняться тебе так, как ты желаешь». Да воздаст ему добром всевышний Аллах!

Шамиль назначил Шуаиба и Джавадхана наибами в тех двух краях. Он при этом приказал им обоим изымать то, что будет найдено в руках людей, приходящих из Аваристана (Маарух)²⁵⁰ и убивать тех, кто будет иметь отличительные признаки мюрида или чтеца Корана, а прочих отпускать. Шуаиб и Джавадхан изымали поэтому коней у тех андийцев, гумбетовцев и каратинцев (калалал), которые приходили в Чечню в поисках зерна. В этом деле к ним обоим примкнули и некоторые товарищи Шамиля — зрелый юноша Муртаза—сын мученика Муртазаласул Мухаммада Оркачинского и другие мюриды. Этими действиями они смягчили жителей названных областей до такой степени, что они в конце концов подчинились приказам Шамиля.

В то время, когда Шамиль остановился в Гуш-Керте, он был первое время подобен брошенной тряпке. Никто не обращал на него внимания, никто не оборачивался вслед ему. И вот однажды к нему пришла женщина-чиркеевка по имени Азизай с жалобой на то, что здесь она продана и обращена в рабство. Шамиль ей дал, однако, понять, что он не имеет сил избавить ее от этого.²⁵¹

ГЛАВА О ПРИХОДЕ К ШАМИЛЮ ШАТОВЕВЦЕВ И ОСТАЛЬНЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ

[1839 г.]

В один из последних десяти дней месяца рамадан этого года Шамиль читал Коран в своей комнатке. Тут к нему подошел его сын Газимухаммад и сказал: «Женщину, которая приходила к нам, уводят какие-то мужчины. Она кричит и плачет». Шамиль выскочил тогда к воротам усадьбы и увидел ее. Женщина эта шумела и кричала: «Неужели здесь нет мусульманина, который бы освободил меня?» Шамиль при виде этого зашел в усадьбу, взял

свое вооружение, обнажил саблю и крикнул своим товарищам, чтобы они выходили. После этого Шамиль побежал вслед за теми мужчинами, ругая их и угрожая им, что он не позволит им совершить это. Тут бегущего Шамиля встретил юный шатоевец по имени Мухаммадгирей, известный тем, что знал аварский язык ^{а)}. Он повис на Шамиле и помешал ему догнать тех мужчин, причем Шамилем была нанесена тогда рана руке Мухаммадгирея.

Когда те мужчины увидели Шамиля таковым, они прыгнули за дерево и отпустили ту женщину по имени Азизай, и она убежала в селение. Там, однако, вскоре собрались какие-то мужчины. Произошли спор и длинный разговор. Кунак Шамиля обратился затем к нему с речью, и тот спросил у переводчика: «Что он говорит?» Переводчик ответил: «Он заявляет, что на нем, Шабане, лежат пятнадцать туманов в качестве гарантии, что эта женщина [никуда не денется] и поэтому он хочет, чтобы ее отпустили». Шамиль выбранил кунака за это и сказал: «Если на него падет даже десять тысяч туманов, не будет позволена продажа мусульманки». Шамиль отчитал затем и брата кунака за разговор об этом — он даже ^{*)} сделал перед ним знак оружием ^{б)} и ткнул им в его сторону.

На том они и возвратились домой. С того дня, однако, шатоевцы начали группами посещать Шамиля и просить у него привести их к раскаянию, дать добрый совет.

Затем однажды пришел Муху Арадерихский, которого Шамиль назначил в одно [шатоевское] селение руководить дополнительными молитвами месяца рамадан (тарвиха) и со смехом спрашивает: «Что это вы сделали с ними? В сильном страхе они приходят сейчас целыми толпами, просят привести их к раскаянию. Они утверждают при этом, что Шамиль [чуть было не] убил своего кунака и его брата». ²⁵²

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ШАМИЛЕМ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ОСТАНОВИЛСЯ В ШАТОЕ

[1840 г.]

После того события жители Нижней Чечни начали группами приходить к Шамилю. Одни из них при этом просили у Шамиля разрешения переселиться к нему, но он откладывал их дело, говоря примерно так: «Возможно, что после этого Аллах создаст еще какое-либо дело». Другие нижнечеченцы просили Шамиля выступить в их сторону, но он отговаривался перед ними тем, что ему на-

а) Б, К—приписка: «язык гор».

б) К — «пошел на него с оружием».

скучили люди и общение с ними, а также—малочисленностью своих товарищей. Эти отговорки, однако, лишь увеличили просьбы со стороны нижних чеченцев и их настойчивость. Причиной же этому было то, что еще до прихода Шамиля русские взяли с этих нижних чеченцев в качестве налога по одному рублю (куруш) с каждого дома и по одному ружью с каждых десяти домов. Кроме того, нижние чеченцы слышали, что они, то есть * начальники этих проклятых людей^{а)}, шепчутся между собой и совещаются о том, чтобы взять с каждых десяти нижнечеченских женщин еще и по паре штанов.²⁵³

Шотоевцы удерживали тогда Шамиля и говорили: «Эти нижние чеченцы—люди злополучные, коварные и вероломные. Мы не уверены, что они не причинят тебе вреда за подарок от русских». Но вот однажды пришел один нижний чеченец и с глазами полными слез заговорил с Газиявом Андийским, после чего тот сказал Шамилю: «Ты разве не слышишь, что он говорит?» Он спросил: «Что там такое?» Газияв ответил: «Он говорит, что ты не прислушался к призывам и настойчивым просьбам наших мужчин, и поэтому сейчас придут наши женщины с тем, чтобы не возвращаться без тебя». Шамиль, Газияв и другие заплакали от этого и возблагодарили всевышнего Аллаха за такое содействие. Ведь это произошло после того, как мюриды отчаялись найти людей, которые будут согласны с ними в отношении их намерений.

Шамиль назначил тому чеченцу срок выступления и затем отправил к Ахбердиль Мухаммаду Хунзахскому, который находился тогда в Кенхи (Канху)²⁵⁴, весть: «Нижние чеченцы, привлекая даже своих женщин, просят нас выступить на помощь к ним. Ты приходи поэтому к нам в такой-то день с теми, кто повинуется тебе». Затем Шамиль собрал мужчин-шотоевцев, дал им наставления и польстил им, сказав: «Вы стали моими кунаками и моим убежищем в то время, когда мне было тяжело в мире. Вы утешили меня, когда прочие люди отлучили меня. Вы теперь видите, что нижние чеченцы зовут меня для исправления своих дел, установления у них порядка и введения шариата между ними. Я хочу, чтобы для этого дела вы были главарями, моими помощниками в этом. Если вы сочтете целесообразным то, что я хочу, будет очень хорошо. Выступайте тогда вместе со мной. Если же нет, то я вернусь затем к вам с нижними чеченцами, и мы проведем наше дело в жизнь в вашей среде, даже против вашего желания». Шотоевцы согласились на выступление в поход* после большого шума, произошедшего между ними^{б)}, и сказали: «Мы, однако, хотели

а) А—«начальник неверных».

б) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

бы попросить у тебя одну вещь». Шамиль сказал: «Просите. Я же по мере возможности попытаюсь дать вам положительный ответ». Шатоевцы сказали: «Выпал столь большой снег, что сейчас в нем тонут собаки. После того, как в конце зимы этот снег растает, мы должны будем пахать и сеять. Поэтому ты разреши нам к тому времени возвратиться назад». Шамиль ответил им на это: «Я позволю вам вернуться тогда, когда вы попросите разрешения на это».

Затем явился Ахбердиль Мухаммад с товарищами числом около пятнадцати, среди которых находились: известный хребрец Микаиль Гакваринский (Хавкари)²⁵⁵ и Кадиласул Мухаммад.²⁵⁶ После этого мюриды выступили в поход во имя всевышнего Аллаха и по Его желанию. Вместе с ними выступили и шатоевцы. Именно они берегли Шамиля и хранили его, подобно княжеским (султан) телохранителям. Они не позволяли никому из чужаков пожать руку Шамиля, ибо боялись коварства и вероломства с их стороны. Они объехали жителей Нижней Чечни, ее различные округа (вилаят) и выдрессировали их. Нижние чеченцы с удовольствием и радостью выказали повиновение Шамилю, это сделали даже их старшины. Каждый из них приносил свой отличительный знак (чин), который пожаловал ему начальник русских и прямо перед Шамилем ломал его на мелкие куски, выказывая таким образом полное повиновение последнему.

Шамиль приказал переселиться с открытых просторов на лесные полянки жителям больших селений—Шали (Чали),²⁵⁷ Герменчук (Кирмичик)²⁵⁸ и других—вместе со своими имуществами, детьми и женщинами. Он приказал им также не воевать, даже если на них нападет враг, до тех пор, пока они не закончат этого. Нижние чеченцы так и повели себя, пока не закончили подготовку и не поселились — каждый в определенном месте, после чего Шамиль приказал им сжечь те старинные, обжитые и красивые селения. Тяжело было нижним чеченцам, но они все же сделали это.

Когда мюриды подошли к Акташ-ауху, к Шамилю прибыли туда чиркеевцы—его ученик, познавший Аллаха Амирхан, его искренний друг Шайх и еще один человек, выказывая полное повиновение от имени жителей Чиркея. Чиркеевцы просили при этом небольшой отсрочки с выступлением, чтобы они могли выручить своих овец, пребывающих на равнине, из рук врагов. Шамиль удовлетворился этим и дал чиркеевцам такое разрешение.

В Чеченском вилайете Шамиль создал четыре волости (кура). В Гехинскую (Кихи)²⁵⁹ волость Шамиль назначил правителем Ахбердиль Мухаммада, в Мичиковскую (Мишки)²⁶⁰ волость — известного Шуанба, в Шалинско—Герменчукскую (Чали-Кирмичик) волость—Джавадхана, а в Ауховскую волость—следующего по верному пути мухаджира хаджи Ташава Эндиреевского.

Затем Шамиль с теми, кто был вместе с ним, повернул назад, и они прибыли в селение Ведено. Никто из веденоевцев не прибыл, однако, к нему. Затем мюриды примерно на три ночи остановились в селении Харахой (Харач).²⁶¹ Из числа харачоевцев было тогда убито около десяти человек^{а)}. Дело в том, что они не подчинялись приказам наиба, назначенного над ними, хотя он и был одним из них, а именно—Джавадхана, и не следовали его политике.

К Шамилю пришли туда тиндицы (тиндал) и багвалальцы. Он, однако, сильно поругал их и сделал им резкий выговор: «Вы не пришли тогда, когда я подымал вас для дела крайне необходимого именно вам, а сейчас у меня нет особой нужды в вас. Возвращайтесь-ка назад. Вы недостойны благодарности. Вы подобны человеку, у которого голодный попросил кусочек хлеба, а тот прогнал его с криками. Когда же голодный уже наелся вкуснейшей пицци, тот человек приносит ему — как делаете вы — хлеб, испачканный в золе. •

Во время возвращения Шамиля назад к нему пришли веденоевцы. Они столпились было перед Шамилем, но он прогнал их, говоря: «Это — показатель вашего лицемерия. Вы уходите и не беспокойтесь».

В этот благословенный период шатоевцы попросили разрешения вернуться назад.^{б)} Шамиль разрешил им это. Шатоевцы собрали тогда тех, кто оставался с Шамилем, и * поручили его им^{в)} со словами: «Это наш кунак. Мы передаем его вам, доверяем вам его. Вы, пожалуйста, берегите и храните Шамиля, а затем возвратите его нам так же, как мы передали его вам. Если в этом вопросе вы проявите вероломство, то за Шамиля мы с вас взыщем. Мы будем мстить вам». Они были тогда как бы главарями среди чеченцев.²⁶²

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ШАМИЛЕМ И ТЕМ ЧЕЛОВЕКОМ, У КОТОРОГО ОН ВЫКОЛОЛ ГЛАЗА

[1840 г.]

Шамиль, после возвращения в Шатой, возымел намерение двинуться в сторону Осетии (Хири),²⁶³ в надежде подняться там над дорогой, построенной русскими и перерезать ее. Он, кроме того, имел информацию, что на тех дорогах^{г)} стоит древний храм, в котором находится священный свиток, и куда никто не может войти.²⁶⁴

а) К—«десять мужчин».

б) А—«вернуться для пахоты».

в) А—«завещали им добро в отношении него».

г) В, К—«дорога».

Шамиль выступил в поход с товарищами. Когда они прибыли в Чуумикли,²⁶⁵ Шамиль дал чуумиклинцам добрые советы. Он мягко сказал им: «Мы не возьмем у вас имущество и никого не убьем. Что же касается вас, то если вы сочтете возможным вступить туда, куда вступили остальные люди, это будет очень хорошо. Если же нет, то вы должны просто помочь нам устранить, удалить русских, которые творят насилия по отношению к людям—обращают в рабство узденей (хурр) и насилуют женщин». Чуумиклинцы согласились с Шамилем.

Они находились в таком положении, и вдруг произошла стычка между жителями одного селения и проходившими через него воинами. Шамиль вернулся тогда в то селение и установил мир между сельчанами и воинами. Они помирились.

В том селении нашелся один злой, сильный и грубый мужчина, которого звали Губаш.²⁶⁶ Он разбойничал, убивал людей или же сажал их в темницу, а затем брал с них имущество. Люди потребовали убить его. Шамиль, однако, не захотел а) снова вернуться к слову, которое он дал чуумиклинцам б). Поэтому он приказал лишь выколоть глаза Губашу, и их выкололи. Самого же его связанным бросили тогда в один дом. Следует отметить, что у Губаша была столь большая сила, что семеро юношей лишь хитростью, и потащив за ногу, смогли свалить его и уложить для того, чтобы выколоть глаза.

Шамиль и его товарищи еще ранее остановились в доме, расположенном рядом с тем домом в). Когда то дело было закончено, наступил рассвет, и мюриды совершили первый намаз. Шамиль приказал затем, чтобы караульщики были бдительными, осторожными, поставил одного человека у ворот того дома, и лишь после этого мюриды легли, чтобы поспать.

Шамиль лежал на возвышении. Он полудремал, полуспал и вдруг услышал снаружи звуки, подобные лаю дерущейся собаки. Он крикнул своим товарищам, расположившимся во внутренней части дома, чтобы они вышли. И тут перед ними появился из-за дверей мужчина с обнаженным кинжалом в руке. Шамиль прыгнул на него, а те, кто был в доме, выбежали. Дело в том, что там вместе с Шамилем не было его особо верных товарищей.

Шамиль первым делом сжал руку нападавшего, в которой находился кинжал. Они начали бороться, и причем в руках у Шамиля не было никакого оружия. Происходило же все это рано-рано утром. Шамиль кричит своим товарищам: «Этот враг убьет меня.

а) В — «Шамиль не счел, что его нужно убивать».

б) А — приписка: «то есть нарушить его»; К — приписка: «Это потому, что было сказано: «Мы не возьмем у вас имущество и не убьем ни души». (От него)».

в) А — слово «дом» отсутствует.

У меня в руках нет оружия»,—а враг все исхитряется ударить его кинжалом или воткнуть его в Шамиля; от рук Губаша Шамиль получил около двенадцати ран по корпусу, на животе, ниже пупка у него было тогда около семи царапин, а кости на груди треснули от давления всем весом на голову этого человека. Тут на них двоих бросился кунак Шамиля—Шабан Шатоевский, но проклятый нападающий нанес ему колющий удар, и тот умер. Шамиль закричал, называя имя своего храброго товарища Мааша Зумсоевского (Зунси).²⁶⁷ Тот прыгнул, но нападающий нанес и ему колющий удар. Мааш упал с глубокой раной, и вот тут Шамиль свалил напавшего после долгой взаимной борьбы. Этот человек укусил тогда Шамиля в локоть, а тот укусил его в голову, да так, что воткнул в нее свои зубы. Шамиль своей ногой надавил Губашу на руку, в которой был кинжал. Тут подоспел Зирар Шагадинский (Шахади)²⁶⁸, и Шамиль приказал ему вырвать кинжал из руки напавшего. Зирар сказал: «Для меня это невозможно». Шамиль тогда сказал: «Ты вырви этот кинжал, отрубив ему пальцы». Кинжал был вырван, а тот мужчина^{а)} смертельно ранен и брошен в угол дома. Он при этом что-то пробормотал. Сказали, что он говорит: «Ну каковым ты почувствовал меня?» Шамиль ответил: «Ты скажи ему: «А я? Каковым он нашел меня, при том, что я был безоружным?»»

Затем Шамиль спросил сельчан про человека, который напал на него. Ответили: «Да это же тот самый человек, которому выкололи глаза». Тогда Шамиль сказал: «Вы посмотрите на него хорошенько, он ли это?» Оказалось, что это именно он, и тогда Шамиль сказал: «Если бы я знал это, то не стал бы его обхватывать. Убить его было бы намного легче по-другому».

Жители того округа (махала)^{б)}²⁶⁹ вознамерились затем напасть на товарищей Шамиля, думая, что он убит руками этого мужлана^{в)}. Тогда Шамиль, проявив терпение, при тех ранах вышел в поле их зрения. После этого они отказались от своего намерения, а Шамиль вернулся в Шатой.²⁷⁰

ГЛАВА ОБ ИШКАРТЫНСКОМ И ДРУГИХ СРАЖЕНИЯХ

[1840 г.]

Из-за тех ран Шамиль пролежал около двадцати дней. Ревностные мюриды в большинстве своем чиркеевцы начали подталкивать Шамиля к проведению в жизнь шариата и войне против враж-

а) К—здесь и выше вместо «мужчина» написано «проклятый».

б) Можно иначе «квартал».

в) А—«мужчина».

дебных элементов. Они, заявляя: «Если для тебя невозможно сейчас сидеть верхом, мы понесем тебя на носилках, положив их на плечи». Шамиль тогда встал, хотя его раны еще не зажили и оставил своих близких и детей в селении Дашмирза²⁷¹ у одного благородного кунака; затем известный храбрец Шуаиб перевел их в Инди-юрт (Андивурт),²⁷² а оттуда в Старое Дарго.

Когда мюриды подошли к селению зубутлинецв (зубут), обнаружили, что последние с примкнувшими к ним преступными старшинами из Эндирея и других сел изготовились оказать сопротивление и даже сражаться. Шамиль с группой мюридов пошел на них тогда с одной стороны, его ученик Амирхан Чиркеевский с группой—с другой стороны, а Маммадхан Андийский с группой—с третьей стороны. В результате чужаки оттуда^{а)} бежали, а жители Зубутля подчинились.

Шамиль остановился затем на горе Чиркея. Чиркеевцы начали тут спор и ссору между собой, длившиеся до тех пор, пока один мюрид из числа их не сказал кадию Чиркея: «Эй, кадий! Тебе не следует стараться обмануть всевышнего Аллаха, а нам, видимо, не следует стараться обмануть тебя. Тот, кто хочет Шамиля, пусть садится с этой стороны, а тот, кто хочет кого-либо другого, пусть садится с той стороны». Все чиркеевцы пошли на сторону желающих Шамиля и подчинились ему.²⁷³

После этого Шамиль повел чиркеевцев и других людей к селению Ишкарты (Ишкатали).²⁷⁴ В нем мюриды застали шамхала^{б)} и Ахматхана с теми, кто бывает вместе с ними^{в)}, а также русских, укрепившихся в усадьбе Алисултана—старшины ишкартинцев. Мюриды сразились с врагами. Чиркеевские юноши при этом напали на них со стен, как птицы на ток с зерном. Мюриды перебили тогда большинство врагов. Оставшиеся же в живых обратились в бегство.

Затем Шамиль пошел к Эрпели. Он попортил и сжег усадьбу Уллубия; так ему и надо! Дело в том, что Уллубий два раза направлял людей с заданием отравить Шамиля.

Один раз это было во время правления Хамзата, когда Шамиль находился в селении Гимра. Уллубий отправил тогда одного недоразвитого харачинца, чтобы тот отравил Хамзата и Шамиля. Гимринские дозорные пленили, однако, этого харачинца. Бартихан приказал проверить его одежду, и в ней нашли яд. Харачинец, впрочем, заявлял, что это лекарство, и тогда по знаку одного ев-

а) А—отмеченное слово отсутствует.

б) К—«сын Муслим-хана-шамхала»; чит. «Абумуслим-хан-шамхал» (Т. А.)

в) А—«... с ними из числа жителей Равнины».

рея решили покормить харачинца этим «лекарством». Тут он покорился, признался во всем и сообщил имя того, кто вручил ему яд.

Другой раз Уллубий послал с ядом племянника Шамиля—Ибрахима, сына Бартихана, с двумя товарищами — родственниками Ибрахима и Шамиля. Тогда Уллубий был правителем еще и Гимр, назначенным туда русскими, после ухода Шамиля с Ахульго, когда последний находился в селении Ведено Чеченского вилаята.²⁷⁵ Уллубий от имени русских пообещал при этом: награды, подарки и полную мерку (**кайл**) серебра. Он заявил: «Русские построят одну крепость в Анди, другую крепость в Ботлихе²⁷⁶ и третью крепость в области гидатлинцев. Они наберут затем солдат со всего Дагестана для выступления против турецкого султана^{а)}. Вы же будете освобождены тогда от необходимости выступать в поход вместе с ними. Русские, кроме того, возвратят вам ваши земли; утверждали, что земли Бартихана и Шамиля были записаны в пользу государства (**пашалих**)^{б)}. Люди изъявили тогда Уллубию полное повиновение в том вопросе. Уллубий обрадовался этому, развеселился и постоянно рекомендовал им, чтобы они, если вспотеют, не прикасались ядом к своему телу.

Когда посланные прибыли затем в Ведено, с Шамилем им встретиться не пришлось, ибо он ушел к тому времени в Шатой. Так ни с чем они и вернулись назад; как же все таки туп и глуп был этот проклятый Уллубий,^{в)} когда подумал, что его красивые слова обманут племянника Шамиля,^{г)} он даст ему яд и этим убьет^{д)}.

Затем Шамиль пошел было к Каранаяу, но тут чиркеевцы возвратились домой на жатву. Из-за этого андийцы возвратили оттуда Шамиля.²⁷⁷ Тогда он пошел со своими товарищами к чеберловцам (тадбутри)²⁷⁸ и подверг их дрессировке. Затем Шамиль возвратился [в Дагестан] через селение Ансалта (Ансалда)²⁷⁹ и остановился на тукитинской (Тукита)²⁸⁰ площадке.

В Тлайлухе²⁸¹ и других местах Шамиль уничтожил тогда поссы Ахматхана. Тот при этом смотрел на мюридов сверху и был не в силах помешать этому. Когда затем Шамиль прибыл в селение Игали, к нему явился Тидуриль Мухаммад Мушулинский²⁸² — товарищ Ахматхана. Он утверждал, что бежал от последнего, похитив у него при этом отличного коня и прекрасное ружье. Тидуриль Мухаммад заявил затем, что и конь и ружье — это его подарок Шамилю. Он явно показывал, что хочет быть сопровождающим

а) А—«падишах ислама».

б) Б, В—«(пашалух)».

в) — «Как же туп этот мулла».

г) — А — «племянник Шамиля и его родственники».

д) А — «...яд, чтобы он умер».

Шамиля. Шамиль, однако, ответил Тидуриль Мухаммаду: «Весьма вероятно, что ты прибыл по совету Ахматхана, который желает проявления вероломства с твоей стороны по отношению к нам. Что такое для Ахматхана конь и ружье? Пусть они останутся у тебя. Мы не возьмем тебя в число сопровождающих, пока не убедимся в твоей искренности. Вот если ты проявишь старание в деле нанесения вреда нашим врагам, будешь убивать из числа их каждого, кого встретишь, чтобы наши сомнения и подозрения отошли от тебя, то тогда сделаем тебя одним из наших особо близких приятелей и товарищей».

Тидуриль Мухаммад повел себя не так, чтобы им были довольны мюриды, а тут прибыл в качестве мухаджира Хаджимурад. Он то и известил, что прибытие Тидуриль Мухаммада произошло именно потому, как думал Шамиль. Затем Хаджимурад убил его из-за какого-то дела, произошедшего между ними обоими.

Шамиль пошел затем дальше. Остановились мюриды в Гельбах и Янгиюрте (Янгивурт).²⁸³ Он подверг их население дрессировке, а их юношей направил в Чиркей в качестве заложников. Остановив в тех двух селениях пехоту, Шамиль двинулся затем с конницей на овечьи кутаны жителей Равнины. То, что там было тогда, пожгли. Овец же не застали.

Русские двинулись на пехотинцев. При этом те заложники и люди, отправленные вместе с ними [случайно] попали к ним в руки. Тем временем пехотинцы ушли из тех селений. Затем они встретили русских в одном месте, но тогда обе стороны без боя ушли оттуда. После этого русские вступили в Гельбах и Янгиюрт. Вскоре, однако, возвратился Шамиль с конными. Соединившись с пехотинцами, они пошли дальше. На горе Пиравуз мюриды простояли около двух или трех дней. Затем они совершили движение на Янгиюрт. Янгиюртовцы, как оказалось, убежали из селения и тогда мюриды забрали то принадлежащее им имущество, которое было найдено там. Жителей же Гельбаха мюриды переселили тогда в одно крепкое место. Потом они сожгли оба эти селения.

Шамиль вернулся затем назад и отправил каранайцев и чиркейцев на гимринцев. Те смягчили их и подвергли дрессировке. Сам же Шамиль с теми, кто был вместе с ним, ушел.²⁸⁴

Мюриды остановились в местностях Мухита²⁸⁵ и Тасса Ашильта.²⁸⁶ Затем Шамиль пошел оттуда на Ахульго и тогда похоронил там свою жену Джавхарат, как то было уже рассказано. С Ахульго же он пошел в свое селение Гимры.

Когда унцукульцы узнали, что среди тех, кто остановился на Мухита, отсутствуют Шамиль и его товарищи, они двинулись на них. Унцукульцы сразились с мюридами. Были раненые. Унцукуль-

цы захватили тогда часть лошадей, принадлежавших мюридам и возвратились назад.

Дополнение. Всякие злые дела и всякие мерзости, которые имели место со стороны унцукульцев, происходили обязательно под руководством муллы Шабана. Мудрый Аллах—устроитель и судья, которого я прославляю, не убил его^{а)}, однако, саблей имама Шамиля.

Затем, против Гимр, когда там находился Шамиль, двинулись русские. Шамиль сидел в мечети, и вдруг юноши из числа тех, которые были вместе с ним, страстно бросились навстречу врагу. Там-то и пал мучеником за веру наш умелый брат Тахир Унцуккульский,— да помилует его всевышний Аллах!

Говорят, что Тахир оставался мертвым среди врагов до их ухода из Гимр. Когда Тахира нашли, оказалось, что его одежды не были сняты с него. Лишь одна из двух сандалий была содрана, но и та оставлена рядом с Тахиром; да и в кармане его плаща находилось при этом небольшое количество серебра.

Говорят также, что мать Тахира Унцуккульского подошла к его телу, однако не заплакала, не выказала печали, а, напротив, проявила радость. Она сказала, обращаясь к Тахиру, примерно следующее: «Сынок! Я довольна тем, что всевышний Аллах одарил тебя тем, что ты искал. Ты ведь давно искал это. Слава тебе!» Да будет всевышний Аллах доволен ими обоими и нами!

Юноши разбежались тогда, забыв об имаме. Тут, однако, подошел один его товарищ и сказал: «Люди вышли и убежали. Остались лишь те, кто здесь». В это время подошел Муса Балаханский и принудил Шамиля согласиться выйти. Мюриды вывели Шамиля босым из мечети, к которой русские уже приблизились. Мюриды увидели тут своих воинов. Они находились вдалеке и при этом убегали. Тогда Шамиль приказал своим товарищам поторопиться, чтобы враг не достиг узкого входа в ущелье раньше их. Когда же мюриды вышли из ущелья, они пошли уже спокойно. Затем Шамиль остановился на мосту Сагри²⁸⁷ и тут он сбросил в реку ружья многих мужчин в качестве наказания.²⁸⁸

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА САИД-ЮРТ

[1840 г.]

До Шамиля, находившегося на Мосту Сагри, дошла весть, что русские вступили в Саид-юрт^{б)}.²⁸⁹ Он тогда выступил оттуда, а когда подошел к Гелдегену (Килдиркин),²⁹⁰ к нему присоединился

а) А — приписка: «то есть всевышний Аллах не предопределил его убийство».

б) А — «Саидвурт».

В качестве мухаджира Хаджимурал. Когда же они, то есть Шамиль и его товарищи, встретились в Саид-юрте с русскими, то сразились с ними и перебили большое число их. Мюриды обратили русских в бегство, а затем до середины зимы тысяча двести пятьдесят шестого (1841) года совершили круговой обход, вводя управление среди людей, исправляя их и нападая* на тех, кого посылают в набег против них^{а)}.²⁹¹ Затем Шамиль возвратился к своей семье и своим детям, находившимся в Старом Дарго. Дело в том, что Шамиль разлучился с ними еще в Шатое в конце зимы прошлого тысяча двести пятьдесят пятого (1840) года, и они переселились в Дарго.

Дополнение. Во время этого похода отряд Ахбердиль Мухаммада взял в плен много людей. Среди них была и Шуванат — дочь моздокского (музлики) христианина. Её застали сидящей на своей драгоценной коляске (**килиска**)^{б)}.²⁹²

С ее слов рассказывают, что они вышли и продвигались к Ставрополю (Истаранул), опасаясь наступления войска Шамиля. Говорят также, что в той ситуации ее везли в качестве невесты к тому графу, который являлся начальником русских, когда они взяли Ахульго. * Хвала великому Аллаху! Как все же здорово Он наказал проклятого за его дела еще до наступления дня Воздаяния—Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней^{в)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ ГЕЛЬБАХА ТРЕТИЙ РАЗ И НАПАДЕНИИ НА НАЗРАНЬ

После ухода имама Шамиля жители Гельбах возвратились в свое селение. Они восстановили Гельбах, укрепили его, воздвигли заграждения на его окраинах, а также построили на этих окраинах башни. В конце зимы, однако, имам выступил [из Дарго] и собрал против гельбахцев воинов. Когда эти воины приблизились к гельбахцам, то атаковали последних и немедленно ворвались в село. При этом несколько человек имама пало мучениками за веру, а также было убито много гельбахцев. Остальных мюриды подвергли дрессировке и сделали мягкими.

Шамиль возвратился затем оттуда и направил войско в сторону назрановцев (насири).²⁹³ Когда Шамиль остановился на равнине

а) А — «... на тех, кто боролся с ними по вопросам ислама».

б) А — «на своих дрожках».

в) А — «Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней. Хвала Аллаху! Как Он вознаградил Шамиля еще до дня Воздаяния—дав ему хорошую девушку взамен мученицы за веру Джархарат».

назрановцев, то вначале сжег некоторые их селения. Назрановцы обманули тогда Шамиля, заявив, что они согласны с ним.²⁹⁴ Они оттягивали решение своего вопроса до тех пор, пока не завели в крепость своих детей и женщин, свои имущества. Затем они напали на один край войска имама. Люди его отошли в сторону. Имам с товарищами передвинулся тогда на холм и начал называть отходящих по племенам (кавм). Они тут возвратились к нему, сразились с назрановцами и загнали их в крепость.

ГЛАВА О ПРИХОДЕ РУССКИХ В ЧИРКЕЙ И ПОСТРОЙКЕ ТАМ КРЕПОСТИ

[1840 г.]

В начале этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам услышал, что русские идут на чиркеевцев. Он тогда остановился на горе и призвал наибов с войсками. Тут пришли русские и дали сражение напротив Чиркея, со стороны местности Ургу.²⁹⁵ Оттуда, однако, русские не смогли овладеть Чиркеем, и тогда одна группа их выступила с намерением напасть на чиркеевцев со стороны мельниц Хусайна. Имам же имел в виду, что в той местности будет сооружен завал, и он сразится там с русскими, но не явились наибы со своими войсками. К имаму, таким образом, не прибыли люди в количестве, достаточном, чтобы противостоять русским в том месте. Поэтому русские и вошли в Чиркей, а мюриды, кто смог, бежали от них. Имам страшно разгневался тогда на наибов, был в ярости.

Часть русских начала затем строить крепость в Чиркее,²⁹⁶ а другие устремились на Аух. Имам же, когда наблюдал за ними с возвышенного места через подзорную трубу, вдруг заметил, что воины-андийцы уже ушли. Он спросил: «А где они?» Сказали, что андийцев возвратили назад их наиб Галбац Каратинский и Байсулав Андийский. Имам разгневался на них до такой степени сильно, что вознамерился было убить тех двоих там же. Русские тогда в Аух, однако, не вошли, а имам возвратился домой и сместил наибов, даже Шуаиба.

Байсулав после того обошел андийцев и имел с ними тайную беседу такого примерно содержания: «Мы попросим у Шамиля заново назначить правителем над нами Галбаца. Если же Шамиль откажет, то мы назначим его самовольно». Вот с такими намерениями Байсулав направился к Шамилю.

Лабазан (Рамадан) Андийский и еще кое-кто, думающий так же, сообщили Шамилю, что намерения и разговоры Байсулава такие-то и такие-то. Поэтому, когда Байсулав прибыл, его убили.

Затем имам пошел к селению андийцев. Они возымели было намерение помешать мюридам. Но Шамиля встретили: сын Лабазана и андийские мюриды. Они то и ввели Шамиля в Анди, после чего он назначил правителем над андийцами Газиява Андийского, а хаджи Яхью Чиркеевского отправил, чтобы тот взял казну, которую собрал и сделал своей собственностью Галбац. Тот, однако, скрылся от Яхьи и таким образом у последнего не было возможности встретиться с ним. В доме Галбаца из той казны Яхья нашел немного чего, ибо тот спрятал ее у каких-то людей в различных селениях. Говорят, что перед этим Галбац имел даже намерение воевать с имамом и направил по этому поводу послание в Кванада и Гидатль.²⁹⁷

Шамиль находился в Анди²⁹⁸, и вдруг прибыл человек с просьбой о помощи, сообщивший, что русские входят в Аух. Имам, как птица, полетел оттуда к ауховцам примерно с сотней товарищей. В Аух они прибыли ночью. Там мюриды и остановились. Когда же русские узнали о прибытии туда имама, то сильно перепугались и собрались убежать той же ночью. Джамал Чиркеевский уговорил их, однако, потерпеть до утра. Поэтому они убежали утром. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ, А ТАКЖЕ ГИМР И БАЛАХАН

[1840 г.]

В конце осени этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам был болен, и поэтому во главе войск, идущих на Унцукуль, он направил муллу Абакара (Абу Бакр) Аргванийского. Туда они вступили ночью. Мюриды^{а)} взошли на плоскую крышу унцукульской мечети и громкими голосами запели: **Ля иляха илла ллах**. После этого часть унцукульцев убежала из селения, а оставшиеся были подвергнуты дрессировке. Они подчинились Шамилю, и тогда над ними был назначен наибом и кадием одновременно некий Алим^{б)}, а рядом с ним—в качестве помощников поставили Раджабиль Мухаммада Чиркеевского с его товарищами.²⁹⁹

Несколько мужчин из числа унцукульцев, среди которых находился и хаджи Кебед, были отправлены тогда [к имаму] в качестве заложников. Повиновение выказали также гимринцы и балаханцы (билик).

а) В некоторых списках: «Мюриды из него (Унцукуля—?)».

б) Можно иначе: «один ученый».

Затем тот наиб и его помощник начали давить на унцукульцев, грубо обращаться с ними, утверждая при этом, что они де выявляют имущество тех, кто убежал. Это стало тягостным для унцукульцев, их нутро испытало отвращение к шарияту, а их души были возмущены им. Ухудшились также помыслы унцукульцев по сравнению с теми, которых они держались прежде из-за установленного над ними управления, разрыва [торговых] отношений и дительной вражды.

В конце зимы того же года имам отправил хаджи Кебеда к себе домой. Шамиль при этом из щедрости дал ему коня.

Найдя унцукульцев в названном состоянии, хаджи Кебед, естественно, не мог одобрить этого. Он задумал хитрость для устраниения этой ситуации. В одну из ночей, в то время, когда имам был занят покорением ^{а)} Казикумуха, был убит дядя Кебед-хаджиява по линии матери. Он, кстати, был известен тем, что полностью повиновался наибу и его помощнику, бегал к ним и сплетничал ^{б)}, а они оба верили ему. Вот тут-то Кебед-хаджияв и закричал: «Эй, те унцукульцы, у кого находятся гости! Сажайте их под арест!» Дело в том, что товарищи наива и Раджабиль Мухаммада были разбросаны среди унцукульцев в качестве гостей. Затем Кебед-хаджияв обматерил наива-кадия, и тот убежал из мечети босиком. Товарищей его унцукульцы посадили под арест.

Что же касается Раджабиль Мухаммада Чиркеевского, то он еще днем пошел в Гимры. В ту же ночь, однако, он вернулся назад к своему кунаку Султану Унцукульскому—отцу Хаджимухаммада. С его-то разрешения, по его слову, Раджабиль Мухаммад и сумел убежать, скрываясь ото всех; он никому никогда не сообщил о том, опасаясь, что унцукульцы причинят вред его кунаку.

Имам обменял потом тех товарищей на унцукульских заложников.

Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. ³⁰⁰ После этого унцукульцы стали их близкими друзьями ^{в)}

а) А — «то есть смягчением».

б) А, Б — «доносил».

в) Б, К — «Раджабиль Мухаммада там не было. Он тогда находился в Гимрах. Потом они обменяли тех товарищей на унцукульских заложников. Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. После этого унцукульцы стали их близкими друзьями»; К—приписка: «В 1285 (1868/69) году в Темир-Хан-Шуре мне рассказал Хаджимурад—сын Султана Унцукульского—кунака Раджабиль Мухаммада, что той ночью он уже вернулся к ним из Гимр. Затем он убежал, скрываясь ото всех и не сообщив никому о своем пребывании там даже потом. Он опасался, что унцукульцы обвинят его кунака в нарушении того, что они объявили, а именно в отпуске Раджабиль Мухаммада (от него)».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КУЯДА ВОЙСКОМ ДЖАВАДХАНА

[1841 г.]

Тот же осенью к имаму в Дарго пришел Кебедмухаммад Телетлинский. Он просил у Шамиля войско для покорения своего края и соседей. Имам отправил тогда вместе с Кебедмухаммадом Джавадхана и его войско. Они пошли затем на юг, присоединив по пути Нурмухаммада Инховского и тех людей, над которыми он стоял, а также—андийцев.

Прибыли к границам Куяда. Куядинцы дали было мюридам сражение, но те поубивали их, взяли плен и затем вошли в некоторые куядинские селения. Оставшиеся куядинцы собрались тогда в других селениях и укрепились там. Тут, однако, подошел кроткий миротворец Омариль Мухаммад³⁰¹ Карахский—да помилует его всевышний Аллах—с товарищами. Он установил мир между враждующими сторонами. Куядинцев он заставил при этом согласиться с властью Джавадхана.

К Джавадхану прибыл тут благочестивый мудрец Ханав³⁰² Слепой Куядинский. Джавадхан спросил его: «Ты почему же не пришел до того, как произошла эта смута?» Ханав ответил ему: «Для жителей этого ущелья эти убийства и строгое наказание были просто необходимы». Из-за таких слов Ханав Джавадхан освободил тех куядинцев, которых он ранее посадил под арест для последующей казни. При этом, однако, некоторых куядинских юношей Джавадхан все же отправил [к имаму] в качестве заложников.³⁰³ Что же касается дервиша Нурмухаммада, то он с товарищами прибыл затем в Карах, где взял некоторых карахских юношей в заложники. Они были отосланы в Карата^{а)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КАЗИКУМУХА ПЕРВЫЙ РАЗ

[1842 г.]

В конце зимы тысяча двести пятьдесят восьмого (1843) года имам услышал, что русские продвигаются вглубь [страны] со стороны селения Чох.³⁰⁴ Он птицей полетел тогда с намерением помешать им—поднял воинов, и они перешли реку голотлинцев с западной стороны через брод, имеющийся в ней. Русские при этом с хунзахской стороны обстреливали их из пушек.

Мюриды все же прошли, двигаясь при этом и ночью. Когда же те проклятые враги, наступавшие с юга, узнали о выступлении имама и его приближении, то убежали назад. А имам со своими

а) К—«в Чиркей».

полками остановился в селении Чох: он тогда взял с чохцев в качестве залога много ружей, а также обязал их воевать с врагом и ввести шариа́т в своей среде.

Мюриды остановились затем в селении согратлинцев. Они таким же образом подвергли согратлинцев дрессировке. Кадий^{а)} же — сын кадия успел тогда убежать в Казикумух.

После этого имам возвратился назад и остановился в Телетле. Тут к нему пришел один рисорец,³⁰⁵ который утверждал, что его отправил идущий по верному пути тарикатский наставник (уста́з) Джамалуддин. Затем рисорец вытащил несколько фиников и сказал, что Джамалуддин подарил их Шамилю вместо письма. Рисорец сказал далее, что тарикатский наставник говорит: «Если у тебя—о, Шамиль!—будет намерение идти на Казикумух, то сейчас самый подходящий для тебя момент, чтобы войти туда».

Имам со своими победоносными полками повернул [из Телетля] назад. Его товарищи при этом постоянно советовали ему отправить [в тыл—?] заложников, взятых от людей, которые проживают вдоль дорог, чтобы те не проявили вероломства в момент возвращения. Имам, однако, пресекал их болтовню, говоря: «Мы идем в Казикумух для того, чтобы погибнуть там мучениками за веру и быть затем погребенными на кладбище османцев (усманли),³⁰⁶ находящемся там, а не для того, чтобы возвращаться назад».

Имам остановился в селении Бухты (Бухди),³⁰⁷ но при этом часть его полков продолжила движение^{б)}, а часть шла следом. Тут к Шамилю, в дом его кунака, прибыл тарикатский наставник Джамалуддин и попросил его не вводить полки в Казикумух. Имам сказал тогда: «Мы возвратились [из Телетля] по твоему указанию и согласно словам твоего посланника». Тарикатский наставник сказал: «Я его не посылал и не знаю о нем ничего».

После этого имам все же выступил из Бухты, двинулись и полки. Они хлынули на город Казикумух и вступили в него после сражения. Многие из тех, кто прибыл из отдаленных краев на помощь казикумухцам, тогда убежали. Что же касается главарей и старшин казикумухцев, то они остались осажденными в крепости, находившейся в том городе.

Полки мюридов рассеялись по Казикумуху. Они разграбили имущество, попортили усадьбы и вплоть до утра держали в сильнейшей осаде тех, кто находился в крепости. Когда же наступило утро, люди, сидевшие в крепости, сдались на милость имама. Там были тогда обнаружены: два русских начальника; Яхья Дженгу-

а) А—«кади (къади)».

б) А—приписка: «то есть через селение».

тайский (Чункути)³⁰⁸—сын Будая Кривого и его товарищи; кадий — сын кадия Согратлинского и еще кое-кто из числа главарей и старшин.³⁰⁹

Шамиль отправил двух русских начальников в Дарго. Около тринадцати мужчин, и в том числе Яхью и его товарищей, он казнил. Некоторых, и в том числе правителя вилаята Кюрэ Харуна — сына Тахира и кадия — сына кадия, который долго старался в меру своих сил доставить имаму затруднения, последний при этом отпустил. Имам, кстати, время от времени говорил: «Попадет еще шея этого кадия под наш топор», но тогда Шамиль сказал ему: «Эй, кадий! Ты знаешь такой аят Корана: «Спросит тогда человек — где же мое убежище?»^{a)}. После этого, однако, Шамиль назначил кадия наибом над согратлинцами и их вассалами (таби).³¹⁰ Некоторых казикумухцев имам отослал тогда [в Дарго—?] в качестве заложников: Омара³¹¹—брата Тахира, двух сыновей Тахира—Махмуд-хана и Джабраила. Их брата хаджи Яхью—сына Тахира имам назначил в то же время наибом над вилаятами Казикумуха.³¹²

Имам просидел в Казикумухе одну неделю^{b)}. Затем он услышал, что русские входят в селение голотлинцев. Тогда вечером он двинул туда Кебедмухаммада Телетлинского и его войско, а на следующий день выступил сам. Когда мюриды пришли в Голотль, они нашли там русских. Они убили тогда большое количество их, и после этого русские убежали туда, откуда пришли. Затем имам с теми, кто остался вместе с ним, поднялся к хунзахцам: он лично с одной стороны, а Хаджимурад с другой. Там, однако, ничего особенного не произошло. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ СРАЖЕНИИ В КАЗИКУМУХЕ

[1842 г.]

Когда имам возвращался из Кумуха назад, он приказал наibu Абдурахману Карахскому помогать хаджи Яхье в проведении дел и в политике. Абдурахман на время поставил рядом с Яхьей своих муртазиков, которым он передал для поддержки своих кавалеристов. Однако порядок в тех вилаятах, необходимый для отражения врагов и противодействия им, так и не установился.

Тут подошли русские. Остановились они в Кивиди (Кибуда)³¹³ и около него. Наиб хаджи Яхья и те, кто был вместе с ним, а также люди Абдурахмана Карахского при этом убежали. Обрати-

a) Коран.

b) Можно иначе: «пятница».

лись за помощью к имаму; говорят, что эта была коварная хитрость, обман со стороны врагов, предпринятые для того, чтобы имам выступил к Казикумуху, а русские бы тем временем вошли в Дарго, где находились его дети и женщины. Имам выступил [из столицы], собрал войско и форсировал унчукатлинскую (Хамчукута) реку.³¹⁴ Затем он пошел через Хури—Хурукра (Хур—Хурукла).³¹⁵ Русские же обстреливали тогда мюридов из пушек, находясь в своем лагере. Затем имам направил Даниял-султану³¹⁶, который пребывал тогда вместе с русскими, письмо следующего содержания: «Если кто-либо взял что-нибудь, то он должен крепко держать это в своих руках^{а)}. Ты спокойно стой там вместе с русскими, а мы дия через три водрузим свое знамя—если захочет всевышний Аллах—на краю плоской крыши твоего дома в Елису».³¹⁷ Все это являлось коварной хитростью, обманом со стороны имама для того, чтобы вывести *этих проклятых^{б)} из Кивиди. Затем имам остановился в Кули-Хосреке (Кул-Хусрак),³¹⁸ а следом за мюридами туда пришли русские, которые, однако, остановились в стороне. Вскоре, впрочем, произошло сражение в ходе которого был нанесен ущерб соградинским юношам, а ночью имам получил известие, что русские со своими пушками и палатками покинули Кивиди и там из числа их осталось лишь немного солдат, засевших в верхней крепости. Поэтому ночью имам объявил отправление с тем, чтобы мюриды остановились уже в Казикумухе, укрепили его и вместе с казикумухцами сражались бы там против врагов. Когда, однако, войско пришло в движение, готовясь к отправлению в путь, глашатай из числа жителей того селения, где они стояли, закричал: «Войско обратилось в бегство», после чего благоразумный Ахбердиль Мухаммад убил его.

Ночью двинулись в обратный путь. Большинство бойцов думало тогда, что это бегство. Имам же был озабочен и всю старался, как бы разрушить шовкринский (Шавукра) мост,³¹⁹ после того, как его войско перейдет по нему; он назначал для этого людей и посылал их, но этого сделать не удалось. Остановились мюриды в Казикумухе, а вскоре они услышали грохот пушки, которая шла вслед за ними. Воины отступили, а затем, испугавшись, побежали, подобно диким ослам. Остались лишь спавшие в Казикумухе. В числе тех, кто остался там, были: ученый хаджи Абдурахман Согратлинский, ученый *Хаджияв Чиркеевский — сын Шахмардана и ученый Чухалав (Шухалав) Магарский^{в)}.³²⁰ Они были взяты в

а) Б — фраза «в своих руках» отсутствует; В — отмеченное предложение кончается словами: «... с русскими».

б) А — «русские».

в) В — лакуна в тексте.

плен, отправлены в Тифлис и пробыли там в заключении некоторое время.

Приложение. Ученый хаджи Абдурахман Согратлинский отправил затем послание имаму Шамилю, в котором содержалось несколько двустижий. Одним из них является такое двустичие:

О, если бы я знал причину задержки Шамиля с выкупом!

В том ли она, что он отвернулся от нас, или же враги ему воспрепятствовали?

Когда братья хаджи Абдурахмана принесли Шамилю это послание, он сказал им: «Одни люди говорят мне: «Русские отдадут тебе в качестве выкупа за этих двух начальников твоего сына». Другие говорят: «Они дадут тебе за этих двоих много богатства». Я же умом люблю ученых и поэтому не желаю взамен двух русских начальников ни сына, ни богатства. Однако я вижу, что в отщужении русских с нашей стороны наиболее подходящее сейчас — продемонстрировать безразличие к заключенным». Затем имам послал весточку с предложением выкупа. От русских пришел ответ: «За этих двоих начальников мы можем дать в качестве выкупа только одного человека». Тогда Шамиль сказал посланникам русских: «Самое желанное для меня — казнь неверного, — и добавил. — Пусть они делают с заключенными мюридами, что хотят. Пусть они сварят их в котле». После этого речь врагов смягчилась, и они согласились совершить выкуп так, как хотел Шамиль. Хвала Аллаху, который подчиняет себе любого, кого захочет, и причем тому, чему Он хочет^{а)}.

Ученые были затем выкуплены за тех двух русских начальников, которые были взяты в плен при взятии Казикумуха первый раз.

Имам и Ахбердиль Мухаммад, и их товарищи — пешие и конные с их снаряжением, багажом проходили мимо селения Арчи (Ручи).³²¹ Вместе с мюридами был и Башир — сын Тахира.³²² Из селения вдруг выпустили по ним несколько пуль. Башир торопливо шел тогда впереди, и имам приказал одному своему товарищу, так, однако, чтобы Башир услышал: «Скажи ему пусть идет спокойно, чтобы наши товарищи и пехотинцы могли догнать нас. Если же нет, я всажу ему пулю в самый центр спины». Башир подчинился этому, после чего имам сказал ему: «Крикни-ка этим стрелкам, которые сражаются против нас». Башир покричал что-то арчинцам на их языке. Они сразу отошли назад и успокоились.

а) Отмеченный текст («Приложение») имеется только в списке А.

Ахбердиль Мухаммад* со своей и имама^{а)} конницей и солдатами³²³ остались там, подобно островкам. Имам же остановился на одной имеющейся там горе и говорит [арчинцам]: «Мы сражаемся с врагами ислама. Я вас не оставлю без поддержки и не уйду от вас, даже если останусь один-одинешенек при условии, однако, что вы станете врагами русских и сами попросите у нас помощи против них».³²⁴

Тут прибыл к имаму человек с сообщением о битве в Ичкерии (Кучулик)³²⁵ и о том, что русские чуть было не приблизились к Дарго. Мюриды тогда быстро двинулись назад и прибыли в Дарго, но дети их и женщины находились в то время уже в Анди.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИЧКЕРИЮ

[1842 г.]

Когда имам выступил для оказания помощи [казикумухам] и подготовил для этого войско, проклятый граф^{б)} с многочисленными отрядами и большим количеством снаряжения вознамерился двинуться на детей и женщин имама, находившихся в Дарго.³²⁶ Сделать это он думал со стороны Ичкерии (Кучулик), пройдя между двумя вилаятами: один, управляемый храбрецом Шуаибом, а другой, управляемый Уллубием, наибом Ауха. Известный храбрец Шихмирза Дылымский пошел тогда к наibu Уллубию и нашел его слабым и печальным, так как на его глазах пришли в беспорядок дела его детей и вопрос их охраны.

Затем Шихмирза пошел к Шуаибу и нашел его, подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Шуаиб уже возвел вал поперек дороги, которую имели в виду русские, и устроил на ней завалы. Шихмирза спросил Шуаиба: «Ну как ты себя чувствуешь?» Тот ответил: «Намерен быть терпеливым при встрече с врагами и не отступать перед ними». Затем Шихмирза спросил: «А как твои воины?» Шуаиб ответил: «Ну как могут быть они? Через нас, отсюда русские пройдут, если только меня они убьют, по каплям выпустят из меня кровь и затем растопчут». После того Шихмирза вернулся к Уллубию, ободрил его и придал ему силы.

Шуаиб—да помилует его всевышний Аллах!—тайно приказывал, однако, родственникам имама, его детям и женщинам: переселиться в Анди и перенести к андийцам все свои пожитки и имущества, не оставляя в Дарго ничего—даже сломанной ложки. Он также требовал от них сжечь имеющиеся в Дарго их усадьбы, если рус-

а) А — приписка — «ее (мнение её сына)».

б) А—«Грabbе—начальник неверных».

ские приблизятся к нему. Публично же Шуаиб говорил: «Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго».

Когда проклятый^{а)} граф с полками своих чертей двинулся на Дарго, Хасаиль Муса Аксайский (Яхсиви)^{б)},²³⁷ который был вместе с русскими, попытался было удержать его и сказал примерно следующее: «В лесах Чечни сидят всадники, подобные львам. В стране имама живут суровые храбрецы. Ты не ходи к ним. Ты только отдашь им в добычу одежды и поставишь трупы собакам и волкам на съедение». Проклятый граф^{в)} не прислушался, однако, к этому, а напротив, заговорил гордо и надменно.

Русские выступили самодовольно и горделиво. В первый день они, двигаясь, не встретили того, кто бы встал против них с оружием в руках, и тогда граф с насмешкой спросил Хасаиль Мусу: «Где же те львы и герои?» Хасаиль Муса ответил ему: «Ты подожди до завтра». На следующий день они, двигаясь, были атакованы в лесу с разных сторон, имелись убитые, но и тогда граф сказал Мусе опять же с насмешкой: «Это что ли противостояние твоих львов и защитные действия твоих героев?» Муса ответил: «Подожди до завтра». На третий день русские^{г)} поднялись, чтобы двигаться дальше и тут против них разожгли пламя войны—и спереди, и сзади, и справа, и слева. Сделали это: два упомянутых наиба^{д)}, андийцы и Сухайб³²⁸—заместитель (халифа) Джавадхана, раненного во время нападения, имевшего место до этого. Джавадхан—да помилует его всевышний Аллах!—умер затем от той раны; он, кстати, кусал себе кончики пальцев, сожалея, что у него нет возможности принять участие в этой битве.

Мюриды сразились с русскими, поубивали их и раздели, а когда те приблизились к Белгатою (Балгит)³²⁹ и Гордали (Гудар),³³⁰ то были окончательно разбиты и повернули назад. Мюриды убили, словно скосили, большое число русских. Они, вырываясь спереди в среду отступающих, отделяли от них какую-либо группу людей^{е)}, окружив со всех сторон, убивали их до последнего. Действуя так, мюриды, наконец, окружили их и затем в течение трех дней держали в местности, где у русских не было воды. Окруженные, они были вынуждены даже сдирать кору с деревьев и высасывать из них воду. Их стеснили до такой степени, что тот проклятый граф сказал: «Где же избавление? Как же успокоиться?»

а) А—«начальник».

б) К—приписка: «Отец враждебного последователям имама, ученого Юсупа-эфенди Аксайского. Да пробудит Аллах его и нас (от него)».

в) А—«Он».

г) А—приписка: «то есть воины графа».

д) А—приписка: «то есть войско их обоих».

е) А—приписка: «то есть неверных».

Мюриды получили от них большую добычу и две пушки. Имам же, когда он вернулся в Дарго, наградил Шуаиба драгоценным расписанным и расшитым знаменем, которое принадлежало раньше Аслан-хану.³³¹ Он также похвалил бойцов.

Дополнение. Этот граф после того события отправил послание к Шуаибу примерно такого содержания: «Ты не воображай! Не гордись тем, что убил одного или двух солдат, которые пошли в лес за дровами». Шуаиб направил послание в ответ на то, где было написано: «Я там не присутствовал, однако слышал, что мальчишки пошли в лес резать порей и убили солдат».³³²

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИГАЛИ

[1842 г.]

Проклятый граф^{a)} вместе с теми, кто остался с ним после той битвы, пошел в Темир-Хан-Шуру. Затем примерно через месяц он пошел на селение Игали. Туда же полетели птицами воины имама. Они сначала отогнали русских и поубивали их, а затем обратили в бегство.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

[1842—1843 гг.]

Кое-что о том, что произошло с гонцами имама, которых он отправил к Его величеству султану Абд ал-Маджид-хану, побуждая его и призывая к войне против неверных.

Люди многократно советовали Шамилю просить помощи у названного монарха,³³³ но он желал помощи лишь от Господа. Затем, однако, к Шамилю пришло письмо от находившегося в Черкесии хаджи Юсуна,³³⁴ прибывшего туда от его высочества Ибрахим-паши,³³⁵ которое имело следующее содержание: «Если ты пожелаешь довести положение своих дел до султана Абд ал-Маджида, то пришли [бумагу] ко мне». Имам с этим согласился, после чего позвал своего ученика Амирхана Чиркеевского и объявил ему, что он, Шамиль, желает отправить его гонцом. Амирхан ответил Шамилю, что он слушается и повинуется.

Когда Шамиль второй раз выступил на Казикүмүх, то призвал к себе Амирхана, Шайха Чиркеевского и Мусу Балаханского.

a) В некоторых списках: «Граббе».

Шамиль дал им указание: не смотреть ни на что, не заворачивать никуда и не искать ничего, кроме того, ради чего они посланы. Двум названным товарищам имам дал при этом указание повиноваться Амирхану так же, как бы они оба повиновались ему, имаму. Шамиль, кроме того, присоединил к отправляемым лицам еще и хаджи Иджа.

Гонцы двинулись сначала к своему находившемуся в Гехи проводнику—черкескому мухаджиру Султанбеку. В Гехи они пробыли тогда около десяти дней, ожидая, пока Султанбек не вернется из поездки. Тем временем русским была доставлена информация, что четверо гонцов имама направляются в их, русскую, сторону, в связи с чем они расставили на дороге дозорных. На этих дозорных случайно наткнулись, однако, четверо юношей—черкесов, и они убили последних. После того, как русские узнали об этом, наблюдение было прекращено, ибо они подумали, что полученное известие ложное.

Проводник тот—Султанбек Черкеевский, наконец, вернулся. Он взял с собой еще двух других проводников, и все они двинулись в путь. Шли они ногами, а днем прятались и так, пока не перешли Кубань (Губан). Затем гонцы Шамиля пошли опять и двигались вперед, пока не остановились в Абадзехии (Абазак)^{а) 336} у хаджи Исмаила. Там они и застали хаджи Юсупа.

Гонцы передали хаджи Юсупу письмо имама, в котором было написано: «Я отправил к тебе этих заслуживающих доверия лиц с тем, чтобы ты помог им добраться туда, куда они направляются».

Гонцы имама пробыли в Абадзехии в течение некоторого времени, а затем двинулись в путь вместе с хаджи Юсупом. Он, однако, в местах сбора людей, на заседаниях, начал сообщать о том, что содержалось в том письме. Амирхан запретил было хаджи Юсупу распространять тайну имама, но тот не прекратил этого и даже выбранил Амирхана: «Здесь не бывает измены и передачи тайн неверным, как то имеет место у горцев».³³⁷

Они пошли дальше и остановились на берегу моря—между русской крепостью в Анапе (Анафа) и крепостью Сухуми (Сухум), между которыми имелось еще много мелких крепостей, возведенных на берегу моря, в местах, свободных от леса. В лесах же находились тогда ведущие войну, борющиеся черкесы.

Хаджи Юсуп возвратился затем назад. Гонцы же имама провели на побережье целых три месяца в ожидании корабля из Турции (Усманлу), который должен был прибыть с торговыми целями. Какие-то корабли окружили, однако, тот корабль, когда он поя-

а) В—«Абзик».

вился; говорили, что корабли русских окружили его, чтобы на него не сели те гонцы.

Гонцы Шамиля пошли тогда к кораблю, который остановился в местности, находящейся выше. Когда, однако, они прибыли туда, обнаружили, что он поврежден русскими пушками и сожжен по той же причине.

Когда гонцы находились в той местности, у кунака Амирхана остановился один юноша—сын большого человека из крымцев (хирим). Он утверждал при этом, что провел среди русских десять лет в качестве заложника и прочел тогда их книги. В одной из них этот юноша увидел, якобы, запись: «В некоей маленькой стране возникает государственное устройство (низам), которым в такую-то эпоху будет сокрушено могущество русских». Амирхан спросил этого крымца: «А когда наступит эта эпоха?» Тот ответил: «Примерно через семь месяцев». Когда же примерно в такое время гонцы возвратились затем к имаму, то обнаружили, что он уже начал создавать государственное устройство—назначает людей управлять над десятками и сотнями.³³⁸ Хвала Аллаху—щедрому и милостивому!

Затем гонцы имама пошли к другому кораблю, стоявшему еще выше. Когда же они остановились в одном селении, находящемся рядом с кораблем, ночью вдруг раздался крик. Люди выскочили наружу, а когда наступило утро, им сообщили, что тот корабль сожжен отрядом русских. Гонцам сообщили тут, что осталось еще одно судно, стоящее выше того, но на опасной дороге

Амирхан пошел туда и остановился у благочестивого кунака по имени Хасанбий. Ему Амирхан объявил, что хочет сесть на корабль для поездки в хадж и попросил помощи. Хасанбий согласился и пообещал Амирхану посадить его на корабль. Тогда Амирхан направил к товарищам восточку, чтобы они явились к нему.

Однажды тот кунак пошел в русскую крепость по делу одного арестованного. Оттуда он вернулся со словами: «Начальник русских спросил меня: «Посланцы Шамиля у тебя что ли находятся?» Ты скажи им: «Пусть они там [в Дагестане] спокойно сидят». Затем Хасанбий спросил: «Вы что, посланцы?» — и тогда они сказали ему правду.

Тут пришел моряк и сказал: «Я не могу везти их. Если русские настигнут меня вместе с вами, то сожгут меня живьем и заберут мое имущество. Если же они настигнут меня без вас, то заберут мое имущество, а меня отпустят, согласно своему обычаю. Так принято между нами и русскими».

Не имея возможности избавиться от русских шпионов, гонцы имама посовещались тогда между собой и согласились: Шайх повезет письма, а Амирхан и Муса возвратятся назад, демонстрируя

при этом людям, что между ними произошла ссора. Затем они на собрании народа сказали друг другу: «Нам нет дороги. Давай мы вернемся назад».

Тут Шайх заспорил с ними, сделал вид, что ссорится и заявил: «Я вам не товарищ. Я хочу увидеть Каабу и поэтому не вернусь назад вместе с вами». Гонцы сделали тогда вид, что спорят, ссорятся и после этого Шайх и хаджи Иджа остались там [в Причерноморье], а Амирхан и Муса повернули назад. Они оба при этом шептались: «Это произошло из-за злополучия хаджи Юсупа. При возвращении мы возьмем его с собой и там убьем».

Когда эти двое прибыли к хаджи Юсупу, то довольно быстро подтолкнули его на переселение к имаму. Они тогда не смогли, однако, убить хаджи Юсупа. Дело в том, что в пути он оказался им нужным. Возвратились же они, проходя сквозь русских, с большим страхом и опасением. Тот хаджи говорил даже: «Какое же утешение может быть после такого стеснения?»³³⁹

Что же касается Шайха, то он пробыл там [в Причерноморье] до следующей осени. Затем он сел на корабль, прибыл к Его величеству султану и передал письма. Ему сказали: «Мы дадим тебе ответ через семь месяцев. Тогда Шайх отправился в хадж, а при возвращении оттуда умер. Да помилует его всевышний Аллах и да примет его хадж.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ОТЛИВКИ ПУШЕК, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРЫХ УСИЛИЛОСЬ МОГУЩЕСТВО ИМАМА, И ЧЕМ ИЗ РУК НЕВЕРНЫХ БЫЛИ ВЗЯТЫ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КРЕПОСТИ

[1843 г.]

Умелый кузнец Джабраиль Унцукульский пошел из Чирката в хадж без разрешения со стороны имама. Когда он, возвращаясь из хаджа, оказался в Египте (Миср), то увидел сон: ему говорят: «Возвращайся в Дагестан и помоги Шамилю». После этого Джабраиль Унцукульский выехал из Египта и прибыл в Стамбул (Исламбул). Там он остановился и забыл о своем сне. Затем во сне Джабраиль увидел: его упрекают и говорят ему: «Тебе разве не было сказано: «Иди! Так почему же ты не идешь? Иди!» После этого Джабраиль отправился в путь и шел, пока не остановился рядом с имамом.³⁴⁰

Он посоветовал мюридам отлить пушку. У мюридов имелись тогда куски сломанной ими большой пушки, которую они захватили в качестве добычи при падении на Ичкерия (Кучулик). Лю-

дям эта идея понравилась, они почувствовали влечение к пушке, но имам начал отговариваться: «Мы не сможем использовать пушку из-за ее нужды в большом количестве пороха и ядер». Люди, однако, все же принялись за отливку пушки.

Когда пушка оказалась готовой, мюриды для пробы начали стрелять из нее ядрами. Тут она, однако, раскололась и окончательно испортилась. Имам тогда поклялся: «Мы обязательно отольем пушку, даже если мне придется продать моего коня и мое ружье. Лишь бы мунапики не говорили: «Шамиль начал что-то делать, но не сумел завершить этого». После этого мюриды отлили отличную благословенную пушку, которую было легко передвигать, но при этом вред от нее был большим.⁸⁴¹

Всевышний Аллах назначил этой пушке солдат, которых он заставил служить имаму. Эти солдаты пускали пушку в дело и выполняли другие работы. Имам заставил собрать порох для пушки, а также—подобрать ядра с мест сражений, таких, как Ашильта, Ахульго и с других.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ЧЕБЕРЛОЙ

[1843 г.]

Когда казикумухцы и унцукульцы возмутились, перешли всякие границы и вышли из под сени власти имама, чеберлоевцы (тадбутри) захотели поступить так же, как те. Чеберлоевцы начали распространять по земле порочность и устранять шариятское управление. Они даже, насмехаясь таким образом, послали имаму сообщение, чтобы он пришел к ним и забрал у них свой шариат. Имам же послал к чеберлоевцам сначала людей, которые бы дали им добрый совет, по-хорошему указали бы им правильный путь и призвали их к покорности и повиновению. Таким же образом имам поступил еще раз и еще раз. Все это, однако, лишь увеличивало заносчивость чеберлоевцев и отдаляло их. Имам отправил тогда одного человека, чтобы он объявил чеберлоевцам: «Мы не оставим вас в покое, пока не подчиним и не укротим. Вы не тащите нас против себя на уничтожение в войне с вами наших снарядов, подготовленных для войны с неверными». Чеберлоевцы, однако, не обратили на это никакого внимания, не прекратили своих дел и даже сказали с насмешкой: «Мы собрали шамилевский шариат в бурдюк и завязали его горло. Пусть Шамиль приходит и заберет этот бурдюк».

Имам двинулся тогда с пушкой и снарядами, подняв против чеберлоевцев войска. Те выступили на равнину для оказания про-

тиводействия. Две группы чеберлоевцев ночью неожиданно напали при этом на фланги войск имама, надеясь обратить мюридов в бегство. Аллах, однако, придал стойкости тем, которые уверовали. Против чеберлоевцев было разожжено пламя войны, и они разбитые убежали тогда в свои замки. «Они подумали было, что их замки защитят их от всевышнего Аллаха, но Он настиг их оттуда, откуда они не ожидали, и вселил страх в их сердца»^{а)}. Замки чеберлоевцев были разрушены, их усадьбы были оплаканы, а совершенный наиб Микаил Гакваринский даже полностью уничтожил жителей одного селения. «Они были побеждены там и превратились в униженных, покорных и объезженных».

Пронзошло это сражение в начале весны тысяча двести пятьдесят девятого (1843) года.³⁴²

Конец 1-й части

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

а) Коран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Под дагестанцами—населением «Страны гор» в данном сочинении подразумеваются горцы Северо-Восточного Кавказа.

2) Положения уголовного и семейного права, принятые в той или иной общине (квартал, село, округ), которые представляли собой смесь мусульманского и более древнего, доисламского права.

3) Для обозначения понятия «обычное право» в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа наряду со словом «адат» (в аварском, например, *гладат*), существуют специальные местные термины (авар. *баль*, дарг. *зегъа*, чечен. *хьел* и т. д.). Что же касается арабского по происхождению слова «адлу» (от *адл* — «справедливость»), то его употребляют сейчас в значении «порядок; дисциплина».

4) Шарнат—комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, соблюдение которых означает ведение праведной, угодной Аллаху, жизни, приводящей мусульман в рай» (Ислам, М., 1983, с. 122). Движение за введение в жизнь шариата на территории Сулакского бассейна (земли, где из-за расселения аваров, даргинцев, лакцев) фиксируется дагестанскими арабоязычными источниками с первых десятилетий XVIII в.

5) Балх—древний город на территории современного Афганистана, располагавшийся вблизи современного г. Вазирабад. С XVI в. и до середины XIX в. Балх являлся резиденцией наследника престола Бухарского ханства.

6) В то время Бухара являлась столицей довольно обширного Бухарского ханства.

7) Газимухаммад происходил из влиятельного гидатлинского рода; его предки в середине XVIII в. жили в сел. Урада (Советский район, ДАССР). В Гимрах (авар. Генуб. кум. Гимира), однако Газимухаммад как потомок пришельца — *апарага* (авар.) не мог, естественно, иметь мощного клана, кстати и в русских документах под 1834 г. отмечается, что Газимухаммад происходил «от незначительного рода».

Сел. Гимра расположено в Ущуккульском районе ДАССР. Традиционно оно считалось подвластным шамхалам Тарковским; в первой половине XIX в. в Гимрах было порядка 600 «домов».

8) Пророк Мухаммед принадлежал к роду Хашима арабского племени корейш.

9) Чиркей (авар. Чиклаб, кум. Чиркеей)—селение в Буйнакском районе ДАССР, в начале XIX в. там было порядка 800 дворов.

По сообщению русских документов, датированных 1830 г., Газимухаммад «в 1828 году обратился с убеждениями своими, сначала в деревне Чиркее, принадлежащей Салатавскому обществу, подвластному князьям андреевским, аксаевским и костюковским, дабы все исповедывающие закон Магомстов, оставя коренные свои обычаи, предали себя по делам судным духовной власти, называемая имя шариат». Чиркеевцы, согласно названным документам, дали «клятвенное обещание строго следовать правилам корана».

10) Возможно, что речь идет о кланах-тухумах, на которые делилась Чиркеевская община.

11) Махди-шамхал II (1797—1830) Тарковский — сын Мухаммад-шамхала.

12) Виляят—«управляемая территория, область» (с араб.).

13) Из переписки Махди-шамхала II и Газимухаммада видно, что шамхал по меньшей мере два раза приглашал того в гости, ибо визиты к нему делали и другие «ученые Дагестана», на что Газимухаммад заявил: ты, Махди-шамхал, если бы знал цену науки, «не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их потому, что науку посещают, а не наука посещает». Тогда же Газимухаммад объявил Махди-шамхалу II, что не пойдет «к султанам», а если у них к нему «имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мои мечети или придут ко мне домой». В русских сочинениях содержится указание, что в 1829 г. Махди-шамхал пригласил Газимухаммада приехать и обучить «народ мой и меня святому шариату», причем угрожая ему, в случае отказа, судом Аллаха: «на том свете я укажу на тебя как на виновника, которого просил, но он не хотел наставить на путь истинный». После этого Газимухаммад посетил шамхала.

14) Шейх накшбандийского тариката. Родился он в лезгинском сел. Яраг (Ярагъ), располагавшемся на территории современного Магарамкентского района ДАССР, в округе Кюрэ; в переводе с азербайджанского Курали—«Кюринский». Умер Мухаммад Ярагский в 1254/1837-38 г. в сел. Согратль, где он и был похоронен.

15) Шейх накшбандийского тариката, родился в сел. Казикумух (лак. Гъазигъумучи, кум. Гъазикъумукъ) нынешнего Лакского района ДАССР в семье, принадлежавшей к роду местных сейидов—потомков пророка Мухаммеда.

16) Речь идет о суфийском орденах накшбандия, который был основан бухарцем Бахауддином Накшбанди (1314—1389).

17) Первая сура — глава Корана, известная дагестанцам как алхам.

18) Формула: Ашхаду анна ля иляха илляллах ва ашхаду анна Мухаммад расулюллах — «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха и что Мухаммед посланник Аллаха».

19) Сел. Каранай (авар. Хъараниб; хъерен—«каранайцы»; кум. Къарнай) расположено на территории Буйнакского района.

20) Отмеченное селение расположено на территории Буйнакского района.

21) Аварский Каранай и кумыкское Эрпели входили в состав одного небольшого княжества, правители которого были родом из Хунзаха.

22) В арабских текстах, составленных в Дагестане, арабским словом «кади» обозначали как муллу (авар. дибир) — «служители культа», так и кадия (авар. къади) — «религиозного судью».

23) Сел. Араканы (авар. Гъараклуци, гъерекI — «араканцы»; кум. Гъаракан) расположено в Унцукульском районе; традиционно оно считалось подвластным шамхалам; в первой половине XIX в. там было порядка 500 дворов.

В русских документах отмечается, что в феврале 1830 г. Газимухаммад, именующий себя «шейхом», собрав якобы около 6 тысяч воинов — гумбетовцев, койсубутлинецов и салатавцев, прибыл в подвластную шамхалу «деревню Аракановскую», где арестовал «кадиев и князей, не согласившихся подвергнуться шарияту», а от «прочих жителей» взял «присягу».

24) Известный в Дагестане ученый и преподаватель; этот «Сейит-кадий араканский» явился получателем «всемиловитейше пожалованной ему» паризмом «пенсии».

25) Унцукуль (Опсоколоб; ансал — «унцукульцы») в XVIII — начале XIX в. входил в число «подведомственных шамхалу» деревень.

26) Гумбет (авар. Бакъльулал; кум. Гюнбет) — традиционное название группы сел., расположенных в бассейне реки Мехельтинки; в конце XVIII в. в них было порядка 1500 дворов.

27) Сел. Мехельта (МельселтIа, мельел — «мехельтинцы») расположено на территории Гумбетовского района ДАССР, в первой половине XIX в. там было порядка 700 дворов.

28) Андийцы (Гандал) — название населения Андийского «общества», располагавшегося в Андийской котловине, на территории современного Ботлихского района ДАССР; в первой половине XIX в. это «общество» состояло из примерно 1500 дворов.

В русских документах говорится, что в 1830 г. после подчинения Аракан «мулла» Газимухаммад якобы с 9 тыс. воинов «завладел силой Андийского владения деревнями Казытлы (Гагатль — ? Т. А.) и Иркуна (Риквани — Т. А.)».

29) Гагатль (Гъагъаль; гъагъаль — «гагатлины») — селение на территории Ботлихского района.

30) Дочь Уммахана V Аварского (1774—1801), рожденная от некоей Кыс-таман из рода правителей Кайтага. Эта Бахубике была замужем за Султан-ахмадом — сыном Алисултана, правителя Мехулы. Муж Бахубике стал править Аварией с 1802 г. После смерти последнего в 1823 г. власть в государстве, по сути дела, перешла к Бахубике.

В «городе» Хунзах, являвшемся местопребыванием Бахубике и ее предков, в первой половине XIX в. было порядка 700 дворов.

31) Хиндалал (авар. Хьиндалал; кум. Къойсубоюн) — территории по берегам Аварского и Андийского Койсу и их население, занимавшееся садоводством; в первой половине XIX в. хиндалальцев, или, как их чаще называли, койсубулинцев было порядка 3 тыс. дворов.

32) В тексте Мухаммадтахира имя героя Кавказа везде подается в форме «Шамунль» (срав. имя древнееврейского пророка «Шемуэль»), но, когда передается речь русского генерала или Саида — сына имама и т. д., приводится форма «Шамиль»; отметим, что имя собственное — «Шамиль» употреблялось аvarцами еще в XVII в.

33) Дервиш (с перс.) «нищий, бедняк; член суфийского братства»; в аvar. **дарбиш**.

34) Инхо (инхвал—«инховцы») — селение на территории Гумбетовского района.

35) На средневековом Востоке арабским словом «рафик» обозначали иног-да и бойцов. В тексте Мухаммадтахира слово «рафик» употребляется в основном в значении «дружинник» (авар. **чукъа**), «нукер, телохранитель».

36) Согласно материалам, хранящимся в русских архивах, Газимухаммад после взятия Аракан направил в Хунзах мулл и хаджиев с призывом принять шариат и присоединиться к его политической линии, но хунзахская верхушка отказалась от этого. Мало того, от имени мальчика Абусултан-нуцал-хана информация о предложении Газимухаммада и реакции на нее была послана генералу Энгельгардту. Затем, после сражения у Гагатля, Газимухаммад, присоединив вооруженных андийцев к своему войску, в составе которого уже находились гумбетовцы, койсубулинцы и салатавцы, в феврале 1830 г. подошел к Хунзаку якобы с 10 тыс. воинов. Было уже предпринято несколько попыток штурма столицы Аварии, но тут вдруг гумбетовцы и андийцы отделились от Газимухаммада и «стали сражаться на стороне аварского хана». В результате, потеряв до 200 человек убитыми и ранеными, а также «много знамен и оружия», Газимухаммад был вынужден отступить от Хунзаха.

37) «Мунапик» (**мунапикъ**) — искаженное произношение арабского слова мунафик — «лицемер». В Дагестане и Чечне в XIX в. мунапиками называли, как то отмечено и в тексте сочинения, горцев — приверженцев власти «неверных», даже если они были правоверными мусульманами.

38) В русских документах отмечается, что в начале мая 1830 г. Газимухаммад «укрепляет шанцами и завалами селение Гимры, в коем имеет жительство».

39) В Дагестане встречаются следующие арабоязычные памятные записи: «1245/1829—30 год — дата землетрясения и разрушения селений на Равнине. 1246/1830—31 год—дата прихода чумы в вилайат Дагестан».

40) Согласно русским документам, в мае 1830 г. отряд генерала Розена, состоявший из 3656 пехотинцев, 494 казаков и 26 орудий (позднее, правда, в 1834 г., высшее командование на Кавказе сообщало, что в 1830 г. против Газимухаммада «был собран десятитысячный отряд»), через эрпелинскую территорию подошел к Гимрам. После перестрелки, но без серьезного боя «гемринцы дали... аманатов». После этого царское командование возымело даже намерение при участии Абумуслима — брата шамхала «уговорить койсуболинцев выдать возмутителя» Газимухаммада, но из этого ничего не вышло.

41) Мюридами в 1830 г. было сооружено в урочище «Чум гесген» укрепление из бревен, известное как «Агачкала» (Агъачкъала) — с кум.) — «Деревянная кре-

пость». Располагалась Агачкала на территории нынешнего Буйнакского района недалеко от сел. Казанище.

42) Джар—(Чар)—огромная сельская община с аварским языком (на 1826 г.—1260 дворов), являвшаяся на протяжении XVIII—начала XIX вв. центром независимой Джаро-Белоканской республики. Царские войска подчинили это государство и вблизи сел. Джар построили крепость, рядом с которой вырос со временем г. Закаталы (Аз, ССР).

Неподалеку от Джара на другом берегу речки находится большое (на 1826 г.—800 дворов) аварско-пахурское сел. Тала. Поэтому названную республику в XVIII—XIX вв. восточная письменная традиция именовала «Джар-Тала».

43) Голода (Гьолода в переводе с аварского «На склоне») — древнее село, находившееся в Джарском ущелье, выше Джара. Поэтому к началу XIX в. уже не существовавшему сел. Голода все население Джаро Белокан называлось по-аварски «голодищами» (гьолодисел).

44) Речь идет о союзниках жарцев.

45) По восточной традиции одежда и оружие убитого являлись как бы трофеями победителя.

46) Бухнада (авар. Бугьнада) — традиционное название группы небольших сел современного Тляртинского района ДАССР — Кардибский и Хадняльский сельсоветы; в 30-е годы XIX в. там было порядка 600 дворов.

Этот Шихшабан — «фанатик» многократно упоминается в русских документах как влиятельный сподвижник всех трех имамов, начиная с Газиму-хаммада.

47) Тбилиси.

48) Согласно русским документам, в «Джарской крепости», которую русские называли обычно «Новые Закаталы», во время пребывания Хамзата в Джаро-Белоканской «провинции было» до 8 тыс. человек царских войск. В востаннии, которое, по мнению генерала-фельдмаршала Паскевича, произошло «не иначе как от дурного управления народами или худой дисциплины в войсках там расположенных», кроме собственно жарцев приняли участие жители аварских сел: «Катех, Мацех и частью Тал», а также белоканцы. Восстание закончилось взятием Джара 14 ноября 1830 г., причем в руки царских войск перешли тогда 3 пушки, захваченные «лезгинами» месяц назад — 15 октября. После этого Джар и прилегающие населенные пункты были подвергнуты разгрому, а часть их жителей было решено переселить в урочище Даначи.

В этих же документах говорится, что находившийся в заключении Хамзат был в начале 1831 г. освобожден от ареста, а потом «получивши по распоряжению» Паскевича «совершенную свободу», выехал из Тифлиса.

49) Под шамхалом здесь подразумевается Сулайманпаша-шамхал (1830—1836) — сын Махди-шамхала II.

Ахмадхан III Мехтулинский (1824—1843) — сын Хасанхана. С 1836 г. этому Ахмадхану, управлявшему наследием предков — Мехтулой (с. Охли, Джен-

гутаи, Дургели и т. д.) царская администрация по просьбе хуизахцев передала власть над Аварией.

50) В переводе с кумыкского «Красивое дерево».

51) Этот Алисултан Османляв (с авар. «Османович») Унцукульский упоминается в качестве влиятельного лица—«старшины» в русских документах, например, под 1828 и 1831 гг.

52) В русских документах о первой битве при Агачкале говорится следующее: в начале 1831 г. в Койсуболу начали свою деятельность Газимухаммад и «унцукульский старшина» Алисултан. Сначала с ними было только 20 воинов, затем их стало 40, затем 100 и затем «до 800 чел.» С «сим скопищем изуверов» Газимухаммад перешел в Буйлакскую котловину и укрепился в урочище Чум гесген. Генерал-майор князь Бекович-Черкасский в сопровождении Сулайман-паша-шамхала Тарковского и Ахмадхана Мехтулинского с их 2 тыс. кавалеристов, а также с 2 пушками и 200 солдат подошел к месту, где «заял позицию в крепких местах» Газимухаммад. По приказу генерала 9-го апреля 1831 г. княжеская конница атаковала мюридов, но вынуждена была откатиться назад «не только без успеха, но и с чувствительной для себя потерей»; 19-го апреля против мюридов двигалось уже 6 рот солдат с 4 пушками и вспомогательными войсками. По мнению командира Кавказского корпуса барона Розена, обе «экспедиции сии были безуспешны».

53) В Буйнакском районе; кум. Капиркъумукъ, авар. Капургъумек.

54) Это селение находилось недалеко от Махачкала, точнее выше пос. Ленинкент.

55) Речь идет о крепости Бурной, построенной русскими на горе Тарки-тау, над сел. Тарки.

56) Согласно русским документам, по приказу командующего Кавказским корпусом графа Паскевича, генерал-майор Таубе с полком солдат и 200 казаков атаковал Газимухаммада 8-го мая 1831 г., «но был отражен», как пишет барон Розен, «и отступил по направлению к Таркам», после чего большинство шамхальцев и мехтулинцев стали сторонниками Газимухаммада.

57) В Ленинском районе.

58) В русских документах говорится, что Газимухаммад и его воины «отретировались к Параулу» в связи с приближением отряда генерал-майора Каханова.

59) Зубутль (авар. Цюбокъ; кум. Зубут)—селение, располагавшееся на территории нынешнего Казбековского района, на левом берегу Сулака; в начале XIX в. там было порядка 500 дворов.

60) В русских документах говорится, что Газимухаммад планировал взятие кр. Бурной еще весной 1830 г., а 26-го мая 1831 г., «опрокинув шамхальскую милицию», он вошел в «город» Тарки и сразу же «обложил крепость Бурную». На следующий день «мятежники» сумели «ворваться в отдельное укрепление и завладеть пороховым погребом». До генерала Каханова дошла весть о «затруднительном положении» защитников Бурной, и тогда он, подойдя к месту боев,

29-го мая «атаковал мятежников в самих Тарках и нанес им сильное поражение».

61) Сел. Ашилты (Гашилта; геш—«ашильтинцы») расположено в Унцукском районе.

В русских документах при описании событий 1830 г. отмечается, что в июле Газимухаммад поехал в Ашилты—«местопребывание Абдуллы-муллы».

62) Салатавия (Салатав; по-аварски НахъбакI; нахъбакIад—«салатавцы») —территория большей части Казбековского и некоторой (засулакской) части Буйнакского районов. Традиционно Салатавия находилась под властью князей Засулакской Кумыкии; в начале XIX в. салатавцев было порядка 2400 дворов.

63) Сел. Андреяул нынешнего Хасавюртовского района; на 1812 г. в Эндирее было 1500 дворов.

64) Крепость Внезапная, построенная русскими чуть выше Эндирея.

65) Населенные чеченцами-аккинцами земли по берегам Актапа, Ярыксу и Ямансу (кум. Авух; авар. Гавухъ); территория нынешних Новолакского и части Казбековского районов; в начале XIX в. ауховцев было порядка 1000 дворов.

66) Ныне это селение называется Ленинаул (Казбековский район); в начале XIX в. там было порядка 200 дворов.

67) В русских документах говорится, что 23 июня Газимухаммад осадил кр. Внезапную, причем отмечается присутствие большого количества чеченцев в его войсках, а также то, что «кумыки», за исключением аксаевцев «передались ему». Генерал-майор Бекевич-Черкасский сообщал, что у Газимухаммада под Внезапной было якобы более 10 тыс. бойцов. Генерал Эммануэль заставил горцев снять осаду названной крепости, но 1-го июня он «имел с мятежниками известное дело», в котором потерял пушку, доставленную затем в Чиркей.

68) Туман//тумен—золотая монета.

69) Согласно русским документам, Газимухаммад со «скопищами», простирающимися до 8 тыс. осадил Дербент 20-го августа 1831 г. Мюриды предприняли несколько попыток захватить город, но в ночь с 26-го на 27-е августа, узнав о приближении войск генерала Каханова, отступили «к горам». Остановились они вблизи табасаранского в политическом аспекте сел. Рукель (Дербентский район), а затем перебазировались «в Табасаран в местечко Гимейды» (Дербентский район). За время осады Дербента мюридами их противники понесли следующий ущерб: в царских войсках 1 рядовой убит и 13 ранено, а кроме того, убито 2 дербентца и 3 ранено.

70) Это же говорится в биографии Мухаммада Ярагского, которую обнаружил недавно А. Р. Шихсаидов.

71) Гельбах (Гелбахъ)—традиционное название селения Верхний Чирюрт Кизилюртовского района ДАССР; в начале XIX в. там было порядка 300 дворов.

По сообщению русских документов, в октябре 1831 г. генерал-лейтенант Вельяминов «взял селение Чир-Юрт».

72) Город на территории современной ДАССР.

73) В русских документах отмечается, что Газимухаммад действовал среди чеченцев, проживающих «между Сунжей и Терекон», а в начале ноября 1831 г. он со своей конницей «успел ворваться» в Кизляр. Ему удалось таким образом совершить «удачный набег».

74) В Дагестане черкесами называли кабардинцев и прочих адыгов.

75) Сардал — аварское произношение персидского сардар — «военачальник, главнокомандующий».

Речь идет о начальнике штаба Кавказского корпуса Н. П. Панкратьеве.

76) Сел. Игали (Игъгали; игъел—«игалинцы») расположено в Гумбетовском районе.

Согласно русским документам, когда в октябре 1831 г. отряд во главе с Панкратьевым подошел к Чиркею, там вместе с чиркеевцами находились чеченцы. В царских войсках было тогда 12 орудий. После артиллерийского обстрела чиркеевцы, выразив покорность, обязались: никогда в будущем не допускать в свою среду Газимухаммада и возвратить пушку, принадлежавшую отряду Эммануэля. Семейство Газимухаммада «принуждено было» тогда «бежать» к андийцам.

Под Чиркеем в отряде царских войск было убито 10 чел. и 73 ранено, а среди их противников—горцев было убито и ранено якобы до 300 чел.

77) В русских документах говорится, что в 20-х числах января 1832 г. генерал-лейтенант Вельяминов обязал «беглых андреевцев» возвратиться «в их селения».

78) Старики утверждают, что традиционным аварским названием г. Владикавказа было Бурав-кала. В данной связи нельзя не отметить, что согласно русским документам, Газимухаммад «собрал большую толпу из андийцев и других горцев» и 22 марта 1832 г. «приблизился к Владикавказу».

79) Русские документы сообщают, что неподалеку от Эрпели, в урочище Эльсют мюриды соорудили защитный комплекс, главное укрепление которого представляло собой четырехугольник (20x16 сажень, а высотой 1,5 сажени) из толстых бревен, «сколоченных деревянными кольями и болтами», имевшее 2 яруса бойниц. Вход в укрепление запирался особым срубом. «Вдоль стен, с внутренней стороны были сделаны навесы для защиты от непогоды и выстрелов». В русских документах говорится, что Газимухаммад прибыл туда якобы с 1200 воинов, «в числе которых находилось 300 конных». 21-го июня 1832 г. отряд во главе с Ключки фон Клюгенау оставил 2 роты в сел. Эрпели, подошел к укреплению мюридов—9 рот пехоты, 120 казаков и 3 пушки. В 16 часов, пользуясь туманом, русские начали наступление, а тем временем артиллерия «производила сильную пальбу по укреплению и картечью очищала деревья от хищников». Один раз дело дошло до рукопашной, в ходе которой «несколько» солдат были «заколоты» кинжалами. С наступлением ночи военные действия прекратились, и «отряд остановился ночевать на месте сражений». 21-го «мятежники... сделали вылазку, но, будучи удачно встречены картечными выстрелами, обратились в бегство». 22-го рано утром оказалось, что «укрепление оставлено неприятелем».

80) По условиям соглашения с Панкратьевым (октябрь 1831 г.), чиркеевцы обязались впредь не помогать Газимухаммаду. Судя по некоторым русским документам, весной 1832 г. они еще придерживались этого соглашения.

81) В Чечено-Ингушской АССР.

82) Чеченское сел. Беной (Бена) дагестанцы называли Баян; часть аварцев—Баини. В тексте речь идет, по-видимому, о том Беное, который расположен в Ножайюртовском районе ЧИАССР. Этот ножайюртовский Беной считали в прошлом «главным селением» Ичкерии.

В русских документах говорится, что Газимухаммад, отойдя в конце марта 1832 г. от Владикавказа, «направился к Грозной», но удачная вылазка, предпринятая «из сей крепости заставила его поспешно удалиться в горы». При этом сообщается, что «тесть Казимуллы», то есть Газимухаммада—Мухаммад Ярагский, «присланный им для вооружения против нас чеченцев» продолжал действовать в так называемой Малой Чечне (Ачхой-Мартановский и Урус-Мартановский районы ЧИАССР) и был «принужден отправиться назад» лишь в первых числах августа 1832 г.

83) Сел. Ирганай (авар. Рихьуни; рихьун — «ирганайцы»; кум. Иргбанай) расположено в Унцукульском районе.

84) «Переселенец; эмигрант» (с араб.).

В эпоху Кавказской войны горцы называли так мусульман-кавказцев, которые покидали родные места, попавшие под власть царизма и переселялись на территорию имамата.

85) Это русское слово (в значении «военная экспедиция; отряд») употреблено в арабском тексте сочинения Мухаммадтахира.

86) Сын Махди-шамхала II; правил Абумуслим-шамхал с 1836 г. по 1860 г.

87) Аварский вариант произношения имени «Хаджи».

88) Орта (Гюрута) — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

89) Согласно догмам ислама, Мухаммад — последний из пророков.

90) 1245/1829—30 г.

91) Цулда (Шулда)—селение в Чародинском районе, входившее в прошлом в «общество» Карах (Къарахь; къаралал—«кварахи»), в котором было в начале XIX в. порядка 2700 дворов; на 1839/40 г. дается иная цифра—1074 двора.

92) «Мощь и сила принадлежат только Аллаху» (с араб.).

93) По-видимому, месхетинские турки.

94) В Дагестане так называют шиитов.

95) Сын Адильхана-уцмия (1809—1819); с 1838 г. этот Джамав был назначен русскими правителем Верхнего Кайтага.

96) Старшина; одно время этот Джамал (1832 г.) был с русскими и даже имел чин прапорщика, затем перешел к Шамиллю (1844 г.), а когда ситуация изменилась, опять переметнулся на сторону царизма (1857 г.).

97) «Нет божества, кроме Аллаха» (с араб.).

98) Согласно биографии Мухаммада Ярагского, в Гимринской битве вместе с имамом Газимухаммадом пали героями и лезгинцы, пришедшие в Аварию вместе с Ярагским. Это были: мулла Ахмед Кубинский, Нурмухамед Кахский, а также, по-видимому, Хаджиали-эфенди и Сулейман-эфенди.

99) Вакаат—«комплекс религиозных формул и положений тела, являющийся элементом мусульманской молитвы» (Ислам. С. 96.).

100) В русских документах говорится, что в походе на Гимры участвовали сам командующий Кавказским корпусом Г. В. Розен, генерал-лейтенант Вельяминов и генерал-майор Вольховский. Под их командованием, кроме «неустранимой пехоты» русской находились: грузины, армяне, а также «музультаны разных племен и народов». В Гимринском ущелье, перегороженном тремя линиями завалов, царские войска встречали якобы 3 тыс. горцев, а кроме того, 1 тыс. воинов во главе с Хамзатом должна была действовать «в тыл» со стороны Ирганая. Газимухаммад был убит 17 октября 1832 г. «в первом каменном завале, взятом штыками. Исколотый труп его остался в башне, защищавшей каменистую стену». На следующий день—18-го октября «неприступные Гимри заняты без выстрела», а 19-го гимринцы «явились из горных убежищ своих для прощения пощады и принесения покорности»; позднее, правда, (1834 г.) стали писать, что генерал Розен «взял приступом Гимри».

101) На месте захоронения Газимухаммада над сел. Тарки до сих пор стоит каменная плита с надписью.

102) Не позднее 22 января 1833 г.; таким образом, Шамиль проболел около 3-х месяцев.

103) Сел. Балаханы (авар. Балахуниб; белехь—«балаханцы»; кум. Балакан) расположено в Унцукальском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

104) Хариколо (Хариколо)—селение в Хунзахском районе.

«Хасаниль Мухаммад»—в переводе с аварского «Мухаммад—сын Хасана».

105) Под «очередными поступлениями (навба)» подразумеваются, видимо, повинности.

106) Известно, что в жилах Шамиля текла дворянская кровь; он был, например, родственником казикумухских ханов.

107) По-аварски: Къебед-хIажняв.

108) С араб. муртазика—«получающие паек; паемники».

В северокавказском имамате «муртазиками» называли отборных профессиональных воинов, получающих содержание от имама и его наибов. Они являлись военной опорой государства и костяком его секретной службы.

109) Мушули (Мушули: мушул—«мушулицы») — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 120 дворов.

110) Речь идет о той части членов хунзахской «общины», которые были тесно связаны с ханским домом. В те же годы немало потомственных хунзахцев (хунз) находилось в рядах мюридов (друг имама Хамзата—Хаджиясул Мухаммад, Ахбердиль Мухаммад, Хириясул Алибек, Алимчул Хусайн и т. д.).

111) Арадерих (Гъарадерихъ) — селение в Гумбетовском районе.

112) В русских документах говорится, что в 1836 г. мюриды во главе с Шамилем двинулись против жителей Арадериха, которые «отказались от последования» шариату и «вспомоществуемые хунзахцами под начальством старшины хунзахского Эмир-хана решились защищаться против мятежников». Мюриды, однако, «с ожесточением атаковав» арадерихцев и хунзахцев, «овладели деревней». Потери Шамиля — 15 убитых и 30 раненых. Потери его противников — 127 убитых и в числе их Амирхан Хунзахский.

Скорее всего именно об этом событии рассказывает Мухаммадтаhir Карахский под 1833 г.

113) Гергебиль (Хьаргаби) — селение в ДАССР; в первом половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

В русских документах от 1833 г. отмечается, что имам Хамзат распространил свою власть на Гергебиль.

Гоцатль (ГьоцIалъ; гьоцIал—«гоцатлинцы») — селение в Хунзахском районе, родина имама Хамзата; в первой половине XIX в. там было порядка 300—400 дворов.

114) Корода (Кьорода) — селение в Гунибском районе.

115) Сел. Гоготль (Гьогьоль; гьагьал — «гоготлинцы») расположено в Советском районе.

116) Голотль (Гьолокь; гьакьал—«голотлинцы») — селение в Советском районе.

117) Кюяда (Кюяда; кювал—«кюядинцы») — крупная сельская община, состоявшая из целого ряда мелких населенных пунктов; ныне Тлогобский сельсовет Гунибского района; на 1828 г.—2380 дворов.

118) Телетль (Телекь; тIекьал — «телетлинцы») — селение в Советском районе; на 1828 г.—800 дворов. более же поздние материалы дают меньшие цифры: 400—500 дворов.

119) Князек (эмир), происходивший из рода казикумухских шамхалов

120) Кулла (Кула; кулассел — «куллабцы») и Бацада (БацIада; бецI — «бацIадинцы») — селения в Гунибском районе. Традиционно они входили в Карахское «общество». В первой половине XIX в. в них насчитывалось порядка 260 дворов (82 и 179).

121) Келеб (Кьелеб; кьел—«келебцы») — «общество» примерно соответствующее территории Ругельдинского сельсовета Советского района; на 1828 г.—1360 дворов.

122) Ругуджа (Ругьжаб; ругьеж—«ругуджинцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 600 дворов.

123) Андалальцы (IандаIал) — население территории примерно соответствующей большей части современного Гунибского района; русские считали, что в первой половине XIX в. андалальцев было порядка 12 тыс. душ.

124) Дворянин, выходец из рода казикумухских шамхалов, наследственный глава (раис) андалальцев.

125) Согратль (Сугьраль; сугьур//сугьул—«согратлинцы») — селение в Гу-

нибском райо́не; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов, хотя иногда приводились и значительно большие цифры.

Главными населенными пунктами Андалальского «общества» были Ругуджа, Согратль, Чох.

126 Гидатль (Гыдалль; гьид — «гидатлинцы») — крупное «общество», занимавшее большую часть Советского района ДАССР; на 1828 г. — 3870 дворов. Ядром этого «общества» служили села, занимавшие территорию нынешних Тидибского и Урадинского сельсоветов.

127) Багвалальцами (багвалал) называли жителей сел. Хуштада и соседних населенных пунктов Цумадинского района, расположенных на правом берегу Андийского Койсу, к северу от бассейна Тиндинской речки.

128) Судя по контексту, термином «чериь» (араб. — авбаш, ахлат) в сочинении Мухаммадтахира обозначаются плохо вооруженные и плохо обученные толпы ополченцев.

129) Это был мальчик примерно 12 лет.

130) Сел. Харачи (Харачи; харачи — «харачинцы») расположено в Унцукальском районе.

131) Первому из них (его полное и правильное имя «Абусултан-нуцал-хан») было тогда примерно 21 год, а второму — 18 лет.

132) Цудахар (Цудахар) — селение в Левашинском районе, являвшееся центром «общества», состоявшего примерно из 1500—2000 дворов.

133) Сел. Тануси (Тануси; танус — «танусинцы») расположено в Хунзахском районе.

134) Скорее всего, речь идет об отце знаменитого хунзахца времен Кавказской войны — «Ахварды Магомы», то есть Ахбердиль Мухаммада.

135) «Мирзал Хаджияв» (Мирзал Хаджияв) в переводе с аварского означает «Хаджи — сын Мирзы».

136) Довольно известный ученый, кадий (кьади) Хунзахского «общества».

137) В переводе с аварского «Мухаммад — сын Дибира».

138) В письме Асланхусайн-хана Казикумухского генералу Вольховскому утверждается, что с Хамзатом было якобы 30 тыс. бойцов, а взял он Хунзах после 6-дневной осады. В русских же документах говорится: во-первых, что население Хунзахского плато, за исключением собственно хунзахцев, отказалось «действовать против Гамзат-бека»; во-вторых, стычка в лагере имама произошла «впоследствии ссоры» Уммахана «с одним из приверженцев» Хамзата; в-третьих, кроме Бахубике, были казиши «престарелая» ханша Китлидай и все ханские родственники за исключением Булача и жены Нуцалхана. Остальная информация, содержащаяся в русских документах по вопросу истребления Аварских ханов, в целом повторяет текст Мухаммадтахира, причем ряд интересных моментов в этих документах не нашел своего отражения.

139) Карата (КіаратIа) — селение в Ахвахском районе, являвшееся центром Каратинского «общества», в котором на 1830 г. проживало 5 тыс. душ.

140) Гишичуть (Геничук) — селение в Хунзахском районе.

141) Сын правителя Аварии Гебек-нуцала (1801—1802); этот Сурхай являлся протеже царской администрации на Кавказе.

142) Сел. Куппа (Къуппа) расположено в Левашинском районе.

143) Сел. Салта (Салта; сулуд—«салтницы») расположено в Гунибском районе.

144) В русских документах отмечается, что летом 1834 г. имам Хамзат имел бой с акушинами (их было тогда примерно 2500 дворов), который возглавлял Мухаммад-кади, и цудахарцами во главе с Аслан-кади. Они «разбили Гамзат-бека близ селения Ходжая-меки», то есть, видимо, Хаджалмахи Левашинского района. В этих документах отмечается также, что «при нападении» Хамзата «на селение Зодухары» помощь цудахарцам оказал и Асланхусайн-хан Казикумухский.

145) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Хаджи».

146) В русских документах сказано, что имам Хамзат был убит хунзахцами вместе «со всеми его приближенными» 7-го сентября 1834 г. «когда он находился в мечети на молитве». Убийцей был член «тайной партии» хаджи Осман, который затем «пал под ударами приверженцев Гамзата».

147) На надгробии этого Султанава, стоящем в Ругуджа, написано, что «благородный юноша, потомок благородных господ (сайид)» Султанав — сын [Андия—?], сына Алисултана, скончался в 1250/1834—35 г.

148) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Раджаба».

149) В русских документах об этом вторжении в Гимры говорится следующее. К началу сентября 1834 г. в Темир-Хан-Шуре был собран отряд под командованием генерал-майора М. Л. Ланского в составе: 13 батальонов пехоты, 40 пушек и 900 казаков. 14-го сентября часть отряда начала движение к Гимрам, ибо генерал Ланской, имея главной целью «восстановить законность владения в Аварии», решил для начала «наказать это мятежное гнездо». У входа в селение егерские батальоны «встретили вооруженную толпу гимринцев», завязалась «убийственная перестрелка», но подошедшие «остальные батальоны отряда принудили» горцев «штыками к отступлению в селение». Гимринцы постепенно отступали, чтобы их семьи смогли «перехватиться на противоположный берег Койсу и скрыться в неприступных ущельях». К полудню 15 сентября 1834 г. «грозное Гимри было» в руках царских войск, но перестрелка с жителями продолжалась до ночи. За все это время потери в отряде Ланского «были незначительны». В Гимрах батальоны пробыли более 2-х суток. «Время это было большей частью употреблено на совершенное истребление садов, на разрушение и сожжение строений, так что из 600 домов, находившихся в Гимри, едва 16 уцелело от пожара. Зато отступление отряда в Темир-Хан-Шуру «сопряжено было с немалым затруднением». Гимринцы подвергли отступающих сильному обстрелу «со всех точек», который продолжался вплоть до перехода на восточную сторону Гимринского хребта. 18-го сентября участники похода прибыли в Темир-Хан-Шуру, где соединились с остальными батальонами отряда. «Спустя три дня по возвращении из Гимры, ген. Ланской, не привыкший к

опасностям горной войны и к влиянию самого климата, скончался после кратковременной болезни».

150) Князек из «рода Сураката», то есть из Аварских ханов, являвшийся правителем сел. Эрпели. Осенью 1834 г. Удлубий имел чин прапорщика русской армии. После взятия Ахульго в 1839 г. он был назначен царской администрацией правителем Гимр и Ашильта с «поручением вести наблюдение за койсубулинцами», то есть хиндалальцами.

151) «Риккил нохо» (РикКил нохъо) в переводе с аварского—«Квасовая пещера»; местность около сел. Гимры.

152) Известный военачальник эпохи Кавказской войны, преемник Ланского; с 1834 г. генерал-майор.

153) Основатель принятого на Северо-Восточном Кавказе шафнитского толка (мазхаб) в исламе—Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии (767—820).

154) Последователь толка в исламе, основанного Абу Ханифой (699—767), которого придерживаются на Северном Кавказе ногайцы, дагестанские азербайджанцы—терекемейцы, а также все мусульмане, проживающие к западу от Ингушей (осетины и т. д.)

155) Не позднее конца мая 1836 г. Шамиль уже переселился в Ашильта. В русских документах того времени он характеризовался как «мулла Шамиль, гимринский житель, изгнанный своим обществом и проживающий в койсубулинской деревне Ашильта».

156) Ахмадхан Мехтулинский.

157) Сел. Кульзеб (Кулзеб) располагалось в прошлом на территории Чародинского района и входило в подчиненное ханам Казикумуха «общество» Мукратль (Мукракь).

158) Гункар (гъункар) — производное от хункяр — «турецкий султан».

159) «Фетва» (с араб. — «официальное суждение по поводу какого-либо правового или культового вопроса», выносимое религиозным авторитетом на основании принципов ислама (Ислам, стр. 110).

160) По-видимому, в первые десятилетия XIX в. говоры аварского языка, на которых говорили жители Гимр и Унцукуля, расходились значительно больше, чем это имеет место в настоящее время.

161) В письме Шамиля генералу Ключки фон Ключенау, относящемся ко времени не позднее конца 1836 г., говорится, что клеветники постоянно делали наговоры на Шамиля Махди-шамхалу и его наследнику. Они «просили шамхала дозволить им поднять противу» Шамиля «оружие», что тот и «позволил». В результате этого, пишет Шамиль: я подвергся нападению два раза «по переселении моем в Ашильту». Вероятно, это как раз то, о чем говорится в данной части труда Мухаммадтахира Карахского.

162) В русских документах этот Ташав-хаджи упоминается как соратник еще имама Хамзата (1834 г.) и причем он именуется «беглецом Андреевской деревни» (1835, 1836 гг.), то есть выходцем из Эндирея/Андрей-аула.

163) Произношение: Бис Галилав.

Сел. Чирката (ЧиркьатIа, черкъ — «чиркатины») расположено в Гумбетовском районе. Чирката была традиционно «подведомственна тарковскому шамхалу»; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

164) В русских документах отмечено, что Шамиль, «соединясь с мятежниками чеченскими: Ташовом-Хаджи, муллою Уди», создал отряд бойцов («партию») числом до 2-х тыс. человек. В конце весны 1836 г. мюриды начали «увещаниями и угрозами принуждать койсубулинские и другие соседние общества деревни к принятию учения» Газимухаммада.

165) «Аликул Хусайп» (Галикул Хусайп) в переводе с аварского — «Хусайп—сын Алико» (аварское уменьшительное от «Али»).

166) В русском документе, датированном 19 марта 1836 г., названные события излагаются следующим образом. По соглашению с Шамилем, проживавшим в Ашильта, к нему прибыл с отрядом из более чем 200 чеченцев «беглец Андреевской деревни Ташав-Хаджи». Встреча его с Шамилем состоялась в Чирката. Затем Шамиль со своей «партией из мюридов» и Ташав-хаджи направились в Игали, где имели бой с игалинцами и «одержали верх». Затем Ташав-хаджи «со скопцем своим» двинулся через Ниho к сел. Орта, куда должен был прибыть гелетлинский «мулла» Кебедмухаммад «с собранной им партией», чтобы затем идти на Унцукуль.

167) Харахи (Харахъи; херехъ — «харахины») — селение в Хунзахском районе.

168) «Технуцал» (ТехИнуцал)—название жителей нескольких селений нынешнего Ботлихского района, расположенных по течению Андийского Койсу.

169) Чеберлой (чечен. Чебирла//Чарбила; авар. Чарбилъ, «чеберлойцы» — Чарбилъал)—населенное чеченцами «общество», занимавшее часть территории нынешнего Веденского района ЧИАССР—сал. Макаджой и прилегающие земли; в первой половине XIX в. там проживало примерно 6 тыс. душ.

170) В прошлом «чеченцами» называли в Дагестане ту часть чеченоязычного этноса, которая была расселена в нынешнем Шалинском районе.

171) В русских документах указано, что не позднее июля 1836 г. мюриды имели бой с хунзахцами в сел. Арадерих, затем Шамиль совершил неудачную попытку захвата Хунзаха с целью «отомстить жителям за убийство Гамзат-бека», после чего не позднее 8-го июля того же года имам «напал на селение Унцукуль». Шамиль принудил унцукульцев к выдаче заложников, а затем «воспользовался беспечностью жителей, ночью скрыто овладел Унцукулем». При этом отмечается, что мюриды угрожали унцукульцам «истребить их хлеба и сады».

172) Этот Сурхай был то ли из сел. Коло Хунзахского района (Хиндахский сельсовет), то ли из сел. Колоб Унцукульского района (Иштибуринский сельсовет).

173) Сел. Буцра (БуцIра; буцIун—«буцринцы»).

174) Сел. Оркачи (ГIуркIачIи; ГIуркIечI «оркачины») — расположено в Хунзахском районе.

175) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Муртазалава».

176) Из письма Джамала Чиркеевского генералу Клюки фон Клюгенау сле-

дует, что в начале второй половины октября 1836 г.: «Хунзахские пленные еще находятся в Ашильта заключенными».

Сел. Ахалчи (ГӀахьалчи; ГӀехьел—«ахалчицы») расположено в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было около 500 дворов.

177) В «Записке о сношениях с аварскими ханами с 1800-го года по 1838 год» говорится, что хунзахцы «просили» русское командование на Кавказе «назначении к ним в правители» Ахмадхана Мехтулинского. После этого по приказу генерала Розена «в конце 1836 года было предпринято движение в Аварию». В начале 1837 г. Ахмадхан «просил с согласия самих аварцев, чтобы прислать в Хунзах часть наших войск для предупреждения всяких со стороны Шамиля покушений». С «благоизволения государя императора» просьба эта была исполнена летом 1837 г.—генерал Фезе «занял Хунзах и устроил в нем цитадель для гарнизона».

178) Под ахвацами (ГӀахьвахъал) здесь подразумевается население южной части Ахвахского района (Кудиябросо, Тадмагитль и т. д.); в начале XIX в. их было порядка 300 дворов.

179) Сел. Ассаб (ГӀасаб; ГӀес—«ассабцы») расположено в Советском районе; на 1828 г. в Ассабе было 400 дворов.

180) Эта местность, известная как «Теснина Зоноб» (Зоноб къварилън), расположена на территории Ахвахского района. В русских документах данная местность упоминается под 1838 г. как «урочище Зона».

181) Сел. Цекоб (ЦӀекӀоб; цӀекӀал—«цекобцы») расположено в Советском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 190 дворов.

182) Сел. Ратлуб (Ракуб, по почему-то данное село называют еще и Ригьникъ) расположено в Советском районе; на 1828 г. Ратлуб, в котором было 270 дворов, включали в состав Келебского «общества».

183) Мухаммадмирза-хан—сын Асланхусайн-хана Казикумухского. Правил он с 1836 г. по 1838 г.

184) По-видимому, небольшое сел. Чарах (ЧӀарахъ) Гунибского района (Тлогобский сельсовет).

185) Сел. Гочоб (Гъочоб) расположено в Чародинском районе.

186) Согласно русским документам, царские войска под командованием генерал-майора Фезе после 2-х месячного похода подошли к Телетлю. После «беспрестанного действия артиллерии с 3 по 6 июля для истребления укреплений» Телетля верхняя часть последнего была взята «приступом». Затем «в нижней части сел. Тилитли» было заключено перемирие, согласно которому Шамиля вынудили «принять покорность и выдать аманатов». Дело в том, что из-за истощения припасов, «не взирая на то, что их взято было в экспедицию весьма значительное количество» генерал Фезе «решительно не мог предпринять приступа для овладения самой укрепленной частью» Телетля.

187) Сел. Гунух (Гъунух) расположено в Чародинском районе.

Сел. Тлерои (Къорои) расположено в Чародинском районе.

188) Сел. Аргвани (Аргъваниб; эргъвен—«аргванийцы») расположено в Гумбетовском районе.

189) В русских документах отмечается, что генерал Фезе разрушил «до основания Ашильту с замком Шамиля». В боях под Ашилтой участвовали на стороне мюридов ополчения багвалальцев, ахвахцев и каратинцев. В этих же документах говорится, что после боев при Телетле Шамиль засел в Чирката, а его сподвижник Алибек занимался «пробисками» среди каратинцев и населения других близлежащих «обществ», в том числе среди багвалальцев.

190) Известный сподвижник Шамиля, будущий правитель Малой Чечни.

191) В русских документах, относящихся к осени 1837 г., говорится, что командующему Кавказским корпусом была сообщена в конце лета «высочайшая воля государя императора». Суть ее заключалась в том, чтобы «сделано было Шамилю с его главными сообщниками внушение воспользоваться прибытием государя императора в Закавказский край и испросить милость предстать перед самого монарха, дабы лично молить о всемилоостивейшем прощении». Во исполнение этого генерал Клюки фон Клюгенау «нашел благовидный предлог для свидания с Шамилем, и под видом личного к нему расположения убеждал его воспользоваться столь счастливым случаем». Шамиль якобы попросил небольшой отсрочки для совета со своими ближайшими сподвижниками, а затем сообщил, что последние ехать в Тифлис не соглашаются и смуте не позволяют под угрозой убийства. В письме же самого Шамиля на имя Клюки фон Клюгенау было написано: я «решился не отправляться в Тифлис, если даже и нарежут меня по кускам, потому, что я многократно видел от вас измены».

192) Сел. Моксох (Моксохъ; макисал—«моксобшы») расположено в Унцукульском районе.

193) Сел. Цатаних (Цатанихъ, шетлен—«цатанихы») расположено в Унцукульском районе.

194) Сел. Зирани («зиранинцы»—зерен) расположено в Унцукульском районе.

195) В русских документах 2-й половины 1837—1838 годов упоминаются крепости, построенные царскими войсками в Хунзахе и Зирани — «стены оного сделаны из сырого кирпича на каменном фундаменте», а также деревянный блокгауз на каменном фундаменте в урочище Бурундук-кала, в верховьях Ирганайской речки.

196) Простекающее из геоморфологии местности, стратегическое положение территории Сулакского бассейна таково, что те, кто контролирует Хунзахское плато, по сути дела, контролируют и весь бассейн. В первую очередь именно в этом заключались, думается, побудительные мотивы к уходу мюридов с территории Аваристана, после того как царские войска закрепились на территории Хунзахского плато.

197) В русских документах, относящихся к весне 1838 г., сообщается, что в Чирката проходило «сборище из 100 мюридов, продолжавшееся 3 дня, в коем находился и Шамиль со своими приверженцами». Проводилось оно с целью выбора «безопасного места для жительства Шамиля».

198) По сообщению русских документов, уже в мае 1838 г. «Шамиль с 200 чел. преданных мюридов» пребывал в замке, построенном при содействии

чиркатишцев и других на месте «замка, разоренного в 1837 году». В конце лета 1838 г. Шамиль «с семейством своим» находился в Чирката, «а замок Ахульго занят преданными ему мюридами, устроившими там свои жилища в подземелье».

199) Сел. Гапалух (Гьацпалухъ; гьацпел — «гапалухи») — расположено в Хунзахском районе.

200) В русских документах сообщается, что в конце июля 1838 г. главные «силы отряда» царских войск, прибывших в Аварию, расположились «близ сел. Ингирдах, дабы удобнее наблюдать за обществами, обитающими между Кахетию» и Хунзахским плато.

201) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бахзана».

202) Аят (с араб.) — «наименьшая самостоятельная часть Корана» (Ислам, с. 41).

203) В переводе с арабского: «Скажи. «Он—Аллах—един» (Коран).

204) «Тарада Инхело» (Тарада Инхело) в переводе с аварского — «Верхнее Инхело». Этот населенный пункт расположен в Ахвахском районе.

205) В переводе с аварского «Хусайн—сын Салиха».

206) Сел. Буртунай («буртунайцы» — буртинал//буртаби) расположено в Казбековском районе.

207) Традиционно считают, что здесь речь идет о генерал-майоре Пантелееве, но, судя по документам, Пантелеев в этих событиях не участвовал.

208) Произношение: Гьули.

209) Оход—гора неподалеку от Медины, где язычники-корейшиты разбили мусульман и причем был ранен пророк.

210) Сел. Хварши расположено в Цумадинском районе.

Этот ученый больше известен как «Загалав».

211) Сел. Глох (Кьохъ) расположено в Ботлихском районе.

В русских документах говорится, что в сильно укрепленном (дома из «толстых каменных стен и огромные завалы») сел. Аргвани собралось до 16 тыс. бойцов из «разных лезгинских и чеченских обществ». Из них при взятии Аргвани, имевшем место в последние дни мая 1839 г., было убито якобы 600 чел. и 1500 ранено.

212) Эта местность (Саду-майдан) расположена между Аргвани и Чирката.

213) «Шулатлюл гох» (Шулалъул гохI) в переводе с аварского «Холм с укреплением».

214) Лицо, многократно упоминаемое в анналах Кавказской войны, полковник, а с 1839 г. генерал-майор.

215) Слово это является, возможно, производным от персидского калантар — «комендант»; у А. М. Барабанова — «штаб-офицер».

216) Местный вариант произношения персидского надшах.

217) В переводе с аварского «Хусайн—сын Ибрахима».

218) Командир отряда царских войск, осаждавших Ахульго, в то время генерал-лейтенант.

219) Сел. Уриб (Гуриб) расположено в Советском районе

- 220) Дылым (Дилим)—селение в Казбековском районе.
- 221) Аварский вариант произношения имени «Иса-хаджи».
- 222) Сел. Дарго (ДаьргIа; в дагестанской графике Даьргъа) расположено в Веденском районе ЧИАССР, в верховьях р. Аксайки.
- 223) Произношение: Хъази.
- 224) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бала».
- 225) Произношение: Гъирак.
- 226) Произношение: Ханахъай.
- 227) Сел. Мачада (МачIада) расположено в Советском районе.
- 228) Сел. Хотода (ХIотода) расположено в Советском районе.
- 229) Сел. Тинди (ТIинди; тIиндал—«тиндинцы») расположено в Цумадинском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 100 дворов.
- 230) В переводе с аварского: «Мухаммад—сын Аличу».
- 231) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Силико».
- 232) Сел. Бетли (Бекиль; бекь—«жители Бетли») располагалось в прошлом на территории Унцукульского района.
- 233) Произношение: ХIизкъил.
- 234) По-аварски «Белое село» (ХъахIаб росо) называют: сел. Кахабросо Унцукульского района и сел. Ахкент Левашинского района.
- 235) Сел. Хелетури (Хелекъури; хелкъал—«хелетурицы») расположено в Ботлихском районе.
- 236) Он, как видно, был родом из сел. Султан-Янги-Юрт нынешнего Кизилюртовского района; в начале XIX в. там было порядка 150 дворов.
- 237) Произношение: ДегIенгIали—«Козел-Али» (с авар.).
- 238) Сел. Артдух (Гъаркъух; гъаркъхал—«артдухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 239) Произношение: Иманкъулав.
- 240) Произношение: ГъитIип—«Мальши» (с авар.).
Сел. Данух (Данух; данхал—«данухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 241) Сел. Алмак (Алмах; алмахал—«алмакцы») расположено в Казбековском районе; в начале XIX в. там было порядка 80 дворов.
- 242) Сел. Зандак (Зандакъа) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 243) Сел. Даттых (Даттах) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 244) Сел. Ведено (Ведана) расположено в ЧИАССР.
- 245) Сел. Гуш-Керт (Гуш-корта//Гуруш-корта; в дагестанской графике Гъурушкорта) расположено в Шатоевском районе ЧИАССР, в Памятовском сельсовете.
- 246) Речь идет об «обществе» Шатой (чечен. Шуйта; в языках дагестанцев Шубут/Щубутиб)
- 247) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Худаната».
- 248) Произношение: Гъиммат.

249) Сел. Центорой (Цонтара) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

250) «Маарух» (Maġaruxъ) в переводе с аварского «В горах, в стране, где говорят на аварском языке».

251) В русских документах в связи с Ахульго говорится следующее. Шамиль имел «план» закрепиться в «замке» Ахульго, где он «собирал все возможные средства к упорной обороне убежища своего». Второй же из «главных возмутителей» Ташав-хаджи, имевший свое местопребывание в Чечне (выше Старого Аксая, близ сел. Мескиты, в урочище Ахмат-тала), опираясь на «составленный ими план для противодействия войскам» императора «должен был отвлекать» эти войска от Ахульго «посредством диверсий и набегов на линию». Состоявший из двух «замков» оборонительный комплекс Ахульго, где Шамиль собрал «до 800 человек», а также «почти насильственно» переселенные туда «знатнейшие чиркатовские семейства» плюс «семейства мюридов» и заложники (от койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев и салатавцев, которые «вполне ему подчинились»), был прекрасно укреплен. Согласно рапорту генерал-адъютанта Граббе и генерал-майора Пулло на имя военного министра Чернышева, названный комплекс был воздвигнут «с большой тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не деэпическому инженеру: действие русской «артиллерии научило горцев весьма скоро инженерному искусству, вместо высоких и скоро разрушаемых башен, которые они возводили во времена Газимухаммада и даже в 1837 г., они начали врываться в землю, устроили крытые ходы, глубокие траншеи, углубленные каменные сакли, в местах, «не подверженных выстрелам артиллерии, заложили крепкие завалы в несколько рядов, все отлогие покатоки были срезаны», а ряд мест усилены «всеми фортификационными средствами, все подступы обстреливались сильнейшим перекрестным огнем, а горцы, невидимые в своих пещерах и подземельях, предохраняли себя от ядер и гранат». Отряду царских войск, двигавшемуся в горы, противостояло якобы «от 12 т. до 15 т. вооруженных людей, частью пеших, частью конных», находившихся под общим командованием Шамиля. Первую «встречу» царским войскам Шамиль приготовил у «неприступного» сел. Буртунай, прикрытого «со всех сторон» пропастью Теренгул, где имам собирался «удержать» наступающих «из своей фланговой позиции» в то время как 3 тыс. чиркеевцев и прочих салатавцев должны были атаковать с тыла. В случае неудачи в первом сражении мюриды «имели за собою другую более сильную позицию» у сел. Аргвани, «которую они считали вернейшим оплотом Чирката и укрепляли в продолжение года». Следующей преградой для царских войск «должна была» служить «переправа через быструю реку Койсу». Последним в этой цепи укреплений стоял «замок Ахульго».

Царские войска после взятия Аргвани двинулись 4-го июня в сторону Чирката. На следующий день сел. Чирката, покинутое местными жителями, было занято «почти без выстрела». 6-го июня царские войска увидели подходящих со стороны Хунзаха своих союзников—Ахмадхана Мехтулинского с «милицией». Тогда же было «предписано» Абумуслим-хан-шамхалу Тарков-

скому «обеспечить» продвижение транспорта из Темир-Хан-Шуры через Зирани, и вскоре он появился со стороны Унцукуля.

Отряд царских войск под командованием флигель-адъютанта полковника Катенина перешел по восстановленному имн Сагринскому мосту (Сагъри кьол) на правый берег Андийского Койсу и двинулся к Ашильта, которое к 10 июня было уже взято. В самом конце июня 1839 г. Граббе решился приступить к штурму так называемой Сурхаевой башни—возведенному на Шулатлюл гохе «укреплению, состоявшему из нескольких башен, связанных толстой каменной стеной и фланкированных завалами и бойницами в два ряда», которое защищал гарнизон из «более 100 отважнейших мюридов, известных своим удалством и фанатической приверженностью к Шамилю». Внутри «Сурхаевой башни», получившей свое название, видимо, в честь известного «ученого Мухаджира» Сурхая из сел. Коло, были построены «сакли в два этажа, из коих нижний был врыт в землю и совершенно безопасен от выстрелов из орудий. Сакли же были соединены между собой покрытыми ходами, а верхняя часть одной из них возвышалась в виде башни и командовала всем» укреплением. 29-го июня «Сурхаева башня», то есть укрепления на Шулатлюл гохе были подвергнуты артиллерийскому обстрелу из 6 пушек, продолжавшемуся около 3 часов, а затем против 100 мюридов пошли 3 батальона под общим командованием полковника Пудло. Царские батальоны в конце концов были вынуждены отступить назад, после чего был возобновлен артиллерийский обстрел. Затем начался новый штурм силами уже 4-х батальонов. К вечеру генерал Граббе «приказал отодвинуть войска и прекратить бой». За 29-е июня «была истреблена» якобы «половина мюридов», сын Шамиля был «ранен картечью, а известному Алибеку, главному сподвижнику Шамиля, ядром оторвало руку, и он умер от раны». Царские же войска потеряли убитыми 34 солдата и 2 офицера, одним из которых был командир Моздокского казачьего полка; ранено — 165 солдат и 3 офицера. В течение нескольких следующих дней царские войска проводили «осадные работы» и поставили против «Сурхаевой башни» еще 4 пушки и, кроме того, вели обстрел объекта. Уже в первые дни июля Шамиль якобы «обнаружил желание вступить в переговоры», что он сделал, «через чиркеевцев», но Граббе не принял их посредничества. 4-го июля мюриды произвели вылазку для уничтожения батареи, в ходе которой был убит один офицер. В тот же день после 3-часового обстрела «Сурхаевой башни» был предпринят новый штурм, причем атакующие употребляли для защиты «деревянные щиты, подбитые войлоком», и в полночь солдаты ворвались «в укрепление». Как сказано в русских документах, «все мюриды» были якобы «переколоты или погибли под развалинами своих завалов, исключая несколько человек», которые «успели уйти» в темноте. В руки победителей попали, как они сообщают, «два пленных, много оружия и 36 тел, кроме погребенных после первого штурма», и это в то время, когда, по сообщению Мухаммадтахира Карахского, мюриды за месяц потеряли на Шулатлюл гохе всего 17 человек убитыми. Царские же войска потеряли в этот день 11 солдат убитыми и 51 — ранеными, а кроме того, было ранено 2 офицера.

Касательно устройства лагеря в покинутом людьми Чирката говорится, что туда было послано 4-го августа 2 батальона с 2-мя пушками во главе с генерал-майором Лабинцевым, который после слабой перестрелки «занял Чиркат и предал его огню».

По вопросу выдачи Шамилем Джамалуддина в заложники в русских документах говорится, что имам «несколько раз уже подсылал» к Граббе «доверенных людей с предложением покорности», но не хотел «выдать своего сына аманатом», как того требовал генерал. Шамиль якобы предлагал в аманаты одного из своих родственников, а также «по одному человеку из находящихся при нем жителей Чирката и Ашильты»; оказывается, таким образом ашильтинцы составляли значительную часть гарнизона Ахульго!

После взятия Ахульго 22-го августа 1839 г., когда за два дня погибло еще 150 рядовых и 6 офицеров (ранено 494 солдата и 16 офицеров), царские войска в течение еще недели оставались на Ахульго — разрушали укрепления, обыскивали «пещеры над самым Койсу», в ходе чего было перебито около 40 мюридов, «но Шамиля нигде не найдено». По информации, полученной царским командованием, он с 2-мя или 3-мя «приверженцами успел спастись». Поэтому, с одной стороны, все «общества» Дагестана и Чечни были предупреждены от имени Граббе «о строгом наказании, которое их ожидает, если они примут возмутителя в свои аулы». С другой стороны—Ахмадхану Мехтулинскому и его милиции было приказано обыскать «по левому берегу Койсу, к стороне» Артлуха и Чиркея, где «глубокие балки и перелески дают средство скрываться».

К началу сентября царское командование получило информацию, что Шамиль находится в Ведено и при этом из «3 т. чел., находившихся при нем под Ахульго, спаслись только 3». Сам Шамиль ранен «навылет пулей», у него убиты: жена, сестра, дядя и один из сыновей, другой сын в русском плену, третий ранен». Шамиль якобы просил «с унижением, чтобы русское правительство приняло его покорность» и обещал дать в заложники «раненого своего сына» и «заставить покориться» Шуаиба и Ташав-хаджи. Граббе, однако, по его словам, потребовал от Шамиля «переселиться в один из мирных Сунженских аулов».

252) В декабре 1839 г., по сообщению русских документов, Шамиль ушел от ичкеринцев, так как «усматривал явные признаки недоброжелательства» и готовность «исполнять приказания русского начальства» и находился в Аргунском ущелье, где располагалось «общество» Шатой//Шубут. Его политическое и религиозное «влияние в крае совершенно» уничтожено. Опасаясь «пули или кинжала тайного врага» Шамиль не выходит «из своей сакли без 4-х вооруженных мюридов». Население якобы бежит «от него, как от заразы».

253) Еще в августе 1839 г. Граббе писал, что будет требовать с чеченцев: аманатов, «по одному хорошему ружью с каждой 10-ти сакель» и подчинения русскому приставу.

254) Старинное аварское селение, расположенное в Шатоевском районе ЧИАССР, в верховьях Шароаргуна.

255) Сел. Гаквари (Гъаквари) расположено в Цумадинском районе.

256) По преданиям, он был родом из сел. Гигатль (Гъиггаль) Цумадинского района.

«Кадиласул Мухаммад» (Къадиласул МухАммад) в переводе с аварского— «Мухаммад сын Кадилава».

257) Сел. Шали (Шела) расположено в ЧИАССР.

258) Сел. Герменчук (Гермчига) расположено в Шалинском районе ЧИАССР.

259) Гехи (Гихта)—селение в Урус-Мартановском районе ЧИАССР.

260) Речь идет о бассейне р. Мичик (Мичиг), соответствующем части территории нынешнего Шалинского района ЧИАССР (между Качкалыкковским хребтом и р. Гумс).

261) Сел. Харачой (Хорочо) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

262) В русских документах говорится, что в начале марта 1840 г. отряд, сформированный из жителей «общества Аргунского ущелья», во главе с Шуанбом Центароевским, князем Маашем Зумсоевским, Джавадханом из Дарго и другими почетными чеченцами выступил в сторону Малой Чечни (Урус-Мартановский район) и успел «поколебать умы жителей покорных деревень». В Большую же Чечню «прибыл уже Шамиль», как уверяют, «по приглашению самих чеченцев». Затем «возмутитель Шамиль с двумястами мюридами» прибыл в сел. Урус-Мартан, а вслед за ним явился «аварец Ахверды Магома», который говорил, что он «собрал для Шамиля 12000 человек отборных людей» из отдаленных чеченских гор. Затем Шамиль действует уже «близ» Алхан-Юрта (Урус-Мартановский район), Куларов (Грозненский район) и Закан-Юрта (Ахчой-Маргановский район). 15-го марта генерал Пулло якобы разбил Шамиля на левом берегу Сунжи, который при этом потерял «множество людей» и затем «удалился в Гехи». Затем Шамиль «успел уйти в Шали, потом в» Мескер-Юрт (Шалинский район). Когда Шамиль прибыл в Автуры (Шалинский район) генерал Пулло «прекратил преследование». Одним словом, в марте 1840 г. Шамилю «предалась» вся страна, «начиная от Аргунского ущелья» до Алхан-Юрта в Малой Чечне и «все селения» Большой Чечни «до границы ауховцев и качкалыкковцев», вследствие чего «Пулло находит силы свои слишком слабыми, чтобы противустать покушениям и влиянию Шамиля».

Затем Шамиль «направляет путь» в Аух, где «народ весьма ненадежный» для царской администрации, а за ними следуют салатавцы—«ручаться за них нельзя». В середине апреля «Шамиль с своими конищами прибыл» в Акташ-Аух, где взял аманатов. Оттуда Шамиль «направился на Мичик». Наконец русские получили сведения, что «Шамиль распустил по домам для хлебопашества бывших с ним в сборе чеченцев».

263) В ряде языков и в том числе в аварском Осетия называется Гъири («осетин—гъирив»).

264) Знаменитый христианский храм Тхаба-Ерды, стоящий в верховьях р. Ассы, на территории Назрановского района ЧИАССР. В этом храме, как известно, хранились древнегрузинские рукописи религиозного содержания.

265) Есть основания полагать, что «Чуумикли» (Чуг[умикъли]) является аварским названием чеченского «Чуо-Мулка» (Чуо-Мулкъа). «Общества» Чуо и Мулка (Мулкой) располагались в бассейне одного из левых притоков Чантиаргуна, к западу от сел. Ушкалой.

266) В Чечено-Ингушетии считают, что этот Губаш (чечен. Губш; дагест. графика Гъубаш) происходил из сел. Гухой, входившего в «общество» Чуо. Топонимический материал, однако, наводит на мысль, что Губаш был из соседнего сел. Узмат-кхели.

267) Сел. Зумсой (Зумса) располагалось в бассейне одного из правых притоков р. Чантиаргун, на территории Шатоевского района ЧИАССР.

268) Сел. Шагада (Шагъада; шегъ—«шагадинцы») располагалось в прошлом в горах, на территории Хунзахского района.

269) В отмеченном «округе», точнее в ущелье, в первой половине XIX в. было примерно 250—300 дворов.

270) В русских документах сообщается, что в первой половине июня 1840 г. Шамиль «с незначительным сборищем шатоевцев и чеберлоевцев», двигаясь в сторону Владикавказа, «требовал от жителей» общества Мулкой «чтобы они также присоединились к нему». По совету князя Мааша Зумсоевского, за пассивность Шамиль казнил якобы «несколько старшин». Мулкойцы в ответ напали, однако, «на скопище его» и убили «многих из самых приверженных к Шамилю», в том числе его кунака, «у которого он жил в Аргунском ущелье»—Шабана Шатоевского «и зумского князя Мааша». Шамиль получил от мулкойцев две, «как говорят, весьма» опасные раны—«одну в руку, а другую в живот», после чего он «с трудом возвратился» назад, а «сборище его разошлось».

271) Русские документы позволяют предполагать, что «Дашмирза» (произношение: Дачмирза—?) является аварским названием чеченского сел. Дачу-Борзой (Дача-Борзие), расположенного в Грозненском районе. Дело в том, что в этих документах говорится, что Шамиль «с семейством своим в исходе июня 1840 г.» переехал в Дачу-Борзой. Он якобы поступил так потому, что «потерял уже доверие к шатоевцам» и намерен теперь «объезжать разные места и возмущать жителей».

272) Это селение (Индин юрт) располагалось в прошлом близ сел. Курчалой Шалинского района.

273) Еще в конце апреля 1840 г. по сообщению генерала Клюки фон Ключецау жители Чиркея и Зубутля «присягнули не принимать мятежников» и даже намеревались якобы изгнать последних из Акташ-Ауха и Дылыма 5-го июля, однако, как говорят русские источники, в Салатавию прибыли Шамиль и Ташав-хаджи «с значительным числом горцев»—«иные говорят три, а другие 10 тыс.». Зубутль, Чиркей и остальные салатавские селения «передались на их сторону», и мюриды «заняли сел. Зубут».

274) Сел. Ишкарты (кум. Ишарты; авар. Ишкаталиб) расположено в Буйнакском районе.

275) В русских документах отмечено, что после взятия Ахульго царские

войска прибыли 1-го сентября 1839 г. в Гимры, Гимринцам, среди которых не осталось ни одного мюрида («уже арестованы, в плену или убиты») Граббе даровал «всеобщее прощение и назначил там русским приставом прап. Уллубея Эрпелинского».

276) Селенне в ДАССР.

277) В рапорте генерала Клюки фон Клюгенау сказано, что в начале июля 1840 в поход выступили 10 тыс. горцев — чамалинцев, багвалинцев, андийцев, гумбетовцев и салатавцев во главе с Шамилем, к которым присоединились: Ташав-хаджи, Джавадхан и Фей-мулла «с испытанными чеченскими наездниками». Целью Шамиля было овладеть стратегически важными пунктами — Ишкарты, Каранай и Эрпели. Генерал решил «атаковать неприятеля в поле», хотя он был «в двадцать раз» сильнее его. Клюки фон Клюгенау подошел к Ишкарты с 650 солдатами, 50 казаками, 200 всадниками Ахмадхана Мехтулинского, 100 всадниками Абу-муслим-хан-шамхала и пушками. Шамиль подходил туда из Чиркея через Ахатль якобы «с 8 тыс. пеших и конных горцев». Бой начался с 9-го на 10-го июля и вскоре ишкартинцы «и шамхальцы, не ожидая решительной атаки» со стороны мюридов, «бежали», за чем последовало отступление рот майора Бельгарда. В это время «Ахмедхан Мехтулинский вызвался атаковать неприятельскую кавалерию с двумястами своей милиции, которые мгновенно были опрокинуты наездниками Джаватхана. Расстроенная милиция частью рассеялась, частью искала спасение в нашем обозе, так как и шамхальцы». Затем произошла схватка внутри Ишкарты, в том числе в княжеском замке, где «заперлись отчаянные мюриды». Вскоре налицо была уже «измена ишкартынцев и каранайцев», а также «эрпелинцев», в результате чего мюриды заняли Ишкарты, Каранай и Эрпели, 14-го июля 1840 г. Шамиль, взяв заложников от эрпелинцев, ишкартынцев и каранайцев, «удалился в Чиркей». Под Ишкарты царские войска потеряли убитыми 37 солдат, а раненых было 79 солдат и 8 офицеров. «Потеря неприятеля была», по домыслам Клюки фон Клюгенау, «более 300 человек убитыми».

278) В русских источниках отмечено, что летом 1840 г. «Шамиль успел принудить к повиновению» чеберловцев (по-аварски тIад бутриял//тIад буртиял).

279) Сел. Ансалта (АнсалтIа; ансал — «ансалтинцы») расположено в Ботлихском районе.

280) Сел. Тукита (ТукитIа; тIукал — «тукитинцы») расположено в Ахвахском районе.

281) Сел. Тлайлух (ЛъагIилухъ; лъагIел — «тлайлухцы») расположено в Хунзахском районе.

282) «Тидуриль Мухаммад» в переводе с аварского — «Мухаммад — сын Тидури», то есть Теодора//Федора; имя собственное «Тидури» фиксируется среди аварцев-мусульман с XVII в.

В русских документах отмечается, что в 1840 г. Шамиль из Чечни «пропик в Аварию, присоединил к себе 8 деревень аварских, принудил милицию» Ахмадхана Мехтулинского «отступить к Хунзаху».

283) В апреле 1840 г. русское командование получило информацию «о намерениях Шамиля разграбить дер. Чир-Юрт», то есть Гельбах «и Султан-Янги-Юрт». Затем «к Султан-Янги-Юрту», на который «намерены были напасть хищники» двинулся генерал Клюки фон Клюгенау с 3-мя батальонами пехоты, 70 казаками и 6-ю пушками. Мюридов он там не встретил.

284) В русских документах указано, что 8-го сентября 1840 г. «Шамиль со скопищем, состоящим преимущественно из салатайцев», двинулся к Гимрам и «занял» это селение. Имам имел намерение «истребить дома и сады и разграбить все имущество» изменников горскому делу, но якобы «жители не дозволили ему это исполнить».

285) Происхождение: Мугьитла.

286) Происхождение: Паса Ганилтга—«Над Ашильта» (с авар.).

287) Известный мост (Сагъри кьо) через Андийское Койсу, расположенный недалеко от сел. Ашильта.

288) В русских документах упоминается «дело под Гимрами», которое «14 сентября расстроило все замыслы мятежников».

289) Сел. Саид-Юрт располагалось неподалеку от сел. Аугуры Шалинского района ЧИАССР.

290) Сел. Гелдген расположено на территории Шалинского района.

291) Согласно русским документам, генерал-лейтенант Галафеев с 6-ю батальонами пехоты, 2-мя ротами саперов, 1050 казаками и 16-ю пушками вторгся в пределы Чечни. В начале октября 1840 г. его войска «сожгли» занятые ими «селения» Шали и Герменчук, которые, однако, согласно тексту Мухаммадтахира, были оставлены и сожжены ранее самими чеченцами и причём за несколько месяцев до этого. Затем 10-го октября 1840 г. «Галафеев двинулся к Саид-Юрту, где находилось главное скопище Шамиля, опрокинул его после упорного боя» и «занял Саид-Юрт», который был после этого сожжен вместе с соседними населёнными пунктами. Затем, однако, туда подошли 2 тысячи дагестанских и чеченских горцев, которые «удержали» население Чечни «от намерения покориться».

292) Это была армянка из г. Моздока (СОАССР) по имени Анна из богатой купеческой семьи Уллухановых.

293) Часть ингушей, жившая в окрестностях русского укрепления Назрань (ЧИАССР), которое по-ингушски называлось **Наьсапе**.

294) Известно, что в 1840 г. Шамиль письменно информировал назрановцев о своем скором приходе к ним, требовал от них заложников и покорности и просил: «не скрывают мусульманскую веру».

295) Эту местность чаще называют Уркъубакълън—«Солнечная сторона Урку»; расположена вблизи Чиркея.

296) В русских документах говорится, что Шамиль в результате своих боевых действий на территории Чечни в 1840 г. лишь «отдал нам в руки Чиркей». Уже в 1841 г. там стояло «Евгениевское укрепление».

297) В русских документах отмечено, что в первой половине 1841 г. Шамиль «казнил Бай-Сулеймана, сильного, богатого андийца», а кроме того, на-

ложия штраф на «главного кадия» за «тайное расположение» андийцев «к русским», после чего названного кадия «выслали в Карату».

Отметим здесь также и то, что согласно указанным документам, весной 1843 г. Галбац (Галбац-Дибирь; Г'албацI — с авар. — «Лев») являлся Каратинским паибом, Газияв — Андийским, а Шуанб считался «генералом».

Кванада (Киванада) — селение в Цумадинском районе.

298) В русских документах отмечается, что уже в июле 1841 г. «были открыты тайные сношения» Шамиля «с андийцами». Упоминается в них и «ауховская экспедиция» и что «доверенные лица имама распускали в июне 1841 г. «слухи», что «подле дер. Ауха было дело и много потеряли русские».

299) В русских документах говорится, что для прекращения связей хунзахского гарнизона с Темир-Хан-Шурой и последующего «овладения Аварией», по мнению командования шариатской армии, было необходимо «занять Унцукуль и овладеть Балаханским ущельем», а также предпринять другие шаги. «17-го числа (ноябрь 1841 г.) Абакар-кадий с партией в две тысячи человек занял Унцукуль и Харачи, 18-го вторгнулся в Балаханское ущелье». Сложилось таким образом «критическое положение по измене Унцукуля, Балахан и Гимров».

300) Это была небольшая крепость с гарнизоном порядка одной роты и несколькими орудиями.

301) В переводе с аварского «Мухаммад — сына Омара».

302) «Ханав» — аварский вариант произношения собственного имени «Хан».

303) В русских документах от середины ноября 1841 г. говорится о «занятии деревни Куды» отрядом мюридов в 2 тыс. человек под командованием Кебедмухаммада Телетлинского и «чеченского Джаватхана». Хотя Ахмадхан Мехтулинский, стоявший на Карадахском мосту, и направил в помощь им 200 человек, «устрашенные кудяинцы не смели противустать огромному скопищу». В них при этом отмечается, что отряд Джаватхана состоял из нескольких сотен чеченцев.

304) Чох (Чохъ; ч'ахъал — «чохцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов.

305) Рисор (Рис Гор) — «общество», занимавшее часть территории Чародинского района (сел. Дусрах и прилегающие земли).

306) По-видимому, речь идет о кладбище, где были похоронены Ахмад ал-Йамани (XV в.) и его потомки.

307) Бухты (Бухти; бухтал — бухтышцы) — селение в Гунибском районе.

308) Дженгутай — селение в Буйнакском районе.

309) В русских документах, относящихся к весне 1842 г., отмечается, что управляющий Казикумухским ханством Махмуд — сын Тахира «призвав Шамиля с мюридами, передался ему». Его примеру последовал брат Харун — правитель Кюринского ханства. Оба брата «надели белые чалмы в знак мюридизма». В «беспрепятственно» занятом Казикумухе были взяты в плен подполковник Снаксарев — управляющий Самурским округом, прапорщик Илья Орбелиани — представитель высшей грузинской знати, а также «несколько рус-

ских и азиатцев», среди которых были ахтынцы-нукеры. Некоторые «азиатцы изрублены».

310) В начале 1843 г. «по научению» этого «Магомет-кадия Андалальского» население Андалала «приняло шариат».

311) Сыновья этого Омар-бека (в числе их известный Агалар) придерживались и тогда российской ориентации.

312) Русские документы это подтверждают.

313) Кивиди (лак. Кывиди, авар. Къибуди) — та верхняя часть сел. Казикумух, где жили в прошлом ханы и знать.

314) Сел. Унчукатль (Гъунчукъатли) расположено в Лакском районе.

315) Селения Хури (Хьур) и Хирукра (Хьурукра) расположены на территории Лакского района.

316) Даниял-бек Елисуейский, будущий наиб Шамиля.

317) Сел. Елису расположено в Кахском районе Аз. ССР. Жители его по происхождению в основном цахурцы.

318) Кули (Ккул) и Хосрех (Хьусрахи) — селение в Кулинском районе.

319) Шовкра (Шавк'ул) — селение в Лакском районе. Там находился мост через глубокий овраг, защищающий Казикумух от врагов, наступающих с юга.

320) Магар (Магъар) — селение в Чародинском районе.

321) Сел. Арчи (авар. Рочиб) расположено в Чародинском районе. Население его говорит на особом языке и считалось в прошлом раятами казикумухских ханов.

322) Весной 1843 г. этот ханский родственник находился в Согратле и помогал «взаимным сношениям Шамиля с казикумухцами».

323) В русских документах начала 1842 г. отмечается, что Шамиль собрал 80 дезертиров из царской армии и «составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения».

324) Эти события, произошедшие в мае 1842 г., нашли отражение в русских источниках.

325) Территория современных Веденского и Ножайюртовского районов ЧИАССР.

326) Это происходило в конце мая — начале июня 1842 г.

327) «Хасайль Муса» в переводе с аварского — «Муса — сын Хасая»; из рода аксайских князей.

Аксай (кум. Яхсай; авар. Яхси) — селение в ДАССР.

328) Из сел. Эрсеной (Веденский район); в 1843 г. — наиб Большой Чечни.

329) Сел. Белгатой (Белг'ата; в дагестанской графике Белгъата) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

330) Сел. Гордали (Г'оьрдала; в дагестанской графике Гъоьрдала) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

331) Речь идет о покойном к тому времени Асланхусайн-хаше Казикумухском, часть вещей которого была добровольно передана его родственниками в казну имамата.

332) В этом походе в Ичкерню, проходившем под командованием известного генерала Граббе, участвовало 12 батальонов пехоты, рота саперов, 350 казаков и 24 пушки. Им противостояло, по сообщению Зиссермана, «по самым шедрым расчетам до полутора тысяч» горцев.

333) Годы правления: 1839—1861.

334) Известный хаджи Юсуп Сафаров родом из чеченского сел. Алда; в русских документах от 1843 г. он именуется «турецким чиновником родом из дагестанцев» и «родом татаринном», чей отец «долго торговал в Кизляре». С 1843 г. хаджи Юсуп был назначен наивом части Малой Чечни, но «на этом участке» он «скорее вреден, чем полезен Шамилю», ибо как истинный выкормыш турецкой административной системы выделялся «разного рода несправедливостями и взятками», чем заслужил «ненависть чеченцев».

335) Правитель Египта.

336) Территория по берегам р. Белой (Адыгейская АО), где проживало огромное черкесское «племя» абадзехов (150—200 тыс. душ).

337) Благодаря говорливости хаджи Юсупа, которая отмечалась и русскими, последние были хорошо осведомлены о посольстве Шамиля в Турцию от 1843 г.

338) По мнению командующего Кавказским корпусом генерал-лейтенанта фон Нейдгардта, датированному началом декабря 1842 г., все «эти правила заимствовал Шамиль из арабских книг о военном искусстве и других учреждений халифов». Существует, однако, тенденция приписывать все это влиянию хаджи Юсупа, который, между прочим, ко времени составления записки генерала Нейдгардта находился еще в Закубанье.

339) В русских документах за январь—февраль 1843 г. отмечено, что хаджи Юсуп с двумя посланцами Шамиля к турецкому султану проехали «из Закубани через Кабарду в Чечню».

340) В русских документах от 1843 г. говорится, что хаджи Джабраил Унцукульский приехал «будто из Константинополя».

341) В русских документах март—апрель 1843 г. отмечается, что «в сел. Дарго льют уже орудия и, что три уже отлиты каким-то мастером азиатцем, обучившимся этому искусству в Эрзеруме». Русскими были, кроме того, перехвачены письма Шамиля Ибрахиму-паше Египетскому (с просьбой прислать «двух людей, искусных в делании оружия, военных снарядов и в извлечении железа, серебра и прочих материалов из земли») и султану Абд ал-Маджиду (дагестанцы умеют делать «большие ружья» и нечто вроде конгревых ракет) от 1843 г., имеющие отношение к указанному вопросу.

342) До царских генералов дошел в марте 1843 г. слух, что Шамиль собирается совершить поход «на Татбуринское общество (также Чаргбели), не признающее его шариата».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Блеск горских сабель в некоторых Шамилевских битвах	17
Глава о начале деяний Газимухаммада	19
Глава о начале сбора войск Газимухаммадом	23
Глава о первой битве в Хунзаде	24
Глава о битве Хамзата в Джар-Тала	26
Глава о первой битве в крепости Агач	26
Глава о битве у Таркинской крепости	27
Глава об осаде Эндиреевской крепости и сражений в Акташ-Аухе	28
Глава о взятии крепости Кизляр	29
Глава о второй битве в крепости Агач	29
Глава о сборе войска Газимухаммадом и походе в Чечню	30
Глава о сражении, в котором пал мучеником Газимухаммад и был ранен Шамиль	33
Глава о том, что произошло у Шамиля и гимринцев после того	37
Глава о назначении Хамзата халифом и разъяснение о его битвах	40
Глава о битве при Ругуджа, из-за которой перепугались мунапики той стороны и увеличилась сила мюридов	41
Глава об убийстве хунзахских главарей и что тогда произошло	42
Глава о выступлении Хамзата на Салта и разъяснение о его гибели от рук хунзахцев	45
Глава о начале халифата Шамиля и о том, что он тогда испытал	46
Глава о переселении Шамиля в Ашильта и о том, что произошло до и после этого	50
Глава о сборе войска унцукульцами против Шамиля	53
Глава о первом захвате Унцукуля в эпоху правления Шамиля	56
Глава о битве с андалальцами и хунзахцами в Гопатле	57
Глава о сборе войска Шамилем для противостояния русским, когда они устремились на Хунзах и о сражении ассабиев против него	59
Глава о сражении в Телетле и вступлении русских в Ашильта	60
Глава о том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он находился там	63

Глава с разъяснением причин подготовки к боям Ахульго	64
Глава о бое в Тарада Ихелю	65
Глава о сражении в Аргвани	67
Глава о сражении при Ахульго	69
Глава о передаче Джамалуддина — сына Шамиля русским в качестве заложника для заключения перемирия	70
Глава о выходе Шамиля из Ахульго и о том трудном и радостном, что он встретил после этого, пока не дошел до селения Шатой	77
Глава о приходе к Шамилю шатоевцев и остальных чеченцев	88
Глава о начале сбора войск Шамилем после того, как он остановился в Шатое	89
Глава о том, что произошло между Шамилем и тем человеком, у которого он выколол глаза	92
Глава об ишкартынском и других сражениях	94
Глава о нападении на Саид-Юрт	98
Глава о взятии Гельбаха третий раз и нападении на Назрань	99
Глава о приходе русских в Чиркей и постройке там крепости	100
Глава о втором захвате Унцукуля, а также Гимр и Балахан	101
Глава о взятии Куяда войском Джавадхана	103
Глава о взятии Казикумуха первый раз	103
Глава о втором сражении в Казикумухе	105
Глава о нападении на Ичкерью	108
Глава о нападении на Нгали	110
Отступление от темы	110
Глава о начале отливки пушек, при помощи которых усилилось могущество имама, и чем из рук неверных были взяты многочисленные крепости	113
Глава о нападении на Чеберлой	114
Примечания	116

instituteofhistory.ru

Перевод с арабского Т. Айтберова

Издатель: Общество книголюбов Дагестана, 219—ж

Ответственный за выпуск Х. И. Ильясов

Научный редактор А. Р. Шихсаидов

Техредактор Д. Б. Таиров

Сдано в набор 5.7.1990 г. Подписано в печать 25.7.1990 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ л. 8,54.
Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 10000 экз. Зак. 1780. Цена 3 руб.

Типография Госагропрома ДАССР, 367025, Махачкала, ул. Маркова, 18.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Общество книголюбов Дагестана совместно с Фондом Шамиля готовят к изданию работу Мирзы Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль».

g(Дар)

М 92

Мухаммед-Тахир аль-Карахи

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Ч. I

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ

instituteofhistory.ru

**БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ
В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ
БИТВАХ**

(Комментированный перевод Т. Айтберова)

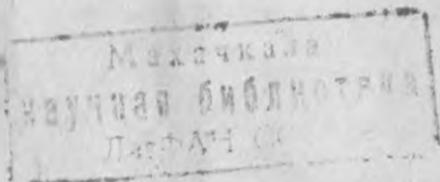
Для широкого круга читателей
(с привлечением автографа Мухаммед-Тахира Карахского)

часть I

Махачкала 1990

«Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» принадлежит перу Мухаммед-Тахира из сел. Цулда общества Карах. Автор опирается в своей работе на рассказы Шамиля, отдельных участников Кавказской войны и на личные наблюдения. Сочинение Мухаммед-Тахира Карахского является одним из ценнейших местных источников по истории борьбы горцев Дагестана и Чечни с царизмом.

Библиотека фонда Шамиля

150210

ВВЕДЕНИЕ

Среди немногих, известных науке в арабском оригинале источников для истории Северного Кавказа XIX в., хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» занимает основное и ведущее место. Довольно значительная по объему, содержащая массу фактического материала, касающегося внешней и, главное, внутренней сторон жизни государства Шамиля, хроника является одним из тех местных первоисточников, без использования которых в наше время вообще нельзя обойтись при детальном и всестороннем изучении данного периода истории.

Автор хроники — современник большинства описанных им событий — в течение 8 лет (1850—1858 гг.) жил в резиденции Шамиля — Дарго. Исполняя при Шамиле обязанности «писца», как он сам неоднократно указывает, Мухаммед Тахир, естественно, был хорошо осведомлен о всех происходивших в его время событиях. Здесь же, в Дарго, он составил и основную часть своей хроники. Источниками устной информации служил сам Шамиль или же лица, бывшие участниками или очевидцами передаваемых событий. В ряде случаев привлекались письменные документы (послания, письма и пр.) и поэтические произведения других авторов. Обстоятельства составления хроники позволяют рассматривать ее, если не целиком, то в основной части, как вполне надежный исторический источник, вышедший из-под пера современника описываемого периода.

Биографические сведения об авторе хроники крайне скудны и отрывочны; ряд из них имеется в самом его произведении.

Родился он, как указывает его имя, в Карахе, вероятно, в конце XVIII или в первом десятилетии XIX в. Арабистическое образование получил он у себя на родине у хаджи Дибера ал-Хунухи ал-Карахи¹. Круг его ученых занятий можно определить лишь предположительно. Судя по характеру его последующей деятельности и содержанию его литературных произведений, основными науками, в области которых специализировался Мухаммед Тахир, были арабский язык, мусульманское право и поэзия. Первое из известных нам его поэтических произведений относится к 1832 г. Это была элегия на смерть первого

¹ См. текст хроники, стр. 54. примечание 9 (араб).

имама Дагестана — Гази Мухаммеда. К этому времени Мухаммед Тахир, очевидно, закончил свое образование, так как он величает себя уже «стремящимся к истине ученым».¹

Второе дошедшее до нас его поэтическое произведение относится к 1837 г. Он включено Мухаммедом Тахиром в свою хронику. Это касыда, написанная в связи с проникновением русских в Ашильту. При защите Ашильты погиб его учитель Дибир ал-Хунухи. Мухаммед Тахир обращается к Аллаху с просьбой о даровании сторонникам Шамиля победы над русскими и благославляет прах погибшего своего устаза². Можно с известной долей уверенности предположить, что, кроме упомянутых двух касыд, к тому времени у него были и другие литературные или поэтические произведения, однако нам они еще не известны. Ничего мы не знаем и о характере его практической деятельности до поселения в Дарго. Впервые упоминание о нем, как о «скромном писце» при Шамиле в Дарго, мы находим в самой хронике. В «Главе о назначении сына Шамиля Гази Мухаммеда наибом Каралаяля» (это назначение имело место в конце 1850 г.) Мухаммед Тахир сообщает: «В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго»³. Жил он в Дарго «до тех пор, пока не умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртунай для закладки там крепости»⁴, т. е. до июля-августа 1858 г.

После падения Дарго Шамиль с небольшим числом оставшихся верных ему приближенных и членами своей семьи с боями отходил к Гунибу. Мухаммеда Тахира не было в числе поднявшихся на Гуниб, он, вероятно, остался в занятом русскими войсками Дарго.

Во время осады Гуниба он был одним из трех посредников, посланных русским командованием к Шамилю для переговоров о сдаче⁵. Посредников Шамиль на Гуниб не пустил, и Мухаммед Тахир вернулся обратно, не выполнив возложенной на него миссии.

После падения Гуниба и сдачи Шамиля Мухаммед Тахир переселился в Темир-хан-Шуру, где и жил до конца своих дней, исполняя обязанности кадия⁶, а впоследствии — старшего кадия дагестанского народного суда. К последнему периоду его деятельности относятся и ряд его произведений по вопросам мусульманского права и юриспруденции. Некоторые из этих произведений до нас дошли в арабском оригинале⁷, другие известны только по случайным упоминаниям их названий⁸. Несколько больших писем на юридические темы, написан-

¹ Арабская рукопись исторических произведений дагестанских ученых. Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР, № 3339, л. 7а.

² Касыду, см. стр. 54 (араб.).

³ Стр. 175 и 176, примечание (араб.).

⁴ Стр. 176 (араб.).

⁵ Стр. 197 (араб.).

⁶ Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 137.

⁷ См. указанную арабскую рукопись, лл. 95—100 (о штрафах и наказаниях в государстве Шамиля).

⁸ Так, например, из писем Мирзы Мавраева к сыну Мухаммеда Тахира Хабибуллаху известно о его сочинении **Шарх ал-Мафруд**.

ных им как участником полемики о «назре» (пожертвовании на благотворительные и богоугодные цели) с Али Аджи, кадием селения Акуши, — мы имеем опубликованными на русском языке¹. Факт участия в данной полемике указывает на то, что он пользовался широкой известностью и авторитетом в местных мусульманских кругах. Из заключительной статьи полемики видно, что он поддерживал переписку и с рядом мекканских и египетских ученых². Его авторитет и всесторонние знания мусульманского права и истории ислама неоднократно использовались и русскими властями: кроме выполнения обязанностей кадия и участия в упомянутой полемике о «назре», он привлекался для выработки законодательства о «сейдах»³.

Умер Мухаммед Тахир в 1882 г.

Причины, побудившие Мухаммеда Тахира приступить к составлению данной хроники, нам известны из послесловия к хронике сына автора, Хабибуллаха, продолжавшего и редактировавшего труд отца после его смерти⁴. Инициатива по составлению хроники исходила от самого Шамиля, желавшего «собрать и записать рассказы про случившееся в его время»⁵.

Как уже указывалось выше, в течение восьмилетнего пребывания в Дарго, резиденции Шамиля, Мухаммед Тахир составил основную часть хроники; здесь он довел описание событий до 1858 г. (возвращение сына Шамиля Джемаль ад-Дина из русского плена). Первые же записки относятся к 1830—1831 гг. — началу деятельности имама Гази Мухаммеда. Эта часть хроники, охватывающая период в 27—28 лет, является наиболее ценной по содержанию и достоверности. Большинство изложенных в ней событий записано непосредственно со слов самого Шамиля и его приближенных, участников или очевидцев передаваемых событий. В ряде случаев автор указывает имена своих информаторов, в их числе и Шамиль⁶, или называет те письменные источники, из которых он взял отдельные отрывки⁷. В большинстве же случаев он ограничивается лаконичными оговорками: «сообщил мне человек, заслуживающий доверия», «передают», «рассказывают» и т. п.

Мухаммед Тахир не ограничивается описанием событий, происходивших на стороне Шамиля. Он стремится также собрать и сведения о положении в лагере

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 8—10, 17—24 и 33—37.

² Там же, стр. 40.

³ И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд-во Акад. наук СССР, 1939, стр. 7.

⁴ Стр. 256 (араб.).

⁵ Там же.

⁶ См., например, описание обстоятельств избиения аварских ханов, стр. 34 (араб.).

⁷ Послание имама Гази Мухаммеда, стр. 12, 13, стихи из его же сочинения, стр. 10, 11 (араб.).

русских войск. Информации о событиях среди русских он получает от лиц, побывавших при тех или иных обстоятельствах в лагере русских. «Со слов Исматиллы сына Джемал ал-Чиркави, бывшего в то время с русскими», передано содержание бесед последнего с генералом Пантелеевым¹, о потерях русских при осаде Ахульго сообщается «со слов Джавад-хана, который раньше служил у русских», причем Джавад-хан сообщал, в свою очередь, те сведения, которые он вычитал в «военных ведомостях», будучи в крепости Кизляр². Такие же «ведомости», сообщавшие о потерях русских войск в борьбе с первым имамом Гази Мухаммедом, читал в Дербенде Хусейн ал-Гимри³. Сведения о событиях, происходивших в лагере русских войск во время осады Ахульго, изложены со слов верного помощника Шамиля — Юнуса. Юнус находился несколько дней в лагере осаждающих во время перемирия, так как он сопровождал выданного в аманаты сына Шамиля Джемаль ад-Дина. Его рассказы выделены в специальное «Дополнение»⁴.

Крайне интересны сообщения хроники о событиях, имевших место в лагере Воронцова во время его неудачной экспедиции в 1845—1846 гг. Здесь дана подробная характеристика неуравновешенной природы самого Воронцова⁵, приведены тексты двух адресованных ему писем: одно из них «от царя»⁶, второе — анонимное — было подброшено в его канцелярию в Тифлисе⁷. Кроме того, приведен ряд личных высказываний Воронцова. Все эти сведения могли исходить только от лица, если не близко знавшего, то, во всяком случае, лично неоднократно видевшего Воронцова и вращавшегося среди его приближенных. Вероятно, информатором этих сообщений хроники Мухаммеда Тахира был один из русских офицеров, при тех или иных обстоятельствах очутившийся в лагере Шамиля. Обычный горец из иррегулярных войск не мог, при всей его наблюдательности, так тонко подметить ряд тех мелких деталей из жизни и традиций русских войск, которые сообщает Мухаммед Тахир (содержание писем, помещение их в газетах, помимо желания Воронцова, отмена Воронцовым военного салюта и пр.). К сожалению, для этой части хроники Мухаммед Тахир не указывает имен своих информаторов; он здесь повсюду ограничивается обычными для него «нам сообщили», «рассказывают» и пр.

Последующая часть хроники охватывает период с 1859 по 1871 гг., т. е. период с момента падения Гуниба до смерти Шамиля. Последняя запись самого Мухаммеда Тахира относится к 1872 г. Она касается пребывания сына Шамиля, Гази Мухаммеда, в Стамбуле⁸. Эта часть хроники писалась при других обстоятельствах и в иной обстановке, чем первая. Шамиль в качестве пленника находился в ссылке в Калуге, Мухаммед Тахир жил в Темир-хан-Шуре и сос-

¹ Стр. 60 (араб.).

² Стр. 78 (араб.).

³ Стр. 27, 28 (араб.).

⁴ Стр. 66—69 (араб.).

⁵ Стр. 144, 145 (араб.).

⁶ Стр. 159 (араб.).

⁷ Стр. 149 (араб.).

⁸ Стр. 251 (араб.).

тоял на русской службе в должности кадия при мусульманском народном суде. Изменившаяся обстановка в Дагестане и резкие перемены в судьбах как инициатора хроники—Шамиля, так и ее составителя—Мухаммеда Тахира, сказались на ее содержании, формах выражения и достоверности.

Прежде всего, находясь вдали от Шамиля и в то же время продолжая хронику событий, касающихся его жизни, автор уже не мог своевременно и подробно записывать происходившее. Источники его информации в этот период крайне случайны и разнообразны. Среди обычных «передают», «рассказывают» или «сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же» появляются новые источники — русские газеты¹. Записи носят случайный отрывочный характер, без хронологической последовательности, которая строго выдержана в первой части хроники. Часто в одном рассказе соединены сведения о событиях, отстоявших друг от друга во времени на несколько лет и происходивших в различных местах. Нарушено и конструктивное построение хроники. Если в первой части материал относительно равномерно распределен по главам, то во второй многочисленные, совершенно между собою не связанные «дополнения», «заклучения», «приставки» чередуются с текстами писем и документов и поэтическими произведениями.

По первоначальному плану автора хроника, вероятно, заканчивалась описанием падения Гуниба и сообщениями о судьбах ряда видных сторонников Шамиля. Это ясно видно по заключительной концовке, в которой автор спрашивает у Аллаха помощи угнетенным жителям Дагестана. Затем к хронике Мухаммед Тахир счел нужным приложить большую касыду (160 двустиший) Хаджи Мухаммеда, сына ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, в которой в сокращенном виде повторено содержание всей хроники. Перед касыдой Мухаммед Тахир делает краткое замечание, поясняющее причину появления ее в хронике: «Пусть будут стихи равны тому, что им предшествовало в прозе»².

Однако через несколько лет Мухаммед Тахир вновь принялся за продолжение своего произведения. Поводом к этому послужило попавшее в его руки сочинение зятя Шамиля Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки³.

Абдуррахман, как член семьи Шамиля, находился при последнем в течение всей его 10-летней ссылки в Калуге. Он сопровождал пленного Шамиля из Дагестана в Петербург, а затем в Калугу, ездил с ним в Москву, Красное Село и Петергоф, присутствовал на устраиваемых Шамилю приемах и встречах, осматривал вместе с последним фабрики, заводы, дворцы, музеи, обсерваторию и пр. Впечатления от всего виденного и слышанного Абдуррахман изложил в упо-

¹ Стр. 222, 247, 250 (араб.).

² Касыду, см. стр. 209—219 (араб.).

³ Подробно об этом произведении см. статью акад. И. Ю. Крачковского «Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле» (Записки Института востоковедения, II, 1934, стр. 9—20).

минутом сочинении. Сюда же он включил ряд сведений о жизни Шамиля в период калужской ссылки. Сочинение Абдуррахмана, таким образом, хронологически является как бы продолжением хроники Мухаммеда Тахира. В 1869 г. Шамиль получил разрешение царского правительства поехать в Мекку в хадж. Вскоре после отъезда Шамиля Абдуррахман вернулся к себе на родину в Дагестан, где и провел остаток своих дней в должности кадия Гази-Гумука. Рукопись своего произведения Абдуррахман хранил при себе; он продолжал свои записи и после отъезда Шамиля из России. По заключению акад. П. Ю. Крачковского, Абдуррахман начал писать свое произведение около 1864 г., а дополнение вносил вплоть до 1883 г.¹, т. е. находясь уже в Дагестане. Мухаммед Тахир, получивший возможность познакомиться с произведением Абдуррахмана после переселения последнего в Дагестан, решил, вероятно, дополнить сведения своей хроники материалами, собранными Абдуррахманом. Он воспользовался этим сочинением и включил ряд извлечений из него в свою хронику под специальным заглавием «Дополнение»². Так получился законченный очерк о жизни Шамиля; начатый описанием первых шагов его деятельности еще при первом имаме Гази Мухаммеде, он доведен до времени отъезда Шамиля в Мекку.

Не вдаваясь в детальную и всестороннюю оценку произведения Абдуррахмана, все же необходимо отметить, что по содержанию, тону и манере изложения и идеологической направленности это произведение резко отличается от хроники Мухаммеда Тахира. Здесь ярко выразились диаметрально противоположные политические ориентации и взгляды авторов и, кроме того, сказалась та различная обстановка, в которой писались оба произведения.

Мухаммед Тахир писал свою хронику в период ожесточенной борьбы горцев во главе с Шамилем против царских войск, против колонизаторов и их помощников — местной знати и ханов. Будучи в то время верным сторонником горцев и одним из приближенных Шамиля, он неизбежно должен был освещать излагаемые в хронике события с точки зрения своей среды, выражать настроения и чувства горцев и их руководителей, разделять господствовавшие в государстве Шамиля взгляды, симпатии и антипатии. Кроме того, составляя хронику по устным рассказам самого Шамиля и его ближайших помощников, т. е. со слов идейных и военных руководителей горцев, Мухаммед Тахир находился в полной зависимости от своих информаторов не только при выборе фактического материала, но и при оценке событий. В итоге его произведение правдиво отражает действительность и идеологию участников и руководителей описываемых им событий.

Абдуррахман писал во время пребывания Шамиля в Калуге в качестве почетного пленника. Царское правительство прекрасно знало о том влиянии, которое имел Шамиль среди горцев в течение 25-летней кровопролитной борьбы. Знало оно и о том, что, несмотря на прекращение борьбы и плен Шамиля, има

¹ См. указанную статью, стр. 13.

² Стр. 223 (араб.).

последнего, как «имама», руководителя «священной борьбы» против «неверных» — русских, все еще продолжало быть священным среди многих мусульман. Дагестан был покорен, но дух горцев не был сломлен: в различных уголках страны периодически вспыхивали мелкие восстания, грозившие каждую минуту перерасти во всеобщую «священную войну» за независимость и свободу. Достаточно указать хотя бы на то, что всего через несколько месяцев после падения Гунуба вспыхнуло восстание в Ичкерии (май 1860 г.), затем в Ункратльском обществе (октябрь 1860 г.), и с тех пор отдельные вспышки повторялись до всеобщего восстания в 1877 г. Во главе восстаний часто стояли бывшие наибы Шамиля. При такой обстановке царскому правительству было очень важно изолировать Шамиля, не допустить с его стороны оказания какого-либо влияния на восставших горцев, сделать из пленного имама и членов его семьи своих сторонников. Этими обстоятельствами и определялось чрезмерно почтительное отношение царских властей к пленному Шамилю. Александр II любезно обходится с ним, приглашает его на военные парады, дает ему аудиенции, посылает от своего имени подарки. Шамилю и его спутникам показывают дворцы, музеи, военный арсенал, обсерваторию, фабрики, заводы и пр. Их окружают довольством и роскошью. Военные власти, во главе с министром Милютиным, внешне оказывают ему почтение и уважение, ведут с Шамилем любезную переписку. Так, например, во время пребывания Шамиля в Калуге военным министром было приказано всем проезжавшим через Калугу военным чинам от прапорщика до генерала включительно делать визиты Шамилю. Каждый посещавший Шамиля получал предварительно инструкцию у пристава при Шамиле о том, как себя держать во время визита и на какие темы вести разговор. Пленному руководителю горцев были оказаны почести как высокопоставленному титулованному гостю.

Молодой Абдурахман, с детства находившийся в условиях суровой и примитивной жизни Дагестана того времени, воспитанный в среде горцев, ведущих непрерывно ожесточенную борьбу с «неверными» — русскими, был ошеломлен происшедшей в его жизни переменой обстановки. Он быстро забыл о своей родине и своих единоверцах, продолжавших борьбу в Дагестане. Внешние почести и милости сделали из Абдурахмана, принимавшего все попусту царского правительства за проявления искренних чувств, верного русского подданного. Он бесконечно благодарен за все «благоденствия», оказанные Шамилю и его семье царским правительством. Его восхищает «доброта» царя к Шамилю и уважение, проявляемое русскими властями в отношении всех с ним находившихся. Когда Абдурахман сравнивает отношение русских к пленному Шамилю с отношением горцев к своим пленникам, то, по его словам: «содрогается моя кожа и стыд морщит веселость моего лица»¹. Находясь полностью во власти этих настроений и чувств, Абдурахман и писал свое произведение, которое оказалось, в противоположность хронике Мухаммеда Тахира, панегириком царским властям.

¹ Стр. 237 (араб.).

Мухаммед Тахир, включая в свою хронику извлечения из произведения Абдуррахмана, соединил, таким образом, в одно целое два сочинения, написанные авторами, стоящими на диаметрально противоположных позициях.

Последующие дополнения к хронике сделаны уже, вероятно, после смерти Мухаммеда Тахира его сыном Хабибуллахом. Эти дополнения распадаются на две части: первая содержит тексты писем и речей, вторая — сведения о последних днях Шамиля в Медине и обстоятельствах его смерти.

Источник первой части дополнений Хабибуллаха нам не известен. Вероятнее всего это были какие-то записи, случайно попавшие в руки Хабибуллаха, может быть, даже из семейного архива Шамиля. Все приводимые документы Хабибуллах ошибочно рассматривает как письма Шамиля к царю и от царя к Шамилю. В действительности же, как явствует из содержания самих документов, письмами являются только два первых документа — прошение, направленное Шамилем Александру II с просьбой о принятии от него и членов его семьи присяги на подданство¹ и ответ об удовлетворении просьбы Шамиля, посланный военным министром Милютиним².

Третий документ представляет текст присяги, принятой Шамилем в дворянском собрании города Калуги. Последние три документа — записи речей, которыми обменялись в дворянском собрании губернский предводитель дворянства и Шамиль после окончания церемонии принятия присяги³.

Источником информации второй части дополнений Хабибуллаха был сын Шамиля Гази Мухаммед, с которым Хабибуллах встречался в Медине⁴. Гази Мухаммед был отпущен царским правительством из России в 1870 г. сроком на 6 месяцев для совершения паломничества в Мекку и посещения отца, находившегося тогда в Медине. Ко времени приезда Гази Мухаммеда Шамиля уже не было в живых. Гази Мухаммед вернулся в Россию и через год был отпущен в Медину к семье покойного отца на постоянное жительство. В 1873 г. он переселился с семьей в Стамбул. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Гази Мухаммед служил в турецких войсках в чине дивизионного генерала. Затем, после поражения Турции, вынужден был опять переехать в Медину, где и жил до конца своих дней. Умер он в 1903 г. Встреча Хабибуллаха с Гази Мухаммедом в Медине могла состояться не ранее 1881—1882 гг. Мухаммед Тахир умер в 1882 г., т. е. примерно в то же время. Таким образом, продолжение хроники отца было для Хабибуллаха не случайным занятием, а как бы наследственной обязанностью. Кроме указанных доподлинных, Хабибуллах систематически пополнил хронику отца различными доходившими до него сведениями, легендами и рассказами. Его пополнения к различным главам легко проследить по примечаниям издаваемого нами текста (см., например, легенды об Ахульго, стр. 73 (араб.))

¹ Стр. 241 (араб.).

² Стр. 242, 243 (араб.).

³ Стр. 243—246 (араб.).

⁴ Стр. 251 (араб.).

В 1902 г., по инициативе владельца арабской типографии в Темир-хан-Шуре Мирзы Мавраева, принимавшего деятельное участие в издании трудов Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Хабибуллах приступил к подготовке хроники отца к печати. Царская цензура никоим образом не дала бы разрешения на издание этой хроники. Это понимал Хабибуллах и еще более учитывал Мирза Мавраев. Тогда Мавраев решает несколько переделать хронику: он советует Хабибуллаху, не изменяя ее основного содержания, опустить все те места, где автор нелестно отзывался о русских, заменить ругательные эпитеты более пристойными и дать произведению другое заглавие. В одном из своих писем к Хабибуллаху Мавраев писал: «Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство и переименовал название на «Кремени Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение на ее напечатание. Поистине, как часто цензура смотрит на название книги и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это и с миром»¹.

Хабибуллах переделал хронику в точном соответствии с указаниями Мавраева. В конце хроники Хабибуллах поместил «Разъяснение выражений», т. е. своеобразный подстрочный толковый словарь. Этот словарь помещен нами в алфавитном порядке корней вслед за текстом хроники. В ноябре 1904 г. Мавраев сдал рукопись в цензуру. Разрешение на издание этого, значительно переделанного «в интересах дела», как пишет Хабибуллах в своем послесловии, произведения Мавраев не получил. Труд Хабибуллаха пропал даром. Рукопись была похоронена в цензурных архивах. Вновь появилась она на свет только через 30 лет: в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии наук СССР наследники бывшего цензора мусульманских изданий проф. В. Д. Смирнова. В издаваемом тексте она использована нами в числе других рукописей. По примечаниям к тексту легко проследить все изменения и переделки, произведенные Хабибуллахом в произведении отца².

Начало составления хроники, как указывалось выше, следует относить к 1850—1851 гг., ее окончание, на основе последних записей Хабибуллаха, датируется 1904 годом. Хроника, таким образом, составлялась в течение пятидесяти с лишним лет.

Хроника Мухаммеда Тахира получила широкую известность среди горцев задолго еще до ее окончания. Написанная в Дарго первая часть хроники (включая главу о возвращении из русского плена Джемаль ад-Дина) считалась,

¹ Подлинник письма хранится в Дагестанском краеведческом музее в г. Махачкала. Перевод с арабского сделан мною.

² Автограф Хабибуллаха хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР (В 2521). В издаваемом тексте при ссылках эта рукопись обозначена «рукопись А».

вероятно, автором вполне законченного произведения. Копии с этой части хроники начали распространяться еще до падения Гуниба. О существовании произведения Мухаммеда Тахира были осведомлены и русские военные власти. Известный кавказовед того времени А. П. Берже, побывавший на Гунибе всего через несколько месяцев после его падения, получил в подарок от генерала Лазарева копию хроники Мухаммеда Тахира¹.

Полковник П. Г. Пржецлавский, назначенный после сдачи Шамиля начальником Дербентского уезда и поселившийся на Гунибе, также имел копию произведения Мухаммеда Тахира и уже в 1860 г. занимался переводом хроники на русский язык². Можно с уверенностью предположить, что копия хроники была и у отправившегося в калужскую ссылку Шамиля, так как она и составлялась собственно по его заказу и инициативе. Сын Шамиля Гази Мухаммед, находясь в Медине, также имел список этого произведения. Может быть, это был список, доставшийся ему в наследство от отца. Свой список Гази Мухаммед впоследствии подарил посетившему его в Медине известному турецкому литератору и поэту Мехмеду Акиф-бею Эфенди. Турецкий перевод этой рукописи был опубликован в Стамбуле в 1914 г. Как явствует из турецкого перевода, список Гази Мухаммеда также оканчивался главой о возвращении Джемаль ад-Дина, т. е. принадлежал к числу наиболее ранних копий.

Последующие известные нам по различным упоминаниям или в оригиналах списки хроники уже включают касыду Хаджи Мухаммеда ас-Сугратли и извлечения из сочинения Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки. Наиболее ранний из известных нам списков этой группы был скопирован с оригинала, по определению акад. И. Ю. Крачковского, в 1873—1874 гг. Кто был заказчиком и перепищиком этого списка, к сожалению, не установлено. Рукопись приобретена Институтом востоковедения Академии наук СССР в конце 1939 г. у одного проживающего в Махачкала арабиста — Абдуррахмана Казиева³.

Списки хроники распространялись не только в пределах одного Кавказа. Иногда они попадали в самые различные уголки мусульманского мира. Так например, в 1935 г. экспедиция Академии наук СССР приобрела в Астрахани список хроники, датированный 1899 годом⁴. Эта рукопись переписана дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гази-Гумуки, и была поднесена в дар известному астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба.

За пять лет до выхода в свет цитированного выше турецкого перевода Тахира аль-Мевлеви, в 1909 г., в Стамбуле был издан небольшой сборник стихов, извлеченных из хроники Мухаммеда Тахира. Сборник имеет одноименное с хроникой название. Издан он дагестанцем Тахиром ар-Ригали ал-Ху-

¹ Сделанный А. П. Берже перевод первых трех глав хранится в Архиве Академии наук СССР (Фонд 100, оп. I, д. № 195/15).

² Перевод П. Г. Пржецлавского, датированный 1 июля 1862 г., находится в Архиве Академии наук СССР среди бумаг историка Кавказа Н. Ф. Дубровина (Фонд 100, оп. I, д. № 44).

³ В тексте при ссылках данный список обозначен «рукопись К».

⁴ Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР (В 3712). При ссылках в тексте этот список озаглавлен «рукопись Б».

сейли, как указывает автор в предисловии, на его собственный счет. В этот сборник входит также и касыда хаджи Мухаммеда ас-Сугратли. Наличие в сборнике указанной касыды указывает на то, что источником для сборника послужил один из более поздних списков хроники. Таким образом, только в одной Турции по нашим, далеко не полным сведениям имелось два списка хроники: список, подаренный Гази Мухаммедом упоминавшемуся выше литературоведу Мехмеду Акиф-бею Эфенди, и список, послуживший источником для сборника стихов Тахира ар-Ригали ал-Хусейни. Есть все основания полагать, что при более тщательных изысканиях можно было бы обнаружить списки хроники Мухаммеда Тахира и в других мусульманских странах, в частности в Египте и Саудии.

Оригинал хроники, вероятно, находился у автора до конца его жизни. После смерти Мухаммеда Тахира автограф остался у его сына Хабибуллаха, который пользовался им при составлении списка, предназначенного для печати. О том, что Хабибуллах пользовался именно автографом, а не одним из списков произведения отца, говорят следующие факты: в списке Хабибуллаха содержится ряд отсутствующих в других списках сведений; судя по характеру этих сведений, они могли быть записаны только самим автором; значительное количество глосс рукописи Хабибуллаха, также не имеющихся в других списках, заканчиваются пометкой «от автора», пояснения же и глоссы самого Хабибуллаха отмечены «от сына автора», и, наконец, обращение Мирзы Мавраева к Хабибуллаху с просьбой переработать рукопись отца для печати говорит о том, что Мавраев знал о месте нахождения автографа произведения.

Дальнейшая судьба оригинала хроники неизвестна; может быть, со временем он и будет обнаружен, но в данное время он уже недоступен.

При подготовке к изданию данной хроники передо мной была поставлена задача дать такой текст хроники, который по своему объему и содержанию наиболее приближался бы к утраченному оригиналу. Эта задача могла быть решена только при наличии нескольких копий, отражающих постепенные этапы нарастания хроники в течение пятидесятилетнего периода ее написания. При копировании арабоязычных произведений и документов даже самый аккуратный и грамотный переписчик не гарантирован от случайных ошибок, опусков и пропусков. Кроме того, в зависимости от предполагаемого назначения снимаемой копии, конкретной обстановки, политической ориентации, личных интересов и симпатий переписчика или заказчика в цовые списки, как правило, сознательно вносятся ряд изменений: некоторые места оригинала опускаются или, наоборот, дополняются новыми, отсутствующими в оригинале сведениями, пояснениями и комментариями.

Наглядным примером к сказанному может служить рукопись Хабибуллаха. Руководимый тщетной попыткой напечатать произведение отца, он вынужден был в угоду придирчивой царской цензуре значительно переделать хронику: опустить ряд мест текста, заменить все резкие и подчас грубые эпитеты авто-

ра, иногда дать совершенно иное изложение текста¹, дополнить произведение рядом сообщений и копиями документов, содержание которых совершенно не согласуется с духом и общей направленностью произведения² и даже изменить название произведения. В итоге получилась копия, во многом отличная от своего оригинала и в то же время, казалось бы, наиболее авторитетная, так как снята непосредственно с оригинала лицом, близким к автору произведения. Необходимо указать, что без сличения с другими копиями невозможно установить количество и характер допущенных Хабибуллахом отклонений; о внесенных им изменениях Хабибуллах очень глухо упоминает лишь в послесловии своей рукописи³.

Мотивы, побудившие переписчика или редактора внести те или другие изменения, не всегда могут быть известны. Если по случайно обнаруженному письму Мирзы Мавраева и пометке на самой рукописи о том, что она представлена в цензуру, можно с известной определенностью установить причины, побудившие Хабибуллаха внести в рукопись изменения, то некоторые изменения в других списках хроники объяснить невозможно. Совершенно ничего определенного нельзя сказать, например, о пропуске в астраханской рукописи (рукопись Б) касыды Мирзы ал-Ахди, написанной им во время его заключения у Шамиля⁴.

Учет истории создания хроники и особенностей каждой из имевшихся у меня, первоначально, трех копий⁵ привел к выводу о необходимости привлечения дополнительных списков, предпочтительно различных дат написания. Вскоре в Махачкала мною были обнаружены еще две рукописи⁶, которые удачно восполнили имевшийся пробел.

При подготовке текста, таким образом, появилась возможность использовать пять рукописей, даты написания которых последовательно расположены в пределах 60 лет (К 1872 г. — Б 1899 г. — А 1904 г. — без шифра 1929 г. и В без даты). Важно также отметить, что места нахождения рукописей различны: Махачкала (2 рукописи), Тбилиси, Астрахань и рукопись А из царских цензурных архивов.

¹ Ср., например, текст хроники в рукописи Хабибуллаха на стр. 96, примечание I, где речь идет о женитьбе Шамиля на взятой в плен армянке Шуаванат.

² Имеются в виду тексты документов и содержание речей, приведенных в «дополнении» (см. стр. 241 (араб.).

³ Стр. 254, 255 (араб.).

⁴ Мирза Али был взят Шамилем в плен во время сражения в селении Ахди в 1848 г. Затем в качестве заложника от этого селения он находился в заключении. В своей касыде Мирза Али сетует на постигшую его горькую участь.

⁵ Первые две—упоминавшиеся выше автограф Хабибуллаха (рукопись А) и астраханская (рукопись Б), третья—фотоснимок со списка, хранящегося в Тбилиси, любезно предоставленный мне в пользование проф. Г. В. Церетели.

⁶ Разобранная выше рукопись К и вторая, почти буквально ее повторяющая и, вероятно, восходящая к очень близкому к рукописи К списку. Последняя рукопись, как наиболее поздняя по времени написания (1929 г.) и тождественная рукописи К, привлекалась при подготовке текста только для справок.

При установлении критического текста, в случае разночтений в отдельных рукописях, предпочтение отдавалось тексту, имеющемуся в большинстве рукописей, или же—рукописи К, как наиболее ранней. Транскрипция и огласовки собственных имен и географических названий приняты преимущественно по рукописи А, так как в ней наиболее полно даны имена и тщательно расставлены огласовки и диакритические знаки у литер, применявшихся в то время в Дагестане дополнительно к арабскому алфавиту. Допущенные в хронике отклонения от норм арабской грамматики и синтаксиса мною сохранены в издаваемом тексте.

Говорящие на языках яфетической системы народы Дагестана, пользуясь при письме арабским языком, неизбежно должны были ощущать трудности не только в области передачи фонетических особенностей своих языков, но также и в области морфологии и синтаксиса. Возникла вполне закономерная потребность в дополнительных к арабской грамматике средствах передачи звуков и мысли. Особенно острая потребность в дополнительных средствах фонетической передачи ощущалась при написании местных географических названий и собственных имен. Кроме того, арабская лексика постепенно пополнялась новыми словами и терминами, заимствованными из других языков, в частности аварского и русского.

Издаваемая хроника Мухаммеда Тахира, помимо ее исторической ценности, представляет также исключительный интерес и с филологической точки зрения. Впервые на страницах этого относительно крупного произведения мы можем всесторонне проследить все те нововведения и дополнительные средства выражения фонетики и мысли, которыми пользовались в Дагестане в XIX в. Наличие же нескольких списков одного и того же сочинения дает, кроме того, еще и богатый сравнительный материал, вполне достаточный хотя бы для предварительного и поверхностного изучения этих новых для арабского языка филологических явлений. Для передачи ряда звуков и фонем, имеющих в дагестанских языках, но отсутствующих в арабском, в хронике, как и в других письменных документах того же периода, применены дополнительные литеры.

Некоторые из этих литер к тому времени, вероятно, еще недостаточно прочно вошли в алфавитную систему и не твердо закрепили за собой соответствующие комбинации звуков. Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, чередование при написании одних и тех же слов или названий литеры. Одновременно с этим недостаточно четко различались, а поэтому иногда смешивались, некоторые арабские звуки. Все эти особенности в транскрипции оставлены мною неизменными и их необходимо учитывать при чтении данной хроники. Дополнительные средства выражения и уточнения излагаемой мысли были найдены дагестанскими учеными в своеобразной системе под- и надстрочных пояснительных значков¹. Попутно необходимо отметить, что расшифровать эти

¹ Подробно об этих значках см. мою статью «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа» (Советское востоковедение, III, Изд-во Акад. наук СССР, 1945), стр. 183—214.

значки, долгое время оставшиеся непонятными арабистам, мне удалось лишь благодаря текстам хроники.

Пополнение лексики шло, главным образом, за счет привлечения русских терминов и названий военных чинов и титулов. Лексическая сторона хроники Мухаммеда Тахира исследована акад. И. Ю. Крачковским в цитированной выше его статье «Новые рукописи истории Шамиля»; кроме того, к издаваемому тексту приложен указатель всех употребляющихся в хронике русских и отчасти вообще неарабских слов.

Морфологические особенности языка хроники касаются исключительно местных географических и этнических названий и образованных от них прилагательных. Очень часто при написании этих названий автор пользовался одно временно нормами арабского и аварского (или других соседних с ним) языков.

Так же часто автор хроники употреблял местные названия (аварские и чеченские), нигде до сих пор на картах не зафиксированные. Расшифровка этих названий может быть выполнена только лицом, хорошо знающим дагестанские языки и местную историческую географию. По моей просьбе известный специалист в этих областях проф. А. Н. Генко любезно взял на себя труд идентифицировать ряд таких названий с общепринятыми. Им составлен прилагаемый к данному предисловию «Географический указатель», за что и приношу ему свою искреннюю благодарность¹.

Вся работа по подготовке и изданию данной хроники и русского с нее перевода велась мною под непосредственным руководством и контролем акад. И. Ю. Крачковского. Его строгая требовательность и в то же время неизменная внимательность дали мне возможность справиться с поставленной задачей.

Девять лет тому назад И. Ю. Крачковский первый поставил вопрос о необходимости изучения дагестанских арабоязычных произведений как весьма ценных источников для истории народов СССР. Затем он взял на себя инициативу подготовки ряда переводов наиболее важных из этих источников и издания их в арабском оригинале. Выход в свет хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи в арабском оригинале и русском переводе — первый результат этой его инициативы².

Июнь 1941 г.

А. БАРАБАНОВ

¹ В материалах А. М. Барабанова рукопись упомянутого указателя не была найдена, и он не мог быть напечатан.

² Последние части настоящей работы, равно как и предисловие, печатаются без окончательного просмотра и корректур издателя, который с начала войны находился на фронте. В связи с этим редактор не имел возможности проверить ряд мест в арабском тексте, казавшихся искаженными, равно как удалить недоразумения в глоссарии и указателе, или восполнить пробелы, оставленные издателем до набора всей работы. Можно все же надеяться, что и в таком виде текст, печатавшийся по необходимости спешно, послужит основательной базой для углубленного изучения этого важного памятника.

БЛЕСК ГОРСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Создал эту книгу Мухаммадтахир Карахский.

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. На все воля великого Аллаха. Хвала—Аллаху, который возвысил борцов за веру великой наградой над теми, кто сидит по домам. Да будут благословение и приветствие всевышнего Аллаха над нашим пророком Мухаммедом, его семьей и его сподвижниками, а также над их последователями на поприще священной войны, учения и обучения.

А далее:

На протяжении последних веков дагестанцы¹ считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих к проведению в жизнь исламских решений и запрещающих мерзкие с точки зрения мусульманства поступки. Дагестанцы руководствовались тогда обычным правом (**расм**)². Мало того, дагестанские кадии толкали народ к использованию обычного права, восхваляли главарей (**раис**) за проведение этого права в жизнь и его развитие, и даже обозначали его термином «адлу»³.

А сколь мерзкими были их поступки при встречах и общении, особенно с неверными русскими^{а)}. Дагестанцы ходили вместе с ними даже воевать против мусульман. Дагестанцы общались с неверными днями и ночами — общались деды, их дети, внуки и братья. Дагестанцы отдавали неверным в залог своих сыновей, ница для себя милостей. Дагестанцы делали своими правителями разных идолишь из числа неверных или своего дагестанца, чьим поведением, однако, были довольны неверные. Дагестанцы предпочитали службу императору (**патишах**), искали его расположе-

а) К-приписка: «**Мюрид**—на языках тех, кто проживал в стране (**вилаят**) имама Шамиля—это тот, кто действует под шариатским управлением и повинуется ему, хотя бы внешне. **Мунапик**—тот, кто присоединился к неверному врагу, убежал к нему или поселился под его управлением; его именуют так, даже если будет искренним правоверным

В этих двух значениях эти два слова употреблены в этой книге в ряде мест».

ния, одобряли его политику и считали ее вещью крайне необходимой для становления своей мирской и загробной жизни. Законы же мусульманской религии, которые установил для них всевышний Аллах, эти дагестанцы считали порочными и губительными, а ведь «Мы принадлежим Аллаху и к нему мы [после смерти] возвратимся»^{а)}.

Затем, однако, всевышний Аллах оказал дагестанцам милость — послал ученого исследователя, храбреца, познавшего Аллаха, мученика за веру, которому подчинялись, Газимухаммада — да будет благословенна его тайная святая и похвальная мысль! — для: возобновления изучения шариятских законов⁴, выпрямления искривлений, имевшихся в высокой мусульманской общине, введения забытых ранее исламских церемоний и исполнения предписаний Корана, заброшенных с давних времен.

Затем Аллах поставил на место Газимухаммада мудрого ученого, доблестного храбреца, отважного мученика за веру, потомка благороднейших из неарабов (**аджам**) Хамзата и направил его по пути Газимухаммада. Да будет ему земля пухом, а рай — обителью!

Затем Аллах направил ученого, познавшего Аллаха, внушающего почтение и симпатии, борца за веру, стойкого против мощной силы и бедствий, чьи результаты в священной войне получили известность на западе и востоке до такой степени, что его упоминали в своих молитвах с пожеланием победы, завоеваний, успехов и долголетия люди, пребывающие в Мекке и Медине, шейхи Балха⁵ и Бухары⁶, прочие праведники из различных стран света, а пetersбургцы, москвичи и сибиряки были в восхищении — Шамиля.

Это^{б)} произошло лишь по милости всеведущего Аллаха!

Эти личности породили удивительные события, великие сражения, бросаясь при этом лично на явную гибель в противостоянии могущественным русским и вражде с их помощниками-вероотступниками, ренегатами по отношению к мусульманской религии. А ведь они действовали в стране с чрезвычайно ограниченными средствами к существованию, с малочисленным населением и нехваткой снаряжения, большая часть населения которой предалась неверным в жадном устремлении к тому, что находилось у них в руках и предпочитая ад.

Мы описали некоторые из тех событий и сражений для того, чтобы они послужили примером на будущее, наставлением для вдумчивых, образцом для проникательных. Назвали мы этот труд:

а) Коран.

б) Б. К.—приписка: «То есть упомянутое о его блестящей и высокой личности».
К имеет дополнительную приписку: «Сражения при Ахульго».

«Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах». Дело в том, что Шамиль — очевидец мученической гибели за веру Газимухаммада и Хамзата, человек, отличившийся в большинстве сражений и при [ликвидации] величайших раздоров.

Сбор же и запись всех подробностей этих сражений заполнили бы целые тома, слушание содержания которых поразило бы слух и разум. Всевышний Аллах в состоянии сотворить то, что Он желает. Он — патрон и прекрасный помощник ^{а)}.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ДЕЯНИЙ ГАЗИМУХАММАДА

[1826/27 г.]

В тысяча двести сорок втором (1826/27) году — когда всевышний Аллах пожелал обновления ^{б)} своей религии, отделения приятного от мерзкого и прославления одних горцев удачными битвами, а других мученической гибелью за веру — выступил некий муж, не имевший родственников (**ашира**), у которых бы он укрылся ^{в)}, и власти, дающей силу над теми, кого богатства приучали к роскоши, а обилие вина привело в возбуждение. Это был направленный к истине милостью небес ученый Газимухаммад Гимринский (Гимрави) — да будет благославленной его тайная мысль!

Он призвал ^{в)} людей: считать обязательными для себя решения шариата и действовать согласно им, а также отвергнуть обычное

а) Предисловие рукописи А: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного Хвала Аллаху, который обновляет светлейшую мусульманскую религию в начале каждого века, как то сказал лучший из пророков Мухаммед. Да благославит Аллах и приветствует его самого, его семью и его сподвижников— богобоязных имамов!

А далее:

Это—книга, в которой упомянуты события, произошедшие в Дагестане в последние годы. Создал ее ученый Мухаммадтахир Карахский-Дагестанский, а отредактировал, как это требуется для печатного издания, его сын. Успех и польза достигаются благодаря лишь всевышнему Аллаху.

На протяжении последних веков дагестанцы считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих их придерживаться исламских решений. Большая часть приговоров, имевших место среди них, решалась согласно обычному праву (**расм**). Кадни дагестанцев, за исключением немногих, воздерживались от [шариатских] приказов и запретов, вместе с невежественными людьми пили вино, развлекались и курили».

б) К—«напряжение».

в) А—«... возбуждение. Он поднялся и начал усердно изучать науку, говоря: «Я изучаю науку только лишь для проведения в жизнь дела религии. Это был Газимухаммад Гимринский-Дагестанский—да помилует его всевышний Аллах! Когда же он подробно изучил науки, то призвал...»

право и полностью оставить его. Он загремел, как гром, сверкнул, как молния и создал трактат, в котором обвинил в неверии приверженцев адата, названный потом «Блистательным доказательством отступничества старшин (ариф) Дагестана».

Он сочинил об этом и следующее стихотворение:

Нормы обычного права — собрания трудов поклонников сатаны.

Господь еще рассудит между Мухаммедом и сатаной, который создал для гибнущих подлое обычное право.

Если последователь пророка получает прочную путеводную нить,

то сторонники обычного права не получают даже слабейшего помощника.

Они еще узнают: кто из них двоих исполняет обещания,—

когда однажды увидят сатану хмурым.

Милостивый Аллах ведь отдалил людей, любивших обычное право

от райского водоема в день тайных помыслов!

Если сторонник обычного права будет равным шариатисту,

то значит в нашей среде нет разницы между праведником и нечестивцем.

Для чего же посылались пророки, установлены божественные законы,

и ниспослан Коран с этими предзнаменованиями?

Как же можно жить в доме: где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха не приемлема?

Где святой ислам отрицают,

а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку?

Где презреннейший считается славным, а развратный—справедливым, где мусульманство превращено в невесть что?

Где человек, отдающий приказ о совершении благодеяний, подозревается в том, что он портиг,

а запрет порицаемого исламом оказывается не имеющим силы?

Если бы жизнь пророка была продлена до этого времени,

то его индийский меч был бы обнажен!

Если кто-либо из людей возразит этому, то я скажу ему:

«Выступать с отрицаниями экспромтом неразумно».

О, отчужденный от исламского мира! Ты двинулся вечером в путь.

Так приветствуй же того, кто похоронен в земле—
Благородного пророка-хашимита⁸, у которого ищут заступничества,

Посланника Аллаха — могучего Мухаммеда.

Все эти люди разбрелись к нынешнему времени из-за бедствий и вражды.

Их беспокоят свое положение и свои дела,
а не исполнение заповедей Аллаха, запрет осужденного исламом и верный путь.

Из-за своего характера и грехов они раздробились и ими стали править неверные и враги.

Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы

И говорю, что если вы не предпочтете покорность своему Господу, то да будьте рабами мучителей.

Характер горцев после всяких отговорок, наконец, смягчился. Они согласились на принятие шарията^{а)}.

[1828 г.]

Газимухаммад пошел в город чиркеевцев (чирка)⁹ и призвал их к шарияту. Они согласились примерно за месяц. Группы людей (кавм)¹⁰ волей-неволей одна за другой стали его последователями.

[1829 г.]

Один надежный человек рассказал мне со слов слуги старого шамхала¹¹, что Газимухаммад в одиночку разгневанным пришел к шамхалу и грубо сказал ему: «Вводи шарият в своем вилайете¹²». У шамхала изменился цвет лица, он размяк и сказал: «Я сделаю это, сделаю». С этим Газимухаммад и ушел, а шамхал сказал слуге: «Ей богу, я был близок к тому, чтобы намочить в штаны в страхе от него». Казалось одно время, что шамхал вроде бы подымается ради совершения того дела, но так он никуда и не продвинулся¹³.

а) А—приписка: «то есть на принятие шариятских решений».

Затем, через ученого Мухаммада-эфенди Ярагского ^{а)} ¹⁴ и Джамалуддина Казикумухского (Газигумуки) ¹⁵ — да помилует их обоих всевышний Аллах! — распространилась в горах благодать шейхов тариката ¹⁶. Для проведения в жизнь шариатских решений эта благодать была как весенний дождь для ростков растений.

Газимухаммад написал послание в адрес различных краев и областей, в котором присутствовало дружелюбие по отношению к правоверным и угрозы бунтовщикам, высокомерно отказывающимся от истины.

Вот копия ее текста:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Он — всевышний Творец, к которому обращаются за помощью.

Наше дело идет. Мы — рабы всевышнего Аллаха, люди мощные, побеждающие любого грубого тирана.

Каждому кто противодействует шариату и противится образу жизни людей благонравных.

Привет тем, «кто внимает словам Аллаха, следует лучшему из них» ^{б)} и принимает ислам в качестве своей религии.

А далее:

Эй, вы, мерзавцы!

Знаете, что мы принесли в жертву наши души и нашу жизнь ради возвышения слов всевышнего Аллаха. Мы запродали себя, страстно желая угодить всевышнему Аллаху.

«Если у вас будет какая-либо хитрость, то применяйте ее, ^{в)} но пусть грядущее положение ваших дел будет ясным для вас. Не выжидайте, ибо «когда мы спустимся на территорию какого-либо племени, утро для выжидающих окажется неприятным» ^{г)}. Если вы раскаетесь, то ваше имущество будет принадлежать вам. «Не притесняйте других и вас не будут притеснять» ^{д)}.

В противном же случае — как только холода скинут свою шубу, и тепло оденет свои одежды, «мы придем к вам с войсками, против которых вам не устоять» ^{е)}. «Мы выгоним вас из ваших селений униженными, и при этом вы будете покорными» ^{ж)}. «Мы заставим вас вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее из мучений; может быть, вы опомнитесь» ^{з)}.

а) А—«Кудалинский»; читай: «Куралинский», то есть «Кюринский».

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

д) Коран.

е) Коран.

ж) Коран.

з) Коран.

Мы — люди смиренные перед правоверными и могущественные в отношении неверных выступили для оказания помощи нашим правоверным братьям, которые раскаялись и поклоняются Аллаху.

Да будет над вами мир вплоть до Судного дня!

А далее:

«О, благородные братья! Терпите, проявляйте настойчивость, постоянно занимайтесь и бойтесь Аллаха! «Авось вы и достигните успеха»^{а)}. «Может быть, Аллах сдержит могущество притесняющих»^{б)}. «Аллах ведь не будет устраивать дела тех, кто портит»^{в)}. Вы поэтому терпите до тех пор, пока мы не придем к вам. Не повинуйтесь приказам тех, кто вносит расстройство. «Не будьте слабыми, не печальтесь: вы ведь самые высшие!»^{г)}.

Да будет мир над тем, кто следует правильному пути, а ложный оставил.

Если мы увидим, что кто-либо не знает: фатиху¹⁷, шахада¹⁸, прочие столпы ислама и условия исполнения молитвы; значение слов — «шахада», «иман» и «ислам»; высказываний и действий, делающих человека неверным (кафир); четыреста девяносто семь тяжелых преступлений,—то такого человека мы подвергаем соответствующему наказанию.

Вот так.

Все!»

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ГАЗИМУХАММАДОМ

[1830 г.]

Газимухаммад увидел, что в вопросе религии люди разошлись на несколько категорий: одни поднялись для установления шариатских решений и проведения их в жизнь; другие встали, чтобы потушить свет шариата и возвысить свои обычаи; третьи колебались между ними. Тогда он собрал войско для обхода сел и городов (балда), чтобы дать указания покорным, выправить искривившихся и сломать шеи преступных вельмож селений.

Газимухаммад вступил сначала в селения Каранай¹⁹ и Эрпели²⁰. Их жителей он подверг дрессировке и дал им надлежащее воспитание²¹. Кадия²² же и вельмож Караная он отправил в гимринскую тюрьму. Потом Газимухаммад пошел в Араканы (Хара-

а) Коран

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

кан) а) ²³. Араканцы повиновались ему и поддались, а их старый б) ученый — известный Саид ²⁴ убежал на Равнину под опеку русских. В доме Саида было тогда разлито содержимое винных кувшинов, имевшихся в Араканах. Потом Газимухаммад перешел к унцукульцам (ансал) ²⁵. С ними он обошелся мягко, расположил их к принятию шариата и подчинению последнему.

Относительно некоторых газимухаммадовых — да будет благословенна его тайная мысль! — чудес люди рассказывают, что он сказал унцукульцам примерно следующее: «Вы желаете возврата к тому, что было прежде — посещать Равнину для продажи там яблок и вина. Но ведь к вам придет затем второй, который обременит вас, а еще вы увидите: что сделает с вами третий» в).

Потом Газимухаммад прибыл в область гумбетовцев (баклулал) ²⁶. Он дал им приказы и установил запреты, а также побил кадия мехельтинцев (милил) ²⁷. *Они подчинились, и тогда он взял их с собой в вилайат андийцев (андал) ²⁸. В селении Гагатль (Гагал) ²⁹ те дали ему сражение. Там пали мучениками за веру мужи из числа мехельтинцев г) и других, но было убито и много андийцев. Последние были там побеждены и возвратились назад покорными, смиренными и послушными д) всему, что было приказано и на что был наложен запрет.

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В ХУНЗАХЕ

[1830 г.]

Так как жители Хунзаха и его глава являлись источником всякой смуты и раздора, убежищем для любого злодея, бунтовщика и изгоя, Газимухаммад выступил против них с войсками, состоящими из многочисленного сброда е). Он отправился против города главы хунзахцев — Бахубике ж) ³⁰.

Рассказывают, что она, во время вторжения в тот город мюридского войска, торчала на плоской крыше, ободряла хунзахцев и поддерживала их.

а) Б—«спасение».

б) Можно иначе: «шейх».

в) А, Б, К—«Он вроде бы подразумевает под вторым Хамзата, а под третьим Шамиля. Мы—если захочет всевышний Аллах—еще пойдем это (От него)»

г) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

д) К—«качающиеся».

е) А—дано пояснение: «смесь, простонародье».

ж) А—пояснение: «дочь Уммахана».

Газимухаммад повел с собой войско хиндалальцев³¹, а своего ученика и особо верного товарища Шамиля³² назначил руководителем войска гумбетовцев. Тот повел их со стороны кладбища; чтобы оттуда запрыгнуть в город. Хунзахцы вели по ним обстрел из ружей, подобный граду, идущему с небес. Шамиль и около тридцати юношей из числа тех, кто был с ним, все же проникли в один дом и закрыли перед собой ворота—забаррикадировались. Много гумбетовцев и других мюридов стало тогда мучениками за веру.

Те же, кто были вместе с Газимухаммадом и наступали с восточной стороны, — отошли в сторону. Говорят, что гумбетовцы даже напали сзади на хиндальцев, когда те отступили.

Гумбетовцы и хунзахцы (хунз) заключили мир и один мехельтинец прокричал об этом прочим хунзахцам. Он же закричал тем, кто находился в доме: «Выходите! Вам вреда не сделают!» Шамиль, однако, терпел^{а)} до заката, опасаясь, что тут какая-то хитрость. Потом они все же вышли.

Шамиль подошел к гумбетовцам. Те же собрались против него толпой, окружили его и начали теснить. Они отчитали Шамиля, говоря: «Эта смута произошла от вашего злополучия», — отняли у него оружие и чалму и чуть было не убили. Шамиль освободился лишь благодаря дервишу³³ Нурмухаммаду Инховскому³⁴, его товарищам (**рафик**)³⁵ и Хадису Мехельтинскому — сыну того побитого кадия. Произошло это в первую ночь рамазана 1245/1830 года, в конце зимы³⁶.

Мунапик³⁷ обрадовался той битве. К ним склонились колеблющиеся, а среди других людей появились вялость* и чувство униженности^{б)}.

Газимухаммад и его товарищи осели за селением Гимры в пустынной местности и выкопали для себя — применяя кладку — подземные комнатки (худжра) и мечеть³⁸.

Вскоре после возвращения Газимухаммада с хунзахской битвы произошло^{в)} сильное землетрясение. Затем среди людей распространилась великая холера, и тогда они как будто очнулись³⁹.

В месяце зу-л-хиджа в ночь курбан-байрама из-за коварства Бахубике на Газимухаммада напали русские. Произошел бой, после которого гимринцы отдали им в качестве залога и символа перемирия двух порочных мужчин из своей среды. Газимухаммад не был, однако, согласен на это⁴⁰. Данное обстоятельство и толкнуло его на сооружение крепости Агач⁴¹.

а) Б, К—«заставил их потерпеть».

б) Б—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—приписка: «об этом еще будет сказано».

ГЛАВА О БИТВЕ ХАМЗАТА В ДЖАР-ТАЛА

[1830 г.]

Осенью того же года, а это был второй год после постройки Джарской (Чар) крепости⁴², Хамзат, спросив разрешение у Газимухаммада, привел с разных сторон великое войско в Голода⁴³. Джарцы и те, кто действуют вместе с ними⁴⁴, были согласны с Хамзатом. Русские же из той крепости выступили против них.

Хамзат и джарцы дали ожесточенное сражение. Было убито множество русских. Горцы обратили их в бегство по направлению к крепости и те, убегая, даже оставили позади себя пушку.

Горцы взяли ее, раздели убитых⁴⁵ из числа русских и затем применили всяческие уловки, чтобы испортить ту пушку, но не получилось.

Когда Хамзат увидел, что горцы не могут выжить неверных из крепости, то захотел получить охранную грамоту для Джарского вилаята. Вместе с Шихшабаном Богнадинским⁴⁶ он пошел в крепость, но там их арестовали и отправили в Тифлис⁴⁷. Там они оба пробыли некоторое время. Затем их освободили в связи с перемирием, но в залог Хамзат отдал двух сыновей [их обоих]⁴⁸.

Хамзат засел после этого у себя дома и изучал науку до тех пор, пока ему не объявили о смерти сына, отданного в залог ради него. В тот же день он направился к Газимухаммаду—да будут благословенными их тайные мысли!

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1831 г.]

На шестом году весной Газимухаммад с примерно 148-ю мужчинами выступил для сооружения крепости Агач; между ней и Казанцем около часа пути.

Затем выступили шамхал и Ахматхан^{а) 49} вместе со всем населением Равнины, но мюриды нанесли им жесточайшее поражение. Подавляющее большинство населения Равнины склонилось тогда на сторону Газимухаммада и подчинилось его приказам.

Второй раз туда пришли уже русские. Они остановились около Арюв-терека⁵⁰. Часть тех мюридов, которые находились в крепости, под предводительством Алисултана Ундукульского⁵¹ выступила против них. Они нанесли русским поражение и убили некоторых из них. При этом мучениками за веру пали лишь двое мюридов, а дервиш Нурмухаммад Инховский был ранен⁵².

а) В. К.—«шамхал-хан и Ахмадхан».

Русские затем пришли в Кафыркумух⁵³. Газимухаммад же со своим войском пошел к Атлыбуюну⁵⁴; между последним и Таркинской крепостью⁵⁵ один час пути.

Русские отряды пошли на мюридов [засевших в Атлыбуюне] с двух сторон, и те сразились с ними также с двух сторон. Горцы перебили многих из них и нанесли им жесточайшее поражение. Толпы русских собрались там вторично, но у них не было уже сил вести сражение из-за страха перед Газимухаммадом⁵⁶.

Затем Газимухаммад бросился на селение Параул (Пари)⁵⁷, где находились сокровища и драгоценности шамхала и остальных вельмож. Он взял все, что было там, и доставил это в крепость Агач⁵⁸.

ГЛАВА О БИТВЕ У ТАРКИНСКОЙ КРЕПОСТИ

[1831 г.]

Затем Газимухаммад выступил против Таркинской (Таргу) крепости. Горцы смело бросились в нее. Говорят, что они проникали в нее через амбразуры для пушек.

Рассказывают: «Один гимринец подошел к Газимухаммаду сообщить радостную весть, что крепость уже взята. Тот, однако, ответил ему, что крепость не возьмут, но такова воля всевышнего Аллаха. «Ты иди» — сказал [имам] — «Я сейчас подойду».

Когда мюриды сражались внутри крепости, в пороховой погреб, вокруг которого находились наши воины, вдруг попал огонь. От этого произошел взрыв и в результате из нашего войска было уничтожено тогда около тысячи двухсот мужей, в том числе около восьмидесяти чиркеевцев.

После той битвы в Тарки пришли русские сражаться против Газимухаммада. Произошел бой. Газимухаммад три раза бросался там в гущу русских, а храбрец Нурмухаммад Зубутлинский⁵⁹ убил тогда саблей солдата, который вознамерился было нанести Газимухаммаду удар штыком^{а)} 60.

Дополнение: примерно через двадцать дней после той битвы родился Джамалуддин — сын Шамиля. Хвала—Аллаху, Господу миров!

а) К-приниска: «От взрыва в Таркинской крепости, произошедшего во время Газимухаммада, погибло около тысячи двухсот воинов; при взятии селения Чох убито около двухсот, а ранено тысяча двадцать пять душ; при взятии Уцуккульской крепости убито около ста двадцати душ, а ранено тысяча пятьсот двадцать душ. Во время этих трех событий, произошедших в их обоих время, понесены наибольшие потери. (От него)».

ГЛАВА ОБ ОСАДЕ ЭНДИРЕЕВСКОЙ КРЕПОСТИ И СРАЖЕНИИ В АКТАШ-АУХЕ

[1831 г.]

Абдулла Ашильтинский⁶¹ с войском салатавцев⁶² осадил город Эндирей⁶³ и его крепость⁶⁴. К ним пошел и Газимухаммад.

Эндиреевцы и русские находились в осаде около полутора месяцев. Затем, однако, Газимухаммад узнал, что со стороны на мюридов наступают русские, и тогда он разрешил войскам возвратиться назад. Большая часть войск, сформированных из черни, возвратилась и поэтому русские, пришедшие со стороны, вступили в сильное сражение лишь с теми, кто остался вместе с Газимухаммадом.

Он собрал затем войско и засел в Чумлы — неприступной местности, расположенной между Эндиреем и Аухом⁶⁵.

Тут пришли отряды русских, вступили в селение Акташ-аух⁶⁶ и начали жечь его. Их, однако, прогнали оттуда, нанеся позорнейшее поражение, два брата [ауховца], которые оба пали затем мучениками за пределами селения. Говорят, что когда мать нашла их обоих, то не заплакала, не выказала печали, а напротив — явно обнаружила ликование и радость по поводу той мученической кончины, которая поразила их. Она даже пожалела, что еще один ее сын не оказался вместе с ними и не стал мучеником, как те двое; он отсутствовал, будучи в поездке*. «Легко переносить утрату, когда источником помощи является Аллах»^{а)}.

Русские начали возвращаться и тут Газимухаммад разжег против них пламя войны. Многих из них он убил, а остальных обратил в бегство, в сторону Эндирея. Он отнял у русских прекрасную пушку и доставил ее в Чиркей⁶⁷.

Жителей Эндирея Газимухаммад перевел затем в некую местность, которую он купил за пятьдесят туманов⁶⁸, взятых из казны (байтулмал), для организации там поселения. Те, кто находился около эндиреевцев, также перебрались туда, а он ушел к себе домой.

Затем русские пришли в Кафыркумух. Газимухаммад же ушел тогда на осаду крепости Дербент. Он держал ее в осаде около пятнадцати дней. Там произошли бои^{б)}, затем к Газимухаммаду пришли: находившийся ранее в Табасаране познавший Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский — да будет благословенна его тайная мысль! — и те, кто были вместе с ним⁶⁹.

Газимухаммад вернулся назад вместе с Мухаммадом-эфенди и поселил его сначала в Эрпели, а затем в Чиркее⁷⁰.

а) Коран.

б) А—«бой».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР

[1831—1832 гг.]

Осенью Газимухаммад собрал войско, так как ему был дан на-мек, что русские идут на Гельбах⁷¹, и со стороны Чечни пошел к Кизляру⁷². Он захватил его, взял оттуда огромные богатства и многих пленил⁷³.

Со слов одного черкеса⁷⁴, который находился в Кизляре во время его захвата Газимухаммадом, рассказали: «Вдруг прилете-ли полчища черных воронов, такие что их множество закрывало солнечный свет. Они облетели вокруг крепости русских, которых отвлекло и привело в замешательство их каркание. Когда же войско Газимухаммада ушло, эти вороны понемногу исчезли».

Когда Газимухаммад пошел на Кизляр, проклятый сардал^{а)}⁷⁵ подошел к Чиркею с многочисленными полками. Чиркеевцы, од-нако, с разрешения шейха Мухаммад-эфенди Ярагского, заклю-чили с ним перемирие и возвратили ему^{б)} ту пушку. Тогда же эфен-ди перебрался в селение Игали⁷⁶, а эндиреевцы и те, кто пересе-лялся [в горы], вместе с ними возвратились в свои первоначаль-ные обиталища⁷⁷.

Затем Газимухаммад собрал войско и двинулся к крепости Бурав⁷⁸. Он приблизился к ней, но там был сброшен с коня силь-ным потоком воздуха, созданным пролетающим по близости яд-ром, выпущенным из пушки неверных. После этого Газимухаммад возвратился назад.

ГЛАВА О ВТОРОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1832 г.]

Против крепости Агач пришли сражаться русские и все жи-тели Равнины. Газимухаммада там тогда не было; в ней находи-лись: Шамиль, Хамзат и Санд Игалинский.

Шамиль выступил на врагов вместе со своими гимринскими товарищами. Когда, однако, дело приняло серьезный оборот эти товарищи разбежались. С ним осталось лишь трое. Они то и раз-били отряд врагов с одного фланга, обстреляв их тыл из ружей, и затем отбежали в крепость.

а) А — «сардар-глава».

б) А — «ним».

Хамзат, Шамиль и часть тех, кто были в крепости вместе с ними, дали сильное сражение. Они убили много неверных, которые уже окружили крепость со всех сторон, но никак не могли заскочить внутрь.

Сражение продолжалось, а когда наступила ночь, враги отошли немного* от нее^{а)} назад, и те, кто находился внутри, начали раздвигать тех, кого они убили. Затем они вышли наружу и покинули крепость⁷⁹.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ГАЗИМУХАММАДОМ И ПОХОДЕ В ЧЕЧНЮ

[1832 г.]

Когда чиркеевцы и другие соседи Газимухаммада перешли к неверным⁸⁰, он собрал войско и двинулся весной к чеченцам, для исправления их и открытия военных действий [против царских войск] с чеченской стороны. В этот поход выступил вместе с ним познавший всевышнего Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский.

Газимухаммад вступил на землю чеченцев и сжег некоторые их селения. В Гудермесе (Гуйдурмас)⁸¹ на мюридов напало пятьсот русских кавалеристов, но горцы их перебили и лишь трое из них спаслись. Все убитые были раздеты, горцы взяли также две пушки и кое-что другое бывшее у кавалеристов. На следующий день подошли многочисленные отряды русских. Произошло сражение, после которого* воины Газимухаммада^{б)} повернули назад: те две пушки, однако, они все же доставили в селение Беной (Баян)⁸².

Газимухаммад возвратился^{в)} из Чечни, говоря: «Эти отряды еще придут на меня, и я погибну мучеником за веру перед воротами моего двора». Затем он начал подготавливать к боям одно труднодоступное место, расположенное в теснине ирганайского (рикун)⁸³ ущелья,—копать ров, возводить строения. Этим он занимался до начала осени.

Со слов одной гимринской женщины — дочери дяди Газимухаммада по линии матери и одновременно дочери тетки Шамиля по линии отца, рассказывают: «Она в числе других женщин посетилла Газимухаммада в Ирганеае, и он в ходе беседы сказал им:

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

б) К—«наши воины».

в) А—«Отступление, повествующее о некоторых похвальных поступках Газимухаммада и чудесах, сотворенных им.

Газимухаммад возвратился...»

«Вскоре я разлучусь с вами». Женщины заплакали и сказали: «Кто же будет у нас после тебя?» Он ответил: «Шамиль окажет вам милость», тогда женщины сказали примерно следующее: «Он не будет для нас таким, как ты», а Газимухаммад сказал: «Шамиль будет жить долго. Я видел во сне «Будто по реке плыло два бревна, одно из которых принадлежало мне, а другое Шамилю. Мое бревно река унесла затем вниз, а бревно Шамиля оказалось выброшено на берег, причем это был можжевельник, а ведь сказано, что польза от можжевельника сохраняется навечно».

Рассказывают, что однажды — тогда, когда Шамиль возвратился от того, кто стоял перед воротами Газимухаммада, Газимухаммад сказал, глядя Шамилю в спину, примерно следующее: «Каковым же он стал бы, если бы узнал, что с ним еще будет?»^{а)}

Рассказ. Вместе с Газимухаммадом одно время находился ученый мухаджир⁸⁴ с Равнины по имени Хасанхусен, которого он в своих делах выставлял вперед, а Мухаммад-эфенди Ярагский — любил и радовал им свои глаза. [Он был с Газимухаммадом и Мухаммадом-эфенди в Чеченском походе], а когда они возвращались из Чечни, Хасанхусена оставили там. Через небольшой промежуток времени из Чечни пришел человек и сообщил: «Хасанхусен возвратился к русским, а затем выступил против нас вместе с их оказией⁸⁵, и тогда мы убили его». Газимухаммад произнес фразу: «Мы принадлежим Аллаху и возвратимся к Нему»^{б)}, — затем заплакал и сказал Шамилю: «Если я отклонюсь в сторону от этой нашей деятельности, то вы сразу же убейте меня, дабы не получилось так, что слова всевышнего Аллаха: «Мы даруем им долгую жизнь, чтобы они совершали побольше грехов»^{в)} — касаются и меня». Это выскочило у Газимухаммада из страха за плохой конец, подобный тому, какой был у Хасанхусена. Да вознаградит нас всевышний Аллах хорошим концом!^{г)}

Один^{д)} доверенный человек рассказал мне со слов кравчего Абумуслим-шамхала⁸⁶ примерно следующее: «Шамхалу было доставлено^{е)} послание от человека, пребывающего по соседству с могилой пророка Мухаммеда и наблюдающего за ней, в котором говорилось: «Раньше я видел во сне пророка—да благославит его всевышний Аллах и приветствует! — в одиночестве, а сейчас я вижу вместе с ним еще какого-то человека. Я во сне же спросил про-

а) В «Шамиль отвернулся от Газимухаммада к тому, кто стоял перед его дверьми».

б) Коран.

в) Коран.

г) В. К.—данная глава в отмеченном месте кончается.

д) Б.—«Отрывок о некоторых достоинствах Газимухаммада.

Один...»

е) Б.—«Шамхалу он (кравчий) доставил».

рока про этого человека и он ответил: «Это Газимухаммад». В послании шамхалу находилось разъяснение драгоценной внешности того человека и его особенностей. После того человек, находящийся по соседству с могилой пророка, написал: «Прошу тебя ради великого Аллаха—о, Абумуслим! — написать мне: имел ли Газимухаммад ту драгоценную внешность и те особенности?» Абумуслим позвал тогда известного ученого хромого Хаджиява⁸⁷ Оротинского (Урути)⁸⁸, дал ему послание и спросил: «Был ли Газимухаммад таким, как указано в этом послании?» Ученый Хаджияв ответил: «Клянусь Аллахом! Я общался с Газимухаммадом в течение двенадцати лет, во время учебы. Он был именно таким, как описан. Я не смог бы описать внешность Газимухаммада так, как тот человек написал в своем послании, хотя и общался с ним столько лет».

Тот доверенный человек рассказал мне также, что тот ученый Хаджияв Оротинский неоднократно говорил: «Если бы я и Газимухаммад жили до времени появления нашего пророка Мухаммеда,—да благославит его Аллах и приветствует!—то я бы сказал, что Газимухаммад—пророк»⁸⁹.

Тот доверенный человек рассказал мне также, что в детстве он был учеником в одном селении. Там проживал дряхлый старик, который [в молодости] многократно сопровождал Мухаммада-эфенди Ярагского и Газимухаммада. Он сообщал нам, что Мухаммад-эфенди неоднократно говорил: «Мы^{а)} с вами говорим, что Газимухаммад гадает на Коране в отношении того, что он задумал, но он еще смотрит в ал-Кашф и ему открывается все, кроме тайны трона Аллаха»^{б)}.

Доверенный^{в)} человек сообщил мне со слов другого доверенного человека—гимринца, что после возвращения с Хунзахской битвы гимринцы^{г)} после полуденной молитвы говорили в своей мечети в присутствии Газимухаммада: «Это он поднял великую смуту и ухудшил жизнь людей». Они даже как будто бранили его. Газимухаммад же в сильном гневе от сказанного ими закричал^{д)}: «Аллах»^{е)}!» И мечеть закачалась. Те люди испугались и сказали: «Да-

а) Б—«Я».

б) Коран.

в) Б—«Другое чудо, произошедшее с Газимухаммадом
Доверенный...»

г) Б—«люди».

д) А, Б—приписка: «Существует следующий рассказ: «Газимухаммад сказал «А мне все равно: как перевернется этот мир — так или эдак» и повернул свою руку сначала направо, а затем—налево, и тут мечеть сдвинулась, как и его рука—направо и налево. Те люди испугались...».

е) Б—«Аллах, Аллах!»

вайте покаемся», а Газимухаммад быстро встал и сказал: «Я уже раньше покался» и пошел к себе домой. А это было то самое сильное землетрясение, которое поразило тогда Дагестан^{а) 90}.

Ученый Муртузали Цулдинский-Карахский⁹¹ сообщил мне: «Я сам, Газимухаммад и еще кое-какие мужчины находились в Ашильта в одном доме. Газимухаммад лежал под буркой и вдруг произнес высоким голосом фразу: **Ля хавля ва ля куввата илля биллахи**⁹². Его спросили: «Что ты увидел?» Он ответил: «Ничего не увидел». Ему задали вопрос вторично и тогда он сказал: «Русские как будто уже приблизились к нам»,—и тут послышался голос всадника. Он подошел к Газимухаммаду и сказал: «Такой-то наиб послал меня к тебе сообщить, что русские подходят с такого-то места». Газимухаммад сказал ему: «Скажи наibu, чтобы не боялся. Они идут ко мне, а не к нему». Тот подготовился тогда выйти от него и затем вышел».

Сильная богобоязненность Газимухаммада видна, к примеру, из того, что его рубашка была изорванная и люди ему говорили: «Не скронть ли нам для тебя рубашку из этой ткани?»—в том доме было много ткани. Газимухаммад, однако, ответил: «Это имущество не является моим. Оно предназначено на благо всех (маслахат) и для бедных».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ⁶⁾, В КОТОРОМ ПАЛ МУЧЕНИКОМ ГАЗИМУХАММАД И БЫЛ РАНЕН ШАМИЛЬ

[1832 г.]

Пришли русские, а подготовка *того места^{в)} к бою закончена еще не была. Вместе с русскими были тогда: османцы (усманлу)⁹³, каджары⁹⁴, Джамав Кайтагский⁹⁵, Джамал Чиркеевский⁹⁶ и Саид Араканский.

Газимухаммад пошел к Гимринскому ущелью и закрыл его в узком месте. Позади ограждения он построил дома. В ночь, предшествующую дню битвы, которая соответствует ночи понедельника — третьему числу месяца джумада ал-ухра тысяча двести сорок восьмого (1832) года, Шамиль увидел во сне: «Он будто бы находится в доме, его ружье и пистолет испортились. Враги же взошли на плоскую крышу дома, продырявили ее и суют в направлении мюридов^{г)} ружья, а он, Шамиль, изнутри отталкивает их и этим спасся».

а) Б—здесь текст данной главы кончается.

б) В—«битва».

в)—В. К—отмеченная фраза отсутствует.

г) Б—«внутрь».

В понедельник русские остановились перед мюридами. Бой длился с раннего утра до вечера, когда наше войско^{а)} убежало. Газимухаммад и Шамиль вошли в дом, стоящий позади заграждения. Вместе с ними было тогда около тринадцати мужей.

Газимухаммад сказал Шамилю: «Зачем ты здесь остался?» Он как будто не хотел присутствия Шамиля там, ибо в том доме находилось большое количество пороха. Враги собрались толпой вокруг этого дома. Некоторые из них взобрались на крышу, продырявили ее и обстреляли тех горцев, которые находились в доме. Врагов, однако, также обстреляли.

Тут испортилось ружье Шамиля. Русские же, которые находились на крыше, тыкали в мюридов штыками через дыры. Они наносили горцам колющие удары и поражали их штыками, как то и видел во сне Шамиль.

Газимухаммад приказал мюридам прыгать на солдат через двери дома, где те столпились. Никто, однако, не пошел на это. Тогда Газимухаммад многократно попросил у Аллаха прощения (астагфиру Аллах), многократно воскликнул: **Ля илаха илля ллах**^{б)}, а затем обнажил свою саблю и выпрыгнул наружу. Вместе с ним выпрыгнул Мухаммадсултан — сын его тетки по линии матери.

Шамиль дал приказ, чтобы мюриды прыгали вместе с Газимухаммадом, ибо сам он находился тогда далеко от дверей, а дом был тесный. Никто, однако, не выпрыгнул. Тогда Шамиль сказал: «Посмотрите: пал ли Газимухаммад?» Ответили: «Он пал поблизости». Тогда Шамиль сказал: «Пришел день смерти, но мы не будем оплакивать Газимухаммада». В тот момент у Шамиля не было в голосе ни тревоги, ни печали. Он говорил горцам: «Гурии посещают мучеников за веру прежде чем души покидают их. Возможно, что они уже находятся в небе и ожидают нас».

Шамиль опасался, что через дыры в крыше солдаты кинут на мюридов огонь, и порох взорвется. Поэтому он и приказал им выпрыгивать, но они не выпрыгнули. Тогда Шамиль обнажил саблю, отшвырнул ножны с поясом, засучил рукава, заправил полы [черкески] и *выпрыгнул через дверь^{в)}. При этом от столкновения с верхом двери упали его шапка и чалма.

Шамиль ударил саблей того солдата^{в)}, который стоял у двери, и тот упал лицом вниз, распустив свою бороду. Шамиль тут же ударил другого, и тот тоже упал. В это время один [солдат] нанес Шамилю удар штыком в грудь и вогнал его внутрь, *а тот взял

а) А—«войско Газимухаммада».

б) Б—«Выпрыгнул тот, кто находился у дверей».

в) Слово «солдат» имеется лишь в тексте списка В.

одной рукой штык, который находился у него внутри, ударил (солдата) саблей и свалил; ружье упало из его рук^{а)}.

Когда (солдаты) увидели Шамиля таким, то начали разбегаться перед ним. Те же, кто находился позади Шамиля, лезли на него, но из-за своей скученности не могли стрелять в него из ружей. Один из врагов все-таки выстрелил, но не попал. Шамиль же кинулся на него с саблей и нанес ему множество ударов, но тот защищался своей буркой.

Рассказали: «Тот мужчина — Хану Мухул. Он возвратился из Гимр с большими ранами, но: умер он от них или нет?—знает только всевышний Аллах».

Один солдат швырнул в Шамиля камень и попал ему в правую лопатку, от чего сломалась ключица. Боль была столь сильной, что Шамиль застонал, но все же не упал.

Кто-то сказал: «Это, вероятно, результат того, что Шамиль натренировал свое тело и откормил его для походов, что он делал с того времени, как они^{б)} возвратились из Чечни».

Шамиль кидается то туда, то сюда, не имея и в мыслях спастись от врагов и вдруг он услышал голос человека, бегущего позади со словами: «Аллах, Аллах!» Оказалось, что это муэдзин мюридов, тот, который был вместе с ними в том^{в)} доме. В голову Шамиля пришло: «Спасение!», а муэдзин побежал за ним^{г)}.

Когда они оба оторвались от скопления солдат, те выстрелили им в спину многими пулями, но ни одна из них не попала в бегущих. После того враги больше не рвались за двумя беглецами, хотя находились как впереди, так и позади их обоих, двигаясь в Гимры.

Шамиль, неся саблю, ослабел и передал ее муэдзину. Когда же они немного оторвались от врагов, Шамиль упал позади одной скалы и приготовился к смерти, а муэдзин спрятался поблизости от него. Шамиль приказал муэдзину уходить, но он отказался.

Находясь в таком положении, Шамиль вдруг увидел, что солнце еще не закатилось за вершины гор и вспомнил, что он не совершил вечерний намаз^{д)}. Сделав два ракаата^{е)}, Шамиль вырвал кровью, потом еще и еще, но от этого ему стало легче.

а) В—отмеченная фраза отсутствует.

б) А—«он»

в) Б—отмеченное слово пропущено.

г) В нескольких списках, кроме списка В, далее следует фраза: «Он многократно указывал ей»; К—«Он многократно указывал ими обоими».

Беглецы вдвоем тихо просидели до тех пор, пока не исчез свет от солнца и луны. Затем Шамиль и муэдзин поднялись на вершину горы и там при сильном холоде заночевали. А ведь у него на голове ничего не было, ворот был заполнен кровью, а остальная одежда — намочена ею. Из дырки в груди у Шамиля раз за разом выходил поток горячего воздуха, который расходился у него за пазухой. Этим Шамиль и согревался. Он сказал как-то: «Той ночью рана оказалась для меня полезнее ста туманов»^{а)}.

Когда наступило утро, Шамиль на лошади своего родственника двинулся в местность, где находились семья мюридов.

Русские простояли в Гимрах целую неделю¹⁰⁰. Им нужен был труп мученика за веру Газимухаммада. Русским показали его те гимринские мунапики, которые были вместе с ними. Известный ученый Саид Араканский приказал им не позволять погребение^{б)} трупа на гимринской земле, приводя в качестве аргумента следующее: «Если Газимухаммад будет погребен в Гимрах, то мюриды станут посещать его могилу, собираться вместе и устраивать смуты и беспорядок».

Сказанное Саидом Араканским получило понимание среди русских, они перенесли труд Газимухаммада в Тарки, высушили его и в течение долгого времени сохраняли там, установив рядом караул. Затем, правда, они захоронили его¹⁰¹. В эпоху же могущества Шамиля, когда власть его достигла Тарков, он отправил людей вырыть останки Газимухаммада из могилы. Они, исполнив это, перенесли труп в Гимры и захоронили там. Над его могилой Шамиль построил затем благословенный мавзолей и таким образом поместил нас под сень благодати Газимухаммада!

Рассказывают со слов Хусайна — сына Ибрахима Гимринского: «В Дербенте Хусайн видел запись о том, что из-за Газимухаммада у русских погибло восемь тысяч человек. Вот так. Воевал же Газимухаммад всего три года. Хвала — Аллаху, Господу миров».

Шамиль со своей семьей перебрался затем в селение Унцукуль. Более двадцати ночей он не мог лежать. Потом пришел лекарь и прилепил к телу Шамиля куски восковой ткани, после чего он проспал с раннего утра до следующего раннего утра. Затем Ша-

а) К—приписка: «Шамиль втыкал в свою рану в закрученном виде обрывок одежды и затем многократно вытаскивал его из раны из-за обилия крови. От выхода [крови] Шамилю становилось легче. Когда же из-за раны Шамиль ощутил тепло той холодной ночью, он сказал: «Эта рана оказалась для меня полезнее... и т. д.» (От него)».

б) Б—«не оставлять».

миль проснулся и спросил: «Совершил ли я полуденный намаз?» Ему ответили: «Нет. Да ты, кстати, пропустил несколько намазов». Он сказал тогда: «Как так?», а ему ответили: «Лекарь заставил тебя спать со вчерашнего раннего утра и до этого времени».

Полностью Шамиль поправился лишь к концу месяца шабан¹⁰². Затем он встал и первым делом посетил старого устаза Мухаммада Ярагского, находившегося в Балаханах¹⁰³.

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ И ГИМРИНЦЕВ ПОСЛЕ ТОГО

[1833 г.]

В начале месяца рамадан Шамиль ушел в селение Гимры. Когда он шел в молельню для совершения омовения, наткнулся на женщин, сидящих на улице, которые обрабатывали шерсть. Шамиль прошел мимо них, говоря: «Они, оказывается, считают, что шарият умер со смертью Газимухаммада». Тогда Шамиль подумал, что женщины уйдут до того, как он возвратится. Когда же он возвратился, то нашел женщин в таком же положении, а около них еще и дряхлый старик без штанов с толстой палкой в руках. Шамиль отнял ее у старика и резко сказал ему: «Тебе разве приказано с женщинами сидеть?» Старик тут упал и тогда показались его половые органы.

Шамиль ударил женщин, и они убежали, кроме одной. Она отказалась и была побита. Когда же она увидела, что Шамиль не оставит ее в покое, то убежала, крича: «Меня убивают».

Шамиль пошел к себе домой, а сын этой женщины побежал тем временем к гимринскому кадию с жалобой на его действия. Их кадием был тогда Хасаниль Мухаммад Хариколинский (Хариккули)¹⁰⁴, тот самый, чью ногу поцеловал однажды Газимухаммад, сказав: «Шарият—суть религии нашего Господа и касается он не только меня. Будь помощником делу шарията, устанавливай его. Да не заташат тебя невежественные бунтовщики в свою пропасть». Хасаниль Мухаммад, однако, не поднялся для того дела и не вразумился.

Очень быстро к Шамилю пришел рассыльный кадия с сообщением, что Хасаниль Мухаммад зовет его, чтобы наказать за то, что он, Шамиль, без его, кадия, разрешения выразил порицание неподобающему поступку, а это не позволено. Шамиль ответил: «Слушаюсь и повинуюсь» и пошел.

Палач нанес ему более двадцати ударов плетью. Во время битья Шамиль почувствовал, как что-то вышло из раны, бывшей в

его груди. Он потрогал рукой и оказалось, что это пошла кровь. Шамиль показал кровь палачу, говоря: «Ты разорвал мою заживавшую рану. Поэтому на тебя падает ответственность». Палач испугался и сказал: «Мы подумали, что твоя рана уже зарубцевалась, а то бы мы не били тебя».

Эта была пятница. Шамиль явился в мечеть на пятничный намаз и попросил у кадия разрешения выступить с речью. В ходе ее он доказал допустимость для отдельных лиц устранять неподобающее и без разрешения со стороны представителя власти. Он сказал примерно следующее: «То, что мы делаем—установление религии всевышнего Аллаха, которая ни в коем случае не умрет со смертью своих авторитетов. Ведь уже давно умерли люди лучшие, чем Газимухаммад—наш пророк Мухаммед, да благославит его Аллах и приветствует, а также праведные халифы [но религия то сохранилась]. Аллах помогает тому, кто помог его религии. Я — клянусь Аллахом! — не оставлю этого дела до тех пор пока не умру. Кто хочет получить на том свете награду от Аллаха, пусть оказывает помощь делу шарията, а если же кто хочет войны [с нами], пусть готовится к ней». Шамиль, в результате, привлек к себе мюридов, энергичность их повысилась и получилось так, что огонь усердия со стороны мунапиков потух.

Затем Шамиль возвратился к своей семье, то есть в Унцукуль и постился там в течение месяца рамадан. В ночь же праздника разговения он возвратился к себе домой.

Еще до пения петухов Шамиль пошел в молельню, чтобы умыться, а оказалось, что она заполнена мунапиками. Они разожгли в молельне огонь, били в барабан, плясали и ругали мюридов даже по матери. Мунапики говорили: «Завтра все увидят, как будут унижены мюриды, обнаружив тут вино и музыкальные инструменты». Шамиль сначала думал вернуться, но затем сказал про себя: «Если я уйду отсюда, то, значит, у меня нет веры», и он бросился на них с обнаженным кинжалом, так, чтобы они увидели его, говоря примерно следующее: «Клянусь Аллахом (все) будут знать тех, кто унижает других^{а)} и кого унижают^{а)}». Мунапики страшно испугались Шамиля и разбежались—одна часть их упала в воду, а другая свалилась в дверях от толчеи. Барабан же их остался на месте, и Шамиль продырявил его кинжалом, а затем сломал камнем и бросил им вслед, говоря: «Возьмите эту шкуру вашего осла».

Рядом с усадьбой Шамиля проживал один из гимринских мунапиков, бывший ставленником русских, которые назначили его правителем над Гимрами, поселив в усадьбе, купленной мучеником

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

за веру Газимухаммадом для шейха Мухаммада-эфенди. И вот, утром те мунапики побежали к этому мерзавцу^{а)}. Они собрались около него с требованием наложить на Шамиля штраф за тот барабан, который был изготовлен по просьбе кадия, с уплатой девяти очередных поступлений (навба)¹⁰⁵ в пользу села, для того, чтобы барабанить на заре.

К Шамилю пришли старики селения, утверждая: «Ты разжигаешь смуты, а ведь [религиозные] деятели, подобные тебе, обязаны гасить их и делать то, в чем заключается общее благо». Шамиль обратился к ним с плоской крыши, возвыся голос, чтобы слышали те, кто собрался* около того мерзавца^{б)}. Он сказал: «Я нашел их говорящими так-то и так-то. Пускай они продолжают поступать так, как поступают. Я же — клянусь всевышним Аллахом! — не перестану устранять неподобающее и воевать против этого, даже если рядом со мной не будет никого. Всевышний Аллах вознаградит меня. Кто хочет пусть становится правоверным, а кто хочет — неверным». Шамиль говорил грубо, отчитал, и тогда толпа, бывшая вокруг того мерзавца,^{в)} покорно рассеялась. Затем Шамиль произнес речь в мечети во время сбора гимринцев на праздничную молитву. Он сказал примерно следующее: «Если вы думаете, что со смертью Газимухаммада шариат ослабел, то ошибаетесь. Я—клянусь Аллахом!—не дам ему уменьшиться даже на палец. Напротив,—при помощи всевышнего Аллаха—я увеличу его на целый локоть. Вы же знаете, что я более ученый, чем Газимухаммад, более сильный и родовитый.¹⁰⁶ Пусть -ка выйдет тот, кто враждебен шариату, и тогда «Могущественный непременно выгонит оттуда презреннейшего»^{г)}. Тут поднялись головы у мюридов, они встали для помощи шариату, а спины их противников согнулись.

Из-за того, что произошло тогда между гимринцами, тот главарь^{д)} убежал к русским. Затем в месяце зу-л-када того же (1248/1833) года у Шамиля родился сын Газимухаммад. Хвала—Аллаху, Господу миров.

а) А—«человек».

б) А—«человек»; В—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—«человека».

г) Коран.

д) Б, В—«мерзкий главарь».

ГЛАВА О НАЗНАЧЕНИИ ХАМЗАТА ХАЛИФОМ И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО БИТВАХ

[1833 г.]

Когда Газимухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Хамзата. Он со своими товарищами вначале обошел селения и города—давая наставления, проповедуя, отдавая приказы и устанавливая запреты. Когда, однако, он увидел, что это большой пользы не дает, пошел в селение Ирганай, убил тамошних мунапиков и сам осел там. С разных сторон к Хамзату группами пришли люди, и затем он вместе с Шамилем двинулся к унцукульцам.

Хамзат остановился вдали от Унцукуля. Шамиль же со своими примерно двенадцатью товарищами заскочил в молельню унцукульцев, расположенную около селения.

Унцукульцы позвали Шамиля в селение, утверждая, что они сделают то, что им прикажут. Понятливый Кебед-хаджияв¹⁰⁷ с крыши молельни передал ему, однако, сообщение, что в этом с их стороны кроется хитрость. Поэтому Шамиль не дал на то ответа до тех пор, пока унцукульцы не передали Хамзату залог, который он потребовал. Унцукульцы в конце-концов подчинились, но лишь после того как мюриды чуть было не вступили с ним в бой. С них был взят залог стоимостью в шестьдесят туманов.

Этот Хамзат-второй, о ком говорил им мученик за веру Газимухаммад—«пойдет на них второй и отяготит их».

После возвращения мюридов в свои обиталища к Шамилю прибыл посланник от Хамзата и сказал, чтобы он вместе с муртазиками¹⁰⁸ той стороны выступил против селения мушулинцев (мушул)¹⁰⁹ и размягчил тамошних бунтовщиков. Дело в том, что они не подчинялись приказам Саида Игалинского, который являлся наибо́м той стороны.

Когда Шамиль со своими товарищами прибыл на годекан (нади) селения Орота, раздался крик: «Хунзахцы¹¹⁰ вступают в селение Арадерих (Харадирик)¹¹¹!» Муртазики устремились на них вместе с оротинскими юношами, а хунзахцы тем временем швыряли в них сверху камни. Когда оба отряда сошлись врукопашную, хунзахцы были обращены в бегство. Победители двинулись вслед за хунзахцами, раздевая многих из них и убивая¹¹². Затем они вернулись назад, и тут прибыл Хамзат, после чего мюриды обошли области хиндалальцев и, наконец, осадили Шабан-дибира Унцукульского и тех мужей, которые были вместе с ним. Последние, однако, быстро согласились с властью Хамзата и тогда Ша-

Бан-дибир^{а)} пришел, дрожа от страха, но [имам] простил его. Вельмож же селения Гергебиль (Каркал)¹¹⁸ Хамзат отправил тогда в гогатлинскую тюрьму под арест.

Когда мюриды подошли к ущелью кородинцев¹¹⁴, те закрыли его узкую часть и сказали: «Мы сделаем то, что нам приказывают. Но мы не хотим, чтобы вы входили в наше селение». И Хамзат не разрешил мюридам идти против них.

Потом мюриды пошли к селению гоготлинцев (гагал)¹¹⁵ со стороны Голотля (хакал)¹¹⁶ и сразились: с ними и куядинцами (кувал)¹¹⁷. В Гоготле мюриды заночевали, а затем двинулись к телетлинцам¹¹⁸. Телетлинский старшина (кабир) Чупан¹¹⁹ вместе с остальными старшинами был отправлен в гимринскую тюрьму, под арест.

К Хамзату пришли затем карахцы (каралал) вместе со своими вассалами (таби)—куллабцо-бацадинцами (кула-биц)^{б)}¹²⁰, а также келебцы (кил)¹²¹.

ГЛАВА О БИТВЕ ПРИ РУГУДЖА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ПЕРЕПУГАЛИСЬ МУНАПИКИ ТОЙ СТОРОНЫ И УВЕЛИЧИЛАСЬ СИЛА МЮРИДОВ

Когда Хамзат остановился в Гоготле с полками мюридов, на вершине ругуджинской¹²² горы собрались толпы андалальцев (андадал)¹²³. Они закрыли имеющиеся там проходы с целью сражаться и защищаться. Хамзат двинулся против андалальцев и нанес им сильнейшее поражение. При этом было убито много ругуджинцев и других.

Хамзат остановился затем в селении ругуджинцев, главарь которых—Султанав¹²⁴ Ругуджинский сидел в своем замке (хиси) и не выходил оттуда в страхе за свою голову. Шамиль, однако, хитростью обеспечил его выход наружу. Затем он напал на Султанаву,* арестовал его^{в)}, наложил на него оковы и отправил в гимринскую тюрьму.

Мюриды взяли то, что было в доме Султанавы, а также взяли заложников от ругуджинцев, согратлинцев (сугур)¹²⁵ и других. После этого Хамзат пошел в область гидатлинцев (хид)¹²⁶, взял у них заложников, отправил Шамиля в Карах для взятия там заложников, а сам пошел в область багвалальцев (бакулал)¹²⁷.

а) Б—«Шаман-диир»; В—«Шабан-диир».

б) А—«куллабцы (куласел), бацадинцы (биц)...»

в) Б—отмеченная фраза отсутствует.

ГЛАВА ОБ УБИЙСТВЕ ХУНЗАХСКИХ ГЛАВАРЕЙ И ЧТО ТОГДА ПРОИЗОШЛО

[1834 г.]

Когда Шамиль, при своем возвращении, прибыл в область гидатлинцев, он встретил посланника Хамзата, сказавшего, чтобы Шамиль шел в область хиндалальцев, взял последних и поднялся с ними в такой-то день на землю хунзахцев. Там Шамиль и Хамзат со [своими] многочисленными толпами черни¹²⁸ встретились и просидели около пятнадцати дней, требуя от хунзахцев придерживаться шариата и проводить его в жизнь.

От голода и скуки воины [имама] готовы были уже возвращаться назад, но Шамиль давил на них, говоря: «У нас есть и терпеливые, те, кто удовлетворятся только искоренением хунзахцев. Но когда мы возвратимся назад^{а)}, мы перебьем вас до последнего». Тут воины успокаивались.

Дело пошло к примирению на условии отдачи в залог Булача¹²⁹—сына Бахубике^{б)} в качестве гарантии введения шариата в ее вилайете. Булач был отправлен тогда в Харачи¹³⁰, а два других сына Бахубике—Нуцалхан и Уммахан¹³¹, их приближенные из числа ученых и старшин, и около двухсот слуг прибыли позвать руку Хамзату. Хунзахцы остановились там же, где Хамзат и смешались с воннами [имама].

Познавший всевышнего Аллаха Шамиль поклялся составителю этой книги, то есть Мухаммадтахиру, что у мюридов не было стремления убивать кого-либо из хунзахцев, за исключением двух злобных убийц—Буги Цудахарского¹³² и Маллачи Танусинского¹³³. Но тут вдруг от имени Бахубике к Шамилю подошел Ахберди¹³⁴ и говорит: «Хамзат исполняет то, что ты говоришь. Ты поверни его от нас на земли Равнины, а сам возвращайся^{в)} назад. За выполнение этого тебе будет дано двести туманов наличными».

Шамиль, однако, по секрету сообщил об этом Хамзату и сказал: «Ты понял, что нужно^{г)} Бахубике и что за этим последует?» Хамзат воскликнул: «Так значит истончение и смягчение характера хунзахцев еще не закончилось!» и приказал испытать прибывших через требование выдать, находившегося у них в Хунзахе убийцу—мехельтинца, чтобы затем: либо подвергнуть его кровной мести, либо простить. Хунзахцы, однако, под разными поводами

а) А—приписка: «то есть из этого похода».

б) А—приписка: «дочь старого Уммахана, похороненного в Голода».

в) В большинстве списков «возвращайся от Хамзата назад»; А—«возвращайся от нас».

г) А—«речь».

отговаривались от этого. Хамзат приказал тогда хунзахцам вернуть кобылу хиндалальца, находившуюся в руках у одного из их слуг. Они отговорились и от этого. Тут Хамзат приказал хунзахцам разрушить все замки, имевшиеся в их городе, а также, чтобы Нуцалхан, Уммахан и еще такой-то и такой-то остались при нем, Хамзате, пока не будет закончено разрушение замков. Хунзахцы с этим не согласились и вознамерились было возвратиться, но товарищи Хамзата запретили им это, и тогда ученый Мирзал Хаджияв¹³⁵ схватился за оружие. Он закричал: «Эй, юноши хунзахцев! Приложите-ка ваши силы и возможности, чтобы перебить этих людей!» Они сразились^{а)}, и тогда со стороны хунзахцев были убиты: Нуцалхан, Уммахан, Нурмухаммад-кади¹³⁶, Мирзал Хаджияв и еще такой-то и такой-то. Из именитых старшин и главарей хунзахцев, таким образом, не осталось в живых никого.

С нашей же стороны^{б)} пали мучениками за веру: Мурадбек—брат Хамзата, Чупан—сын дяди Хамзата по линии отца, Дибира-сул Мухаммад¹³⁷ Ирганайский, Мухаммадали Гимринский и еще такой-то и такой-то.

Эта битва произошла в то время, когда Хамзат вышел из своей палатки и удалился для совершения омовения. Его подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством ружейных пуль, которые хунзахцы в изобилии выпустили по палатке, думая, что Хамзат находится в ней^{в)}¹³⁸.

Утром следующего дня Шамиль дал Хамзату, будучи наедине, совет. Он сказал: «Отныне самое лучшее для тебя—сидеть у себя дома в Гоцатле со смирением и покорно молить Аллаха о прощении. Я же буду проводить в жизнь твое дело и работать над ним в нашей стороне. Точно так же Саид Игалинский будет делать это в своей стороне, Газияв Каратинский¹³⁹—в своей стороне, а Кебед-мухаммад Телетлинский и Абдурахман Карахский—в своих сторонах». Хамзату это мнение понравилось, он согласился с Шамилем.

Затем Хамзат приказал Шамилю отправиться с десятком, но не больше, своих товарищей в усадьбу Бахубике, находящуюся в городе, и посмотреть: какое имущество там есть; сама же Бахубике находилась тогда в селении Геничутль (Киничук)¹⁴⁰, лежащем примерно в часе пути от города. Шамиль вошел туда, но не нашел там ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Тогда он пригрозил хунзахцам и строго сказал им: «Если вы не вернете то, что было тут, мы возьмем это из ваших усадеб и, причем, вместе с

а) А—«то есть Хамзат и хунзахцы».

б) А—приписка: «Из людей имама Хамзата».

в) В, К—отмеченный абзац пропущен.

вашими пожитками», и хунзахцы принесли: один-то, другой—это Собралось множество вещей. Шамиль погрузил их на семь или восемь телег, которые направил по гоцатлинской дороге.

Тем временем к Хамзату собрались ученые. Они побеседовали между собой и сочли наилучшим для него поселиться в Хунзахе, в княжеском дворце (дар ал-имара)^{а)}. Хамзат согласился с ними в этом вопросе. Когда же вернулся Шамиль, то нашел их уже полностью согласными с таким мнением. Поэтому мюриды вернули телеги с дороги обратно.

Затем мюриды остановились в городе Хунзахе. Бахубике была приведена и убита в своей усадьбе, затем привели Сурхая¹⁴¹. Его также убили.

РАССКАЗ: Товарищи Шамиля более трех месяцев находились вдали от своих домов. Штаны их пришли в негодность, на что они пожаловались Шамилю. Шамиль попросил тогда Хамзата дать им чего-нибудь для обновления штанов или починки, но Хамзат не согласился на это.

Шамиль вернулся назад. На обратном пути он при этом сказал своим товарищам: «Самое лучшее для нас—было бы оставить Хамзата на год, пока хунзахцы не забудут все то, что мы сделали с ними. Мы ведь проявили грубость по отношению к ним и разгневали их».

Затем, * уже после убийства Хамзата^{б)}, Шамиль получил весточку от Саида Игалинского: «Для общего блага Булача надо лишить жизни»; он находился тогда в селении Балаханы. Шамиль послал двух человек, которые и бросили Булача в Койсу (Большая река). «Так был истреблен последний человек из племени угнетателей. Хвала—Аллаху, Владыке миров»^{в)}. «Они хитрили и Аллах хитрил, но Аллах—лучший из хитрецов»^{г)}.

Алумкач Таркинский—родственник шамхала и его посол сообщил после того Шамилю во время их встречи: «Те люди, пришедшие с Нуцалханом и Уммаханом имели намерение убить Хамзата, Шамиля и Саида Игалинского. На каждого из них они выделили по три человека из числа своих, чтобы те совершили убийство, после возвращения обоих ханов^{д)} от Хамзата».

Хамзат расширил хунзахскую мечеть за счет развалин части княжеского дворца.

а) А—приписка: «По-видимому, наименование здания, принадлежавшего, их княгине Бахубике».

б) В—отмеченная фраза отсутствует.

в) Коран.

г) Коран.

д) А—приписка: «то есть двух сыновей Бахубике».

ГЛАВА О ВЫСТУПЛЕНИИ ХАМЗАТА НА САЛТА И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО ГИБЕЛИ ОТ РУК ХУНЗАХЦЕВ

[1834 г.]

Хамзат послал человека к Шамилю сказать: «Ты выступай на Цудахар со стороны Куппа¹⁴², а я выступлю со стороны Салта». ¹⁴³ Затем он выступил вместе с хунзахцами и другими. Выступил и Шамиль: он расположился лагерем на гергебильской площадке, дожидаясь, пока не присоединятся унцукульцы и араканцы. Последние, однако, запоздали примерно на три дня.

Когда Шамиль подошел к Куппа, ему повстречался человек, который вдруг сообщает ему, что Хамзат возвратился с салтинской стороны назад, понеся частичное поражение^{а)}. Шамиль обругал тогда унцукульцев и их кадия—своего устаза, сказав: «Это произошло из-за вашего злополучного мунапикства и вашего мерзкого поступка», и затем вернулся назад.¹⁴⁴

Хамзат остановился после того в Гоцатле. Оттуда он взял множество ружей и направился в Хунзах устанавливать дружбу с хунзахцами, ласкать их и задабривать. Просидел он там меньше месяца, пока хунзахские мунапики не насовещались вдоволь и не приняли тайное решение: убить Хамзата в пятницу, когда он пойдет на пятничную молитву. Помощник Хамзата—Хаджиясул Мухаммад¹⁴⁵ Хунзахский известил его об этом и подтвердил сказанное ему клятвой^{б)}. Хамзат, однако, не обратил внимания на его слова и пошел на пятничную молитву, не надев даже кинжала, хотя его товарищ Хаджиясул Мухаммад вооружился.

Последний предварительно объявил, чтобы ни один хунзахец не брал* на пятничную молитву^{в)} никакого оружия и затем пошел. Мунапиков они нашли сидящими у ворот мечети^{г)}. Там Хам-

а) В—приписка: «потерпев поражение от цудахарцев, и те преследовали его (Хамзата) до того места».

б) А—«...клятвой. Хамзат сказал, однако: «Если я пойду ради пятничной молитвы в Геничутль, то не поспею к ней [в полдень] и моя пятничная молитва пропадет. Если же я пойду на пятничную молитву в Хунзах, то буду подло убит. Если же просижу тома и пропущу пятничную молитву, то я буду убит в наказание за пропуск пятничной молитвы. Какое же из двух убийств я должен предпочесть для себя?» Затем он сказал: «Я предпочитаю быть подло убитым» (верно)».

в) Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

г) А—приписка: «Когда Хамзат подошел к хунзахцам, Осман Хунзахский — брат Хаджимурада сказал: «Вы почему не поднимаетесь?»

Почему не встаете перед старшим, когда он приблизился к вам?» Хунзахцы встали, и тут Осман выстрелил в Хамзата из пистолета. (верно)».

зата и убили. Хаджиясул Мухаммад, правда, убил убийцу Хамзата, но и сам был убит.¹⁴⁶ «Мы ведь принадлежим Аллаху и к Нему мы возвратимся»^{а)}.

Период халифата Хамзата—полтора года.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ХАЛИФАТА ШАМИЛЯ И О ТОМ, ЧТО ОН ТОГДА ИСПЫТАЛ

[1834 г.]

Хамзат еще раньше завещал халифат Шамилю. Поэтому после его убийства собрание благородных ученых [без колебаний] возложило звание халифа на Шамиля. Последний, однако, принял его только после долгих отказов. Ученые чуть было даже не разошлись без принятия решения.

Когда Шамиль услышал об убийстве Хамзата, то первое, с чего он начал—было убийство Султанава Ругуджинского,¹⁴⁷ который находился в гимринской тюрьме. Затем Шамиль пошел к унцукульцам с намерением выступить во главе их против хунзахцев. Он дал унцукульцам наставления, любезно обошелся с ними, сказав: «Вы—главари этих хиндалальских областей. Среди вас есть ученые, мудрецы и храбрецы. Так будьте же предводителями, главарями-повелителями для дела исламской религии. Не будьте подчиненными хвостами. Клянусь: Аллах не даст погибнуть своей религии и ее адептам». Унцукульцы выказали тогда Шамилю послушание и повиновение и выступили вместе с ним против Хунзаха. Одновременно, однако, они послали к русским сообщение: «Спешите в Гимры».

Когда Шамиль вел унцукульцев на Хунзах, вдруг пришло сообщение: «Русские вошли в Гимры». Шамиль повернул назад и тут вдруг оказалось, что разрушен мост. Тогда примерно с пятнадцатью мужами он перешел Койсу вброд и вышел на гимринскую землю. Шамиль с семью товарищами набросился на русских с одной стороны, а Раджабиль Мухаммад¹⁴⁸ Чиркеевский и Хусайн Гимринский — сын Ибрахима с еще семью товарищами напали на них с другой стороны. Мюриды убивали быстро, как будто косили. Они убили у русских даже одного большого начальника. Последние были разбиты и обращены в бегство, и при этом мучеником за веру пал лишь один человек-ашильтинец. К этому времени, однако, русские уже порубили виноградные лозы и деревья, находившиеся около селения.¹⁴⁹

а) Коран.

Семьи гимринцев были тогда раскиданы по пустырям для защиты от русских, и вдруг кто-то из находившихся внутри селения увидел людей, приближающихся к ним. Гимринцы пригляделись и поняли, что это унцукульцы, выступающие в контакте с их семьями, и тогда они побежали к ним. Большинство гимринцев пошло, таким образом, к унцукульцам и с Шамилем остались лишь немногие.

Унцукульцы порубили имевшиеся на той стороне виноградные лозы и деревья, а кроме того, они выделили ранее искусных стрелков из ружей для убийства Шамиля, но всевышний Аллах не предопределил им совершить это. Он же примерно с тринадцатю товарищами укрепился тогда позади стены моста. Мюриды носили унцукульцев, угрожали им и грубили словами типа: «А ну-ка, сделайте, что можете. Не оставляйте ничего, что может исходить с ваших рук».

Унцукульцы, однако, не нанесли вреда семьям гимринцев, хотя и находились между ними. Дело в том, что местонахождение унцукульцев не годилось для быстрого отхода из-за наличия лагеря и местопребывания Шамиля. Ночью же от унцукульцев к Шамилю пришли братья хаджи Кебеда и Тахира Унцукульских и заявили: все люди против мюридов^{а)}, подходят ругуджинцы, русские возвращаются, Уллубий¹⁶⁰ против них. Эти двое сказали: «Советуем вам перейти отсюда в какое-либо труднодоступное место и побыть там, пока приближающиеся люди не возвратятся в свои обители». Они оба при этом гремели, как гром и сверкали, как молнии^{б)}.

Шамиль подал тогда знак своим товарищам и сказал: «Мы закрепимся в усадьбе, расположенной в селении Гимра и так встретим тех, кто приближается». Товарищи, однако, не согласились с этим. Тогда Шамиль сказал: «Мы встретим их и сразимся с ними в одном крепком месте, расположенном в нашем лесу». Они опять не согласились. Сошлись, наконец, на том, что они перейдут к Риккил нохо.¹⁵¹ Там мюриды пробыли около двух или трех дней, а затем возвратились назад в Гимры. Хвала—Аллаху, Господу миров!

Затем дело гимринцев приняло такой оборот: заключается перемирие [с русскими] и одновременно они устанавливают шарнат в своем селении. Перед этим, однако, большую часть своего имущества—продукты питания и прочее гимринцы переправили к унцукульцам, а те захватили его и заявили: «Заклады, которые взял

а) А—приписка: «то есть против Шамиля и его последователей (от его сына)».

б) А—приписка: «и затем ушли вдвоем от Шамиля».

с нас Хамзат, мы дали тогда только из-за ослабления нас Шами-
лем. Поэтому заставьте его уплатить штраф за них».

Из-за этого акта гимринцев поразила нужда, и тогда Клюки фон Клюгенау (Кулука)¹⁵²—начальник русских, находившихся в Шуре,^{а)} отправил им три раза по шестьдесят ослов, нагруженных мукой. Слава Аллаху—вращателю сердце и устройтелу дел!

Затем гимринцы—и хорошие из числа их и плохие вознамери-
лись было уплатить унцукульцам штраф за те заклады, заявляя:
«То, что они захватили намного больше того, что они требуют».
На пятничном намазе, однако, Шамиль прочел гимринцам пропо-
ведь, дал наставления и сказал: «Уплата штрафа—это унижение
и с точки зрения религии и с точки зрения мирской жизни, позор
за которое никогда не сойдет с вас». Он поклялся, что не даст для
этого дела абсолютно ничего. Тогда и другие гимринцы—один за
одним дали клятву об этом. Поклялись в конце концов все. Унцу-
кульцы же, когда узнали о твердом намерении гимринцев относи-
тельно того дела, возвратили им имущество без ничего.

Затем Клюки фон Клюгенау пригласил к себе гимринского
кадия Хасаниль Мухаммада Хариколинского вместе с некими
мужами. Отправились: сам кадий, а также бунтовщики, мюриды
и Бартихан^{б)}—дядя Шамиля по линии отца. Назад они пришли
послушными, одобряя приказы Клюки фон Клюгенау и получив
от него подарки. Ходившие сказали: «Единственный недостаток у
него—непризнание единства Аллаха и пророческой миссии Му-
хаммеда». Они даже заявили, что в доме Клюки фон Клюгенау
благоухает аромат, а Бартихан сказал: «Позади наших кладбищ
нам попались кизлярцы, которые совершили туда^{в)} поездку для
продажи винограда» и сказал он это с ликованием.

Затем Шамилю сообщили, что те мунапики, которые * побыва-
ли в Шуре вместе с Бартиханом^{г)}, выпили вина и были пьяны, и
что кадий сказал: «Я вам ничего не приказываю и не запрещаю».
Шамиль встал тогда и пошел к этому кадию. Он вошел к кадию
в комнатушку и заговорил с ним, порицая их пьянку. Тот ничего
не ответил, а подал Шамилю книгу и сказал: «Посмотри-ка сюда»,
и ткнул в то место, где говорилось, что имам Шафи¹⁵³ не порицает
ханифита,¹⁵⁴ который выпил вина^{д)}. Шамиль взял тогда ту же
книгу и сказал: «Посмотри-ка вот сюда» и показал Хасаниль Му-
хаммаду место, находящееся немного дальше того места, к которо-

а) В, К—«Кулука—енарал, пребывающий в крепости Темир-Хан-Шура».

б) Б, В—«Баратхан».

в) А—пояснение: «то есть в Шуру».

г) В, Б—«... побывали вместе с ними».

д) А—приписка: «Это произошло во время толкования тридцать четвертого
хадиса из книги ал-Фатх ал-мубин. (от него)».

му апеллировал последний. В нем говорилось, что имам Шафи наказывает пьющего вино ханифита. Шамиль сказал: «Завтра же призови тех, которые выпивали и накажи их». Тогда кадий был вынужден замолчать, а к следующему утру он уже удрал к себе домой.

[не позднее 1830 г.]

Рассказ. Махди-шамхал пригласил однажды Шамиля встретиться. Шамиль отказался от этого. Гимринцы, однако, попросили его согласиться и проявили при этом в отношении него большую настойчивость. Шамиль опять не согласился и тут пришел один мюрид, который сказал: «За отказ от встречи гимринцы относят тебя к числу трусов». Тогда Шамиль встал, взял кумган—он был в шубе, с ночной шапочкой на голове, без какого-либо оружия, даже без кинжала—и вышел из дома, как будто сходить по нужде и подмыться. Он дошел до кладбища, положил свою шубу на его стену и побежал к месту встречи. Гимринцы вышли вслед за Шамилем и закричали ему, чтобы он остановился, пока они не догонят его. Шамиль, однако, не остановился и закричал им: «Если вы подойдете, я вместе с вами не пойду».

Шамиль появился перед теми, кто находился на месте встречи, а оказалось, что это сын шамхала со старшинами и слугами, около ста человек. Они подошли к Шамилю и стали как будто изумленные. Шамиль же усадил их, сам сел рядом с сыном шамхала и сказал: «Говорите мне теперь то, что вы хотите сказать». Они тогда потребовали, чтобы Шамиль пришел к шамхалу для того, чтобы тот превознес его и почтил, и чтобы, сказали они: «люди на равнине и в горах ходили с пропусками, заверенными твоей, Шамиль, и его печатями».

У шамхала была в то время молодая жена, которая забеременела и его подвластные продемонстрировали уже по этому случаю радость и веселье. Шамиль сказал: «Я приду, если вы отдадите ту его жену в залог Кебедмухаммаду Телетлинскому. Если вы затем проявите вероломство по отношению ко мне, Кебедмухаммад убьет ее, как суку, которая на сносях»; а встреча эта имела место после убийства Кебедмухаммадом преступных вельмож своего селения. Шамхальцы сказали: «Такой залог невозможен». Тогда и Шамиль сказал: «Если это является невозможным, то невозможен и мой приезд». После этого он вышел из круга шамхальцев и возвратился назад, а они остались смотреть ему вслед.

По дороге Шамиль встретил гимринцев и сказал им: «Теперь идите к ним. Я дал им ответ достаточный для них». После того у Шамиля спросили однажды: «С какой целью ты пошел на явную

гибель, не имея в руках ничего острого?». Шамиль ответил: «На это меня понес приступ гнева. Если бы, впрочем, шамхальцы только склонились в мою сторону, я выхватил бы холодное оружие у кого-либо из них и затем напал бы на них». Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ШАМИЛЯ В АШИЛЬТА И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ДО И ПОСЛЕ ЭТОГО

[1886 г.]

Клюки фон Ключенау потребовал у гимринцев, чтобы они прислали примерно на пяти ослах виноградные лозы и саженцы деревьев, дающих вкусные плоды. Те из гимринцев, которые имели право разрешать и запрещать, собрались тогда в доме Бартихана — дяди Шамиля по линии отца, посоветоваться по этому вопросу. Пригласили они и Шамиля.

Шамиль спросил их о причине собрания, и те поведали ему полученную весть. Шамиль заметил при этом, что они как будто вознамерились отправить требуемое и тогда сказал им: «Если требуемое отправим мы—те, кто здесь, найдется ли в нашем селении тот, кто не пошлет?» Собравшиеся сказали: «Нет», тогда Шамиль продолжил: «А если мы не пошлем, то пошлет ли это кто-нибудь из гимринцев?»—и они ответили: «Нет». Тогда Шамиль сказал: «Нам нельзя делать этого. Плохие привычки, появившись, сохраняются ведь навсегда». Он прочел им затем проповедь типа того, что: «Блажен тот, кто умер и с ним умерли его грехи и горе тому, кто умер, а грехи его остались». Шамиль сказал собравшимся: «Я так думаю—вы должны отговариваться перед Ключи фон Ключенау тем, что ты, мол, порубил наши виноградные лозы и наши деревья, а унцукульцы, мол, порубили то, что ты оставил; в этом году, мол, нам нечего послать тебе и поэтому в этом году ты требуй виноградные лозы и деревья от других горцев, а мы, мол, пришлем их тебе в следующем году после того, как они вырастут. Аллах же, — добавил Шамиль,— по всей вероятности, создаст затем другие дела». Собравшиеся гимринцы замолчали, но с этим не согласились, и тогда Шамиль ушел от них, а они остались там сами по себе.

Шамиля догнал Ибрахим—сын его дяди по линии отца и сказал: «Они обсуждают тебя и говорят: «Вы посмотрите на него и на его речи, произносимые в то время, когда остальной^{а)} народ не

а) А—приписка: «то есть все».

может защитить от русских даже своих женщин». Эти люди, одним словом, решили послать лозы и фруктовые деревья». Шамиль ответил: «Пускай делают, что хотят». Душа его, однако, испытала отвращение. Симпатия к собравшимся у него пропала по причине этого, а также из-за одобрения ими дел Клюки фон Клюгенау, которые имели место раньше.

Указание на нечто чрезвычайно удивительное. Хвала великому Аллаху! Те собравшиеся люди, которые взялись улучшить свою мирскую жизнь, нанося вред делу религии, исчезли менее чем за два года. Родни у них осталось очень мало, дома их были сожжены, а обитатели исчезли. Что же касается Шамиля, то, как только он уцепился за религию, так и мирская жизнь стала ровано долготетие, ведь «то, что приносит пользу людям остается [надолго] на земле». ^{a)} Таково открытие, сделанное некоторыми из наставников!

Удивительно то, что селение Гимры было сожжено три раза, но находящийся в нем дом Шамиля так ни разу и не сгорел. Русские при этом приложили огромные усилия для сожжения этого дома или хотя бы для его поджога. Не сгорели также: ни дом Шамиля в Ашильта, когда само село было сожжено, ни его обитель, находившаяся на Ахульго, когда русские поднялись туда первый раз, еще до великого сражения. Да окажет всевышний Аллах содействие Шамилю в делах религии!

В тот день Шамиль отправил посланца в Ашильта просить, чтобы оттуда явились юноши. От ашильтинцев пришли к нему около шестнадцати человек. О своем намерении переселиться Шамиль известил тогда лишь жену Патимат, да и то после последней вечерней молитвы. Патимат покорно согласилась с ним в этом вопросе, и тогда они подготовили свое домашнее имущество и мебель, связали все это и после утренней молитвы передали юношам. Мальчики же—Джамалуддин и Газимухаммад были посажены на плечи других ашильтинских юношей. Выходя, Шамиль обратился к своему дому с речью, говоря: «Я покидаю тебя, так как для меня оказалось невозможным, проживая внутри тебя, установить законы религии. Ну ничего, лучшее творение Аллаха, пророк Мухаммед—да благословит Он его и приветствует!—тоже покидал лучшую из земель Всевышнего—Мекку, когда ему не удалось утвердить там свою религию. Если всевышний Аллах предопределит установление тут законов религии, то я вернусь в твою

^{a)} Коран.

стены, а если нет, то что мне от тебя? Ты ведь изгажен солдатским калом»; они в прошлом испражнялись на его плоской крыше. Шамиль вышел наружу и тут его встретила мать, которая плакала и говорила: «Куда же ты идешь? Как же ты меня оставляешь?» Шамиль ответил: «Я далеко не уйду. Я перебираюсь в твоё селение, в Ашильта»¹⁵⁵—его мать была оттуда.—«Если ты желаешь, то я отвезу туда и тебя, после того, как будут переправлены женщины и дети». Мать перебралась тогда в Ашильта, но затем возвратилась назад в Гимры и там умерла,—да простит её всевышний Аллах!

Шамиль прожил в Ашильта около двух лет. Ашильтинцев он нашел буйными, подобными стаду ослов, выпущенных на пустошь. Он прочел им проповеди, дал приказы и установил запреты, после чего они стали как будто бы послушными и покорными.

Однажды ночью, однако, пришел знакомый мальчик и говорит: «В доме одной женщины сидят мужчины и женщины вперемежку и занимаются лущением кукурузы и сортировкой ее зерен. А ты же ведь запретил такое смешение». Шамиль спросил мальчика: «Ты пойдешь со мной показать тот дом?». Он ответил: «Да». Шамиль тогда встал, вооружился, взял толстую трость и пошел. Остановился он только перед дверьми. Найдя их запертыми, Шамиль прислушался к находящимся внутри. По голосу он узнал среди собравшихся своего родственника по имени Инус. Строгим голосом Шамиль подозвал его и сказал: «Открой дверь». Тот боязливо встал и открыл дверь. Шамиль зашел к занимавшимся лущением, ударил мужчин тростью и выбранил за мерзостное смешение. Он отчитал их, и они убежали. Осталось лишь несколько женщин по углам дома. Тут Шамиль спросил: «Где хозяйка этого дома?» Та поднялась и сказала: «Это я—готовая пожертвовать жизнью за тебя». Шамиль хорошенько поругал ее и затем возвратился назад.

На другой день из-за того происшествия двое мужчин подрались, и при этом оба отказались принять наказание (тазир). Народ же в Ашильта проявил снисходительность в вопросе их принуждения к этому. Тогда Шамиль встал, вооружился, взял книгу, уселся на ашильтинском годекане, положил книгу перед собой и сказал: «Сегодня день размежевания между выполняющими шариат и отвергающими его. Поэтому, если вы пойдете, приведете ту парочку и принудите ее к принятию наказания, то и делу конец. В противном же случае я пойду в одиночку и сражусь с ними обоими из-за этого. Я затем попрошу помощи в окрестных местах, и тогда придут те, которые будут сражаться с вами и искоренят вас. Вы что же, считаете, что тех, кто помогает шариату и устанавливает его уже не осталось? Всевышний Аллах не оставит мусульманскую религию и ее адептов на произвол судьбы. На-

против, он поможет последним возвеличить ее.» Тут ашильтинцы набросились на тех двух мужчин, как львы, и притащили их для совершения наказания. С того дня под влиянием шариата ашильтинцы стали мягкими. А ведь то время было временем сильного возбуждения взаимной ненависти и вражды между людьми, проживающими в Дагестане, в связи с чем ослабла мощь шариата и усилилось высокомерие мунапиков, чьи голоса возвысились, а голы поднялись.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА УНЦУКУЛЬЦАМИ ПРОТИВ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

За то время унцукульцы три раза собирали войско против Шамиля, но всевышний Аллах через это лишь сильно принизил их и обесчестил.

«Во время одного собрания унцукульцев против Шамиля он написал им письмо следующего содержания: «Эй, унцукульцы! Не касайтесь пальцами ваших рук задницы медведя. Он вас уничтожит». После уже подчинения унцукульцев и укрощения их могуществом Шамиля один из равнинных мунапиков познакомился с этим посланием и сказал примерно следующее: «Вы только посмотрите, сколь истинными были слова этого человека, и сколь безобразной, сколь массовой была гибель людей среди унцукульцев»^{а)}.

Один раз, к примеру, унцукульцы вывели против ашильтинцев (иш) рассыльных из [всех] областей хиндалальцев, которые потребовали, чтобы те удалили Шамиля из своего селения. Ашильтинцы испугались рассыльных: что они попортят их пашни и фрукты. Поэтому они попросили Шамиля, чтобы он вышел из Ашильта в какую-либо сторону, а затем, после возвращения рассыльных назад, вернулся бы к ним. Ашильтинцы настойчиво просили его об этом. Шамиль же указал на большой палец своей ноги и поклялся: «Если они потребуют от меня пошевелить ради них вот этим пальцем, то я и этого не сделаю». Затем он, со своими товарищами числом менее десяти, вооруженный, в кольчуге, в шлеме — как будто закованный в железо — вышел и остановился на холме, находящемся вдали от селения ашильтинцев, на виду у тех рассыльных. Со стороны последних к Шамилю подошел в качестве их посланника один мужчина, знакомый ему со времени учебы, и ска-

а) А, К—отмеченный абзац отсутствует.

зал: «Они просят тебя выйти из этого селения куда-нибудь в сторону и оставаться там, пока они не возвратятся назад, исполнив то, к чему их обязали вышестоящие, вплоть до Ахматхана ^{а)} ¹⁵⁶ а затем ты возвратишься сюда же». Шамиль, однако, обругал рассыльных, пригрозил им, произнес несколько грубых слов—как будто он командующий ^{б)} огромного войска—и поклялся, что ради них он не пошевелит и пальцем. Он сказал: «А ну-ка, пусть подойдет ко мне тот, кто собирается выгнать меня. Если ты посмеешь еще раз вернуться ко мне с такими словами, я непременно влеплю тебе пулю в лоб».

Когда этот посланец вернулся к рассыльным и передал им слова [имама] они в ужасе удрали оттуда, а Шамиль вместе с бойцами, которые были с ним на холме, помчался вслед за ними. Тут с другой стороны подоспели ашильтинские юноши, вследствие чего они захватили многих рассыльных и раздели их.

Другой раз унцукульцы, выступив против ашильтинцев, остановились на их пашнях и в их садах. Унцукульцы потребовали удалить Шамиля, то есть, чтобы ашильтинцы изгнали его из своего селения. Унцукульцы порубили и пожгли то, что находилось там и принадлежало ашильтинцам, а также повредили усадьбы, стоявшие на ашильтинских хуторах (риф). Ашильтинцы же не хотели изгонять Шамиля, но при этом они мучались от того, что унцукульцы сделали им из-за него. И тут случилось так, что к Шамилю пришел один из ашильтинцев и говорит: «Наш мулла — ученый Али Кульзебский ^{в)} ¹⁵⁷ ведет между нами на годекане разговор, что Шамиль, мол, должен уйти из этого селения ради пресечения этой великой смуты, чтобы потушить ее». Шамиль пригласил тогда муллу к себе. Они оба уселись на скамью и немного побеседовали. Затем Шамиль спросил муллу: «Это что за разговор, который передают с твоих слов?» Тот ответил: «Я сказал это потому, что отсюда на Ашильта лезут хунзахцы»—и он показал на одну сторону, «отсюда—гумбетовцы. Лезут и отсюда и отсюда. Враги вызывают смуты, делают серьезным положение дел и в результате оно становится тяжким». Шамиль сказал тогда: «Эй, мулла! Потише! А если, к примеру, неверные повернут на стамбульцев, осадят их в городе и потребуют изгнать из их среды султана (гункар) ^{г)} ¹⁵⁸. Ты что же, дашь фетву ¹⁵⁹ на изгнание его оттуда, чтобы успокоить смуту и ради устранения вреда от противостоя-

а) А—«обязали со стороны Ахматхана».

б) А—«старший».

в) А—приписка: «[Кульзеб]—одно из селений Мукратля (Мукрат), расположенное в Казикумухской стороне».

г) Б, В—«(хунгар)»; А—приписка: «Наименование великого имама на аварском языке».

ния?» Мулла ответил: «Я не дал бы фетвы на это». И тогда Шамиль сказал: «А если так, то знай, что я—имам, подобный турецкому султану, а это селение для нас—подобно Стамбулу». Мулла спросил: «Ты что же, хочешь сказать, что я распространитель ложных слухов, ведущих к смутам?» Шамиль сказал: «Скорее я говорю, что ты самый злостный распространитель ложных слухов, ведущих к смутам, и за подобное распространение слухов тебе следует отрубить голову». Мулла после этого сразу вышел наружу, пожелтев от испуга.

Унцукульцы повернули затем из Ашильта на землю гимринцев, задумав: одних мужей из числа гимринцев перебить, а других мужей взять в плен. Они вначале пригласили гимринцев к себе [в лагерь]. Часть унцукульцев совершала в то время вечерний намаз под руководством некоего Мутаалима^{а)}, другая часть, находившаяся позади молящихся, беседовала с гимринцами. Вдруг между ними возникло волнение и раздался крик. Мутаалим, прервав молитву, сразу спрыгнул с земляного возвышения и убежал.

Унцукульцы убили тогда одного праведного мюрида и еще одного мужчину из Гимр, остальные гимринцы^{б)} убежали. Унцукульцы также взяли в плен убежавшего Бартихана. А некоторые из гимринцев тем временем прокричали своим родственникам, находившимся в Гимрах: «Они убили того-то и того-то и взяли в плен того-то. Будьте осторожны». Те начали разбегаться и укрепляться против унцукульцев. Тут кто-то закричал на языке унцукульцев: ¹⁶⁰ «Кто будет тихо сидеть в селении, тот—в безопасности».

Гимринцы находились в таком вот взволнованном состоянии и вдруг после наступления темноты унцукульцы устремились на них—внутрь селения. Когда, однако, первые из унцукульцев вступили туда, гимринские юноши атаковали их с криком: «Подожли первые из товарищей Шамиля. Он уже перешел через мост и приблизился к нам. Ля хавля ва ля куввата илля биллахи ал-алий ал-азим. Мунапики обратились оттуда в бегство, побросав на улицах Гимр сумки со своей едой. Одни из них были тогда взяты в плен, другие — убиты, третьи—раздеты. Унцукульцы рассеялись по разным местам, так что в тот день больше собраться не смогли. К себе в родные места они возвратились небольшими группами—униженные, несчастные до такой степени, что когда какая-то женщина встретила одну такую группу на краю селения Унцукуль и сказала: «С прибытием!»—ей не ответили. Затем она встретила другую группу. Женщина сказала то же самое и ей опять не отве-

^{а)} Можно иначе: «одного ученика», но в списке В дается пояснение: «Это имя мужины».

^{б)} Б, В—пропуск.

гили. Таким же образом, когда она встретила третью группу, ей опять не ответили на приветствие. Тогда женщина сказала: «Бедняги! Вы же не виноваты, если оказалось, что вы боязливые».

Шамиль пошел затем в Гимры и просидел там около недели. Что же касается того ученого Али Кульзебского, ашильтинского муллы, то—когда ему стало ясно, что лежит на сердце у мунапиков, когда он познал результаты их речей и деяний—он сказал ашильтинцам: «Я раньше говорил вам речи, но вы не приводите их теперь в качестве довода. Я раскаялся в этом, я отказываюсь от них. Шамиль создан именно для того дела, которое он творит. В этом деле он пользуется божественной поддержкой». После этого Али Кульзебский пошел к себе домой и сложил с себя обязанности муллы вплоть до возвращения Шамиля^{а)}; он как будто почувствовал тогда стыд перед ним.¹⁶¹

ГЛАВА О ПЕРВОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

Унцукуль был, кстати, захвачен еще и во второй и в третий раз в наказание за то, что унцукульцы собрали войско против Шамиля, о чем будет рассказано ниже.

Саид Игалинский—да помилует его всевышний Аллах!—с товарищами ушел к тому времени в Чечню для сбора войска оттуда. Там он, однако, и умер, как говорят, от яда.

Затем от чеченцев к Шамилю прибыл хаджи Ташав^{б)}¹⁶² с примерно сорока товарищами. С ними и со своими собственными товарищами Шамиль выступил в сторону селения Чирката. Чиркатинцы выказали Шамилю повиновение, правда, после намерения сразиться с мюридами и таким образом оказать им сопротивление, проявленного было Бисалилавом¹⁶³ и теми, кто следует за ним: как его сельчанам, так и жителями других мест. Затем мюриды пошли к селению инховцев (инхал), которых Шамиль подверг дрессировке, а затем—к селению Орота.¹⁶⁴

В Орота произошла перед этим сильная смута. Главой оротинских мюридов являлся тогда Аликул Хусайн,¹⁶⁵ а главой мунапиков—Дибирхаджияв. Там было убито тогда около двенадцати мунапиков и около восьми мюридов. Поэтому Шамиль примерно с сотней

а) А.—«до возвращения Шамиля в Ашильта».

б) А.—приписка: «В главе о начале сбора войска Шамилем будет сказано, что хаджи Ташав [родом] из Эндирея. Вдумайся (от его сына)»

товарищей направился к оротинцам. Навстречу Шамилю вышли, чтобы пригласить его в Орота, хаджи Нурмухаммад Оротинский и еще один мужчина. Шамиль спросил их: «Сможете ли вы вдвоем провести нас в селение?» Они ответили: «Да»—и тогда мюриды пошли. Оротинцы сразу подчинились Шамилю, кроме засевших в замке—Дибирхаджиява и его последователей. Мюриды поэтому сразились перед замком с ними, а также—с теми хунзахскими мунапиками, которые выступили для оказания помощи своим оротинским друзьям и стояли за пределами селения. Затем в темноте проклятый Дибирхаджияв и те, кто был вместе с ним, убежали в Хунзах (Авар). Спасся он при этом переодевшись в женскую одежду.¹⁶⁶

Затем мюриды остановились в селении Харахи (хирик)¹⁶⁷ и тут на них напали: полки хунзахцев с одной стороны, андийцев—с другой, а также технуцальцы (тихнусалал)¹⁶⁸ и чеберлойцы (джарбилал)¹⁶⁹. Шамиль со своей группой атаковал тогда хунзахцев, а чеченцы¹⁷⁰ и их предводитель Газияв Андийский напали на андийцев. Все они были обращены в бегство под ударами мюридов и рассеялись. Из числа их удалось *после того^{а)} проявить враждебность по отношению к Шамилю только хунзахцам.

Затем они, то есть воины Шамиля и он сам, подойдя со стороны харахинцев, остановились в садах унцукульцев с топорами в руках. Шамиль пригрозил унцукульцам порубить их деревья, и тогда они сдались ему.¹⁷¹ Шамиль назначил над ними набом и одновременно кадием ученого Сурхая из Коло (Кулуви).¹⁷²

ГЛАВА О БИТВЕ С АНДАЛАЛЬЦАМИ И ХУНЗАХЦАМИ В ГОЦАТЛЕ

[1836 г.]

Шамиль со своими муртазиками выступил против буцринцев (буцун).¹⁷³ Те сразились с Шамилем и не позволили ему войти в Буцра. Шамиль остановился тогда в Оркачи (уркач)¹⁷⁴ у Муртазаласул Мухаммада.¹⁷⁵

Они посовещались между собой. Те, кто прибыл вместе с Шамилем, захотели было вернуться в родные места, но он отказался, сказав: «Мы не имеем права вернуться назад, подобно собаке, которую мельник отогнал от мельницы». После этого Шамиль повел своих товарищей через Гоцатль к мосту кородинцев (карал). Оттуда мюриды увели стадо коров, принадлежавших кородинцам и

а) Отмеченная фраза имеется только в списках Б, В.

затем призвали их к повинности и покорности, за что, как они объявили: «их коровы будут им возвращены». Кородинцы, однако, отказались и обратились за помощью к своим друзьям.

Шамиль объявил тогда кородинцам, что он возвратит коров, принадлежащих сиротам, если придет человек, который отделит их. Никто, однако, не пришел и тогда мюриды в гневе зарезали всех коров на виду у кородинцев.

Тут подошли андалальцы, во главе которых шел, подстрекая их, ученый—сын согратлинского кадия. Остановились они напротив селения Гоцатль. Пришли и хунзахцы^{а)}. Они остановились в стороне, а русские с Клюки фон Ключенау и Ахматханом^{б)} остановились на площадке Бири. Войско Шамиля напало на андалальцев, и те были принуждены бежать оттуда, но при этом пали мучениками и превосходные мюриды.

К Шамилю пришло тут послание от Клюки фон Ключенау, в котором говорилось: «Что это ты творишь?» Шамиль написал ему в ответ: «Перемирие было заключено у нас на условии введения между нами—мусульманами шариата волей или неволей: если кто примет шариат добровольно, то это будет благом для них же, а если кто откажется от шариата, то их мы принудим к принятию его. Мы будем сражаться за шариат с отказывающимися, подобно тому, как сразились против андалальцев. Если ты, то есть Клюки фон Ключенау, будешь придерживаться условий нашего мирного договора и обещанного, то и делу конец, а если нет, то на все божья воля». Клюки фон Ключенау рассердился, затем пришел в ярость, швырнул письмо на землю и ударил по нему ногой.

Товарищи Шамиля напали затем на* лагерь хунзахцев^{в)}, обратили их в бегство и очень многих из них убили. Газияв Андийский и другой мужчина убили тогда по пятнадцать человек; говорят, что Газияв Андийский дал ранее обет убить пятнадцать хунзахцев за убийство ими имама Хамзата, что он «там и выполнил».

Говорят, что из селения Хунзах (Авар) было убито тогда около ста человек, а из числа ахалчинских (Акалчи) главарей—сторонников обычного права (русам) — около восьми. Из них были, кроме того, взяты в плен: ученый Мухамад—сын Хунзахского (Авар) кадия и мулла Омар Ахальчинский.¹⁷⁶ Шамиль ударил последнего по рту, говоря: «Ты что же, не понял смысла сказанного в Ко-

а) В—«Авар».

б) Б, В—«Ахмад»; К—«енарал Гулюка и Ахмадхан».

в) В, К—«лагерь Авара».

ране: «Мы заставим их вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее мучение»^{а)}.

Андалальцы, Клюки фон Ключенау и те, кто был вместе с ним, возвратились таким образом назад, не получив [божьей—?] помощи, разочарованные. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ШАМИЛЕМ ДЛЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУССКИМ, КОГДА ОНИ УСТРЕМИЛИСЬ НА ХУНЗАХ И О СРАЖЕНИИ АССАБЦЕВ ПРОТИВ НЕГО

[1837 г.]

Хунзахцы^{б)} испугались затем, что возвышение религии и ее приверженцев лишит их господства^{в)}, ибо они много чего натворили¹⁾. Поэтому хунзахцы пошли к русским и пригласили их построить у себя крепость. Те вместе со своими подчиненными двинулись тогда в путь.¹⁷⁷

Когда Шамиль узнал об этом, он со своими товарищами поднялся и, оставив свое семейство в Ашильта, собрал—и волей и неволей—войско из багвалальцев, ахвахцев (акхал)¹⁷⁸ и других с намерением встретить русских на дорогах, в узких местах. Шамиль имел намерение закрыть эти проходы, прежде чем русские успеют взойти на Хунзахское плато. Когда, однако, он прибыл с воинами к хуторам ассабцев (ис),¹⁷⁹ те дали мюридам сильнейшее сражение. Войско Шамиля бежало. Ассабцы убили, захватили и раздели [многих] мюридов.

Всевышний Аллах спас, однако, Шамиля, которого чуть было не убили. Сделал Он это рукой одного из его товарищей, который убил того ассабца, — который устремился на Шамиля. Затем Шамиль остановился в местности Зоно¹⁸⁰ и просидел там со своими товарищами, сильно голодая, около двадцати дней и ночей, поднимая людей, набирая их в войско. Русские, однако, к тому времени уже поднялись в Хунзах^{д)}—и тогда Шамиль вернулся назад со своими товарищами числом менее сотни, среди которых находились хаджи Ташав и его товарищи-чеченцы.

Шамиль подошел к селению Цекоб (цикал), но там с ним сразились гидатлинцы (хид). Они не позволили ему переправиться

а) Коран.

б) В—«жители Авара».

в) А—приписка: «то есть успехов».

г) А—приписка: «...натворили — убили имама Хамзата, сражались с Шамилем».

д) В—«они, то есть русские, уже поднялись в Авар».

через свой мост. Тогда Шамиль перешел в ущелье ратлубцев (рихик).¹⁸² Большинство ратлубцев сразились с Шамилем, но некоторая часть их выразила тогда свое согласие с ним. Тут подошли карахцы и настелили там мост, после чего Шамиль вышел к ним из того ущелья. Карахцев и их вассалов он повел с собой и затем остановился напротив селения Телетль (тикал).

Мухаммадмирза-хан Казикумухский (Гумуки)¹⁸³ со своим полком и мунапиками той стороны находились тогда в селении Чарах (Шарах).¹⁸⁴ Он отправил нескольких мужей к Шамилю поговорить о перемирии и примирении, пока не пришли русские. Те же окружили мюридов.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В ТЕЛЕТЛЕ И ВСТУПЛЕНИИ РУССКИХ В АШИЛЬТА

[1837 г.]

Шамиль и те, кто добровольно повиновались ему, вступили тогда в селение Телетль. Остальные же воины убежали той дождливой ночью в свои обители, претерпев большие мучения.

Произошло сражение. Русские полностью блокировали мюридов. Вместе с русскими были тогда андалальские и куядинские мунапики и их вассалы, причем куядинцы оказались одними из наиболее зловредных по отношению к мюридам. Были с ними также Мухаммадмирза-хан Казикумухский и Ахматхан Равнинный^{а)} со своими полками. Ночью был отправлен против мюридов отряд русских, чтобы атаковать их со стороны Голотля. В ночной темноте, однако, мюриды сами атаковали их. Они перебили этот отряд и раздели его. Из этих русских назад вернулись лишь немногие. Той же ночью мучеником за веру пал храбрец, ученый мухаджир Малларамазан Джарский—да будет благословенной его тайная мысль!

Русские опять напали на мюридов. Пушками они разрушили в Телетле все замки и высокие здания. Головы мюридов опустились, сердца—сжались. Если бы не призывы к терпению, исходившие со стороны Шамиля, и его запрет мюридам вступать в контакт с теми, кто находился снаружи,^{б)} и даже беседовать с ними, мюриды не смогли бы там противостоять врагу.

Хаджи Ташав Эндиреевский отправил к Шамилю Газиява Андийского, говоря при этом последнему: «Давай мы выйдем отсюда

а) А—приписка: «У него, правда, имелись земля и посевы в Хунзахе».

б) А—«снаружи от селения».

в окружении а) детей и женщин этого селения б), которых не отпустим, пока мы все не освободимся из вражеской осады и от вреда, наносимого ею. Если же нет, то ты проси разрешения на выход лично для меня. В противном случае я уйду один». Шамиль, услышав это, сказал Газияву: «Клянусь Аллахом! Я не выйду отсюда, если даже останусь один-одинешенек и не разрешу ему выйти. Если же хаджи Ташав попытается выйти без моего разрешения, то я влеплю ему пулю в центр спины» в). Хаджи Ташаву было сказано: «Терпи, уповай на всевышнего Аллаха», — а он ответил: «Я-то буду уповать, но это упование—вынужденное».

Отдельные группы русских вошли все же в один конец селения Телетль. В таком положении они пробыли примерно сорок с небольшим дней и ночей. В конце концов, однако, всевышний Аллах убрал их от мюридов. Было заключено перемирие и для гарантии его Мухаммадмирзе-хану г) были отданы в залог сын сестры Шамиля, сын Мирзы Телетлинского и сын Абдурахмана Каракского-Гочобского д).¹⁸⁵

Шамиль имел затем встречу с названными лицами и приказал им, чтобы они в своих вилаятах вводили шариа́т. А было это перемирие заключено тогда, когда мунапикки и люди слабых убеждений предложили, что из числа тех, кто находился в Телетле, не осталось никого из-за великой мощи неверных и многочисленности их помощников.

Произошло это в конце весны тысяча двести пятьдесят третьего (1837) года.¹⁸⁶

Я благословил их тогда стихом в размере раджаз:

**О, боже! Помоги мюридам, даруй им победу.
О, господи! Посодействуй им и обрадуй их.
Окажи этим рабам божьим
помощь и еще раз помощь.
Ниспошли им спокойствие в бою
и сотрясай их врагов и каждого тирана.
Даруй мюридам победу над теми, кто враждебен тебе.
И сделай последних добычей для тех, кто дружественны
тебе.**

а) Можно иначе: «поместив в центр», «при посредничестве».

б) А—«этого телетлинского селения».

в) А—приписка: «Он (Газияв—Т. А.) возвратился назад и сообщил то, что сказал Шамиль».

г) В—«Мухаммадмирза-хан Казикумухский».

д) Б, В, К—отмеченное слово отсутствует.

**О, боже! На тех, кто покусился на мюридов
ниспосли молнию, которая бы их уничтожила.
Если ты оставишь без поддержки эту группу суннитов,
то не будет искренним величественное богопочитание.
Пророку, который пришел с божьей помощью и победами
я возношу приветствия и благословения
Возношу я их также его семье и сподвижникам
и еще, да будет спасен этот устаз благодаря сподвижникам! ^{а)}**

Что касается сына сестры Шамиля, то его русские «скрыли» ^{б)} * в то время, и вернулся он лишь через много лет, как то будет рассказано в конце книги ^{в)}. Двух же других заложников Мухаммад-мирза-хан через некоторое время доставил ночью к куллабцам и бацадинцам (куласил ва бацадисил) ^{г)}, а слух пустил, что они, якобы, тайком убежали от него. * Да воздаст ему всевышний Аллах за это добром! ^{д)}.

Шамиль вернулся затем к своей семье. Нашел он ее, однако, в Чирката, ибо, когда он находился в осаде в Телетле, русские двинулись на Ашильта. Население его убежало тогда на Ахульго (Ахул кух), и те сожгли селение; не сгорели только дом Шамиля и дом его родственницы, который та завещала ему по назру. Затем, однако, русские вознамерились подняться на Ахульго и тогда женщины и дети убежали в Чирката. Русские же поднялись тогда на Ахульго и сожгли дома, которые там были, за исключением дома Шамиля, причем книги Шамиля чуть было не попали в их руки и спасены были лишь благодаря остроумию познавшего Аллаха богобоязненного аскета Мухаммада Ашильтинского. Да помилует его всевышний Аллах!

Затем с русскими сразились: ученый Алибек—сын Хириясулава, который был тогда муллой в Аргвани ¹⁸⁶, а также бывшие вместе с ним багвалальцы и другие горцы. Они убили много врагов и удержали их от того, чего эти враги желали. После этого русские вернулись ^{е)} назад.

а) А, Б, К—приписка: «то есть моего устаза хаджи Дибера Гунухского (Хунухи)-Карахского и тех борцов за веру, которые были вместе с ним в той (Телетлинской—Т. А.) битве; в числе их—нетребовательный аскет Герги-чиль (Киркичил) Мухаммад Глерошский (Куруши)-Карахский». ¹⁸⁷ (Фраза, следующая после точки с запятой, имеется только в списке А).

б) Б—приписка: «затем, однако, они возвратили его, о чем будет рассказано в конце (от него)».

в) Отмеченная фраза имеется лишь в списке А.

г) Б, В—(кула-биц).

д) Отмеченная фраза имеется только в списках А, К.

е) К—«вернулись разочарованными».

До Шамиля, находившегося тогда в Телетле, весть об этом сражении дошла, но он не стал даже слушать ее, пока не закончилось дело, которое происходило там. Каким же сильным было положение Шамиля своих дел на волю Аллаха и его Упование на Него! ¹⁸⁹

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ С ЖИТЕЛЯМИ ЧИРКАТА, КОГДА ОН НАХОДИЛСЯ ТАМ

[1837 г.]

Шамиль возвратился из Телетля и осел в Чирката. С разных сторон к нему стали приходить группами мюнды. Тут собрались двадцать три чиркатинских мунапика, которые поклялись разрушить мосты и не давать дороги чужакам, приходившим к Шамилю. Мунапики при этом утверждали, что они де сами сделают Шамилю то, в чем он нуждается. Об этом было сообщено Шамилю, чье местопребывание находилось в верхней части селения Чирката. Он обнажил тогда свою саблю, положил ее на плечо и вышел из своего местопребывания, причем вместе с Шамилем был тогда лишь его неотлучный товарищ—Юнус. Шамиль бранил мунапиков и угрожал им самыми, что ни есть грубыми словами. Он подошел к воротам мечети и закричал мулле: «Выходи». Тот пошел, дрожа от страха; рассказывают, что мулла был согласен с мунапиками в этом вопросе. Шамиль сказал мулле: «Я услышал то-то и то-то. Но я знаю смысл заявлений этих мунапиков и выводы, к которым они пришли в этом вопросе. Если ты согласен сейчас же наказать их и арестовать, то делай это. Если же нет, то я убью из них каждого, кого встречу, безразлично—мужчина это или женщина». Мулла попросил, чтобы Шамиль вошел в мечеть, пока он не совершит указанное ему. Шамиль, однако, поклялся, что не войдет до тех пор, пока это дело не завершится. Тогда мулла арестовал их, и только после этого Шамиль вошел в мечеть и произнес проповедь членам чиркатинской общины, после того, как мулла собрал их. Шамиль выбранил чиркатинцев, сказав: «Эта религия не унижает своих приверженцев, а возвышает, вопреки воли скверных людей. Дела никогда не будут такими, как предположили мунапики. Я—клянусь Аллахом! — непременно убью того, кто коснется моста чем-либо иным, кроме внутренней стороны стопы своей ноги». С тех пор характер чиркатинских мунапиков смягчился.

Рассказ. В то время, когда Николай (Микалай) Русский кружил* по горным странам,^{а)} Клюки фон Клюгенау пригласил Шамиля, который находился тогда в Чирката, на съезд. Клюки фон Клюгенау примерно с пятнадцатью товарищами прибыл в Гимринское ущелье. Пошел туда с товарищами и Шамиль. Когда они встретились, Клюки фон Клюгенау предложил свою руку для рукопожатия, но Шамиль отказался от этого, хотя товарищи и настаивали. Затем они сели, и Клюки фон Клюгенау заговорил, прося Шамиля приехать для встречи с русским Николаем. Он утверждал, что император возведет его, Шамиля, окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман. От императора, мол, не будет никакой измены. Шамиль, однако, не соглашался на это. Они пребывали в таком вот положении, и вдруг снизу появился Ахбердиль Мухаммад¹⁹⁰ со своими товарищами, которые пели: **Ля иляха илля ллах.** Проклятый Клюки фон Клюгенау испугался, взволновался и спросил Бартихана: «Разве я не нахожусь под вашим покровительством?» Тот ответил: «Да». Затем Клюки фон Клюгенау спросил: «Вы разве допустите вероломство по отношению ко мне?» Бартихан ответил: «Нет». Тогда Клюки фон Клюгенау сказал: «Вот точно так же и наш Николай не допустит вероломства по отношению к Шамилю».

Когда они затем встали, чтобы расстаться, проклятый Клюки фон Клюгенау опять предложил руку, но Шамиль опять отказался. Мало того, между ними обоими встал Ахбердиль Мухаммад Хунзахский, препятствуя возможному рукопожатию. Тут проклятый^{б)} выказал гнев против Ахбердиль Мухаммада, чего, однако, он не выказал по отношению к Шамилю. Шамиль же отчитал Клюки фон Клюгенау и, грубо обратившись к нему из-за этого, сказал затем: «Уведите этого проклятого человека от нас подальше».¹⁹¹

ГЛАВА С РАЗЪЯСНЕНИЕМ ПРИЧИН ПОДГОТОВКИ К БОЯМ АХУЛЬГО

[1838 г.]

После того как русские поднялись на Хунзахского плато и овладели им, они заложили: огромную крепость в Хунзахе, крепость в Ахальчи, крепость в Моксохе,¹⁹² крепость в Цатанихе,¹⁹³ крепость в Гочатле, крепость в Зирани,¹⁹⁴ крепость в Гергебиле (Караб), крепость в Балаханах и крепость в Гимрах.¹⁹⁵ Когда неверные обосновались в этих местах, мунапики подняли головы, шею

а) В—«по России».

б) А—«этот человек».

их вытянулись. Большинство людей волей-неволей склонилось к ним. В результате этого умножились беды правоверных. Тяжким стало положение дел у Шамиля и у тех ученых и мюридов, которые следовали по его стопам.

Они тогда по своему вопросу стали совещаться. Большинство предложило эмигрировать в Чечню.¹⁹⁶ Шамиль, однако, не согласился на это и сказал: «Мы будем сражаться, имея постоянное пребывание в какой-либо труднодоступной местности, имеющейся в нашей стране, *до тех пор, пока не насытимся^{а)} войной и не станем мучениками за веру». Ученый Сурхай Колобский согласился с тем, что сказал Шамиль. Тогда-то мюриды и начали искать местность, подходящую для этого.¹⁹⁷ В конце концов они склонились к тому, что будут подготавливать к боям Ахульго. Мюриды начали строить на нем завалы и укреплять его—пробивать отверстия в скалах, рассекать твердые холмики, а также возводить дома и мечеть в одном углубленном месте. Там они и обосновались со своими женщинами и детьми.¹⁹⁸

Пока мюриды занимались этим делом, русские вдруг двинулись против них. Когда, однако, они дошли до горы Хихи, преждевременно выпал большой снег. Начались сильные холода и русские ушли назад с огорчением, разочарованные^{б)} тем, что приходили.

Шамиль услышал затем, что мулла игалинцев (ихил) и их преступные вельможи стремятся к разложению шариата. Хотя у Шамиля и болели тогда глаза, он выступил ночью на Игали вместе с учеными Алибеком Хунзахским и Амирхамзой Гацалухским¹⁹⁹ и примерно с сорока товарищами. Один из этих двух ученых примерно с пятнадцатью товарищами вступил в Игали через верхнюю часть этого селения, другой ученый таким же образом вступил через нижнюю часть его. Сам Шамиль таким же образом, но через середину этого селения подошел к мечети. Тот мулла и его сторонники попытались было из домов сражаться с мюридами, но не долго. Его взяли в плен вместе с прочими мунапиками, и все они были затем убиты.

ГЛАВА О БОЕ В ТАРАДА ИНХЕЛО

В то время пришел однажды к Шамилю человек с просьбой о помощи, говоря: «Русские встали лагерем на краю земель Хунзаха, расположенных со стороны Карата».²⁰⁰ Шамиль с товарищами

а) В—«чтобы мы могли насытиться».

б) Б—«оставленные без помощи»; В, К—«разочарованные, оставленные без помощи».

выступил против них. Когда, однако, он подошел к ущелью Зоно то обнаружил там еще и войска багвалальцев вместе с их предводителями — Бахназил Мухаммадом²⁰¹ и другими. Тут багвалальцы неожиданно устремились на русский лагерь. Шамиль попытался было запретить им это, но багвалальцы не обратили внимания. Они говорили лишь о страстном желании священной войны, ибо в то время прослушали коранические аяты²⁰² о войне, прочитанные одним из багвалальских ученых,* который, кстати, находился тогда вместе с ними. Когда же багвалальцы были затем вынуждены быстро отойти назад, то у ученого спросили: «Где же то, что ты нам читал?», а он ответил: «Клянусь Аллахом! Я тогда не вспомнил прочитанного, даже слов кул хува длаху ахад».²⁰⁸

Багвалальцы пошли в наступление вместе с небольшой группой товарищей Шамиля, но очень скоро бегом возвратились назад со склона горы. Они—кроме членов той небольшой группы—отходили быстро, подобно стаду овец, не разбирая дороги. Никто из багвалальцев не оглядывался при этом на идущего сзади. Говорят, что один из багвалальцев прибыл тогда [к Шамилю] с неподвижным взором, вздыхая и рыдая. Он вскоре умер, не имея при этом на своем теле абсолютно ничего.

В тот же день неожиданно пришел другой человек опять с просьбой о помощи, говоря: «Русские вступают в селение Тарада Инхело».²⁰⁴ Шамиль выступил туда со своими товарищами. Он попытался при этом побудить к бою в Инхело и тех [багвалальских воинов, но они не согласились. Тогда Шамиль пошел без них. Он совершил полуденный намаз в Карата, а затем вместе с теми, кто находился при нем, двинулся к Тарада Инхело. Русские к тому времени частью уже засели внутри этого селения, а частью продолжали спускаться.

Когда Шамиль оказался напротив селения, русские узнали его потому, что сабля у него была подвешена с правого бока^{а)}. Стоял он отдельно от товарищей, и тогда русские выстрелили по нему всеми пулями и ядрами, которые были в их ружьях и пушках. Шамиль, однако, успел встать за дерево и всевышний Аллах таким образом сохранил его от этого зла. Сразу же после этого залпа, прежде чем русские подготовили оружие ко второму залпу, Шамиль то пробежками, то быстрым шагом скрылся из их поля зрения в нижней части селения. Тут начальник тех русских, которые засели в селении, дал приказ подвести своего коня, чтобы он мог убежать. Русские после того обратились в бегство, а мюриды убивали их с тыла до тех пор, пока они в темноте не дос-

а) А, Б, К—приписка: «с тех пор он носил саблю только с левой стороны»

тигли своего лагеря. При этом, как рассказывают, каратинские женщины, чтобы утолить жажду* сражавшихся мюридов^{а)}, таскали воду аж с реки. Много русских было тогда убито. Мучениками же за веру пали: Сулайман Чиркатинский, Тамачалав Мехельтинский, хаджи Салихиль Хусайн²⁰⁵ Чиркеевский и еще кое-кто. Рассказывают при этом, что* названный хаджи^{а)} долго бежал за одним солдатом и, наконец, поверг его. Затем он вдруг услышал звук удара сабли по своей голове. Оказалось, что его ударил тот самый солдат, который перед этим упал.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В АРГВАНИ

[1839 г.]

На втором году после начала подготовки Ахульго к боям Шамиль услышал, что русские двинулись против этого пункта вторично. Он тогда вышел из Ахульго в одиночку и лишь в Аргвани (иргин) к нему присоединился его товарищ Юнус. Шамиль разослал [оттуда] посланцев и послания поднимать людей на бой.

Шамиль вместе с теми, кто собрался вокруг него, встретил русских сначала на земле буртунайцев (буртинал).²⁰⁶ Там, однако, ничего особенного не произошло, и он повернул назад, к селению Аргвани. Шамиль подготовил его, закрыл аргванийские проходы и создал завалы на дорогах для будущих сражений.

Русские двинулись на мюридов первый раз в обеденное время, но те отразили их. Мюриды убивали их в большом количестве вплоть до заката солнца. Из-за множества сраженных руками мюридов говорили даже, что русские на следующий день возвратятся туда, откуда пришли.

Рассказывают, со слов Исмаила Чиркеевского, сына Джамала, который в то время находился вместе с русскими: енарал (инарал) Пантелеев (Танфули)²⁰⁷ из Темир-Хан-Шуры, бывший другом Исмаила, рассказал ему, что утром того дня он видел отвратительный сон—все его воины перебиты, а ему самому пуля пробила грудь и вышла через спину. Исмаил сказал: «Вечером того же дня я встретил Пантелеева—двое мужчин тащили его, опиравшегося на их плечи. Большая часть воинов Пантелеева при этом уже погибла. Когда генерал увидел меня, сказал: «Исмаил! Разве не говорил я тебе, что так произойдет?»

Той ночью, однако, русские войска двинулись к правой, широкой стороне селения; рассказывают, что это произошло по указке

*) Б. В. К.—отмеченная фраза отсутствует.

мунапика Гули²⁰⁸ Мехельтинского, который был вместе с русскими. Шамиль приказал тогда тем, кто находился на другой стороне Аргвани, перейти на эту—правую сторону. Мюриды, однако, не согласились, в связи с чем Шамиль сказал: «Беда, которая поразила пророка — да благословит его всевышний Аллах и приветствует!—и его сподвижников в день битвы при Оходе²⁰⁹, произошла, между прочим, из-за неподчинения стрелков приказу. Посмотрим, что вы еще увидите».

И, действительно, с той широкой стороны к Аргвани подошел отряд солдат. Мюриды, правда, убили многих из них и в результате отразили. Однако, подошел другой отряд солдат. Мюриды побили и отразили и их. Подошел третий отряд солдат, мюриды побили и отразили и их. Шамиль вознес тут хвалу всевышнему Аллаху, поблагодарил его и даже коснулся руками лица, думая, что русские больше не вернутся из-за многочисленности убитых с их стороны и этих поражений. Русские, однако,—да проклянет их всевышний Аллах!—дали сильнейший залп из ружей и пушек по месту, где сражалось* наше войско^{а)}, а затем большой отряд солдат полез вперед на четвереньках. Вот таким образом они и взобрались на стену Аргвани.

Говорят, что русские складывали своих убитых — одного на другого [в виде вала], пока не взобрались на стену и завал. Со слов человека, который был тогда вместе с русскими, рассказывают, что в отряде, который совершил такую атаку, в уши каждого солдата было заложено по кусочку воска, чтобы не слышать звяканья оружия.

Наше войско после того рассеялось—воины разошлись в разные стороны. Одни отошли назад и возвратились в ущелье, причем тогда враг побил их сзади и таким образом этим мюридам был нанесен там большой ущерб. Другие бросились в ущелье с вершины горы. Третьи были перебиты при отходе.

Шамиль спасся оттуда, не претерпев какого-либо ущерба. Спасся также и ученый Курбанали Хваршинский (Харши).²¹⁰ Он, правда, чуть не падал от усталости, а его бурка была продырявлена в пяти местах.

Часть наших воинов осталась, однако, в селении. Они находились там в осаде до наступления темноты и также претерпели большой ущерб. В Аргвани же пал мучеником за веру храбрый, познавший Аллаха хаджи Малламухаммад Тлохский.²¹¹ Да помилует его всевышний Аллах!

а) А—«имам и его войско».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ ПРИ АХУЛЬГО

Шамиль и его последователи собрались затем на равнине Саду,²¹² так как у мюридов сохранилось мало помощников, так как не осталось у них крепкого и безопасного места, где бы можно было противостоять врагам религии. После того мюриды пошли в Чирката и тут оказалось, что часть чиркатинцев не намерена переселяться на Ахульго, отговариваясь тем, что они де разойдутся по другим, разбросанно лежащим местам. Шамиль, однако, пригрозил им немедленной казнью и полным уничтожением, сказав: «Это все потому, что вы [втайне] желаете быть проводниками наших врагов в наши слабые места». Тогда эти чиркатинцы со своими женщинами, детьми и имуществом переселились на Ахульго.

Тут пришли русские. Они выступили затем в сторону Ашильта. Пришли также другие русские и мунапики из числа хунзахцев и унцукульцев.

С Шамилем же было тогда общим числом до пятисот бойцов. Из них примерно сотню воинов Шамиль оставил на высоком холме, который называли Шулатлюл (Шулалул) гох,²¹³ чтобы они охраняли его. Они и сохранили Шулатлюл гох в руках Шамиля около месяца. В течение этого времени Ахульго особо большого ущерба не понес.

Для тех, кто приходил на Ахульго и уходил оттуда, дорога шла через Чирката. По ней поступали нужные вещи и припасы (сусат), большая часть которых шла из Чиркея. Поэтому несколько групп русских и мунапиков вернулись назад, они построили лагерь в Чирката и обосновались там. После этого враги усилили бой против мюридов, находившихся на том высоком холме—как с фронта, так и с тыла. Бедственное положение тех мюридов ухудшалось, им стало тяжело. Около семнадцати героев из их числа пали мучениками за веру, и лишь после того мюриды покинули Шулатлюл гох. Они перешли к своим товарищам, находившимся на Ахульго. На холме же том засели русские.

Русские дали затем сражение, но были перебиты. Когда же они увидели* множество убитых^{а)} и все то, что было у них попорчено, то решили прибегнуть к хитрости. Они начали строить сооружение из досок, имеющее крышу, и понемногу приближаться^{б)} к Ахульго, так, чтобы не терпеть ущерба* от воинов Шамиля^{в)}. Несколько его товарищей бросились, однако, на них и испортили это сооружение.

Русские оставили последнее и прибегли к другой хитрости.

а) В—«множество боев».

б) В—«приближать его».

в) Б, В—«от наших пуль».

Они сделали длинный круглый мешок, который заполнили дровами, связали железными цепями и понемногу покатали в сторону Ахульго. При этом позади мешка русские опять соорудили крытое сооружение. Когда же все это таким образом приблизилось к Ахульго, у людей изменился цвет лица и сердца сжались. Шамиль призвал тогда желающих, если они есть, пойти на разрушение названного сооружения, но ему никто не ответил. Тут Шамиль поклялся, что этой ночью он непременно испортит названное сооружение и причем вознамерился пойти на это дело лично. Вместо Шамиля, однако, это дело взяли на себя ревностные мужи, которые набросились на русских и испортили то сооружение.

У русских было двадцать четыре пушки. Когда они стреляли из этих пушек по горе Ахульго, она покачивалась и причем так сильно, что ударяла в спину тем, кто прислонялся к ней. А русские все стреляли по Ахульго и путем размельчения земли, круша огромные скалы, разрушали стены в проходах и портили имевшиеся там убежища. Те, кто засели на Ахульго, не имели возможности спать ночью и не находили покоя днем—каждую ночь мюриды копали убежища и возводили стены в проходах, чтобы днем спокойно сидеть там, а русские каждый день разрушали это пушечными ядрами. Так мюриды провели около трех месяцев.

Шамиль вначале говорил: «Мы тут потерпим. Будем противостоять русским до трех месяцев. Надеюсь, к тому времени люди, находящиеся извне, или хотя бы часть их выступят на бой с врагами для нанесения им вреда с тыла». Его мнение об этих людях, однако, не оправдалось. Они лишь все больше и больше трусливо удерживали друг друга.

Из-за большой силы врага при собственной малочисленности и недостатке снаряжения те бедствия очень сильно подействовали на мюридов. Среди них появилось много раненых и больных. Ряд горцев пал к тому времени мучениками за веру. Силы горцев таким образом ослабли. Воду, к примеру, они доставали, отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку.

ГЛАВА О ПЕРЕДАЧЕ ДЖАМАЛУДДИНА — СЫНА ШАМИЛЯ РУССКИМ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКА ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Когда проклятый^{а)} сардал увидел, что ему не победить мюридов, не искоренить их, то предложил им заключить перемирие. В качестве залога, однако, он потребовал сына Шамиля. Все, кто был вместе с Шамилем, захотели, чтобы он дал согласие на это. Шамиль

а) А—«великий».

однако, отказался, говоря: «Это вам пользы не принесет. Сардал из-за этого не уйдет отсюда». Соратники, однако, опять попросили его, а Шамиль опять отказал. Они попросили его еще раз, но он и на этот раз отказал.

Когда, однако, настойчивые просьбы мюридов умножились и Шамиль увидел их ослабление и бедственное положение, он согласился с ними, чтобы прекратить их болтовню и стоны. Он передал русским своего сына Джамалуддина, который был мальчиком примерно восьми^{а)} лет, со следующими словами, обращенными к Аллаху: «О, Господь! Ты взрастил своего пророка Моисея— да благословит его Аллах и приветствует!—в руках фараона. Этого моего сына, формально, я, если и передаю неверным, в действительности, однако, он является закладом, врученным Тебе, вещью, отданной Тебе на сохранение. Ты—лучший хранитель!»

Проклятый сардал^{б)} потребовал затем, чтобы Шамиль пришел в одно место для встречи с русским начальником Пулло (Фуллу).²¹⁴ Шамиль же приказал тогда людям отговариваться перед сардалом: Шамиль, мол, не придет, потому что он болен или что-либо в этом роде. Шамиль сказал: «Если я приду к Пулло, то он, вполне возможно, потребует от нас того, что для нас будет невозможно сделать». Люди, однако, пожелали их встречи.

Шамиль отказывался от встречи до тех пор, пока осажденные не отнесли его отказ к трусости. Тут Шамиль встал разгневанный и пошел впереди мюридов. Они двинулись к месту встречи. Из Ахульго были тем временем выведены дети, женщины и домашние рабы (камил). Их расставили в поле зрения русских, чтобы толпа горцев выглядела большой и многочисленной. Женщины были одеты в одеяния юношей—в плащах, чалмах и с оружием. Когда русские увидели этот ряд, чаландар²¹⁵ спросил Юнуса: «Кто эти мужи, которых мы до сих пор не видели?» Юнус ответил: «Ахульго заполнено нашими людьми так же как ваши палатки заполнены солдатами». Когда же они увидели мужей в головных уборах, но без чалмы, чаландар сказал: «Среди них имеются, видимо, и наши мужи, не мюриды». Юнус ответил: «Это наши люди. У нас мюридом называется тот, кто выказал повиновение всевышнему Аллаху, кто придерживается его религии, а не тот, кто надел чалму». Чаландар сказал: «Так».

Шамиль и его товарищи увидели в том месте Пулло, а поблизости от него около тысячи русских—начальников и солдат. Они стояли так, что если бы был дан залп, то их пули попали бы в

а) Б—«восемнадцать».

б) А—«Русские».

Шамля. Шамиль сел около Пулло. Тот подстелил было край своей накидки для Шамля, но тогда он не сел туда.

Пулло начал длинную речь. Шамиль же, ведя себя как кичливый гордец, тем временем подложил край одежды Пулло под себя. Дело в том, что он твердо решил: убить Пулло и напасть на его товарищей, а не просто отойти назад, если только русские вознамерятся поступить вероломно. Товарищ Шамля—мученик за веру Газияв Андийский понял смысл того, что он сделал. Поэтому Газияв приблизился к ним двоим и приготовился обнажить оружие.

Пулло суммировал затем содержание своей речи так: «По вашему обычаю право на выбор того или иного решения находится в ваших собственных руках. Мы же делаем лишь то, что нам приказано и установлено со стороны императора (патишах).²¹⁶ Если поэтому между нами будут подписаны мирный договор и соглашение, то нам необходимо будет сделать так, чтобы ты побывал у нашего сардала, и чтобы он увидел тебя и мог бы сообщить императору об этом». Шамиль же, как будто ругая и порицая своих товарищей, приведших его на эту встречу, сказал: «Пусть сейчас же берут [оружие]. Пусть сейчас же берут». ^{a)} Тут Бартихан — дядя Шамля по линии отца ответил Пулло, прежде чем в беседу вступил Шамиль: «Мы, как-то сказал ты, люди свободные до анархизма. Один, к примеру, делает что-либо, а другой ему противоречит, один заключает договор, а другой—аннулирует его. У нас, однако, имеются ученые и мудрецы, которые находятся в селе. Они сюда не пришли, а мы можем делать что-либо лишь по совету с ними». Тут Ибрахимиль Хусайн²¹⁷ призвал мюридов к полуденной молитве, хотя время ее еще не подошло. Шамиль сразу же встал и сказал: «После призыва на молитву разговоров не бывает»,—и они разошлись.

После того русские потребовали отправить посредников, которые бы действовали между ними. Затем они потребовали этого еще раз, и тогда Шамиль ответил им так: «Я приду вооруженным с сотней товарищей, и во время беседы это оружие будет при мне. Ваш же сардал пусть приходит с тысячей товарищей, но остальные его воины пусть находятся вдали. Пусть он их возвратит назад». Русские, однако, не согласились на это и потребовали прихода в таком случае Бартихана, но он отказался. Во исполнение мирного договора русские потребовали тогда возвратить по домам тех детей и женщин, которые находились на Ахульго. Семьи, принадлежавшие к нескольким чиркатинским и гимринским

^{a)} А — приписка: «Гъанже босе (Теперь бери); на аварском языке».

домам, были высланы с Ахульго, но русские не удовлетворились этим.

Дополнение. Юнус—товарищ Шамиля рассказал: «Когда было решено отдать в заложники Джамалуддина, провели совещание: кто именно пойдет вместе с ним к русским, чтобы там постоянно сопровождать Джамалуддина и давать ему исламское воспитание. Никто, однако, не давал на это ответа, и тогда он, Юнус, сказал Шамилю: «Я сделаю то, что ты желаешь. Если ты считаешь, что я достоин пойти вместе с Джамалуддином, то я пойду». Шамиль наизусть прочел тогда Юнусу кое-что из Корана и затем тот, вооружившись, увел Джамалуддина с Ахульго.

Когда Юнус и Джамалуддин пришли к русским, те возвеличили их обоих и выказали им почтение. Вдвоем они были поселены в палатке у чаландара русских, который являлся у них начальником всех дел и их управителем.

Однажды Юнус был приглашен в палатку Граббе (Кираффи).²¹⁸ Тот многократно похвалил Юнуса и сказал: «Шамиль ведь прислушивается к твоим словам. Пусть он приходит к нам. От этого он получит множество благ, которых хватит до конца света». Юнус ответил: «Он этого не сделает. Если даже он лично склонится к тому,* чтобы сделать это,^{а)} на Ахульго имеются люди, которые удержат его от прибытия». Граббе сказал: «Ты все равно непременно сходи туда. Может быть, Шамиль все же придет».

Юнус пошел к Шамилю и сообщил мюридам о том, что сказал Граббе. Тут Шамиль сказал: «Я еще до отправки сына в заложники знал, что русские не помирятся с нами. Пусть они теперь сражаются с нами с той стороны, с какой хотят. Для них у нас имеется только сабля». Товарищи—Бартихан и другой мюрид не согласились на такой ответ. Они пожелали, чтобы Шамиль смягчил свои слова, но он сказал: «В сношениях с русскими смягчение нам пользы не даст». Юнус тут спросил: «Что же я скажу Граббе?» Ответа эти два горца не нашли, и тогда Юнус сказал: «Я скажу Граббе так-то и так-то». Соратники воскликнули: «Это—мысль!»

После этого Юнус к утру вернулся в палатку чаландара. Сделав утренний намаз, Юнус заснул и спал до тех пор, пока солнце не поднялось. Тут чаландар сказал ему: «Тебя зовут к Граббе». Юнус разбудил Джамалуддина, и они вышли вдвоем.

Вдруг показались ряды солдат, которые шли в сторону палатки Граббе, ударяя в большой барабан так, будто их ведут на смерть. Они оба вошли затем к Граббе, причем Юнус был вооружен; он не

*) А—отмеченная фраза отсутствует.

расставался с оружием и чалмой Граббе спросил: «Ну, что сказал Шамиль?» Юнус ответил: «Он утверждает: ты взял его сына в заложники ради заключения мира, обещая при этом вернуться назад и не наносить никому и ничем ущерба, но ты нарушил это обещание; затем ты приказал отправить часть детей и женщин в их прежние обители, а остальных обещал отпустить туда, куда они захотят пойти, но и в этом вопросе ты проявил вероломство». Юнус упомянул еще и третий факт, а затем сказал: «После всего этого мы вам больше не верим. Вы—люди вероломные, лживые и коварные». Граббе^{а)} пришел в возбужденное состояние, рассердился и сказал: «Шамиль и его слова меня не интересуют. Нам приказано пленить его и захватить женщин и детей. Для этого мы и посылаем солдат наводить там мост». От слов Граббе кожа у Юнуса вздрогнула, во рту стало горячо, а рука потянулась к кинжалу с намерением убить этого негодяя^{б)}. Затем, однако, Юнус проявил терпение, пожалел этого мальчика Джамалуддина и подумал^{в)}: «Подожду-ка я лучше. Если со стороны русских проявится то, что мы Шамилю не желаем, то я, будучи при своих убеждениях, совершу убийство, пренебрегая смертью». После этого Юнус остыл и успокоился.

Граббе^{г)} понял перемену, произошедшую в Юнусе, и приказал переводчику вывести его из палатки. Юнус, однако, не вышел, пока не высказал генералу того, что было у него на душе и на языке из-за вероломства русских и нарушения ими обетов.

Затем он вышел с мальчиком наружу и пошел к палатке чаландара. Когда Юнус пришел, русские перестали курить из уважения к нему. Юнус, однако, сказал: «Из-за нас не бросайте ничего из того, что вы делаете постоянно, а мы из-за вас не будем бросать того, что мы делаем».

Увидев, что Юнус опечален, чаландар коснулся его спины своей рукой и сказал: «Не печалься. Вы—рабы всевышнего Аллаха, люди, покорные Ему. Он убережет вас и вашего Шамиля от всего плохого». Юнус ответил чаландару: «Мы убеждены, что всевышний Аллах предопределил происходящее в мире, прежде чем взялся создавать его. Мы убеждены также, что претерпим только тот ущерб от вашей многочисленности и мощи, который предопределил навечно всевышний Аллах».

Они пребывали в таком положении. Вдруг оттуда, куда ходили прежде, вернулись отряды солдат. Они были веселыми, смеялись

а) Во всех списках, кроме А—«Проклятый».

б) А—«начальник».

в) А—«подумал и сказал про себя».

г) Во всех списках, кроме А—«Проклятый»; А—«Граф».

и пели песню. Так эти проклятые радовались миру. Что же касается мунапиков из числа чтецов (?) и других, то из-за поступления вести о мире их лица стали сумрачными, из глаз полились слезы, а сердца сжались.

Однажды после утреннего намаза Юнус находился в своей модельне, и тут чаландар вдруг выпрямился, сделал семь земных поклонов и воззвал к Аллаху. Затем он посмотрел на Юнуса и сказал: «За ваше богомолие и вашу покорность всевышнему Аллаху Он вознаградит вас добром. От нашего же поклонения императору нет никакой пользы». Таким образом, чаландар, подобно мусульманскому проповеднику, давал наставления и этим доставлял ему приятное.

Когда Юнус полностью убедился, что у русских одно желание— поразить чем-либо Шамиля, у него появилось намерение найти верного человека, который бы доставил восточку Шамилю. И вот однажды чаландар сказал Юнусу: «Граббе приказывает тебе, чтобы ты пошел и привел свою жену и тех, кто пребывает ныне вместе с ней, а также детей Муртузали Чиркеевского»—он находился тогда у русских в заключении—«и за это ты получишь великое жалование и постоянные блага от нашего императора. Постарайся также привести с Ахульго и других людей с их детьми и женщинами. Ты дай им знать, что такая же награда, как тебе, будет дана и им, с оказанием, однако, предпочтения тем, кто придет первым». Чаландар еще долго распространялся об этом, пока, наконец, Юнус совершенно ясно не понял, что русские хотят, чтобы Шамиль остался на Ахульго один-одинешенек.

Юнус для того, чтобы чаландар не понял его намерений, начал было отговариваться. Он сказал: «Мюриды не дадут мне вернуться назад». Чаландар ответил на это: «Посланцев не арестовывают». Юнус затем сказал: «Этот ребенок станет среди вас скучать». Тогда чаландар позвал Муртузали, чтобы тот находился при Джамалуддине. После этого они попрощались и оба заплакали.

Затем Юнус вместе с двумя офицерами (**абсир**) вышел в сторону Ахульго. [Интересно, что] русские, всякий раз^{а)} как они встречались, оказывали Юнусу почтение по своему обыкновению поклонами. Около окопа Юнус оставил офицеров, пошел к Шамилю и сообщил ему весть о намерении русских, причем вместе с ними обоими находился тогда лишь Тахир Унцуккульский. Шамиль сказал: «Я знал это и раньше».

Затем пришла весть, что чаландар зовет Юнуса к окопу. Тот подошел и застал чаландара беседующим там с Бартиханом об

а) В, К—«когда».

отправке Шамиля. Тут раздался призыв на вечернюю молитву, причем преждевременный. Бартихан сразу повернул назад, говоря: «Мы еще поговорим завтра». Чаландар же сказал тут Юнусу: «Иди сюда. Давай-ка мы возвратимся»,— но тот начал отговариваться необходимостью вывести с Ахульго тех-то и попытаться вывести тех-то. Чаландар сказал: «Для этого завтра сходишь». Юнус ответил: «Я сейчас, только возьму свое ружье». Тот сказал: «Иди и приходи назад». Юнус вернулся к Шамилю и попросил у него разрешения остаться при нем. Тут пришел посланец чаландара сначала один раз, затем еще и еще^{а)}. Когда же чаландару сообщали, наконец, что Юнус не придет, он топнул ногой по земле и ушел назад.

Неверные^{б)} начали сражение после того как проговорили таким образом около грех дней, увидели худобу тел товарищей Шамиля, ослабление их сил, многочисленность раненых и больных в среде мюридов, разрушение их укреплений и остальные их слабые места. Обо всем этом русским сообщили мунапики, которые ходили к мюридам от имени Граббе,^{в)} выдавая себя за посредников, действующих ради заключения мира.

Русские обрушились теперь на мюридов и разрушили пушечными ядрами все самые крепкие стены. Горцы, однако, противостояли^{г)} русским вопреки этому великому бедствию еще около недели. Ночами они исправляли, по мере сил, то, что враги портили днем. От этого мюриды в конце концов сильно ослабли. От стеснений, претерпеваемых в этом мире, они стали раздраженными до такой степени, что соперничали друг с другом в стремлении к смерти, мечтали о ней. Умершего мюриды рассматривали как человека, вошедшего в рай, а себя, как бы взирающими ему вслед.

В один из таких дней Шамиль уселся на место, видном для врагов, а своего сына Газимухаммада посадил на колени. Около Шамиля, укрывшись за скалой, находился дервиш Нурмухаммад Инховский. Шамиль завидовал тогда одиночеству дервиша—он ведь не беспокоился о своих детях, *дело в том, что домашние этого дервиша находились в своих исконно родных местах^{д)}. Шамиль* сказал тут про себя^{д)}, обращаясь к всевышнему и великому Аллаху: «О, Господи! Это—самое дорогое для меня живое существо. Так пошли же смерть от пули в лоб сначала мне, а уже потом—этому моему мальчику». Шамиль страстно желал тогда доз-

а) А—приписка: «по он (Юнус) не пошел».

б) Во всех списках, кроме А—«Они».

в) Во всех списках, кроме А—«проклятый»; А—«граф».

г) Б, В—«сражались».

д) В списках Б, К отмеченная фраза отсутствует.

воленной Аллахом смерти; но она ведь приходит лишь по желанию Всевышнего! А как же могущественный и мудрый Аллах может пожелать этого в отношении Шамиля и его сына?

Всевышний Аллах ведь хотел видеть от них обоих: подавления воюющих неверных, подчинения мунапиков, возвышения религии и наведения, благодаря им обоним, порядка в делах мусульман, как в земной, так и в загробной жизни. Об этом мы еще расскажем, если захочет всевышний Аллах. В Коране ведь сказано: «То, что приносит пользу людям, [долго] остается на земле». ^{а)}

ГЛАВА О ВЫХОДЕ ШАМИЛЯ ИЗ АХУЛЬГО И О ТОМ ТРУДНОМ И РАДОСТНОМ, ЧТО ОН ВСТРЕТИЛ ПОСЛЕ ЭТОГО, ПОКА НЕ ДОШЕЛ ДО СЕЛЕНИЯ ШАТОЙ

[1839 г.]

Всевышний Аллах захотел выставить напоказ действительно предопределенное и тогда оказалось, что: «расширилась дырка перед чинящим одежду», «сошлись два кольца подпруги»^{б)} и «один из двух хурджинов перемета перевесил»^{б)}.

Люди на Ахульго перестали уже блокировать проходы, собираться и затем выходить на сражения. Шамиль же прекратил отдавать приказы, устанавливая запреты, так как они не приносили пользы осажденным. В тот последний день, когда горцы еще явились на сражение, Шамиль устремился в центр его. Он решил про себя не возвращаться назад. Мюридам же Шамиль заявил тогда, что он будет находиться там вместе с ними для того, чтобы приказывать и запрещать по ходу дела. Всевышний Аллах сохранил его, однако, от гибели, отдав взамен мужчин и женщин—его сестру, его тетку по матери и такого-то, и такого-то.

Ночью те, кто находился на Ахульго—мужчины, женщины и дети спустились в одно узкое место, расположенное в самой нижней части этой горы. Они тащили друг друга, наступая друг другу на ноги и ударяясь друг о друга. Вслед за ними Шамиль отправил туда же своего сына Газимухаммада и свою семью.

Сам же Шамиль возымел тогда намерение стать мучеником за веру на Ахульго. Своего товарища Юнуса он спросил: «Ты что будешь делать?» Тот ответил: «Я сделаю то, что сделаешь ты». После этого Шамиль приказал своему слуге Салиху убить прямо в конюшне своего коня, чтобы враг не завладел им, и потом

^{а)} Коран.

^{б)} В—отмеченная поговорка отсутствует.

ушел. Когда же Салих встал перед конем, тот заржал и* подошел к нему^{а)}. Тут Салиха охватила жалость к этому коню. Он не смог убить его.

Шамиль в боевом снаряжении вышел тем временем из своего дома. Книги же и прочие свои мирские предметы он оставил там. Шамиль при этом хлопнул рукой по книге* «Инсан ал-уюн», которая была написана рукой известного ученого Саида Араканского и воскликнул: «В руки какого же врага ты попадешь?»

Своей блистательной мощью всевышний Аллах через некоторое время возвратил эту книгу в руки Шамиля, в собственное его владение. Хвала Ему — мудрому устройтелю!^{б)}

Шамиль примерно с десятью воинами пошел к месту засады, расположенному на месте прежней битвы, которое мюриды выкопали ночью. Мюриды уже находились в месте, предназначенном для засады, как вдруг к Шамилю подошел Тахир Унцукульский и сказал: «Мы до сих пор никак не могли узнать твоего местонахождения. Там [в низине] имеется много мужчин, которые требуют тебя, чтобы делать то, что делаешь ты». Шамиль, однако, был согласен лишь с одним—сидеть в месте засады, пока жив. Тахир тут уподобился грому и молнии. Он сказал затем: «Самое лучшее и самое подходящее для тебя—делать вместе с ними то, что ты делаешь, а не быть один-одинешенек».

Шамиль вместе с Тахиром возвратился тогда в свой дом. Там, однако, он встретился с Бартиханом. Бартихан спросил Шамиля: «Ты что сейчас делаешь?» Тот ответил: «Я сижу там, в месте для засады. Что же касается того узкого места, [где спрятались мюриды], то туда я не спущусь, ибо враги перебьют нас камнями и комьями сухой глины». Бартихан сказал: «Я поступлю так же»,—и пошел к себе домой, чтобы подготовиться к бою.

Салаватские (нахбакал) юноши затем все же принудили Шамиля спуститься в то узкое место, где находились тогда женщины и дети.* Он спустился^{в)}, и там горцы пробыли около трех дней. Враги же находились тогда и над ними, и под ними.

У Шамиля и его товарищей не было тогда возможности соединиться друг с другом. Они не имели ничего такого, что могло бы утолить их голод. В один из дней случилось так, что Шамиль задремал, и тут он увидел во сне: жена его Джавхарат как будто упала

а) А—отмеченная фраза отсутствует.

б) Б, В—отмеченная фраза отсутствует; в списке К она дана в виде приписки на полях.

в) Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

на землю, а его сын от нее, двухлетний Саид, ползает по ней. Шамиль растолковал этот сон так: она умрет.

У Джавхарат на голове была рана; вот такими были ее дела. В укрытии она из-за этого ослабла и после ухода Шамиля оттуда прожила лишь около трех дней. Джавхарат, пока не умерла, постоянно просила Тахира Ундукульского достать ей воды и жевака жареные зерна, которые взяла для своего сына с Ахульго, завернув в край своей вуали. А после смерти Джавхарат этот сын ползал еще по ней и с криком звал: то отца—«Шамиль», то мать—«Джавхарат».

Рассказ. Через год Шамиль пришел в ту местность и спросил про жену. Кто-то показал на одно место и сказал: «Вот тут упала Джавхарат». Ее и действительно нашли под камнями и мокрой глиной, которые нанесла речная вода во время разлива. Ни одежда Джавхарат, ни ее тело совершенно не изменились. Даже губы у нее были влажными—когда их приподняли над зубами, они сами сомкнулись над ними, как у живого человека. Там,* то есть на Ахульго,^{а)} Джавхарат и была похоронена.

Другой рассказ. На Ахульго в пещере находится труп мужчины. До сих пор—до тысяча двести семьдесят второго (1855/56) года у него ни на теле, ни в одежде ничего не изменилось. Его может увидеть каждый, кто посетит то место.

Другой рассказ. Передают его со слов одного дряхлого старика из селения Уриб,^{б)} который посетил Ахульго примерно через двадцать лет после его падения. Там этот старик увидел сидящую женщину—мученицу за веру, которая держала руками два конца своей вуали. На одном конце ее находилось при этом немного муки, а на другом—чутьточку соли. Тело женщины было высохшим.

Другой рассказ. На принадлежащих одному ашильтинцу землях, где похоронены мученики за веру, погибшие на Ахульго, около двадцати мужчин, начали было создавать пашни и сады. У всех них, однако, отсохли руки^{б)}.

Шамиль дал приказ членам своей семьи и детям, по мере сил, сражаться: «тот же из них, кого ослабит рана, пусть прыгает в Койсу, но не сдается в плен». Когда Шамилю выразили соболезнование по случаю мученической гибели Бартихана—его дяди по линии отца, он, страстно желая смерти и будучи раздражен происходящим в мире, сказал людям, выражавшим соболезнование: «Вы лучше скажите: «Да присоединит тебя всевышний Аллах к Бартихану!»

^{а)} Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

^{б)} Б, В, К — последние два рассказа отсутствуют.

Ночью мюриды приставили к верхней части горы бревно, что бы по нему выйти из той теснины на простор, где, однако, перед ними стояли отряды русских. Шамиль начал искать человека, который бы за высокую оплату поднял по бревну его сына Газимухаммада. Никто не согласился. Тогда Шамиль посадил сына к себе на спину, привязал его к себе и взял свою обувь себе в рот. Затем он первым поднялся на поверхность. Вместе с Шамилем поднялась тогда и часть его товарищей.

Шамиль сел около верхней части бревна и отказался двигаться дальше, пока его не догонят его товарищи—Муса Балаханский и еще такой-то и такой-то. Вслед за своей семьей он отправил тогда около восьми мужчин—одного за одним.

Газияв Андийский попросил Шамиля перейти поближе к ним, ибо, сказал он: «Эта наша позиция мешает поднимающимся». Исполнив это, Шамиль вдруг увидел какую-то черноту. Он шепнул Газияву: «Это что за чернота? Это человек чернеет или что-либо другое?» Тут раздался свист солдатских пуль, выпущенных по ним. Шамиль сказал тогда: «Мы должны встать и атаковать, ибо дело раскрылось. Уже не спрячешься». Мюриды ринулись на солдат и выстрелили из ружей. Те разбежались; за это* небольшое время^{а)} Шамиль успел выстрелить целых пять раз.

Затем сказали, что спереди на них движется большой отряд. Шамиль приказал своим тихо сидеть за скалой, пока русские не разрядят в них свои ружья. Товарищи Шамиля встали, однако, позади него, а Сулганбек Дылымский²⁰ впереди—грудью закрывая его. Затем мюриды произвели атаку на тот отряд, тогда-то и пал там мучеником за веру этот дылымец. Русские, будучи разбиты, отбежали в сторону. Шамиль имел тогда намерение бежать вслед за ними, но его благочестивый и благоразумный товарищ Ахбердиль Мухаммад повис на нем. Мухаммад подозвал к Шамилю другого товарища и при нем поклялся Шамилю: «Клянусь Аллахом! Ты не умрешь в эту ночь». После того у Ахбердила Мухаммада спросили: «Почему ты так поклялся?» Он ответил: «Я видел сновидение: «Как будто огромный поток воды залил Ахульго и тех, кто находился на нем. Однако я,^{б)} Шамиль и немногие товарищи вылетели оттуда на чиркатинскую дорогу^{в)} и причем совершенно не затронутые потоком». Я растолковал его так: «Мы спасемся, а те, кто остался на Ахульго,—погибнут».

Шамиль шел вместе со своими товарищами и вдруг в сторону его головы полетел ком твердой земли, который поразил его в

а) Б. К.—«миг»; В.—«час».

б) В тексте: «он».

в) В некоторых списках—приписка: «парсал», (по-аварски²⁵ «утесы»).

шею. От этого Шамиль упал на землю. Один его товарищ подско-чил и спросил: «Куда поразил тебя этот ком?». Шамиль ответил: «Меня не ранило», а затем встал и стряхнул землю. Тут мюриды увидели второй отряд солдат, затем — третий. Всевышний Аллах не предопределил, однако, этим отрядам победы над ними—мюриды немного отделились от лагерей русских и от их дозорных и остано-вились у воды. Шамиль возымел было намерение вернуться оттуда назад, чтобы разузнать о своих детях, но соратники запрети-ли ему это. Юнус—товарищ Шамяля встал тогда и сказал: «Для этого дела пойду я»,—а вскоре пришла весть, что Газимухаммад и его мать Патимат спаслись и уже подходят.

Дополнение. Мальчишка—его сын Газимухаммад, которому было семь лет, сидел на спине одного мужчины, когда они проходили через отряды русских. Какой-то солдат ткнул тогда Газимухамма-да своим штыком в голень и тем самым ранил. Газимухаммад же, зная распоряжение своего отца и напоминая его, лишь крикнул тому, кто нес его: «Брось меня в реку! Брось меня в реку!».

Что же касается жены Шамяля—Джавхарат и его сына от нее —Саида, то они остались на Ахульго, как то уже было сказано выше.

Что же касается сестры Шамяля, то она была тяжела телом. Когда русские вознамерились взять в плен детей и женщин, нахо-дившихся на Ахульго, она намотала свою вуаль себе на лицо и бросилась в Койсу.

Вместе с Шамилем по бревну поднялось тогда около тридца-ти душ. Около шести из них пали затем там мучениками за веру.

Мюриды начали затем говорить друг другу: «Мы, наконец, спас-лись от русских». Вот тут Шамиль и опечалился, заплакал, обругал их и подверг упрекам, говоря: «Это вы не оставили меня на Ахуль-го, на месте, подготовленном для засады, сражаться, пока не по-гибну. Где же мы найдем теперь убежище? Где обоснуемся? На свете есть ныне лишь те, кто ненавидит нас, относится к нам враждебно».

Ночью мюриды пошли вдоль берега реки, подобно овцам, исху-давшим от голода, слабые телесно. Когда они ощутили потреб-ность снять обувь, чтобы затем идти по воде, Шамиль приказал совершить тогда же и омовение для утреннего намаза. Когда же рассвело, мюриды совершили этот намаз.

Затем мюриды подошли к месту, напротив которого находи-лись гимринские дозорные. Они сидели там для того, чтобы сра-зиться с Шамилем, чтобы помешать ему. Между двумя отрядами текла Койсу. Дозорные выстрелили по Шамилю из ружей. Он при

этом узнал поименно тех гимринцев, которые находились там вместе с гимринскими аристократами. Шамиль вытащил тут свою саблю, поднял ее над головой и помахал ею так, чтобы они увидели ее. Шамиль затем закричал: «Эй, такой-то и такой-то! Это — моя сабля — сабля левши достигнет вас, если будет угодно всевышнему Аллаху, в течение трех месяцев». От его слов дозорные страшно перепугались. Дело в том, что преступные гимринские вельможи имели давнее намерение: переловить тех гимринцев, которые не соглашались с ними, не желают портить дело шариата и затем, схватив таких людей, отправить их к русским. От таких слов Шамиля они теперь испугались уже за самих себя — того, что судьба может от них отвернуться.

Так мюриды шли до наступления полуденной жары. В одном месте от слабости они свалились, наконец, наземь, утомленные, голодные, невыспавшиеся.

Когда стало известно, что Шамиль и его товарищи выскользнули из Ахульго,* вслед за ним^{а)} выступили: Ахматхан Равнинный и Хаджимурад Хунзахский^{б)} с отрядом мунапиков. Они приблизились к тому месту на расстояние менее чем полет стрелы, и тут всевышний и мудрый Аллах сделал так, что их глаза не заметили мюридов, а самих преследователей. Он отклонил в сторону. После этого мунапики вернулись назад.

Затем они, то есть Шамиль и его товарищи, поднялись и пошли, подобно тощим овцам. Жажда у мюридов усилилась до такой степени, что они даже выпили воду, взятую из ямок на дороге, оставленных копытами животных.

Шамиль предложил высокую плату любым двум мюридам, которые пойдут вперед и принесут остальным воду. Такие нашлись. Они пошли и возвратились с водой. Один из этих двоих передал ее при этом группе, идущей впереди, с которой находился мальчик Газимухаммад, а другой отнес ее группе, в которой был Шамиль. Люди выпили эту воду. Вскоре одна группа мюридов догнала другую, которая сидела и отдыхала. Газимухаммад находился тогда на небольшом возвышении в стороне от остальных. Шамиль пошел к нему и спросил: «Ну, как ты? Выпил водички?» Тот грустным голосом ответил: «Они не напоили меня». Шамиль тогда отругал мюридов за это, выбранил, а сына приласкал и развеселил. Он сказал Газимухаммаду: «Скоро мы дойдем до воды. Напоим тебя, накормим», — а затем сказал: «Ну, иди». Тот было пошел заплетающимися ногами, чуть ли не падая, и тогда Шамиль посадил сына к себе на спину.

а) А — «вслед за ним и в поисках его».

б) В — приписка: «Ахматхан Нижнедженгутаевский и известный Хаджимурал Аварский, служивший русским до своего ухода к Шамилю».

Голова Газимухаммада ударялась о голову Шамиля. Мальчик даже сказал: «Моя шея не в силах держать мою голову». Он ведь очень сильно ослаб из-за раны, которая была у него, а также из-за других бедствий и тягот.

Мюриды шли в течение всей ночи, подымаясь на верхнюю часть горы. Сынишка—Газимухаммад потерял тут терпение и пожаловался Шамилю, что он умирает от голода: в это время он сидел на спине уже другого мужчины. Шамиль же во тьме указал тогда на вершину горы и спросил: «Ты видишь это? Когда мы дойдем до нее, накормим тебя хлебом досыта». Перед подъемом на вершину мюриды совершили утренний намаз и затем взошли на нее с восходом солнца.

Пребывая в таком положении, мюриды вдруг увидели всадника, движущегося к ним. Когда тот, однако, их заметил, быстро поскакал было назад. Шамиль закричал: «Стреляйте в него! Стреляйте в него!» — и тут всадник повернул назад и спросил: «Вы эти, что ли?» Когда же он узнал их, обрадовался и сказал: «А я-то подумал, что вы одна из вражеских групп».

Оказалось, что он привез мешок, полный хлеба и сыра, для того, чтобы встретить и накормить людей, ускользнувших из Ахульго. Газимухаммад был тогда накормлен, покушали и мюриды. Затем Шамиль приказал тому удачливому Исахаджияву²²¹ Чиркеевскому пойти и привезти, посадив на коня, Ахбердиль Мухаммада, который ослабел и утомился. Исахаджияв привез его. Тогда Шамиль приказал ему привезти, посадив на коня, одного раненого мюрида. Исахаджияв привез и его. Затем Исахаджияв пошел на дальний загон для овец и принес мюридам оттуда муку. Да воздаст ему всевышний Аллах за это добром!

Все это—лишь краткое резюме того, что произошло на Ахульго. Подробное же изложение тех событий составило бы толстенную книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными.

Рассказали со слов Джавадхана из Дарго,²²² который раньше был служащим у русских: «В крепости Кизляр он, Джавадхан, прочел один документ, гласящий, что только из-за Ахульго погибли тридцать три тысячи русских». А почему бы и нет? Говорили же ведь, что за один день у них были убиты на Ахульго пять тысяч человек. Рассказывали также, что, когда проклятый^{а)} Пулло вернулся оттуда, от всего его войска остались лишь два человека.

На Ахульго пали мучениками за веру свыше трехсот мужей. Первым, кто пал там, был мученик за веру Муртузали Чиркатин-

а) А—«начальник».

ский. Из числа почетных горцев и их ученых погибли: ученый мухаджир Алибек Хунзахский; ученый Бартихан—дядя Шамиля по линии отца; ученый мухаджир Сурхай из Коло; выносливый ученый Кази²²³ Чиркатинский; храбрец Балал Мухаммад²²⁴ Ирганайский, убивший, как говорят, за один день около ста врагов, которых, будучи сильно ослаблен, остался затем в руках у русских, которые начали было поносить его, но Мухаммад и тогда не проявил мягкости к ним, даже в своих речах; храбрец Мухаммадсултан Ирганайский; два аргванйских храбреца — Хусайн—сын Хирака²²⁵ и Мухаммад—сын Ханака²²⁶; юный ученый Мухаммад—сын сестры обновителя религии, мученика за веру Газимухаммада; храбрец Осман Балаханский; Ибрахимиль Хусайн Гимринский. Оцав (Усав) Арадерихский; Алихан Харахинский; два оротинца —Аликул Хусайн и Сааду; Муртазаласул Мухаммад Оркачинский—отец понятливого и храброго юноши по имени Муртаза—товарища имама и одновременно начальника его регулярного войска (**низам**); искренний друг Муртазали Гидатлинский (Хидали)-Мачадинский (Мачади)²²⁷, который в своей области, наполненной гордцами и великанами, держался в отдалении от остальных людей, когда те еще придерживались обычного права, и не принимал гидатлинской политики в отношении этого права; Мухаммадами Хотодинский,²²⁸ истинный и искренний, сходявший в Мекку пешком Омар Короткий Согратлинский; храбрый и доблестный Бусайлав Тиндинский,²²⁹ который во время испытания убил русских начальников, разъезжавших по областям, делавших топографическую съемку и определявших размеры выступов, а кроме того, он, Бусайлав, задержал Аличул Мухаммада²³⁰ и изъял у него и у тех, кто был с ним, то, что они взяли у тех русских начальников; и еще такой-то и такой-то. Да будет ими доволен всевышний Аллах, а они Им!

На Ахульго русские взяли в плен около шестисот душ; некоторые говорят: семьсот душ — женщин, детей и мужчин. Учеными из числа их были: мулла мюридов Силикул Мухаммад²³¹ Тапунинский, который умер в плену; выносливый Ибрахимхаджияв Мехельтинский, следы которого не известны; из Бетля (Бики)²³²—Ахмад Большой, следы которого не известны, Ахмад Малый, которого уморили, и Джабраиль, следы которого также не известны; Хизкиль Харачинский,²³³ который был убит при попытке к бегству от русских; Мухаммадали из Кахабросо (Белое село),²³⁴ следы которого не известны; Нурмухаммад Оркачинский, который и ныне в руках у русских; Мухаммад Хелетуриинский (Хириккури),²³⁵ следы которого не известны; Талхат Буцринский, его выкупили; хаджи Булат Янгиюртовский (Янгиви),²³⁶ его уже выкупили; и такой-то, и такой-то. Да воздаст всевышний Аллах доб-

ром их старания и да вменит в обязанность и им и нам произнесение слов о богобоязни и вере!

Дополнение, повествующее о милости всевышнего Аллаха. С того дня, как Шамиль освобожден от бедствий, имевших место на Ахульго, в мирской жизни постоянно возрастали его высокое положение и уважение к нему. На него проливались благосклонность и милость вплоть до наших дней. Пронестало же это от милости всевышнего Аллаха по отношению к Шамилю и к людям, большинство которых, однако, не знают этого. Мы поэтому просим всемогущего и мудрого Аллаха, чтобы эта мирская жизнь продолжалась таким же образом до тех пор, пока политика Шамиля и его война не соединятся с появлением Мухаммеда — мессии в конце света. В Коране ведь сказано: «То, что приносит людям пользу — [надолго] остается на земле»^{а)}. Да и как же нам не просить! Благодать от сражений Шамиля распространилась ведь до Мекки и Медины, до Балха и Бухары. Шейхи, находившиеся там, молятся за его победы и его созидательную деятельность, как-то мы уже указали в обращении.

Хаджи Деэнали²³⁷ Джарский рассказал, что, убежав из Сибири^{б)}, он перебрался в Бухару. Деэнали увидел там, что властитель бухарцев каждый вечер посещает усыпальницу шейха Мухаммада Накшбендийского — да будет благословенна его тайная мысль! — и молится там за Шайхшамиля, а народ при этом даже на базарах восклицает: «Аминь!»

То же самое рассказал Карахан Гулукский (Кулуки)-Грузинский, убежавший из Сибири после Деэнали и перебравшийся в Бухару. Карахан добавил к этому, что, когда он спросил о причине такой молитвы, ему ответили, что к Его величеству властителю Бухары пришли как-то два посланника от Его величества Шайхшамиля. Властитель спросил этих двоих о цели их отправки: нужна в деньгах ли это, или в людях, или в снаряжении? Посланники ответили ему: «Шайхшамиль просит у Вас лишь то, чтобы Вы молились за него». Говорят, что из-за этого властитель Бухары и молится за него таким образом.

Так и пошли затем мюриды. Остановились они у одного загона для овец, где пашли юношу, которого знали; его отец пал мучеником за веру рядом с ними на Ахульго. Юноша этот оказал мюридам гостеприимство — зарезал несколько овец во исполнение завещания своего отца и таким образом почтил их. Там мюриды и увидели новолуние месяца раджаб тысяча двести пятьде-

а) Коран.

б) А — «то есть из рук неверных».

сят пятого (1839) года. Время это было: конец лета — начало осени.

Мюриды вышли в путь ночью. Затем они услышали шаги мужчин, направляющихся к ним. Они спросили друг друга: «Кто вы? Кто вы?»—и затем узнали. Оказалось, что это мюриды из селения Артлух (Арлух),²³⁸ вышедшие навстречу Шамилю. Артлухцы повели его в темноте и поместили на своем хуторе, скрывая его от преступных элементов своего селения. Один артлухский мюрид принес тут хлеб, другой — лепешки, третий — сыр, четвертый — мясо. Так оказали они гостеприимство Шамилю, так почтили его.

Они пребывали в таком положении, и вдруг Иманкулав²³⁹ Чиркатинский закричал артлухцам, находясь в поле их зрения и в радиусе слышимости: «Шамиль и его товарищи изгнаны и принуждены разбежаться в разные стороны да так, что больше они не соберутся. Если у кого находится имущество, принадлежащее кому-либо из мюридов, то пусть он ни в коем случае не возвращает его хозяину».

Впоследствии этот крикун был убит как мунапик по приказу мученика за веру наиба Хитина Данухского.²⁴⁰ Так ему и надо!

Ночью мюриды вышли с того хутора и шли, пока не достигли селения алмакцев (алмахал)²⁴¹ к утру, когда их муэдзин призывал к молитве. Мюриды, однако, сразу вышли из Алмака, прячась и не сообщив никому, чтобы люди его не претерпели какого-либо ущерба со стороны своих преступных соседей из близлежащих больших селений по причине того, что Шамиль останавливался у них. Около воды мюриды остановились для совершения ритуального омовения, и тут торопливо подбежали: мулла алмакцев, а также их знать и простонародье. Алмакцы повисли на Шамиле и попросили, чтобы мюриды вернулись в их селение, посидели и отведали алмакского гостеприимства. Тогда Шамиль был вынужден объяснить алмакцам причину, по которой мюриды не стали останавливаться в их селении. Алмакцы, однако, поклялись, что не отпустят мюридов, не оказав им гостеприимства, если даже из-за этого их живыми бросят в огонь. Тут Шамиль сказал: «Ну, если уж так, то мы остановимся вот здесь», и тогда алмакцы принесли: один — еду, другой — другое и так, пока не оказали мюридам самое лучшее гостеприимство, пока не накормили их вкуснейшими и сладчайшими блюдами. Алмакцы дали им этого и на запас, заставили под их охраной поспать до обеда и лишь затем ушли назад.

Рассказ. Во время того перехода Шамиль и его товарищ Юнус шли вдвоем впереди других мюридов. Неожиданно они наткнулись на одного зандакского (зандаки) а)²⁴² старика, спавшего в своем

а) А — приписка: «селение в Чечне».

свежем сене. Они присели около него, и старик проснулся. Шамиль сказал тут своему товарищу: «Нет ли у тебя чего-либо, чтобы угостить его?» Юнус вытащил для него вареную баранью грудинку. Зандакец же первым делом осведомился у них о Шамиле. Шамиль тогда сделал ему знак, означающий, что тот убит, низвергнут и раздет. Старик заплакал, зарыдал и упал, словно бы он лишился чувств. Шамиль и Юнус тем временем встали и отошли от него.

Затем мимо старика прошли остальные товарищи. Он спросил их относительно известий о Шамиле. Те убедили зандакца: «Шамиль — один из тех двух мужчин, которые прошли перед тобой». Старый зандакец побежал тогда вслед за ними. Они же вдвоем присели тем временем, чтобы отдохнуть и вдруг видят какого-то старика, подбегающего к ним по-стариковски и с непокрытой головой. Оказалось, что это тот самый старик. Он же упал тут на колени к Шамилю и плачет, и плачет. Шамиль даже опечалился тем, что их слова заставили зандакца грустить.

Мюриды дошли к вечеру до Даттыха (Таттахи).²⁴³ Даттыхцы оказывали им гостеприимство в течение почти трех дней. Мюридам было оказано большое уважение. Один даттыхец даже зарезал быка, ибо дал обет поступить так при избавлении Шамиля от злощастных врагов. Этот человек накормил мюридов и других людей.

Затем мюриды пошли и остановились в селение Беной. Беновцы оказали им гостеприимство и большое уважение. Беновец — кунак Шамиля приходил даже в Даттых, чтобы лично принять его как гостя. Там же после двадцатого числа месяца раджаб (1839 г.) родился Мухаммадшапи^{а)} — сын Шамиля. Перед седьмым днем после его рождения в честь Мухаммадшапи было зарезано жертвенное животное.

Затем мюриды двинулись из Беноя и прибыли в селение Ведено (Видан).²⁴⁴ Там они увидели новолуние месяца шабан. Шамиль оставил тогда в Ведено своих детей, а сам выступил с товарищами в поисках места, подходящего им для остановки и проживания. Наиболее пригодным для этого местом мюриды сочли селение Гуш-Керт (Гаршкити)²⁴⁵ Шатоевской (Шубут)²⁴⁶ области. Там Шамиль остановился у одного благородного кунака, который приходил навстречу ему, когда мюриды вышли из Ведено. Затем этот кунак по имени Шабан пошел и через десять ночей месяца шабан привез из Ведено детей Шамиля.

Затем вернулись в Гуш-Керт и некоторые товарищи Шамиля. Вместе с ним там поселилось восемь человек: его неразлучный

а) А, Б — приписка: «Между Мухаммадшапи и Газимухаммадом разница около 7 лет, а между последним и Джамалуддином — около 3-х лет (от него)».

товарищ Юнус; его слуга Салих; гоцатлинцы—раненый Худанатиль Мухаммад,²⁴⁷ Белади и Гимбат (Химмат);²⁴⁸ арадерихцы—раненый Нурали и Муртазали, раненый Муса Балаханский.

Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитый храбрец Шуаиб Центороевский (Цамутари)²⁴⁹ и Джавадхан Даргонский. Последний, будучи опечален из-за той беды, которая поразила Шамиля, во время той встречи сказал ему: «Ты не грусти по поводу пропажи и рассеяния твоих старых товарищей. Здесь у тебя появятся новые, равные прежним, постоянные товарищи числом более трех тысяч. Я буду тебе как бы рабом-мамлюком, которому ты будешь приказывать то, что ты желаешь. Я буду повиняться тебе так, как ты желаешь». Да воздаст ему добром всевышний Аллах!

Шамиль назначил Шуаиба и Джавадхана наибами в тех двух краях. Он при этом приказал им обоим изымать то, что будет найдено в руках людей, приходящих из Аваристана (Маарух)²⁵⁰ и убивать тех, кто будет иметь отличительные признаки мюрида или чтеца Корана, а прочих отпускать. Шуаиб и Джавадхан изымали поэтому коней у тех андийцев, гумбетовцев и каратинцев (калалал), которые приходили в Чечню в поисках зерна. В этом деле к ним обоим примкнули и некоторые товарищи Шамиля — зрелый юноша Муртаза—сын мученика Муртазаласул Мухаммада Оркачинского и другие мюриды. Этими действиями они смягчили жителей названных областей до такой степени, что они в конце концов подчинились приказам Шамиля.

В то время, когда Шамиль остановился в Гуш-Керте, он был первое время подобен брошенной тряпке. Никто не обращал на него внимания, никто не оборачивался вслед ему. И вот однажды к нему пришла женщина-чиркеевка по имени Азизай с жалобой на то, что здесь она продана и обращена в рабство. Шамиль ей дал, однако, понять, что он не имеет сил избавить ее от этого.²⁵¹

ГЛАВА О ПРИХОДЕ К ШАМИЛЮ ШАТОВЕВЦЕВ И ОСТАЛЬНЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ

[1839 г.]

В один из последних десяти дней месяца рамадан этого года Шамиль читал Коран в своей комнатке. Тут к нему подошел его сын Газимухаммад и сказал: «Женщину, которая приходила к нам, уводят какие-то мужчины. Она кричит и плачет». Шамиль выскочил тогда к воротам усадьбы и увидел ее. Женщина эта шумела и кричала: «Неужели здесь нет мусульманина, который бы освободил меня?» Шамиль при виде этого зашел в усадьбу, взял

свое вооружение, обнажил саблю и крикнул своим товарищам, чтобы они выходили. После этого Шамиль побежал вслед за теми мужчинами, ругая их и угрожая им, что он не позволит им совершить это. Тут бегущего Шамиля встретил юный шатоевец по имени Мухаммадгирей, известный тем, что знал аварский язык^{а)}. Он повис на Шамиле и помешал ему догнать тех мужчин, причем Шамилем была нанесена тогда рана руке Мухаммадгирея.

Когда те мужчины увидели Шамиля таковым, они прыгнули за дерево и отпустили ту женщину по имени Азизай, и она убежала в селение. Там, однако, вскоре собрались какие-то мужчины. Произошли спор и длинный разговор. Кунак Шамиля обратился затем к нему с речью, и тот спросил у переводчика: «Что он говорит?» Переводчик ответил: «Он заявляет, что на нем, Шабане, лежат пятнадцать туманов в качестве гарантии, что эта женщина [никуда не денется] и поэтому он хочет, чтобы ее отпустили». Шамиль выбранил кунака за это и сказал: «Если на него падет даже десять тысяч туманов, не будет позволена продажа мусульманки». Шамиль отчитал затем и брата кунака за разговор об этом — он даже^{*)} сделал перед ним знак оружием^{б)} и ткнул им в его сторону.

На том они и возвратились домой. С того дня, однако, шатоевцы начали группами посещать Шамиля и просить у него привести их к раскаянию, дать добрый совет.

Затем однажды пришел Муху Арадерихский, которого Шамиль назначил в одно [шатоевское] селение руководить дополнительными молитвами месяца рамадан (тарвиха) и со смехом спрашивает: «Что это вы сделали с ними? В сильном страхе они приходят сейчас целыми толпами, просят привести их к раскаянию. Они утверждают при этом, что Шамиль [чуть было не] убил своего кунака и его брата».²⁵²

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ШАМИЛЕМ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ОСТАНОВИЛСЯ В ШАТОЕ

[1840 г.]

После того события жители Нижней Чечни начали группами приходить к Шамилю. Одни из них при этом просили у Шамиля разрешения переселиться к нему, но он откладывал их дело, говоря примерно так: «Возможно, что после этого Аллах создаст еще какое-либо дело». Другие нижнечеченцы просили Шамиля выступить в их сторону, но он отговаривался перед ними тем, что ему на-

а) Б, К—приписка: «язык гор».

б) К—«пошел на него с оружием».

скучили люди и общение с ними, а также—малочисленностью своих товарищей. Эти отговорки, однако, лишь увеличили просьбы со стороны нижних чеченцев и их настойчивость. Причиной же этому было то, что еще до прихода Шамиля русские взяли с этих нижних чеченцев в качестве налога по одному рублю (куруш) с каждого дома и по одному ружью с каждых десяти домов. Кроме того, нижние чеченцы слышали, что они, то есть * начальники этих проклятых людей^{а)}, шепчутся между собой и совещаются о том, чтобы взять с каждых десяти нижнечеченских женщин еще и по паре штанов.²⁵³

Шотоевцы удерживали тогда Шамиля и говорили: «Эти нижние чеченцы—люди злополучные, коварные и вероломные. Мы не уверены, что они не причинят тебе вреда за подарок от русских». Но вот однажды пришел один нижний чеченец и с глазами полными слез заговорил с Газиявом Андийским, после чего тот сказал Шамилю: «Ты разве не слышишь, что он говорит?» Он спросил: «Что там такое?» Газияв ответил: «Он говорит, что ты не прислушался к призывам и настойчивым просьбам наших мужчин, и поэтому сейчас придут наши женщины с тем, чтобы не возвращаться без тебя». Шамиль, Газияв и другие заплакали от этого и возблагодарили всевышнего Аллаха за такое содействие. Ведь это произошло после того, как мюриды отчаялись найти людей, которые будут согласны с ними в отношении их намерений.

Шамиль назначил тому чеченцу срок выступления и затем отправил к Ахбердиль Мухаммаду Хунзахскому, который находился тогда в Кенхи (Канху)²⁵⁴, весть: «Нижние чеченцы, привлекая даже своих женщин, просят нас выступить на помощь к ним. Ты приходи поэтому к нам в такой-то день с теми, кто повинуется тебе». Затем Шамиль собрал мужчин-шотоевцев, дал им наставления и польстил им, сказав: «Вы стали моими кунаками и моим убежищем в то время, когда мне было тяжело в мире. Вы утешили меня, когда прочие люди отлучили меня. Вы теперь видите, что нижние чеченцы зовут меня для исправления своих дел, установления у них порядка и введения шариата между ними. Я хочу, чтобы для этого дела вы были главарями, моими помощниками в этом. Если вы сочтете целесообразным то, что я хочу, будет очень хорошо. Выступайте тогда вместе со мной. Если же нет, то я вернусь затем к вам с нижними чеченцами, и мы проведем наше дело в жизнь в вашей среде, даже против вашего желания». Шотоевцы согласились на выступление в поход* после большого шума, произошедшего между ними^{б)}, и сказали: «Мы, однако, хотели

а) А—«начальник неверных».

б) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

бы попросить у тебя одну вещь». Шамиль сказал: «Просите. Я же по мере возможности попытаюсь дать вам положительный ответ». Шатоевцы сказали: «Выпал столь большой снег, что сейчас в нем тонут собаки. После того, как в конце зимы этот снег растает, мы должны будем пахать и сеять. Поэтому ты разреши нам к тому времени возвратиться назад». Шамиль ответил им на это: «Я позволю вам вернуться тогда, когда вы попросите разрешения на это».

Затем явился Ахбердиль Мухаммад с товарищами числом около пятнадцати, среди которых находились: известный хребрец Микаиль Гакваринский (Хавкари)²⁵⁵ и Кадиласул Мухаммад.²⁵⁶ После этого мюриды выступили в поход во имя всевышнего Аллаха и по Его желанию. Вместе с ними выступили и шатоевцы. Именно они берегли Шамиля и хранили его, подобно княжеским (султан) телохранителям. Они не позволяли никому из чужаков пожать руку Шамиля, ибо боялись коварства и вероломства с их стороны. Они объехали жителей Нижней Чечни, ее различные округа (вилаят) и выдрессировали их. Нижние чеченцы с удовольствием и радостью выказали повиновение Шамилю, это сделали даже их старшины. Каждый из них приносил свой отличительный знак (чин), который пожаловал ему начальник русских и прямо перед Шамилем ломал его на мелкие куски, выказывая таким образом полное повиновение последнему.

Шамиль приказал переселиться с открытых просторов на лесные полянки жителям больших селений—Шали (Чали),²⁵⁷ Герменчук (Кирмичик)²⁵⁸ и других—вместе со своими имуществами, детьми и женщинами. Он приказал им также не воевать, даже если на них нападет враг, до тех пор, пока они не закончат этого. Нижние чеченцы так и повели себя, пока не закончили подготовку и не поселились — каждый в определенном месте, после чего Шамиль приказал им сжечь те старинные, обжитые и красивые селения. Тяжело было нижним чеченцам, но они все же сделали это.

Когда мюриды подошли к Акташ-ауху, к Шамилю прибыли туда чиркеевцы—его ученик, познавший Аллаха Амирхан, его искренний друг Шайх и еще один человек, выказывая полное повиновение от имени жителей Чиркея. Чиркеевцы просили при этом небольшой отсрочки с выступлением, чтобы они могли выручить своих овец, пребывающих на равнине, из рук врагов. Шамиль удовлетворился этим и дал чиркеевцам такое разрешение.

В Чеченском вилайете Шамиль создал четыре волости (кура). В Гехинскую (Кихи)²⁵⁹ волость Шамиль назначил правителем Ахбердиль Мухаммада, в Мичиковскую (Мишки)²⁶⁰ волость — известного Шуанба, в Шалинско—Герменчукскую (Чали-Кирмичик) волость—Джавадхана, а в Ауховскую волость—следующего по верному пути мухаджира хаджи Ташава Эндиреевского.

Затем Шамиль с теми, кто был вместе с ним, повернул назад, и они прибыли в селение Ведено. Никто из веденоевцев не прибыл, однако, к нему. Затем мюриды примерно на три ночи остановились в селении Харачой (Харач).²⁶¹ Из числа харачоевцев было тогда убито около десяти человек^{а)}. Дело в том, что они не подчинялись приказам наиба, назначенного над ними, хотя он и был одним из них, а именно—Джавадхана, и не следовали его политике.

К Шамилю пришли туда тиндицы (тиндал) и багвалальцы. Он, однако, сильно поругал их и сделал им резкий выговор: «Вы не пришли тогда, когда я подымал вас для дела крайне необходимого именно вам, а сейчас у меня нет особой нужды в вас. Возвращайтесь-ка назад. Вы недостойны благодарности. Вы подобны человеку, у которого голодный попросил кусочек хлеба, а тот прогнал его с криками. Когда же голодный уже наелся вкуснейшей пищи, тот человек приносит ему — как делаете вы — хлеб, испачканный в золе. ●

Во время возвращения Шамиля назад к нему пришли веденоевцы. Они столпились было перед Шамилем, но он прогнал их, говоря: «Это — показатель вашего лицемерия. Вы уходите и не беспокойтесь».

В этот благословенный период шатоевцы попросили разрешения вернуться назад.^{б)} Шамиль разрешил им это. Шатоевцы собрали тогда тех, кто оставался с Шамилем, и * поручили его им^{в)} со словами: «Это наш кунак. Мы передаем его вам, доверяем вам его. Вы, пожалуйста, берегите и храните Шамиля, а затем возвратите его нам так же, как мы передали его вам. Если в этом вопросе вы проявите вероломство, то за Шамиля мы с вас взыщем. Мы будем мстить вам». Они были тогда как бы главарями среди чеченцев.²⁶²

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ШАМИЛЕМ И ТЕМ ЧЕЛОВЕКОМ, У КОТОРОГО ОН ВЫКОЛОЛ ГЛАЗА

[1840 г.]

Шамиль, после возвращения в Шатой, возымел намерение двинуться в сторону Осетии (Хири),²⁶³ в надежде подняться там над дорогой, построенной русскими и перерезать ее. Он, кроме того, имел информацию, что на тех дорогах^{г)} стоит древний храм, в котором находится священный свиток, и куда никто не может войти²⁶⁴

а) К—«десять мужчин».

б) А—«вернуться для пахоты».

в) А—«завещали им добро в отношении него».

г) В, К—«дорога».

Шамиль выступил в поход с товарищами. Когда они прибыли в Чуумикли,²⁶⁵ Шамиль дал чуумиклинцам добрые советы. Он мягко сказал им: «Мы не возьмем у вас имущество и никого не убьем. Что же касается вас, то если вы сочтете возможным вступить туда, куда вступили остальные люди, это будет очень хорошо. Если же нет, то вы должны просто помочь нам устранить, удалить русских, которые творят насилия по отношению к людям—обращают в рабство узденей (хурр) и насилуют женщин». Чуумиклинцы согласились с Шамилем.

Они находились в таком положении, и вдруг произошла стычка между жителями одного селения и проходившими через него воинами. Шамиль вернулся тогда в то селение и установил мир между сельчанами и воинами. Они помирились.

В том селении нашелся один злой, сильный и грубый мужчина, которого звали Губаш.²⁶⁶ Он разбойничал, убивал людей или же сажал их в темницу, а затем брал с них имущество. Люди потребовали убить его. Шамиль, однако, не захотел^{а)} снова вернуться к слову, которое он дал чуумиклинцам^{б)}. Поэтому он приказал лишь выколоть глаза Губашу, и их выкололи. Самого же его связанным бросили тогда в один дом. Следует отметить, что у Губаша была столь большая сила, что семеро юношей лишь хитростью, и потащив за ногу, смогли свалить его и уложить для того, чтобы выколоть глаза.

Шамиль и его товарищи еще ранее остановились в доме, расположенном рядом с тем домом^{в)}. Когда то дело было закончено, наступил рассвет, и мюриды совершили первый намаз. Шамиль приказал затем, чтобы караульщики были бдительными, осторожными, поставил одного человека у ворот того дома, и лишь после этого мюриды легли, чтобы поспать.

Шамиль лежал на возвышении. Он полудремал, полуспал и вдруг услышал снаружи звуки, подобные лаю дерущейся собаки. Он крикнул своим товарищам, расположившимся во внутренней части дома, чтобы они вышли. И тут перед ними появился из-за дверей мужчина с обнаженным кинжалом в руке. Шамиль прыгнул на него, а те, кто был в доме, выбежали. Дело в том, что там вместе с Шамилем не было его особо верных товарищей.

Шамиль первым делом сжал руку нападавшего, в которой находился кинжал. Они начали бороться, и причем в руках у Шамиля не было никакого оружия. Происходило же все это рано-рано утром. Шамиль кричит своим товарищам: «Этот враг убьет меня.

а) В — «Шамиль не счел, что его нужно убивать».

б) А — приписка: «то есть нарушить его»; К — приписка: «Это потому, что было сказано: «Мы не возьмем у вас имущество и не убьем ни души». (От него)».

в) А — слово «дом» отсутствует.

У меня в руках нет оружия»,—а враг все исхитряется ударить его кинжалом или воткнуть его в Шамиля; от рук Губаша Шамиль получил около двенадцати ран по корпусу, на животе, ниже пупка у него было тогда около семи царапин, а кости на груди треснули от давления всем весом на голову этого человека. Тут на них двоих бросился кунак Шамиля—Шабан Шатоевский, но проклятый нападающий нанес ему колющий удар, и тот умер. Шамиль закричал, называя имя своего храброго товарища Мааша Зумсоевского (Зунси).²⁶⁷ Тот прыгнул, но нападающий нанес и ему колющий удар. Мааш упал с глубокой раной, и вот тут Шамиль свалил напавшего после долгой взаимной борьбы. Этот человек укусил тогда Шамиля в локоть, а тот укусил его в голову, да так, что воткнул в нее свои зубы. Шамиль своей ногой надавил Губашу на руку, в которой был кинжал. Тут подоспел Зирар Шагадинский (Шахади)²⁶⁸, и Шамиль приказал ему вырвать кинжал из руки напавшего. Зирар сказал: «Для меня это невозможно». Шамиль тогда сказал: «Ты вырви этот кинжал, отрубив ему пальцы». Кинжал был вырван, а тот мужчина^{а)} смертельно ранен и брошен в угол дома. Он при этом что-то пробормотал. Сказали, что он говорит: «Ну каковым ты почувствовал меня?» Шамиль ответил: «Ты скажи ему: «А я? Каковым он нашел меня, при том, что я был безоружным?»»

Затем Шамиль спросил сельчан про человека, который напал на него. Ответили: «Да это же тот самый человек, которому выкололи глаза». Тогда Шамиль сказал: «Вы посмотрите на него хорошенько, он ли это?» Оказалось, что это именно он, и тогда Шамиль сказал: «Если бы я знал это, то не стал бы его обхватывать. Убить его было бы намного легче по-другому».

Жители того округа (махала)^{б)}²⁶⁹ вознамерились затем напасть на товарищей Шамиля, думая, что он убит руками этого мужлана^{в)}. Тогда Шамиль, проявив терпение, при тех ранах вышел в поле их зрения. После этого они отказались от своего намерения, а Шамиль вернулся в Шатой.²⁷⁰

ГЛАВА ОБ ИШКАРТЫНСКОМ И ДРУГИХ СРАЖЕНИЯХ

[1840 г.]

Из-за тех ран Шамиль пролежал около двадцати дней. Ревностные мюриды в большинстве своем чиркеевцы начали подталкивать Шамиля к проведению в жизнь шариата и войне против враж-

а) К—здесь и выше вместо «мужчина» написано «проклятый».

б) Можно иначе «квартал».

в) А—«мужчина».

дебных элементов. Они, заявляя: «Если для тебя невозможно сейчас сидеть верхом, мы понесем тебя на носилках, положив их на плечи». Шамиль тогда встал, хотя его раны еще не зажили и оставил своих близких и детей в селении Дашмирза²⁷¹ у одного благородного кунака; затем известный храбрец Шуаиб перевел их в Инди-юрт (Андивурт),²⁷² а оттуда в Старое Дарго.

Когда мюриды подошли к селению зубутлинецв (зубут), обнаружили, что последние с примкнувшими к ним преступными старшинами из Эндирея и других сел изготовились оказать сопротивление и даже сражаться. Шамиль с группой мюридов пошел на них тогда с одной стороны, его ученик Амирхан Чиркеевский с группой—с другой стороны, а Маммадхан Андийский с группой—с третьей стороны. В результате чужаки оттуда^{а)} бежали, а жители Зубутля подчинились.

Шамиль остановился затем на горе Чиркея. Чиркеевцы начали тут спор и ссору между собой, длившиеся до тех пор, пока один мюрид из числа их не сказал кадию Чиркея: «Эй, кадий! Тебе не следует стараться обмануть всевышнего Аллаха, а нам, видимо, не следует стараться обмануть тебя. Тот, кто хочет Шамиля, пусть садится с этой стороны, а тот, кто хочет кого-либо другого, пусть садится с той стороны». Все чиркеевцы пошли на сторону желающих Шамиля и подчинились ему.²⁷³

После этого Шамиль повел чиркеевцев и других людей к селению Ишкарты (Ишкатали).²⁷⁴ В нем мюриды застали шамхала^{б)} и Ахматхана с теми, кто бывает вместе с ними^{в)}, а также русских, укрепившихся в усадьбе Алисултана—старшины ишкартинцев. Мюриды сразились с врагами. Чиркеевские юноши при этом напали на них со стен, как птицы на ток с зерном. Мюриды перебили тогда большинство врагов. Оставшиеся же в живых обратились в бегство.

Затем Шамиль пошел к Эрпели. Он попортил и сжег усадьбу Уллубия; так ему и надо! Дело в том, что Уллубий два раза направлял людей с заданием отравить Шамиля.

Один раз это было во время правления Хамзата, когда Шамиль находился в селении Гимра. Уллубий отправил тогда одного недоразвитого харачинца, чтобы тот отравил Хамзата и Шамиля. Гимринские дозорные пленили, однако, этого харачинца. Бартихан приказал проверить его одежду, и в ней нашли яд. Харачинец, впрочем, заявлял, что это лекарство, и тогда по знаку одного ев-

а) А—отмеченное слово отсутствует.

б) К—«сын Муслим-хана-шамхала»; чит. «Абумуслим-хан-шамхал» (Г. А)

в) А—«... с ними из числа жителей Равнины».

рея решили покормить харачинца этим «лекарством». Тут он покорился, признался во всем и сообщил имя того, кто вручил ему яд.

Другой раз Уллубий послал с ядом племянника Шамиля—Ибрахима, сына Бартихана, с двумя товарищами — родственниками Ибрахима и Шамиля. Тогда Уллубий был правителем еще и Гимир, назначенным туда русскими, после ухода Шамиля с Ахульго, когда последний находился в селении Ведено Чеченского вилаята.²⁷⁵ Уллубий от имени русских пообещал при этом: награды, подарки и полную мерку (**кайл**) серебра. Он заявил: «Русские построят одну крепость в Анди, другую крепость в Ботлихе²⁷⁶ и третью крепость в области гидатлинцев. Они наберут затем солдат со всего Дагестана для выступления против турецкого султана^{а)}. Вы же будете освобождены тогда от необходимости выступать в поход вместе с ними. Русские, кроме того, возвратят вам ваши земли; утверждали, что земли Бартихана и Шамиля были записаны в пользу государства (**пашалих**)^{б)}. Люди изъявили тогда Уллубию полное повиновение в том вопросе. Уллубий обрадовался этому, развеселился и постоянно рекомендовал им, чтобы они, если вспотеют, не прикасались ядом к своему телу.

Когда посланные прибыли затем в Ведено, с Шамилем им встретиться не пришлось, ибо он ушел к тому времени в Шатой. Так ни с чем они и вернулись назад: как же все таки туп и глуп был этот проклятый Уллубий,^{в)} когда подумал, что его красивые слова обманут племянника Шамиля,^{г)} он даст ему яд и этим убьет^{д)}.

Затем Шамиль пошел было к Каранаяу, но тут чиркеевцы возвратились домой на жатву. Из-за этого андийцы возвратили оттуда Шамиля.²⁷⁷ Тогда он пошел со своими товарищами к чеберловцам (тадбутри)²⁷⁸ и подверг их дрессировке. Затем Шамиль возвратился [в Дагестан] через селение Ансалта (Ансалда)²⁷⁹ и остановился на тукитинской (Тукита)²⁸⁰ площадке.

В Тлайлухе²⁸¹ и других местах Шамиль уничтожил тогда поссы Ахматхана. Тот при этом смотрел на мюридов сверху и был не в силах помешать этому. Когда затем Шамиль прибыл в селение Игали, к нему явился Тидуриль Мухаммад Мушулинский²⁸² — товарищ Ахматхана. Он утверждал, что бежал от последнего, похитив у него при этом отличного коня и прекрасное ружье. Тидуриль Мухаммад заявил затем, что и конь и ружье — это его подарок Шамилю. Он явно показывал, что хочет быть сопровождающим

а) А—«падишах ислама».

б) Б, В—«(пашалух)».

в) — «Как же туп этот мулла».

г) — А — «племянник Шамиля и его родственники».

д) А — «...яд, чтобы он умер».

Шамиля. Шамиль, однако, ответил Тидуриль Мухаммаду: «Весьма вероятно, что ты прибыл по совету Ахматхана, который желает проявления вероломства с твоей стороны по отношению к нам. Что такое для Ахматхана конь и ружье? Пусть они останутся у тебя. Мы не возьмем тебя в число сопровождающих, пока не убедимся в твоей искренности. Вот если ты проявишь старание в деле нанесения вреда нашим врагам, будешь убивать из числа их каждого, кого встретишь, чтобы наши сомнения и подозрения отошли от тебя, то тогда сделаем тебя одним из наших особо близких приятелей и товарищей».

Тидуриль Мухаммад повел себя не так, чтобы им были довольны мюриды, а тут прибыл в качестве мухаджира Хаджимурад. Он то и известил, что прибытие Тидуриль Мухаммада произошло именно потому, как думал Шамиль. Затем Хаджимурад убил его из-за какого-то дела, произошедшего между ними обоими.

Шамиль пошел затем дальше. Остановились мюриды в Гельбахе и Янгиюрте (Янгивурт).²⁸³ Он подверг их население дрессировке, а их юношей направил в Чиркей в качестве заложников. Остановив в тех двух селениях пехоту, Шамиль двинулся затем с конницей на овечьи кутаны жителей Равнины. То, что там было тогда, пожгли. Овец же не застали.

Русские двинулись на пехотинцев. При этом те заложники и люди, отправленные вместе с ними [случайно] попали к ним в руки. Тем временем пехотинцы ушли из тех селений. Затем они встретили русских в одном месте, но тогда обе стороны без боя ушли оттуда. После этого русские вступили в Гельбах и Янгиюрт. Вскоре, однако, возвратился Шамиль с конными. Соединившись с пехотинцами, они пошли дальше. На горе Пиравуз мюриды простояли около двух или трех дней. Затем они совершили движение на Янгиюрт. Янгиюртовцы, как оказалось, убежали из селения и тогда мюриды забрали то принадлежащее им имущество, которое было найдено там. Жителей же Гельбаха мюриды переселили тогда в одно крепкое место. Потом они сожгли оба эти селения.

Шамиль вернулся затем назад и отправил каранайцев и чиркейцев на гимринцев. Те смягчили их и подвергли дрессировке. Сам же Шамиль с теми, кто был вместе с ним, ушел.²⁸⁴

Мюриды остановились в местностях Мухита²⁸⁵ и Тасса Ашильта.²⁸⁶ Затем Шамиль пошел оттуда на Ахульго и тогда похоронил там свою жену Джавхарат, как то было уже рассказано. С Ахульго же он пошел в свое селение Гимры.

Когда унцукульцы узнали, что среди тех, кто остановился на Мухита, отсутствуют Шамиль и его товарищи, они двинулись на них. Унцукульцы сразились с мюридами. Были раненые. Унцукуль-

цы захватили тогда часть лошадей, принадлежавших мюридам и возвратились назад.

Дополнение. Всякие злые дела и всякие мерзости, которые имели место со стороны унцукульцев, происходили обязательно под руководством муллы Шабана. Мудрый Аллах—устроитель и судья, которого я прославляю, не убил его^{а)}, однако, саблей имама Шамиля.

Затем, против Гимр, когда там находился Шамиль, двинулись русские. Шамиль сидел в мечети, и вдруг юноши из числа тех, которые были вместе с ним, страстно бросились навстречу врагу. Там-то и пал мучеником за веру наш умелый брат Тахир Унцуккульский,— да помилует его всевышний Аллах!

Говорят, что Тахир оставался мертвым среди врагов до их ухода из Гимр. Когда Тахира нашли, оказалось, что его одежды не были сняты с него. Лишь одна из двух сандалий была содрана, но и та оставлена рядом с Тахиром; да и в кармане его плаща находилось при этом небольшое количество серебра.

Говорят также, что мать Тахира Унцуккульского подошла к его телу, однако не заплакала, не выказала печали, а, напротив, проявила радость. Она сказала, обращаясь к Тахиру, примерно следующее: «Сынок! Я довольна тем, что всевышний Аллах одарил тебя тем, что ты искал. Ты ведь давно искал это. Слава тебе!» Да будет всевышний Аллах доволен ими обоими и нами!

Юноши разбежались тогда, забыв об имаме. Тут, однако, подошел один его товарищ и сказал: «Люди вышли и убежали. Остались лишь те, кто здесь». В это время подошел Муса Балаханский и принудил Шамиля согласиться выйти. Мюриды вывели Шамиля босым из мечети, к которой русские уже приблизились. Мюриды увидели тут своих воинов. Они находились вдалеке и при этом убегали. Тогда Шамиль приказал своим товарищам поторопиться, чтобы враг не достиг узкого входа в ущелье раньше их. Когда же мюриды вышли из ущелья, они пошли уже спокойно. Затем Шамиль остановился на мосту Сагри²⁸⁷ и тут он сбросил в реку ружья многих мужчин в качестве наказания.²⁸⁸

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА САИД-ЮРТ

[1840 г.]

До Шамиля, находившегося на Мосту Сагри, дошла весть, что русские вступили в Саид-юрт^{б)}.²⁸⁹ Он тогда выступил оттуда, а когда подошел к Гелдегену (Килдиркин),²⁹⁰ к нему присоединился

а) А — приписка: «то есть всевышний Аллах не предопределил его убийство».

б) А — «Саидвурт».

В качестве мухаджира Хаджимурал. Когда же они, то есть Шамиль и его товарищи, встретились в Саид-юрте с русскими, то сразились с ними и перебили большое число их. Мюриды обратили русских в бегство, а затем до середины зимы тысяча двести пятьдесят шестого (1841) года совершили круговой обход, вводя управление среди людей, исправляя их и нападая* на тех, кого посылают в набег против них^{а)}.²⁹¹ Затем Шамиль возвратился к своей семье и своим детям, находившимся в Старом Дарго. Дело в том, что Шамиль разлучился с ними еще в Шатое в конце зимы прошлого тысяча двести пятьдесят пятого (1840) года, и они переселились в Дарго.

Дополнение. Во время этого похода отряд Ахбердиль Мухаммада взял в плен много людей. Среди них была и Шуванат — дочь моздокского (музлики) христианина. Её застали сидящей на своей драгоценной коляске (**килиска**)^{б)}.²⁹²

С ее слов рассказывают, что они вышли и продвигались к Ставрополю (Истаранул), опасаясь наступления войска Шамиля. Говорят также, что в той ситуации ее везли в качестве невесты к тому графу, который являлся начальником русских, когда они взяли Ахульго. * Хвала великому Аллаху! Как все же здорово Он наказал проклятого за его дела еще до наступления дня Воздаяния—Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней^{в)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ ГЕЛЬБАХА ТРЕТИЙ РАЗ И НАПАДЕНИИ НА НАЗРАНЬ

После ухода имама Шамиля жители Гельбах возвратились в свое селение. Они восстановили Гельбах, укрепили его, воздвигли заграждения на его окраинах, а также построили на этих окраинах башни. В конце зимы, однако, имам выступил [из Дарго] и собрал против гельбахцев воинов. Когда эти воины приблизились к гельбахцам, то атаковали последних и немедленно ворвались в село. При этом несколько человек имама пало мучениками за веру, а также было убито много гельбахцев. Остальных мюриды подвергли дрессировке и сделали мягкими.

Шамиль возвратился затем оттуда и направил войско в сторону назрановцев (насири).²⁹³ Когда Шамиль остановился на равнине

а) А — «... на тех, кто боролся с ними по вопросам ислама».

б) А — «на своих дрожках».

в) А — «Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней. Хвала Аллаху! Как Он вознаградил Шамиля еще до дня Воздаяния—дав ему хорошую девушку взамен мученицы за веру Джархарат».

назрановцев, то вначале сжег некоторые их селения. Назрановцы обманули тогда Шамиля, заявив, что они согласны с ним.²⁹⁴ Они оттягивали решение своего вопроса до тех пор, пока не завели в крепость своих детей и женщин, свои имущества. Затем они напали на один край войска имама. Люди его отошли в сторону. Имам с товарищами передвинулся тогда на холм и начал называть отходящих по племенам (кавм). Они тут возвратились к нему, сразились с назрановцами и загнали их в крепость.

ГЛАВА О ПРИХОДЕ РУССКИХ В ЧИРКЕЙ И ПОСТРОЙКЕ ТАМ КРЕПОСТИ

[1840 г.]

В начале этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам услышал, что русские идут на чиркеевцев. Он тогда остановился на горе и призвал наибов с войсками. Тут пришли русские и дали сражение напротив Чиркея, со стороны местности Ургу.²⁹⁵ Оттуда, однако, русские не смогли овладеть Чиркеем, и тогда одна группа их выступила с намерением напасть на чиркеевцев со стороны мельниц Хусайна. Имам же имел в виду, что в той местности будет сооружен завал, и он сразится там с русскими, но не явились наибы со своими войсками. К имаму, таким образом, не прибыли люди в количестве, достаточном, чтобы противостоять русским в том месте. Поэтому русские и вошли в Чиркей, а мюриды, кто смог, бежали от них. Имам страшно разгневался тогда на наибов, был в ярости.

Часть русских начала затем строить крепость в Чиркее,²⁹⁶ а другие устремились на Аух. Имам же, когда наблюдал за ними с возвышенного места через подзорную трубу, вдруг заметил, что воины-андийцы уже ушли. Он спросил: «А где они?» Сказали, что андийцев возвратили назад их наиб Галбац Каратинский и Байсулав Андийский. Имам разгневался на них до такой степени сильно, что вознамерился было убить тех двоих там же. Русские тогда в Аух, однако, не вошли, а имам возвратился домой и сместил наибов, даже Шуаиба.

Байсулав после того обошел андийцев и имел с ними тайную беседу такого примерно содержания: «Мы попросим у Шамиля заново назначить правителем над нами Галбаца. Если же Шамиль откажет, то мы назначим его самовольно». Вот с такими намерениями Байсулав направился к Шамилю.

Лабазан (Рамадан) Андийский и еще кое-кто, думающий так же, сообщили Шамилю, что намерения и разговоры Байсулава такие-то и такие-то. Поэтому, когда Байсулав прибыл, его убили.

Затем имам пошел к селению андийцев. Они возымели было намерение помешать мюридам. Но Шамиля встретили: сын Лабазана и андийские мюриды. Они то и ввели Шамиля в Анди, после чего он назначил правителем над андийцами Газиява Андийского, а хаджи Яхью Чиркеевского отправил, чтобы тот взял казну, которую собрал и сделал своей собственностью Галбац. Тот, однако, скрылся от Яхьи и таким образом у последнего не было возможности встретиться с ним. В доме Галбаца из той казны Яхья нашел немного чего, ибо тот спрятал ее у каких-то людей в различных селениях. Говорят, что перед этим Галбац имел даже намерение воевать с имамом и направил по этому поводу послание в Кванада и Гидатль.²⁹⁷

Шамиль находился в Анди²⁹⁸, и вдруг прибыл человек с просьбой о помощи, сообщивший, что русские входят в Аух. Имам, как птица, полетел оттуда к ауховцам примерно с сотней товарищей. В Аух они прибыли ночью. Там мюриды и остановились. Когда же русские узнали о прибытии туда имама, то сильно перепугались и собрались убежать той же ночью. Джамал Чиркеевский уговорил их, однако, потерпеть до утра. Поэтому они убежали утром. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ, А ТАКЖЕ ГИМР И БАЛАХАН

[1840 г.]

В конце осени этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам был болен, и поэтому во главе войск, идущих на Унцукуль, он направил муллу Абакара (Абу Бакр) Аргванийского. Туда они вступили ночью. Мюриды^{а)} взошли на плоскую крышу унцукульской мечети и громкими голосами запели: *Ля иляха илла ллах*. После этого часть унцукульцев убежала из селения, а оставшиеся были подвергнуты дрессировке. Они подчинились Шамилю, и тогда над ними был назначен наибом и кадием одновременно некий Алим^{б)}, а рядом с ним—в качестве помощников поставили Раджабиль Мухаммада Чиркеевского с его товарищами.²⁹⁹

Несколько мужчин из числа унцукульцев, среди которых находился и хаджи Кебед, были отправлены тогда [к имаму] в качестве заложников. Повиновение выказали также гимринцы и балаханцы (билик).

а) В некоторых списках: «Мюриды из него (Унцукуля—?)».

б) Можно иначе: «один ученый».

Затем тот наиб и его помощник начали давить на унцукульцев, грубо обращаться с ними, утверждая при этом, что они де выявляют имущество тех, кто убежал. Это стало тягостным для унцукульцев, их нутро испытало отвращение к шарияту, а их души были возмущены им. Ухудшились также помыслы унцукульцев по сравнению с теми, которых они держались прежде из-за установленного над ними управления, разрыва [торговых] отношений и дительной вражды.

В конце зимы того же года имам отправил хаджи Кебеда к себе домой. Шамиль при этом из щедрости дал ему коня.

Найдя унцукульцев в названном состоянии, хаджи Кебед, естественно, не мог одобрить этого. Он задумал хитрость для устраниения этой ситуации. В одну из ночей, в то время, когда имам был занят покорением ^{а)} Казикумуха, был убит дядя Кебед-хаджиява по линии матери. Он, кстати, был известен тем, что полностью повиновался наибу и его помощнику, бегал к ним и сплетничал ^{б)}, а они оба верили ему. Вот тут-то Кебед-хаджияв и закричал: «Эй, те унцукульцы, у кого находятся гости! Сажайте их под арест!» Дело в том, что товарищи наива и Раджабиль Мухаммада были разбросаны среди унцукульцев в качестве гостей. Затем Кебед-хаджияв обматерил наива-кадия, и тот убежал из мечети босиком. Товарищей его унцукульцы посадили под арест.

Что же касается Раджабиль Мухаммада Чиркеевского, то он еще днем пошел в Гимры. В ту же ночь, однако, он вернулся назад к своему кунаку Султану Унцукульскому—отцу Хаджимухаммада. С его-то разрешения, по его слову, Раджабиль Мухаммад и сумел убежать, скрываясь ото всех; он никому никогда не сообщил о том, опасаясь, что унцукульцы причинят вред его кунаку.

Имам обменял потом тех товарищей на унцукульских заложников.

Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. ³⁰⁰ После этого унцукульцы стали их близкими друзьями ^{в)}

а) А — «то есть смягчением».

б) А, Б — «доносил».

в) Б, К — «Раджабиль Мухаммада там не было. Он тогда находился в Гимрах. Потом они обменяли тех товарищей на унцукульских заложников. Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. После этого унцукульцы стали их близкими друзьями»; К—приписка: «В 1285 (1868/69) году в Темир-Хан-Шуре мне рассказал Хаджимурад—сын Султана Унцукульского—кунака Раджабиль Мухаммада, что той ночью он уже вернулся к ним из Гимр. Затем он убежал, скрываясь ото всех и не сообщив никому о своем пребывании там даже потом. Он опасался, что унцукульцы обвинят его кунака в нарушении того, что они объявили, а именно в отпуске Раджабиль Мухаммада (от него)».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КУЯДА ВОЙСКОМ ДЖАВАДХАНА

[1841 г.]

Тот же осенью к имаму в Дарго пришел Кебедмухаммад Телетлинский. Он просил у Шамиля войско для покорения своего края и соседей. Имам отправил тогда вместе с Кебедмухаммадом Джавадхана и его войско. Они пошли затем на юг, присоединив по пути Нурмухаммада Инховского и тех людей, над которыми он стоял, а также—андийцев.

Прибыли к границам Куяда. Куядинцы дали было мюридам сражение, но те поубивали их, взяли плен и затем вошли в некоторые куядинские селения. Оставшиеся куядинцы собрались тогда в других селениях и укрепились там. Тут, однако, подошел кроткий миротворец Омариль Мухаммад³⁰¹ Карахский—да помилует его всевышний Аллах—с товарищами. Он установил мир между враждующими сторонами. Куядинцев он заставил при этом согласиться с властью Джавадхана.

К Джавадхану прибыл тут благочестивый мудрец Ханав³⁰² Слепой Куядинский. Джавадхан спросил его: «Ты почему же не пришел до того, как произошла эта смута?» Ханав ответил ему: «Для жителей этого ущелья эти убийства и строгое наказание были просто необходимы». Из-за таких слов Ханав Джавадхан освободил тех куядинцев, которых он ранее посадил под арест для последующей казни. При этом, однако, некоторых куядинских юношей Джавадхан все же отправил [к имаму] в качестве заложников.³⁰³ Что же касается дервиша Нурмухаммада, то он с товарищами прибыл затем в Карах, где взял некоторых карахских юношей в заложники. Они были отосланы в Карата^{а)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КАЗИКУМУХА ПЕРВЫЙ РАЗ

[1842 г.]

В конце зимы тысяча двести пятьдесят восьмого (1843) года имам услышал, что русские продвигаются вглубь [страны] со стороны селения Чох.³⁰⁴ Он птицей полетел тогда с намерением помешать им—поднял воинов, и они перешли реку голотлинцев с западной стороны через брод, имеющийся в ней. Русские при этом с хунзахской стороны обстреливали их из пушек.

Мюриды все же прошли, двигаясь при этом и ночью. Когда же те проклятые враги, наступавшие с юга, узнали о выступлении имама и его приближении, то убежали назад. А имам со своими

а) К—«в Чиркей».

полками остановился в селении Чох: он тогда взял с чохцев в качестве залога много ружей, а также обязал их воевать с врагом и ввести шарият в своей среде.

Мюриды остановились затем в селении согратлинцев. Они таким же образом подвергли согратлинцев дрессировке. Кадий^{а)} же — сын кадия успел тогда убежать в Казикумух.

После этого имам возвратился назад и остановился в Телетле. Тут к нему пришел один рисорец,³⁰⁵ который утверждал, что его отправил идущий по верному пути тарикатский наставник (устаз) Джамалуддин. Затем рисорец вытащил несколько фиников и сказал, что Джамалуддин подарил их Шамилю вместо письма. Рисорец сказал далее, что тарикатский наставник говорит: «Если у тебя—о, Шамиль!—будет намерение идти на Казикумух, то сейчас самый подходящий для тебя момент, чтобы войти туда».

Имам со своими победоносными полками повернул [из Телетля] назад. Его товарищи при этом постоянно советовали ему отправить [в тыл—?] заложников, взятых от людей, которые проживают вдоль дорог, чтобы те не проявили вероломства в момент возвращения. Имам, однако, пресекал их болтовню, говоря: «Мы идем в Казикумух для того, чтобы погибнуть там мучениками за веру и быть затем погребенными на кладбище османцев (усманли),³⁰⁶ находящемся там, а не для того, чтобы возвращаться назад».

Имам остановился в селении Бухты (Бухди),³⁰⁷ но при этом часть его полков продолжила движение^{б)}, а часть шла следом. Тут к Шамилю, в дом его кунака, прибыл тарикатский наставник Джамалуддин и попросил его не вводить полки в Казикумух. Имам сказал тогда: «Мы возвратились [из Телетля] по твоему указанию и согласно словам твоего посланника». Тарикатский наставник сказал: «Я его не посылал и не знаю о нем ничего».

После этого имам все же выступил из Бухты, двинулись и полки. Они хлынули на город Казикумух и вступили в него после сражения. Многие из тех, кто прибыл из отдаленных краев на помощь казикумухцам, тогда убежали. Что же касается главарей и старшин казикумухцев, то они остались осажденными в крепости, находившейся в том городе.

Полки мюридов рассеялись по Казикумуху. Они разграбили имущество, попортили усадьбы и вплоть до утра держали в сильнейшей осаде тех, кто находился в крепости. Когда же наступило утро, люди, сидевшие в крепости, сдались на милость имама. Там были тогда обнаружены: два русских начальника; Яхья Дженгу-

а) А—«кади (къади)».

б) А—приписка. «то есть через селение».

тайский (Чункути)³⁰⁸—сын Будая Кривого и его товарищи; кадий — сын кадия Согратлинского и еще кое-кто из числа главарей и старшин.³⁰⁹

Шамиль отправил двух русских начальников в Дарго. Около тринадцати мужчин, и в том числе Яхью и его товарищей, он казнил. Некоторых, и в том числе правителя вилаята Кюрэ Харуна — сына Тахира и кадия — сына кадия, который долго старался в меру своих сил доставить имаму затруднения, последний при этом отпустил. Имам, кстати, время от времени говорил: «Попадет еще шея этого кадия под наш топор», но тогда Шамиль сказал ему: «Эй, кадий! Ты знаешь такой аят Корана: «Спросит тогда человек — где же мое убежище?»^{а)}. После этого, однако, Шамиль назначил кадия наибом над согратлинцами и их вассалами (таби).³¹⁰ Некоторых казикумухцев имам отослал тогда [в Дарго—?] в качестве заложников: Омара³¹¹—брата Тахира, двух сыновей Тахира—Махмуд-хана и Джабраила. Их брата хаджи Яхью—сына Тахира имам назначил в то же время наибом над вилаятами Казикумуха.³¹²

Имам просидел в Казикумухе одну неделю^{б)}. Затем он услышал, что русские входят в селение голотлинцев. Тогда вечером он двинул туда Кебедмухаммада Телетлинского и его войско, а на следующий день выступил сам. Когда мюриды пришли в Голотль, они нашли там русских. Они убили тогда большое количество их, и после этого русские убежали туда, откуда пришли. Затем имам с теми, кто остался вместе с ним, поднялся к хунзахцам: он лично с одной стороны, а Хаджимурад с другой. Там, однако, ничего особенного не произошло. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ СРАЖЕНИИ В КАЗИКУМУХЕ

[1842 г.]

Когда имам возвращался из Кумуха назад, он приказал наibu Абдурахману Карахскому помогать хаджи Яхье в проведении дел и в политике. Абдурахман на время поставил рядом с Яхьей своих муртазиков, которым он передал для поддержки своих кавалеристов. Однако порядок в тех вилаятах, необходимый для отражения врагов и противодействия им, так и не установился.

Тут подошли русские. Остановились они в Кивиди (Кибуда)³¹³ и около него. Наиб хаджи Яхья и те, кто был вместе с ним, а также люди Абдурахмана Карахского при этом убежали. Обрати-

а) Коран.

б) Можно иначе: «пятница».

лись за помощью к имаму; говорят, что эта была коварная хитрость, обман со стороны врагов, предпринятые для того, чтобы имам выступил к Қазикумуху, а русские бы тем временем вошли в Дарго, где находились его дети и женщины. Имам выступил [из столицы], собрал войско и форсировал унчукатлинскую (Хамчукута) реку.³¹⁴ Затем он пошел через Хури—Хурукра (Хур—Хурукла).³¹⁵ Русские же обстреливали тогда мюридов из пушек, находясь в своем лагере. Затем имам направил Даниял-султану³¹⁶, который пребывал тогда вместе с русскими, письмо следующего содержания: «Если кто-либо взял что-нибудь, то он должен крепко держать это в своих руках^{а)}. Ты спокойно стой там вместе с русскими, а мы дия через три водрузим свое знамя—если захочет всевышний Аллах—на краю плоской крыши твоего дома в Елису».³¹⁷ Все это являлось коварной хитростью, обманом со стороны имама для того, чтобы вывести *этих проклятых^{б)} из Кивиди. Затем имам остановился в Кули-Хосреке (Кул-Хусрак),³¹⁸ а следом за мюридами туда пришли русские, которые, однако, остановились в стороне. Вскоре, впрочем, произошло сражение в ходе которого был нанесен ущерб соградинским юношам, а ночью имам получил известие, что русские со своими пушками и палатками покинули Кивиди и там из числа их осталось лишь немного солдат, засевших в верхней крепости. Поэтому ночью имам объявил отправление с тем, чтобы мюриды остановились уже в Қазикумухе, укрепили его и вместе с казикумухцами сражались бы там против врагов. Когда, однако, войско пришло в движение, готовясь к отправлению в путь, глашатай из числа жителей того селения, где они стояли, закричал: «Войско обратилось в бегство», после чего благоразумный Ахбердиль Мухаммад убил его.

Ночью двинулись в обратный путь. Большинство бойцов думало тогда, что это бегство. Имам же был озабочен и всю старался, как бы разрушить шовкринский (Шавукра) мост,³¹⁹ после того, как его войско перейдет по нему; он назначал для этого людей и посылал их, но этого сделать не удалось. Остановились мюриды в Қазикумухе, а вскоре они услышали грохот пушки, которая шла вслед за ними. Воины отступили, а затем, испугавшись, побежали, подобно диким ослам. Остались лишь спавшие в Қазикумухе. В числе тех, кто остался там, были: ученый хаджи Абдурахман Согратлинский, ученый *Хаджияв Чиркеевский — сын Шахмардана и ученый Чухалав (Шухалав) Магарский^{в)}.³²⁰ Они были взяты в

а) Б — фраза «в своих руках» отсутствует; В — отмеченное предложение кончается словами: «... с русскими».

б) А — «русские».

в) В — лакуна в тексте.

плен, отправлены в Тифлис и пробыли там в заключении некоторое время.

Приложение. Ученый хаджи Абдурахман Согратлинский отправил затем послание имаму Шамилю, в котором содержалось несколько двустий. Одним из них является такое двустие:

О, если бы я знал причину задержки Шамиля с выкупом!

В том ли она, что он отвернулся от нас, или же враги ему воспрепятствовали?

Когда братья хаджи Абдурахмана принесли Шамилю это послание, он сказал им: «Одни люди говорят мне: «Русские отдадут тебе в качестве выкупа за этих двух начальников твоего сына». Другие говорят: «Они дадут тебе за этих двоих много богатства». Я же умом люблю ученых и поэтому не желаю взамен двух русских начальников ни сына, ни богатства. Однако я вижу, что в отщужении русских с нашей стороны наиболее подходящее сейчас — продемонстрировать безразличие к заключенным». Затем имам послал весточку с предложением выкупа. От русских пришел ответ: «За этих двоих начальников мы можем дать в качестве выкупа только одного человека». Тогда Шамиль сказал посланникам русских: «Самое желанное для меня — казнь неверного, — и добавил. — Пусть они делают с заключенными мюридами, что хотят. Пусть они сварят их в котле». После этого речь врагов смягчилась, и они согласились совершить выкуп так, как хотел Шамиль. Хвала Аллаху, который подчиняет себе любого, кого захочет, и причем тому, чему Он хочет^{а)}.

Ученые были затем выкуплены за тех двух русских начальников, которые были взяты в плен при взятии Казикумуха первый раз.

Имам и Ахбердиль Мухаммад, и их товарищи — пешие и конные с их снаряжением, багажом проходили мимо селения Арчи (Ручи).³²¹ Вместе с мюридами был и Башир — сын Тахира.³²² Из селения вдруг выпустили по ним несколько пуль. Башир торопливо шел тогда впереди, и имам приказал одному своему товарищу, так, однако, чтобы Башир услышал: «Скажи ему пусть идет спокойно, чтобы наши товарищи и пехотинцы могли догнать нас. Если же нет, я всажу ему пулю в самый центр спины». Башир подчинился этому, после чего имам сказал ему: «Крикни-ка этим стрелкам, которые сражаются против нас». Башир покричал что-то арчинцам на их языке. Они сразу отошли назад и успокоились.

а) Отмеченный текст («Приложение») имеется только в списке А.

Ахбердиль Мухаммад* со своей и имама^{а)} конницей и солдатами³²³ остались там, подобно островкам. Имам же остановился на одной имеющейся там горе и говорит [арчинцам]: «Мы сражаемся с врагами ислама. Я вас не оставлю без поддержки и не уйду от вас, даже если останусь один-одинешенек при условии, однако, что вы станете врагами русских и сами попросите у нас помощи против них».³²⁴

Тут прибыл к имаму человек с сообщением о битве в Ичкерии (Кучулик)³²⁵ и о том, что русские чуть было не приблизились к Дарго. Мюриды тогда быстро двинулись назад и прибыли в Дарго, но дети их и женщины находились в то время уже в Анди.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИЧКЕРИЮ

[1842 г.]

Когда имам выступил для оказания помощи [казикумухам] и подготовил для этого войско, проклятый граф^{б)} с многочисленными отрядами и большим количеством снаряжения вознамерился двинуться на детей и женщин имама, находившихся в Дарго.³²⁶ Сделать это он думал со стороны Ичкерии (Кучулик), пройдя между двумя вилаятами: один, управляемый храбрецом Шуаибом, а другой, управляемый Уллубием, наибом Ауха. Известный храбрец Шихмирза Дылымский пошел тогда к наibu Уллубию и нашел его слабым и печальным, так как на его глазах пришли в беспорядок дела его детей и вопрос их охраны.

Затем Шихмирза пошел к Шуаибу и нашел его, подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Шуаиб уже возвел вал поперек дороги, которую имели в виду русские, и устроил на ней завалы. Шихмирза спросил Шуаиба: «Ну как ты себя чувствуешь?» Тот ответил: «Намерен быть терпеливым при встрече с врагами и не отступать перед ними». Затем Шихмирза спросил: «А как твои воины?» Шуаиб ответил: «Ну как могут быть они? Через нас, отсюда русские пройдут, если только меня они убьют, по каплям выпустят из меня кровь и затем растопчут». После того Шихмирза вернулся к Уллубию, ободрил его и придал ему силы.

Шуаиб—да помилует его всевышний Аллах!—тайно приказывал, однако, родственникам имама, его детям и женщинам: переселиться в Анди и перенести к андийцам все свои пожитки и имущества, не оставляя в Дарго ничего—даже сломанной ложки. Он также требовал от них сжечь имеющиеся в Дарго их усадьбы, если рус-

а) А — приписка — «ее (мнение её сына)».

б) А—«Грabbе—начальник неверных».

ские приблизятся к нему. Публично же Шуаиб говорил: «Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго».

Когда проклятый^{а)} граф с полками своих чертей двинулся на Дарго, Хасаиль Муса Аксайский (Яхсиви)^{б)},²³⁷ который был вместе с русскими, попытался было удержать его и сказал примерно следующее: «В лесах Чечни сидят всадники, подобные львам. В стране имама живут суровые храбрецы. Ты не ходи к ним. Ты только отдашь им в добычу одежды и поставишь трупы собакам и волкам на съедение». Проклятый граф^{в)} не прислушался, однако, к этому, а напротив, заговорил гордо и надменно.

Русские выступили самодовольно и горделиво. В первый день они, двигаясь, не встретили того, кто бы встал против них с оружием в руках, и тогда граф с насмешкой спросил Хасаиль Мусу: «Где же те львы и герои?» Хасаиль Муса ответил ему: «Ты подожди до завтра». На следующий день они, двигаясь, были атакованы в лесу с разных сторон, имелись убитые, но и тогда граф сказал Мусе опять же с насмешкой: «Это что ли противостояние твоих львов и защитные действия твоих героев?» Муса ответил: «Подожди до завтра». На третий день русские^{г)} поднялись, чтобы двигаться дальше и тут против них разожгли пламя войны—и спереди, и сзади, и справа, и слева. Сделали это: два упомянутых наиба^{д)}, андийцы и Сухайб³²⁸—заместитель (халифа) Джавадхана, раненного во время нападения, имевшего место до этого. Джавадхан—да помилует его всевышний Аллах!—умер затем от той раны; он, кстати, кусал себе кончики пальцев, сожалея, что у него нет возможности принять участие в этой битве.

Мюриды сразились с русскими, поубивали их и раздели, а когда те приблизились к Белгатою (Балгит)³²⁹ и Гордали (Гудар),³³⁰ то были окончательно разбиты и повернули назад. Мюриды убили, словно скосили, большое число русских. Они, вырываясь спереди в среду отступающих, отделяли от них какую-либо группу людей^{е)}, окружив со всех сторон, убивали их до последнего. Действуя так, мюриды, наконец, окружили их и затем в течение трех дней держали в местности, где у русских не было воды. Окруженные, они были вынуждены даже сдирать кору с деревьев и высасывать из них воду. Их стеснили до такой степени, что тот проклятый граф сказал: «Где же избавление? Как же успокоиться?»

а) А—«начальник».

б) К—приписка: «Отец враждебного последователям имама, ученого Юсупа эфенди Аксайского. Да пробудит Аллах его и нас (от него)».

в) А—«Он».

г) А—приписка: «то есть воины графа».

д) А—приписка: «то есть войско их обоих».

е) А—приписка: «то есть неверных».

Мюриды получили от них большую добычу и две пушки. Имам же, когда он вернулся в Дарго, наградил Шуаиба драгоценным расписанным и расшитым знаменем, которое принадлежало раньше Аслан-хану.³³¹ Он также похвалил бойцов.

Дополнение. Этот граф после того события отправил послание к Шуаибу примерно такого содержания: «Ты не воображай! Не гордись тем, что убил одного или двух солдат, которые пошли в лес за дровами». Шуаиб направил послание в ответ на то, где было написано: «Я там не присутствовал, однако слышал, что мальчишки пошли в лес резать порей и убили солдат».³³²

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИГАЛИ

[1842 г.]

Проклятый граф^{a)} вместе с теми, кто остался с ним после той битвы, пошел в Темир-Хан-Шуру. Затем примерно через месяц он пошел на селение Игали. Туда же полетели птицами воины имама. Они сначала отогнали русских и поубивали их, а затем обратили в бегство.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

[1842—1843 гг.]

Кое-что о том, что произошло с гонцами имама, которых он отправил к Его величеству султану Абд ал-Маджид-хану, побуждая его и призывая к войне против неверных.

Люди многократно советовали Шамилю просить помощи у названного монарха,³³³ но он желал помощи лишь от Господа. Затем, однако, к Шамилю пришло письмо от находившегося в Черкесии хаджи Юсуфа,³³⁴ прибывшего туда от его высочества Ибрахим-паши,³³⁵ которое имело следующее содержание: «Если ты пожелаешь довести положение своих дел до султана Абд ал-Маджида, то пришли [бумагу] ко мне». Имам с этим согласился, после чего позвал своего ученика Амирхана Чиркеевского и объявил ему, что он, Шамиль, желает отправить его гонцом. Амирхан ответил Шамилю, что он слушается и повинуется.

Когда Шамиль второй раз выступил на Казикүмүх, то призвал к себе Амирхана, Шайха Чиркеевского и Мусу Балаханского.

a) В некоторых списках: «Граббе».

Шамиль дал им указание: не смотреть ни на что, не заворачивать никуда и не искать ничего, кроме того, ради чего они посланы. Двум названным товарищам имам дал при этом указание повиноваться Амирхану так же, как бы они оба повиновались ему, имаму. Шамиль, кроме того, присоединил к отправляемым лицам еще и хаджи Иджа.

Гонцы двинулись сначала к своему находившемуся в Гехи проводнику—черкескому мухаджиру Султанбеку. В Гехи они пробыли тогда около десяти дней, ожидая, пока Султанбек не вернется из поездки. Тем временем русским была доставлена информация, что четверо гонцов имама направляются в их, русскую, сторону, в связи с чем они расставили на дороге дозорных. На этих дозорных случайно наткнулись, однако, четверо юношей—черкесов, и они убили последних. После того, как русские узнали об этом, наблюдение было прекращено, ибо они подумали, что полученное известие ложное.

Проводник тот—Султанбек Черкеевский, наконец, вернулся. Он взял с собой еще двух других проводников, и все они двинулись в путь. Шли они ногами, а днем прятались и так, пока не перешли Кубань (Губан). Затем гонцы Шамиля пошли опять и двигались вперед, пока не остановились в Абадзехии (Абазак)^{а) 336} у хаджи Исмаила. Там они и застали хаджи Юсупа.

Гонцы передали хаджи Юсупу письмо имама, в котором было написано: «Я отправил к тебе этих заслуживающих доверия лиц с тем, чтобы ты помог им добраться туда, куда они направляются».

Гонцы имама пробыли в Абадзехии в течение некоторого времени, а затем двинулись в путь вместе с хаджи Юсупом. Он, однако, в местах сбора людей, на заседаниях, начал сообщать о том, что содержалось в том письме. Амирхан запретил было хаджи Юсупу распространять тайну имама, но тот не прекратил этого и даже выбранил Амирхана: «Здесь не бывает измены и передачи тайн неверным, как то имеет место у горцев».³³⁷

Они пошли дальше и остановились на берегу моря—между русской крепостью в Анапе (Анафа) и крепостью Сухуми (Сухум), между которыми имелось еще много мелких крепостей, возведенных на берегу моря, в местах, свободных от леса. В лесах же находились тогда ведущие войну, борющиеся черкесы.

Хаджи Юсуп возвратился затем назад. Гонцы же имама провели на побережье целых три месяца в ожидании корабля из Турции (Усманлу), который должен был прибыть с торговыми целями. Какие-то корабли окружили, однако, тот корабль, когда он поя-

а) В—«Абзик».

вился; говорили, что корабли русских окружили его, чтобы на него не сели те гонцы.

Гонцы Шамиля пошли тогда к кораблю, который остановился в местности, находящейся выше. Когда, однако, они прибыли туда, обнаружили, что он поврежден русскими пушками и сожжен по той же причине.

Когда гонцы находились в той местности, у кунака Амирхана остановился один юноша—сын большого человека из крымцев (хирим). Он утверждал при этом, что провел среди русских десять лет в качестве заложника и прочел тогда их книги. В одной из них этот юноша увидел, якобы, запись: «В некоей маленькой стране возникает государственное устройство (низам), которым в такую-то эпоху будет сокрушено могущество русских». Амирхан спросил этого крымца: «А когда наступит эта эпоха?» Тот ответил: «Примерно через семь месяцев». Когда же примерно в такое время гонцы возвратились затем к имаму, то обнаружили, что он уже начал создавать государственное устройство—назначает людей управлять над десятками и сотнями.³³⁸ Хвала Аллаху—щедрому и милостивому!

Затем гонцы имама пошли к другому кораблю, стоявшему еще выше. Когда же они остановились в одном селении, находящемся рядом с кораблем, ночью вдруг раздался крик. Люди выскочили наружу, а когда наступило утро, им сообщили, что тот корабль сожжен отрядом русских. Гонцам сообщили тут, что осталось еще одно судно, стоящее выше того, но на опасной дороге

Амирхан пошел туда и остановился у благочестивого кунака по имени Хасанбий. Ему Амирхан объявил, что хочет сесть на корабль для поездки в хадж и попросил помощи. Хасанбий согласился и пообещал Амирхану посадить его на корабль. Тогда Амирхан направил к товарищам восточку, чтобы они явились к нему.

Однажды тот кунак пошел в русскую крепость по делу одного арестованного. Оттуда он вернулся со словами: «Начальник русских спросил меня: «Посланцы Шамиля у тебя что ли находятся?» Ты скажи им: «Пусть они там [в Дагестане] спокойно сидят». Затем Хасанбий спросил: «Вы что, посланцы?» — и тогда они сказали ему правду.

Тут пришел моряк и сказал: «Я не могу везти их. Если русские настигнут меня вместе с вами, то сожгут меня живьем и заберут мое имущество. Если же они настигнут меня без вас, то заберут мое имущество, а меня отпустят, согласно своему обычаю. Так принято между нами и русскими».

Не имея возможности избавиться от русских шпионов, гонцы имама посовещались тогда между собой и согласились: Шайх повезет письма, а Амирхан и Муса возвратятся назад, демонстрируя

при этом людям, что между ними произошла ссора. Затем они на собрании народа сказали друг другу: «Нам нет дороги. Давай мы вернемся назад».

Тут Шайх заспорил с ними, сделал вид, что ссорится и заявил: «Я вам не товарищ. Я хочу увидеть Каабу и поэтому не вернусь назад вместе с вами». Гонцы сделали тогда вид, что спорят, ссорятся и после этого Шайх и хаджи Иджа остались там [в Причерноморье], а Амирхан и Муса повернули назад. Они оба при этом шептались: «Это произошло из-за злополучия хаджи Юсупа. При возвращении мы возьмем его с собой и там убьем».

Когда эти двое прибыли к хаджи Юсупу, то довольно быстро подтолкнули его на переселение к имаму. Они тогда не смогли, однако, убить хаджи Юсупа. Дело в том, что в пути он оказался им нужным. Возвратились же они, проходя сквозь русских, с большим страхом и опасением. Тот хаджи говорил даже: «Какое же утешение может быть после такого стеснения?»³³⁹

Что же касается Шайха, то он пробыл там [в Причерноморье] до следующей осени. Затем он сел на корабль, прибыл к Его величеству султану и передал письма. Ему сказали: «Мы дадим тебе ответ через семь месяцев. Тогда Шайх отправился в хадж, а при возвращении оттуда умер. Да помилует его всевышний Аллах и да примет его хадж.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ОТЛИВКИ ПУШЕК, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРЫХ УСИЛИЛОСЬ МОГУЩЕСТВО ИМАМА, И ЧЕМ ИЗ РУК НЕВЕРНЫХ БЫЛИ ВЗЯТЫ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КРЕПОСТИ

[1843 г.]

Умелый кузнец Джабраиль Унцукульский пошел из Чирката в хадж без разрешения со стороны имама. Когда он, возвращаясь из хаджа, оказался в Египте (Миср), то увидел сон: ему говорят: «Возвращайся в Дагестан и помоги Шамилю». После этого Джабраиль Унцукульский выехал из Египта и прибыл в Стамбул (Исламбул). Там он остановился и забыл о своем сне. Затем во сне Джабраиль увидел: его упрекают и говорят ему: «Тебе разве не было сказано: «Иди! Так почему же ты не идешь? Иди!» После этого Джабраиль отправился в путь и шел, пока не остановился рядом с имамом.³⁴⁰

Он посоветовал мюридам отлить пушку. У мюридов имелись тогда куски сломанной ими большой пушки, которую они захватили в качестве добычи при падении на Ичкерия (Кучулик). Лю-

дям эта идея понравилась, они почувствовали влечение к пушке, но имам начал отговариваться: «Мы не сможем использовать пушку из-за ее нужды в большом количестве пороха и ядер». Люди, однако, все же принялись за отливку пушки.

Когда пушка оказалась готовой, мюриды для пробы начали стрелять из нее ядрами. Тут она, однако, раскололась и окончательно испортилась. Имам тогда поклялся: «Мы обязательно отольем пушку, даже если мне придется продать моего коня и мое ружье. Лишь бы мунапики не говорили: «Шамиль начал что-то делать, но не сумел завершить этого». После этого мюриды отлили отличную благословенную пушку, которую было легко передвигать, но при этом вред от нее был большим.⁸⁴¹

Всевышний Аллах назначил этой пушке солдат, которых он заставил служить имаму. Эти солдаты пускали пушку в дело и выполняли другие работы. Имам заставил собрать порох для пушки, а также—подобрать ядра с мест сражений, таких, как Ашильта, Ахульго и с других.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ЧЕБЕРЛОЙ

[1843 г.]

Когда казикумухцы и унцукульцы возмутились, перешли всякие границы и вышли из под сени власти имама, чеберлоевцы (тадбутри) захотели поступить так же, как те. Чеберлоевцы начали распространять по земле порочность и устранять шариятское управление. Они даже, насмехаясь таким образом, послали имаму сообщение, чтобы он пришел к ним и забрал у них свой шарият. Имам же послал к чеберлоевцам сначала людей, которые бы дали им добрый совет, по-хорошему указали бы им правильный путь и призвали их к покорности и повиновению. Таким же образом имам поступил еще раз и еще раз. Все это, однако, лишь увеличивало заносчивость чеберлоевцев и отдаляло их. Имам отправил тогда одного человека, чтобы он объявил чеберлоевцам: «Мы не оставим вас в покое, пока не подчиним и не укротим. Вы не тащите нас против себя на уничтожение в войне с вами наших снарядов, подготовленных для войны с неверными». Чеберлоевцы, однако, не обратили на это никакого внимания, не прекратили своих дел и даже сказали с насмешкой: «Мы собрали шамилевский шарият в бурдюк и завязали его горло. Пусть Шамиль приходит и заберет этот бурдюк».

Имам двинулся тогда с пушкой и снарядами, подняв против чеберлоевцев войска. Те выступили на равнину для оказания про-

тиводействия. Две группы чеберлоевцев ночью неожиданно напали при этом на фланги войск имама, надеясь обратить мюридов в бегство. Аллах, однако, придал стойкости тем, которые уверовали. Против чеберлоевцев было разожжено пламя войны, и они разбитые убежали тогда в свои замки. «Они подумали было, что их замки защитят их от всевышнего Аллаха, но Он настиг их оттуда, откуда они не ожидали, и вселил страх в их сердца»^{а)}. Замки чеберлоевцев были разрушены, их усадьбы были оплаканы, а совершенный наиб Микаил Гакваринский даже полностью уничтожил жителей одного селения. «Они были побеждены там и превратились в униженных, покорных и объезженных».

Пронзошло это сражение в начале весны тысяча двести пятьдесят девятого (1843) года.³⁴²

Конец 1-й части

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

а) Коран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Под дагестанцами—населением «Страны гор» в данном сочинении подразумеваются горцы Северо-Восточного Кавказа.

2) Положения уголовного и семейного права, принятые в той или иной общине (квартал, село, округ), которые представляли собой смесь мусульманского и более древнего, доисламского права.

3) Для обозначения понятия «обычное право» в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа наряду со словом «адат» (в аварском, например, *гладат*), существуют специальные местные термины (авар. *баль*, дарг. *зегъа*, чечен. *хьел* и т. д.). Что же касается арабского по происхождению слова «адлу» (от *адл* — «справедливость»), то его употребляют сейчас в значении «порядок; дисциплина».

4) Шарнат—комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, соблюдение которых означает ведение праведной, угодной Аллаху, жизни, приводящей мусульман в рай» (Ислам, М., 1983, с. 122). Движение за введение в жизнь шариата на территории Сулакского бассейна (земли, где из-за расселения аваров, даргинцы, лакцы) фиксируется дагестанскими арабоязычными источниками с первых десятилетий XVIII в.

5) Балх—древний город на территории современного Афганистана, располагавшийся вблизи современного г. Вазирабад. С XVI в. и до середины XIX в. Балх являлся резиденцией наследника престола Бухарского ханства.

6) В то время Бухара являлась столицей довольно обширного Бухарского ханства.

7) Газимухаммад происходил из влиятельного гидатлинского рода; его предки в середине XVIII в. жили в сел. Урада (Советский район, ДАССР). В Гимрах (авар. Генуб. кум. Гимира), однако Газимухаммад как потомок пришельца — *апарага* (авар.) не мог, естественно, иметь мощного клана, кстати и в русских документах под 1834 г. отмечается, что Газимухаммад происходил «от незначительного рода».

Сел. Гимра расположено в Ущуккульском районе ДАССР. Традиционно оно считалось подвластным шамхалам Тарковским; в первой половине XIX в. в Гимрах было порядка 600 «домов».

8) Пророк Мухаммед принадлежал к роду Хашима арабского племени корейш.

9) Чиркей (авар. Чиклаб, кум. Чиркеей)—селение в Буйнакском районе ДАССР, в начале XIX в. там было порядка 800 дворов.

По сообщению русских документов, датированных 1830 г., Газимухаммад «в 1828 году обратился с убеждениями своими, сначала в деревне Чиркее, принадлежащей Салатавскому обществу, подвластному князьям андреевским, аксаевским и костюковским, дабы все исповедывающие закон Магомстов, оставя коренные свои обычаи, предали себя по делам судным духовной власти, называемая имя шарият». Чиркеевцы, согласно названным документам, дали «клятвенное обещание строго следовать правилам корана».

10) Возможно, что речь идет о кланах-тухумах, на которые делилась Чиркеевская община.

11) Махди-шамхал II (1797—1830) Тарковский — сын Мухаммад-шамхала.

12) Вилайат—«управляемая территория, область» (с араб.).

13) Из переписки Махди-шамхала II и Газимухаммада видно, что шамхал по меньшей мере два раза приглашал того в гости, ибо визиты к нему делали и другие «ученые Дагестана», на что Газимухаммад заявил: ты, Махди-шамхал, если бы знал цену науки, «не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их потому, что науку посещают, а не наука посещает». Тогда же Газимухаммад объявил Махди-шамхалу II, что не пойдет «к султанам», а если у них к нему «имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мои мечети или придут ко мне домой». В русских сочинениях содержится указание, что в 1829 г. Махди-шамхал пригласил Газимухаммада приехать и обучить «народ мой и меня святому шарияту», причем угрожая ему, в случае отказа, судом Аллаха: «на том свете я укажу на тебя как на виновника, которого просил, но он не хотел наставить на путь истинный». После этого Газимухаммад посетил шамхала.

14) Шейх накшбандийского тариката. Родился он в лезгинском сел. Яраг (Ярагъ), располагавшемся на территории современного Магарамкентского района ДАССР, в округе Кюрэ; в переводе с азербайджанского Курали—«Кюринский». Умер Мухаммад Ярагский в 1254/1837-38 г. в сел. Согратль, где он и был похоронен.

15) Шейх накшбандийского тариката, родился в сел. Казикумух (лак. Гъазигъумучи, кум. Гъазикъумукъ) нынешнего Лакского района ДАССР в семье, принадлежавшей к роду местных сейидов—потомков пророка Мухаммеда.

16) Речь идет о суфийском ордена накшбандия, который был основан бухарцем Бахауддином Накшбанди (1314—1389).

17) Первая сура — глава Корана, известная дагестанцам как алхам.

18) Формула: Ашхаду анна ля иляха илляллах ва ашхаду анна Мухаммад расулюллах — «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха и что Мухаммед посланник Аллаха».

19) Сел. Каранай (авар. Хъараниб; хъерен—«каранайцы»; кум. Къарнай) расположено на территории Буйнакского района.

20) Отмеченное селение расположено на территории Буйнакского района.

21) Аварский Каранай и кумыкское Эрпели входили в состав одного не- большого княжества, правители которого были родом из Хунзаха.

22) В арабских текстах, составленных в Дагестане, арабским словом «кади» обозначали как муллу (авар. дибир) — «служители культа», так и кадия (авар. къади) — «религиозного судью».

23) Сел. Араканы (авар. Гъараклуци, гъерекI — «араканцы»; кум. Гъаракан) расположено в Унцукульском районе; традиционно оно считалось подвластным шамхалам; в первой половине XIX в. там было порядка 500 дворов

В русских документах отмечается, что в феврале 1830 г. Газимухаммад, име- нующий себя «шейхом», собрав якобы около 6 тысяч воинов — гумбетовцев, кой субутлищев и салатавцев, прибыл в подвластную шамхалу «деревню Араке- новскую», где арестовал «кадиев и князей, не согласившихся подвергнуться ша- рияту», а от «прочих жителей» взял «присягу».

24) Известный в Дагестане ученый и преподаватель; этот «Сейит-кадий араканский» явился получателем «всемиловитейше пожалованной ему» па- ризмом «пенсии».

25) Унцукуль (Опсоколоб; ансал — «унцукульцы») в XVIII — начале XIX в входил в число «подведомственных шамхалу» деревень.

26) Гумбет (авар. Бакъльулал; кум. Гюнбет) — традиционное название группы сел., расположенных в бассейне реки Мехельтинки; в конце XVIII в в них было порядка 1500 дворов.

27) Сел. Мехельта (МельселтIа, мельел — «мехельтинцы») расположено на территории Гумбетовского района ДАССР, в первой половине XIX в. там было порядка 700 дворов.

28) Андийцы (Гандал) — название населения Андийского «общества», рас- полагавшегося в Андийской котловине, на территории современного Ботлих- ского района ДАССР; в первой половине XIX в. это «общество» состояло из примерно 1500 дворов.

В русских документах говорится, что в 1830 г. после подчинения Аракан «мулла» Газимухаммад якобы с 9 тыс. воинов «завладел силой Андийского вла- дения деревнями Казытлы (Гагатль — ? Т. А.) и Иркуна (Риквани — Т. А.)».

29) Гагатль (Гъагъаль; гъагъаль — «гагаглинцы») — селение на территории Ботлихского района.

30) Дочь Уммахана V Аварского (1774—1801), рожденная от некоей Кыс- таман из рода правителей Кайтага. Эта Бахубике была замужем за Султан- ахмадом — сыном Алисултана, правителя Мехтулы. Муж Бахубике стал править Аварией с 1802 г. После смерти последнего в 1823 г. власть в государстве, по сути дела, перешла к Бахубике.

В «городе» Хунзах, являвшемся местопребыванием Бахубике и ее предков, в первой половине XIX в. было порядка 700 дворов.

31) Хиндалал (авар. Хьиндалал; кум. Къойсубоюн) — территории по берегам Аварского и Андийского Койсу и их население, занимавшееся садоводством; в первой половине XIX в. хиндалальцев, или, как их чаще называли, койсубулин- цев было порядка 3 тыс. дворов

32) В тексте Мухаммадтахира имя героя Кавказа везде подается в форме «Шамунль» (срав. имя древнееврейского пророка «Шемуэль»), но, когда передается речь русского генерала или Саида — сына имама и т. д., приводится форма «Шамиль»; отметим, что имя собственное — «Шамиль» употреблялось аvarцами еще в XVII в.

33) Дервиш (с перс.) «нищий, бедняк; член суфийского братства»; в аvar. **дарбиш**.

34) Инхо (инхвал—«инховцы») — селение на территории Гумбетовского района.

35) На средневековом Востоке арабским словом «рафик» обозначали иног-да и бойцов. В тексте Мухаммадтахира слово «рафик» употребляется в ос-новном в значении «дружинник» (авар. **чукъа**), «нукер, телохранитель».

36) Согласно материалам, хранящимся в русских архивах, Газимухаммад после взятия Аракан направил в Хунзах мулл и хаджиев с призывом принять шариат и присоединиться к его политической линии, но хунзахская верхушка отказалась от этого. Мало того, от имени мальчика Абусултан-нуцал-хана ин-формация о предложении Газимухаммада и реакции на нее была послана ге-нералу Энгельгардту. Затем, после сражения у Гагатля, Газимухаммад, присо-единив вооруженных андийцев к своему войску, в составе которого уже нахо-дились гумбетовцы, койсубулинцы и салатавцы, в феврале 1830 г. подошел к Хунзаку якобы с 10 тыс. воинов. Было уже предпринято несколько попыток штурма столицы Аварии, но тут вдруг гумбетовцы и андийцы отделились от Газимухаммада и «стали сражаться на стороне аварского хана». В результате, потеряв до 200 человек убитыми и ранеными, а также «много знамен и ору-жия», Газимухаммад был вынужден отступить от Хунзаха.

37) «Мунапик» (**мунапикъ**) — искаженное произношение арабского слова мунафик — «лицемер». В Дагестане и Чечне в XIX в. мунапиками называли, как то отмечено и в тексте сочинения, горцев — приверженцев власти «неверных», даже если они были правоверными мусульманами.

38) В русских документах отмечается, что в начале мая 1830 г. Газимухам-мад «укрепляет шанцами и завалами селение Гимры, в коем имеет жительство».

39) В Дагестане встречаются следующие арабоязычные памятные записи: «1245/1829—30 год — дата землетрясения и разрушения селений на Равнине. 1246/1830—31 год—дата прихода чумы в вилайат Дагестан».

40) Согласно русским документам, в мае 1830 г. отряд генерала Розена, состоявший из 3656 пехотинцев, 494 казаков и 26 орудий (позднее, правда, в 1834 г., высшее командование на Кавказе сообщало, что в 1830 г. против Гази-мухамада «был собран десятитысячный отряд»), через эрпелинскую территорию подошел к Гимрам. После перестрелки, но без серьезного боя «гемринцы да-ли... аманатов». После этого царское командование возымело даже намерение при участии Абумуслима—брата шамхала «уговорить койсуболинцев выдать возмутителя» Газимухаммада, но из этого ничего не вышло.

41) Мюридами в 1830 г. было сооружено в урочище «Чум гесген» укрепление из бревен, известное как «Агачкала» (Агъачкъала) — с кум.) — «Деревянная кре-

пость». Располагалась Агачкала на территории нынешнего Буйнакского района недалеко от сел. Казанище.

42) Джар—(Чар)—огромная сельская община с аварским языком (на 1826 г.—1260 дворов), являвшаяся на протяжении XVIII—начала XIX вв. центром независимой Джаро-Белоканской республики. Царские войска подчинили это государство и вблизи сел. Джар построили крепость, рядом с которой вырос со временем г. Закаталы (Аз, ССР).

Неподалеку от Джара на другом берегу речки находится большое (на 1826 г.—800 дворов) аварско-пахурское сел. Тала. Поэтому названную республику в XVIII—XIX вв. восточная письменная традиция именовала «Джар-Тала».

43) Голода (Гьолода в переводе с аварского «На склоне») — древнее село, находившееся в Джарском ущелье, выше Джара. Поэтому к началу XIX в. уже не существовавшему сел. Голода все население Джаро Белокан называлось по-аварски «голодищами» (гьолодисел).

44) Речь идет о союзниках жарцев.

45) По восточной традиции одежда и оружие убитого являлись как бы трофеями победителя.

46) Бухнада (авар. Бугьнада) — традиционное название группы небольших сел современного Тляртинского района ДАССР — Кардибский и Хадняльский сельсоветы; в 30-е годы XIX в. там было порядка 600 дворов.

Этот Шихшабан—«фанатик» многократно упоминается в русских документах как влиятельный сподвижник всех трех имамов, начиная с Газиму-хаммада.

47) Тбилиси.

48) Согласно русским документам, в «Джарской крепости», которую русские называли обычно «Новые Закаталы», во время пребывания Хамзата в Джаро-Белоканской «провинции было» до 8 тыс. человек царских войск. В востаннии, которое, по мнению генерала-фельдмаршала Паскевича, произошло «не иначе как от дурного управления народами или худой дисциплины в войсках там расположенных», кроме собственно жарцев приняли участие жители аварских сел: «Катех, Мацех и частью Тал», а также белоканцы. Восстание закончилось взятием Джара 14 ноября 1830 г., причем в руки царских войск перешли тогда 3 пушки, захваченные «лезгинами» месяц назад—15 октября. После этого Джар и прилегающие населенные пункты были подвергнуты разгрому, а часть их жителей было решено переселить в урочище Даначи.

В этих же документах говорится, что находившийся в заключении Хамзат был в начале 1831 г. освобожден от ареста, а потом «получивши по распоряжению» Паскевича «совершенную свободу», выехал из Тифлиса.

49) Под шамхалом здесь подразумевается Сулайманпаша-шамхал (1830—1836)—сын Махди-шамхала II.

Ахмадхан III Мехтулинский (1824—1843)—сын Хасанхана. С 1836 г. этому Ахмадхану, управлявшему наследием предков—Мехтулой (с. Охли, Джен-

гутаи, Дургели и т. д.) царская администрация по просьбе хуизахцев передала власть над Аварией.

50) В переводе с кумыкского «Красивое дерево».

51) Этот Алисултан Османляв (с авар. «Османович») Унцукульский упоминается в качестве влиятельного лица—«старшины» в русских документах, например, под 1828 и 1831 гг.

52) В русских документах о первой битве при Агачкале говорится следующее: в начале 1831 г. в Койсуболу начали свою деятельность Газимухаммад и «унцукульский старшина» Алисултан. Сначала с ними было только 20 воинов, затем их стало 40, затем 100 и затем «до 800 чел.» С «сим скопищем изуверов» Газимухаммад перешел в Буйлакскую котловину и укрепился в урочище Чум гесген. Генерал-майор князь Бекович-Черкасский в сопровождении Сулайман-паша-шамхала Тарковского и Ахмадхана Мехтулинского с их 2 тыс. кавалеристов, а также с 2 пушками и 200 солдат подошел к месту, где «заял позицию в крепких местах» Газимухаммад. По приказу генерала 9-го апреля 1831 г. княжеская конница атаковала мюридов, но вынуждена была откатиться назад «не только без успеха, но и с чувствительной для себя потерей»; 19-го апреля против мюридов двигалось уже 6 рот солдат с 4 пушками и вспомогательными войсками. По мнению командира Кавказского корпуса барона Розена, обе «экспедиции сии были безуспешны».

53) В Буйнакском районе; кум. Капиркъумукъ, авар. Капургъумек.

54) Это селение находилось недалеко от Махачкала, точнее выше пос. Ленинкент.

55) Речь идет о крепости Бурной, построенной русскими на горе Тарки-тау, над сел. Тарки.

56) Согласно русским документам, по приказу командующего Кавказским корпусом графа Паскевича, генерал-майор Таубе с полком солдат и 200 казаков атаковал Газимухаммада 8-го мая 1831 г., «но был отражен», как пишет барон Розен, «и отступил по направлению к Таркам», после чего большинство шамхальцев и мехтулинцев стали сторонниками Газимухаммада.

57) В Ленинском районе.

58) В русских документах говорится, что Газимухаммад и его воины «отретировались к Параулу» в связи с приближением отряда генерал-майора Каханова.

59) Зубутль (авар. Цюбокъ; кум. Зубут)—селение, располагавшееся на территории нынешнего Казбековского района, на левом берегу Сулака; в начале XIX в. там было порядка 500 дворов.

60) В русских документах говорится, что Газимухаммад планировал взятие кр. Бурной еще весной 1830 г., а 26-го мая 1831 г., «опрокинув шамхальскую милицию», он вошел в «город» Тарки и сразу же «обложил крепость Бурную». На следующий день «мятежники» сумели «ворваться в отдельное укрепление и завладеть пороховым погребом». До генерала Каханова дошла весть о «затруднительном положении» защитников Бурной, и тогда он, подойдя к месту боев,

29-го мая «атаковал мятежников в самих Тарках и нанес им сильное поражение».

61) Сел. Ашилты (Гашилта; геш—«ашильтинцы») расположено в Унцукском районе.

В русских документах при описании событий 1830 г. отмечается, что в июле Газимухаммад поехал в Ашилты—«местопребывание Абдуллы-муллы».

62) Салатавия (Салатав; по-аварски НахъбакI; нахъбакIад—«салатавцы») —территория большей части Казбековского и некоторой (засулакской) части Буйнакского районов. Традиционно Салатавия находилась под властью князей Засулакской Кумыкии; в начале XIX в. салатавцев было порядка 2400 дворов.

63) Сел. Андреяул нынешнего Хасавюртовского района; на 1812 г. в Эндирее было 1500 дворов.

64) Крепость Внезапная, построенная русскими чуть выше Эндирея.

65) Населенные чеченцами-аккинцами земли по берегам Акташа, Ярыксу и Ямансу (кум. Авух; авар. Гавухъ); территория нынешних Новолакского и части Казбековского районов; в начале XIX в. ауховцев было порядка 1000 дворов.

66) Ныне это селение называется Ленинаул (Казбековский район); в начале XIX в. там было порядка 200 дворов.

67) В русских документах говорится, что 23 июня Газимухаммад осадил кр. Внезапную, причем отмечается присутствие большого количества чеченцев в его войсках, а также то, что «кумыки», за исключением аксаевцев «передались ему». Генерал-майор Бекевич-Черкасский сообщал, что у Газимухаммада под Внезапной было якобы более 10 тыс. бойцов. Генерал Эммануэль заставил горцев снять осаду названной крепости, но 1-го июня он «имел с мятежниками известное дело», в котором потерял пушку, доставленную затем в Чиркей.

68) Туман//тумен—золотая монета.

69) Согласно русским документам, Газимухаммад со «скопищами, простирающимися до 8 тыс.» осадил Дербент 20-го августа 1831 г. Мюриды предприняли несколько попыток захватить город, но в ночь с 26-го на 27-е августа, узнав о приближении войск генерала Каханова, отступили «к горам». Остановились они вблизи табасаранского в политическом аспекте сел. Рукель (Дербентский район), а затем перебазировались «в Табасаран в местечко Гимейды» (Дербентский район). За время осады Дербента мюридами их противники понесли следующий ущерб: в царских войсках 1 рядовой убит и 13 ранено, а кроме того, убито 2 дербентца и 3 ранено.

70) Это же говорится в биографии Мухаммада Ярагского, которую обнаружил недавно А. Р. Шихсаидов.

71) Гельбах (Гелбахъ)—традиционное название селения Верхний Чирюрт Кизилюртовского района ДАССР; в начале XIX в. там было порядка 300 дворов.

По сообщению русских документов, в октябре 1831 г. генерал-лейтенант Вельяминов «взял селение Чир-Юрт».

72) Город на территории современной ДАССР.

73) В русских документах отмечается, что Газимухаммад действовал среди чеченцев, проживающих «между Сунжей и Терекон», а в начале ноября 1831 г. он со своей конницей «успел ворваться» в Кизляр. Ему удалось таким образом совершить «удачный набег».

74) В Дагестане черкесами называли кабардинцев и прочих адыгов.

75) Сардал — аварское произношение персидского сардар — «военачальник, главнокомандующий».

Речь идет о начальнике штаба Кавказского корпуса Н. П. Панкратьеве.

76) Сел. Игали (Игъали; игъел—«игалинцы») расположено в Гумбетовском районе.

Согласно русским документам, когда в октябре 1831 г. отряд во главе с Панкратьевым подошел к Чиркею, там вместе с чиркеевцами находились чеченцы. В царских войсках было тогда 12 орудий. После артиллерийского обстрела чиркеевцы, выразив покорность, обязались: никогда в будущем не допускать в свою среду Газимухаммада и возвратить пушку, принадлежавшую отряду Эммануэля. Семейство Газимухаммада «принуждено было» тогда «бежать» к андийцам.

Под Чиркеем в отряде царских войск было убито 10 чел. и 73 ранено, а среди их противников—горцев было убито и ранено якобы до 300 чел.

77) В русских документах говорится, что в 20-х числах января 1832 г. генерал-лейтенант Вельяминов обязал «беглых андреевцев» возвратиться «в их селения».

78) Старики утверждают, что традиционным аварским названием г. Владикавказа было Бурав-кала. В данной связи нельзя не отметить, что согласно русским документам, Газимухаммад «собрал большую толпу из андийцев и других горцев» и 22 марта 1832 г. «приблизился к Владикавказу».

79) Русские документы сообщают, что неподалеку от Эрпели, в урочище Эльсют мюриды соорудили защитный комплекс, главное укрепление которого представляло собой четырехугольник (20x16 сажень, а высотой 1,5 сажени) из толстых бревен, «сколоченных деревянными кольями и болтами», имевшее 2 яруса бойниц. Вход в укрепление запирался особым срубом. «Вдоль стен, с внутренней стороны были сделаны навесы для защиты от непогоды и выстрелов». В русских документах говорится, что Газимухаммад прибыл туда якобы с 1200 воинов, «в числе которых находилось 300 конных». 21-го июня 1832 г. отряд во главе с Ключки фон Клюгенау оставил 2 роты в сел. Эрпели, подошел к укреплению мюридов—9 рот пехоты, 120 казаков и 3 пушки. В 16 часов, пользуясь туманом, русские начали наступление, а тем временем артиллерия «производила сильную пальбу по укреплению и картечью очищала деревья от хищников». Один раз дело дошло до рукопашной, в ходе которой «несколько» солдат были «заколоты» кинжалами. С наступлением ночи военные действия прекратились, и «отряд остановился ночевать на месте сражений». 21-го «мятежники... сделали вылазку, но, будучи удачно встречены картечными выстрелами, обратились в бегство». 22-го рано утром оказалось, что «укрепление оставлено неприятелем».

80) По условиям соглашения с Панкратьевым (октябрь 1831 г.), чиркеевцы обязались впредь не помогать Газимухаммаду. Судя по некоторым русским документам, весной 1832 г. они еще придерживались этого соглашения.

81) В Чечено-Ингушской АССР.

82) Чеченское сел. Беной (Бена) дагестанцы называли Баян; часть аварцев—Баини. В тексте речь идет, по-видимому, о том Беное, который расположен в Ножайюртовском районе ЧИАССР. Этот ножайюртовский Беной считали в прошлом «главным селением» Ичкерии.

В русских документах говорится, что Газимухаммад, отойдя в конце марта 1832 г. от Владикавказа, «направился к Грозной», но удачная вылазка, предпринятая «из сей крепости заставила его поспешно удалиться в горы». При этом сообщается, что «тесть Казимуллы», то есть Газимухаммада—Мухаммад Уратский, «присланный им для вооружения против нас чеченцев» продолжал действовать в так называемой Малой Чечне (Ачхой-Мартановский и Урус-Мартановский районы ЧИАССР) и был «принужден отправиться назад» лишь в первых числах августа 1832 г.

83) Сел. Ирганай (авар. Рихьуни; рихьун — «ирганайцы»; кум. Иргбанай) расположено в Унцукульском районе.

84) «Переселенец; эмигрант» (с араб.).

В эпоху Кавказской войны горцы называли так мусульман-кавказцев, которые покидали родные места, попавшие под власть царизма и переселялись на территорию имамата.

85) Это русское слово (в значении «военная экспедиция; отряд») употреблено в арабском тексте сочинения Мухаммадтахира.

86) Сын Махди-шамхала II; правил Абумуслим-шамхал с 1836 г. по 1860 г.

87) Аварский вариант произношения имени «Хаджи».

88) Орта (Гюрута) — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

89) Согласно догмам ислама, Мухаммад — последний из пророков.

90) 1245/1829—30 г.

91) Цулда (Шулда)—селение в Чародинском районе, входившее в прошлом в «общество» Карах (Къарахь; къаралал—«карахины»), в котором было в начале XIX в. порядка 2700 дворов; на 1839/40 г. дается иная цифра—1074 двора.

92) «Мощь и сила принадлежат только Аллаху» (с араб.).

93) По-видимому, месхетинские турки.

94) В Дагестане так называют шиитов.

95) Сын Адильхана-уцмия (1809—1819); с 1838 г. этот Джамав был назначен русскими правителем Верхнего Кайтага.

96) Старшина; одно время этот Джамал (1832 г.) был с русскими и даже имел чин прапорщика, затем перешел к Шамиллю (1844 г.), а когда ситуация изменилась, опять переметнулся на сторону царизма (1857 г.).

97) «Нет божества, кроме Аллаха» (с араб.).

98) Согласно биографии Мухаммада Ярагского, в Гимринской битве вместе с имамом Газимухаммадом пали героями и лезгинцы, пришедшие в Аварию вместе с Ярагским. Это были: мулла Ахмед Кубинский, Нурмухаммед Кахский, а также, по-видимому, Хаджиали-эфенди и Сулейман-эфенди.

99) Вакаат—«комплекс религиозных формул и положений тела, являющийся элементом мусульманской молитвы» (Ислам. С. 96.).

100) В русских документах говорится, что в походе на Гимры участвовали сам командующий Кавказским корпусом Г. В. Розен, генерал-лейтенант Вельяминов и генерал-майор Вольховский. Под их командованием, кроме «неустранимой пехоты» русской находились: грузины, армяне, а также «музультманы разных племен и народов». В Гимринском ущелье, перегороженном тремя линиями завалов, царские войска встречали якобы 3 тыс. горцев, а кроме того, 1 тыс. воинов во главе с Хамзатом должна была действовать «в тыл» со стороны Ирганая. Газимухаммад был убит 17 октября 1832 г. «в первом каменном завале, взятом штыками. Исколотый труп его остался в башне, защищавшей каменистую стену». На следующий день—18-го октября «неприступные Гимри заняты без выстрела», а 19-го гимринцы «явились из горных убежищ своих для прощения пощады и принесения покорности»; позднее, правда, (1834 г.) стали писать, что генерал Розен «взял приступом Гимри».

101) На месте захоронения Газимухаммада над сел. Тарки до сих пор стоит каменная плита с надписью.

102) Не позднее 22 января 1833 г.; таким образом, Шамиль проболел около 3-х месяцев.

103) Сел. Балаханы (авар. Балахъуниб; белехъ—«балаханцы»; кум. Балакан) расположено в Унцукальском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

104) Хариколо (Хариколо)—селение в Хунзахском районе.

«Хасаниль Мухаммад»—в переводе с аварского «Мухаммад—сын Хасана».

105) Под «очередными поступлениями (навба)» подразумеваются, видимо, повинности.

106) Известно, что в жилах Шамиля текла дворянская кровь; он был, например, родственником казикумухских ханов.

107) По-аварски: Къебед-хIажняв.

108) С араб. муртазика—«получающие паек; паемники».

В северокавказском имамате «муртазиками» называли отборных профессиональных воинов, получающих содержание от имама и его наибов. Они являлись военной опорой государства и костяком его секретной службы.

109) Мушули (Мушули: мушул—«мушулицы») — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 120 дворов.

110) Речь идет о той части членов хунзахской «общины», которые были тесно связаны с ханским домом. В те же годы немало потомственных хунзахцев (хунз) находилось в рядах мюридов (друг имама Хамзата—Хаджиясул Мухаммад, Ахбердиль Мухаммад, Хириясул Алибек, Алимчул Хусайн и т. д.).

111) Арадерих (Гъарадерихъ) — селение в Гумбетовском районе.

112) В русских документах говорится, что в 1836 г. мюриды во главе с Шамилем двинулись против жителей Арадериха, которые «отказались от последования» шариату и «вспомоществуемые хунзахцами под начальством старшины хунзахского Эмир-хана решились защищаться против мятежников». Мюриды, однако, «с ожесточением атаковав» арадерихцев и хунзахцев, «овладели деревней». Потери Шамиля — 15 убитых и 30 раненых. Потери его противников — 127 убитых и в числе их Амирхан Хунзахский.

Скорее всего именно об этом событии рассказывает Мухаммадтаhir Карахский под 1833 г.

113) Гергебиль (Хьаргаби) — селение в ДАССР; в первом половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

В русских документах от 1833 г. отмечается, что имам Хамзат распространил свою власть на Гергебиль.

Гоцатль (ГьоцIалъ; гьоцIал—«гоцатлинцы») — селение в Хунзахском районе, родина имама Хамзата; в первой половине XIX в. там было порядка 300—400 дворов.

114) Корода (Кьорода) — селение в Гунибском районе.

115) Сел. Гоготль (Гьогьоль; гьагьал — «гоготлинцы») расположено в Советском районе.

116) Голотль (Гьолокь; гьакьал—«голотлинцы») — селение в Советском районе.

117) Кюяда (Кюяда; кювал—«кюядинцы») — крупная сельская община, состоявшая из целого ряда мелких населенных пунктов; ныне Тлогобский сельсовет Гунибского района; на 1828 г.—2380 дворов.

118) Телетль (Телекь; тIекьал — «телетлинцы») — селение в Советском районе; на 1828 г.—800 дворов. более же поздние материалы дают меньшие цифры: 400—500 дворов.

119) Князек (эмир), происходивший из рода казикумухских шамхалов

120) Кулла (Кула; кулассел — «куллабцы») и Бацада (БацIада; бецI — «бацIадинцы») — селения в Гунибском районе. Традиционно они входили в Карахское «общество». В первой половине XIX в. в них насчитывалось порядка 260 дворов (82 и 179).

121) Келеб (Кьелеб; кьел—«келебцы») — «общество» примерно соответствующее территории Ругельдинского сельсовета Советского района; на 1828 г.—1360 дворов.

122) Ругуджа (Ругьжаб; ругьеж—«ругуджинцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 600 дворов.

123) Андалальцы (IандаIал) — население территории примерно соответствующей большей части современного Гунибского района; русские считали, что в первой половине XIX в. андалальцев было порядка 12 тыс. душ.

124) Дворянин, выходец из рода казикумухских шамхалов, наследственный глава (ранс) андалальцев.

125) Согратль (Сугьраль; сугьур//сугьул—«согратлинцы») — селение в Гу-

нибском райо́не; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов, хотя иногда приводились и значительно большие цифры.

Главными населенными пунктами Андалальского «общества» были Ругуджа, Согратль, Чох.

126 Гидатль (Гыдалль; гьид — «гыдаглинцы») — крупное «общество», занимавшее большую часть Советского района ДАССР; на 1828 г. — 3870 дворов. Ядром этого «общества» служили села, занимавшие территорию нынешних Тидибского и Урадинского сельсоветов.

127) Багвалальцами (багвалал) называли жителей сел. Хуштада и соседних населенных пунктов Цумадинского района, расположенных на правом берегу Андийского Койсу, к северу от бассейна Тиндинской речки.

128) Судя по контексту, термином «чериь» (араб. — авбаш, ахлат) в сочинении Мухаммадтахира обозначаются плохо вооруженные и плохо обученные толпы ополченцев.

129) Это был мальчик примерно 12 лет.

130) Сел. Харачи (Харачи; харачи — «харачинцы») расположено в Унцукальском районе.

131) Первому из них (его полное и правильное имя «Абусултан-нуцал-хан») было тогда примерно 21 год, а второму — 18 лет.

132) Цудахар (Цудахар) — селение в Левашинском районе, являвшееся центром «общества», состоявшего примерно из 1500—2000 дворов.

133) Сел. Тануси (Тануси; танус — «танусинцы») расположено в Хунзахском районе.

134) Скорее всего, речь идет об отце знаменитого хунзахца времен Кавказской войны — «Ахварды Магомы», то есть Ахбердиль Мухаммада.

135) «Мирзал Хаджияв» (Мирзал Хаджияв) в переводе с аварского означает «Хаджи — сын Мирзы».

136) Довольно известный ученый, кадий (кьади) Хунзахского «общества».

137) В переводе с аварского «Мухаммад — сын Дибра».

138) В письме Асланхусайн-хана Казикумухского генералу Вольховскому утверждается, что с Хамзатом было якобы 30 тыс. бойцов, а взял он Хунзах после 6-дневной осады. В русских же документах говорится: во-первых, что население Хунзахского плато, за исключением собственно хунзахцев, отказалось «действовать против Гамзат-бека»; во-вторых, стычка в лагере имама произошла «впоследствии ссоры» Уммахана «с одним из приверженцев» Хамзата; в-третьих, кроме Бахубике, были казины «престарелая» ханша Китлидай и все ханские родственники за исключением Булача и жены Нуцалхана. Остальная информация, содержащаяся в русских документах по вопросу истребления Аварских ханов, в целом повторяет текст Мухаммадтахира, причем ряд интересных моментов в этих документах не нашел своего отражения.

139) Карата (КіаратIа) — селение в Ахвахском районе, являвшееся центром Каратинского «общества», в котором на 1830 г. проживало 5 тыс. душ.

140) Гишичуть (Геничук) — селение в Хунзахском районе.

141) Сын правителя Аварии Гебек-нуцала (1801—1802); этот Сурхай являлся протеже царской администрации на Кавказе.

142) Сел. Куппа (Къуппа) расположено в Левашинском районе.

143) Сел. Салта (Салта; сулуд—«салтницы») расположено в Гунибском районе.

144) В русских документах отмечается, что летом 1834 г. имам Хамзат имел бой с акушинами (их было тогда примерно 2500 дворов), который возглавлял Мухаммад-кади, и цудахарцами во главе с Аслан-кади. Они «разбили Гамзат-бека близ селения Ходжая-меки», то есть, видимо, Хаджалмахи Левашинского района. В этих документах отмечается также, что «при нападении» Хамзата «на селение Зодухары» помощь цудахарцам оказал и Асланхусайн-хан Казикумухский.

145) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Хаджи».

146) В русских документах сказано, что имам Хамзат был убит хунзахцами вместе «со всеми его приближенными» 7-го сентября 1834 г. «когда он находился в мечети на молитве». Убийцей был член «тайной партии» хаджи Осман, который затем «пал под ударами приверженцев Гамзата».

147) На надгробии этого Султанава, стоящем в Ругуджа, написано, что «благородный юноша, потомок благородных господ (сайид)» Султанав — сын [Андия—?], сына Алисултана, скончался в 1250/1834—35 г.

148) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Раджаба».

149) В русских документах об этом вторжении в Гимры говорится следующее. К началу сентября 1834 г. в Темир-Хан-Шуре был собран отряд под командованием генерал-майора М. Л. Ланского в составе: 13 батальонов пехоты, 40 пушек и 900 казаков. 14-го сентября часть отряда начала движение к Гимрам, ибо генерал Ланской, имея главной целью «восстановить законность владетеля в Аварии», решил для начала «наказать это мятежное гнездо». У входа в селение егерские батальоны «встретили вооруженную толпу гимринцев», завязалась «убийственная перестрелка», но подошедшие «остальные батальоны отряда принудили» горцев «штыками к отступлению в селение». Гимринцы постепенно отступали, чтобы их семьи смогли «перехватиться на противоположный берег Койсу и скрыться в неприступных ущельях». К полудню 15 сентября 1834 г. «грозное Гимри было» в руках царских войск, но перестрелка с жителями продолжалась до ночи. За все это время потери в отряде Ланского «были незначительны». В Гимрах батальоны пробыли более 2-х суток. «Время это было большей частью употреблено на совершенное истребление садов, на разрушение и сожжение строений, так что из 600 домов, находившихся в Гимри, едва 16 уцелело от пожара. Зато отступление отряда в Темир-Хан-Шуру «сопряжено было с немалым затруднением». Гимринцы подвергли отступающих сильному обстрелу «со всех точек», который продолжался вплоть до перехода на восточную сторону Гимринского хребта. 18-го сентября участники похода прибыли в Темир-Хан-Шуру, где соединились с остальными батальонами отряда. «Спустя три дня по возвращении из Гимры, ген. Ланской, не привыкший к

опасностям горной войны и к влиянию самого климата, скончался после кратковременной болезни».

150) Князек из «рода Сураката», то есть из Аварских ханов, являвшийся правителем сел. Эрпели. Осенью 1834 г. Удлубий имел чин прапорщика русской армии. После взятия Ахульго в 1839 г. он был назначен царской администрацией правителем Гимр и Ашильта с «поручением вести наблюдение за койсубулинцами», то есть хиндалальцами.

151) «Риккил нохо» (РикIкIил нохъо) в переводе с аварского—«Квасовая пещера»; местность около сел. Гимры.

152) Известный военачальник эпохи Кавказской войны, преемник Ланского; с 1834 г. генерал-майор.

153) Основатель принятого на Северо-Восточном Кавказе шафнитского толка (мазхаб) в исламе—Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии (767—820).

154) Последователь толка в исламе, основанного Абу Ханифой (699—767), которого придерживаются на Северном Кавказе ногайцы, дагестанские азербайджанцы—терекемейцы, а также все мусульмане, проживающие к западу от Ингушей (осетины и т. д.)

155) Не позднее конца мая 1836 г. Шамиль уже переселился в Ашильта. В русских документах того времени он характеризовался как «мулла Шамиль, гимринский житель, изгнанный своим обществом и проживающий в койсубулинской деревне Ашильта».

156) Ахмадхан Мехтулинский.

157) Сел. Кульзеб (КIулзеб) располагалось в прошлом на территории Чародинского района и входило в подчиненное ханам Казикумуха «общество» Мукратль (Мукракъ).

158) Гункар (гъункар) — производное от хункяр — «турецкий султан».

159) «Фетва» (с араб. — «официальное суждение по поводу какого-либо правового или культового вопроса», выносимое религиозным авторитетом на основании принципов ислама (Ислам, стр. 110).

160) По-видимому, в первые десятилетия XIX в. говоры аварского языка, на которых говорили жители Гимр и Унцукуля, расходились значительно больше, чем это имеет место в настоящее время.

161) В письме Шамиля генералу Ключки фон Ключенау, относящемся ко времени не позднее конца 1836 г., говорится, что клеветники постоянно делали наговоры на Шамиля Махди-шамхалу и его наследнику. Они «просили шамхала дозволить им поднять противу» Шамиля «оружие», что тот и «позволил». В результате этого, пишет Шамиль: я подвергся нападениям два раза «по переселении моем в Ашильту». Вероятно, это как раз то, о чем говорится в данной части труда Мухаммадтахира Карахского.

162) В русских документах этот Ташав-хаджи упоминается как соратник еще имама Хамзата (1834 г.) и причем он именуется «беглецом Андреевской деревни» (1835, 1836 гг.), то есть выходцем из Эндирея/Андрей-аула.

163) Произношение: Бис ГIалилав.

Сел. Чирката (ЧиркьатIа, черкъ — «чиркатицы») расположено в Гумбетовском районе. Чирката была традиционно «подведомственна тарковскому шамхалу»; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

164) В русских документах отмечено, что Шамиль, «соединясь с мятежниками чеченскими: Ташовом-Хаджи, муллой Уди», создал отряд бойцов («партию») числом до 2-х тыс. человек. В конце весны 1836 г. мюриды начали «увещаниями и угрозами принуждать койсубулинские и другие соседние общества деревни к принятию учения» Газимухаммада.

165) «Аликул Хусайп» (Галикул Хусайп) в переводе с аварского — «Хусанп—сын Алико». (аварское уменьшительное от «Али»).

166) В русском документе, датированном 19 марта 1836 г., названные события излагаются следующим образом. По соглашению с Шамилем, проживавшим в Ашильта, к нему прибыл с отрядом из более чем 200 чеченцев «беглец Андреевской деревни Ташав-Хаджи». Встреча его с Шамилем состоялась в Чирката. Затем Шамиль со своей «партией из мюридов» и Ташав-хаджи направились в Игали, где имели бой с игалинцами и «одержали верх». Затем Ташав-хаджи «со скипидаром своим» двинулся через Ницо к сел. Орта, куда должен был прибыть гелетлинский «мулла» Кебедмухаммад «с собранной им партией», чтобы затем идти на Унцукуль.

167) Харахи (Харахъи; херехъ — «харахицы») — селение в Хунзахском районе.

168) «Технуцал» (ТехИнуцал)—название жителей нескольких селений нынешнего Ботлихского района, расположенных по течению Андийского Койсу.

169) Чеберлой (чечен. Чебирла//Чарбила; авар. Чарбилъ, «чеберлойцы» — Чарбилъал)—населенное чеченцами «общество», занимавшее часть территории нынешнего Веденского района ЧИАССР—сал. Макаджой и прилегающие земли; в первой половине XIX в. там проживало примерно 6 тыс. душ.

170) В прошлом «чеченцами» называли в Дагестане ту часть чеченоязычного этноса, которая была расселена в нынешнем Шалинском районе.

171) В русских документах указано, что не позднее июля 1836 г. мюриды имели бой с хунзахцами в сел. Арадерих, затем Шамиль совершил неудачную попытку захвата Хунзаха с целью «отомстить жителям за убийство Гамзат-бека», после чего не позднее 8-го июля того же года имам «напал на селение Унцукуль». Шамиль принудил унцукульцев к выдаче заложников, а затем «воспользовался беспечностью жителей, ночью скрыто овладел Унцукулем». При этом отмечается, что мюриды угрожали унцукульцам «истребить их хлеба и сады».

172) Этот Сурхай был то ли из сел. Коло Хунзахского района (Хиндахский сельсовет), то ли из сел. Колоб Унцукульского района (Иштибуринский сельсовет).

173) Сел. Буцра (БуцIра; буцIун—«буцринцы»).

174) Сел. Оркачи (ГIуркIачIи; ГIуркIечI «оркачицы») — расположено в Хунзахском районе.

175) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Муртазалава».

176) Из письма Джамала Чиркеевского генералу Клюки фон Клюгенау сле-

дует, что в начале второй половины октября 1836 г.: «Хунзахские пленные еще находятся в Ашильта заключенными».

Сел. Ахалчи (ГӀахьалчи; ГӀехьел—«ахалчицы») расположено в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было около 500 дворов.

177) В «Записке о сношениях с аварскими ханами с 1800-го года по 1838 год» говорится, что хунзахцы «просили» русское командование на Кавказе «о назначении к ним в правители» Ахмадхана Мехтулинского. После этого по приказу генерала Розена «в конце 1836 года было предпринято движение в Аварию». В начале 1837 г. Ахмадхан «просил с согласия самих аварцев, чтобы прислать в Хунзах часть наших войск для предупреждения всяких со стороны Шамиля покушений». С «благоизволения государя императора» просьба эта была исполнена летом 1837 г.—генерал Фезе «занял Хунзах и устроил в нем цитадель для гарнизона».

178) Под ахвацами (ГӀахьвахъал) здесь подразумевается население южной части Ахвахского района (Кудиябросо, Тадмагитль и т. д.); в начале XIX в. их было порядка 300 дворов.

179) Сел. Ассаб (ГӀасаб; ГӀес—«ассабцы») расположено в Советском районе; на 1828 г. в Ассабе было 400 дворов.

180) Эта местность, известная как «Теснина Зоноб» (Зоноб къварилън), расположена на территории Ахвахского района. В русских документах данная местность упоминается под 1838 г. как «урочище Зона».

181) Сел. Цекоб (ЦӀекӀоб; цӀекӀал—«цекобцы») расположено в Советском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 190 дворов.

182) Сел. Ратлуб (Ракуб, по почему-то данное село называют еще и Ригьникъ) расположено в Советском районе; на 1828 г. Ратлуб, в котором было 270 дворов, включали в состав Келебского «общества».

183) Мухаммадмирза-хан—сын Асланхусайн-хана Казикумухского. Правил он с 1836 г. по 1838 г.

184) По-видимому, небольшое сел. Чарах (ЧӀарахъ) Гунибского района (Тлогобский сельсовет).

185) Сел. Гочоб (Гъочоб) расположено в Чародинском районе.

186) Согласно русским документам, царские войска под командованием генерал-майора Фезе после 2-х месячного похода подошли к Телетлю. После «беспрестанного действия артиллерии с 3 по 6 июля для истребления укреплений» Телетля верхняя часть последнего была взята «приступом». Затем «в нижней части сел. Тилитли» было заключено перемирие, согласно которому Шамиля вынудили «принять покорность и выдать аманатов». Дело в том, что из-за истощения припасов, «не взирая на то, что их взято было в экспедицию весьма значительное количество» генерал Фезе «решительно не мог предпринять приступа для овладения самой укрепленной частью» Телетля.

187) Сел. Гунух (Гъунух) расположено в Чародинском районе.

Сел. Глерои (Къорои) расположено в Чародинском районе.

188) Сел. Аргвани (Аргъваниб; эргъвен—«аргванийцы») расположено в Гумбетовском районе.

189) В русских документах отмечается, что генерал Фезе разрушил «до основания Ашильту с замком Шамиля». В боях под Ашилты участвовали на стороне мюридов ополчения багвалальцев, ахвахцев и каратинцев. В этих же документах говорится, что после боев при Телетле Шамиль засел в Чирката, а его сподвижник Алибек занимался «пробисками» среди каратинцев и населения других близлежащих «обществ», в том числе среди багвалальцев.

190) Известный сподвижник Шамиля, будущий правитель Малой Чечни.

191) В русских документах, относящихся к осени 1837 г., говорится, что командующему Кавказским корпусом была сообщена в конце лета «высочайшая воля государя императора». Суть ее заключалась в том, чтобы «сделано было Шамилю с его главными сообщниками внушение воспользоваться прибытием государя императора в Закавказский край и испросить милость предстать перед самого монарха, дабы лично молить о всемилоостивейшем прощении». Во исполнение этого генерал Клюки фон Клюгенау «нашел благовидный предлог для свидания с Шамилем, и под видом личного к нему расположения убеждал его воспользоваться столь счастливым случаем». Шамиль якобы попросил небольшой отсрочки для совета со своими ближайшими сподвижниками, а затем сообщил, что последние ехать в Тифлис не соглашаются и смуте не позволяют под угрозой убийства. В письме же самого Шамиля на имя Клюки фон Клюгенау было написано: я «решился не отправляться в Тифлис, если даже и нарежут меня по кускам, потому, что я многократно видел от вас измены».

192) Сел Моксох (Моксохъ; макисал—«моксобшы») расположено в Унцукульском районе.

193) Сел. Цатаних (Цатланихъ, цетлен—«цатанихы») расположено в Унцукульском районе.

194) Сел. Зирани («зиранинцы»—зерен) расположено в Унцукульском районе.

195) В русских документах 2-й половины 1837—1838 годов упоминаются крепости, построенные царскими войсками в Хунзахе и Зирани — «стены оного сделаны из сырого кирпича на каменном фундаменте», а также деревянный блокгауз на каменном фундаменте в урочище Бурундук-кала, в верховьях Ирганайской речки.

196) Простекающее из геоморфологии местности, стратегическое положение территории Сулакского бассейна таково, что те, кто контролирует Хунзахское плато, по сути дела, контролируют и весь бассейн. В первую очередь именно в этом заключались, думается, побудительные мотивы к уходу мюридов с территории Аваристана, после того как царские войска закрепились на территории Хунзахского плато.

197) В русских документах, относящихся к весне 1838 г., сообщается, что в Чирката проходило «сборище из 100 мюридов, продолжавшееся 3 дня, в коем находился и Шамиль со своими приверженцами». Проводилось оно с целью выбора «безопасного места для жительства Шамиля».

198) По сообщению русских документов, уже в мае 1838 г. «Шамиль с 200 чел. преданных мюридов» пребывал в замке, построенном при содействии

чиркатицев и других на месте «замка, разоренного в 1837 году». В конце лета 1838 г. Шамиль «с семейством своим» находился в Чирката, «а замок Ахульго занят преданными ему мюридами, устроившими там свои жилища в подземелье».

199) Сел. Гапалух (Гьацгалухъ; гьацгел — «гапалухи») — расположено в Хунзахском районе.

200) В русских документах сообщается, что в конце июля 1838 г. главные «силы отряда» царских войск, прибывших в Аварию, расположились «близ сел. Ингирдах, дабы удобнее наблюдать за обществами, обитающими между Кахетию» и Хунзахским плато.

201) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бахзана».

202) Аят (с араб.) — «наименьшая самостоятельная часть Корана» (Ислам, с. 41).

203) В переводе с арабского: «Скажи. «Он—Аллах—един» (Коран).

204) «Тарада Инхело» (Тарада Инхело) в переводе с аварского — «Верхнее Инхело». Этот населенный пункт расположен в Ахвахском районе.

205) В переводе с аварского «Хусайн—сын Салиха».

206) Сел. Буртунай («буртунайцы» — буртинал//буртаби) расположено в Казбековском районе.

207) Традиционно считают, что здесь речь идет о генерал-майоре Пантелееве, но, судя по документам, Пантелеев в этих событиях не участвовал.

208) Произношение: Гьули.

209) Оход—гора неподалеку от Медины, где язычники-корейшты разбили мусульман и причем был ранен пророк.

210) Сел. Хварши расположено в Цумадинском районе.

Этот ученый больше известен как «Загалав».

211) Сел. Глох (Кьохъ) расположено в Ботлихском районе.

В русских документах говорится, что в сильно укрепленном (дома из «толстых каменных стен и огромные завалы») сел. Аргвани собралось до 16 тыс. бойцов из «разных лезгинских и чеченских обществ». Из них при взятии Аргвани, имевшем место в последние дни мая 1839 г., было убито якобы 600 чел. и 1500 ранено.

212) Эта местность (Саду-майдан) расположена между Аргвани и Чирката.

213) «Шулатлюл гох» (Шулалъул гохI) в переводе с аварского «Холм с укреплением».

214) Лицо, многократно упоминаемое в анналах Кавказской войны, полковник, а с 1839 г. генерал-майор.

215) Слово это является, возможно, производным от персидского калантар — «комендант»; у А. М. Барабанова — «штаб-офицер».

216) Местный вариант произношения персидского надшах.

217) В переводе с аварского «Хусайн—сын Ибрахима».

218) Командир отряда царских войск, осаждавших Ахульго, в то время генерал-лейтенант.

219) Сел. Уриб (Гуриб) расположено в Советском районе

- 220) Дылым (Дилим)—селение в Казбековском районе.
- 221) Аварский вариант произношения имени «Иса-хаджи».
- 222) Сел. Дарго (ДаьргIа; в дагестанской графике Даьргъа) расположено в Веденском районе ЧИАССР, в верховьях р. Аксайки.
- 223) Произношение: Хъази.
- 224) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бала».
- 225) Произношение: Гъирак.
- 226) Произношение: Ханахъай.
- 227) Сел. Мачада (МачIада) расположено в Советском районе.
- 228) Сел. Хотода (ХIотода) расположено в Советском районе.
- 229) Сел. Тинди (ТIинди; тIиндал—«тиндинцы») расположено в Цумадинском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 100 дворов.
- 230) В переводе с аварского: «Мухаммад—сын Аличу».
- 231) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Силико».
- 232) Сел. Бетли (Бекилъ; бекъ—«жители Бетли») располагалась в прошлом на территории Унцукульского района.
- 233) Произношение: ХIизкъил.
- 234) По-аварски «Белое село» (ХъахIаб росо) называют: сел. Кахабросо Унцукульского района и сел. Ахкент Левашинского района.
- 235) Сел. Хелетури (Хелекъури; хелкъал—«хелетурицы») расположено в Ботлихском районе.
- 236) Он, как видно, был родом из сел. Султан-Янги-Юрт нынешнего Кизилюртовского района; в начале XIX в. там было порядка 150 дворов.
- 237) Произношение: ДегIенгIали—«Козел-Али» (с авар.).
- 238) Сел. Артдух (Гъаркъухъ; гъаркъхъал—«артдухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 239) Произношение: Иманкъулав.
- 240) Произношение: ГъитIип—«Малыш» (с авар.).
Сел. Данух (Данухъ; данхъал—«данухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 241) Сел. Алмак (Алмахъ; алмахъал—«алмакцы») расположено в Казбековском районе; в начале XIX в. там было порядка 80 дворов.
- 242) Сел. Зандак (Зандакъа) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 243) Сел. Даттых (Даттах) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 244) Сел. Ведено (Ведана) расположено в ЧИАССР.
- 245) Сел. Гуш-Керт (Гуш-корта//Гуруш-корта; в дагестанской графике Гъурушкорта) расположено в Шатоевском районе ЧИАССР, в Памятовском сельсовете.
- 246) Речь идет об «обществе» Шатой (чечен. Шуйта; в языках дагестанцев Шубут/Щубутиб)
- 247) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Худанага».
- 248) Произношение: Гъиммат.

249) Сел. Центорой (Цонтара) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

250) «Маарух» (Maġaruxъ) в переводе с аварского «В горах, в стране, где говорят на аварском языке».

251) В русских документах в связи с Ахульго говорится следующее. Шамиль имел «план» закрепиться в «замке» Ахульго, где он «собирал все возможные средства к упорной обороне убежища своего». Второй же из «главных возмутителей» Ташав-хаджи, имевший свое местопребывание в Чечне (выше Старого Аксая, близ сел. Мескиты, в урочище Ахмат-тала), опираясь на «составленный ими план для противодействия войскам» императора «должен был отвлекать» эти войска от Ахульго «посредством диверсий и набегов на линию». Состоявший из двух «замков» оборонительный комплекс Ахульго, где Шамиль собрал «до 800 человек», а также «почти насильственно» переселенные туда «знатнейшие чиркатовские семейства» плюс «семейства мюридов» и заложники (от койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев и салатавцев, которые «вполне ему подчинились»), был прекрасно укреплен. Согласно рапорту генерал-адъютанта Граббе и генерал-майора Пулло на имя военного министра Чернышева, названный комплекс был воздвигнут «с большой тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не деэпическому инженеру: действие русской «артиллерии научило горцев весьма скоро инженерному искусству, вместо высоких и скоро разрушаемых башен, которые они возводили во времена Газимухаммада и даже в 1837 г., они начали врываться в землю, устроили крытые ходы, глубокие траншеи, углубленные каменные сакли, в местах, «не подверженных выстрелам артиллерии, заложили крепкие завалы в несколько рядов, все отлогие покатоки были срезаны», а ряд мест усилены «всеми фортификационными средствами, все подступы обстреливались сильнейшим перекрестным огнем, а горцы, невидимые в своих пещерах и подземельях, предохраняли себя от ядер и гранат». Отряду царских войск, двигавшемуся в горы, противостояло якобы «от 12 т. до 15 т. вооруженных людей, частью пеших, частью конных», находившихся под общим командованием Шамиля. Первую «встречу» царским войскам Шамиль приготовил у «неприступного» сел. Буртунай, прикрытого «со всех сторон» пропастью Теренгул, где имам собирался «удержать» наступающих «из своей фланговой позиции» в то время как 3 тыс. чиркеевцев и прочих салатавцев должны были атаковать с тыла. В случае неудачи в первом сражении мюриды «имели за собою другую более сильную позицию» у сел. Аргвани, «которую они считали вернейшим оплотом Чирката и укрепляли в продолжение года». Следующей преградой для царских войск «должна была» служить «переправа через быструю реку Койсу». Последним в этой цепи укреплений стоял «замок Ахульго».

Царские войска после взятия Аргвани двинулись 4-го июня в сторону Чирката. На следующий день сел. Чирката, покинутое местными жителями, было занято «почти без выстрела». 6-го июня царские войска увидели подходящих со стороны Хунзаха своих союзников—Ахмадхана Мехтулинского с «милицией». Тогда же было «предписано» Абумуслим-хан-шамхалу Тарков-

скому «обеспечить» продвижение транспорта из Темир-Хан-Шуры через Зирани, и вскоре он появился со стороны Унцукуля.

Отряд царских войск под командованием флигель-адъютанта полковника Катенина перешел по восстановленному имн Сагринскому мосту (Сагъри кьол) на правый берег Андийского Койсу и двинулся к Ашильта, которое к 10 июня было уже взято. В самом конце июня 1839 г. Граббе решился приступить к штурму так называемой Сурхаевой башни—возведенному на Шулатлюл гохе «укреплению, состоявшему из нескольких башен, связанных толстой каменной стеной и фланкированных завалами и бойницами в два ряда», которое защищал гарнизон из «более 100 отважнейших мюридов, известных своим удаливством и фанатической приверженностью к Шамилю». Внутри «Сурхаевой башни», получившей свое название, видимо, в честь известного «ученого Мухаджира» Сурхая из сел. Коло, были построены «сакли в два этажа, из коих нижний был врыт в землю и совершенно безопасен от выстрелов из орудий. Сакли же были соединены между собой покрытыми ходами, а верхняя часть одной из них возвышалась в виде башни и командовала всем» укреплением. 29-го июня «Сурхаева башня», то есть укрепления на Шулатлюл гохе были подвергнуты артиллерийскому обстрелу из 6 пушек, продолжавшемуся около 3 часов, а затем против 100 мюридов пошли 3 батальона под общим командованием полковника Пулло. Царские батальоны в конце концов были вынуждены отступить назад, после чего был возобновлен артиллерийский обстрел. Затем начался новый штурм силами уже 4-х батальонов. К вечеру генерал Граббе «приказал отодвинуть войска и прекратить бой». За 29-е июня «была истреблена» якобы «половина мюридов», сын Шамиля был «ранен картечью, а известному Алибеку, главному сподвижнику Шамиля, ядром оторвало руку, и он умер от раны». Царские же войска потеряли убитыми 34 солдата и 2 офицера, одним из которых был командир Моздокского казачьего полка; ранено — 165 солдат и 3 офицера. В течение нескольких следующих дней царские войска проводили «осадные работы» и поставили против «Сурхаевой башни» еще 4 пушки и, кроме того, вели обстрел объекта. Уже в первые дни июля Шамиль якобы «обнаружил желание вступить в переговоры», что он сделал, «через чиркеевцев», но Граббе не принял их посредничества. 4-го июля мюриды произвели вылазку для уничтожения батареи, в ходе которой был убит один офицер. В тот же день после 3-часового обстрела «Сурхаевой башни» был предпринят новый штурм, причем атакующие употребляли для защиты «деревянные щиты, подбитые войлоком», и в полночь солдаты ворвались «в укрепление». Как сказано в русских документах, «все мюриды» были якобы «переколоты или погибли под развалинами своих завалов, исключая несколько человек», которые «успели уйти» в темноте. В руки победителей попали, как они сообщают, «два пленных, много оружия и 36 тел, кроме погребенных после первого штурма», и это в то время, когда, по сообщению Мухаммадтахира Карахского, мюриды за месяц потеряли на Шулатлюл гохе всего 17 человек убитыми. Царские же войска потеряли в этот день 11 солдат убитыми и 51 — ранеными, а кроме того, было ранено 2 офицера.

Касательно устройства лагеря в покинутом людьми Чирката говорится, что туда было послано 4-го августа 2 батальона с 2-мя пушками во главе с генерал-майором Лабинцевым, который после слабой перестрелки «занял Чиркат и предал его огню».

По вопросу выдачи Шамилем Джамалуддина в заложники в русских документах говорится, что имам «несколько раз уже подсылал» к Граббе «доверенных людей с предложением покорности», но не хотел «выдать своего сына аманатом», как того требовал генерал. Шамиль якобы предлагал в аманаты одного из своих родственников, а также «по одному человеку из находящихся при нем жителей Чирката и Ашильты»; оказывается, таким образом ашильтинцы составляли значительную часть гарнизона Ахульго!

После взятия Ахульго 22-го августа 1839 г., когда за два дня погибло еще 150 рядовых и 6 офицеров (ранено 494 солдата и 16 офицеров), царские войска в течение еще недели оставались на Ахульго — разрушали укрепления, обыскивали «пещеры над самым Койсу», в ходе чего было перебито около 40 мюридов, «но Шамиля нигде не найдено». По информации, полученной царским командованием, он с 2-мя или 3-мя «приверженцами успел спастись». Поэтому, с одной стороны, все «общества» Дагестана и Чечни были предупреждены от имени Граббе «о строгом наказании, которое их ожидает, если они примут возмутителя в свои аулы». С другой стороны—Ахмадхану Мехтулинскому и его милиции было приказано обыскать «по левому берегу Койсу, к стороне» Артлуха и Чиркея, где «глубокие балки и перелески дают средство скрываться».

К началу сентября царское командование получило информацию, что Шамиль находится в Ведено и при этом из «3 т. чел., находившихся при нем под Ахульго, спаслись только 3». Сам Шамиль ранен «навылет пулей», у него убиты: жена, сестра, дядя и один из сыновей, другой сын в русском плену, третий ранен». Шамиль якобы просил «с унижением, чтобы русское правительство приняло его покорность» и обещал дать в заложники «раненого своего сына» и «заставить покориться» Шуаиба и Ташав-хаджи. Граббе, однако, по его словам, потребовал от Шамиля «переселиться в один из мирных Сунженских аулов».

252) В декабре 1839 г., по сообщению русских документов, Шамиль ушел от ичкеринцев, так как «усматривал явные признаки недоброжелательства» и готовность «исполнять приказания русского начальства» и находился в Аргунском ущелье, где располагалось «общество» Шатой//Шубут. Его политическое и религиозное «влияние в крае совершенно» уничтожено. Опасаясь «пули или кинжала тайного врага» Шамиль не выходит «из своей сакли без 4-х вооруженных мюридов». Население якобы бежит «от него, как от заразы».

253) Еще в августе 1839 г. Граббе писал, что будет требовать с чеченцев: аманатов, «по одному хорошему ружью с каждой 10-ти сакель» и подчинения русскому приставу.

254) Старинное аварское селение, расположенное в Шатоевском районе ЧИАССР, в верховьях Шароаргуна.

255) Сел. Гаквари (Гъаквари) расположено в Цумадинском районе.

256) По преданиям, он был родом из сел. Гигатль (Гъиггаль) Цумадинского района.

«Кадиласул Мухаммад» (Къадиласул Мухаммад) в переводе с аварского — «Мухаммад сын Кадилава».

257) Сел. Шали (Шела) расположено в ЧИАССР.

258) Сел. Герменчук (Гермчига) расположено в Шалинском районе ЧИАССР.

259) Гехи (Гихта) — селение в Урус-Мартановском районе ЧИАССР.

260) Речь идет о бассейне р. Мичик (Мичиг), соответствующем части территории нынешнего Шалинского района ЧИАССР (между Качкальковским хребтом и р. Гумс).

261) Сел. Харачой (Хорочо) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

262) В русских документах говорится, что в начале марта 1840 г. отряд, сформированный из жителей «общества Аргунского ущелья», во главе с Шуанбом Центароевским, князем Маашем Зумсоевским, Джавадханом из Дарго и другими почетными чеченцами выступил в сторону Малой Чечни (Урус-Мартановский район) и успел «поколебать умы жителей покорных деревень». В Большую же Чечню «прибыл уже Шамиль», как уверяют, «по приглашению самих чеченцев». Затем «возмутитель Шамиль с двумястами мюридами» прибыл в сел. Урус-Мартан, а вслед за ним явился «аварец Ахверды Магома», который говорил, что он «собрал для Шамиля 12000 человек отборных людей» из отдаленных чеченских гор. Затем Шамиль действует уже «близ» Алхан-Юрта (Урус-Мартановский район), Куларов (Грозненский район) и Закан-Юрта (Ахчой-Маргановский район). 15-го марта генерал Пулло якобы разбил Шамиля на левом берегу Сунжи, который при этом потерял «множество людей» и затем «удалился в Гехи». Затем Шамиль «успел уйти в Шали, потом в» Мескер-Юрт (Шалинский район). Когда Шамиль прибыл в Автуры (Шалинский район) генерал Пулло «прекратил преследование». Одним словом, в марте 1840 г. Шамилю «предалась» вся страна, «начиная от Аргунского ущелья» до Алхан-Юрта в Малой Чечне и «все селения» Большой Чечни «до границы ауховцев и качкальковцев», вследствие чего «Пулло находит силы свои слишком слабыми, чтобы противустать покушениям и влиянию Шамиля».

Затем Шамиль «направляет путь» в Аух, где «народ весьма ненадежный» для царской администрации, а за ними следуют салатавцы — «ручаться за них нельзя». В середине апреля «Шамиль с своими конищами прибыл» в Акташ-Аух, где взял аманатов. Оттуда Шамиль «направился на Мичик». Наконец русские получили сведения, что «Шамиль распустил по домам для хлебопашества бывших с ним в сборе чеченцев».

263) В ряде языков и в том числе в аварском Осетия называется Гъири («осетин — гъирият»).

264) Знаменитый христианский храм Тхаба-Ерды, стоящий в верховьях р. Ассы, на территории Назрановского района ЧИАССР. В этом храме, как известно, хранились древнегрузинские рукописи религиозного содержания.

265) Есть основания полагать, что «Чуумикли» (Чуг[умикъли]) является аварским названием чеченского «Чуо-Мулка» (Чуо-Мулкъа). «Общества» Чуо и Мулка (Мулкой) располагались в бассейне одного из левых притоков Чантиаргуна, к западу от сел. Ушкалой.

266) В Чечено-Ингушетии считают, что этот Губаш (чечен. Губш; дагест. графика Гъубаш) происходил из сел. Гухой, входившего в «общество» Чуо. Топонимический материал, однако, наводит на мысль, что Губаш был из соседнего сел. Узмат-кхели.

267) Сел. Зумсой (Зумса) располагалось в бассейне одного из правых притоков р. Чантиаргун, на территории Шатоевского района ЧИАССР.

268) Сел. Шагада (Шагъада; шегъ—«шагадинцы») располагалось в прошлом в горах, на территории Хунзахского района.

269) В отмеченном «округе», точнее в ущелье, в первой половине XIX в. было примерно 250—300 дворов.

270) В русских документах сообщается, что в первой половине июня 1840 г. Шамиль «с незначительным сборищем шатоевцев и чеберлоевцев», двигаясь в сторону Владикавказа, «требовал от жителей» общества Мулкой «чтобы они также присоединились к нему». По совету князя Мааша Зумсоевского, за пассивность Шамиль казнил якобы «несколько старшин». Мулкойцы в ответ напали, однако, «на скопище его» и убили «многих из самых приверженных к Шамилю», в том числе его кунака, «у которого он жил в Аргунском ущелье»—Шабана Шатоевского «и зумского князя Мааша». Шамиль получил от мулкойцев две, «как говорят, весьма» опасные раны—«одну в руку, а другую в живот», после чего он «с трудом возвратился» назад, а «сборище его разошлось».

271) Русские документы позволяют предполагать, что «Дашмирза» (произношение: Дачмирза—?) является аварским названием чеченского сел. Дачу-Борзой (Дача-Борзие), расположенного в Грозненском районе. Дело в том, что в этих документах говорится, что Шамиль «с семейством своим в исходе июня 1840 г.» переехал в Дачу-Борзой. Он якобы поступил так потому, что «потерял уже доверие к шатоевцам» и намерен теперь «объезжать разные места и возмущать жителей».

272) Это селение (Индий юрт) располагалось в прошлом близ сел. Курчалой Шалинского района.

273) Еще в конце апреля 1840 г. по сообщению генерала Клюки фон Ключецау жители Чиркея и Зубутля «присягнули не принимать мятежников» и даже намеревались якобы изгнать последних из Акташ-Ауха и Дылыма 5-го июля, однако, как говорят русские источники, в Салатавию прибыли Шамиль и Ташав-хаджи «с значительным числом горцев»—«иные говорят три, а другие 10 тыс.». Зубутль, Чиркей и остальные салатавские селения «передались на их сторону», и мюриды «заняли сел. Зубут».

274) Сел. Ишкарты (кум. Ишарты; авар. Ишкаталиб) расположено в Буйнакском районе.

275) В русских документах отмечено, что после взятия Ахульго царские

войска прибыли 1-го сентября 1839 г. в Гимры, Гимринцам, среди которых не осталось ни одного мюрида («уже арестованы, в плену или убиты») Граббе даровал «всеобщее прощение и назначил там русским приставом прап. Уллубея Эрпелинского».

276) Селенне в ДАССР.

277) В рапорте генерала Клюки фон Клюгенау сказано, что в начале июля 1840 в поход выступили 10 тыс. горцев — чамалинцев, багвалинцев, андийцев, гумбетовцев и салатавцев во главе с Шамилем, к которым присоединились: Ташав-хаджи, Джавадхан и Фей-мулла «с испытанными чеченскими наездниками». Целью Шамиля было овладеть стратегически важными пунктами — Ишкарты, Каранай и Эрпели. Генерал решил «атаковать неприятеля в поле», хотя он был «в двадцать раз» сильнее его. Клюки фон Клюгенау подошел к Ишкарты с 650 солдатами, 50 казаками, 200 всадниками Ахмадхана Мехтулинского, 100 всадниками Абу-муслим-хан-шамхала и пушками. Шамиль подходил туда из Чиркея через Ахатль якобы «с 8 тыс. пеших и конных горцев». Бой начался с 9-го на 10-го июля и вскоре ишкартинцы «и шамхальцы, не ожидая решительной атаки» со стороны мюридов, «бежали», за чем последовало отступление рот майора Бельгарда. В это время «Ахмедхан Мехтулинский вызвался атаковать неприятельскую кавалерию с двумястами своей милиции, которые мгновенно были опрокинуты наездниками Джаватхана. Расстроенная милиция частью рассеялась, частью искала спасение в нашем обозе, так как и шамхальцы». Затем произошла схватка внутри Ишкарты, в том числе в княжеском замке, где «заперлись отчаянные мюриды». Вскоре налицо была уже «измена ишкартынцев и каранайцев», а также «эрпелинцев», в результате чего мюриды заняли Ишкарты, Каранай и Эрпели, 14-го июля 1840 г. Шамиль, взяв заложников от эрпелинцев, ишкартынцев и каранайцев, «удалился в Чиркей». Под Ишкарты царские войска потеряли убитыми 37 солдат, а раненых было 79 солдат и 8 офицеров. «Потеря неприятеля была», по домыслам Клюки фон Клюгенау, «более 300 человек убитыми».

278) В русских источниках отмечено, что летом 1840 г. «Шамиль успел принудить к повиновению» чеберловцев (по-аварски тIад бутриял//тIад буртиял).

279) Сел. Ансалта (АнсалтIа; ансал — «ансалтинцы») расположено в Ботлихском районе.

280) Сел. Тукита (ТукитIа; тIукал — «тукитинцы») расположено в Ахвахском районе.

281) Сел. Тлайлух (ЛъагIилухъ; лъагIел — «тлайлухцы») расположено в Хунзахском районе.

282) «Тидуриль Мухаммад» в переводе с аварского — «Мухаммад — сын Тидури», то есть Теодора//Федора; имя собственное «Тидури» фиксируется среди аварцев-мусульман с XVII в.

В русских документах отмечается, что в 1840 г. Шамиль из Чечни «пропик в Аварию, присоединил к себе 8 деревень аварских, принудил милицию» Ахмадхана Мехтулинского «отступить к Хунзаху».

283) В апреле 1840 г. русское командование получило информацию «о намерениях Шамиля разграбить дер. Чир-Юрт», то есть Гельбах «и Султан-Янги-Юрт». Затем «к Султан-Янги-Юрту», на который «намерены были напасть хищники» двинулся генерал Ключи фон Клюгенау с 3-мя батальонами пехоты, 70 казаками и 6-ю пушками. Мюридов он там не встретил.

284) В русских документах указано, что 8-го сентября 1840 г. «Шамиль со скопищем, состоящим преимущественно из салатайцев», двинулся к Гимрам и «занял» это селение. Имам имел намерение «истребить дома и сады и разграбить все имущество» изменников горскому делу, но якобы «жители не дозволили ему это исполнить».

285) Происхождение: Мугьитла.

286) Происхождение: Паса ГанилгIа—«Над Ашильта» (с авар).

287) Известный мост (Сагъри кьо) через Андийское Койсу, расположенный недалеко от сел. Ашильта.

288) В русских документах упоминается «дело под Гимрами», которое «14 сентября расстроило все замыслы мятежников».

289) Сел. Саид-Юрт располагалось неподалеку от сел. Аугуры Шалинского района ЧИАССР.

290) Сел. Гелдген расположено на территории Шалинского района.

291) Согласно русским документам, генерал-лейтенант Галафеев с 6-ю батальонами пехоты, 2-мя ротами саперов, 1050 казаками и 16-ю пушками вторгся в пределы Чечни. В начале октября 1840 г. его войска «сожгли» занятые ими «селения» Шали и Герменчук, которые, однако, согласно тексту Мухаммадтахира, были оставлены и сожжены ранее самими чеченцами и причём за несколько месяцев до этого. Затем 10-го октября 1840 г. «Галафеев двинулся к Саид-Юрту, где находилось главное скопище Шамиля, опрокинул его после упорного боя» и «занял Саид-Юрт», который был после этого сожжен вместе с соседними населёнными пунктами. Затем, однако, туда подошли 2 тысячи дагестанских и чеченских горцев, которые «удержали» население Чечни «от намерения покориться».

292) Это была армянка из г. Моздока (СОАССР) по имени Анна из богатой купеческой семьи Уллухановых.

293) Часть ингушей, жившая в окрестностях русского укрепления Назрань (ЧИАССР), которое по-ингушски называлось **Наьсапе**.

294) Известно, что в 1840 г. Шамиль письменно информировал назрановцев о своем скором приходе к ним, требовал от них заложников и покорности и просил: «не скрывают мусульманскую веру».

295) Эту местность чаще называют Уркъубакълън—«Солнечная сторона Урку»; расположена вблизи Чиркея.

296) В русских документах говорится, что Шамиль в результате своих боевых действий на территории Чечни в 1840 г. лишь «отдал нам в руки Чиркей». Уже в 1841 г. там стояло «Евгениевское укрепление».

297) В русских документах отмечено, что в первой половине 1841 г. Шамиль «казнил Бай-Сулеймана, сильного, богатого андийца», а кроме того, на-

ложия штраф на «главного кадия» за «тайное расположение» андийцев «к русским», после чего названного кадия «выслали в Карату».

Отметим здесь также и то, что согласно указанным документам, весной 1843 г. Галбац (Галбац-Дибирь; Г'албацI — с авар. — «Лев») являлся Каратинским паибом, Газияв — Андийским, а Шуанб считался «генералом».

Кванада (Киванада) — селение в Цумадинском районе.

298) В русских документах отмечается, что уже в июле 1841 г. «были открыты тайные сношения» Шамиля «с андийцами». Упоминается в них и «ауховская экспедиция» и что «доверенные лица имама распускали в июне 1841 г. «слухи», что «подле дер. Ауха было дело и много потеряли русские».

299) В русских документах говорится, что для прекращения связей хунзахского гарнизона с Темир-Хан-Шурой и последующего «овладения Аварией», по мнению командования шариатской армии, было необходимо «занять Унцукуль и овладеть Балаханским ущельем», а также предпринять другие шаги. «17-го числа (ноябрь 1841 г.) Абакар-кадий с партией в две тысячи человек занял Унцукуль и Харачи, 18-го вторгнулся в Балаханское ущелье». Сложилось таким образом «критическое положение по измене Унцукуля, Балахан и Гимров».

300) Это была небольшая крепость с гарнизоном порядка одной роты и несколькими орудиями.

301) В переводе с аварского «Мухаммад — сына Омара».

302) «Ханав» — аварский вариант произношения собственного имени «Хан».

303) В русских документах от середины ноября 1841 г. говорится о «заятии деревни Куяды» отрядом мюридов в 2 тыс. человек под командованием Кебедмухаммада Телетлинского и «чеченского Джаватхана». Хотя Ахмадхан Мехтулинский, стоявший на Карадахском мосту, и направил в помощь им 200 человек, «устрашенные кюядинцы не смели противустать огромному скопищу». В них при этом отмечается, что отряд Джаватхана состоял из нескольких сотен чеченцев.

304) Чох (ЧПохъ; ч!ахъал — «чохцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов.

305) Рисор (Рис Гор) — «общество», занимавшее часть территории Чародинского района (сел. Дусрах и прилегающие земли).

306) По-видимому, речь идет о кладбище, где были похоронены Ахмад ал-Йамани (XV в.) и его потомки.

307) Бухты (Бухти; бухтал — бухтышцы) — селение в Гунибском районе.

308) Дженгутай — селение в Буйнакском районе.

309) В русских документах, относящихся к весне 1842 г., отмечается, что управляющий Казикумухским ханством Махмуд — сын Тахира «призвав Шамиля с мюридами, передался ему». Его примеру последовал брат Харун — правитель Кюринского ханства. Оба брата «надели белые чалмы в знак мюридизма». В «беспрепятственно» занятом Казикумухе были взяты в плен подполковник Снаксарев — управляющий Самурским округом, прапорщик Илья Орбелиани — представитель высшей грузинской знати, а также «несколько рус-

ских и азиатцев», среди которых были ахтынцы-нукеры. Некоторые «азиаты изрублены».

310) В начале 1843 г. «по научению» этого «Магомет-кадия Андалальского» население Андалала «приняло шариат».

311) Сыновья этого Омар-бека (в числе их известный Агалар) придерживались и тогда российской ориентации.

312) Русские документы это подтверждают.

313) Кивиди (лак. Кывиди, авар. Къибуди) — та верхняя часть сел. Казикумух, где жили в прошлом ханы и знать.

314) Сел. Унчукатль (Гъунчукъатли) расположено в Лакском районе.

315) Селения Хури (Хъур) и Хирукра (Хъурукра) расположены на территории Лакского района.

316) Даниял-бек Елисуейский, будущий наиб Шамиля.

317) Сел. Елису расположено в Кахском районе Аз. ССР. Жители его по происхождению в основном цахурцы.

318) Кули (Ккул) и Хосрех (Хъусрахи) — селение в Кулинском районе.

319) Шовкра (Шавккул) — селение в Лакском районе. Там находился мост через глубокий овраг, защищающий Казикумух от врагов, наступающих с юга.

320) Магар (Магъар) — селение в Чародинском районе.

321) Сел. Арчи (авар. Рочиб) расположено в Чародинском районе. Население его говорит на особом языке и считалось в прошлом раятами казикумухских ханов.

322) Весной 1843 г. этот ханский родственник находился в Согратле и помогал «взаимным сношениям Шамиля с казикумухцами».

323) В русских документах начала 1842 г. отмечается, что Шамиль собрал 80 дезертиров из царской армии и «составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения».

324) Эти события, произошедшие в мае 1842 г., нашли отражение в русских источниках.

325) Территория современных Веденского и Ножайюртовского районов ЧИАССР.

326) Это происходило в конце мая — начале июня 1842 г.

327) «Хасайль Муса» в переводе с аварского — «Муса — сын Хасая»; из рода аксайских князей.

Аксай (кум. Яхсай; авар. Яхси) — селение в ДАССР.

328) Из сел. Эрсеной (Веденский район); в 1843 г. — наиб Большой Чечни.

329) Сел. Белгатой (Белгата; в дагестанской графике Белгъата) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

330) Сел. Гордали (Гъордала; в дагестанской графике Гъоърдала) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

331) Речь идет о покойном к тому времени Асланхусан-хаше Казикумухском, часть вещей которого была добровольно передана его родственниками в казну имамата.

332) В этом походе в Ичкерню, проходившем под командованием известного генерала Граббе, участвовало 12 батальонов пехоты, рота саперов, 350 казачков и 24 пушки. Им противостояло, по сообщению Зиссермана, «по самым шедрым расчетам до полутора тысяч» горцев.

333) Годы правления: 1839—1861.

334) Известный хаджи Юсуп Сафаров родом из чеченского сел. Алда; в русских документах от 1843 г. он именуется «турецким чиновником родом из дагестанцев» и «родом татаринном», чей отец «долго торговал в Кизляре». С 1843 г. хаджи Юсуп был назначен наивом части Малой Чечни, но «на этом участке» он «скорее вреден, чем полезен Шамилю», ибо как истинный выкормыш турецкой административной системы выделялся «разного рода несправедливостями и взятками», чем заслужил «ненависть чеченцев».

335) Правитель Египта.

336) Территория по берегам р. Белой (Адыгейская АО), где проживало огромное черкесское «племя» абадзехов (150—200 тыс. душ).

337) Благодаря говорливости хаджи Юсупа, которая отмечалась и русскими, последние были хорошо осведомлены о посольстве Шамиля в Турцию от 1843 г.

338) По мнению командующего Кавказским корпусом генерал-лейтенанта фон Нейдгардта, датированному началом декабря 1842 г., все «эти правила заимствовал Шамиль из арабских книг о военном искусстве и других учреждений халифов». Существует, однако, тенденция приписывать все это влиянию хаджи Юсупа, который, между прочим, ко времени составления записки генерала Нейдгардта находился еще в Закубанье.

339) В русских документах за январь—февраль 1843 г. отмечено, что хаджи Юсуп с двумя посланцами Шамиля к турецкому султану проехали «из Закубани через Кабарду в Чечню».

340) В русских документах от 1843 г. говорится, что хаджи Джабраил Унцукульский приехал «будто из Константинополя».

341) В русских документах март—апрель 1843 г. отмечается, что «в сел. Дарго льют уже орудия и, что три уже отлиты каким-то мастером азиатцем, обучившимся этому искусству в Эрзеруме». Русскими были, кроме того, перехвачены письма Шамиля Ибрахиму-паше Египетскому (с просьбой прислать «двух людей, искусных в делании оружия, военных снарядов и в извлечении железа, серебра и прочих материалов из земли») и султану Абд ал-Маджиду (дагестанцы умеют делать «большие ружья» и нечто вроде конгревых ракет) от 1843 г., имеющие отношение к указанному вопросу.

342) До царских генералов дошел в марте 1843 г. слух, что Шамиль собирается совершить поход «на Татбуринское общество (также Чаргбели), не признающее его шариата».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Блеск горских сабель в некоторых Шамилевских битвах	17
Глава о начале деяний Газимухаммада	19
Глава о начале сбора войск Газимухаммадом	23
Глава о первой битве в Хунзаде	24
Глава о битве Хамзата в Джар-Тала	26
Глава о первой битве в крепости Агач	26
Глава о битве у Таркинской крепости	27
Глава об осаде Эндиреевской крепости и сражений в Акташ-Аухе	28
Глава о взятии крепости Кизляр	29
Глава о второй битве в крепости Агач	29
Глава о сборе войска Газимухаммадом и походе в Чечню	30
Глава о сражении, в котором пал мучеником Газимухаммад и был ранен Шамиль	33
Глава о том, что произошло у Шамиля и гимринцев после того	37
Глава о назначении Хамзата халифом и разъяснение о его битвах	40
Глава о битве при Ругуджа, из-за которой перепугались мунапики той стороны и увеличилась сила мюридов	41
Глава об убийстве хунзахских главарей и что тогда произошло	42
Глава о выступлении Хамзата на Салта и разъяснение о его гибели от рук хунзахцев	45
Глава о начале халифата Шамиля и о том, что он тогда испытал	46
Глава о переселении Шамиля в Ашильта и о том, что произошло до и после этого	50
Глава о сборе войска унцукульцами против Шамиля	53
Глава о первом захвате Унцукуля в эпоху правления Шамиля	56
Глава о битве с андалальцами и хунзахцами в Гопатле	57
Глава о сборе войска Шамилем для противостояния русским, когда они устремились на Хунзах и о сражении ассабиев против него	59
Глава о сражении в Телетле и вступлении русских в Ашильта	60
Глава о том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он находился там	63

Глава с разъяснением причин подготовки к боям Ахульго	64
Глава о бое в Тарада Иххело	65
Глава о сражении в Аргвани	67
Глава о сражении при Ахульго	69
Глава о передаче Джамалуддина — сына Шамиля русским в качестве заложника для заключения перемирия	70
Глава о выходе Шамиля из Ахульго и о том трудном и радостном, что он встретил после этого, пока не дошел до селения Шатой	77
Глава о приходе к Шамилю шатоевцев и остальных чеченцев	88
Глава о начале сбора войск Шамилем после того, как он остановился в Шатое	89
Глава о том, что произошло между Шамилем и тем человеком, у которого он выколол глаза	92
Глава об ишкартынском и других сражениях	94
Глава о нападении на Саид-Юрт	98
Глава о взятии Гельбаха третий раз и нападении на Назрань	99
Глава о приходе русских в Чиркей и постройке там крепости	100
Глава о втором захвате Унцукуля, а также Гимр и Балахан	101
Глава о взятии Куяда войском Джавалхана	103
Глава о взятии Казикумуха первый раз	103
Глава о втором сражении в Казикумухе	105
Глава о нападении на Ичкерию	108
Глава о нападении на Игали	110
Отступление от темы	110
Глава о начале отливки пушек, при помощи которых усилилось могущество имама, и чем из рук неверных были взяты многочисленные крепости	113
Глава о нападении на Чеберлой	114
Примечания	116

instituteofhistory.ru

Перевод с арабского Т. Айтберова

Издатель: Общество книголюбов Дагестана, 219—ж

Ответственный за выпуск Х. И. Ильясов

Научный редактор А. Р. Шихсаидов

Техредактор Д. Б. Таиров

Сдано в набор 5.7.1990 г. Подписано в печать 25.7.1990 г. Формат $60 \times 84 \frac{1}{4}$.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ л. 8,54.
Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 10000 экз. Зак. 1780. Цена 3 руб.

Типография Госагропрома ДАССР, 367025, Махачкала, ул. Маркова, 18.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Общество книголюбов Дагестана совместно с Фондом Шамиля готовят к изданию работу Мирзы Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль».

g(Дар)

М 92

Мухаммед-Тахир аль-Карахи

БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Ч. I

МУХАММЕД-ТАХИР аль-КАРАХИ

instituteofhistory.ru

**БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ САБЕЛЬ
В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ
БИТВАХ**

(Комментированный перевод Т. Айтберова)

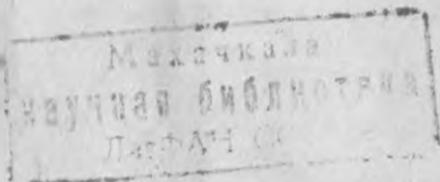
Для широкого круга читателей
(с привлечением автографа Мухаммед-Тахира Карахского)

часть 1

Махачкала 1990

«Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» принадлежит перу Мухаммед-Тахира из сел. Цулда общества Карах. Автор опирается в своей работе на рассказы Шамиля, отдельных участников Кавказской войны и на личные наблюдения. Сочинение Мухаммед-Тахира Карахского является одним из ценнейших местных источников по истории борьбы горцев Дагестана и Чечни с царизмом.

Библиотека фонда Шамиля

150210

ВВЕДЕНИЕ

Среди немногих, известных науке в арабском оригинале источников для истории Северного Кавказа XIX в., хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» занимает основное и ведущее место. Довольно значительная по объему, содержащая массу фактического материала, касающегося внешней и, главное, внутренней сторон жизни государства Шамиля, хроника является одним из тех местных первоисточников, без использования которых в наше время вообще нельзя обойтись при детальном и всестороннем изучении данного периода истории.

Автор хроники — современник большинства описанных им событий — в течение 8 лет (1850—1858 гг.) жил в резиденции Шамиля — Дарго. Исполняя при Шамиле обязанности «писца», как он сам неоднократно указывает, Мухаммед Тахир, естественно, был хорошо осведомлен о всех происходивших в его время событиях. Здесь же, в Дарго, он составил и основную часть своей хроники. Источниками устной информации служил сам Шамиль или же лица, бывшие участниками или очевидцами передаваемых событий. В ряде случаев привлекались письменные документы (послания, письма и пр.) и поэтические произведения других авторов. Обстоятельства составления хроники позволяют рассматривать ее, если не целиком, то в основной части, как вполне надежный исторический источник, вышедший из-под пера современника описываемого периода.

Биографические сведения об авторе хроники крайне скудны и отрывочны; ряд из них имеется в самом его произведении.

Родился он, как указывает его имя, в Карахе, вероятно, в конце XVIII или в первом десятилетии XIX в. Арабистическое образование получил он у себя на родине у хаджи Дибера ал-Хунухи ал-Карахи¹. Круг его ученых занятий можно определить лишь предположительно. Судя по характеру его последующей деятельности и содержанию его литературных произведений, основными науками, в области которых специализировался Мухаммед Тахир, были арабский язык, мусульманское право и поэзия. Первое из известных нам его поэтических произведений относится к 1832 г. Это была элегия на смерть первого

¹ См. текст хроники, стр. 54. примечание 9 (араб).

имама Дагестана — Гази Мухаммеда. К этому времени Мухаммед Тахир, очевидно, закончил свое образование, так как он величает себя уже «стремящимся к истине ученым».¹

Второе дошедшее до нас его поэтическое произведение относится к 1837 г. Он включено Мухаммедом Тахиром в свою хронику. Это касыда, написанная в связи с проникновением русских в Ашильту. При защите Ашильты погиб его учитель Дибир ал-Хунухи. Мухаммед Тахир обращается к Аллаху с просьбой о даровании сторонникам Шамиля победы над русскими и благославляет прах погибшего своего устаза². Можно с известной долей уверенности предположить, что, кроме упомянутых двух касыд, к тому времени у него были и другие литературные или поэтические произведения, однако нам они еще не известны. Ничего мы не знаем и о характере его практической деятельности до поселения в Дарго. Впервые упоминание о нем, как о «скромном писце» при Шамиле в Дарго, мы находим в самой хронике. В «Главе о назначении сына Шамиля Гази Мухаммеда наибом Каралаяля» (это назначение имело место в конце 1850 г.) Мухаммед Тахир сообщает: «В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго»³. Жил он в Дарго «до тех пор, пока не умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртунай для закладки там крепости»⁴, т. е. до июля-августа 1858 г.

После падения Дарго Шамиль с небольшим числом оставшихся верных ему приближенных и членами своей семьи с боями отходил к Гунибу. Мухаммеда Тахира не было в числе поднявшихся на Гуниб, он, вероятно, остался в занятом русскими войсками Дарго.

Во время осады Гуниба он был одним из трех посредников, посланных русским командованием к Шамилю для переговоров о сдаче⁵. Посредников Шамиль на Гуниб не пустил, и Мухаммед Тахир вернулся обратно, не выполнив возложенной на него миссии.

После падения Гуниба и сдачи Шамиля Мухаммед Тахир переселился в Темир-хан-Шуру, где и жил до конца своих дней, исполняя обязанности кадия⁶, а впоследствии — старшего кадия дагестанского народного суда. К последнему периоду его деятельности относится и ряд его произведений по вопросам мусульманского права и юриспруденции. Некоторые из этих произведений до нас дошли в арабском оригинале⁷, другие известны только по случайным упоминаниям их названий⁸. Несколько больших писем на юридические темы, написан-

¹ Арабская рукопись исторических произведений дагестанских ученых. Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР, № 3339, л. 7а.

² Касыду, см. стр. 54 (араб.).

³ Стр. 175 и 176, примечание (араб.).

⁴ Стр. 176 (араб.).

⁵ Стр. 197 (араб.).

⁶ Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46. Махачкала, 1929, стр. 137.

⁷ См. указанную арабскую рукопись, лл. 95—100 (о штрафах и наказаниях в государстве Шамиля).

⁸ Так, например, из писем Мирзы Мавраева к сыну Мухаммеда Тахира Хабибуллаху известно о его сочинении **Шарх ал-Мафруд**.

ных им как участником полемики о «назре» (пожертвовании на благотворительные и богоугодные цели) с Али Аджи, кадием селения Акуши, — мы имеем опубликованными на русском языке¹. Факт участия в данной полемике указывает на то, что он пользовался широкой известностью и авторитетом в местных мусульманских кругах. Из заключительной статьи полемики видно, что он поддерживал переписку и с рядом мекканских и египетских ученых². Его авторитет и всесторонние знания мусульманского права и истории ислама неоднократно использовались и русскими властями: кроме выполнения обязанностей кадия и участия в упомянутой полемике о «назре», он привлекался для выработки законодательства о «сейдах»³.

Умер Мухаммед Тахир в 1882 г.

Причины, побудившие Мухаммеда Тахира приступить к составлению данной хроники, нам известны из послесловия к хронике сына автора, Хабибуллаха, продолжавшего и редактировавшего труд отца после его смерти⁴. Инициатива по составлению хроники исходила от самого Шамиля, желавшего «собрать и записать рассказы про случившееся в его время»⁵.

Как уже указывалось выше, в течение восьмилетнего пребывания в Дарго, резиденции Шамиля, Мухаммед Тахир составил основную часть хроники; здесь он довел описание событий до 1858 г. (возвращение сына Шамиля Джемаль ад-Дина из русского плена). Первые же записки относятся к 1830—1831 гг. — началу деятельности имама Гази Мухаммеда. Эта часть хроники, охватывающая период в 27—28 лет, является наиболее ценной по содержанию и достоверности. Большинство изложенных в ней событий записано непосредственно со слов самого Шамиля и его приближенных, участников или очевидцев передаваемых событий. В ряде случаев автор указывает имена своих информаторов, в их числе и Шамиль⁶, или называет те письменные источники, из которых он взял отдельные отрывки⁷. В большинстве же случаев он ограничивается лаконичными оговорками: «сообщил мне человек, заслуживающий доверия», «передают», «рассказывают» и т. п.

Мухаммед Тахир не ограничивается описанием событий, происходивших на стороне Шамиля. Он стремится также собрать и сведения о положении в лагере

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 8—10, 17—24 и 33—37.

² Там же, стр. 40.

³ И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд-во Акад. наук СССР, 1939, стр. 7.

⁴ Стр. 256 (араб.).

⁵ Там же.

⁶ См., например, описание обстоятельств избиения аварских ханов, стр. 34 (араб.).

⁷ Послание имама Гази Мухаммеда, стр. 12, 13, стихи из его же сочинения, стр. 10, 11 (араб.).

русских войск. Информации о событиях среди русских он получает от лиц, побывавших при тех или иных обстоятельствах в лагере русских. «Со слов Исмайла сына Джемал ал-Чиркави, бывшего в то время с русскими», передано содержание бесед последнего с генералом Пантелеевым¹, о потерях русских при осаде Ахульго сообщается «со слов Джавад-хана, который раньше служил у русских», причем Джавад-хан сообщал, в свою очередь, те сведения, которые он вычитал в «военных ведомостях», будучи в крепости Кизляр². Такие же «ведомости», сообщавшие о потерях русских войск в борьбе с первым имамом Гази Мухаммедом, читал в Дербенде Хусейн ал-Гимри³. Сведения о событиях, происходивших в лагере русских войск во время осады Ахульго, изложены со слов верного помощника Шамиля — Юнуса. Юнус находился несколько дней в лагере осаждающих во время перемирия, так как он сопровождал выданного в аманаты сына Шамиля Джемаль ад-Дина. Его рассказы выделены в специальное «Дополнение»⁴.

Крайне интересны сообщения хроники о событиях, имевших место в лагере Воронцова во время его неудачной экспедиции в 1845—1846 гг. Здесь дана подробная характеристика неуравновешенной природы самого Воронцова⁵, приведены тексты двух адресованных ему писем: одно из них «от царя»⁶, второе — анонимное — было подброшено в его канцелярию в Тифлисе⁷. Кроме того, приведен ряд личных высказываний Воронцова. Все эти сведения могли исходить только от лица, если не близко знавшего, то, во всяком случае, лично неоднократно видевшего Воронцова и вращавшегося среди его приближенных. Вероятно, информатором этих сообщений хроники Мухаммеда Тахира был один из русских офицеров, при тех или иных обстоятельствах очутившийся в лагере Шамиля. Обычный горец из иррегулярных войск не мог, при всей его наблюдательности, так тонко подметить ряд тех мелких деталей из жизни и традиций русских войск, которые сообщает Мухаммед Тахир (содержание писем, помещение их в газетах, помимо желания Воронцова, отмена Воронцовым военного салюта и пр). К сожалению, для этой части хроники Мухаммед Тахир не указывает имен своих информаторов; он здесь повсюду ограничивается обычными для него «нам сообщили», «рассказывают» и пр.

Последующая часть хроники охватывает период с 1859 по 1871 гг., т. е. период с момента падения Гуниба до смерти Шамиля. Последняя запись самого Мухаммеда Тахира относится к 1872 г. Она касается пребывания сына Шамиля, Гази Мухаммеда, в Стамбуле⁸. Эта часть хроники писалась при других обстоятельствах и в иной обстановке, чем первая. Шамиль в качестве пленника находился в ссылке в Калуге, Мухаммед Тахир жил в Темир-хан-Шуре и сос-

¹ Стр. 60 (араб.).

² Стр. 78 (араб.).

³ Стр. 27, 28 (араб.).

⁴ Стр. 66—69 (араб.).

⁵ Стр. 144, 145 (араб.).

⁶ Стр. 159 (араб.).

⁷ Стр. 149 (араб.).

⁸ Стр. 251 (араб.).

тоял на русской службе в должности кадия при мусульманском народном суде. Изменявшаяся обстановка в Дагестане и резкие перемены в судьбах как инициатора хроники—Шамиля, так и ее составителя—Мухаммеда Тахира, сказались на ее содержании, формах выражения и достоверности.

Прежде всего, находясь вдали от Шамиля и в то же время продолжая хронику событий, касающихся его жизни, автор уже не мог своевременно и подробно записывать происходившее. Источники его информации в этот период крайне случайны и разнообразны. Среди обычных «передают», «рассказывают» или «сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же» появляются новые источники — русские газеты¹. Записи носят случайный отрывочный характер, без хронологической последовательности, которая строго выдержана в первой части хроники. Часто в одном рассказе соединены сведения о событиях, отстоявших друг от друга во времени на несколько лет и происходивших в различных местах. Нарушено и конструктивное построение хроники. Если в первой части материал относительно равномерно распределен по главам, то во второй многочисленные, совершенно между собою не связанные «дополнения», «заклучения», «приставки» чередуются с текстами писем и документов и поэтическими произведениями.

По первоначальному плану автора хроника, вероятно, заканчивалась описанием падения Гуниба и сообщениями о судьбах ряда видных сторонников Шамиля. Это ясно видно по заключительной концовке, в которой автор спрашивает у Аллаха помощи угнетенным жителям Дагестана. Затем к хронике Мухаммед Тахир счел нужным приложить большую касыду (160 двустиший) Хаджи Мухаммеда, сына ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, в которой в сокращенном виде повторено содержание всей хроники. Перед касыдой Мухаммед Тахир делает краткое замечание, поясняющее причину появления ее в хронике: «Пусть будут стихи равны тому, что им предшествовало в прозе»².

Однако через несколько лет Мухаммед Тахир вновь принялся за продолжение своего произведения. Поводом к этому послужило попавшее в его руки сочинение зятя Шамиля Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки³.

Абдуррахман, как член семьи Шамиля, находился при последнем в течение всей его 10-летней ссылки в Калуге. Он сопровождал пленного Шамиля из Дагестана в Петербург, а затем в Калугу, ездил с ним в Москву, Красное Село и Петергоф, присутствовал на устраиваемых Шамилю приемах и встречах, осматривал вместе с последним фабрики, заводы, дворцы, музеи, обсерваторию и пр. Впечатления от всего виденного и слышанного Абдуррахман изложил в упо-

¹ Стр. 222, 247, 250 (араб.).

² Касыду, см. стр. 209—219 (араб.).

³ Подробно об этом произведении см. статью акад. И. Ю. Крачковского «Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле» (Записки Института востоковедения, II, 1934, стр. 9—20).

минутом сочинении. Сюда же он включил ряд сведений о жизни Шамиля в период калужской ссылки. Сочинение Абдурахмана, таким образом, хронологически является как бы продолжением хроники Мухаммеда Тахира. В 1869 г. Шамиль получил разрешение царского правительства поехать в Мекку в хадж. Вскоре после отъезда Шамиля Абдурахман вернулся к себе на родину в Дагестан, где и провел остаток своих дней в должности кадия Гази-Гумука. Рукопись своего произведения Абдурахман хранил при себе; он продолжал свои записи и после отъезда Шамиля из России. По заключению акад. П. Ю. Крачковского, Абдурахман начал писать свое произведение около 1864 г., а дополнение вносил вплоть до 1883 г.¹, т. е. находясь уже в Дагестане. Мухаммед Тахир, получивший возможность познакомиться с произведением Абдурахмана после переселения последнего в Дагестан, решил, вероятно, дополнить сведения своей хроники материалами, собранными Абдурахманом. Он воспользовался этим сочинением и включил ряд извлечений из него в свою хронику под специальным заглавием «Дополнение»². Так получился законченный очерк о жизни Шамиля; начатый описанием первых шагов его деятельности еще при первом имаме Гази Мухаммеде, он доведен до времени отъезда Шамиля в Мекку.

Не вдаваясь в детальную и всестороннюю оценку произведения Абдурахмана, все же необходимо отметить, что по содержанию, тону и манере изложения и идеологической направленности это произведение резко отличается от хроники Мухаммеда Тахира. Здесь ярко выразились диаметрально противоположные политические ориентации и взгляды авторов и, кроме того, сказалась та различная обстановка, в которой писались оба произведения.

Мухаммед Тахир писал свою хронику в период ожесточенной борьбы горцев во главе с Шамилем против царских войск, против колонизаторов и их помощников — местной знати и ханов. Будучи в то время верным сторонником горцев и одним из приближенных Шамиля, он неизбежно должен был освещать излагаемые в хронике события с точки зрения своей среды, выражать настроения и чувства горцев и их руководителей, разделять господствовавшие в государстве Шамиля взгляды, симпатии и антипатии. Кроме того, составляя хронику по устным рассказам самого Шамиля и его ближайших помощников, т. е. со слов идейных и военных руководителей горцев, Мухаммед Тахир находился в полной зависимости от своих информаторов не только при выборе фактического материала, но и при оценке событий. В итоге его произведение правдиво отражает действительность и идеологию участников и руководителей описываемых им событий.

Абдурахман писал во время пребывания Шамиля в Калуге в качестве почетного пленника. Царское правительство прекрасно знало о том влиянии, которое имел Шамиль среди горцев в течение 25-летней кровопролитной борьбы. Знало оно и о том, что, несмотря на прекращение борьбы и плен Шамиля, има

¹ См. указанную статью, стр. 13.

² Стр. 223 (араб.).

последнего, как «имама», руководителя «священной борьбы» против «неверных» — русских, все еще продолжало быть священным среди многих мусульман. Дагестан был покорен, но дух горцев не был сломлен: в различных уголках страны периодически вспыхивали мелкие восстания, грозившие каждую минуту перерасти во всеобщую «священную войну» за независимость и свободу. Достаточно указать хотя бы на то, что всего через несколько месяцев после падения Гуниба вспыхнуло восстание в Ичкерии (май 1860 г.), затем в Ункратльском обществе (октябрь 1860 г.), и с тех пор отдельные вспышки повторялись до всеобщего восстания в 1877 г. Во главе восстаний часто стояли бывшие наибы Шамиля. При такой обстановке царскому правительству было очень важно изолировать Шамиля, не допустить с его стороны оказания какого-либо влияния на восставших горцев, сделать из пленного имама и членов его семьи своих сторонников. Этими обстоятельствами и определялось чрезмерно почтительное отношение царских властей к пленному Шамилю. Александр II любезно обходится с ним, приглашает его на военные парады, дает ему аудиенции, посылает от своего имени подарки. Шамилю и его спутникам показывают дворцы, музеи, военный арсенал, обсерваторию, фабрики, заводы и пр. Их окружают довольством и роскошью. Военные власти, во главе с министром Милютиным, внешне оказывают ему почтение и уважение, ведут с Шамилем любезную переписку. Так, например, во время пребывания Шамиля в Калуге военным министром было приказано всем проезжавшим через Калугу военным чинам от прапорщика до генерала включительно делать визиты Шамилю. Каждый посещавший Шамиля получал предварительно инструкцию у пристава при Шамиле о том, как себя держать во время визита и на какие темы вести разговор. Пленному руководителю горцев были оказаны почести как высокопоставленному титулованному гостю.

Молодой Абдурахман, с детства находившийся в условиях суровой и примитивной жизни Дагестана того времени, воспитанный в среде горцев, ведущих непрерывно ожесточенную борьбу с «неверными» — русскими, был ошеломлен происшедшей в его жизни переменой обстановки. Он быстро забыл о своей родине и своих единоверцах, продолжавших борьбу в Дагестане. Внешние почести и милости сделали из Абдурахмана, принимавшего все попусту царского правительства за проявления искренних чувств, верного русского подданного. Он бесконечно благодарен за все «благоденствия», оказанные Шамилю и его семье царским правительством. Его восхищает «доброта» царя к Шамилю и уважение, проявляемое русскими властями в отношении всех с ним находившихся. Когда Абдурахман сравнивает отношение русских к пленному Шамилю с отношением горцев к своим пленникам, то, по его словам: «содрагается моя кожа и стыд морщит веселость моего лица»¹. Находясь полностью во власти этих настроений и чувств, Абдурахман и писал свое произведение, которое оказалось, в противоположность хронике Мухаммеда Тахира, панегириком царским властям.

¹ Стр. 237 (араб.).

Мухаммед Тахир, включая в свою хронику извлечения из произведения Абдуррахмана, соединил, таким образом, в одно целое два сочинения, написанные авторами, стоящими на диаметрально противоположных позициях.

Последующие дополнения к хронике сделаны уже, вероятно, после смерти Мухаммеда Тахира его сыном Хабибуллахом. Эти дополнения распадаются на две части: первая содержит тексты писем и речей, вторая — сведения о последних днях Шамиля в Медине и обстоятельствах его смерти.

Источник первой части дополнений Хабибуллаха нам не известен. Вероятнее всего это были какие-то записи, случайно попавшие в руки Хабибуллаха, может быть, даже из семейного архива Шамиля. Все приводимые документы Хабибуллах ошибочно рассматривает как письма Шамиля к царю и от царя к Шамилю. В действительности же, как явствует из содержания самих документов, письмами являются только два первых документа — прошение, направленное Шамилем Александру II с просьбой о принятии от него и членов его семьи присяги на подданство¹ и ответ об удовлетворении просьбы Шамиля, посланный военным министром Милютиним².

Третий документ представляет текст присяги, принятой Шамилем в дворянском собрании города Калуги. Последние три документа — записи речей, которыми обменялись в дворянском собрании губернский предводитель дворянства и Шамиль после окончания церемонии принятия присяги³.

Источником информации второй части дополнений Хабибуллаха был сын Шамиля Гази Мухаммед, с которым Хабибуллах встречался в Медине⁴. Гази Мухаммед был отпущен царским правительством из России в 1870 г. сроком на 6 месяцев для совершения паломничества в Мекку и посещения отца, находившегося тогда в Медине. Ко времени приезда Гази Мухаммеда Шамиля уже не было в живых. Гази Мухаммед вернулся в Россию и через год был отпущен в Медину к семье покойного отца на постоянное жительство. В 1873 г. он переселился с семьей в Стамбул. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Гази Мухаммед служил в турецких войсках в чине дивизионного генерала. Затем, после поражения Турции, вынужден был опять переехать в Медину, где и жил до конца своих дней. Умер он в 1903 г. Встреча Хабибуллаха с Гази Мухаммедом в Медине могла состояться не ранее 1881—1882 гг. Мухаммед Тахир умер в 1882 г., т. е. примерно в то же время. Таким образом, продолжение хроники отца было для Хабибуллаха не случайным занятием, а как бы наследственной обязанностью. Кроме указанных доподлинных, Хабибуллах систематически пополнил хронику отца различными доходившими до него сведениями, легендами и рассказами. Его пополнения к различным главам легко проследить по примечаниям издаваемого нами текста (см., например, легенды об Ахульго, стр. 73 (араб.))

¹ Стр. 241 (араб.).

² Стр. 242, 243 (араб.).

³ Стр. 243—246 (араб.).

⁴ Стр. 251 (араб.).

В 1902 г., по инициативе владельца арабской типографии в Темир-хан-Шуре Мирзы Мавраева, принимавшего деятельное участие в издании трудов Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Хабибуллах приступил к подготовке хроники отца к печати. Царская цензура никоим образом не дала бы разрешения на издание этой хроники. Это понимал Хабибуллах и еще более учитывал Мирза Мавраев. Тогда Мавраев решает несколько переделать хронику: он советует Хабибуллаху, не изменяя ее основного содержания, опустить все те места, где автор нелестно отзывался о русских, заменить ругательные эпитеты более пристойными и дать произведению другое заглавие. В одном из своих писем к Хабибуллаху Мавраев писал: «Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство и переименовал название на «Кремени Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение на ее напечатание. Поистине, как часто цензура смотрит на название книги и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это и с миром»¹.

Хабибуллах переделал хронику в точном соответствии с указаниями Мавраева. В конце хроники Хабибуллах поместил «Разъяснение выражений», т. е. своеобразный подстрочный толковый словарь. Этот словарь помещен нами в алфавитном порядке корней вслед за текстом хроники. В ноябре 1904 г. Мавраев сдал рукопись в цензуру. Разрешение на издание этого, значительно переделанного «в интересах дела», как пишет Хабибуллах в своем послесловии, произведения Мавраев не получил. Труд Хабибуллаха пропал даром. Рукопись была похоронена в цензурных архивах. Вновь появилась она на свет только через 30 лет: в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии наук СССР наследники бывшего цензора мусульманских изданий проф. В. Д. Смирнова. В издаваемом тексте она использована нами в числе других рукописей. По примечаниям к тексту легко проследить все изменения и переделки, произведенные Хабибуллахом в произведении отца².

Начало составления хроники, как указывалось выше, следует относить к 1850—1851 гг., ее окончание, на основе последних записей Хабибуллаха, датируется 1904 годом. Хроника, таким образом, составлялась в течение пятидесяти с лишним лет.

Хроника Мухаммеда Тахира получила широкую известность среди горцев задолго еще до ее окончания. Написанная в Дарго первая часть хроники (включая главу о возвращении из русского плена Джемаль ад-Дина) считалась,

¹ Подлинник письма хранится в Дагестанском краеведческом музее в г. Махачкала. Перевод с арабского сделан мною.

² Автограф Хабибуллаха хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР (В 2521). В издаваемом тексте при ссылках эта рукопись обозначена «рукопись А».

вероятно, автором вполне законченного произведения. Копии с этой части хроники начали распространяться еще до падения Гуниба. О существовании произведения Мухаммеда Тахира были осведомлены и русские военные власти. Известный кавказовед того времени А. П. Берже, побывавший на Гунибе всего через несколько месяцев после его падения, получил в подарок от генерала Лазарева копию хроники Мухаммеда Тахира¹.

Полковник П. Г. Пржецлавский, назначенный после сдачи Шамиля начальником Дербентского уезда и поселившийся на Гунибе, также имел копию произведения Мухаммеда Тахира и уже в 1860 г. занимался переводом хроники на русский язык². Можно с уверенностью предположить, что копия хроники была и у отправившегося в калужскую ссылку Шамиля, так как она и составлялась собственно по его заказу и инициативе. Сын Шамиля Гази Мухаммед, находясь в Медине, также имел список этого произведения. Может быть, это был список, доставшийся ему в наследство от отца. Свой список Гази Мухаммед впоследствии подарил посетившему его в Медине известному турецкому литератору и поэту Мехмеду Акиф-бею Эфенди. Турецкий перевод этой рукописи был опубликован в Стамбуле в 1914 г. Как явствует из турецкого перевода, список Гази Мухаммеда также оканчивался главой о возвращении Джемаль ад-Дина, т. е. принадлежал к числу наиболее ранних копий.

Последующие известные нам по различным упоминаниям или в оригиналах списки хроники уже включают касыду Хаджи Мухаммеда ас-Сугратли и извлечения из сочинения Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки. Наиболее ранний из известных нам списков этой группы был скопирован с оригинала, по определению акад. И. Ю. Крачковского, в 1873—1874 гг. Кто был заказчиком и перепищиком этого списка, к сожалению, не установлено. Рукопись приобретена Институтом востоковедения Академии наук СССР в конце 1939 г. у одного проживающего в Махачкала арабиста — Абдуррахмана Казиева³.

Списки хроники распространялись не только в пределах одного Кавказа. Иногда они попадали в самые различные уголки мусульманского мира. Так например, в 1935 г. экспедиция Академии наук СССР приобрела в Астрахани список хроники, датированный 1899 годом⁴. Эта рукопись переписана дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гази-Гумуки, и была поднесена в дар известному астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба.

За пять лет до выхода в свет цитированного выше турецкого перевода Тахира аль-Мевлеви, в 1909 г., в Стамбуле был издан небольшой сборник стихов, извлеченных из хроники Мухаммеда Тахира. Сборник имеет одноименное с хроникой название. Издан он дагестанцем Тахиром ар-Ригали ал-Ху-

¹ Сделанный А. П. Берже перевод первых трех глав хранится в Архиве Академии наук СССР (Фонд 100, оп. I, д. № 195/15).

² Перевод П. Г. Пржецлавского, датированный 1 июля 1862 г., находится в Архиве Академии наук СССР среди бумаг историка Кавказа Н. Ф. Дубровина (Фонд 100, оп. I, д. № 44).

³ В тексте при ссылках данный список обозначен «рукопись К».

⁴ Рукописный отдел Института востоковедения Академии наук СССР (В 3712). При ссылках в тексте этот список озаглавлен «рукопись Б».

сейли, как указывает автор в предисловии, на его собственный счет. В этот сборник входит также и касыда хаджи Мухаммеда ас-Сугратли. Наличие в сборнике указанной касыды указывает на то, что источником для сборника послужил один из более поздних списков хроники. Таким образом, только в одной Турции по нашим, далеко не полным сведениям имелось два списка хроники: список, подаренный Гази Мухаммедом упоминавшемуся выше литературоведу Мехмеду Акиф-бею Эфенди, и список, послуживший источником для сборника стихов Тахира ар-Ригаги ал-Хусейни. Есть все основания полагать, что при более тщательных изысканиях можно было бы обнаружить списки хроники Мухаммеда Тахира и в других мусульманских странах, в частности в Египте и Саудии.

Оригинал хроники, вероятно, находился у автора до конца его жизни. После смерти Мухаммеда Тахира автограф остался у его сына Хабибуллаха, который пользовался им при составлении списка, предназначенного для печати. О том, что Хабибуллах пользовался именно автографом, а не одним из списков произведения отца, говорят следующие факты: в списке Хабибуллаха содержится ряд отсутствующих в других списках сведений; судя по характеру этих сведений, они могли быть записаны только самим автором; значительное количество глосс рукописи Хабибуллаха, также не имеющихся в других списках, заканчиваются пометкой «от автора», пояснения же и глоссы самого Хабибуллаха отмечены «от сына автора», и, наконец, обращение Мирзы Мавраева к Хабибуллаху с просьбой переработать рукопись отца для печати говорит о том, что Мавраев знал о месте нахождения автографа произведения.

Дальнейшая судьба оригинала хроники неизвестна; может быть, со временем он и будет обнаружен, но в данное время он уже недоступен.

При подготовке к изданию данной хроники передо мной была поставлена задача дать такой текст хроники, который по своему объему и содержанию наиболее приближался бы к утраченному оригиналу. Эта задача могла быть решена только при наличии нескольких копий, отражающих постепенные этапы нарастания хроники в течение пятидесятилетнего периода ее написания. При копировании арабоязычных произведений и документов даже самый аккуратный и грамотный переписчик не гарантирован от случайных ошибок, опусков и пропусков. Кроме того, в зависимости от предполагаемого назначения снимаемой копии, конкретной обстановки, политической ориентации, личных интересов и симпатий переписчика или заказчика в цовые списки, как правило, сознательно вносятся ряд изменений: некоторые места оригинала опускаются или, наоборот, дополняются новыми, отсутствующими в оригинале сведениями, пояснениями и комментариями.

Наглядным примером к сказанному может служить рукопись Хабибуллаха. Руководимый тщетной попыткой напечатать произведение отца, он вынужден был в угоду придирчивой царской цензуре значительно переделать хронику: опустить ряд мест текста, заменить все резкие и подчас грубые эпитеты авто-

ра, иногда дать совершенно иное изложение текста¹, дополнить произведение рядом сообщений и копиями документов, содержание которых совершенно не согласуется с духом и общей направленностью произведения² и даже изменить название произведения. В итоге получилась копия, во многом отличная от своего оригинала и в то же время, казалось бы, наиболее авторитетная, так как снята непосредственно с оригинала лицом, близким к автору произведения. Необходимо указать, что без сличения с другими копиями невозможно установить количество и характер допущенных Хабибуллахом отклонений; о внесенных им изменениях Хабибуллах очень глухо упоминает лишь в послесловии своей рукописи³.

Мотивы, побудившие переписчика или редактора внести те или другие изменения, не всегда могут быть известны. Если по случайно обнаруженному письму Мирзы Мавраева и пометке на самой рукописи о том, что она представлена в цензуру, можно с известной определенностью установить причины, побудившие Хабибуллаха внести в рукопись изменения, то некоторые изменения в других списках хроники объяснить невозможно. Совершенно ничего определенного нельзя сказать, например, о пропуске в астраханской рукописи (рукопись Б) касыды Мирзы ал-Ахди, написанной им во время его заключения у Шамиля⁴.

Учет истории создания хроники и особенностей каждой из имевшихся у меня, первоначально, трех копий⁵ привел к выводу о необходимости привлечения дополнительных списков, предпочтительно различных дат написания. Вскоре в Махачкала мною были обнаружены еще две рукописи⁶, которые удачно восполнили имевшийся пробел.

При подготовке текста, таким образом, появилась возможность использовать пять рукописей, даты написания которых последовательно расположены в пределах 60 лет (К 1872 г. — Б 1899 г. — А 1904 г. — без шифра 1929 г. и В без даты). Важно также отметить, что места нахождения рукописей различны: Махачкала (2 рукописи), Тбилиси, Астрахань и рукопись А из царских цензурных архивов.

¹ Ср., например, текст хроники в рукописи Хабибуллаха на стр. 96, примечание I, где речь идет о женитьбе Шамиля на взятой в плен армянке Шуаванат.

² Имеются в виду тексты документов и содержание речей, приведенных в «дополнении» (см. стр. 241 (араб.).

³ Стр. 254, 255 (араб.).

⁴ Мирза Али был взят Шамилем в плен во время сражения в селении Ахди в 1848 г. Затем в качестве заложника от этого селения он находился в заключении. В своей касыде Мирза Али сетует на постигшую его горькую участь.

⁵ Первые две—упоминавшиеся выше автограф Хабибуллаха (рукопись А) и астраханская (рукопись Б), третья—фотоснимок со списка, хранящегося в Тбилиси, любезно предоставленный мне в пользование проф. Г. В. Церетели.

⁶ Разобранная выше рукопись К и вторая, почти буквально ее повторяющая и, вероятно, восходящая к очень близкому к рукописи К списку. Последняя рукопись, как наиболее поздняя по времени написания (1929 г.) и тождественная рукописи К, привлекалась при подготовке текста только для справок.

При установлении критического текста, в случае разночтений в отдельных рукописях, предпочтение отдавалось тексту, имеющемуся в большинстве рукописей, или же—рукописи К, как наиболее ранней. Транскрипция и огласовки собственных имен и географических названий приняты преимущественно по рукописи А, так как в ней наиболее полно даны имена и тщательно расставлены огласовки и диакритические знаки у литер, применявшихся в то время в Дагестане дополнительно к арабскому алфавиту. Допущенные в хронике отклонения от норм арабской грамматики и синтаксиса мною сохранены в издаваемом тексте.

Говорящие на языках яфетической системы народы Дагестана, пользуясь при письме арабским языком, неизбежно должны были ощущать трудности не только в области передачи фонетических особенностей своих языков, но также и в области морфологии и синтаксиса. Возникла вполне закономерная потребность в дополнительных к арабской грамматике средствах передачи звуков и мысли. Особенно острая потребность в дополнительных средствах фонетической передачи ощущалась при написании местных географических названий и собственных имен. Кроме того, арабская лексика постепенно пополнялась новыми словами и терминами, заимствованными из других языков, в частности аварского и русского.

Издаваемая хроника Мухаммеда Тахира, помимо ее исторической ценности, представляет также исключительный интерес и с филологической точки зрения. Впервые на страницах этого относительно крупного произведения мы можем всесторонне проследить все те нововведения и дополнительные средства выражения фонетики и мысли, которыми пользовались в Дагестане в XIX в. Наличие же нескольких списков одного и того же сочинения дает, кроме того, еще и богатый сравнительный материал, вполне достаточный хотя бы для предварительного и поверхностного изучения этих новых для арабского языка филологических явлений. Для передачи ряда звуков и фонем, имеющих в дагестанских языках, но отсутствующих в арабском, в хронике, как и в других письменных документах того же периода, применены дополнительные литеры.

Некоторые из этих литер к тому времени, вероятно, еще недостаточно прочно вошли в алфавитную систему и не твердо закрепили за собой соответствующие комбинации звуков. Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, чередование при написании одних и тех же слов или названий литеры. Одновременно с этим недостаточно четко различались, а поэтому иногда смешивались, некоторые арабские звуки. Все эти особенности в транскрипции оставлены мною неизменными и их необходимо учитывать при чтении данной хроники. Дополнительные средства выражения и уточнения излагаемой мысли были найдены дагестанскими учеными в своеобразной системе под- и надстрочных пояснительных значков¹. Попутно необходимо отметить, что расшифровать эти

¹ Подробно об этих значках см. мою статью «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа» (Советское востоковедение, III, Изд-во Акад. наук СССР, 1945), стр. 183—214.

значки, долгое время остававшиеся непонятными арабистам, мне удалось лишь благодаря текстам хроники.

Пополнение лексики шло, главным образом, за счет привлечения русских терминов и названий военных чинов и титулов. Лексическая сторона хроники Мухаммеда Тахира исследована акад. И. Ю. Крачковским в цитированной выше его статье «Новые рукописи истории Шамиля»; кроме того, к издаваемому тексту приложен указатель всех употребляющихся в хронике русских и отчасти вообще неарабских слов.

Морфологические особенности языка хроники касаются исключительно местных географических и этнических названий и образованных от них прилагательных. Очень часто при написании этих названий автор пользовался одно временно нормами арабского и аварского (или других соседних с ним) языков.

Так же часто автор хроники употреблял местные названия (аварские и чеченские), нигде до сих пор на картах не зафиксированные. Расшифровка этих названий может быть выполнена только лицом, хорошо знающим дагестанские языки и местную историческую географию. По моей просьбе известный специалист в этих областях проф. А. Н. Генко любезно взял на себя труд идентифицировать ряд таких названий с общепринятыми. Им составлен прилагаемый к данному предисловию «Географический указатель», за что и приношу ему свою искреннюю благодарность¹.

Вся работа по подготовке и изданию данной хроники и русского с нее перевода велась мною под непосредственным руководством и контролем акад. И. Ю. Крачковского. Его строгая требовательность и в то же время неизменная внимательность дали мне возможность справиться с поставленной задачей.

Девять лет тому назад И. Ю. Крачковский первый поставил вопрос о необходимости изучения дагестанских арабоязычных произведений как весьма ценных источников для истории народов СССР. Затем он взял на себя инициативу подготовки ряда переводов наиболее важных из этих источников и издания их в арабском оригинале. Выход в свет хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи в арабском оригинале и русском переводе — первый результат этой его инициативы².

Июнь 1941 г.

А. БАРАБАНОВ

¹ В материалах А. М. Барабанова рукопись упомянутого указателя не была найдена, и он не мог быть напечатан.

² Последние части настоящей работы, равно как и предисловие, печатаются без окончательного просмотра и корректур издателя, который с начала войны находился на фронте. В связи с этим редактор не имел возможности проверить ряд мест в арабском тексте, казавшихся искаженными, равно как удалить недоразумения в глоссарии и указателе, или восполнить пробелы, оставленные издателем до набора всей работы. Можно все же надеяться, что и в таком виде текст, печатавшийся по необходимости спешно, послужит основательной базой для углубленного изучения этого важного памятника.

БЛЕСК ГОРСКИХ САБЕЛЬ В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ

Создал эту книгу Мухаммадтахир Карахский.

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. На все воля великого Аллаха. Хвала—Аллаху, который возвысил борцов за веру великой наградой над теми, кто сидит по домам. Да будут благословение и приветствие всевышнего Аллаха над нашим пророком Мухаммедом, его семьей и его сподвижниками, а также над их последователями на поприще священной войны, учения и обучения.

А далее:

На протяжении последних веков дагестанцы¹ считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих к проведению в жизнь исламских решений и запрещающих мерзкие с точки зрения мусульманства поступки. Дагестанцы руководствовались тогда обычным правом (**расм**)². Мало того, дагестанские кадии толкали народ к использованию обычного права, восхваляли главарей (**раис**) за проведение этого права в жизнь и его развитие, и даже обозначали его термином «адлу»³.

А сколь мерзкими были их поступки при встречах и общении, особенно с неверными русскими^{а)}. Дагестанцы ходили вместе с ними даже воевать против мусульман. Дагестанцы общались с неверными днями и ночами — общались деды, их дети, внуки и братья. Дагестанцы отдавали неверным в залог своих сыновей, ница для себя милостей. Дагестанцы делали своими правителями разных идолишь из числа неверных или своего дагестанца, чьим поведением, однако, были довольны неверные. Дагестанцы предпочитали службу императору (**патишах**), искали его расположе-

а) К-приписка: «**Мюрид**—на языках тех, кто проживал в стране (**вилаят**) имама Шамиля—это тот, кто действует под шариатским управлением и повинуется ему, хотя бы внешне. **Мунапик**—тот, кто присоединился к неверному врагу, убежал к нему или поселился под его управлением; его именуют так, даже если будет искренним правоверным

В этих двух значениях эти два слова употреблены в этой книге в ряде мест».

ния, одобряли его политику и считали ее вещью крайне необходимой для становления своей мирской и загробной жизни. Законы же мусульманской религии, которые установил для них всевышний Аллах, эти дагестанцы считали порочными и губительными, а ведь «Мы принадлежим Аллаху и к нему мы [после смерти] возвратимся»^{а)}.

Затем, однако, всевышний Аллах оказал дагестанцам милость — послал ученого исследователя, храбреца, познавшего Аллаха, мученика за веру, которому подчинялись, Газимухаммада — да будет благословенна его тайная святая и похвальная мысль! — для: возобновления изучения шариятских законов⁴, выпрямления искривлений, имевшихся в высокой мусульманской общине, введения забытых ранее исламских церемоний и исполнения предписаний Корана, заброшенных с давних времен.

Затем Аллах поставил на место Газимухаммада мудрого ученого, доблестного храбреца, отважного мученика за веру, потомка благороднейших из неарабов (**аджам**) Хамзата и направил его по пути Газимухаммада. Да будет ему земля пухом, а рай — обителью!

Затем Аллах направил ученого, познавшего Аллаха, внушающего почтение и симпатии, борца за веру, стойкого против мощной силы и бедствий, чьи результаты в священной войне получили известность на западе и востоке до такой степени, что его упоминали в своих молитвах с пожеланием победы, завоеваний, успехов и долголетия люди, пребывающие в Мекке и Медине, шейхи Балха⁵ и Бухары⁶, прочие праведники из различных стран света, а пetersбургцы, москвичи и сибиряки были в восхищении — Шамиля.

Это^{б)} произошло лишь по милости всеведущего Аллаха!

Эти личности породили удивительные события, великие сражения, бросаясь при этом лично на явную гибель в противостоянии могущественным русским и вражде с их помощниками-вероотступниками, ренегатами по отношению к мусульманской религии. А ведь они действовали в стране с чрезвычайно ограниченными средствами к существованию, с малочисленным населением и нехваткой снаряжения, большая часть населения которой предалась неверным в жадном устремлении к тому, что находилось у них в руках и предпочитая ад.

Мы описали некоторые из тех событий и сражений для того, чтобы они послужили примером на будущее, наставлением для вдумчивых, образцом для проникательных. Назвали мы этот труд:

а) Коран.

б) Б. К.—приписка: «То есть упомянутое о его блестящей и высокой личности».
К имеет дополнительную приписку: «Посмотри «Сражения при Ахульго».

«Блеск горских сабель в некоторых шамилевских битвах». Дело в том, что Шамиль — очевидец мученической гибели за веру Газимухаммада и Хамзата, человек, отличившийся в большинстве сражений и при [ликвидации] величайших раздоров.

Сбор же и запись всех подробностей этих сражений заполнили бы целые тома, слушание содержания которых поразило бы слух и разум. Всевышний Аллах в состоянии сотворить то, что Он желает. Он — патрон и прекрасный помощник ^{а)}.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ДЕЯНИЙ ГАЗИМУХАММАДА

[1826/27 г.]

В тысяча двести сорок втором (1826/27) году — когда всевышний Аллах пожелал обновления ^{б)} своей религии, отделения приятного от мерзкого и прославления одних горцев удачными битвами, а других мученической гибелью за веру — выступил некий муж, не имевший родственников (**ашира**), у которых бы он укрылся ^{в)}, и власти, дающей силу над теми, кого богатства приучали к роскоши, а обилие вина привело в возбуждение. Это был направленный к истине милостью небес ученый Газимухаммад Гимринский (Гимрави) — да будет благославленной его тайная мысль!

Он призвал ^{в)} людей: считать обязательными для себя решения шариата и действовать согласно им, а также отвергнуть обычное

а) Предисловие рукописи А: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного Хвала Аллаху, который обновляет светлейшую мусульманскую религию в начале каждого века, как то сказал лучший из пророков Мухаммед. Да благославит Аллах и приветствует его самого, его семью и его сподвижников— богобоязных имамов!

А далее:

Это—книга, в которой упомянуты события, произошедшие в Дагестане в последние годы. Создал ее ученый Мухаммадтахир Карахский-Дагестанский, а отредактировал, как это требуется для печатного издания, его сын. Успех и польза достигаются благодаря лишь всевышнему Аллаху.

На протяжении последних веков дагестанцы считались мусульманами. У них, однако, не имелось людей, призывающих их придерживаться исламских решений. Большая часть приговоров, имевших место среди них, решалась согласно обычному праву (**расм**). Кадни дагестанцев, за исключением немногих, воздерживались от [шариатских] приказов и запретов, вместе с невежественными людьми пили вино, развлекались и курили».

б) К—«напряжение».

в) А—«... возбуждение. Он поднялся и начал усердно изучать науку, говоря: «Я изучаю науку только лишь для проведения в жизнь дела религии. Это был Газимухаммад Гимринский-Дагестанский—да помилует его всевышний Аллах! Когда же он подробно изучил науки, то призвал...»

право и полностью оставить его. Он загремел, как гром, сверкнул, как молния и создал трактат, в котором обвинил в неверии приверженцев адата, названный потом «Блистательным доказательством отступничества старшин (ариф) Дагестана».

Он сочинил об этом и следующее стихотворение:

Нормы обычного права — собрания трудов поклонников сатаны.

Господь еще рассудит между Мухаммедом и сатаной, который создал для гибнущих подлое обычное право.

Если последователь пророка получает прочную путеводную нить,

то сторонники обычного права не получают даже слабейшего помощника.

Они еще узнают: кто из них двоих исполняет обещания,—

когда однажды увидят сатану хмурым.

Милостивый Аллах ведь отдалил людей, любивших обычное право

от райского водоема в день тайных помыслов!

Если сторонник обычного права будет равным шариатисту,

то значит в нашей среде нет разницы между праведником и нечестивцем.

Для чего же посылались пророки, установлены божественные законы,

и ниспослан Коран с этими предзнаменованиями?

Как же можно жить в доме: где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха не приемлема?

Где святой ислам отрицают,

а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку?

Где презреннейший считается славным, а развратный—справедливым, где мусульманство превращено в невесть что?

Где человек, отдающий приказ о совершении благодеяний, подозревается в том, что он портиг,

а запрет порицаемого исламом оказывается не имеющим силы?

Если бы жизнь пророка была продлена до этого времени,

то его индийский меч был бы обнажен!

Если кто-либо из людей возразит этому, то я скажу ему:

«Выступать с отрицаниями экспромтом неразумно».

О, отчужденный от исламского мира! Ты двинулся вечером в путь.

Так приветствуй же того, кто похоронен в земле—
Благородного пророка-хашимита⁸, у которого ищут заступничества,

Посланника Аллаха — могучего Мухаммеда.

Все эти люди разбрелись к нынешнему времени из-за бедствий и вражды.

Их беспокоят свое положение и свои дела,
а не исполнение заповедей Аллаха, запрет осужденного исламом и верный путь.

Из-за своего характера и грехов они раздробились и ими стали править неверные и враги.

Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы

И говорю, что если вы не предпочтете покорность своему Господу, то да будьте рабами мучителей.

Характер горцев после всяких отговорок, наконец, смягчился. Они согласились на принятие шарията^{а)}.

[1828 г.]

Газимухаммад пошел в город чиркеевцев (чирка)⁹ и призвал их к шарияту. Они согласились примерно за месяц. Группы людей (кавм)¹⁰ волей-неволей одна за другой стали его последователями.

[1829 г.]

Один надежный человек рассказал мне со слов слуги старого шамхала¹¹, что Газимухаммад в одиночку разгневанным пришел к шамхалу и грубо сказал ему: «Вводи шарият в своем вилайете¹²». У шамхала изменился цвет лица, он размяк и сказал: «Я сделаю это, сделаю». С этим Газимухаммад и ушел, а шамхал сказал слуге: «Ей богу, я был близок к тому, чтобы намочить в штаны в страхе от него». Казалось одно время, что шамхал вроде бы подымается ради совершения того дела, но так он никуда и не продвинулся¹³.

а) А—приписка: «то есть на принятие шариятских решений».

Затем, через ученого Мухаммада-эфенди Ярагского ^{а)} ¹⁴ и Джамалуддина Казикумухского (Газигумуки) ¹⁵ — да помилует их обоих всевышний Аллах! — распространилась в горах благодать шейхов тариката ¹⁶. Для проведения в жизнь шариатских решений эта благодать была как весенний дождь для ростков растений.

Газимухаммад написал послание в адрес различных краев и областей, в котором присутствовало дружелюбие по отношению к правоверным и угрозы бунтовщикам, высокомерно отказывающимся от истины.

Вот копия ее текста:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Он — всевышний Творец, к которому обращаются за помощью.

Наше дело идет. Мы — рабы всевышнего Аллаха, люди мощные, побеждающие любого грубого тирана.

Каждому кто противодействует шариату и противится образу жизни людей благонравных.

Привет тем, «кто внимает словам Аллаха, следует лучшему из них» ^{б)} и принимает ислам в качестве своей религии.

А далее:

Эй, вы, мерзавцы!

Знаете, что мы принесли в жертву наши души и нашу жизнь ради возвышения слов всевышнего Аллаха. Мы запродали себя, страстно желая угодить всевышнему Аллаху.

«Если у вас будет какая-либо хитрость, то применяйте ее, ^{в)} но пусть грядущее положение ваших дел будет ясным для вас. Не выжидайте, ибо «когда мы спустимся на территорию какого-либо племени, утро для выжидающих окажется неприятным» ^{г)}. Если вы раскаетесь, то ваше имущество будет принадлежать вам. «Не притесняйте других и вас не будут притеснять» ^{д)}.

В противном же случае — как только холода скинут свою шубу, и тепло оденет свои одежды, «мы придем к вам с войсками, против которых вам не устоять» ^{е)}. «Мы выгоним вас из ваших селений униженными, и при этом вы будете покорными» ^{ж)}. «Мы заставим вас вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее из мучений; может быть, вы опомнитесь» ^{з)}.

а) А—«Кудалинский»; читай: «Куралинский», то есть «Кюринский».

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

д) Коран.

е) Коран.

ж) Коран.

з) Коран.

Мы — люди смиренные перед правоверными и могущественные в отношении неверных выступили для оказания помощи нашим правоверным братьям, которые раскаялись и поклоняются Аллаху.

Да будет над вами мир вплоть до Судного дня!

А далее:

«О, благородные братья! Терпите, проявляйте настойчивость, постоянно занимайтесь и бойтесь Аллаха! «Авось вы и достигните успеха»^{а)}. «Может быть, Аллах сдержит могущество притесняющих»^{б)}. «Аллах ведь не будет устраивать дела тех, кто портит»^{в)}. Вы поэтому терпите до тех пор, пока мы не придем к вам. Не повинуйтесь приказам тех, кто вносит расстройство. «Не будьте слабыми, не печальтесь: вы ведь самые высшие!»^{г)}.

Да будет мир над тем, кто следует правильному пути, а ложный оставил.

Если мы увидим, что кто-либо не знает: фатиху¹⁷, шахада¹⁸, прочие столпы ислама и условия исполнения молитвы; значение слов — «шахада», «иман» и «ислам»; высказываний и действий, делающих человека неверным (кафир); четыреста девяносто семь тяжелых преступлений,—то такого человека мы подвергаем соответствующему наказанию.

Вот так.

Все!»

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ГАЗИМУХАММАДОМ

[1830 г.]

Газимухаммад увидел, что в вопросе религии люди разошлись на несколько категорий: одни поднялись для установления шариатских решений и проведения их в жизнь; другие встали, чтобы потушить свет шариата и возвысить свои обычаи; третьи колебались между ними. Тогда он собрал войско для обхода сел и городов (балда), чтобы дать указания покорным, выправить искривившихся и сломать шеи преступных вельмож селений.

Газимухаммад вступил сначала в селения Каранай¹⁹ и Эрпели²⁰. Их жителей он подверг дрессировке и дал им надлежащее воспитание²¹. Кадия²² же и вельмож Караная он отправил в гимринскую тюрьму. Потом Газимухаммад пошел в Араканы (Хара-

а) Коран

б) Коран.

в) Коран.

г) Коран.

кан) а) ²³. Араканцы повиновались ему и поддались, а их старый б) ученый — известный Саид ²⁴ убежал на Равнину под опеку русских. В доме Саида было тогда разлито содержимое винных кувшинов, имевшихся в Араканах. Потом Газимухаммад перешел к унцукульцам (ансал) ²⁵. С ними он обошелся мягко, расположил их к принятию шариата и подчинению последнему.

Относительно некоторых газимухаммадовых — да будет благословенна его тайная мысль! — чудес люди рассказывают, что он сказал унцукульцам примерно следующее: «Вы желаете возврата к тому, что было прежде — посещать Равнину для продажи там яблок и вина. Но ведь к вам придет затем второй, который обременит вас, а еще вы увидите: что сделает с вами третий» в).

Потом Газимухаммад прибыл в область гумбетовцев (баклулал) ²⁶. Он дал им приказы и установил запреты, а также побил кадия мехельтинцев (милил) ²⁷. *Они подчинились, и тогда он взял их с собой в вилайат андийцев (андал) ²⁸. В селении Гагатль (Гагал) ²⁹ те дали ему сражение. Там пали мучениками за веру мужи из числа мехельтинцев г) и других, но было убито и много андийцев. Последние были там побеждены и возвратились назад покорными, смиренными и послушными д) всему, что было приказано и на что был наложен запрет.

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В ХУНЗАХЕ

[1830 г.]

Так как жители Хунзаха и его глава являлись источником всякой смуты и раздора, убежищем для любого злодея, бунтовщика и изгоя, Газимухаммад выступил против них с войсками, состоящими из многочисленного сброда е). Он отправился против города главы хунзахцев — Бахубике ж) ³⁰.

Рассказывают, что она, во время вторжения в тот город мюридского войска, торчала на плоской крыше, ободряла хунзахцев и поддерживала их.

а) Б—«спасение».

б) Можно иначе: «шейх».

в) А, Б, К—«Он вроде бы подразумевает под вторым Хамзата, а под третьим Шамиля. Мы—если захочет всевышний Аллах—еще пойдем это (От него)»

г) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

д) К—«качающиеся».

е) А—дано пояснение: «смесь, простонародье».

ж) А—пояснение: «дочь Уммахана».

Газимухаммад повел с собой войско хиндалальцев³¹, а своего ученика и особо верного товарища Шамиля³² назначил руководителем войска гумбетовцев. Тот повел их со стороны кладбища; чтобы оттуда запрыгнуть в город. Хунзахцы вели по ним обстрел из ружей, подобный граду, идущему с небес. Шамиль и около тридцати юношей из числа тех, кто был с ним, все же проникли в один дом и закрыли перед собой ворота—забаррикадировались. Много гумбетовцев и других мюридов стало тогда мучениками за веру.

Те же, кто были вместе с Газимухаммадом и наступали с восточной стороны, — отошли в сторону. Говорят, что гумбетовцы даже напали сзади на хиндальцев, когда те отступили.

Гумбетовцы и хунзахцы (хунз) заключили мир и один мехельтинец прокричал об этом прочим хунзахцам. Он же закричал тем, кто находился в доме: «Выходите! Вам вреда не сделают!» Шамиль, однако, терпел^{а)} до заката, опасаясь, что тут какая-то хитрость. Потом они все же вышли.

Шамиль подошел к гумбетовцам. Те же собрались против него толпой, окружили его и начали теснить. Они отчитали Шамиля, говоря: «Эта смута произошла от вашего злополучия», — отняли у него оружие и чалму и чуть было не убили. Шамиль освобожден лишь благодаря дервишу³³ Нурмухаммаду Инховскому³⁴, его товарищам (**рафик**)³⁵ и Хадису Мехельтинскому — сыну того побитого кадия. Произошло это в первую ночь рамазана 1245/1830 года, в конце зимы³⁶.

Мунапик³⁷ обрадовался той битве. К ним склонились колеблющиеся, а среди других людей появились вялость* и чувство униженности^{б)}.

Газимухаммад и его товарищи осели за селением Гимры в пустынной местности и выкопали для себя — применяя кладку — подземные комнатки (худжра) и мечеть³⁸.

Вскоре после возвращения Газимухаммада с хунзахской битвы произошло^{в)} сильное землетрясение. Затем среди людей распространилась великая холера, и тогда они как будто очнулись³⁹.

В месяце зу-л-хиджа в ночь курбан-байрама из-за коварства Бахубике на Газимухаммада напали русские. Произошел бой, после которого гимринцы отдали им в качестве залога и символа перемирия двух порочных мужчин из своей среды. Газимухаммад не был, однако, согласен на это⁴⁰. Данное обстоятельство и толкнуло его на сооружение крепости Агач⁴¹.

а) Б, К—«заставил их потерпеть».

б) Б—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—приписка: «об этом еще будет сказано».

ГЛАВА О БИТВЕ ХАМЗАТА В ДЖАР-ТАЛА

[1830 г.]

Осенью того же года, а это был второй год после постройки Джарской (Чар) крепости⁴², Хамзат, спросив разрешение у Газимухаммада, привел с разных сторон великое войско в Голода⁴³. Джарцы и те, кто действуют вместе с ними⁴⁴, были согласны с Хамзатом. Русские же из той крепости выступили против них.

Хамзат и джарцы дали ожесточенное сражение. Было убито множество русских. Горцы обратили их в бегство по направлению к крепости и те, убегая, даже оставили позади себя пушку.

Горцы взяли ее, раздели убитых⁴⁵ из числа русских и затем применили всяческие уловки, чтобы испортить ту пушку, но не получилось.

Когда Хамзат увидел, что горцы не могут выжить неверных из крепости, то захотел получить охранную грамоту для Джарского вилаята. Вместе с Шихшабаном Богнадинским⁴⁶ он пошел в крепость, но там их арестовали и отправили в Тифлис⁴⁷. Там они оба пробыли некоторое время. Затем их освободили в связи с перемирием, но в залог Хамзат отдал двух сыновей [их обоих]⁴⁸.

Хамзат засел после этого у себя дома и изучал науку до тех пор, пока ему не объявили о смерти сына, отданного в залог ради него. В тот же день он направился к Газимухаммаду—да будут благословенными их тайные мысли!

ГЛАВА О ПЕРВОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1831 г.]

На шестом году весной Газимухаммад с примерно 148-ю мужчинами выступил для сооружения крепости Агач; между ней и Казанцем около часа пути.

Затем выступили шамхал и Ахматхан^{а)}⁴⁹ вместе со всем населением Равнины, но мюриды нанесли им жесточайшее поражение. Подавляющее большинство населения Равнины склонилось тогда на сторону Газимухаммада и подчинилось его приказам.

Второй раз туда пришли уже русские. Они остановились около Арюв-терека⁵⁰. Часть тех мюридов, которые находились в крепости, под предводительством Алисултана Ундукульского⁵¹ выступила против них. Они нанесли русским поражение и убили некоторых из них. При этом мучениками за веру пали лишь двое мюридов, а дервиш Нурмухаммад Инховский был ранен⁵².

а) В. К.—«шамхал-хан и Ахмадхан».

Русские затем пришли в Кафыркумух⁵³. Газимухаммад же со своим войском пошел к Атлыбуюну⁵⁴; между последним и Таркинской крепостью⁵⁵ один час пути.

Русские отряды пошли на мюридов [засевших в Атлыбуюне] с двух сторон, и те сразились с ними также с двух сторон. Горцы перебили многих из них и нанесли им жесточайшее поражение. Толпы русских собрались там вторично, но у них не было уже сил вести сражение из-за страха перед Газимухаммадом⁵⁶.

Затем Газимухаммад бросился на селение Параул (Пари)⁵⁷, где находились сокровища и драгоценности шамхала и остальных вельмож. Он взял все, что было там, и доставил это в крепость Агач⁵⁸.

ГЛАВА О БИТВЕ У ТАРКИНСКОЙ КРЕПОСТИ

[1831 г.]

Затем Газимухаммад выступил против Таркинской (Таргу) крепости. Горцы смело бросились в нее. Говорят, что они проникали в нее через амбразуры для пушек.

Рассказывают: «Один гимринец подошел к Газимухаммаду сообщить радостную весть, что крепость уже взята. Тот, однако, ответил ему, что крепость не возьмут, но такова воля всевышнего Аллаха. «Ты иди» — сказал [имам] — «Я сейчас подойду».

Когда мюриды сражались внутри крепости, в пороховой погреб, вокруг которого находились наши воины, вдруг попал огонь. От этого произошел взрыв и в результате из нашего войска было уничтожено тогда около тысячи двухсот мужей, в том числе около восьмидесяти чиркеевцев.

После той битвы в Тарки пришли русские сражаться против Газимухаммада. Произошел бой. Газимухаммад три раза бросался там в гущу русских, а храбрец Нурмухаммад Зубутлинский⁵⁹ убил тогда саблей солдата, который вознамерился было нанести Газимухаммаду удар штыком^{а)} ⁶⁰.

Дополнение: примерно через двадцать дней после той битвы родился Джамалуддин — сын Шамиля. Хвала—Аллаху, Господу миров!

^{а)} К-приниска: «От взрыва в Таркинской крепости, произошедшего во время Газимухаммада, погибло около тысячи двухсот воинов; при взятии селения Чох убито около двухсот, а ранено тысяча двадцать пять душ; при взятии Уцукульской крепости убито около ста двадцати душ, а ранено тысяча пятьсот двадцать душ. Во время этих трех событий, произошедших в их обоих время, понесены наибольшие потери. (От него)».

ГЛАВА ОБ ОСАДЕ ЭНДИРЕЕВСКОЙ КРЕПОСТИ И СРАЖЕНИИ В АКТАШ-АУХЕ

[1831 г.]

Абдулла Ашильтинский⁶¹ с войском салатавцев⁶² осадил город Эндирей⁶³ и его крепость⁶⁴. К ним пошел и Газимухаммад.

Эндиреевцы и русские находились в осаде около полутора месяцев. Затем, однако, Газимухаммад узнал, что со стороны на мюридов наступают русские, и тогда он разрешил войскам возвратиться назад. Большая часть войск, сформированных из черни, возвратилась и поэтому русские, пришедшие со стороны, вступили в сильное сражение лишь с теми, кто остался вместе с Газимухаммадом.

Он собрал затем войско и засел в Чумлы — неприступной местности, расположенной между Эндиреем и Аухом⁶⁵.

Тут пришли отряды русских, вступили в селение Акташ-аух⁶⁶ и начали жечь его. Их, однако, прогнали оттуда, нанеся позорнейшее поражение, два брата [ауховца], которые оба пали затем мучениками за пределами селения. Говорят, что когда мать нашла их обоих, то не заплакала, не выказала печали, а напротив — явно обнаружила ликование и радость по поводу той мученической кончины, которая поразила их. Она даже пожалела, что еще один ее сын не оказался вместе с ними и не стал мучеником, как те двое; он отсутствовал, будучи в поездке*. «Легко переносить утрату, когда источником помощи является Аллах»^{а)}.

Русские начали возвращаться и тут Газимухаммад разжег против них пламя войны. Многих из них он убил, а остальных обратил в бегство, в сторону Эндирея. Он отнял у русских прекрасную пушку и доставил ее в Чиркей⁶⁷.

Жителей Эндирея Газимухаммад перевел затем в некую местность, которую он купил за пятьдесят туманов⁶⁸, взятых из казны (байтулмал), для организации там поселения. Те, кто находился около эндиреевцев, также перебрались туда, а он ушел к себе домой.

Затем русские пришли в Кафыркумух. Газимухаммад же ушел тогда на осаду крепости Дербент. Он держал ее в осаде около пятнадцати дней. Там произошли бои^{б)}, затем к Газимухаммаду пришли: находившийся ранее в Табасаране познавший Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский — да будет благословенна его тайная мысль! — и те, кто были вместе с ним⁶⁹.

Газимухаммад вернулся назад вместе с Мухаммадом-эфенди и поселил его сначала в Эрпели, а затем в Чиркее⁷⁰.

а) Коран.

б) А—«бой».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР

[1831—1832 гг.]

Осенью Газимухаммад собрал войско, так как ему был дан на-мек, что русские идут на Гельбах⁷¹, и со стороны Чечни пошел к Кизляру⁷². Он захватил его, взял оттуда огромные богатства и многих пленил⁷³.

Со слов одного черкеса⁷⁴, который находился в Кизляре во время его захвата Газимухаммадом, рассказали: «Вдруг прилете-ли полчища черных воронов, такие что их множество закрывало солнечный свет. Они облетели вокруг крепости русских, которых отвлекло и привело в замешательство их каркание. Когда же войско Газимухаммада ушло, эти вороны понемногу исчезли».

Когда Газимухаммад пошел на Кизляр, проклятый сардал^{а)}⁷⁵ подошел к Чиркею с многочисленными полками. Чиркеевцы, од-нако, с разрешения шейха Мухаммад-эфенди Ярагского, заклю-чили с ним перемирие и возвратили ему^{б)} ту пушку. Тогда же эфен-ди перебрался в селение Игали⁷⁶, а эндиреевцы и те, кто пересе-лялся [в горы], вместе с ними возвратились в свои первоначаль-ные обитатели⁷⁷.

Затем Газимухаммад собрал войско и двинулся к крепости Бурав⁷⁸. Он приблизился к ней, но там был сброшен с коня силь-ным потоком воздуха, созданным пролетающим по близости яд-ром, выпущенным из пушки неверных. После этого Газимухаммад возвратился назад.

ГЛАВА О ВТОРОЙ БИТВЕ В КРЕПОСТИ АГАЧ

[1832 г.]

Против крепости Агач пришли сражаться русские и все жи-тели Равнины. Газимухаммада там тогда не было; в ней находи-лись: Шамиль, Хамзат и Санд Игалинский.

Шамиль выступил на врагов вместе со своими гимринскими товарищами. Когда, однако, дело приняло серьезный оборот эти товарищи разбежались. С ним осталось лишь трое. Они то и раз-били отряд врагов с одного фланга, обстреляв их тыл из ружей, и затем отбежали в крепость.

а) А — «сардар-глава».

б) А — «ним».

Хамзат, Шамиль и часть тех, кто были в крепости вместе с ними, дали сильное сражение. Они убили много неверных, которые уже окружили крепость со всех сторон, но никак не могли заскочить внутрь.

Сражение продолжалось, а когда наступила ночь, враги отошли немного* от нее^{а)} назад, и те, кто находился внутри, начали раздвигать тех, кого они убили. Затем они вышли наружу и покинули крепость⁷⁹.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ГАЗИМУХАММАДОМ И ПОХОДЕ В ЧЕЧНЮ

[1832 г.]

Когда чиркеевцы и другие соседи Газимухаммада перешли к неверным⁸⁰, он собрал войско и двинулся весной к чеченцам, для исправления их и открытия военных действий [против царских войск] с чеченской стороны. В этот поход выступил вместе с ним познавший всевышнего Аллаха Мухаммад-эфенди Ярагский.

Газимухаммад вступил на землю чеченцев и сжег некоторые их селения. В Гудермесе (Гуйдурмас)⁸¹ на мюридов напало пятьсот русских кавалеристов, но горцы их перебили и лишь трое из них спаслись. Все убитые были раздеты, горцы взяли также две пушки и кое-что другое бывшее у кавалеристов. На следующий день подошли многочисленные отряды русских. Произошло сражение, после которого* воины Газимухаммада^{б)} повернули назад: те две пушки, однако, они все же доставили в селение Беной (Баян)⁸².

Газимухаммад возвратился^{в)} из Чечни, говоря: «Эти отряды еще придут на меня, и я погибну мучеником за веру перед воротами моего двора». Затем он начал подготавливать к боям одно труднодоступное место, расположенное в теснине ирганайского (рикун)⁸³ ущелья,—копать ров, возводить строения. Этим он занимался до начала осени.

Со слов одной гимринской женщины — дочери дяди Газимухаммада по линии матери и одновременно дочери тетки Шамиля по линии отца, рассказывают: «Она в числе других женщин посетилла Газимухаммада в Ирганеае, и он в ходе беседы сказал им:

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

б) К—«наши воины».

в) А—«Отступление, повествующее о некоторых похвальных поступках Газимухаммада и чудесах, сотворенных им.

Газимухаммад возвратился...»

«Вскоре я разлучусь с вами». Женщины заплакали и сказали: «Кто же будет у нас после тебя?» Он ответил: «Шамиль окажет вам милость», тогда женщины сказали примерно следующее: «Он не будет для нас таким, как ты», а Газимухаммад сказал: «Шамиль будет жить долго. Я видел во сне «Будто по реке плыло два бревна, одно из которых принадлежало мне, а другое Шамилю. Мое бревно река унесла затем вниз, а бревно Шамиля оказалось выброшено на берег, причем это был можжевельник, а ведь сказано, что польза от можжевельника сохраняется навечно».

Рассказывают, что однажды — тогда, когда Шамиль возвратился от того, кто стоял перед воротами Газимухаммада, Газимухаммад сказал, глядя Шамилю в спину, примерно следующее: «Каковым же он стал бы, если бы узнал, что с ним еще будет?»^{а)}

Рассказ. Вместе с Газимухаммадом одно время находился ученый мухаджир⁸⁴ с Равнины по имени Хасанхусен, которого он в своих делах выставлял вперед, а Мухаммад-эфенди Ярагский — любил и радовал им свои глаза. [Он был с Газимухаммадом и Мухаммадом-эфенди в Чеченском походе], а когда они возвращались из Чечни, Хасанхусена оставили там. Через небольшой промежуток времени из Чечни пришел человек и сообщил: «Хасанхусен возвратился к русским, а затем выступил против нас вместе с их оказией⁸⁵, и тогда мы убили его». Газимухаммад произнес фразу: «Мы принадлежим Аллаху и возвратимся к Нему»^{б)}, — затем заплакал и сказал Шамилю: «Если я отклонюсь в сторону от этой нашей деятельности, то вы сразу же убейте меня, дабы не получилось так, что слова всевышнего Аллаха: «Мы даруем им долгую жизнь, чтобы они совершали побольше грехов»^{в)} — касаются и меня». Это выскочило у Газимухаммада из страха за плохой конец, подобный тому, какой был у Хасанхусена. Да вознаградит нас всевышний Аллах хорошим концом!^{г)}

Один^{д)} доверенный человек рассказал мне со слов кравчего Абумуслим-шамхала⁸⁶ примерно следующее: «Шамхалу было доставлено^{е)} послание от человека, пребывающего по соседству с могилой пророка Мухаммеда и наблюдающего за ней, в котором говорилось: «Раньше я видел во сне пророка—да благославит его всевышний Аллах и приветствует! — в одиночестве, а сейчас я вижу вместе с ним еще какого-то человека. Я во сне же спросил про-

а) В «Шамиль отвернулся от Газимухаммада к тому, кто стоял перед его дверьми».

б) Коран.

в) Коран.

г) В. К.—данная глава в отмеченном месте кончается.

д) Б.—«Отрывок о некоторых достоинствах Газимухаммада.

Один...»

е) Б.—«Шамхалу он (кравчий) доставил».

рока про этого человека и он ответил: «Это Газимухаммад». В послании шамхалу находилось разъяснение драгоценной внешности того человека и его особенностей. После того человек, находящийся по соседству с могилой пророка, написал: «Прошу тебя ради великого Аллаха—о, Абумуслим! — написать мне: имел ли Газимухаммад ту драгоценную внешность и те особенности?» Абумуслим позвал тогда известного ученого хромого Хаджиява⁸⁷ Оротинского (Урути)⁸⁸, дал ему послание и спросил: «Был ли Газимухаммад таким, как указано в этом послании?» Ученый Хаджияв ответил: «Клянусь Аллахом! Я общался с Газимухаммадом в течение двенадцати лет, во время учебы. Он был именно таким, как описан. Я не смог бы описать внешность Газимухаммада так, как тот человек написал в своем послании, хотя и общался с ним столько лет».

Тот доверенный человек рассказал мне также, что тот ученый Хаджияв Оротинский неоднократно говорил: «Если бы я и Газимухаммад жили до времени появления нашего пророка Мухаммеда,—да благославит его Аллах и приветствует!—то я бы сказал, что Газимухаммад—пророк»⁸⁹.

Тот доверенный человек рассказал мне также, что в детстве он был учеником в одном селении. Там проживал дряхлый старик, который [в молодости] многократно сопровождал Мухаммада-эфенди Ярагского и Газимухаммада. Он сообщал нам, что Мухаммад-эфенди неоднократно говорил: «Мы^{а)} с вами говорим, что Газимухаммад гадает на Коране в отношении того, что он задумал, но он еще смотрит в ал-Кашф и ему открывается все, кроме тайны трона Аллаха»^{б)}.

Доверенный^{в)} человек сообщил мне со слов другого доверенного человека—гимринца, что после возвращения с Хунзахской битвы гимринцы^{г)} после полуденной молитвы говорили в своей мечети в присутствии Газимухаммада: «Это он поднял великую смуту и ухудшил жизнь людей». Они даже как будто бранили его. Газимухаммад же в сильном гневе от сказанного ими закричал^{д)}: «Аллах»^{е)}!» И мечеть закачалась. Те люди испугались и сказали: «Да-

а) Б—«Я».

б) Коран.

в) Б—«Другое чудо, произошедшее с Газимухаммадом
Доверенный...»

г) Б—«люди».

д) А, Б—приписка: «Существует следующий рассказ: «Газимухаммад сказал «А мне все равно: как перевернется этот мир — так или эдак» и повернул свою руку сначала направо, а затем—налево, и тут мечеть сдвинулась, как и его рука—направо и налево. Те люди испугались...».

е) Б—«Аллах, Аллах!»

вайте покаемся», а Газимухаммад быстро встал и сказал: «Я уже раньше покался» и пошел к себе домой. А это было то самое сильное землетрясение, которое поразило тогда Дагестан^{а) 90}.

Ученый Муртузали Цулдинский-Карахский⁹¹ сообщил мне: «Я сам, Газимухаммад и еще кое-какие мужчины находились в Ашильта в одном доме. Газимухаммад лежал под буркой и вдруг произнес высоким голосом фразу: **Ля хавля ва ля куввата илля биллахи**⁹². Его спросили: «Что ты увидел?» Он ответил: «Ничего не увидел». Ему задали вопрос вторично и тогда он сказал: «Русские как будто уже приблизились к нам»,—и тут послышался голос всадника. Он подошел к Газимухаммаду и сказал: «Такой-то наиб послал меня к тебе сообщить, что русские подходят с такого-то места». Газимухаммад сказал ему: «Скажи наibu, чтобы не боялся. Они идут ко мне, а не к нему». Тот подготовился тогда выйти от него и затем вышел».

Сильная богобоязненность Газимухаммада видна, к примеру, из того, что его рубашка была изорванная и люди ему говорили: «Не скронть ли нам для тебя рубашку из этой ткани?»—в том доме было много ткани. Газимухаммад, однако, ответил: «Это имущество не является моим. Оно предназначено на благо всех (маслахат) и для бедных».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ⁶⁾, В КОТОРОМ ПАЛ МУЧЕНИКОМ ГАЗИМУХАММАД И БЫЛ РАНЕН ШАМИЛЬ

[1832 г.]

Пришли русские, а подготовка *того места^{в)} к бою закончена еще не была. Вместе с русскими были тогда: османцы (усманлу)⁹³, каджары⁹⁴, Джамав Кайтагский⁹⁵, Джамал Чиркеевский⁹⁶ и Саид Араканский.

Газимухаммад пошел к Гимринскому ущелью и закрыл его в узком месте. Позади заграждения он построил дома. В ночь, предшествующую дню битвы, которая соответствует ночи понедельника — третьему числу месяца джумада ал-ухра тысяча двести сорок восьмого (1832) года, Шамиль увидел во сне: «Он будто бы находится в доме, его ружье и пистолет испортились. Враги же взошли на плоскую крышу дома, продырявили ее и суют в направлении мюридов^{г)} ружья, а он, Шамиль, изнутри отталкивает их и этим спасся».

а) Б—здесь текст данной главы кончается.

б) В—«битва».

в)—В. К—отмеченная фраза отсутствует.

г) Б—«пнурть».

В понедельник русские остановились перед мюридами. Бой длился с раннего утра до вечера, когда наше войско^{а)} убежало. Газимухаммад и Шамиль вошли в дом, стоящий позади заграждения. Вместе с ними было тогда около тринадцати мужей.

Газимухаммад сказал Шамилю: «Зачем ты здесь остался?» Он как будто не хотел присутствия Шамиля там, ибо в том доме находилось большое количество пороха. Враги собрались толпой вокруг этого дома. Некоторые из них взобрались на крышу, продырявили ее и обстреляли тех горцев, которые находились в доме. Врагов, однако, также обстреляли.

Тут испортилось ружье Шамиля. Русские же, которые находились на крыше, тыкали в мюридов штыками через дыры. Они наносили горцам колющие удары и поражали их штыками, как то и видел во сне Шамиль.

Газимухаммад приказал мюридам прыгать на солдат через двери дома, где те столпились. Никто, однако, не пошел на это. Тогда Газимухаммад многократно попросил у Аллаха прощения (астагфиру Аллах), многократно воскликнул: **Ля илаха илля ллах**^{б)}, а затем обнажил свою саблю и выпрыгнул наружу. Вместе с ним выпрыгнул Мухаммадсултан — сын его тетки по линии матери.

Шамиль дал приказ, чтобы мюриды прыгали вместе с Газимухаммадом, ибо сам он находился тогда далеко от дверей, а дом был тесный. Никто, однако, не выпрыгнул. Тогда Шамиль сказал: «Посмотрите: пал ли Газимухаммад?» Ответили: «Он пал поблизости». Тогда Шамиль сказал: «Пришел день смерти, но мы не будем оплакивать Газимухаммада». В тот момент у Шамиля не было в голосе ни тревоги, ни печали. Он говорил горцам: «Гурии посещают мучеников за веру прежде чем души покидают их. Возможно, что они уже находятся в небе и ожидают нас».

Шамиль опасался, что через дыры в крыше солдаты кинут на мюридов огонь, и порох взорвется. Поэтому он и приказал им выпрыгивать, но они не выпрыгнули. Тогда Шамиль обнажил саблю, отшвырнул ножны с поясом, засучил рукава, заправил полы [черкески] и *выпрыгнул через дверь^{в)}. При этом от столкновения с верхом двери упали его шапка и чалма.

Шамиль ударил саблей того солдата^{в)}, который стоял у двери, и тот упал лицом вниз, распустив свою бороду. Шамиль тут же ударил другого, и тот тоже упал. В это время один [солдат] нанес Шамилю удар штыком в грудь и вогнал его внутрь, *а тот взял

а) А—«войско Газимухаммада».

б) Б—«Выпрыгнул тот, кто находился у дверей».

в) Слово «солдат» имеется лишь в тексте списка В.

одной рукой штык, который находился у него внутри, ударил (солдата) саблей и свалил; ружье упало из его рук^{а)}.

Когда (солдаты) увидели Шамиля таким, то начали разбегаться перед ним. Те же, кто находился позади Шамиля, лезли на него, но из-за своей скученности не могли стрелять в него из ружей. Один из врагов все-таки выстрелил, но не попал. Шамиль же кинулся на него с саблей и нанес ему множество ударов, но тот защищался своей буркой.

Рассказали: «Тот мужчина — Хану Мухул. Он возвратился из Гимр с большими ранами, но: умер он от них или нет?—знает только всевышний Аллах».

Один солдат швырнул в Шамиля камень и попал ему в правую лопатку, от чего сломалась ключица. Боль была столь сильной, что Шамиль застонал, но все же не упал.

Кто-то сказал: «Это, вероятно, результат того, что Шамиль натренировал свое тело и откормил его для походов, что он делал с того времени, как они^{б)} возвратились из Чечни».

Шамиль кидается то туда, то сюда, не имея и в мыслях спастись от врагов и вдруг он услышал голос человека, бегущего позади со словами: «Аллах, Аллах!» Оказалось, что это муэдзин мюридов, тот, который был вместе с ними в том^{в)} доме. В голову Шамиля пришло: «Спасение!», а муэдзин побежал за ним^{г)}.

Когда они оба оторвались от скопления солдат, те выстрелили им в спину многими пулями, но ни одна из них не попала в бегущих. После того враги больше не рвались за двумя беглецами, хотя находились как впереди, так и позади их обоих, двигаясь в Гимры.

Шамиль, неся саблю, ослабел и передал ее муэдзину. Когда же они немного оторвались от врагов, Шамиль упал позади одной скалы и приготовился к смерти, а муэдзин спрятался поблизости от него. Шамиль приказал муэдзину уходить, но он отказался.

Находясь в таком положении, Шамиль вдруг увидел, что солнце еще не закатилось за вершины гор и вспомнил, что он не совершил вечерний намаз^{д)}. Сделав два ракаата^{е)}, Шамиль вырвал кровью, потом еще и еще, но от этого ему стало легче.

а) В—отмеченная фраза отсутствует.

б) А—«он»

в) Б—отмеченное слово пропущено.

г) В нескольких списках, кроме списка В, далее следует фраза: «Он многократно указывал ей»; К—«Он многократно указывал ими обоим».

Беглецы вдвоем тихо просидели до тех пор, пока не исчез свет от солнца и луны. Затем Шамиль и муэдзин поднялись на вершину горы и там при сильном холоде заночевали. А ведь у него на голове ничего не было, ворот был заполнен кровью, а остальная одежда — намочена ею. Из дырки в груди у Шамиля раз за разом выходил поток горячего воздуха, который расходился у него за пазухой. Этим Шамиль и согревался. Он сказал как-то: «Той ночью рана оказалась для меня полезнее ста туманов»^{а)}.

Когда наступило утро, Шамиль на лошади своего родственника двинулся в местность, где находились семья мюридов.

Русские простояли в Гимрах целую неделю¹⁰⁰. Им нужен был труп мученика за веру Газимухаммада. Русским показали его те гимринские мунапики, которые были вместе с ними. Известный ученый Саид Араканский приказал им не позволять погребение^{б)} трупа на гимринской земле, приводя в качестве аргумента следующее: «Если Газимухаммад будет погребен в Гимрах, то мюриды станут посещать его могилу, собираться вместе и устраивать смуты и беспорядок».

Сказанное Саидом Араканским получило понимание среди русских, они перенесли труд Газимухаммада в Тарки, высушили его и в течение долгого времени сохраняли там, установив рядом караул. Затем, правда, они захоронили его¹⁰¹. В эпоху же могущества Шамиля, когда власть его достигла Тарков, он отправил людей вырыть останки Газимухаммада из могилы. Они, исполнив это, перенесли труп в Гимры и захоронили там. Над его могилой Шамиль построил затем благословенный мавзолей и таким образом поместил нас под сень благодати Газимухаммада!

Рассказывают со слов Хусайна — сына Ибрахима Гимринского: «В Дербенте Хусайн видел запись о том, что из-за Газимухаммада у русских погибло восемь тысяч человек. Вот так. Воевал же Газимухаммад всего три года. Хвала — Аллаху, Господу миров».

Шамиль со своей семьей перебрался затем в селение Унцукуль. Более двадцати ночей он не мог лежать. Потом пришел лекарь и прилепил к телу Шамиля куски восковой ткани, после чего он проспал с раннего утра до следующего раннего утра. Затем Ша-

а) К—приписка: «Шамиль втыкал в свою рану в закрученном виде обрывок одежды и затем многократно вытаскивал его из раны из-за обилия крови. От выхода [крови] Шамилю становилось легче. Когда же из-за раны Шамиль ощутил тепло той холодной ночью, он сказал: «Эта рана оказалась для меня полезнее... и т. д.» (От него)».

б) Б—«не оставлять».

миль проснулся и спросил: «Совершил ли я полуденный намаз?» Ему ответили: «Нет. Да ты, кстати, пропустил несколько намазов». Он сказал тогда: «Как так?», а ему ответили: «Лекарь заставил тебя спать со вчерашнего раннего утра и до этого времени».

Полностью Шамиль поправился лишь к концу месяца шабан¹⁰². Затем он встал и первым делом посетил старого устаза Мухаммада Ярагского, находившегося в Балаханах¹⁰³.

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ И ГИМРИНЦЕВ ПОСЛЕ ТОГО

[1833 г.]

В начале месяца рамадан Шамиль ушел в селение Гимры. Когда он шел в молельню для совершения омовения, наткнулся на женщин, сидящих на улице, которые обрабатывали шерсть. Шамиль прошел мимо них, говоря: «Они, оказывается, считают, что шарият умер со смертью Газимухаммада». Тогда Шамиль подумал, что женщины уйдут до того, как он возвратится. Когда же он возвратился, то нашел женщин в таком же положении, а около них еще и дряхлый старик без штанов с толстой палкой в руках. Шамиль отнял ее у старика и резко сказал ему: «Тебе разве приказано с женщинами сидеть?» Старик тут упал и тогда показались его половые органы.

Шамиль ударил женщин, и они убежали, кроме одной. Она отказалась и была побита. Когда же она увидела, что Шамиль не оставит ее в покое, то убежала, крича: «Меня убивают».

Шамиль пошел к себе домой, а сын этой женщины побежал тем временем к гимринскому кадию с жалобой на его действия. Их кадием был тогда Хасаниль Мухаммад Хариколинский (Хариккули)¹⁰⁴, тот самый, чью ногу поцеловал однажды Газимухаммад, сказав: «Шарият—суть религии нашего Господа и касается он не только меня. Будь помощником делу шарията, устанавливай его. Да не заташат тебя невежественные бунтовщики в свою пропасть». Хасаниль Мухаммад, однако, не поднялся для того дела и не вразумился.

Очень быстро к Шамилю пришел рассыльный кадия с сообщением, что Хасаниль Мухаммад зовет его, чтобы наказать за то, что он, Шамиль, без его, кадия, разрешения выразил порицание неподобающему поступку, а это не позволено. Шамиль ответил: «Слушаюсь и повинуюсь» и пошел.

Палач нанес ему более двадцати ударов плетью. Во время битья Шамиль почувствовал, как что-то вышло из раны, бывшей в

его груди. Он потрогал рукой и оказалось, что это пошла кровь. Шамиль показал кровь палачу, говоря: «Ты разорвал мою заживавшую рану. Поэтому на тебя падает ответственность». Палач испугался и сказал: «Мы подумали, что твоя рана уже зарубцевалась, а то бы мы не били тебя».

Эта была пятница. Шамиль явился в мечеть на пятничный намаз и попросил у кадия разрешения выступить с речью. В ходе ее он доказал допустимость для отдельных лиц устранять неподобающее и без разрешения со стороны представителя власти. Он сказал примерно следующее: «То, что мы делаем—установление религии всевышнего Аллаха, которая ни в коем случае не умрет со смертью своих авторитетов. Ведь уже давно умерли люди лучшие, чем Газимухаммад—наш пророк Мухаммед, да благославит его Аллах и приветствует, а также праведные халифы [но религия то сохранилась]. Аллах помогает тому, кто помог его религии. Я — клянусь Аллахом! — не оставлю этого дела до тех пор пока не умру. Кто хочет получить на том свете награду от Аллаха, пусть оказывает помощь делу шарията, а если же кто хочет войны [с нами], пусть готовится к ней». Шамиль, в результате, привлек к себе мюридов, энергичность их повысилась и получилось так, что огонь усердия со стороны мунапиков потух.

Затем Шамиль возвратился к своей семье, то есть в Унцукуль и постился там в течение месяца рамадан. В ночь же праздника разговения он возвратился к себе домой.

Еще до пения петухов Шамиль пошел в молельню, чтобы умыться, а оказалось, что она заполнена мунапиками. Они разожгли в молельне огонь, били в барабан, плясали и ругали мюридов даже по матери. Мунапики говорили: «Завтра все увидят, как будут унижены мюриды, обнаружив тут вино и музыкальные инструменты». Шамиль сначала думал вернуться, но затем сказал про себя: «Если я уйду отсюда, то, значит, у меня нет веры», и он бросился на них с обнаженным кинжалом, так, чтобы они увидели его, говоря примерно следующее: «Клянусь Аллахом (все) будут знать тех, кто унижает других^{а)} и кого унижают^{а)}». Мунапики страшно испугались Шамиля и разбежались—одна часть их упала в воду, а другая свалилась в дверях от толчеи. Барабан же их остался на месте, и Шамиль продырявил его кинжалом, а затем сломал камнем и бросил им вслед, говоря: «Возьмите эту шкуру вашего осла».

Рядом с усадьбой Шамиля проживал один из гимринских мунапиков, бывший ставленником русских, которые назначили его правителем над Гимрами, поселив в усадьбе, купленной мучеником

а) В, К—отмеченная фраза отсутствует.

за веру Газимухаммадом для шейха Мухаммада-эфенди. И вот, утром те мунапики побежали к этому мерзавцу^{а)}. Они собрались около него с требованием наложить на Шамиля штраф за тот барабан, который был изготовлен по просьбе кадия, с уплатой девяти очередных поступлений (навба)¹⁰⁵ в пользу села, для того, чтобы барабанить на заре.

К Шамилю пришли старики селения, утверждая: «Ты разжигаешь смуты, а ведь [религиозные] деятели, подобные тебе, обязаны гасить их и делать то, в чем заключается общее благо». Шамиль обратился к ним с плоской крыши, возвыся голос, чтобы слышали те, кто собрался* около того мерзавца^{б)}. Он сказал: «Я нашел их говорящими так-то и так-то. Пускай они продолжают поступать так, как поступают. Я же — клянусь всевышним Аллахом! — не перестану устранять неподобающее и воевать против этого, даже если рядом со мной не будет никого. Всевышний Аллах вознаградит меня. Кто хочет пусть становится правоверным, а кто хочет — неверным». Шамиль говорил грубо, отчитал, и тогда толпа, бывшая вокруг того мерзавца,^{в)} покорно рассеялась. Затем Шамиль произнес речь в мечети во время сбора гимринцев на праздничную молитву. Он сказал примерно следующее: «Если вы думаете, что со смертью Газимухаммада шариат ослабел, то ошибаетесь. Я—клянусь Аллахом!—не дам ему уменьшиться даже на палец. Напротив,—при помощи всевышнего Аллаха—я увеличу его на целый локоть. Вы же знаете, что я более ученый, чем Газимухаммад, более сильный и родовитый.¹⁰⁶ Пусть -ка выйдет тот, кто враждебен шариату, и тогда «Могущественный непременно выгонит оттуда презреннейшего»^{г)}. Тут поднялись головы у мюридов, они встали для помощи шариату, а спины их противников согнулись.

Из-за того, что произошло тогда между гимринцами, тот главарь^{д)} убежал к русским. Затем в месяце зу-л-када того же (1248/1833) года у Шамиля родился сын Газимухаммад. Хвала—Аллаху, Господу миров.

а) А—«человек».

б) А—«человек»; В—отмеченная фраза отсутствует.

в) А—«человека».

г) Коран.

д) Б, В—«мерзкий главарь».

ГЛАВА О НАЗНАЧЕНИИ ХАМЗАТА ХАЛИФОМ И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО БИТВАХ

[1833 г.]

Когда Газимухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Хамзата. Он со своими товарищами вначале обошел селения и города—давая наставления, проповедуя, отдавая приказы и устанавливая запреты. Когда, однако, он увидел, что это большой пользы не дает, пошел в селение Ирганай, убил тамошних мунапиков и сам осел там. С разных сторон к Хамзату группами пришли люди, и затем он вместе с Шамилем двинулся к унцукульцам.

Хамзат остановился вдали от Унцукуля. Шамиль же со своими примерно двенадцатью товарищами заскочил в молельню унцукульцев, расположенную около селения.

Унцукульцы позвали Шамиля в селение, утверждая, что они сделают то, что им прикажут. Понятливый Кебед-хаджияв¹⁰⁷ с крыши молельни передал ему, однако, сообщение, что в этом с их стороны кроется хитрость. Поэтому Шамиль не дал на то ответа до тех пор, пока унцукульцы не передали Хамзату залог, который он потребовал. Унцукульцы в конце-концов подчинились, но лишь после того как мюриды чуть было не вступили с ним в бой. С них был взят залог стоимостью в шестьдесят туманов.

Этот Хамзат-второй, о ком говорил им мученик за веру Газимухаммад—«пойдет на них второй и отяготит их».

После возвращения мюридов в свои обиталища к Шамилю прибыл посланник от Хамзата и сказал, чтобы он вместе с муртазиками¹⁰⁸ той стороны выступил против селения мушулинцев (мушул)¹⁰⁹ и размягчил тамошних бунтовщиков. Дело в том, что они не подчинялись приказам Саида Игалинского, который являлся наивом той стороны.

Когда Шамиль со своими товарищами прибыл на годекан (нади) селения Орота, раздался крик: «Хунзахцы¹¹⁰ вступают в селение Арадерих (Харадирик)¹¹¹!» Муртазики устремились на них вместе с оротинскими юношами, а хунзахцы тем временем швыряли в них сверху камни. Когда оба отряда сошлись врукопашную, хунзахцы были обращены в бегство. Победители двинулись вслед за хунзахцами, раздевая многих из них и убивая¹¹². Затем они вернулись назад, и тут прибыл Хамзат, после чего мюриды обошли области хиндалальцев и, наконец, осадили Шабан-дибира Унцукульского и тех мужей, которые были вместе с ним. Последние, однако, быстро согласились с властью Хамзата и тогда Ша-

Бан-дибир^{а)} пришел, дрожа от страха, но [имам] простил его. Вельмож же селения Гергебиль (Каркал)¹¹⁸ Хамзат отправил тогда в гогатлинскую тюрьму под арест.

Когда мюриды подошли к ущелью кородинцев¹¹⁴, те закрыли его узкую часть и сказали: «Мы сделаем то, что нам приказывают. Но мы не хотим, чтобы вы входили в наше селение». И Хамзат не разрешил мюридам идти против них.

Потом мюриды пошли к селению гоготлинцев (гагал)¹¹⁵ со стороны Голотля (хакал)¹¹⁶ и сразились: с ними и куядинцами (кувал)¹¹⁷. В Гоготле мюриды заночевали, а затем двинулись к телетлинцам¹¹⁸. Телетлинский старшина (кабир) Чупан¹¹⁹ вместе с остальными старшинами был отправлен в гимринскую тюрьму, под арест.

К Хамзату пришли затем карахцы (каралал) вместе со своими вассалами (таби)—куллабцо-бацадинцами (кула-биц)^{б)}¹²⁰, а также келебцы (кил)¹²¹.

ГЛАВА О БИТВЕ ПРИ РУГУДЖА, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ПЕРЕПУГАЛИСЬ МУНАПИКИ ТОЙ СТОРОНЫ И УВЕЛИЧИЛАСЬ СИЛА МЮРИДОВ

Когда Хамзат остановился в Гоготле с полками мюридов, на вершине ругуджинской¹²² горы собрались толпы андалальцев (андадал)¹²³. Они закрыли имеющиеся там проходы с целью сражаться и защищаться. Хамзат двинулся против андалальцев и нанес им сильнейшее поражение. При этом было убито много ругуджинцев и других.

Хамзат остановился затем в селении ругуджинцев, главарь которых—Султанав¹²⁴ Ругуджинский сидел в своем замке (хиси) и не выходил оттуда в страхе за свою голову. Шамиль, однако, хитростью обеспечил его выход наружу. Затем он напал на Султанаву,* арестовал его^{в)}, наложил на него оковы и отправил в гимринскую тюрьму.

Мюриды взяли то, что было в доме Султанавы, а также взяли заложников от ругуджинцев, согратлинцев (сугур)¹²⁵ и других. После этого Хамзат пошел в область гидатлинцев (хид)¹²⁶, взял у них заложников, отправил Шамиля в Карах для взятия там заложников, а сам пошел в область багвалальцев (бакулал)¹²⁷.

а) Б—«Шаман-диир»; В—«Шабан-диир».

б) А—«куллабцы (куласел), бацадинцы (биц)...»

в) Б—отмеченная фраза отсутствует.

ГЛАВА ОБ УБИЙСТВЕ ХУНЗАХСКИХ ГЛАВАРЕЙ И ЧТО ТОГДА ПРОИЗОШЛО

[1834 г.]

Когда Шамиль, при своем возвращении, прибыл в область гидатлинцев, он встретил посланника Хамзата, сказавшего, чтобы Шамиль шел в область хиндалальцев, взял последних и поднялся с ними в такой-то день на землю хунзахцев. Там Шамиль и Хамзат со [своими] многочисленными толпами черни¹²⁸ встретились и просидели около пятнадцати дней, требуя от хунзахцев придерживаться шариата и проводить его в жизнь.

От голода и скуки воины [имама] готовы были уже возвращаться назад, но Шамиль давил на них, говоря: «У нас есть и терпеливые, те, кто удовлетворятся только искоренением хунзахцев. Но когда мы возвратимся назад^{а)}, мы перебьем вас до последнего». Гут воины успокаивались.

Дело пошло к примирению на условии отдачи в залог Булача¹²⁹—сына Бахубике^{б)} в качестве гарантии введения шариата в ее вилайете. Булач был отправлен тогда в Харачи¹³⁰, а два других сына Бахубике—Нуцалхан и Уммахан¹³¹, их приближенные из числа ученых и старшин, и около двухсот слуг прибыли позвать руку Хамзату. Хунзахцы остановились там же, где Хамзат и смешались с воннами [имама].

Познавший всевышнего Аллаха Шамиль поклялся составителю этой книги, то есть Мухаммадтахиру, что у мюридов не было стремления убивать кого-либо из хунзахцев, за исключением двух злобных убийц—Буги Цудахарского¹³² и Маллачи Танусинского¹³³. Но тут вдруг от имени Бахубике к Шамилю подошел Ахберди¹³⁴ и говорит: «Хамзат исполняет то, что ты говоришь. Ты поверни его от нас на земли Равнины, а сам возвращайся^{в)} назад. За выполнение этого тебе будет дано двести туманов наличными».

Шамиль, однако, по секрету сообщил об этом Хамзату и сказал: «Ты понял, что нужно^{г)} Бахубике и что за этим последует?» Хамзат воскликнул: «Так значит истончение и смягчение характера хунзахцев еще не закончилось!» и приказал испытать прибывших через требование выдать, находившегося у них в Хунзахе убийцу—мехельтинца, чтобы затем: либо подвергнуть его кровной мести, либо простить. Хунзахцы, однако, под разными поводами

а) А—приписка: «то есть из этого похода».

б) А—приписка: «дочь старого Уммахана, похороненного в Голода».

в) В большинстве списков «возвращайся от Хамзата назад»; А—«возвращайся от нас».

г) А—«речь».

отговаривались от этого. Хамзат приказал тогда хунзахцам вернуть кобылу хиндалальца, находившуюся в руках у одного из их слуг. Они отговорились и от этого. Тут Хамзат приказал хунзахцам разрушить все замки, имевшиеся в их городе, а также, чтобы Нуцалхан, Уммахан и еще такой-то и такой-то остались при нем, Хамзате, пока не будет закончено разрушение замков. Хунзахцы с этим не согласились и вознамерились было возвратиться, но товарищи Хамзата запретили им это, и тогда ученый Мирзал Хаджияв¹³⁵ схватился за оружие. Он закричал: «Эй, юноши хунзахцев! Приложите-ка ваши силы и возможности, чтобы перебить этих людей!» Они сразились^{а)}, и тогда со стороны хунзахцев были убиты: Нуцалхан, Уммахан, Нурмухаммад-кади¹³⁶, Мирзал Хаджияв и еще такой-то и такой-то. Из именитых старшин и главарей хунзахцев, таким образом, не осталось в живых никого.

С нашей же стороны^{б)} пали мучениками за веру: Мурадбек—брат Хамзата, Чупан—сын дяди Хамзата по линии отца, Дибира-сул Мухаммад¹³⁷ Ирганайский, Мухаммадали Гимринский и еще такой-то и такой-то.

Эта битва произошла в то время, когда Хамзат вышел из своей палатки и удалился для совершения омовения. Его подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством ружейных пуль, которые хунзахцы в изобилии выпустили по палатке, думая, что Хамзат находится в ней^{в)}¹³⁸.

Утром следующего дня Шамиль дал Хамзату, будучи наедине, совет. Он сказал: «Отныне самое лучшее для тебя—сидеть у себя дома в Гоцатле со смирением и покорно молить Аллаха о прощении. Я же буду проводить в жизнь твое дело и работать над ним в нашей стороне. Точно так же Саид Игалинский будет делать это в своей стороне, Газияв Каратинский¹³⁹—в своей стороне, а Кебед-мухаммад Телетлинский и Абдурахман Карахский—в своих сторонах». Хамзату это мнение понравилось, он согласился с Шамилем.

Затем Хамзат приказал Шамилю отправиться с десятком, но не больше, своих товарищей в усадьбу Бахубике, находящуюся в городе, и посмотреть: какое имущество там есть; сама же Бахубике находилась тогда в селении Геничутль (Киничук)¹⁴⁰, лежащем примерно в часе пути от города. Шамиль вошел туда, но не нашел там ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Тогда он пригрозил хунзахцам и строго сказал им: «Если вы не вернете то, что было тут, мы возьмем это из ваших усадеб и, причем, вместе с

а) А—«то есть Хамзат и хунзахцы».

б) А—приписка: «Из людей имама Хамзата».

в) В, К—отмеченный абзац пропущен.

вашими пожитками», и хунзахцы принесли: один-то, другой—это Собралось множество вещей. Шамиль погрузил их на семь или восемь телег, которые направил по гоцатлинской дороге.

Тем временем к Хамзату собрались ученые. Они побеседовали между собой и сочли наилучшим для него поселиться в Хунзахе, в княжеском дворце (дар ал-имара)^{а)}. Хамзат согласился с ними в этом вопросе. Когда же вернулся Шамиль, то нашел их уже полностью согласными с таким мнением. Поэтому мюриды вернули телеги с дороги обратно.

Затем мюриды остановились в городе Хунзахе. Бахубике была приведена и убита в своей усадьбе, затем привели Сурхая¹⁴¹. Его также убили.

РАССКАЗ: Товарищи Шамиля более трех месяцев находились вдали от своих домов. Штаны их пришли в негодность, на что они пожаловались Шамилю. Шамиль попросил тогда Хамзата дать им чего-нибудь для обновления штанов или починки, но Хамзат не согласился на это.

Шамиль вернулся назад. На обратном пути он при этом сказал своим товарищам: «Самое лучшее для нас—было бы оставить Хамзата на год, пока хунзахцы не забудут все то, что мы сделали с ними. Мы ведь проявили грубость по отношению к ним и разгневали их».

Затем, * уже после убийства Хамзата^{б)}, Шамиль получил весточку от Саида Игалинского: «Для общего блага Булача надо лишить жизни»; он находился тогда в селении Балаханы. Шамиль послал двух человек, которые и бросили Булача в Койсу (Большая река). «Так был истреблен последний человек из племени угнетателей. Хвала—Аллаху, Владыке миров»^{в)}. «Они хитрили и Аллах хитрил, но Аллах—лучший из хитрецов»^{г)}.

Алумкач Таркинский—родственник шамхала и его посол сообщил после того Шамилю во время их встречи: «Те люди, пришедшие с Нуцалханом и Уммаханом имели намерение убить Хамзата, Шамиля и Саида Игалинского. На каждого из них они выделили по три человека из числа своих, чтобы те совершили убийство, после возвращения обоих ханов^{д)} от Хамзата».

Хамзат расширил хунзахскую мечеть за счет развалин части княжеского дворца.

а) А—приписка: «По-видимому, наименование здания, принадлежавшего, их княгине Бахубике».

б) В—отмеченная фраза отсутствует.

в) Коран.

г) Коран.

д) А—приписка: «то есть двух сыновей Бахубике».

ГЛАВА О ВЫСТУПЛЕНИИ ХАМЗАТА НА САЛТА И РАЗЪЯСНЕНИЕ О ЕГО ГИБЕЛИ ОТ РУК ХУНЗАХЦЕВ

[1834 г.]

Хамзат послал человека к Шамилю сказать: «Ты выступай на Цудахар со стороны Куппа¹⁴², а я выступлю со стороны Салта». ¹⁴³ Затем он выступил вместе с хунзахцами и другими. Выступил и Шамиль: он расположился лагерем на гергебильской площадке, дожидаясь, пока не присоединятся унцукульцы и араканцы. Последние, однако, запоздали примерно на три дня.

Когда Шамиль подошел к Куппа, ему повстречался человек, который вдруг сообщает ему, что Хамзат возвратился с салтинской стороны назад, понеся частичное поражение^{а)}. Шамиль обругал тогда унцукульцев и их кадия—своего устаза, сказав: «Это произошло из-за вашего злополучного мунапикства и вашего мерзкого поступка», и затем вернулся назад.¹⁴⁴

Хамзат остановился после того в Гоцатле. Оттуда он взял множество ружей и направился в Хунзах устанавливать дружбу с хунзахцами, ласкать их и задабривать. Просидел он там меньше месяца, пока хунзахские мунапики не насовещались вдоволь и не приняли тайное решение: убить Хамзата в пятницу, когда он пойдет на пятничную молитву. Помощник Хамзата—Хаджиясул Мухаммад¹⁴⁵ Хунзахский известил его об этом и подтвердил сказанное ему клятвой^{б)}. Хамзат, однако, не обратил внимания на его слова и пошел на пятничную молитву, не надев даже кинжала, хотя его товарищ Хаджиясул Мухаммад вооружился.

Последний предварительно объявил, чтобы ни один хунзахец не брал* на пятничную молитву^{в)} никакого оружия и затем пошел. Мунапиков они нашли сидящими у ворот мечети^{г)}. Там Хам-

^{а)} В—приписка: «потерпев поражение от цудахарцев, и те преследовали его (Хамзата) до того места».

^{б)} А—«...клятвой. Хамзат сказал, однако: «Если я пойду ради пятничной молитвы в Геничутль, то не поспею к ней [в полдень] и моя пятничная молитва пропадет. Если же я пойду на пятничную молитву в Хунзах, то буду подло убит. Если же просижу дома и пропущу пятничную молитву, то я буду убит в наказание за пропуск пятничной молитвы. Какое же из двух убийств я должен предпочесть для себя?» Затем он сказал: «Я предпочитаю быть подло убитым» (верно)».

^{в)} Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

^{г)} А—приписка: «Когда Хамзат подошел к хунзахцам, Осман Хунзахский — брат Хаджимурада сказал: «Вы почему не поднимаетесь?»

Почему не встаете перед старшим, когда он приблизился к вам?» Хунзахцы встали, и тут Осман выстрелил в Хамзата из пистолета. (верно)».

зата и убили. Хаджиясул Мухаммад, правда, убил убийцу Хамзата, но и сам был убит.¹⁴⁶ «Мы ведь принадлежим Аллаху и к Нему мы возвратимся»^{а)}.

Период халифата Хамзата—полтора года.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ХАЛИФАТА ШАМИЛЯ И О ТОМ, ЧТО ОН ТОГДА ИСПЫТАЛ

[1834 г.]

Хамзат еще раньше завещал халифат Шамилю. Поэтому после его убийства собрание благородных ученых [без колебаний] возложило звание халифа на Шамиля. Последний, однако, принял его только после долгих отказов. Ученые чуть было даже не разошлись без принятия решения.

Когда Шамиль услышал об убийстве Хамзата, то первое, с чего он начал—было убийство Султанава Ругуджинского,¹⁴⁷ который находился в гимринской тюрьме. Затем Шамиль пошел к унцукульцам с намерением выступить во главе их против хунзахцев. Он дал унцукульцам наставления, любезно обошелся с ними, сказав: «Вы—главари этих хиндалальских областей. Среди вас есть ученые, мудрецы и храбрецы. Так будьте же предводителями, главарями-повелителями для дела исламской религии. Не будьте подчиненными хвостами. Клянусь: Аллах не даст погибнуть своей религии и ее адептам». Унцукульцы выказали тогда Шамилю послушание и повиновение и выступили вместе с ним против Хунзаха. Одновременно, однако, они послали к русским сообщение: «Спешите в Гимры».

Когда Шамиль вел унцукульцев на Хунзах, вдруг пришло сообщение: «Русские вошли в Гимры». Шамиль повернул назад и тут вдруг оказалось, что разрушен мост. Тогда примерно с пятнадцатью мужами он перешел Койсу вброд и вышел на гимринскую землю. Шамиль с семью товарищами набросился на русских с одной стороны, а Раджабиль Мухаммад¹⁴⁸ Чиркеевский и Хусайн Гимринский — сын Ибрахима с еще семью товарищами напали на них с другой стороны. Мюриды убивали быстро, как будто косили. Они убили у русских даже одного большого начальника. Последние были разбиты и обращены в бегство, и при этом мучеником за веру пал лишь один человек-ашильтинец. К этому времени, однако, русские уже порубили виноградные лозы и деревья, находившиеся около селения.¹⁴⁹

а) Коран.

Семьи гимринцев были тогда раскиданы по пустырям для защиты от русских, и вдруг кто-то из находившихся внутри селения увидел людей, приближающихся к ним. Гимринцы пригляделись и поняли, что это унцукульцы, выступающие в контакте с их семьями, и тогда они побежали к ним. Большинство гимринцев пошло, таким образом, к унцукульцам и с Шамилем остались лишь немногие.

Унцукульцы порубили имевшиеся на той стороне виноградные лозы и деревья, а кроме того, они выделили ранее искусных стрелков из ружей для убийства Шамиля, но всевышний Аллах не предопределил им совершить это. Он же примерно с тринадцатью товарищами укрепился тогда позади стены моста. Мюриды носили унцукульцев, угрожали им и грубили словами типа: «А ну-ка, сделайте, что можете. Не оставляйте ничего, что может исходить с ваших рук».

Унцукульцы, однако, не нанесли вреда семьям гимринцев, хотя и находились между ними. Дело в том, что местонахождение унцукульцев не годилось для быстрого отхода из-за наличия лагеря и местопребывания Шамиля. Ночью же от унцукульцев к Шамилю пришли братья хаджи Кебеда и Тахира Унцукульских и заявили: все люди против мюридов^{а)}, подходят ругуджинцы, русские возвращаются, Уллубий¹⁶⁰ против них. Эти двое сказали: «Советуем вам перейти отсюда в какое-либо труднодоступное место и побыть там, пока приближающиеся люди не возвратятся в свои обиталища». Они оба при этом гремели, как гром и сверкали, как молнии^{б)}.

Шамиль подал тогда знак своим товарищам и сказал: «Мы закрепимся в усадьбе, расположенной в селении Гимра и так встретим тех, кто приближается». Товарищи, однако, не согласились с этим. Тогда Шамиль сказал: «Мы встретим их и сразимся с ними в одном крепком месте, расположенном в нашем лесу». Они опять не согласились. Сошлись, наконец, на том, что они перейдут к Риккил нохо.¹⁵¹ Там мюриды пробыли около двух или трех дней, а затем возвратились назад в Гимры. Хвала—Аллаху, Господу миров!

Затем дело гимринцев приняло такой оборот: заключается перемирие [с русскими] и одновременно они устанавливают шарнат в своем селении. Перед этим, однако, большую часть своего имущества—продукты питания и прочее гимринцы переправили к унцукульцам, а те захватили его и заявили: «Заклады, которые взял

а) А—приписка: «то есть против Шамиля и его последователей (от его сына)».

б) А—приписка: «и затем ушли вдвоем от Шамиля».

с нас Хамзат, мы дали тогда только из-за ослабления нас Шамилем. Поэтому заставьте его уплатить штраф за них».

Из-за этого акта гимринцев поразила нужда, и тогда Клюки фон Клюгенау (Кулука)¹⁵²—начальник русских, находившихся в Шуре,^{а)} отправил им три раза по шестьдесят ослов, нагруженных мукой. Слава Аллаху—вращателю сердце и устройтелу дел!

Затем гимринцы—и хорошие из числа их и плохие вознамерились было уплатить унцукульцам штраф за те заклады, заявляя: «То, что они захватили намного больше того, что они требуют». На пятничном намазе, однако, Шамиль прочел гимринцам проповедь, дал наставления и сказал: «Уплата штрафа—это унижение и с точки зрения религии и с точки зрения мирской жизни, позор за которое никогда не сойдет с вас». Он поклялся, что не даст для этого дела абсолютно ничего. Тогда и другие гимринцы—один за одним дали клятву об этом. Поклялись в конце концов все. Унцукульцы же, когда узнали о твердом намерении гимринцев относительно того дела, возвратили им имущество без ничего.

Затем Клюки фон Клюгенау пригласил к себе гимринского кадия Хасаниль Мухаммада Хариколинского вместе с некими мужами. Отправились: сам кадий, а также бунтовщики, мюриды и Бартихан^{б)}—дядя Шамиля по линии отца. Назад они пришли послушными, одобряя приказы Клюки фон Клюгенау и получив от него подарки. Ходившие сказали: «Единственный недостаток у него—непризнание единства Аллаха и пророческой миссии Мухаммеда». Они даже заявили, что в доме Клюки фон Клюгенау благоухает аромат, а Бартихан сказал: «Позади наших кладбищ нам попались кизлярцы, которые совершили туда^{в)} поездку для продажи винограда» и сказал он это с ликованием.

Затем Шамилю сообщили, что те мунапики, которые * побывали в Шуре вместе с Бартиханом^{г)}, выпили вина и были пьяны, и что кадий сказал: «Я вам ничего не приказываю и не запрещаю». Шамиль встал тогда и пошел к этому кадию. Он вошел к кадию в комнатушку и заговорил с ним, порицая их пьянку. Тот ничего не ответил, а подал Шамилю книгу и сказал: «Посмотри-ка сюда», и ткнул в то место, где говорилось, что имам Шафи¹⁵³ не порицает ханифита,¹⁵⁴ который выпил вина^{д)}. Шамиль взял тогда ту же книгу и сказал: «Посмотри-ка вот сюда» и показал Хасаниль Мухаммаду место, находящееся немного дальше того места, к которо-

а) В, К—«Кулука—енарал, пребывающий в крепости Темир-Хан-Шура».

б) Б, В—«Баратхан».

в) А—пояснение: «то есть в Шуру».

г) В, Б—«... побывали вместе с ними».

д) А—приписка: «Это произошло во время толкования тридцать четвертого хадиса из книги ал-Фатх ал-мубин. (от него)».

му апеллировал последний. В нем говорилось, что имам Шафи наказывает пьющего вино ханифита. Шамиль сказал: «Завтра же призови тех, которые выпивали и накажи их». Тогда кадий был вынужден замолчать, а к следующему утру он уже удрал к себе домой.

[не позднее 1830 г.]

Рассказ. Махди-шамхал пригласил однажды Шамиля встретиться. Шамиль отказался от этого. Гимринцы, однако, попросили его согласиться и проявили при этом в отношении него большую настойчивость. Шамиль опять не согласился и тут пришел один мюрид, который сказал: «За отказ от встречи гимринцы относят тебя к числу трусов». Тогда Шамиль встал, взял кумган—он был в шубе, с ночной шапочкой на голове, без какого-либо оружия, даже без кинжала—и вышел из дома, как будто сходить по нужде и подмыться. Он дошел до кладбища, положил свою шубу на его стену и побежал к месту встречи. Гимринцы вышли вслед за Шамилем и закричали ему, чтобы он остановился, пока они не догонят его. Шамиль, однако, не остановился и закричал им: «Если вы подойдете, я вместе с вами не пойду».

Шамиль появился перед теми, кто находился на месте встречи, а оказалось, что это сын шамхала со старшинами и слугами, около ста человек. Они подошли к Шамилю и стали как будто изумленные. Шамиль же усадил их, сам сел рядом с сыном шамхала и сказал: «Говорите мне теперь то, что вы хотите сказать». Они тогда потребовали, чтобы Шамиль пришел к шамхалу для того, чтобы тот превознес его и почтил, и чтобы, сказали они: «люди на равнине и в горах ходили с пропусками, заверенными твоей, Шамиль, и его печатями».

У шамхала была в то время молодая жена, которая забеременела и его подвластные продемонстрировали уже по этому случаю радость и веселье. Шамиль сказал: «Я приду, если вы отдадите ту его жену в залог Кебедмухаммаду Телетлинскому. Если вы затем проявите вероломство по отношению ко мне, Кебедмухаммад убьет ее, как суку, которая на сносях»; а встреча эта имела место после убийства Кебедмухаммадом преступных вельмож своего селения. Шамхальцы сказали: «Такой залог невозможен». Тогда и Шамиль сказал: «Если это является невозможным, то невозможен и мой приезд». После этого он вышел из круга шамхальцев и возвратился назад, а они остались смотреть ему вслед.

По дороге Шамиль встретил гимринцев и сказал им: «Теперь идите к ним. Я дал им ответ достаточный для них». После того у Шамиля спросили однажды: «С какой целью ты пошел на явную

гибель, не имея в руках ничего острого?». Шамиль ответил: «На это меня понес приступ гнева. Если бы, впрочем, шамхальцы только склонились в мою сторону, я выхватил бы холодное оружие у кого-либо из них и затем напал бы на них». Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ШАМИЛЯ В АШИЛЬТА И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ДО И ПОСЛЕ ЭТОГО

[1886 г.]

Клюки фон Ключенау потребовал у гимринцев, чтобы они прислали примерно на пяти ослах виноградные лозы и саженцы деревьев, дающих вкусные плоды. Те из гимринцев, которые имели право разрешать и запрещать, собрались тогда в доме Бартихана — дяди Шамиля по линии отца, посоветоваться по этому вопросу. Пригласили они и Шамиля.

Шамиль спросил их о причине собрания, и те поведали ему полученную весть. Шамиль заметил при этом, что они как будто вознамерились отправить требуемое и тогда сказал им: «Если требуемое отправим мы—те, кто здесь, найдется ли в нашем селении тот, кто не пошлет?» Собравшиеся сказали: «Нет», тогда Шамиль продолжил: «А если мы не пошлем, то пошлет ли это кто-нибудь из гимринцев?»—и они ответили: «Нет». Тогда Шамиль сказал: «Нам нельзя делать этого. Плохие привычки, появившись, сохраняются ведь навсегда». Он прочел им затем проповедь типа того, что: «Блажен тот, кто умер и с ним умерли его грехи и горе тому, кто умер, а грехи его остались». Шамиль сказал собравшимся: «Я так думаю—вы должны отговариваться перед Ключи фон Ключенау тем, что ты, мол, порубил наши виноградные лозы и наши деревья, а унцукульцы, мол, порубили то, что ты оставил; в этом году, мол, нам нечего послать тебе и поэтому в этом году ты требуй виноградные лозы и деревья от других горцев, а мы, мол, пришлем их тебе в следующем году после того, как они вырастут. Аллах же, — добавил Шамиль,— по всей вероятности, создаст затем другие дела». Собравшиеся гимринцы замолчали, но с этим не согласились, и тогда Шамиль ушел от них, а они остались там сами по себе.

Шамиля догнал Ибрахим—сын его дяди по линии отца и сказал: «Они обсуждают тебя и говорят: «Вы посмотрите на него и на его речи, произносимые в то время, когда остальной^{а)} народ не

а) А—приписка: «то есть все».

может защитить от русских даже своих женщин». Эти люди, одним словом, решили послать лозы и фруктовые деревья». Шамиль ответил: «Пускай делают, что хотят». Душа его, однако, испытала отвращение. Симпатия к собравшимся у него пропала по причине этого, а также из-за одобрения ими дел Клюки фон Клюгенау, которые имели место раньше.

Указание на нечто чрезвычайно удивительное. Хвала великому Аллаху! Те собравшиеся люди, которые взялись улучшить свою мирскую жизнь, нанося вред делу религии, исчезли менее чем за два года. Родни у них осталось очень мало, дома их были сожжены, а обитатели исчезли. Что же касается Шамиля, то, как только он уцепился за религию, так и мирская жизнь стала у него идти соответственно его желаниям, а также—ему было даровано долголетие, ведь «то, что приносит пользу людям остается [надолго] на земле». ^{a)} Таково открытие, сделанное некоторыми из наставников!

Удивительно то, что селение Гимры было сожжено три раза, но находящийся в нем дом Шамиля так ни разу и не сгорел. Русские при этом приложили огромные усилия для сожжения этого дома или хотя бы для его поджога. Не сгорели также: ни дом Шамиля в Ашильта, когда само село было сожжено, ни его обитель, находившаяся на Ахульго, когда русские поднялись туда первый раз, еще до великого сражения. Да окажет всевышний Аллах содействие Шамилю в делах религии!

В тот день Шамиль отправил посланца в Ашильта просить, чтобы оттуда явились юноши. От ашильтинцев пришли к нему около шестнадцати человек. О своем намерении переселиться Шамиль известил тогда лишь жену Патимат, да и то после последней вечерней молитвы. Патимат покорно согласилась с ним в этом вопросе, и тогда они подготовили свое домашнее имущество и мебель, связали все это и после утренней молитвы передали юношам. Мальчики же—Джамалуддин и Газимухаммад были посажены на плечи других ашильтинских юношей. Выходя, Шамиль обратился к своему дому с речью, говоря: «Я покидаю тебя, так как для меня оказалось невозможным, проживая внутри тебя, установить законы религии. Ну ничего, лучшее творение Аллаха, пророк Мухаммед—да благословит Он его и приветствует!—тоже покидал лучшую из земель Всевышнего—Мекку, когда ему не удалось утвердить там свою религию. Если всевышний Аллах предопределит установление тут законов религии, то я вернусь в твою

^{a)} Коран.

стены, а если нет, то что мне от тебя? Ты ведь изгажен солдатским калом»; они в прошлом испражнялись на его плоской крыше. Шамиль вышел наружу и тут его встретила мать, которая плакала и говорила: «Куда же ты идешь? Как же ты меня оставляешь?» Шамиль ответил: «Я далеко не уйду. Я перебираюсь в твоё селение, в Ашильта»¹⁵⁵—его мать была оттуда.—«Если ты желаешь, то я отвезу туда и тебя, после того, как будут переправлены женщины и дети». Мать перебралась тогда в Ашильта, но затем возвратилась назад в Гимры и там умерла,—да простит её всевышний Аллах!

Шамиль прожил в Ашильта около двух лет. Ашильтинцев он нашел буйными, подобными стаду ослов, выпущенных на пустошь. Он прочел им проповеди, дал приказы и установил запреты, после чего они стали как будто бы послушными и покорными.

Однажды ночью, однако, пришел знакомый мальчик и говорит: «В доме одной женщины сидят мужчины и женщины вперемежку и занимаются лущением кукурузы и сортировкой её зерен. А ты же ведь запретил такое смешение». Шамиль спросил мальчика: «Ты пойдешь со мной показать тот дом?». Он ответил: «Да». Шамиль тогда встал, вооружился, взял толстую трость и пошел. Остановился он только перед дверьми. Найдя их запертыми, Шамиль прислушался к находящимся внутри. По голосу он узнал среди собравшихся своего родственника по имени Инус. Строгим голосом Шамиль подозвал его и сказал: «Открой дверь». Тот боязливо встал и открыл дверь. Шамиль зашел к занимавшимся лущением, ударил мужчин тростью и выбранил за мерзостное смешение. Он отчитал их, и они убежали. Осталось лишь несколько женщин по углам дома. Тут Шамиль спросил: «Где хозяйка этого дома?» Та поднялась и сказала: «Это я—готовая пожертвовать жизнью за тебя». Шамиль хорошенько поругал её и затем возвратился назад.

На другой день из-за того происшествия двое мужчин подрались, и при этом оба отказались принять наказание (тазир). Народ же в Ашильта проявил снисходительность в вопросе их принуждения к этому. Тогда Шамиль встал, вооружился, взял книгу, уселся на ашильтинском годекане, положил книгу перед собой и сказал: «Сегодня день размежевания между выполняющими шариат и отвергающими его. Поэтому, если вы пойдете, приведете ту парочку и принудите её к принятию наказания, то и делу конец. В противном же случае я пойду в одиночку и сражусь с ними обоими из-за этого. Я затем попрошу помощи в окрестных местах, и тогда придут те, которые будут сражаться с вами и искоренят вас. Вы что же, считаете, что тех, кто помогает шариату и устанавливает его уже не осталось? Всевышний Аллах не оставит мусульманскую религию и её адептов на произвол судьбы. На-

против, он поможет последним возвеличить ее.» Тут ашильтинцы набросились на тех двух мужчин, как львы, и притащили их для совершения наказания. С того дня под влиянием шариата ашильтинцы стали мягкими. А ведь то время было временем сильного возбуждения взаимной ненависти и вражды между людьми, проживающими в Дагестане, в связи с чем ослабла мощь шариата и усилилось высокомерие мунапиков, чьи голоса возвысились, а голы поднялись.

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА УНЦУКУЛЬЦАМИ ПРОТИВ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

За то время унцукульцы три раза собирали войско против Шамиля, но всевышний Аллах через это лишь сильно принизил их и обесчестил.

«Во время одного собрания унцукульцев против Шамиля он написал им письмо следующего содержания: «Эй, унцукульцы! Не касайтесь пальцами ваших рук задницы медведя. Он вас уничтожит». После уже подчинения унцукульцев и укрощения их могуществом Шамиля один из равнинных мунапиков познакомился с этим посланием и сказал примерно следующее: «Вы только посмотрите, сколь истинными были слова этого человека, и сколь безобразной, сколь массовой была гибель людей среди унцукульцев»^{а)}.

Один раз, к примеру, унцукульцы вывели против ашильтинцев (иш) рассыльных из [всех] областей хиндалальцев, которые потребовали, чтобы те удалили Шамиля из своего селения. Ашильтинцы испугались рассыльных: что они попортят их пашни и фрукты. Поэтому они попросили Шамиля, чтобы он вышел из Ашильта в какую-либо сторону, а затем, после возвращения рассыльных назад, вернулся бы к ним. Ашильтинцы настойчиво просили его об этом. Шамиль же указал на большой палец своей ноги и поклялся: «Если они потребуют от меня пошевелить ради них вот этим пальцем, то я и этого не сделаю». Затем он, со своими товарищами числом менее десяти, вооруженный, в кольчуге, в шлеме — как будто закованный в железо — вышел и остановился на холме, находящемся вдали от селения ашильтинцев, на виду у тех рассыльных. Со стороны последних к Шамилю подошел в качестве их посланника один мужчина, знакомый ему со времени учебы, и ска-

а) А, К—отмеченный абзац отсутствует.

зал: «Они просят тебя выйти из этого селения куда-нибудь в сторону и оставаться там, пока они не возвратятся назад, исполнив то, к чему их обязали вышестоящие, вплоть до Ахматхана^{а)},¹⁵⁶ а затем ты возвратишься сюда же». Шамиль, однако, обругал рассыльных, пригрозил им, произнес несколько грубых слов—как будто он командующий^{б)} огромного войска—и поклялся, что ради них он не пошевелит и пальцем. Он сказал: «А ну-ка, пусть подойдет ко мне тот, кто собирается выгнать меня. Если ты посмеешь еще раз вернуться ко мне с такими словами, я непременно влеплю тебе пулю в лоб».

Когда этот посланец вернулся к рассыльным и передал им слова [имама] они в ужасе удрали оттуда, а Шамиль вместе с бойцами, которые были с ним на холме, помчался вслед за ними. Тут с другой стороны подоспели ашильтинские юноши, вследствие чего они захватили многих рассыльных и раздели их.

Другой раз унцукульцы, выступив против ашильтинцев, остановились на их пашнях и в их садах. Унцукульцы потребовали удалить Шамиля, то есть, чтобы ашильтинцы изгнали его из своего селения. Унцукульцы порубили и пожгли то, что находилось там и принадлежало ашильтинцам, а также повредили усадьбы, стоявшие на ашильтинских хуторах (риф). Ашильтинцы же не хотели изгонять Шамиля, но при этом они мучались от того, что унцукульцы сделали им из-за него. И тут случилось так, что к Шамилю пришел один из ашильтинцев и говорит: «Наш мулла — ученый Али Кульзебский^{в)}¹⁵⁷ ведет между нами на годекане разговор, что Шамиль, мол, должен уйти из этого селения ради пресечения этой великой смуты, чтобы потушить ее». Шамиль пригласил тогда муллу к себе. Они оба уселись на скамью и немного побеседовали. Затем Шамиль спросил муллу: «Это что за разговор, который передают с твоих слов?» Тот ответил: «Я сказал это потому, что отсюда на Ашильта лезут хунзахцы»—и он показал на одну сторону, «отсюда—гумбетовцы. Лезут и отсюда и отсюда. Враги вызывают смуты, делают серьезным положение дел и в результате оно становится тяжким». Шамиль сказал тогда: «Эй, мулла! Потише! А если, к примеру, неверные повернут на стамбульцев, осадят их в городе и потребуют изгнать из их среды султана (гункар)^{г)}¹⁵⁸. Ты что же, дашь фетву¹⁵⁹ на изгнание его оттуда, чтобы успокоить смуту и ради устранения вреда от противостоя-

а) А—«обязали со стороны Ахматхана».

б) А—«старший».

в) А—приписка: «[Кульзеб]—одно из селений Мукратля (Мукрат), расположенное в Казикумухской стороне».

г) Б, В—«(хунгар)»; А—приписка: «Наименование великого имама на аварском языке».

ния?» Мулла ответил: «Я не дал бы фетвы на это». И тогда Шамиль сказал: «А если так, то знай, что я—имам, подобный турецкому султану, а это селение для нас—подобно Стамбулу». Мулла спросил: «Ты что же, хочешь сказать, что я распространитель ложных слухов, ведущих к смутам?» Шамиль сказал: «Скорее я говорю, что ты самый злостный распространитель ложных слухов, ведущих к смутам, и за подобное распространение слухов тебе следует отрубить голову». Мулла после этого сразу вышел наружу, пожелтев от испуга.

Унцукульцы повернули затем из Ашильта на землю гимринцев, задумав: одних мужей из числа гимринцев перебить, а других мужей взять в плен. Они вначале пригласили гимринцев к себе [в лагерь]. Часть унцукульцев совершала в то время вечерний намаз под руководством некоего Мутаалима^{а)}, другая часть, находившаяся позади молящихся, беседовала с гимринцами. Вдруг между ними возникло волнение и раздался крик. Мутаалим, прервав молитву, сразу спрыгнул с земляного возвышения и убежал.

Унцукульцы убили тогда одного праведного мюрида и еще одного мужчину из Гимр, остальные гимринцы^{б)} убежали. Унцукульцы также взяли в плен убежавшего Бартихана. А некоторые из гимринцев тем временем прокричали своим родственникам, находившимся в Гимрах: «Они убили того-то и того-то и взяли в плен того-то. Будьте осторожны». Те начали разбегаться и укрепляться против унцукульцев. Тут кто-то закричал на языке унцукульцев: ¹⁶⁰ «Кто будет тихо сидеть в селении, тот—в безопасности».

Гимринцы находились в таком вот взволнованном состоянии и вдруг после наступления темноты унцукульцы устремились на них—внутрь селения. Когда, однако, первые из унцукульцев вступили туда, гимринские юноши атаковали их с криком: «Подошли первые из товарищей Шамиля. Он уже перешел через мост и приблизился к нам. Ля хавля ва ля куввата илля биллахи ал-алий ал-азим. Мунапики обратились оттуда в бегство, побросав на улицах Гимр сумки со своей едой. Одни из них были тогда взяты в плен, другие — убиты, третьи—раздеты. Унцукульцы рассеялись по разным местам, так что в тот день больше собраться не смогли. К себе в родные места они возвратились небольшими группами—униженные, несчастные до такой степени, что когда какая-то женщина встретила одну такую группу на краю селения Унцукуль и сказала: «С прибытием!»—ей не ответили. Затем она встретила другую группу. Женщина сказала то же самое и ей опять не отве-

^{а)} Можно иначе: «одного ученика», но в списке В дается пояснение: «Это имя мужчины».

^{б)} Б, В—пропуск.

гили. Таким же образом, когда она встретила третью группу, ей опять не ответили на приветствие. Тогда женщина сказала: «Бедняги! Вы же не виноваты, если оказалось, что вы боязливые».

Шамиль пошел затем в Гимры и просидел там около недели. Что же касается того ученого Али Кульзебского, ашильтинского муллы, то—когда ему стало ясно, что лежит на сердце у мунапиков, когда он познал результаты их речей и деяний—он сказал ашильтинцам: «Я раньше говорил вам речи, но вы не приводите их теперь в качестве довода. Я раскаялся в этом, я отказываюсь от них. Шамиль создан именно для того дела, которое он творит. В этом деле он пользуется божественной поддержкой». После этого Али Кульзебский пошел к себе домой и сложил с себя обязанности муллы вплоть до возвращения Шамиля^{а)}; он как будто почувствовал тогда стыд перед ним.¹⁶¹

ГЛАВА О ПЕРВОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ШАМИЛЯ

[1836 г.]

Унцукуль был, кстати, захвачен еще и во второй и в третий раз в наказание за то, что унцукульцы собрали войско против Шамиля, о чем будет рассказано ниже.

Саид Игалинский—да помилует его всевышний Аллах!—с товарищами ушел к тому времени в Чечню для сбора войска оттуда. Там он, однако, и умер, как говорят, от яда.

Затем от чеченцев к Шамилю прибыл хаджи Ташав^{б)}¹⁶² с примерно сорока товарищами. С ними и со своими собственными товарищами Шамиль выступил в сторону селения Чирката. Чиркатинцы выказали Шамилю повиновение, правда, после намерения сразиться с мюридами и таким образом оказать им сопротивление, проявленного было Бисалилавом¹⁶³ и теми, кто следует за ним: как его сельчанам, так и жителями других мест. Затем мюриды пошли к селению инховцев (инхал), которых Шамиль подверг дрессировке, а затем—к селению Орота.¹⁶⁴

В Орота произошла перед этим сильная смута. Главой оротинских мюридов являлся тогда Аликул Хусайн,¹⁶⁵ а главой мунапиков—Дибирхаджияв. Там было убито тогда около двенадцати мунапиков и около восьми мюридов. Поэтому Шамиль примерно с сотней

а) А—«до возвращения Шамиля в Ашильта».

б) А—приписка: «В главе о начале сбора войска Шамилем будет сказано, что хаджи Ташав [родом] из Эндирея. Вдумайся (от его сына)»

товарищей направился к оротинцам. Навстречу Шамилю вышли, чтобы пригласить его в Орота, хаджи Нурмухаммад Оротинский и еще один мужчина. Шамиль спросил их: «Сможете ли вы вдвоем провести нас в селение?» Они ответили: «Да»—и тогда мюриды пошли. Оротинцы сразу подчинились Шамилю, кроме засевших в замке—Дибирхаджиява и его последователей. Мюриды поэтому сразились перед замком с ними, а также—с теми хунзахскими мунапиками, которые выступили для оказания помощи своим оротинским друзьям и стояли за пределами селения. Затем в темноте проклятый Дибирхаджияв и те, кто был вместе с ним, убежали в Хунзах (Авар). Спасся он при этом переодевшись в женскую одежду.¹⁶⁶

Затем мюриды остановились в селении Харахи (хирик)¹⁶⁷ и тут на них напали: полки хунзахцев с одной стороны, андийцев— с другой, а также технуцальцы (тихнусалал)¹⁶⁸ и чеберлойцы (джарбилал)¹⁶⁹. Шамиль со своей группой атаковал тогда хунзахцев, а чеченцы¹⁷⁰ и их предводитель Газияв Андийский напали на андийцев. Все они были обращены в бегство под ударами мюридов и рассеялись. Из числа их удалось *после того^{а)} проявить враждебность по отношению к Шамилю только хунзахцам.

Затем они, то есть воины Шамиля и он сам, подойдя со стороны харахинцев, остановились в садах унцукульцев с топорами в руках. Шамиль пригрозил унцукульцам порубить их деревья, и тогда они сдались ему.¹⁷¹ Шамиль назначил над ними набом и одновременно кадием ученого Сурхая из Коло (Кулуви).¹⁷²

ГЛАВА О БИТВЕ С АНДАЛАЛЬЦАМИ И ХУНЗАХЦАМИ В ГОЦАТЛЕ

[1836 г.]

Шамиль со своими муртазиками выступил против буцринцев (буцун).¹⁷³ Те сразились с Шамилем и не позволили ему войти в Буцра. Шамиль остановился тогда в Оркачи (уркач)¹⁷⁴ у Муртазаласул Мухаммада.¹⁷⁵

Они посовещались между собой. Те, кто прибыл вместе с Шамилем, захотели было вернуться в родные места, но он отказался, сказав: «Мы не имеем права вернуться назад, подобно собаке, которую мельник отогнал от мельницы». После этого Шамиль повел своих товарищей через Гоцатль к мосту кородинцев (карал). Оттуда мюриды увели стадо коров, принадлежавших кородинцам и

а) Отмеченная фраза имеется только в списках Б, В.

затем призвали их к повинности и покорности, за что, как они объявили: «их коровы будут им возвращены». Кородинцы, однако, отказались и обратились за помощью к своим друзьям.

Шамиль объявил тогда кородинцам, что он возвратит коров, принадлежащих сиротам, если придет человек, который отделит их. Никто, однако, не пришел и тогда мюриды в гневе зарезали всех коров на виду у кородинцев.

Тут подошли андалальцы, во главе которых шел, подстрекая их, ученый—сын согратлинского кадия. Остановились они напротив селения Гоцатль. Пришли и хунзахцы^{а)}. Они остановились в стороне, а русские с Клюки фон Ключенау и Ахматханом^{б)} остановились на площадке Бири. Войско Шамиля напало на андалальцев, и те были принуждены бежать оттуда, но при этом пали мучениками и превосходные мюриды.

К Шамилю пришло тут послание от Клюки фон Ключенау, в котором говорилось: «Что это ты творишь?» Шамиль написал ему в ответ: «Перемирие было заключено у нас на условии введения между нами—мусульманами шариата волей или неволей: если кто примет шариат добровольно, то это будет благом для них же, а если кто откажется от шариата, то их мы принудим к принятию его. Мы будем сражаться за шариат с отказывающимися, подобно тому, как сразились против андалальцев. Если ты, то есть Клюки фон Ключенау, будешь придерживаться условий нашего мирного договора и обещанного, то и делу конец, а если нет, то на все божья воля». Клюки фон Ключенау рассердился, затем пришел в ярость, швырнул письмо на землю и ударил по нему ногой.

Товарищи Шамиля напали затем на* лагерь хунзахцев^{в)}, обратили их в бегство и очень многих из них убили. Газияв Андийский и другой мужчина убили тогда по пятнадцать человек; говорят, что Газияв Андийский дал ранее обет убить пятнадцать хунзахцев за убийство ими имама Хамзата, что он «там и выполнил».

Говорят, что из селения Хунзах (Авар) было убито тогда около ста человек, а из числа ахалчинских (Акалчи) главарей—сторонников обычного права (русам) — около восьми. Из них были, кроме того, взяты в плен: ученый Мухамад—сын Хунзахского (Авар) кадия и мулла Омар Ахальчинский.¹⁷⁶ Шамиль ударил последнего по рту, говоря: «Ты что же, не понял смысла сказанного в Ко-

а) В—«Авар».

б) Б, В—«Ахмад»; К—«енарал Гулюка и Ахмадхан».

в) В, К—«лагерь Авара».

ране: «Мы заставим их вкусить мучения еще на этом свете, прежде чем вкушать величайшее мучение»^{а)}.

Андалальцы, Клюки фон Ключенау и те, кто был вместе с ним, возвратились таким образом назад, не получив [божьей—?] помощи, разочарованные. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О СБОРЕ ВОЙСКА ШАМИЛЕМ ДЛЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РУССКИМ, КОГДА ОНИ УСТРЕМИЛИСЬ НА ХУНЗАХ И О СРАЖЕНИИ АССАБЦЕВ ПРОТИВ НЕГО

[1837 г.]

Хунзахцы^{б)} испугались затем, что возвышение религии и ее приверженцев лишит их господства^{в)}, ибо они много чего натворили¹⁾. Поэтому хунзахцы пошли к русским и пригласили их построить у себя крепость. Те вместе со своими подчиненными двинулись тогда в путь.¹⁷⁷

Когда Шамиль узнал об этом, он со своими товарищами поднялся и, оставив свое семейство в Ашильта, собрал—и волей и неволей—войско из багвалальцев, ахвахцев (акхал)¹⁷⁸ и других с намерением встретить русских на дорогах, в узких местах. Шамиль имел намерение закрыть эти проходы, прежде чем русские успеют взойти на Хунзахское плато. Когда, однако, он прибыл с воинами к хуторам ассабцев (ис),¹⁷⁹ те дали мюридам сильнейшее сражение. Войско Шамиля бежало. Ассабцы убили, захватили и раздели [многих] мюридов.

Всевышний Аллах спас, однако, Шамиля, которого чуть было не убили. Сделал Он это рукой одного из его товарищей, который убил того ассабца, — который устремился на Шамиля. Затем Шамиль остановился в местности Зоно¹⁸⁰ и просидел там со своими товарищами, сильно голодая, около двадцати дней и ночей, поднимая людей, набирая их в войско. Русские, однако, к тому времени уже поднялись в Хунзах^{д)}—и тогда Шамиль вернулся назад со своими товарищами числом менее сотни, среди которых находились хаджи Ташав и его товарищи-чеченцы.

Шамиль подошел к селению Цекоб (цикал), но там с ним сражались гидатлинцы (хид). Они не позволили ему переправиться

а) Коран.

б) В—«жители Авара».

в) А—приписка: «то есть успехов».

г) А—приписка: «...натворили — убили имама Хамзата, сражались с Шамилем».

д) В—«они, то есть русские, уже поднялись в Авар».

через свой мост. Тогда Шамиль перешел в ущелье ратлубцев (рихик).¹⁸² Большинство ратлубцев сразились с Шамилем, но некоторая часть их выразила тогда свое согласие с ним. Тут подошли карахцы и настелили там мост, после чего Шамиль вышел к ним из того ущелья. Карахцев и их вассалов он повел с собой и затем остановился напротив селения Телетль (тикал).

Мухаммадмирза-хан Казикумухский (Гумуки)¹⁸³ со своим полком и мунапиками той стороны находились тогда в селении Чарах (Шарах).¹⁸⁴ Он отправил нескольких мужей к Шамилю поговорить о перемирии и примирении, пока не пришли русские. Те же окружили мюридов.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В ТЕЛЕТЛЕ И ВСТУПЛЕНИИ РУССКИХ В АШИЛЬТА

[1837 г.]

Шамиль и те, кто добровольно повиновались ему, вступили тогда в селение Телетль. Остальные же воины убежали той дождливой ночью в свои обители, претерпев большие мучения.

Произошло сражение. Русские полностью блокировали мюридов. Вместе с русскими были тогда андалальские и куядинские мунапики и их вассалы, причем куядинцы оказались одними из наиболее зловредных по отношению к мюридам. Были с ними также Мухаммадмирза-хан Казикумухский и Ахматхан Равнинный^{а)} со своими полками. Ночью был отправлен против мюридов отряд русских, чтобы атаковать их со стороны Голотля. В ночной темноте, однако, мюриды сами атаковали их. Они перебили этот отряд и раздели его. Из этих русских назад вернулись лишь немногие. Той же ночью мучеником за веру пал храбрец, ученый мухаджир Малларамазан Джарский—да будет благословенной его тайная мысль!

Русские опять напали на мюридов. Пушками они разрушили в Телетле все замки и высокие здания. Головы мюридов опустились, сердца—сжались. Если бы не призывы к терпению, исходившие со стороны Шамиля, и его запрет мюридам вступать в контакт с теми, кто находился снаружи,^{б)} и даже беседовать с ними, мюриды не смогли бы там противостоять врагу.

Хаджи Ташав Эндиреевский отправил к Шамилю Газиява Андийского, говоря при этом последнему: «Давай мы выйдем отсюда

а) А—приписка: «У него, правда, имелись земля и посевы в Хунзахе».

б) А—«снаружи от селения».

в окружении а) детей и женщин этого селения б), которых не отпустим, пока мы все не освободимся из вражеской осады и от вреда, наносимого ею. Если же нет, то ты проси разрешения на выход лично для меня. В противном случае я уйду один». Шамиль, услышав это, сказал Газияву: «Клянусь Аллахом! Я не выйду отсюда, если даже останусь один-одинешенек и не разрешу ему выйти. Если же хаджи Ташав попытается выйти без моего разрешения, то я влеплю ему пулю в центр спины» в). Хаджи Ташаву было сказано: «Терпи, уповай на всевышнего Аллаха», — а он ответил: «Я-то буду уповать, но это упование—вынужденное».

Отдельные группы русских вошли все же в один конец селения Телетль. В таком положении они пробыли примерно сорок с небольшим дней и ночей. В конце концов, однако, всевышний Аллах убрал их от мюридов. Было заключено перемирие и для гарантии его Мухаммадмирзе-хану г) были отданы в залог сын сестры Шамиля, сын Мирзы Телетлинского и сын Абдурахмана Каракского-Гочобского д).¹⁸⁵

Шамиль имел затем встречу с названными лицами и приказал им, чтобы они в своих вилаятах вводили шариа́т. А было это перемирие заключено тогда, когда мунапикки и люди слабых убеждений предложили, что из числа тех, кто находился в Телетле, не осталось никого из-за великой мощи неверных и многочисленности их помощников.

Произошло это в конце весны тысяча двести пятьдесят третьего (1837) года.¹⁸⁶

Я благословил их тогда стихом в размере раджаз:

**О, боже! Помоги мюридам, даруй им победу.
О, господи! Посодействуй им и обрадуй их.
Окажи этим рабам божьим
помощь и еще раз помощь.
Ниспошли им спокойствие в бою
и сотрясай их врагов и каждого тирана.
Даруй мюридам победу над теми, кто враждебен тебе.
И сделай последних добычей для тех, кто дружественны
тебе.**

а) Можно иначе: «поместив в центр», «при посредничестве».

б) А—«этого телетлинского селения».

в) А—приписка: «Он (Газияв—Т. А.) возвратился назад и сообщил то, что сказал Шамиль».

г) В—«Мухаммадмирза-хан Казикумухский».

д) Б, В, К—отмеченное слово отсутствует.

**О, боже! На тех, кто покусился на мюридов
ниспосли молнию, которая бы их уничтожила.
Если ты оставишь без поддержки эту группу суннитов,
то не будет искренним величественное богопочитание.
Пророку, который пришел с божьей помощью и победами
я возношу приветствия и благословения
Возношу я их также его семье и сподвижникам
и еще, да будет спасен этот устаз благодаря сподвижникам! ^{а)}**

Что касается сына сестры Шамиля, то его русские «скрыли» ^{б)}
^{*} в то время, и вернулся он лишь через много лет, как то будет рас-
сказано в конце книги ^{в)}. Двух же других заложников Мухаммад-
мирза-хан через некоторое время доставил ночью к куллабцам и
бацадинцам (куласил ва бацадисил) ^{г)}, а слух пустил, что они,
якобы, тайком убежали от него. ^{*} Да воздаст ему всевышний Ал-
лах за это добром! ^{д)}.

Шамиль вернулся затем к своей семье. Нашел он ее, однако,
в Чирката, ибо, когда он находился в осаде в Телетле, русские дви-
нулись на Ашильта. Население его убежало тогда на Ахульго
(Ахул кух), и те сожгли селение; не сгорели только дом Шамиля
и дом его родственницы, который та завещала ему по назру. За-
тем, однако, русские вознамерились подняться на Ахульго и тог-
да женщины и дети убежали в Чирката. Русские же поднялись тогда
на Ахульго и сожгли дома, которые там были, за исключением
дома Шамиля, причем книги Шамиля чуть было не попали в их
руки и спасены были лишь благодаря остроумию познавшего Ал-
лаха богобоязненного аскета Мухаммада Ашильтинского. Да по-
милует его всевышний Аллах!

Затем с русскими сразились: ученый Алибек—сын Хириясулава,
который был тогда муллой в Аргвани ¹⁸⁶, а также бывшие вместе
с ним багвалальцы и другие горцы. Они убили много врагов и
удержали их от того, чего эти враги желали. После этого русские
вернулись ^{е)} назад.

а) А, Б, К—приписка: «то есть моего устаза хаджи Дибера Гунухского (Ху-
нухи)-Карахского и тех борцов за веру, которые были вместе с ним в той
(Телетлинской—Т. А.) битве; в числе их—нетребовательный аскет Герги-
чиль (Киркичил) Мухаммад Глерошский (Куруши)-Карахский». ¹⁸⁷ (Фраза,
следующая после точки с запятой, имеется только в списке А).

б) Б—приписка: «затем, однако, они возвратили его, о чем будет рассказано
в конце (от него)».

в) Отмеченная фраза имеется лишь в списке А.

г) Б, В—(кула-биц).

д) Отмеченная фраза имеется только в списках А, К.

е) К—«вернулись разочарованными».

До Шамиля, находившегося тогда в Телетле, весть об этом сражении дошла, но он не стал даже слушать ее, пока не закончилось дело, которое происходило там. Каким же сильным было пепеложение Шамилем своих дел на волю Аллаха и его Упование на Него! ¹⁸⁹

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО У ШАМИЛЯ С ЖИТЕЛЯМИ ЧИРКАТА, КОГДА ОН НАХОДИЛСЯ ТАМ

[1837 г.]

Шамиль возвратился из Телетля и осел в Чирката. С разных сторон к нему стали приходить группами мюнды. Тут собрались двадцать три чиркатинских мунапика, которые поклялись разрушить мосты и не давать дороги чужакам, приходившим к Шамилю. Мунапики при этом утверждали, что они де сами сделают Шамилю то, в чем он нуждается. Об этом было сообщено Шамилю, чье местопребывание находилось в верхней части селения Чирката. Он обнажил тогда свою саблю, положил ее на плечо и вышел из своего местопребывания, причем вместе с Шамилем был тогда лишь его неотлучный товарищ—Юнс. Шамиль бранил мунапиков и угрожал им самыми, что ни есть грубыми словами. Он подошел к воротам мечети и закричал мулле: «Выходи». Тот пошел, дрожа от страха; рассказывают, что мулла был согласен с мунапиками в этом вопросе. Шамиль сказал мулле: «Я услышал то-то и то-то. Но я знаю смысл заявлений этих мунапиков и выводы, к которым они пришли в этом вопросе. Если ты согласен сейчас же наказать их и арестовать, то делай это. Если же нет, то я убью из них каждого, кого встречу, безразлично—мужчина это или женщина». Мулла попросил, чтобы Шамиль вошел в мечеть, пока он не совершит указанное ему. Шамиль, однако, поклялся, что не войдет до тех пор, пока это дело не завершится. Тогда мулла арестовал их, и только после этого Шамиль вошел в мечеть и произнес проповедь членам чиркатинской общины, после того, как мулла собрал их. Шамиль выбранил чиркатинцев, сказав: «Эта религия не унижает своих приверженцев, а возвышает, вопреки воли скверных людей. Дела никогда не будут такими, как предположили мунапики. Я—клянусь Аллахом! — непременно убью того, кто коснется моста чем-либо иным, кроме внутренней стороны стопы своей ноги». С тех пор характер чиркатинских мунапиков смягчился.

Рассказ. В то время, когда Николай (Микалай) Русский кружил* по горным странам,^{а)} Клюки фон Клюгенау пригласил Шамиля, который находился тогда в Чирката, на съезд. Клюки фон Клюгенау примерно с пятнадцатью товарищами прибыл в Гимринское ущелье. Пошел туда с товарищами и Шамиль. Когда они встретились, Клюки фон Клюгенау предложил свою руку для рукопожатия, но Шамиль отказался от этого, хотя товарищи и настаивали. Затем они сели, и Клюки фон Клюгенау заговорил, прося Шамиля приехать для встречи с русским Николаем. Он утверждал, что император возвельчит его, Шамиля, окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман. От императора, мол, не будет никакой измены. Шамиль, однако, не соглашался на это. Они пребывали в таком вот положении, и вдруг снизу появился Ахбердиль Мухаммад¹⁹⁰ со своими товарищами, которые пели: **Ля иляха илля ллах.** Проклятый Клюки фон Клюгенау испугался, взволновался и спросил Бартихана: «Разве я не нахожусь под вашим покровительством?» Тот ответил: «Да». Затем Клюки фон Клюгенау спросил: «Вы разве допустите вероломство по отношению ко мне?» Бартихан ответил: «Нет». Тогда Клюки фон Клюгенау сказал: «Вот точно так же и наш Николай не допустит вероломства по отношению к Шамилю».

Когда они затем встали, чтобы расстаться, проклятый Клюки фон Клюгенау опять предложил руку, но Шамиль опять отказался. Мало того, между ними обоими встал Ахбердиль Мухаммад Хунзахский, препятствуя возможному рукопожатию. Тут проклятый^{б)} выказал гнев против Ахбердиль Мухаммада, чего, однако, он не выказал по отношению к Шамилю. Шамиль же отчитал Клюки фон Клюгенау и, грубо обратившись к нему из-за этого, сказал затем: «Уведите этого проклятого человека от нас подальше».¹⁹¹

ГЛАВА С РАЗЪЯСНЕНИЕМ ПРИЧИН ПОДГОТОВКИ К БОЯМ АХУЛЬГО

[1838 г.]

После того как русские поднялись на Хунзахского плато и овладели им, они заложили: огромную крепость в Хунзахе, крепость в Ахальчи, крепость в Моксохе,¹⁹² крепость в Цатанихе,¹⁹³ крепость в Гочатле, крепость в Зирани,¹⁹⁴ крепость в Гергебиле (Караб), крепость в Балаханах и крепость в Гимрах.¹⁹⁵ Когда неверные обосновались в этих местах, мунапики подняли головы, шею

а) В—«по России».

б) А—«этот человек».

их вытянулись. Большинство людей волей-неволей склонилось к ним. В результате этого умножились беды правоверных. Тяжким стало положение дел у Шамиля и у тех ученых и мюридов, которые следовали по его стопам.

Они тогда по своему вопросу стали совещаться. Большинство предложило эмигрировать в Чечню.¹⁹⁶ Шамиль, однако, не согласился на это и сказал: «Мы будем сражаться, имея постоянное пребывание в какой-либо труднодоступной местности, имеющейся в нашей стране, *до тех пор, пока не насытимся^{а)} войной и не станем мучениками за веру». Ученый Сурхай Колобский согласился с тем, что сказал Шамиль. Тогда-то мюриды и начали искать местность, подходящую для этого.¹⁹⁷ В конце концов они склонились к тому, что будут подготавливать к боям Ахульго. Мюриды начали строить на нем завалы и укреплять его—пробивать отверстия в скалах, рассекать твердые холмики, а также возводить дома и мечеть в одном углубленном месте. Там они и обосновались со своими женщинами и детьми.¹⁹⁸

Пока мюриды занимались этим делом, русские вдруг двинулись против них. Когда, однако, они дошли до горы Хихи, преждевременно выпал большой снег. Начались сильные холода и русские ушли назад с огорчением, разочарованные^{б)} тем, что приходили.

Шамиль услышал затем, что мулла игалинцев (ихил) и их преступные вельможи стремятся к разложению шариата. Хотя у Шамиля и болели тогда глаза, он выступил ночью на Игали вместе с учеными Алибеком Хунзахским и Амирхамзой Гацалухским¹⁹⁹ и примерно с сорока товарищами. Один из этих двух ученых примерно с пятнадцатью товарищами вступил в Игали через верхнюю часть этого селения, другой ученый таким же образом вступил через нижнюю часть его. Сам Шамиль таким же образом, но через середину этого селения подошел к мечети. Тот мулла и его сторонники попытались было из домов сражаться с мюридами, но не долго. Его взяли в плен вместе с прочими мунапиками, и все они были затем убиты.

ГЛАВА О БОЕ В ТАРАДА ИНХЕЛО

В то время пришел однажды к Шамилю человек с просьбой о помощи, говоря: «Русские встали лагерем на краю земель Хунзаха, расположенных со стороны Карата».²⁰⁰ Шамиль с товарищами

а) В—«чтобы мы могли насытиться».

б) Б—«оставленные без помощи»; В, К—«разочарованные, оставленные без помощи».

выступил против них. Когда, однако, он подошел к ущелью Зоно то обнаружил там еще и войска багвалальцев вместе с их предводителями — Бахназил Мухаммадом²⁰¹ и другими. Тут багвалальцы неожиданно устремились на русский лагерь. Шамиль попытался было запретить им это, но багвалальцы не обратили внимания. Они говорили лишь о страстном желании священной войны, ибо в то время прослушали коранические аяты²⁰² о войне, прочитанные одним из багвалальских ученых,* который, кстати, находился тогда вместе с ними. Когда же багвалальцы были затем вынуждены быстро отойти назад, то у ученого спросили: «Где же то, что ты нам читал?», а он ответил: «Клянусь Аллахом! Я тогда не вспомнил прочитанного, даже слов кул хува длаху ахад».²⁰⁸

Багвалальцы пошли в наступление вместе с небольшой группой товарищей Шамиля, но очень скоро бегом возвратились назад со склона горы. Они—кроме членов той небольшой группы—отходили быстро, подобно стаду овец, не разбирая дороги. Никто из багвалальцев не оглядывался при этом на идущего сзади. Говорят, что один из багвалальцев прибыл тогда [к Шамилю] с неподвижным взором, вздыхая и рыдая. Он вскоре умер, не имея при этом на своем теле абсолютно ничего.

В тот же день неожиданно пришел другой человек опять с просьбой о помощи, говоря: «Русские вступают в селение Тарада Инхело».²⁰⁴ Шамиль выступил туда со своими товарищами. Он попытался при этом побудить к бою в Инхело и тех [багвалальских воинов, но они не согласились. Тогда Шамиль пошел без них. Он совершил полуденный намаз в Карата, а затем вместе с теми, кто находился при нем, двинулся к Тарада Инхело. Русские к тому времени частью уже засели внутри этого селения, а частью продолжали спускаться.

Когда Шамиль оказался напротив селения, русские узнали его потому, что сабля у него была подвешена с правого бока^{а)}. Стоял он отдельно от товарищей, и тогда русские выстрелили по нему всеми пулями и ядрами, которые были в их ружьях и пушках. Шамиль, однако, успел встать за дерево и всевышний Аллах таким образом сохранил его от этого зла. Сразу же после этого залпа, прежде чем русские подготовили оружие ко второму залпу, Шамиль то пробежками, то быстрым шагом скрылся из их поля зрения в нижней части селения. Тут начальник тех русских, которые засели в селении, дал приказ подвести своего коня, чтобы он мог убежать. Русские после того обратились в бегство, а мюриды убивали их с тыла до тех пор, пока они в темноте не дос-

а) А, Б, К—приписка: «с тех пор он носил саблю только с левой стороны»

тигли своего лагеря. При этом, как рассказывают, каратинские женщины, чтобы утолить жажду* сражавшихся мюридов^{а)}, таскали воду аж с реки. Много русских было тогда убито. Мучениками же за веру пали: Сулайман Чиркатинский, Тамачалав Мехельтинский, хаджи Салихиль Хусайн²⁰⁵ Чиркеевский и еще кое-кто. Рассказывают при этом, что* названный хаджи^{а)} долго бежал за одним солдатом и, наконец, поверг его. Затем он вдруг услышал звук удара сабли по своей голове. Оказалось, что его ударил тот самый солдат, который перед этим упал.

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ В АРГВАНИ

[1839 г.]

На втором году после начала подготовки Ахульго к боям Шамиль услышал, что русские двинулись против этого пункта вторично. Он тогда вышел из Ахульго в одиночку и лишь в Аргвани (иргин) к нему присоединился его товарищ Юнус. Шамиль разослал [оттуда] посланцев и послания поднимать людей на бой.

Шамиль вместе с теми, кто собрался вокруг него, встретил русских сначала на земле буртунайцев (буртинал).²⁰⁶ Там, однако, ничего особенного не произошло, и он повернул назад, к селению Аргвани. Шамиль подготовил его, закрыл аргванийские проходы и создал завалы на дорогах для будущих сражений.

Русские двинулись на мюридов первый раз в обеденное время, но те отразили их. Мюриды убивали их в большом количестве вплоть до заката солнца. Из-за множества сраженных руками мюридов говорили даже, что русские на следующий день возвратятся туда, откуда пришли.

Рассказывают, со слов Исмаила Чиркеевского, сына Джамала, который в то время находился вместе с русскими: енарал (инарал) Пантелеев (Танфули)²⁰⁷ из Темир-Хан-Шуры, бывший другом Исмаила, рассказал ему, что утром того дня он видел отвратительный сон—все его воины перебиты, а ему самому пуля пробила грудь и вышла через спину. Исмаил сказал: «Вечером того же дня я встретил Пантелеева—двое мужчин тащили его, опиравшегося на их плечи. Большая часть воинов Пантелеева при этом уже погибла. Когда генерал увидел меня, сказал: «Исмаил! Разве не говорил я тебе, что так произойдет?»

Той ночью, однако, русские войска двинулись к правой, широкой стороне селения; рассказывают, что это произошло по указке

*) Б. В. К.—отмеченная фраза отсутствует.

мунапика Гули²⁰⁸ Мехельтинского, который был вместе с русскими. Шамиль приказал тогда тем, кто находился на другой стороне Аргвани, перейти на эту—правую сторону. Мюриды, однако, не согласились, в связи с чем Шамиль сказал: «Беда, которая поразила пророка — да благословит его всевышний Аллах и приветствует!—и его сподвижников в день битвы при Оходе²⁰⁹, произошла, между прочим, из-за неподчинения стрелков приказу. Посмотрим, что вы еще увидите».

И, действительно, с той широкой стороны к Аргвани подошел отряд солдат. Мюриды, правда, убили многих из них и в результате отразили. Однако, подошел другой отряд солдат. Мюриды побили и отразили и их. Подошел третий отряд солдат, мюриды побили и отразили и их. Шамиль вознес тут хвалу всевышнему Аллаху, поблагодарил его и даже коснулся руками лица, думая, что русские больше не вернутся из-за многочисленности убитых с их стороны и этих поражений. Русские, однако,—да проклянет их всевышний Аллах!—дали сильнейший залп из ружей и пушек по месту, где сражалось* наше войско^{а)}, а затем большой отряд солдат полез вперед на четвереньках. Вот таким образом они и взобрались на стену Аргвани.

Говорят, что русские складывали своих убитых — одного на другого [в виде вала], пока не взобрались на стену и завал. Со слов человека, который был тогда вместе с русскими, рассказывают, что в отряде, который совершил такую атаку, в уши каждого солдата было заложено по кусочку воска, чтобы не слышать звяканья оружия.

Наше войско после того рассеялось—воины разошлись в разные стороны. Одни отошли назад и возвратились в ущелье, причем тогда враг побил их сзади и таким образом этим мюридам был нанесен там большой ущерб. Другие бросились в ущелье с вершины горы. Третьи были перебиты при отходе.

Шамиль спасся оттуда, не претерпев какого-либо ущерба. Спасся также и ученый Курбанали Хваршинский (Харши).²¹⁰ Он, правда, чуть не падал от усталости, а его бурка была продырявлена в пяти местах.

Часть наших воинов осталась, однако, в селении. Они находились там в осаде до наступления темноты и также претерпели большой ущерб. В Аргвани же пал мучеником за веру храбрый, познавший Аллаха хаджи Малламухаммад Тлохский.²¹¹ Да помилует его всевышний Аллах!

а) А—«имам и его войско».

ГЛАВА О СРАЖЕНИИ ПРИ АХУЛЬГО

Шамиль и его последователи собрались затем на равнине Саду,²¹ так как у мюридов сохранилось мало помощников, так как не осталось у них крепкого и безопасного места, где бы можно было противостоять врагам религии. После того мюриды пошли в Чирката и тут оказалось, что часть чиркатинцев не намерена переселяться на Ахульго, отговариваясь тем, что они де разойдутся по другим, разбросанно лежащим местам. Шамиль, однако, пригрозил им немедленной казнью и полным уничтожением, сказав: «Это все потому, что вы [втайне] желаете быть проводниками наших врагов в наши слабые места». Тогда эти чиркатинцы со своими женщинами, детьми и имуществом переселились на Ахульго.

Тут пришли русские. Они выступили затем в сторону Ашильта. Пришли также другие русские и мунапики из числа хунзахцев и унцукульцев.

С Шамилем же было тогда общим числом до пятисот бойцов. Из них примерно сотню воинов Шамиль оставил на высоком холме, который называли Шулатлюл (Шулалул) гох,²¹³ чтобы они охраняли его. Они и сохранили Шулатлюл гох в руках Шамиля около месяца. В течение этого времени Ахульго особо большого ущерба не понес.

Для тех, кто приходил на Ахульго и уходил оттуда, дорога шла через Чирката. По ней поступали нужные вещи и припасы (сусат), большая часть которых шла из Чиркея. Поэтому несколько групп русских и мунапиков вернулись назад, они построили лагерь в Чирката и обосновались там. После этого враги усилили бой против мюридов, находившихся на том высоком холме—как с фронта, так и с тыла. Бедственное положение тех мюридов ухудшалось, им стало тяжело. Около семнадцати героев из их числа пали мучениками за веру, и лишь после того мюриды покинули Шулатлюл гох. Они перешли к своим товарищам, находившимся на Ахульго. На холме же том засели русские.

Русские дали затем сражение, но были перебиты. Когда же они увидели* множество убитых^{а)} и все то, что было у них попорчено, то решили прибегнуть к хитрости. Они начали строить сооружение из досок, имеющее крышу, и понемногу приближаться^{б)} к Ахульго, так, чтобы не терпеть ущерба* от воинов Шамиля^{в)}. Несколько его товарищей бросились, однако, на них и испортили это сооружение.

Русские оставили последнее и прибегли к другой хитрости.

а) В—«множество боев».

б) В—«приближать его».

в) Б, В—«от наших пуль».

Они сделали длинный круглый мешок, который наполнили дровами, связали железными цепями и понемногу покатали в сторону Ахульго. При этом позади мешка русские опять соорудили крытое сооружение. Когда же все это таким образом приблизилось к Ахульго, у людей изменился цвет лица и сердца сжались. Шамиль призвал тогда желающих, если они есть, пойти на разрушение названного сооружения, но ему никто не ответил. Тут Шамиль поклялся, что этой ночью он непременно испортит названное сооружение и причем вознамерился пойти на это дело лично. Вместо Шамиля, однако, это дело взяли на себя ревностные мужи, которые набросились на русских и испортили то сооружение.

У русских было двадцать четыре пушки. Когда они стреляли из этих пушек по горе Ахульго, она покачивалась и причем так сильно, что ударяла в спину тем, кто прислонялся к ней. А русские все стреляли по Ахульго и путем размельчения земли, круша огромные скалы, разрушали стены в проходах и портили имевшиеся там убежища. Те, кто засели на Ахульго, не имели возможности спать ночью и не находили покоя днем—каждую ночь мюриды копали убежища и возводили стены в проходах, чтобы днем спокойно сидеть там, а русские каждый день разрушали это пушечными ядрами. Так мюриды провели около трех месяцев.

Шамиль вначале говорил: «Мы тут потерпим. Будем противостоять русским до трех месяцев. Надеюсь, к тому времени люди, находящиеся извне, или хотя бы часть их выступят на бой с врагами для нанесения им вреда с тыла». Его мнение об этих людях, однако, не оправдалось. Они лишь все больше и больше трусливо удерживали друг друга.

Из-за большой силы врага при собственной малочисленности и недостатке снаряжения те бедствия очень сильно подействовали на мюридов. Среди них появилось много раненых и больных. Ряд горцев пал к тому времени мучениками за веру. Силы горцев таким образом ослабли. Воду, к примеру, они доставали, отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку.

ГЛАВА О ПЕРЕДАЧЕ ДЖАМАЛУДДИНА — СЫНА ШАМИЛЯ РУССКИМ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКА ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Когда проклятый⁹⁹ сардал увидел, что ему не победить мюридов, не искоренить их, то предложил им заключить перемирие. В качестве залога, однако, он потребовал сына Шамиля. Все, кто был вместе с Шамилем, захотели, чтобы он дал согласие на это. Шамиль

а) А—«великий».

однако, отказался, говоря: «Это вам пользы не принесет. Сардал из-за этого не уйдет отсюда». Соратники, однако, опять попросили его, а Шамиль опять отказал. Они попросили его еще раз, но он и на этот раз отказал.

Когда, однако, настойчивые просьбы мюридов умножились и Шамиль увидел их ослабление и бедственное положение, он согласился с ними, чтобы прекратить их болтовню и стоны. Он передал русским своего сына Джамалуддина, который был мальчиком примерно восьми^{а)} лет, со следующими словами, обращенными к Аллаху: «О, Господь! Ты взрастил своего пророка Моисея— да благословит его Аллах и приветствует!—в руках фараона. Этого моего сына, формально, я, если и передаю неверным, в действительности, однако, он является закладом, врученным Тебе, вещью, отданной Тебе на сохранение. Ты—лучший хранитель!»

Проклятый сардал^{б)} потребовал затем, чтобы Шамиль пришел в одно место для встречи с русским начальником Пулло (Фуллу).²¹⁴ Шамиль же приказал тогда людям отговариваться перед сардалом: Шамиль, мол, не придет, потому что он болен или что-либо в этом роде. Шамиль сказал: «Если я приду к Пулло, то он, вполне возможно, потребует от нас того, что для нас будет невозможно сделать». Люди, однако, пожелали их встречи.

Шамиль отказывался от встречи до тех пор, пока осажденные не отнесли его отказ к трусости. Тут Шамиль встал разгневанный и пошел впереди мюридов. Они двинулись к месту встречи. Из Ахульго были тем временем выведены дети, женщины и домашние рабы (камил). Их расставили в поле зрения русских, чтобы толпа горцев выглядела большой и многочисленной. Женщины были одеты в одеяния юношей—в плащах, чалмах и с оружием. Когда русские увидели этот ряд, чаландар²¹⁵ спросил Юнуса: «Кто эти мужи, которых мы до сих пор не видели?» Юнус ответил: «Ахульго заполнено нашими людьми так же как ваши палатки заполнены солдатами». Когда же они увидели мужей в головных уборах, но без чалмы, чаландар сказал: «Среди них имеются, видимо, и наши мужи, не мюриды». Юнус ответил: «Это наши люди. У нас мюридом называется тот, кто выказал повиновение всевышнему Аллаху, кто придерживается его религии, а не тот, кто надел чалму». Чаландар сказал: «Так».

Шамиль и его товарищи увидели в том месте Пулло, а поблизости от него около тысячи русских—начальников и солдат. Они стояли так, что если бы был дан залп, то их пули попали бы в

а) Б—«восемнадцать».

б) А—«Русские».

Шамля. Шамиль сел около Пулло. Тот подстелил было край своей накидки для Шамиля, но тогда он не сел туда.

Пулло начал длинную речь. Шамиль же, ведя себя как кичливый гордец, тем временем подложил край одежды Пулло под себя. Дело в том, что он твердо решил: убить Пулло и напасть на его товарищей, а не просто отойти назад, если только русские вознамерятся поступить вероломно. Товарищ Шамиля—мученик за веру Газияв Андийский понял смысл того, что он сделал. Поэтому Газияв приблизился к ним двоим и приготовился обнажить оружие.

Пулло суммировал затем содержание своей речи так: «По вашему обычаю право на выбор того или иного решения находится в ваших собственных руках. Мы же делаем лишь то, что нам приказано и установлено со стороны императора (патишах).²¹⁶ Если поэтому между нами будут подписаны мирный договор и соглашение, то нам необходимо будет сделать так, чтобы ты побывал у нашего сардала, и чтобы он увидел тебя и мог бы сообщить императору об этом». Шамиль же, как будто ругая и порицая своих товарищей, приведших его на эту встречу, сказал: «Пусть сейчас же берут [оружие]. Пусть сейчас же берут». ^{a)} Тут Бартихан — дядя Шамиля по линии отца ответил Пулло, прежде чем в беседу вступил Шамиль: «Мы, как-то сказал ты, люди свободные до анархизма. Один, к примеру, делает что-либо, а другой ему противоречит, один заключает договор, а другой—аннулирует его. У нас, однако, имеются ученые и мудрецы, которые находятся в селении. Они сюда не пришли, а мы можем делать что-либо лишь по совету с ними». Тут Ибрахимиль Хусайн²¹⁷ призвал мюридов к полуденной молитве, хотя время ее еще не подошло. Шамиль сразу же встал и сказал: «После призыва на молитву разговоров не бывает»,—и они разошлись.

После того русские потребовали отправить посредников, которые бы действовали между ними. Затем они потребовали этого еще раз, и тогда Шамиль ответил им так: «Я приду вооруженным с сотней товарищей, и во время беседы это оружие будет при мне. Ваш же сардал пусть приходит с тысячей товарищей, но остальные его воины пусть находятся вдали. Пусть он их возвратит назад». Русские, однако, не согласились на это и потребовали прихода в таком случае Бартихана, но он отказался. Во исполнение мирного договора русские потребовали тогда возвратить по домам тех детей и женщин, которые находились на Ахульго. Семьи, принадлежавшие к нескольким чиркатинским и гимринским

^{a)} А — приписка: «Гъанже босе (Теперь бери); на аварском языке».

домам, были высланы с Ахульго, но русские не удовлетворились этим.

Дополнение. Юнус—товарищ Шамиля рассказал: «Когда было решено отдать в заложники Джамалуддина, провели совещание: кто именно пойдет вместе с ним к русским, чтобы там постоянно сопровождать Джамалуддина и давать ему исламское воспитание. Никто, однако, не давал на это ответа, и тогда он, Юнус, сказал Шамилю: «Я сделаю то, что ты желаешь. Если ты считаешь, что я достоин пойти вместе с Джамалуддином, то я пойду». Шамиль наизусть прочел тогда Юнусу кое-что из Корана и затем тот, вооружившись, увел Джамалуддина с Ахульго.

Когда Юнус и Джамалуддин пришли к русским, те возвеличили их обоих и выказали им почтение. Вдвоем они были поселены в палатке у чаландара русских, который являлся у них начальником всех дел и их управителем.

Однажды Юнус был приглашен в палатку Граббе (Кираффи).²¹⁸ Тот многократно похвалил Юнуса и сказал: «Шамиль ведь прислушивается к твоим словам. Пусть он приходит к нам. От этого он получит множество благ, которых хватит до конца света». Юнус ответил: «Он этого не сделает. Если даже он лично склонится к тому,* чтобы сделать это,^{а)} на Ахульго имеются люди, которые удержат его от прибытия». Граббе сказал: «Ты все равно непременно сходи туда. Может быть, Шамиль все же придет».

Юнус пошел к Шамилю и сообщил мюридам о том, что сказал Граббе. Тут Шамиль сказал: «Я еще до отправки сына в заложники знал, что русские не помирятся с нами. Пусть они теперь сражаются с нами с той стороны, с какой хотят. Для них у нас имеется только сабля». Товарищи—Бартихан и другой мюрид не согласились на такой ответ. Они пожелали, чтобы Шамиль смягчил свои слова, но он сказал: «В сношениях с русскими смягчение нам пользы не даст». Юнус тут спросил: «Что же я скажу Граббе?» Ответа эти два горца не нашли, и тогда Юнус сказал: «Я скажу Граббе так-то и так-то». Соратники воскликнули: «Это—мысль!»

После этого Юнус к утру вернулся в палатку чаландара. Сделав утренний намаз, Юнус заснул и спал до тех пор, пока солнце не поднялось. Тут чаландар сказал ему: «Тебя зовут к Граббе». Юнус разбудил Джамалуддина, и они вышли вдвоем.

Вдруг показались ряды солдат, которые шли в сторону палатки Граббе, ударяя в большой барабан так, будто их ведут на смерть. Они оба вошли затем к Граббе, причем Юнус был вооружен; он не

*) А—отмеченная фраза отсутствует.

расставался с оружием и чалмой Граббе спросил: «Ну, что сказал Шамиль?» Юнус ответил: «Он утверждает: ты взял его сына в заложники ради заключения мира, обещая при этом вернуться назад и не наносить никому и ничем ущерба, но ты нарушил это обещание; затем ты приказал отправить часть детей и женщин в их прежние обители, а остальных обещал отпустить туда, куда они захотят пойти, но и в этом вопросе ты проявил вероломство». Юнус упомянул еще и третий факт, а затем сказал: «После всего этого мы вам больше не верим. Вы—люди вероломные, лживые и коварные». Граббе^{а)} пришел в возбужденное состояние, рассердился и сказал: «Шамиль и его слова меня не интересуют. Нам приказано пленить его и захватить женщин и детей. Для этого мы и посылаем солдат наводить там мост». От слов Граббе кожа у Юнуса вздрогнула, во рту стало горячо, а рука потянулась к кинжалу с намерением убить этого негодяя^{б)}. Затем, однако, Юнус проявил терпение, пожалел этого мальчика Джамалуддина и подумал^{в)}: «Подожду-ка я лучше. Если со стороны русских проявится то, что мы Шамилю не желаем, то я, будучи при своих убеждениях, совершу убийство, пренебрегая смертью». После этого Юнус остыл и успокоился.

Граббе^{г)} понял перемену, произошедшую в Юнусе, и приказал переводчику вывести его из палатки. Юнус, однако, не вышел, пока не высказал генералу того, что было у него на душе и на языке из-за вероломства русских и нарушения ими обетов.

Затем он вышел с мальчиком наружу и пошел к палатке чаландара. Когда Юнус пришел, русские перестали курить из уважения к нему. Юнус, однако, сказал: «Из-за нас не бросайте ничего из того, что вы делаете постоянно, а мы из-за вас не будем бросать того, что мы делаем».

Увидев, что Юнус опечален, чаландар коснулся его спины своей рукой и сказал: «Не печалься. Вы—рабы всевышнего Аллаха, люди, покорные Ему. Он убережет вас и вашего Шамиля от всего плохого». Юнус ответил чаландару: «Мы убеждены, что всевышний Аллах предопределил происходящее в мире, прежде чем взялся создавать его. Мы убеждены также, что претерпим только тот ущерб от вашей многочисленности и мощи, который предопределил навечно всевышний Аллах».

Они пребывали в таком положении. Вдруг оттуда, куда ходили прежде, вернулись отряды солдат. Они были веселыми, смеялись

а) Во всех списках, кроме А—«Проклятый».

б) А—«начальник».

в) А—«подумал и сказал про себя».

г) Во всех списках, кроме А—«Проклятый»; А—«Граф».

и пели песню. Так эти проклятые радовались миру. Что же касается мунапиков из числа чтецов (?) и других, то из-за поступления вести о мире их лица стали сумрачными, из глаз полились слезы, а сердца сжались.

Однажды после утреннего намаза Юнус находился в своей модельне, и тут чаландар вдруг выпрямился, сделал семь земных поклонов и воззвал к Аллаху. Затем он посмотрел на Юнуса и сказал: «За ваше богомолие и вашу покорность всевышнему Аллаху Он вознаградит вас добром. От нашего же поклонения императору нет никакой пользы». Таким образом, чаландар, подобно мусульманскому проповеднику, давал наставления и этим доставлял ему приятное.

Когда Юнус полностью убедился, что у русских одно желание— поразить чем-либо Шамиля, у него появилось намерение найти верного человека, который бы доставил весточку Шамилю. И вот однажды чаландар сказал Юнусу: «Граббе приказывает тебе, чтобы ты пошел и привел свою жену и тех, кто пребывает ныне вместе с ней, а также детей Муртузали Чиркеевского»—он находился тогда у русских в заключении—«и за это ты получишь великое жалование и постоянные блага от нашего императора. Постарайся также привести с Ахульго и других людей с их детьми и женщинами. Ты дай им знать, что такая же награда, как тебе, будет дана и им, с оказанием, однако, предпочтения тем, кто придет первым». Чаландар еще долго распространялся об этом, пока, наконец, Юнус совершенно ясно не понял, что русские хотят, чтобы Шамиль остался на Ахульго один-одинешенек.

Юнус для того, чтобы чаландар не понял его намерений, начал было отговариваться. Он сказал: «Мюриды не дадут мне вернуться назад». Чаландар ответил на это: «Посланцев не арестовывают». Юнус затем сказал: «Этот ребенок станет среди вас скучать». Тогда чаландар позвал Муртузали, чтобы тот находился при Джамалуддине. После этого они попрощались и оба заплакали.

Затем Юнус вместе с двумя офицерами (**абсир**) вышел в сторону Ахульго. [Интересно, что] русские, всякий раз^{а)} как они встречались, оказывали Юнусу почтение по своему обыкновению поклонами. Около окопа Юнус оставил офицеров, пошел к Шамилю и сообщил ему весть о намерении русских, причем вместе с ними обоими находился тогда лишь Тахир Унцуккульский. Шамиль сказал: «Я знал это и раньше».

Затем пришла весть, что чаландар зовет Юнуса к окопу. Тот подошел и застал чаландара беседующим там с Бартиханом об

а) В, К—«когда».

отправке Шамиля. Тут раздался призыв на вечернюю молитву, причем преждевременный. Бартихан сразу повернул назад, говоря: «Мы еще поговорим завтра». Чаландар же сказал тут Юнусу: «Иди сюда. Давай-ка мы возвратимся», — но тот начал отговариваться необходимостью вывести с Ахульго тех-то и попытаться вывести тех-то. Чаландар сказал: «Для этого завтра сходишь». Юнус ответил: «Я сейчас, только возьму свое ружье». Тот сказал: «Иди и приходи назад». Юнус вернулся к Шамилю и попросил у него разрешения остаться при нем. Тут пришел посланец чаландара сначала один раз, затем еще и еще^{а)}. Когда же чаландару сообщали, наконец, что Юнус не придет, он топнул ногой по земле и ушел назад.

Неверные^{б)} начали сражение после того как проговорили таким образом около грех дней, увидели худобу тел товарищей Шамиля, ослабление их сил, многочисленность раненых и больных в среде мюридов, разрушение их укреплений и остальные их слабые места. Обо всем этом русским сообщили мунапики, которые ходили к мюридам от имени Граббе,^{в)} выдавая себя за посредников, действующих ради заключения мира.

Русские обрушились теперь на мюридов и разрушили пушечными ядрами все самые крепкие стены. Горцы, однако, противостояли^{г)} русским вопреки этому великому бедствию еще около недели. Ночами они исправляли, по мере сил, то, что враги портили днем. От этого мюриды в конце концов сильно ослабли. От стеснений, претерпеваемых в этом мире, они стали раздраженными до такой степени, что соперничали друг с другом в стремлении к смерти, мечтали о ней. Умершего мюриды рассматривали как человека, вошедшего в рай, а себя, как бы взирающими ему вслед.

В один из таких дней Шамиль уселся на место, видном для врагов, а своего сына Газимухаммада посадил на колени. Около Шамиля, укрывшись за скалой, находился дервиш Нурмухаммад Инховский. Шамиль завидовал тогда одиночеству дервиша — он ведь не беспокоился о своих детях, *дело в том, что домашние этого дервиша находились в своих исконно родных местах^{д)}. Шамиль* сказал тут про себя^{д)}, обращаясь к всевышнему и великому Аллаху: «О, Господи! Это — самое дорогое для меня живое существо. Так пошли же смерть от пули в лоб сначала мне, а уже потом — этому моему мальчику». Шамиль страстно желал тогда доз-

а) А — приписка: «по он (Юнус) не пошел».

б) Во всех списках, кроме А — «Они».

в) Во всех списках, кроме А — «проклятый»; А — «граф».

г) Б, В — «сражались».

д) В списках Б, К отмеченная фраза отсутствует.

воленной Аллахом смерти; но она ведь приходит лишь по желанию Всевышнего! А как же могущественный и мудрый Аллах может пожелать этого в отношении Шамиля и его сына?

Всевышний Аллах ведь хотел видеть от них обоих: подавления воюющих неверных, подчинения мунапиков, возвышения религии и наведения, благодаря им обоним, порядка в делах мусульман, как в земной, так и в загробной жизни. Об этом мы еще расскажем, если захочет всевышний Аллах. В Коране ведь сказано: «То, что приносит пользу людям, [долго] остается на земле». ^{а)}

ГЛАВА О ВЫХОДЕ ШАМИЛЯ ИЗ АХУЛЬГО И О ТОМ ТРУДНОМ И РАДОСТНОМ, ЧТО ОН ВСТРЕТИЛ ПОСЛЕ ЭТОГО, ПОКА НЕ ДОШЕЛ ДО СЕЛЕНИЯ ШАТОЙ

[1839 г.]

Всевышний Аллах захотел выставить напоказ действительно предопределенное и тогда оказалось, что: «расширилась дырка перед чинящим одежду», «сошлись два кольца подпруги»^{б)} и «один из двух хурджинов перемета перевесил»^{б)}.

Люди на Ахульго перестали уже блокировать проходы, собираться и затем выходить на сражения. Шамиль же прекратил отдавать приказы, устанавливая запреты, так как они не приносили пользы осажденным. В тот последний день, когда горцы еще явились на сражение, Шамиль устремился в центр его. Он решил про себя не возвращаться назад. Мюридам же Шамиль заявил тогда, что он будет находиться там вместе с ними для того, чтобы приказывать и запрещать по ходу дела. Всевышний Аллах сохранил его, однако, от гибели, отдав взамен мужчин и женщин—его сестру, его тетку по матери и такого-то, и такого-то.

Ночью те, кто находился на Ахульго—мужчины, женщины и дети спустились в одно узкое место, расположенное в самой нижней части этой горы. Они тащили друг друга, наступая друг другу на ноги и ударяясь друг о друга. Вслед за ними Шамиль отправил туда же своего сына Газимухаммада и свою семью.

Сам же Шамиль возымел тогда намерение стать мучеником за веру на Ахульго. Своего товарища Юнуса он спросил: «Ты что будешь делать?» Тот ответил: «Я сделаю то, что сделаешь ты». После этого Шамиль приказал своему слуге Салиху убить прямо в конюшне своего коня, чтобы враг не завладел им, и потом

^{а)} Коран.

^{б)} В—отмеченная пословница отсутствует.

ушел. Когда же Салих встал перед конем, тот заржал и* подошел к нему^{а)}. Тут Салиха охватила жалость к этому коню. Он не смог убить его.

Шамиль в боевом снаряжении вышел тем временем из своего дома. Книги же и прочие свои мирские предметы он оставил там. Шамиль при этом хлопнул рукой по книге* «Инсан ал-уюн», которая была написана рукой известного ученого Саида Араканского и воскликнул: «В руки какого же врага ты попадешь?»

Своей блистательной мощью всевышний Аллах через некоторое время возвратил эту книгу в руки Шамиля, в собственное его владение. Хвала Ему — мудрому устройтелю!^{б)}

Шамиль примерно с десятью воинами пошел к месту засады, расположенному на месте прежней битвы, которое мюриды выкопали ночью. Мюриды уже находились в месте, предназначенном для засады, как вдруг к Шамилю подошел Тахир Унцукульский и сказал: «Мы до сих пор никак не могли узнать твоего местонахождения. Там [в низине] имеется много мужчин, которые требуют тебя, чтобы делать то, что делаешь ты». Шамиль, однако, был согласен лишь с одним—сидеть в месте засады, пока жив. Тахир тут уподобился грому и молнии. Он сказал затем: «Самое лучшее и самое подходящее для тебя—делать вместе с ними то, что ты делаешь, а не быть один-одинешенек».

Шамиль вместе с Тахиром возвратился тогда в свой дом. Там, однако, он встретился с Бартиханом. Бартихан спросил Шамиля: «Ты что сейчас делаешь?» Тот ответил: «Я сижу там, в месте для засады. Что же касается того узкого места, [где спрятались мюриды], то туда я не спущусь, ибо враги перебьют нас камнями и комьями сухой глины». Бартихан сказал: «Я поступлю так же»,—и пошел к себе домой, чтобы подготовиться к бою.

Салаватские (нахбакал) юноши затем все же принудили Шамиля спуститься в то узкое место, где находились тогда женщины и дети.* Он спустился^{в)}, и там горцы пробыли около трех дней. Враги же находились тогда и над ними, и под ними.

У Шамиля и его товарищей не было тогда возможности соединиться друг с другом. Они не имели ничего такого, что могло бы утолить их голод. В один из дней случилось так, что Шамиль задремал, и тут он увидел во сне: жена его Джавхарат как будто упала

а) А—отмеченная фраза отсутствует.

б) Б, В—отмеченная фраза отсутствует; в списке К она дана в виде приписки на полях.

в) Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

на землю, а его сын от нее, двухлетний Саид, ползает по ней. Шамиль растолковал этот сон так: она умрет.

У Джавхарат на голове была рана; вот такими были ее дела. В укрытии она из-за этого ослабла и после ухода Шамиля оттуда прожила лишь около трех дней. Джавхарат, пока не умерла, постоянно просила Тахира Ундукульского достать ей воды и жевала жаренные зерна, которые взяла для своего сына с Ахульго, завернув в край своей вуали. А после смерти Джавхарат этот сын ползал еще по ней и с криком звал: то отца—«Шамиль», то мать—«Джавхарат».

Рассказ. Через год Шамиль пришел в ту местность и спросил про жену. Кто-то показал на одно место и сказал: «Вот тут упала Джавхарат». Ее и действительно нашли под камнями и мокрой глиной, которые нанесла речная вода во время разлива. Ни одежда Джавхарат, ни ее тело совершенно не изменились. Даже губы у нее были влажными—когда их приподняли над зубами, они сами сомкнулись над ними, как у живого человека. Там,* то есть на Ахульго,^{а)} Джавхарат и была похоронена.

Другой рассказ. На Ахульго в пещере находится труп мужчины. До сих пор—до тысяча двести семьдесят второго (1855/56) года у него ни на теле, ни в одежде ничего не изменилось. Его может увидеть каждый, кто посетит то место.

Другой рассказ. Передают его со слов одного дряхлого старика из селения Уриб,^{б)} который посетил Ахульго примерно через двадцать лет после его падения. Там этот старик увидел сидящую женщину—мученицу за веру, которая держала руками два конца своей вуали. На одном конце ее находилось при этом немного муки, а на другом—чутьточку соли. Тело женщины было высохшим.

Другой рассказ. На принадлежащих одному ашильтинцу землях, где похоронены мученики за веру, погибшие на Ахульго, около двадцати мужчин, начали было создавать пашни и сады. У всех них, однако, отсохли руки^{б)}.

Шамиль дал приказ членам своей семьи и детям, по мере сил, сражаться: «тот же из них, кого ослабит рана, пусть прыгает в Койсу, но не сдается в плен». Когда Шамилю выразили соболезнование по случаю мученической гибели Бартихана—его дяди по линии отца, он, страстно желая смерти и будучи раздражен происходящим в мире, сказал людям, выражавшим соболезнование: «Вы лучше скажите: «Да присоединит тебя всевышний Аллах к Бартихану!»

^{а)} Б, В—отмеченная фраза отсутствует.

^{б)} Б, В, К — последние два рассказа отсутствуют.

Ночью мюриды приставили к верхней части горы бревно, что бы по нему выйти из той теснины на простор, где, однако, перед ними стояли отряды русских. Шамиль начал искать человека, который бы за высокую оплату поднял по бревну его сына Газимухаммада. Никто не согласился. Тогда Шамиль посадил сына к себе на спину, привязал его к себе и взял свою обувь себе в рот. Затем он первым поднялся на поверхность. Вместе с Шамилем поднялась тогда и часть его товарищей.

Шамиль сел около верхней части бревна и отказался двигаться дальше, пока его не догонят его товарищи—Муса Балаханский и еще такой-то и такой-то. Вслед за своей семьей он отправил тогда около восьми мужчин—одного за одним.

Газияв Андийский попросил Шамиля перейти поближе к ним, ибо, сказал он: «Эта наша позиция мешает поднимающимся». Исполнив это, Шамиль вдруг увидел какую-то черноту. Он шепнул Газияву: «Это что за чернота? Это человек чернеет или что-либо другое?» Тут раздался свист солдатских пуль, выпущенных по ним. Шамиль сказал тогда: «Мы должны встать и атаковать, ибо дело раскрылось. Уже не спрячешься». Мюриды ринулись на солдат и выстрелили из ружей. Те разбежались; за это* небольшое время^{а)} Шамиль успел выстрелить целых пять раз.

Затем сказали, что спереди на них движется большой отряд. Шамиль приказал своим тихо сидеть за скалой, пока русские не разрядят в них свои ружья. Товарищи Шамиля встали, однако, позади него, а Сулганбек Дылымский²⁰ впереди—грудью закрывая его. Затем мюриды произвели атаку на тот отряд, тогда-то и пал там мучеником за веру этот дылымец. Русские, будучи разбиты, отбежали в сторону. Шамиль имел тогда намерение бежать вслед за ними, но его благочестивый и благоразумный товарищ Ахбердиль Мухаммад повис на нем. Мухаммад подозвал к Шамилю другого товарища и при нем поклялся Шамилю: «Клянусь Аллахом! Ты не умрешь в эту ночь». После того у Ахбердила Мухаммада спросили: «Почему ты так поклялся?» Он ответил: «Я видел сновидение: «Как будто огромный поток воды залил Ахульго и тех, кто находился на нем. Однако я,^{б)} Шамиль и немногие товарищи вылетели оттуда на чиркатинскую дорогу^{в)} и причем совершенно не затронутые потоком». Я растолковал его так: «Мы спасемся, а те, кто остался на Ахульго,—погибнут».

Шамиль шел вместе со своими товарищами и вдруг в сторону его головы полетел ком твердой земли, который поразил его в

а) Б. К—«миг»; В—«час».

б) В тексте: «он».

в) В некоторых списках—приписка: «парсал», (по-аварски²⁵ «утесы»).

шею. От этого Шамиль упал на землю. Один его товарищ подско-чил и спросил: «Куда поразил тебя этот ком?». Шамиль ответил: «Меня не ранило», а затем встал и стряхнул землю. Тут мюриды увидели второй отряд солдат, затем — третий. Всевышний Аллах не предрешил, однако, этим отрядам победы над ними—мюриды немного отделились от лагерей русских и от их дозорных и остано-вились у воды. Шамиль возмел было намерение вернуться оттуда назад, чтобы разузнать о своих детях, но соратники запре-тили ему это. Юнус—товарищ Шамяля встал тогда и сказал: «Для этого дела пойду я»,—а вскоре пришла весть, что Газимухаммад и его мать Патимат спаслись и уже подходят.

Дополнение. Мальчишка—его сын Газимухаммад, которому было семь лет, сидел на спине одного мужчины, когда они проходили через отряды русских. Какой-то солдат ткнул тогда Газимухаммада своим штыком в голень и тем самым ранил. Газимухаммад же, зная распоряжение своего отца и напоминая его, лишь крикнул тому, кто нес его: «Брось меня в реку! Брось меня в реку!».

Что же касается жены Шамяля—Джавхарат и его сына от нее —Саида, то они остались на Ахульго, как то уже было сказано выше.

Что же касается сестры Шамяля, то она была тяжела телом. Когда русские вознамерились взять в плен детей и женщин, находившихся на Ахульго, она намотала свою вуаль себе на лицо и бросилась в Койсу.

Вместе с Шамилем по бревну поднялось тогда около тридца-ти душ. Около шести из них пали затем там мучениками за веру.

Мюриды начали затем говорить друг другу: «Мы, наконец, спас-лись от русских». Вот тут Шамиль и опечалился, заплакал, обругал их и подверг упрекам, говоря: «Это вы не оставили меня на Ахуль-го, на месте, подготовленном для засады, сражаться, пока не по-гибну. Где же мы найдем теперь убежище? Где обоснуемся? На свете есть ныне лишь те, кто ненавидит нас, относится к нам враждебно».

Ночью мюриды пошли вдоль берега реки, подобно овцам, исху-давшим от голода, слабые телесно. Когда они ощутили потреб-ность снять обувь, чтобы затем идти по воде, Шамиль приказал совершить тогда же и омовение для утреннего намаза. Когда же рассвело, мюриды совершили этот намаз.

Затем мюриды подошли к месту, напротив которого находи-лись гимринские дозорные. Они сидели там для того, чтобы сра-зиться с Шамилем, чтобы помешать ему. Между двумя отрядами текла Койсу. Дозорные выстрелили по Шамялю из ружей. Он при

этом узнал поименно тех гимринцев, которые находились там вместе с гимринскими аристократами. Шамиль вытащил тут свою саблю, поднял ее над головой и помахал ею так, чтобы они увидели ее. Шамиль затем закричал: «Эй, такой-то и такой-то! Это — моя сабля — сабля левши достигнет вас, если будет угодно всевышнему Аллаху, в течение трех месяцев». От его слов дозорные страшно перепугались. Дело в том, что преступные гимринские вельможи имели давнее намерение: переловить тех гимринцев, которые не соглашались с ними, не желают портить дело шариата и затем, схватив таких людей, отправить их к русским. От таких слов Шамиля они теперь испугались уже за самих себя — того, что судьба может от них отвернуться.

Так мюриды шли до наступления полуденной жары. В одном месте от слабости они свалились, наконец, наземь, утомленные, голодные, невыспавшиеся.

Когда стало известно, что Шамиль и его товарищи выскользнули из Ахульго,* вслед за ним^{а)} выступили: Ахматхан Равнинный и Хаджимурад Хунзахский^{б)} с отрядом мунапиков. Они приблизились к тому месту на расстояние менее чем полет стрелы, и тут всевышний и мудрый Аллах сделал так, что их глаза не заметили мюридов, а самих преследователей. Он отклонил в сторону. После этого мунапики вернулись назад.

Затем они, то есть Шамиль и его товарищи, поднялись и пошли, подобно тощим овцам. Жажда у мюридов усилилась до такой степени, что они даже выпили воду, взятую из ямок на дороге, оставленных копытами животных.

Шамиль предложил высокую плату любым двум мюридам, которые пойдут вперед и принесут остальным воду. Такие нашлись. Они пошли и возвратились с водой. Один из этих двоих передал ее при этом группе, идущей впереди, с которой находился мальчик Газимухаммад, а другой отнес ее группе, в которой был Шамиль. Люди выпили эту воду. Вскоре одна группа мюридов догнала другую, которая сидела и отдыхала. Газимухаммад находился тогда на небольшом возвышении в стороне от остальных. Шамиль пошел к нему и спросил: «Ну, как ты? Выпил водички?» Тот грустным голосом ответил: «Они не напоили меня». Шамиль тогда отругал мюридов за это, выбранил, а сына приласкал и развеселил. Он сказал Газимухаммаду: «Скоро мы дойдем до воды. Напоим тебя, накормим», — а затем сказал: «Ну, иди». Тот было пошел заплетающимися ногами, чуть ли не падая, и тогда Шамиль посадил сына к себе на спину.

а) А — «вслед за ним и в поисках его».

б) В — приписка: «Ахматхан Нижнедженгутаевский и известный Хаджимурал Аварский, служивший русским до своего ухода к Шамилю».

Голова Газимухаммада ударялась о голову Шамиля. Мальчик даже сказал: «Моя шея не в силах держать мою голову». Он ведь очень сильно ослаб из-за раны, которая была у него, а также из-за других бедствий и тягот.

Мюриды шли в течение всей ночи, подымаясь на верхнюю часть горы. Сынишка—Газимухаммад потерял тут терпение и пожаловался Шамилю, что он умирает от голода: в это время он сидел на спине уже другого мужчины. Шамиль же во тьме указал тогда на вершину горы и спросил: «Ты видишь это? Когда мы дойдем до нее, накормим тебя хлебом досыта». Перед подъемом на вершину мюриды совершили утренний намаз и затем взошли на нее с восходом солнца.

Пребывая в таком положении, мюриды вдруг увидели всадника, движущегося к ним. Когда тот, однако, их заметил, быстро поскакал было назад. Шамиль закричал: «Стреляйте в него! Стреляйте в него!» — и тут всадник повернул назад и спросил: «Вы эти, что ли?» Когда же он узнал их, обрадовался и сказал: «А я-то подумал, что вы одна из вражеских групп».

Оказалось, что он привез мешок, полный хлеба и сыра, для того, чтобы встретить и накормить людей, ускользнувших из Ахульго. Газимухаммад был тогда накормлен, покушали и мюриды. Затем Шамиль приказал тому удачливому Исахаджияву²²¹ Чиркеевскому пойти и привезти, посадив на коня, Ахбердиль Мухаммада, который ослабел и утомился. Исахаджияв привез его. Тогда Шамиль приказал ему привезти, посадив на коня, одного раненого мюрида. Исахаджияв привез и его. Затем Исахаджияв пошел на дальний загон для овец и принес мюридам оттуда муку. Да воздаст ему всевышний Аллах за это добром!

Все это—лишь краткое резюме того, что произошло на Ахульго. Подробное же изложение тех событий составило бы толстенную книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными.

Рассказали со слов Джавадхана из Дарго,²²² который раньше был служащим у русских: «В крепости Кизляр он, Джавадхан, прочел один документ, гласящий, что только из-за Ахульго погибли тридцать три тысячи русских». А почему бы и нет? Говорили же ведь, что за один день у них были убиты на Ахульго пять тысяч человек. Рассказывали также, что, когда проклятый^{а)} Пулло вернулся оттуда, от всего его войска остались лишь два человека.

На Ахульго пали мучениками за веру свыше трехсот мужей. Первым, кто пал там, был мученик за веру Муртузали Чиркатин-

а) А—«начальник».

ский. Из числа почетных горцев и их ученых погибли: ученый мухаджир Алибек Хунзахский; ученый Бартихан—дядя Шамиля по линии отца; ученый мухаджир Сурхай из Коло; выносливый ученый Кази²²³ Чиркатинский; храбрец Балал Мухаммад²²⁴ Ирганайский, убивший, как говорят, за один день около ста врагов, которых, будучи сильно ослаблен, остался затем в руках у русских, которые начали было поносить его, но Мухаммад и тогда не проявил мягкости к ним, даже в своих речах; храбрец Мухаммадсултан Ирганайский; два аргванйских храбреца — Хусайн—сын Хирака²²⁵ и Мухаммад—сын Ханака²²⁶; юный ученый Мухаммад—сын сестры обновителя религии, мученика за веру Газимухаммада; храбрец Осман Балаханский; Ибрахимиль Хусайн Гимринский. Оцав (Усав) Арадерихский; Алихан Харахинский; два оротинца —Аликул Хусайн и Сааду; Муртазаласул Мухаммад Оркачинский—отец понятливого и храброго юноши по имени Муртаза—товарища имама и одновременно начальника его регулярного войска (**низам**); искренний друг Муртазали Гидатлинский (Хидали)-Мачадинский (Мачади)²²⁷, который в своей области, наполненной гордцами и великанами, держался в отдалении от остальных людей, когда те еще придерживались обычного права, и не принимал гидатлинской политики в отношении этого права; Мухаммадами Хотодинский,²²⁸ истинный и искренний, сходявший в Мекку пешком Омар Короткий Согратлинский; храбрый и доблестный Бусайлав Тиндинский,²²⁹ который во время испытания убил русских начальников, разъезжавших по областям, делавших топографическую съемку и определявших размеры выступов, а кроме того, он, Бусайлав, задержал Аличул Мухаммада²³⁰ и изъял у него и у тех, кто был с ним, то, что они взяли у тех русских начальников; и еще такой-то и такой-то. Да будет ими доволен всевышний Аллах, а они Им!

На Ахульго русские взяли в плен около шестисот душ; некоторые говорят: семьсот душ — женщин, детей и мужчин. Учеными из числа их были: мулла мюридов Силикул Мухаммад²³¹ Тапунинский, который умер в плену; выносливый Ибрахимхаджияв Мехельтинский, следы которого не известны; из Бетля (Бики)²³²—Ахмад Большой, следы которого не известны, Ахмад Малый, которого уморили, и Джабраиль, следы которого также не известны; Хизкиль Харачинский,²³³ который был убит при попытке к бегству от русских; Мухаммадали из Кахабросо (Белое село),²³⁴ следы которого не известны; Нурмухаммад Оркачинский, который и ныне в руках у русских; Мухаммад Хелетуриинский (Хириккури),²³⁵ следы которого не известны; Талхат Буцринский, его выкупили; хаджи Булат Янгиюртовский (Янгиви),²³⁶ его уже выкупили; и такой-то, и такой-то. Да воздаст всевышний Аллах доб-

ром их старания и да вменит в обязанность и им и нам произнесение слов о богобоязни и вере!

Дополнение, повествующее о милости всевышнего Аллаха. С того дня, как Шамиль освободился от бедствий, имевших место на Ахульго, в мирской жизни постоянно возрастали его высокое положение и уважение к нему. На него проливались благосклонность и милость вплоть до наших дней. Пронестекало же это от милости всевышнего Аллаха по отношению к Шамилю и к людям, большинство которых, однако, не знают этого. Мы поэтому просим всемогущего и мудрого Аллаха, чтобы эта мирская жизнь продолжалась таким же образом до тех пор, пока политика Шамиля и его война не соединятся с появлением Мухаммеда — мессии в конце света. В Коране ведь сказано: «То, что приносит людям пользу — [надолго] остается на земле»^{а)}. Да и как же нам не просить! Благодать от сражений Шамиля распространилась ведь до Мекки и Медины, до Балха и Бухары. Шейхи, находившиеся там, молятся за его победы и его созидательную деятельность, как-то мы уже указали в обращении.

Хаджи Деэнали²³⁷ Джарский рассказал, что, убежав из Сибири^{б)}, он перебрался в Бухару. Деэнали увидел там, что властитель бухарцев каждый вечер посещает усыпальницу шейха Мухаммада Накшбендийского — да будет благословенна его тайная мысль! — и молится там за Шайхшамиля, а народ при этом даже на базарах восклицает: «Аминь!»

То же самое рассказал Карахан Гулукский (Кулуки)-Грузинский, убежавший из Сибири после Деэнали и перебравшийся в Бухару. Карахан добавил к этому, что, когда он спросил о причине такой молитвы, ему ответили, что к Его величеству властителю Бухары пришли как-то два посланника от Его величества Шайхшамиля. Властитель спросил этих двоих о цели их отправки: нужна в деньгах ли это, или в людях, или в снаряжении? Посланники ответили ему: «Шайхшамиль просит у Вас лишь то, чтобы Вы молились за него». Говорят, что из-за этого властитель Бухары и молится за него таким образом.

Так и пошли затем мюриды. Остановились они у одного загона для овец, где пашли юношу, которого знали; его отец пал мучеником за веру рядом с ними на Ахульго. Юноша этот оказал мюридам гостеприимство — зарезал несколько овец во исполнение завещания своего отца и таким образом почтил их. Там мюриды и увидели новолуние месяца раджаб тысяча двести пятьде-

а) Коран.

б) А — «то есть из рук неверных».

сят пятого (1839) года. Время это было: конец лета — начало осени.

Мюриды вышли в путь ночью. Затем они услышали шаги мужчин, направляющихся к ним. Они спросили друг друга: «Кто вы? Кто вы?»—и затем узнали. Оказалось, что это мюриды из селения Артлух (Арлух),²³⁸ вышедшие навстречу Шамилю. Артлухцы повели его в темноте и поместили на своем хуторе, скрывая его от преступных элементов своего селения. Один артлухский мюрид принес тут хлеб, другой — лепешки, третий — сыр, четвертый — мясо. Так оказали они гостеприимство Шамилю, так почтили его.

Они пребывали в таком положении, и вдруг Иманкулав²³⁹ Чиркатинский закричал артлухцам, находясь в поле их зрения и в радиусе слышимости: «Шамиль и его товарищи изгнаны и принуждены разбежаться в разные стороны да так, что больше они не соберутся. Если у кого находится имущество, принадлежащее кому-либо из мюридов, то пусть он ни в коем случае не возвращает его хозяину».

Впоследствии этот крикун был убит как мунапик по приказу мученика за веру наиба Хитина Данухского.²⁴⁰ Так ему и надо!

Ночью мюриды вышли с того хутора и шли, пока не достигли селения алмакцев (алмахал)²⁴¹ к утру, когда их муэдзин призывал к молитве. Мюриды, однако, сразу вышли из Алмака, прячась и не сообщив никому, чтобы люди его не претерпели какого-либо ущерба со стороны своих преступных соседей из близлежащих больших селений по причине того, что Шамиль останавливался у них. Около воды мюриды остановились для совершения ритуального омовения, и тут торопливо подбежали: мулла алмакцев, а также их знать и простонародье. Алмакцы повисли на Шамиле и попросили, чтобы мюриды вернулись в их селение, посидели и отведали алмакского гостеприимства. Тогда Шамиль был вынужден объяснить алмакцам причину, по которой мюриды не стали останавливаться в их селении. Алмакцы, однако, поклялись, что не отпустят мюридов, не оказав им гостеприимства, если даже из-за этого их живыми бросят в огонь. Тут Шамиль сказал: «Ну, если уж так, то мы остановимся вот здесь», и тогда алмакцы принесли: один — еду, другой — другое и так, пока не оказали мюридам самое лучшее гостеприимство, пока не накормили их вкуснейшими и сладчайшими блюдами. Алмакцы дали им этого и на запас, заставили под их охраной поспать до обеда и лишь затем ушли назад.

Рассказ. Во время того перехода Шамиль и его товарищ Юнус шли вдвоем впереди других мюридов. Неожиданно они наткнулись на одного зандакского (зандаки) а)²⁴² старика, спавшего в своем

а) А — приписка: «селение в Чечне».

свежем сене. Они присели около него, и старик проснулся. Шамиль сказал тут своему товарищу: «Нет ли у тебя чего-либо, чтобы угостить его?» Юнус вытащил для него вареную баранью грудинку. Зандакец же первым делом осведомился у них о Шамиле. Шамиль тогда сделал ему знак, означающий, что тот убит, низвергнут и раздет. Старик заплакал, зарыдал и упал, словно бы он лишился чувств. Шамиль и Юнус тем временем встали и отошли от него.

Затем мимо старика прошли остальные товарищи. Он спросил их относительно известий о Шамиле. Те убедили зандакца: «Шамиль — один из тех двух мужчин, которые прошли перед тобой». Старый зандакец побежал тогда вслед за ними. Они же вдвоем присели тем временем, чтобы отдохнуть и вдруг видят какого-то старика, подбегающего к ним по-стариковски и с непокрытой головой. Оказалось, что это тот самый старик. Он же упал тут на колени к Шамилю и плачет, и плачет. Шамиль даже опечалился тем, что их слова заставили зандакца грустить.

Мюриды дошли к вечеру до Даттыха (Таттахи).²⁴³ Даттыхцы оказывали им гостеприимство в течение почти трех дней. Мюридам было оказано большое уважение. Один даттыхец даже зарезал быка, ибо дал обет поступить так при избавлении Шамиля от злощастных врагов. Этот человек накормил мюридов и других людей.

Затем мюриды пошли и остановились в селение Беной. Беновцы оказали им гостеприимство и большое уважение. Беновец — кунак Шамиля приходил даже в Даттых, чтобы лично принять его как гостя. Там же после двадцатого числа месяца раджаб (1839 г.) родился Мухаммадшапи^{а)} — сын Шамиля. Перед седьмым днем после его рождения в честь Мухаммадшапи было зарезано жертвенное животное.

Затем мюриды двинулись из Беноя и прибыли в селение Ведено (Видан).²⁴⁴ Там они увидели новолуние месяца шабан. Шамиль оставил тогда в Ведено своих детей, а сам выступил с товарищами в поисках места, подходящего им для остановки и проживания. Наиболее пригодным для этого местом мюриды сочли селение Гуш-Керт (Гаршкити)²⁴⁵ Шатоевской (Шубут)²⁴⁶ области. Там Шамиль остановился у одного благородного кунака, который приходил навстречу ему, когда мюриды вышли из Ведено. Затем этот кунак по имени Шабан пошел и через десять ночей месяца шабан привез из Ведено детей Шамиля.

Затем вернулись в Гуш-Керт и некоторые товарищи Шамиля. Вместе с ним там поселилось восемь человек: его неразлучный

а) А, Б — приписка: «Между Мухаммадшапи и Газимухаммадом разница около 7 лет, а между последним и Джамалуддином — около 3-х лет (от него)».

товарищ Юнус; его слуга Салих; гоцатлинцы—раненый Худанатиль Мухаммад,²⁴⁷ Белади и Гимбат (Химмат);²⁴⁸ арадерихцы—раненый Нурали и Муртазали, раненый Муса Балаханский.

Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитый храбрец Шуаиб Центороевский (Цамутари)²⁴⁹ и Джавадхан Даргонский. Последний, будучи опечален из-за той беды, которая поразила Шамиля, во время той встречи сказал ему: «Ты не грусти по поводу пропажи и рассеяния твоих старых товарищей. Здесь у тебя появятся новые, равные прежним, постоянные товарищи числом более трех тысяч. Я буду тебе как бы рабом-мамлюком, которому ты будешь приказывать то, что ты желаешь. Я буду повиняться тебе так, как ты желаешь». Да воздаст ему добром всевышний Аллах!

Шамиль назначил Шуаиба и Джавадхана наибами в тех двух краях. Он при этом приказал им обоим изымать то, что будет найдено в руках людей, приходящих из Аваристана (Маарух)²⁵⁰ и убивать тех, кто будет иметь отличительные признаки мюрида или чтеца Корана, а прочих отпускать. Шуаиб и Джавадхан изымали поэтому коней у тех андийцев, гумбетовцев и каратинцев (калалал), которые приходили в Чечню в поисках зерна. В этом деле к ним обоим примкнули и некоторые товарищи Шамиля — зрелый юноша Муртаза—сын мученика Муртазаласул Мухаммада Оркачинского и другие мюриды. Этими действиями они смягчили жителей названных областей до такой степени, что они в конце концов подчинились приказам Шамиля.

В то время, когда Шамиль остановился в Гуш-Керте, он был первое время подобен брошенной тряпке. Никто не обращал на него внимания, никто не оборачивался вслед ему. И вот однажды к нему пришла женщина-чиркеевка по имени Азизай с жалобой на то, что здесь она продана и обращена в рабство. Шамиль ей дал, однако, понять, что он не имеет сил избавить ее от этого.²⁵¹

ГЛАВА О ПРИХОДЕ К ШАМИЛЮ ШАТОВЕВЦЕВ И ОСТАЛЬНЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ

[1839 г.]

В один из последних десяти дней месяца рамадан этого года Шамиль читал Коран в своей комнатке. Тут к нему подошел его сын Газимухаммад и сказал: «Женщину, которая приходила к нам, уводят какие-то мужчины. Она кричит и плачет». Шамиль выскочил тогда к воротам усадьбы и увидел ее. Женщина эта шумела и кричала: «Неужели здесь нет мусульманина, который бы освободил меня?» Шамиль при виде этого зашел в усадьбу, взял

свое вооружение, обнажил саблю и крикнул своим товарищам, чтобы они выходили. После этого Шамиль побежал вслед за теми мужчинами, ругая их и угрожая им, что он не позволит им совершить это. Тут бегущего Шамиля встретил юный шатоевец по имени Мухаммадгирей, известный тем, что знал аварский язык^{а)}. Он повис на Шамиле и помешал ему догнать тех мужчин, причем Шамилем была нанесена тогда рана руке Мухаммадгирея.

Когда те мужчины увидели Шамиля таковым, они прыгнули за дерево и отпустили ту женщину по имени Азизай, и она убежала в селение. Там, однако, вскоре собрались какие-то мужчины. Произошли спор и длинный разговор. Кунак Шамиля обратился затем к нему с речью, и тот спросил у переводчика: «Что он говорит?» Переводчик ответил: «Он заявляет, что на нем, Шабане, лежат пятнадцать туманов в качестве гарантии, что эта женщина [никуда не денется] и поэтому он хочет, чтобы ее отпустили». Шамиль выбранил кунака за это и сказал: «Если на него падет даже десять тысяч туманов, не будет позволена продажа мусульманки». Шамиль отчитал затем и брата кунака за разговор об этом — он даже^{*)} сделал перед ним знак оружием^{б)} и ткнул им в его сторону.

На том они и возвратились домой. С того дня, однако, шатоевцы начали группами посещать Шамиля и просить у него привести их к раскаянию, дать добрый совет.

Затем однажды пришел Муху Арадерихский, которого Шамиль назначил в одно [шатоевское] селение руководить дополнительными молитвами месяца рамадан (тарвиха) и со смехом спрашивает: «Что это вы сделали с ними? В сильном страхе они приходят сейчас целыми толпами, просят привести их к раскаянию. Они утверждают при этом, что Шамиль [чуть было не] убил своего кунака и его брата».²⁵²

ГЛАВА О НАЧАЛЕ СБОРА ВОЙСК ШАМИЛЕМ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ОСТАНОВИЛСЯ В ШАТОЕ

[1840 г.]

После того события жители Нижней Чечни начали группами приходить к Шамилю. Одни из них при этом просили у Шамиля разрешения переселиться к нему, но он откладывал их дело, говоря примерно так: «Возможно, что после этого Аллах создаст еще какое-либо дело». Другие нижнечеченцы просили Шамиля выступить в их сторону, но он отговаривался перед ними тем, что ему на-

а) Б, К—приписка: «язык гор».

б) К—«пошел на него с оружием».

скучили люди и общение с ними, а также—малочисленностью своих товарищей. Эти отговорки, однако, лишь увеличили просьбы со стороны нижних чеченцев и их настойчивость. Причиной же этому было то, что еще до прихода Шамиля русские взяли с этих нижних чеченцев в качестве налога по одному рублю (куруш) с каждого дома и по одному ружью с каждых десяти домов. Кроме того, нижние чеченцы слышали, что они, то есть * начальники этих проклятых людей ^{а)}, шепчутся между собой и совещаются о том, чтобы взять с каждых десяти нижнечеченских женщин еще и по паре штанов. ²⁵³

Шотоевцы удерживали тогда Шамиля и говорили: «Эти нижние чеченцы—люди злополучные, коварные и вероломные. Мы не уверены, что они не причинят тебе вреда за подарок от русских». Но вот однажды пришел один нижний чеченец и с глазами полными слез заговорил с Газиявом Андийским, после чего тот сказал Шамилю: «Ты разве не слышишь, что он говорит?» Он спросил: «Что там такое?» Газияв ответил: «Он говорит, что ты не прислушался к призывам и настойчивым просьбам наших мужчин, и поэтому сейчас придут наши женщины с тем, чтобы не возвращаться без тебя». Шамиль, Газияв и другие заплакали от этого и возблагодарили всевышнего Аллаха за такое содействие. Ведь это произошло после того, как мюриды отчаялись найти людей, которые будут согласны с ними в отношении их намерений.

Шамиль назначил тому чеченцу срок выступления и затем отправил к Ахбердиль Мухаммаду Хунзахскому, который находился тогда в Кенхи (Канху) ²⁵⁴, весть: «Нижние чеченцы, привлекая даже своих женщин, просят нас выступить на помощь к ним. Ты приходи поэтому к нам в такой-то день с теми, кто повинуется тебе». Затем Шамиль собрал мужчин-шотоевцев, дал им наставления и польстил им, сказав: «Вы стали моими кунаками и моим убежищем в то время, когда мне было тяжело в мире. Вы утешили меня, когда прочие люди отлучили меня. Вы теперь видите, что нижние чеченцы зовут меня для исправления своих дел, установления у них порядка и введения шариата между ними. Я хочу, чтобы для этого дела вы были главарями, моими помощниками в этом. Если вы сочтете целесообразным то, что я хочу, будет очень хорошо. Выступайте тогда вместе со мной. Если же нет, то я вернусь затем к вам с нижними чеченцами, и мы проведем наше дело в жизнь в вашей среде, даже против вашего желания». Шотоевцы согласились на выступление в поход * после большого шума, произошедшего между ними ^{б)}, и сказали: «Мы, однако, хотели

а) А—«начальник неверных».

б) В списке Б отмеченная фраза отсутствует.

бы попросить у тебя одну вещь». Шамиль сказал: «Просите. Я же по мере возможности попытаюсь дать вам положительный ответ». Шатоевцы сказали: «Выпал столь большой снег, что сейчас в нем тонут собаки. После того, как в конце зимы этот снег растает, мы должны будем пахать и сеять. Поэтому ты разреши нам к тому времени возвратиться назад». Шамиль ответил им на это: «Я позволю вам вернуться тогда, когда вы попросите разрешения на это».

Затем явился Ахбердиль Мухаммад с товарищами числом около пятнадцати, среди которых находились: известный хребрец Микаиль Гакваринский (Хавкари)²⁵⁵ и Кадиласул Мухаммад.²⁵⁶ После этого мюриды выступили в поход во имя всевышнего Аллаха и по Его желанию. Вместе с ними выступили и шатоевцы. Именно они берегли Шамиля и хранили его, подобно княжеским (султан) телохранителям. Они не позволяли никому из чужаков пожать руку Шамиля, ибо боялись коварства и вероломства с их стороны. Они объехали жителей Нижней Чечни, ее различные округа (вилаят) и выдрессировали их. Нижние чеченцы с удовольствием и радостью выказали повиновение Шамилю, это сделали даже их старшины. Каждый из них приносил свой отличительный знак (чин), который пожаловал ему начальник русских и прямо перед Шамилем ломал его на мелкие куски, выказывая таким образом полное повиновение последнему.

Шамиль приказал переселиться с открытых просторов на лесные полянки жителям больших селений—Шали (Чали),²⁵⁷ Герменчук (Кирмичик)²⁵⁸ и других—вместе со своими имуществами, детьми и женщинами. Он приказал им также не воевать, даже если на них нападет враг, до тех пор, пока они не закончат этого. Нижние чеченцы так и повели себя, пока не закончили подготовку и не поселились — каждый в определенном месте, после чего Шамиль приказал им сжечь те старинные, обжитые и красивые селения. Тяжело было нижним чеченцам, но они все же сделали это.

Когда мюриды подошли к Акташ-ауху, к Шамилю прибыли туда чиркеевцы—его ученик, познавший Аллаха Амирхан, его искренний друг Шайх и еще один человек, выказывая полное повиновение от имени жителей Чиркея. Чиркеевцы просили при этом небольшой отсрочки с выступлением, чтобы они могли выручить своих овец, пребывающих на равнине, из рук врагов. Шамиль удовлетворился этим и дал чиркеевцам такое разрешение.

В Чеченском вилайете Шамиль создал четыре волости (кура). В Гехинскую (Кихи)²⁵⁹ волость Шамиль назначил правителем Ахбердиль Мухаммада, в Мичиковскую (Мишки)²⁶⁰ волость — известного Шуанба, в Шалинско—Герменчукскую (Чали-Кирмичик) волость—Джавадхана, а в Ауховскую волость—следующего по верному пути мухаджира хаджи Ташава Эндиреевского.

Затем Шамиль с теми, кто был вместе с ним, повернул назад, и они прибыли в селение Ведено. Никто из веденоевцев не прибыл, однако, к нему. Затем мюриды примерно на три ночи остановились в селении Харахой (Харач).²⁶¹ Из числа харачоевцев было тогда убито около десяти человек^{а)}. Дело в том, что они не подчинялись приказам наиба, назначенного над ними, хотя он и был одним из них, а именно—Джавадхана, и не следовали его политике.

К Шамилю пришли туда тиндицы (тиндал) и багвалальцы. Он, однако, сильно поругал их и сделал им резкий выговор: «Вы не пришли тогда, когда я подымал вас для дела крайне необходимого именно вам, а сейчас у меня нет особой нужды в вас. Возвращайтесь-ка назад. Вы недостойны благодарности. Вы подобны человеку, у которого голодный попросил кусочек хлеба, а тот прогнал его с криками. Когда же голодный уже наелся вкуснейшей пищи, тот человек приносит ему — как делаете вы — хлеб, испачканный в золе. ●

Во время возвращения Шамиля назад к нему пришли веденоевцы. Они столпились было перед Шамилем, но он прогнал их, говоря: «Это — показатель вашего лицемерия. Вы уходите и не беспокойтесь».

В этот благословенный период шатоевцы попросили разрешения вернуться назад.^{б)} Шамиль разрешил им это. Шатоевцы собрали тогда тех, кто оставался с Шамилем, и * поручили его им^{в)} со словами: «Это наш кунак. Мы передаем его вам, доверяем вам его. Вы, пожалуйста, берегите и храните Шамиля, а затем возвратите его нам так же, как мы передали его вам. Если в этом вопросе вы проявите вероломство, то за Шамиля мы с вас взыщем. Мы будем мстить вам». Они были тогда как бы главарями среди чеченцев.²⁶²

ГЛАВА О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ШАМИЛЕМ И ТЕМ ЧЕЛОВЕКОМ, У КОТОРОГО ОН ВЫКОЛОЛ ГЛАЗА

[1840 г.]

Шамиль, после возвращения в Шатой, возымел намерение двинуться в сторону Осетии (Хири),²⁶³ в надежде подняться там над дорогой, построенной русскими и перерезать ее. Он, кроме того, имел информацию, что на тех дорогах^{г)} стоит древний храм, в котором находится священный свиток, и куда никто не может войти²⁶⁴

а) К—«десять мужчин».

б) А—«вернуться для пахоты».

в) А—«завещали им добро в отношении него».

г) В, К—«дорога».

Шамиль выступил в поход с товарищами. Когда они прибыли в Чуумикли,²⁶⁵ Шамиль дал чуумиклинцам добрые советы. Он мягко сказал им: «Мы не возьмем у вас имущество и никого не убьем. Что же касается вас, то если вы сочтете возможным вступить туда, куда вступили остальные люди, это будет очень хорошо. Если же нет, то вы должны просто помочь нам устранить, удалить русских, которые творят насилия по отношению к людям—обращают в рабство узденей (хурр) и насилуют женщин». Чуумиклинцы согласились с Шамилем.

Они находились в таком положении, и вдруг произошла стычка между жителями одного селения и проходившими через него воинами. Шамиль вернулся тогда в то селение и установил мир между сельчанами и воинами. Они помирились.

В том селении нашелся один злой, сильный и грубый мужчина, которого звали Губаш.²⁶⁶ Он разбойничал, убивал людей или же сажал их в темницу, а затем брал с них имущество. Люди потребовали убить его. Шамиль, однако, не захотел а) снова вернуться к слову, которое он дал чуумиклинцам б). Поэтому он приказал лишь выколоть глаза Губашу, и их выкололи. Самого же его связанным бросили тогда в один дом. Следует отметить, что у Губаша была столь большая сила, что семеро юношей лишь хитростью, и потащив за ногу, смогли свалить его и уложить для того, чтобы выколоть глаза.

Шамиль и его товарищи еще ранее остановились в доме, расположенном рядом с тем домом в). Когда то дело было закончено, наступил рассвет, и мюриды совершили первый намаз. Шамиль приказал затем, чтобы караульщики были бдительными, осторожными, поставил одного человека у ворот того дома, и лишь после этого мюриды легли, чтобы поспать.

Шамиль лежал на возвышении. Он полудремал, полуспал и вдруг услышал снаружи звуки, подобные лаю дерущейся собаки. Он крикнул своим товарищам, расположившимся во внутренней части дома, чтобы они вышли. И тут перед ними появился из-за дверей мужчина с обнаженным кинжалом в руке. Шамиль прыгнул на него, а те, кто был в доме, выбежали. Дело в том, что там вместе с Шамилем не было его особо верных товарищей.

Шамиль первым делом сжал руку нападавшего, в которой находился кинжал. Они начали бороться, и причем в руках у Шамиля не было никакого оружия. Происходило же все это рано-рано утром. Шамиль кричит своим товарищам: «Этот враг убьет меня.

а) В — «Шамиль не счел, что его нужно убивать».

б) А — приписка: «то есть нарушить его»; К — приписка: «Это потому, что было сказано: «Мы не возьмем у вас имущество и не убьем ни души». (От него)».

в) А — слово «дом» отсутствует.

У меня в руках нет оружия»,—а враг все исхитряется ударить его кинжалом или воткнуть его в Шамиля; от рук Губаша Шамиль получил около двенадцати ран по корпусу, на животе, ниже пупка у него было тогда около семи царапин, а кости на груди треснули от давления всем весом на голову этого человека. Тут на них двоих бросился кунак Шамиля—Шабан Шатоевский, но проклятый нападающий нанес ему колющий удар, и тот умер. Шамиль закричал, называя имя своего храброго товарища Мааша Зумсоевского (Зунси).²⁶⁷ Тот прыгнул, но нападающий нанес и ему колющий удар. Мааш упал с глубокой раной, и вот тут Шамиль свалил напавшего после долгой взаимной борьбы. Этот человек укусил тогда Шамиля в локоть, а тот укусил его в голову, да так, что воткнул в нее свои зубы. Шамиль своей ногой надавил Губашу на руку, в которой был кинжал. Тут подоспел Зирар Шагадинский (Шахади)²⁶⁸, и Шамиль приказал ему вырвать кинжал из руки напавшего. Зирар сказал: «Для меня это невозможно». Шамиль тогда сказал: «Ты вырви этот кинжал, отрубив ему пальцы». Кинжал был вырван, а тот мужчина^{а)} смертельно ранен и брошен в угол дома. Он при этом что-то пробормотал. Сказали, что он говорит: «Ну каковым ты почувствовал меня?» Шамиль ответил: «Ты скажи ему: «А я? Каковым он нашел меня, при том, что я был безоружным?»»

Затем Шамиль спросил сельчан про человека, который напал на него. Ответили: «Да это же тот самый человек, которому выкололи глаза». Тогда Шамиль сказал: «Вы посмотрите на него хорошенько, он ли это?» Оказалось, что это именно он, и тогда Шамиль сказал: «Если бы я знал это, то не стал бы его обхватывать. Убить его было бы намного легче по-другому».

Жители того округа (махала)^{б)}²⁶⁹ вознамерились затем напасть на товарищей Шамиля, думая, что он убит руками этого мужлана^{в)}. Тогда Шамиль, проявив терпение, при тех ранах вышел в поле их зрения. После этого они отказались от своего намерения, а Шамиль вернулся в Шатой.²⁷⁰

ГЛАВА ОБ ИШКАРТЫНСКОМ И ДРУГИХ СРАЖЕНИЯХ

[1840 г.]

Из-за тех ран Шамиль пролежал около двадцати дней. Ревностные мюриды в большинстве своем чиркеевцы начали подталкивать Шамиля к проведению в жизнь шариата и войне против враж-

а) К—здесь и выше вместо «мужчина» написано «проклятый».

б) Можно иначе «квартал».

в) А—«мужчина».

дебных элементов. Они, заявляя: «Если для тебя невозможно сейчас сидеть верхом, мы понесем тебя на носилках, положив их на плечи». Шамиль тогда встал, хотя его раны еще не зажили и оставил своих близких и детей в селении Дашмирза²⁷¹ у одного благородного кунака; затем известный храбрец Шуаиб перевел их в Инди-юрт (Андивурт),²⁷² а оттуда в Старое Дарго.

Когда мюриды подошли к селению зубутлинецв (зубут), обнаружили, что последние с примкнувшими к ним преступными старшинами из Эндирея и других сел изготовились оказать сопротивление и даже сражаться. Шамиль с группой мюридов пошел на них тогда с одной стороны, его ученик Амирхан Чиркеевский с группой—с другой стороны, а Маммадхан Андийский с группой—с третьей стороны. В результате чужаки оттуда^{а)} бежали, а жители Зубутля подчинились.

Шамиль остановился затем на горе Чиркея. Чиркеевцы начали тут спор и ссору между собой, длившиеся до тех пор, пока один мюрид из числа их не сказал кадию Чиркея: «Эй, кадий! Тебе не следует стараться обмануть всевышнего Аллаха, а нам, видимо, не следует стараться обмануть тебя. Тот, кто хочет Шамиля, пусть садится с этой стороны, а тот, кто хочет кого-либо другого, пусть садится с той стороны». Все чиркеевцы пошли на сторону желающих Шамиля и подчинились ему.²⁷³

После этого Шамиль повел чиркеевцев и других людей к селению Ишкарты (Ишкатали).²⁷⁴ В нем мюриды застали шамхала^{б)} и Ахматхана с теми, кто бывает вместе с ними^{в)}, а также русских, укрепившихся в усадьбе Алисултана—старшины ишкартинцев. Мюриды сразились с врагами. Чиркеевские юноши при этом напали на них со стен, как птицы на ток с зерном. Мюриды перебили тогда большинство врагов. Оставшиеся же в живых обратились в бегство.

Затем Шамиль пошел к Эрпели. Он попортил и сжег усадьбу Уллубия; так ему и надо! Дело в том, что Уллубий два раза направлял людей с заданием отравить Шамиля.

Один раз это было во время правления Хамзата, когда Шамиль находился в селении Гимра. Уллубий отправил тогда одного недоразвитого харачинца, чтобы тот отравил Хамзата и Шамиля. Гимринские дозорные пленили, однако, этого харачинца. Бартихан приказал проверить его одежду, и в ней нашли яд. Харачинец, впрочем, заявлял, что это лекарство, и тогда по знаку одного ев-

а) А—отмеченное слово отсутствует.

б) К—«сын Муслим-хана-шамхала»; чит. «Абумуслим-хан-шамхал» (Г. А)

в) А—«... с ними из числа жителей Равнины».

рея решили покормить харачинца этим «лекарством». Тут он покорился, признался во всем и сообщил имя того, кто вручил ему яд.

Другой раз Уллубий послал с ядом племянника Шамиля—Ибрахима, сына Бартихана, с двумя товарищами — родственниками Ибрахима и Шамиля. Тогда Уллубий был правителем еще и Гимир, назначенным туда русскими, после ухода Шамиля с Ахульго, когда последний находился в селении Ведено Чеченского вилаята.²⁷⁵ Уллубий от имени русских пообещал при этом: награды, подарки и полную мерку (**кайл**) серебра. Он заявил: «Русские построят одну крепость в Анди, другую крепость в Ботлихе²⁷⁶ и третью крепость в области гидатлинцев. Они наберут затем солдат со всего Дагестана для выступления против турецкого султана^{а)}. Вы же будете освобождены тогда от необходимости выступать в поход вместе с ними. Русские, кроме того, возвратят вам ваши земли; утверждали, что земли Бартихана и Шамиля были записаны в пользу государства (**пашалих**)^{б)}. Люди изъявили тогда Уллубию полное повиновение в том вопросе. Уллубий обрадовался этому, развеселился и постоянно рекомендовал им, чтобы они, если вспотеют, не прикасались ядом к своему телу.

Когда посланные прибыли затем в Ведено, с Шамилем им встретиться не пришлось, ибо он ушел к тому времени в Шатой. Так ни с чем они и вернулись назад: как же все таки туп и глуп был этот проклятый Уллубий,^{в)} когда подумал, что его красивые слова обманут племянника Шамиля,^{г)} он даст ему яд и этим убьет^{д)}.

Затем Шамиль пошел было к Каранаяу, но тут чиркеевцы возвратились домой на жатву. Из-за этого андийцы возвратили оттуда Шамиля.²⁷⁷ Тогда он пошел со своими товарищами к чеберловцам (тадбутри)²⁷⁸ и подверг их дрессировке. Затем Шамиль возвратился [в Дагестан] через селение Ансалта (Ансалда)²⁷⁹ и остановился на тукитинской (Тукита)²⁸⁰ площадке.

В Тлайлухе²⁸¹ и других местах Шамиль уничтожил тогда поссы Ахматхана. Тот при этом смотрел на мюридов сверху и был не в силах помешать этому. Когда затем Шамиль прибыл в селение Игали, к нему явился Тидуриль Мухаммад Мушулинский²⁸² — товарищ Ахматхана. Он утверждал, что бежал от последнего, похитив у него при этом отличного коня и прекрасное ружье. Тидуриль Мухаммад заявил затем, что и конь и ружье — это его подарок Шамилю. Он явно показывал, что хочет быть сопровождающим

а) А—«падишах ислама».

б) Б, В—«(пашалух)».

в) — «Как же туп этот мулла».

г) — А — «племянник Шамиля и его родственники».

д) А — «...яд, чтобы он умер».

Шамиля. Шамиль, однако, ответил Тидуриль Мухаммаду: «Весьма вероятно, что ты прибыл по совету Ахматхана, который желает проявления вероломства с твоей стороны по отношению к нам. Что такое для Ахматхана конь и ружье? Пусть они останутся у тебя. Мы не возьмем тебя в число сопровождающих, пока не убедимся в твоей искренности. Вот если ты проявишь старание в деле нанесения вреда нашим врагам, будешь убивать из числа их каждого, кого встретишь, чтобы наши сомнения и подозрения отошли от тебя, то тогда сделаем тебя одним из наших особо близких приятелей и товарищей».

Тидуриль Мухаммад повел себя не так, чтобы им были довольны мюриды, а тут прибыл в качестве мухаджира Хаджимурад. Он то и известил, что прибытие Тидуриль Мухаммада произошло именно потому, как думал Шамиль. Затем Хаджимурад убил его из-за какого-то дела, произошедшего между ними обоими.

Шамиль пошел затем дальше. Остановились мюриды в Гельбахе и Янгиюрте (Янгивурт).²⁸³ Он подверг их население дрессировке, а их юношей направил в Чиркей в качестве заложников. Остановив в тех двух селениях пехоту, Шамиль двинулся затем с конницей на овечьи кутаны жителей Равнины. То, что там было тогда, пожгли. Овец же не застали.

Русские двинулись на пехотинцев. При этом те заложники и люди, отправленные вместе с ними [случайно] попали к ним в руки. Тем временем пехотинцы ушли из тех селений. Затем они встретили русских в одном месте, но тогда обе стороны без боя ушли оттуда. После этого русские вступили в Гельбах и Янгиюрт. Вскоре, однако, возвратился Шамиль с конными. Соединившись с пехотинцами, они пошли дальше. На горе Пиравуз мюриды простояли около двух или трех дней. Затем они совершили движение на Янгиюрт. Янгиюртовцы, как оказалось, убежали из селения и тогда мюриды забрали то принадлежащее им имущество, которое было найдено там. Жителей же Гельбаха мюриды переселили тогда в одно крепкое место. Потом они сожгли оба эти селения.

Шамиль вернулся затем назад и отправил каранайцев и чиркейцев на гимринцев. Те смягчили их и подвергли дрессировке. Сам же Шамиль с теми, кто был вместе с ним, ушел.²⁸⁴

Мюриды остановились в местностях Мухита²⁸⁵ и Тасса Ашильта.²⁸⁶ Затем Шамиль пошел оттуда на Ахульго и тогда похоронил там свою жену Джавхарат, как то было уже рассказано. С Ахульго же он пошел в свое селение Гимры.

Когда унцукульцы узнали, что среди тех, кто остановился на Мухита, отсутствуют Шамиль и его товарищи, они двинулись на них. Унцукульцы сразились с мюридами. Были раненые. Унцукуль-

цы захватили тогда часть лошадей, принадлежавших мюридам и возвратились назад.

Дополнение. Всякие злые дела и всякие мерзости, которые имели место со стороны унцукульцев, происходили обязательно под руководством муллы Шабана. Мудрый Аллах—устроитель и судья, которого я прославляю, не убил его^{а)}, однако, саблей имама Шамиля.

Затем, против Гимр, когда там находился Шамиль, двинулись русские. Шамиль сидел в мечети, и вдруг юноши из числа тех, которые были вместе с ним, страстно бросились навстречу врагу. Там-то и пал мучеником за веру наш умелый брат Тахир Унцуккульский,— да помилует его всевышний Аллах!

Говорят, что Тахир оставался мертвым среди врагов до их ухода из Гимр. Когда Тахира нашли, оказалось, что его одежды не были сняты с него. Лишь одна из двух сандалий была содрана, но и та оставлена рядом с Тахиром; да и в кармане его плаща находилось при этом небольшое количество серебра.

Говорят также, что мать Тахира Унцуккульского подошла к его телу, однако не заплакала, не выказала печали, а, напротив, проявила радость. Она сказала, обращаясь к Тахиру, примерно следующее: «Сынок! Я довольна тем, что всевышний Аллах одарил тебя тем, что ты искал. Ты ведь давно искал это. Слава тебе!» Да будет всевышний Аллах доволен ими обоими и нами!

Юноши разбежались тогда, забыв об имаме. Тут, однако, подошел один его товарищ и сказал: «Люди вышли и убежали. Остались лишь те, кто здесь». В это время подошел Муса Балаханский и принудил Шамиля согласиться выйти. Мюриды вывели Шамиля босым из мечети, к которой русские уже приблизились. Мюриды увидели тут своих воинов. Они находились вдалеке и при этом убегали. Тогда Шамиль приказал своим товарищам поторопиться, чтобы враг не достиг узкого входа в ущелье раньше их. Когда же мюриды вышли из ущелья, они пошли уже спокойно. Затем Шамиль остановился на мосту Сагри²⁸⁷ и тут он сбросил в реку ружья многих мужчин в качестве наказания.²⁸⁸

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА САИД-ЮРТ

[1840 г.]

До Шамиля, находившегося на Мосту Сагри, дошла весть, что русские вступили в Саид-юрт^{б)}.²⁸⁹ Он тогда выступил оттуда, а когда подошел к Гелдегену (Килдиркин),²⁹⁰ к нему присоединился

а) А — приписка: «то есть всевышний Аллах не предопределил его убийство».

б) А — «Саидвурт».

В качестве мухаджира Хаджимурал. Когда же они, то есть Шамиль и его товарищи, встретились в Саид-юрте с русскими, то сразились с ними и перебили большое число их. Мюриды обратили русских в бегство, а затем до середины зимы тысяча двести пятьдесят шестого (1841) года совершили круговой обход, вводя управление среди людей, исправляя их и нападая* на тех, кого посылают в набег против них^{а)}.²⁹¹ Затем Шамиль возвратился к своей семье и своим детям, находившимся в Старом Дарго. Дело в том, что Шамиль разлучился с ними еще в Шатое в конце зимы прошлого тысяча двести пятьдесят пятого (1840) года, и они переселились в Дарго.

Дополнение. Во время этого похода отряд Ахбердиль Мухаммада взял в плен много людей. Среди них была и Шуванат — дочь моздокского (музлики) христианина. Её застали сидящей на своей драгоценной коляске (**килиска**)^{б)}.²⁹²

С ее слов рассказывают, что они вышли и продвигались к Ставрополю (Истаранул), опасаясь наступления войска Шамиля. Говорят также, что в той ситуации ее везли в качестве невесты к тому графу, который являлся начальником русских, когда они взяли Ахульго. * Хвала великому Аллаху! Как все же здорово Он наказал проклятого за его дела еще до наступления дня Воздаяния—Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней^{в)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ ГЕЛЬБАХА ТРЕТИЙ РАЗ И НАПАДЕНИИ НА НАЗРАНЬ

После ухода имама Шамиля жители Гельбаха возвратились в свое селение. Они восстановили Гельбах, укрепили его, воздвигли заграждения на его окраинах, а также построили на этих окраинах башни. В конце зимы, однако, имам выступил [из Дарго] и собрал против гельбахцев воинов. Когда эти воины приблизились к гельбахцам, то атаковали последних и немедленно ворвались в село. При этом несколько человек имама пало мучениками за веру, а также было убито много гельбахцев. Остальных мюриды подвергли дрессировке и сделали мягкими.

Шамиль возвратился затем оттуда и направил войско в сторону назрановцев (насири).²⁹³ Когда Шамиль остановился на равнине

а) А — «... на тех, кто боролся с ними по вопросам ислама».

б) А — «на своих дрожках».

в) А — «Шуванат приняла ислам, стала доброй мусульманкой, и имам Шамиль женился на ней. Хвала Аллаху! Как Он вознаградил Шамиля еще до дня Воздаяния—дав ему хорошую девушку взамен мученицы за веру Джархарат».

назрановцев, то вначале сжег некоторые их селения. Назрановцы обманули тогда Шамиля, заявив, что они согласны с ним.²⁹⁴ Они оттягивали решение своего вопроса до тех пор, пока не завели в крепость своих детей и женщин, свои имущества. Затем они напали на один край войска имама. Люди его отошли в сторону. Имам с товарищами передвинулся тогда на холм и начал называть отходящих по племенам (кавм). Они тут возвратились к нему, сразились с назрановцами и загнали их в крепость.

ГЛАВА О ПРИХОДЕ РУССКИХ В ЧИРКЕЙ И ПОСТРОЙКЕ ТАМ КРЕПОСТИ

[1840 г.]

В начале этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам услышал, что русские идут на чиркеевцев. Он тогда остановился на горе и призвал наибов с войсками. Тут пришли русские и дали сражение напротив Чиркея, со стороны местности Ургу.²⁹⁵ Оттуда, однако, русские не смогли овладеть Чиркеем, и тогда одна группа их выступила с намерением напасть на чиркеевцев со стороны мельниц Хусайна. Имам же имел в виду, что в той местности будет сооружен завал, и он сразится там с русскими, но не явились наибы со своими войсками. К имаму, таким образом, не прибыли люди в количестве, достаточном, чтобы противостоять русским в том месте. Поэтому русские и вошли в Чиркей, а мюриды, кто смог, бежали от них. Имам страшно разгневался тогда на наибов, был в ярости.

Часть русских начала затем строить крепость в Чиркее,²⁹⁶ а другие устремились на Аух. Имам же, когда наблюдал за ними с возвышенного места через подзорную трубу, вдруг заметил, что воины-андийцы уже ушли. Он спросил: «А где они?» Сказали, что андийцев возвратили назад их наиб Галбац Каратинский и Байсулав Андийский. Имам разгневался на них до такой степени сильно, что вознамерился было убить тех двоих там же. Русские тогда в Аух, однако, не вошли, а имам возвратился домой и сместил наибов, даже Шуаиба.

Байсулав после того обошел андийцев и имел с ними тайную беседу такого примерно содержания: «Мы попросим у Шамиля заново назначить правителем над нами Галбаца. Если же Шамиль откажет, то мы назначим его самовольно». Вот с такими намерениями Байсулав направился к Шамилю.

Лабазан (Рамадан) Андийский и еще кое-кто, думающий так же, сообщили Шамилю, что намерения и разговоры Байсулава такие-то и такие-то. Поэтому, когда Байсулав прибыл, его убили.

Затем имам пошел к селению андийцев. Они возымели было намерение помешать мюридам. Но Шамиля встретили: сын Лабазапа и андийские мюриды. Они то и ввели Шамиля в Анди, после чего он назначил правителем над андийцами Газиява Андийского, а хаджи Яхью Чиркеевского отправил, чтобы тот взял казну, которую собрал и сделал своей собственностью Галбац. Тот, однако, скрылся от Яхьи и таким образом у последнего не было возможности встретиться с ним. В доме Галбаца из той казны Яхья нашел немного чего, ибо тот спрятал ее у каких-то людей в различных селениях. Говорят, что перед этим Галбац имел даже намерение воевать с имамом и направил по этому поводу послание в Кванада и Гидатль.²⁹⁷

Шамиль находился в Анди²⁹⁸, и вдруг прибыл человек с просьбой о помощи, сообщивший, что русские входят в Аух. Имам, как птица, полетел оттуда к ауховцам примерно с сотней товарищей. В Аух они прибыли ночью. Там мюриды и остановились. Когда же русские узнали о прибытии туда имама, то сильно перепугались и собрались убежать той же ночью. Джамал Чиркеевский уговорил их, однако, потерпеть до утра. Поэтому они убежали утром. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ ЗАХВАТЕ УНЦУКУЛЯ, А ТАКЖЕ ГИМР И БАЛАХАН

[1840 г.]

В конце осени этого—тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года имам был болен, и поэтому во главе войск, идущих на Унцукуль, он направил муллу Абакара (Абу Бакр) Аргванийского. Туда они вступили ночью. Мюриды^{а)} взошли на плоскую крышу унцукульской мечети и громкими голосами запели: *Ля иляха илла ллах*. После этого часть унцукульцев убежала из селения, а оставшиеся были подвергнуты дрессировке. Они подчинились Шамилю, и тогда над ними был назначен наибом и кадием одновременно некий Алим^{б)}, а рядом с ним—в качестве помощников поставили Раджабиль Мухаммада Чиркеевского с его товарищами.²⁹⁹

Несколько мужчин из числа унцукульцев, среди которых находился и хаджи Кебед, были отправлены тогда [к имаму] в качестве заложников. Повиновение выказали также гимринцы и балаханцы (билик).

а) В некоторых списках: «Мюриды из него (Унцукуля—?)».

б) Можно иначе: «один ученый».

Затем тот наиб и его помощник начали давить на унцукульцев, грубо обращаться с ними, утверждая при этом, что они де выявляют имущество тех, кто убежал. Это стало тягостным для унцукульцев, их нутро испытало отвращение к шарияту, а их души были возмущены им. Ухудшились также помыслы унцукульцев по сравнению с теми, которых они держались прежде из-за установленного над ними управления, разрыва [торговых] отношений и длительной вражды.

В конце зимы того же года имам отправил хаджи Кебеда к себе домой. Шамиль при этом из щедрости дал ему коня.

Найдя унцукульцев в названном состоянии, хаджи Кебед, естественно, не мог одобрить этого. Он задумал хитрость для устраниения этой ситуации. В одну из ночей, в то время, когда имам был занят покорением ^{а)} Казикумуха, был убит дядя Кебед-хаджиява по линии матери. Он, кстати, был известен тем, что полностью повиновался наибу и его помощнику, бегал к ним и сплетничал ^{б)}, а они оба верили ему. Вот тут-то Кебед-хаджияв и закричал: «Эй, те унцукульцы, у кого находятся гости! Сажайте их под арест!» Дело в том, что товарищи наива и Раджабиль Мухаммада были разбросаны среди унцукульцев в качестве гостей. Затем Кебед-хаджияв обматерил наива-кадия, и тот убежал из мечети босиком. Товарищей его унцукульцы посадили под арест.

Что же касается Раджабиль Мухаммада Чиркеевского, то он еще днем пошел в Гимры. В ту же ночь, однако, он вернулся назад к своему кунаку Султану Унцукульскому—отцу Хаджимухаммада. С его-то разрешения, по его слову, Раджабиль Мухаммад и сумел убежать, скрываясь ото всех; он никому никогда не сообщал о том, опасаясь, что унцукульцы причинят вред его кунаку.

Имам обменял потом тех товарищей на унцукульских заложников.

Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. ³⁰⁰ После этого унцукульцы стали их близкими друзьями ^{в)}

а) А — «то есть смягчением».

б) А, Б — «доносил».

в) Б, К — «Раджабиль Мухаммада там не было. Он тогда находился в Гимрах. Потом они обменяли тех товарищей на унцукульских заложников. Затем унцукульцы позвали к себе русских, и те построили у них крепость. После этого унцукульцы стали их близкими друзьями»; К—приписка: «В 1285 (1868/69) году в Темир-Хан-Шуре мне рассказал Хаджимурад—сын Султана Унцукульского—кунака Раджабиль Мухаммада, что той ночью он уже вернулся к ним из Гимр. Затем он убежал, скрываясь ото всех и не сообщив никому о своем пребывании там даже потом. Он опасался, что унцукульцы обвинят его кунака в нарушении того, что они объявили, а именно в отпуске Раджабиль Мухаммада (от него)».

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КУЯДА ВОЙСКОМ ДЖАВАДХАНА

[1841 г.]

Тот же осенью к имаму в Дарго пришел Кебедмухаммад Телетлинский. Он просил у Шамиля войско для покорения своего края и соседей. Имам отправил тогда вместе с Кебедмухаммадом Джавадхана и его войско. Они пошли затем на юг, присоединив по пути Нурмухаммада Инховского и тех людей, над которыми он стоял, а также—андийцев.

Прибыли к границам Куяда. Куядинцы дали было мюридам сражение, но те поубивали их, взяли плен и затем вошли в некоторые куядинские селения. Оставшиеся куядинцы собрались тогда в других селениях и укрепились там. Тут, однако, подошел кроткий миротворец Омариль Мухаммад³⁰¹ Карахский—да помилует его всевышний Аллах—с товарищами. Он установил мир между враждующими сторонами. Куядинцев он заставил при этом согласиться с властью Джавадхана.

К Джавадхану прибыл тут благочестивый мудрец Ханав³⁰² Слепой Куядинский. Джавадхан спросил его: «Ты почему же не пришел до того, как произошла эта смута?» Ханав ответил ему: «Для жителей этого ущелья эти убийства и строгое наказание были просто необходимы». Из-за таких слов Ханав Джавадхан освободил тех куядинцев, которых он ранее посадил под арест для последующей казни. При этом, однако, некоторых куядинских юношей Джавадхан все же отправил [к имаму] в качестве заложников.³⁰³ Что же касается дервиша Нурмухаммада, то он с товарищами прибыл затем в Карах, где взял некоторых карахских юношей в заложники. Они были отосланы в Карата^{а)}.

ГЛАВА О ВЗЯТИИ КАЗИКУМУХА ПЕРВЫЙ РАЗ

[1842 г.]

В конце зимы тысяча двести пятьдесят восьмого (1843) года имам услышал, что русские продвигаются вглубь [страны] со стороны селения Чох.³⁰⁴ Он птицей полетел тогда с намерением помешать им—поднял воинов, и они перешли реку голотлинцев с западной стороны через брод, имеющийся в ней. Русские при этом с хунзахской стороны обстреливали их из пушек.

Мюриды все же прошли, двигаясь при этом и ночью. Когда же те проклятые враги, наступавшие с юга, узнали о выступлении имама и его приближении, то убежали назад. А имам со своими

а) К—«в Чиркей».

полками остановился в селении Чох: он тогда взял с чохцев в качестве залога много ружей, а также обязал их воевать с врагом и ввести шариа́т в своей среде.

Мюриды остановились затем в селении согратлинцев. Они таким же образом подвергли согратлинцев дрессировке. Кадий^{а)} же — сын кадия успел тогда убежать в Казикумух.

После этого имам возвратился назад и остановился в Телетле. Тут к нему пришел один рисорец,³⁰⁵ который утверждал, что его отправил идущий по верному пути тарикатский наставник (уста́з) Джамалуддин. Затем рисорец вытащил несколько фиников и сказал, что Джамалуддин подарил их Шамилю вместо письма. Рисорец сказал далее, что тарикатский наставник говорит: «Если у тебя—о, Шамиль!—будет намерение идти на Казикумух, то сейчас самый подходящий для тебя момент, чтобы войти туда».

Имам со своими победоносными полками повернул [из Телетля] назад. Его товарищи при этом постоянно советовали ему отправить [в тыл—?] заложников, взятых от людей, которые проживают вдоль дорог, чтобы те не проявили вероломства в момент возвращения. Имам, однако, пресекал их болтовню, говоря: «Мы идем в Казикумух для того, чтобы погибнуть там мучениками за веру и быть затем погребенными на кладбище османцев (усманли),³⁰⁶ находящемся там, а не для того, чтобы возвращаться назад».

Имам остановился в селении Бухты (Бухди),³⁰⁷ но при этом часть его полков продолжила движение^{б)}, а часть шла следом. Тут к Шамилю, в дом его кунака, прибыл тарикатский наставник Джамалуддин и попросил его не вводить полки в Казикумух. Имам сказал тогда: «Мы возвратились [из Телетля] по твоему указанию и согласно словам твоего посланника». Тарикатский наставник сказал: «Я его не посылал и не знаю о нем ничего».

После этого имам все же выступил из Бухты, двинулись и полки. Они хлынули на город Казикумух и вступили в него после сражения. Многие из тех, кто прибыл из отдаленных краев на помощь казикумухцам, тогда убежали. Что же касается главарей и старшин казикумухцев, то они остались осажденными в крепости, находившейся в том городе.

Полки мюридов рассеялись по Казикумуху. Они разграбили имущество, попортили усадьбы и вплоть до утра держали в сильнейшей осаде тех, кто находился в крепости. Когда же наступило утро, люди, сидевшие в крепости, сдались на милость имама. Там были тогда обнаружены: два русских начальника; Яхья Дженгу-

а) А—«кади (къади)».

б) А—приписка. «то есть через селение».

тайский (Чункути)³⁰⁸—сын Будая Кривого и его товарищи; кадий — сын кадия Согратлинского и еще кое-кто из числа главарей и старшин.³⁰⁹

Шамиль отправил двух русских начальников в Дарго. Около тринадцати мужчин, и в том числе Яхью и его товарищей, он казнил. Некоторых, и в том числе правителя вилаята Кюрэ Харуна — сына Тахира и кадия — сына кадия, который долго старался в меру своих сил доставить имаму затруднения, последний при этом отпустил. Имам, кстати, время от времени говорил: «Попадет еще шея этого кадия под наш топор», но тогда Шамиль сказал ему: «Эй, кадий! Ты знаешь такой аят Корана: «Спросит тогда человек — где же мое убежище?»^{а)}. После этого, однако, Шамиль назначил кадия наибом над согратлинцами и их вассалами (таби).³¹⁰ Некоторых казикумухцев имам отослал тогда [в Дарго—?] в качестве заложников: Омара³¹¹—брата Тахира, двух сыновей Тахира—Махмуд-хана и Джабраила. Их брата хаджи Яхью—сына Тахира имам назначил в то же время наибом над вилаятами Казикумуха.³¹²

Имам просидел в Казикумухе одну неделю^{б)}. Затем он услышал, что русские входят в селение голотлинцев. Тогда вечером он двинул туда Кебедмухаммада Телетлинского и его войско, а на следующий день выступил сам. Когда мюриды пришли в Голотль, они нашли там русских. Они убили тогда большое количество их, и после этого русские убежали туда, откуда пришли. Затем имам с теми, кто остался вместе с ним, поднялся к хунзахцам: он лично с одной стороны, а Хаджимурад с другой. Там, однако, ничего особенного не произошло. Хвала—Аллаху, Господу миров!

ГЛАВА О ВТОРОМ СРАЖЕНИИ В КАЗИКУМУХЕ

[1842 г.]

Когда имам возвращался из Кумуха назад, он приказал наibu Абдурахману Карахскому помогать хаджи Яхье в проведении дел и в политике. Абдурахман на время поставил рядом с Яхьей своих муртазиков, которым он передал для поддержки своих кавалеристов. Однако порядок в тех вилаятах, необходимый для отражения врагов и противодействия им, так и не установился.

Тут подошли русские. Остановились они в Кивиди (Кибуда)³¹³ и около него. Наиб хаджи Яхья и те, кто был вместе с ним, а также люди Абдурахмана Карахского при этом убежали. Обрати-

а) Коран.

б) Можно иначе: «пятница».

лись за помощью к имаму; говорят, что эта была коварная хитрость, обман со стороны врагов, предпринятые для того, чтобы имам выступил к Қазикумуху, а русские бы тем временем вошли в Дарго, где находились его дети и женщины. Имам выступил [из столицы], собрал войско и форсировал унчукатлинскую (Хамчукута) реку.³¹⁴ Затем он пошел через Хури—Хурукра (Хур—Хурукла).³¹⁵ Русские же обстреливали тогда мюридов из пушек, находясь в своем лагере. Затем имам направил Даниял-султану³¹⁶, который пребывал тогда вместе с русскими, письмо следующего содержания: «Если кто-либо взял что-нибудь, то он должен крепко держать это в своих руках^{а)}. Ты спокойно стой там вместе с русскими, а мы дия через три водрузим свое знамя—если захочет всевышний Аллах—на краю плоской крыши твоего дома в Елису».³¹⁷ Все это являлось коварной хитростью, обманом со стороны имама для того, чтобы вывести *этих проклятых^{б)} из Кивиди. Затем имам остановился в Кули-Хосреке (Кул-Хусрак),³¹⁸ а следом за мюридами туда пришли русские, которые, однако, остановились в стороне. Вскоре, впрочем, произошло сражение в ходе которого был нанесен ущерб согратлинским юношам, а ночью имам получил известие, что русские со своими пушками и палатками покинули Кивиди и там из числа их осталось лишь немного солдат, засевших в верхней крепости. Поэтому ночью имам объявил отправленне с тем, чтобы мюриды остановились уже в Қазикумухе, укрепили его и вместе с казикумухцами сражались бы там против врагов. Когда, однако, войско пришло в движение, готовясь к отправлению в путь, глашатай из числа жителей того селения, где они стояли, закричал: «Войско обратилось в бегство», после чего благоразумный Ахбердиль Мухаммад убил его.

Ночью двинулись в обратный путь. Большинство бойцов думало тогда, что это бегство. Имам же был озабочен и всю старался, как бы разрушить шовкринский (Шавукра) мост,³¹⁹ после того, как его войско перейдет по нему; он назначал для этого людей и посылал их, но этого сделать не удалось. Остановились мюриды в Қазикумухе, а вскоре они услышали грохот пушки, которая шла вслед за ними. Воины отступили, а затем, испугавшись, побежали, подобно диким ослам. Остались лишь спавшие в Қазикумухе. В числе тех, кто остался там, были: ученый хаджи Абдурахман Согратлинский, ученый *Хаджияв Чиркеевский — сын Шахмардана и ученый Чухалав (Шухалав) Магарский^{в)}.³²⁰ Они были взяты в

а) Б — фраза «в своих руках» отсутствует; В — отмеченное предложение кончается словами: «... с русскими».

б) А — «русские».

в) В — лакуна в тексте.

плен, отправлены в Тифлис и пробыли там в заключении некоторое время.

Приложение. Ученый хаджи Абдурахман Согратлинский отправил затем послание имаму Шамилю, в котором содержалось несколько двустижий. Одним из них является такое двустичие:

О, если бы я знал причину задержки Шамиля с выкупом!

В том ли она, что он отвернулся от нас, или же враги ему воспрепятствовали?

Когда братья хаджи Абдурахмана принесли Шамилю это послание, он сказал им: «Одни люди говорят мне: «Русские отдадут тебе в качестве выкупа за этих двух начальников твоего сына». Другие говорят: «Они дадут тебе за этих двоих много богатства». Я же умом люблю ученых и поэтому не желаю взамен двух русских начальников ни сына, ни богатства. Однако я вижу, что в отщужении русских с нашей стороны наиболее подходящее сейчас — продемонстрировать безразличие к заключенным». Затем имам послал весточку с предложением выкупа. От русских пришел ответ: «За этих двоих начальников мы можем дать в качестве выкупа только одного человека». Тогда Шамиль сказал посланникам русских: «Самое желанное для меня — казнь неверного, — и добавил. — Пусть они делают с заключенными мюридами, что хотят. Пусть они сварят их в котле». После этого речь врагов смягчилась, и они согласились совершить выкуп так, как хотел Шамиль. Хвала Аллаху, который подчиняет себе любого, кого захочет, и причем тому, чему Он хочет ^{а)}.

Ученые были затем выкуплены за тех двух русских начальников, которые были взяты в плен при взятии Казикумуха первый раз.

Имам и Ахбердиль Мухаммад, и их товарищи — пешие и конные с их снаряжением, багажом проходили мимо селения Арчи (Ручи). ³²¹ Вместе с мюридами был и Башир — сын Тахира. ³²² Из селения вдруг выпустили по ним несколько пуль. Башир торопливо шел тогда впереди, и имам приказал одному своему товарищу, так, однако, чтобы Башир услышал: «Скажи ему пусть идет спокойно, чтобы наши товарищи и пехотинцы могли догнать нас. Если же нет, я всажу ему пулю в самый центр спины». Башир подчинился этому, после чего имам сказал ему: «Крикни-ка этим стрелкам, которые сражаются против нас». Башир покричал что-то арчинцам на их языке. Они сразу отошли назад и успокоились.

^{а)} Отмеченный текст («Приложение») имеется только в списке А.

Ахбердиль Мухаммад* со своей и имама^{а)} конницей и солдатами³²³ остались там, подобно островкам. Имам же остановился на одной имеющейся там горе и говорит [арчинцам]: «Мы сражаемся с врагами ислама. Я вас не оставлю без поддержки и не уйду от вас, даже если останусь один-одинешенек при условии, однако, что вы станете врагами русских и сами попросите у нас помощи против них».³²⁴

Тут прибыл к имаму человек с сообщением о битве в Ичкерии (Кучулик)³²⁵ и о том, что русские чуть было не приблизились к Дарго. Мюриды тогда быстро двинулись назад и прибыли в Дарго, но дети их и женщины находились в то время уже в Анди.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИЧКЕРИЮ

[1842 г.]

Когда имам выступил для оказания помощи [казикумухам] и подготовил для этого войско, проклятый граф^{б)} с многочисленными отрядами и большим количеством снаряжения вознамерился двинуться на детей и женщин имама, находившихся в Дарго.³²⁶ Сделать это он думал со стороны Ичкерии (Кучулик), пройдя между двумя вилаятами: один, управляемый храбрецом Шуаибом, а другой, управляемый Уллубием, наибом Ауха. Известный храбрец Шихмирза Дылымский пошел тогда к наibu Уллубию и нашел его слабым и печальным, так как на его глазах пришли в беспорядок дела его детей и вопрос их охраны.

Затем Шихмирза пошел к Шуаибу и нашел его, подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Шуаиб уже возвел вал поперек дороги, которую имели в виду русские, и устроил на ней завалы. Шихмирза спросил Шуаиба: «Ну как ты себя чувствуешь?» Тот ответил: «Намерен быть терпеливым при встрече с врагами и не отступать перед ними». Затем Шихмирза спросил: «А как твои воины?» Шуаиб ответил: «Ну как могут быть они? Через нас, отсюда русские пройдут, если только меня они убьют, по каплям выпустят из меня кровь и затем растопчут». После того Шихмирза вернулся к Уллубию, ободрил его и придал ему силы.

Шуаиб—да помилует его всевышний Аллах!—тайно приказывал, однако, родственникам имама, его детям и женщинам: переселиться в Анди и перенести к андийцам все свои пожитки и имущества, не оставляя в Дарго ничего—даже сломанной ложки. Он также требовал от них сжечь имеющиеся в Дарго их усадьбы, если рус-

а) А — приписка — «ее (мнение её сына)».

б) А—«Грabbе—начальник неверных».

ские приблизятся к нему. Публично же Шуаиб говорил: «Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго».

Когда проклятый ^{а)} граф с полками своих чертей двинулся на Дарго, Хасаиль Муса Аксайский (Яхсиви) ^{б)}, ²³⁷ который был вместе с русскими, попытался было удержать его и сказал примерно следующее: «В лесах Чечни сидят всадники, подобные львам. В стране имама живут суровые храбрецы. Ты не ходи к ним. Ты только отдашь им в добычу одежды и поставишь трупы собакам и волкам на съедение». Проклятый граф ^{в)} не прислушался, однако, к этому, а напротив, заговорил гордо и надменно.

Русские выступили самодовольно и горделиво. В первый день они, двигаясь, не встретили того, кто бы встал против них с оружием в руках, и тогда граф с насмешкой спросил Хасаиль Мусу: «Где же те львы и герои?» Хасаиль Муса ответил ему: «Ты подожди до завтра». На следующий день они, двигаясь, были атакованы в лесу с разных сторон, имелись убитые, но и тогда граф сказал Мусе опять же с насмешкой: «Это что ли противостояние твоих львов и защитные действия твоих героев?» Муса ответил: «Подожди до завтра». На третий день русские ^{г)} поднялись, чтобы двигаться дальше и тут против них разожгли пламя войны—и спереди, и сзади, и справа, и слева. Сделали это: два упомянутых наиба ^{д)}, андийцы и Сухайб ³²⁸—заместитель (халифа) Джавадхана, раненного во время нападения, имевшего место до этого. Джавадхан—да помилует его всевышний Аллах!—умер затем от той раны; он, кстати, кусал себе кончики пальцев, сожалея, что у него нет возможности принять участие в этой битве.

Мюриды сразились с русскими, поубивали их и раздели, а когда те приблизились к Белгатою (Балгит) ³²⁹ и Гордали (Гудар), ³³⁰ то были окончательно разбиты и повернули назад. Мюриды убили, словно скосили, большое число русских. Они, вырываясь спереди в среду отступающих, отделяли от них какую-либо группу людей ^{е)}, окружив со всех сторон, убивали их до последнего. Действуя так, мюриды, наконец, окружили их и затем в течение трех дней держали в местности, где у русских не было воды. Окруженные, они были вынуждены даже сдирать кору с деревьев и высасывать из них воду. Их стеснили до такой степени, что тот проклятый граф сказал: «Где же избавление? Как же успокоиться?»

а) А—«начальник».

б) К—приписка: «Отец враждебного последователям имама, ученого Юсупа эфенди Аксайского. Да пробудит Аллах его и нас (от него)».

в) А—«Он».

г) А—приписка: «то есть воины графа».

д) А—приписка: «то есть войско их обоих».

е) А—приписка: «то есть неверных».

Мюриды получили от них большую добычу и две пушки. Имам же, когда он вернулся в Дарго, наградил Шуаиба драгоценным расписанным и расшитым знаменем, которое принадлежало раньше Аслан-хану.³³¹ Он также похвалил бойцов.

Дополнение. Этот граф после того события отправил послание к Шуаибу примерно такого содержания: «Ты не воображай! Не гордись тем, что убил одного или двух солдат, которые пошли в лес за дровами». Шуаиб направил послание в ответ на то, где было написано: «Я там не присутствовал, однако слышал, что мальчишки пошли в лес резать порей и убили солдат».³³²

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ИГАЛИ

[1842 г.]

Проклятый граф^{a)} вместе с теми, кто остался с ним после той битвы, пошел в Темир-Хан-Шуру. Затем примерно через месяц он пошел на селение Игали. Туда же полетели птицами воины имама. Они сначала отогнали русских и поубивали их, а затем обратили в бегство.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

[1842—1843 гг.]

Кое-что о том, что произошло с гонцами имама, которых он отправил к Его величеству султану Абд ал-Маджид-хану, побуждая его и призывая к войне против неверных.

Люди многократно советовали Шамилю просить помощи у названного монарха,³³³ но он желал помощи лишь от Господа. Затем, однако, к Шамилю пришло письмо от находившегося в Черкесии хаджи Юсуна,³³⁴ прибывшего туда от его высочества Ибрахим-паши,³³⁵ которое имело следующее содержание: «Если ты пожелаешь довести положение своих дел до султана Абд ал-Маджида, то пришли [бумагу] ко мне». Имам с этим согласился, после чего позвал своего ученика Амирхана Чиркеевского и объявил ему, что он, Шамиль, желает отправить его гонцом. Амирхан ответил Шамилю, что он слушается и повинуется.

Когда Шамиль второй раз выступил на Казикүмүх, то призвал к себе Амирхана, Шайха Чиркеевского и Мусу Балаханского.

a) В некоторых списках: «Граббе».

Шамиль дал им указание: не смотреть ни на что, не заворачивать никуда и не искать ничего, кроме того, ради чего они посланы. Двум названным товарищам имам дал при этом указание повиноваться Амирхану так же, как бы они оба повиновались ему, имаму. Шамиль, кроме того, присоединил к отправляемым лицам еще и хаджи Иджа.

Гонцы двинулись сначала к своему находившемуся в Гехи проводнику—черкескому мухаджиру Султанбеку. В Гехи они пробыли тогда около десяти дней, ожидая, пока Султанбек не вернется из поездки. Тем временем русским была доставлена информация, что четверо гонцов имама направляются в их, русскую, сторону, в связи с чем они расставили на дороге дозорных. На этих дозорных случайно наткнулись, однако, четверо юношей—черкесов, и они убили последних. После того, как русские узнали об этом, наблюдение было прекращено, ибо они подумали, что полученное известие ложное.

Проводник тот—Султанбек Черкеевский, наконец, вернулся. Он взял с собой еще двух других проводников, и все они двинулись в путь. Шли они ногами, а днем прятались и так, пока не перешли Кубань (Губан). Затем гонцы Шамиля пошли опять и двигались вперед, пока не остановились в Абадзехии (Абазак)^{а) 336} у хаджи Исмаила. Там они и застали хаджи Юсупа.

Гонцы передали хаджи Юсупу письмо имама, в котором было написано: «Я отправил к тебе этих заслуживающих доверия лиц с тем, чтобы ты помог им добраться туда, куда они направляются».

Гонцы имама пробыли в Абадзехии в течение некоторого времени, а затем двинулись в путь вместе с хаджи Юсупом. Он, однако, в местах сбора людей, на заседаниях, начал сообщать о том, что содержалось в том письме. Амирхан запретил было хаджи Юсупу распространять тайну имама, но тот не прекратил этого и даже выбранил Амирхана: «Здесь не бывает измены и передачи тайн неверным, как то имеет место у горцев».³³⁷

Они пошли дальше и остановились на берегу моря—между русской крепостью в Анапе (Анафа) и крепостью Сухуми (Сухум), между которыми имелось еще много мелких крепостей, возведенных на берегу моря, в местах, свободных от леса. В лесах же находились тогда ведущие войну, борющиеся черкесы.

Хаджи Юсуп возвратился затем назад. Гонцы же имама провели на побережье целых три месяца в ожидании корабля из Турции (Усманлу), который должен был прибыть с торговыми целями. Какие-то корабли окружили, однако, тот корабль, когда он поя-

а) В—«Абзик».

вился; говорили, что корабли русских окружили его, чтобы на него не сели те гонцы.

Гонцы Шамиля пошли тогда к кораблю, который остановился в местности, находящейся выше. Когда, однако, они прибыли туда, обнаружили, что он поврежден русскими пушками и сожжен по той же причине.

Когда гонцы находились в той местности, у кунака Амирхана остановился один юноша—сын большого человека из крымцев (хирим). Он утверждал при этом, что провел среди русских десять лет в качестве заложника и прочел тогда их книги. В одной из них этот юноша увидел, якобы, запись: «В некоей маленькой стране возникает государственное устройство (низам), которым в такую-то эпоху будет сокрушено могущество русских». Амирхан спросил этого крымца: «А когда наступит эта эпоха?» Тот ответил: «Примерно через семь месяцев». Когда же примерно в такое время гонцы возвратились затем к имаму, то обнаружили, что он уже начал создавать государственное устройство—назначает людей управлять над десятками и сотнями.³³⁸ Хвала Аллаху—щедрому и милостивому!

Затем гонцы имама пошли к другому кораблю, стоявшему еще выше. Когда же они остановились в одном селении, находящемся рядом с кораблем, ночью вдруг раздался крик. Люди выскочили наружу, а когда наступило утро, им сообщили, что тот корабль сожжен отрядом русских. Гонцам сообщили тут, что осталось еще одно судно, стоящее выше того, но на опасной дороге

Амирхан пошел туда и остановился у благочестивого кунака по имени Хасанбий. Ему Амирхан объявил, что хочет сесть на корабль для поездки в хадж и попросил помощи. Хасанбий согласился и пообещал Амирхану посадить его на корабль. Тогда Амирхан направил к товарищам восточку, чтобы они явились к нему.

Однажды тот кунак пошел в русскую крепость по делу одного арестованного. Оттуда он вернулся со словами: «Начальник русских спросил меня: «Посланцы Шамиля у тебя что ли находятся?» Ты скажи им: «Пусть они там [в Дагестане] спокойно сидят». Затем Хасанбий спросил: «Вы что, посланцы?» — и тогда они сказали ему правду.

Тут пришел моряк и сказал: «Я не могу везти их. Если русские настигнут меня вместе с вами, то сожгут меня живьем и заберут мое имущество. Если же они настигнут меня без вас, то заберут мое имущество, а меня отпустят, согласно своему обычаю. Так принято между нами и русскими».

Не имея возможности избавиться от русских шпионов, гонцы имама посовещались тогда между собой и согласились: Шайх повезет письма, а Амирхан и Муса возвратятся назад, демонстрируя

при этом людям, что между ними произошла ссора. Затем они на собрании народа сказали друг другу: «Нам нет дороги. Давай мы вернемся назад».

Тут Шайх заспорил с ними, сделал вид, что ссорится и заявил: «Я вам не товарищ. Я хочу увидеть Каабу и поэтому не вернусь назад вместе с вами». Гонцы сделали тогда вид, что спорят, ссорятся и после этого Шайх и хаджи Иджа остались там [в Причерноморье], а Амирхан и Муса повернули назад. Они оба при этом шептались: «Это произошло из-за злополучия хаджи Юсупа. При возвращении мы возьмем его с собой и там убьем».

Когда эти двое прибыли к хаджи Юсупу, то довольно быстро подтолкнули его на переселение к имаму. Они тогда не смогли, однако, убить хаджи Юсупа. Дело в том, что в пути он оказался им нужным. Возвратились же они, проходя сквозь русских, с большим страхом и опасением. Тот хаджи говорил даже: «Какое же утешение может быть после такого стеснения?»³³⁹

Что же касается Шайха, то он пробыл там [в Причерноморье] до следующей осени. Затем он сел на корабль, прибыл к Его величеству султану и передал письма. Ему сказали: «Мы дадим тебе ответ через семь месяцев. Тогда Шайх отправился в хадж, а при возвращении оттуда умер. Да помилует его всевышний Аллах и да примет его хадж.

ГЛАВА О НАЧАЛЕ ОТЛИВКИ ПУШЕК, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРЫХ УСИЛИЛОСЬ МОГУЩЕСТВО ИМАМА, И ЧЕМ ИЗ РУК НЕВЕРНЫХ БЫЛИ ВЗЯТЫ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КРЕПОСТИ

[1843 г.]

Умелый кузнец Джабраиль Унцукульский пошел из Чирката в хадж без разрешения со стороны имама. Когда он, возвращаясь из хаджа, оказался в Египте (Миср), то увидел сон: ему говорят: «Возвращайся в Дагестан и помоги Шамилю». После этого Джабраиль Унцукульский выехал из Египта и прибыл в Стамбул (Исламбул). Там он остановился и забыл о своем сне. Затем во сне Джабраиль увидел: его упрекают и говорят ему: «Тебе разве не было сказано: «Иди! Так почему же ты не идешь? Иди!» После этого Джабраиль отправился в путь и шел, пока не остановился рядом с имамом.³⁴⁰

Он посоветовал мюридам отлить пушку. У мюридов имелись тогда куски сломанной ими большой пушки, которую они захватили в качестве добычи при падении на Ичкерия (Кучулик). Лю-

дям эта идея понравилась, они почувствовали влечение к пушке, но имам начал отговариваться: «Мы не сможем использовать пушку из-за ее нужды в большом количестве пороха и ядер». Люди, однако, все же принялись за отливку пушки.

Когда пушка оказалась готовой, мюриды для пробы начали стрелять из нее ядрами. Тут она, однако, раскололась и окончательно испортилась. Имам тогда поклялся: «Мы обязательно отольем пушку, даже если мне придется продать моего коня и мое ружье. Лишь бы мунапики не говорили: «Шамиль начал что-то делать, но не сумел завершить этого». После этого мюриды отлили отличную благословенную пушку, которую было легко передвигать, но при этом вред от нее был большим.⁸⁴¹

Всевышний Аллах назначил этой пушке солдат, которых он заставил служить имаму. Эти солдаты пускали пушку в дело и выполняли другие работы. Имам заставил собрать порох для пушки, а также—подобрать ядра с мест сражений, таких, как Ашильта, Ахульго и с других.

ГЛАВА О НАПАДЕНИИ НА ЧЕБЕРЛОЙ

[1843 г.]

Когда казикумухцы и унцукульцы возмутились, перешли всякие границы и вышли из под сени власти имама, чеберлоевцы (тадбутри) захотели поступить так же, как те. Чеберлоевцы начали распространять по земле порочность и устранять шариятское управление. Они даже, насмехаясь таким образом, послали имаму сообщение, чтобы он пришел к ним и забрал у них свой шариат. Имам же послал к чеберлоевцам сначала людей, которые бы дали им добрый совет, по-хорошему указали бы им правильный путь и призвали их к покорности и повиновению. Таким же образом имам поступил еще раз и еще раз. Все это, однако, лишь увеличивало заносчивость чеберлоевцев и отдаляло их. Имам отправил тогда одного человека, чтобы он объявил чеберлоевцам: «Мы не оставим вас в покое, пока не подчиним и не укротим. Вы не тащите нас против себя на уничтожение в войне с вами наших снарядов, подготовленных для войны с неверными». Чеберлоевцы, однако, не обратили на это никакого внимания, не прекратили своих дел и даже сказали с насмешкой: «Мы собрали шамилевский шариат в бурдюк и завязали его горло. Пусть Шамиль приходит и заберет этот бурдюк».

Имам двинулся тогда с пушкой и снарядами, подняв против чеберлоевцев войска. Те выступили на равнину для оказания про-

тиводействия. Две группы чеберлоевцев ночью неожиданно напали при этом на фланги войск имама, надеясь обратить мюридов в бегство. Аллах, однако, придал стойкости тем, которые уверовали. Против чеберлоевцев было разожжено пламя войны, и они разбитые убежали тогда в свои замки. «Они подумали было, что их замки защитят их от всевышнего Аллаха, но Он настиг их оттуда, откуда они не ожидали, и вселил страх в их сердца»^{а)}. Замки чеберлоевцев были разрушены, их усадьбы были оплаканы, а совершенный наиб Микаил Гакваринский даже полностью уничтожил жителей одного селения. «Они были побеждены там и превратились в униженных, покорных и объезженных».

Пронзошло это сражение в начале весны тысяча двести пятьдесят девятого (1843) года.³⁴²

Конец 1-й части

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

а) Коран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Под дагестанцами—населением «Страны гор» в данном сочинении подразумеваются горцы Северо-Восточного Кавказа.

2) Положения уголовного и семейного права, принятые в той или иной общине (квартал, село, округ), которые представляли собой смесь мусульманского и более древнего, доисламского права.

3) Для обозначения понятия «обычное право» в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа наряду со словом «адат» (в аварском, например, *гладат*), существуют специальные местные термины (авар. *баль*, дарг. *зегъа*, чечен. *хьел* и т. д.). Что же касается арабского по происхождению слова «адлу» (от *адл* — «справедливость»), то его употребляют сейчас в значении «порядок; дисциплина».

4) Шарнат—комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, соблюдение которых означает ведение праведной, угодной Аллаху, жизни, приводящей мусульман в рай» (Ислам, М., 1983, с. 122). Движение за введение в жизнь шариата на территории Сулакского бассейна (земли, где из-за расселения аваров, даргинцев, лакцев) фиксируется дагестанскими арабоязычными источниками с первых десятилетий XVIII в.

5) Балх—древний город на территории современного Афганистана, располагавшийся вблизи современного г. Вазирабад. С XVI в. и до середины XIX в. Балх являлся резиденцией наследника престола Бухарского ханства.

6) В то время Бухара являлась столицей довольно обширного Бухарского ханства.

7) Газимухаммад происходил из влиятельного гидатлинского рода; его предки в середине XVIII в. жили в сел. Урада (Советский район, ДАССР). В Гимрах (авар. Генуб. кум. Гимира), однако Газимухаммад как потомок пришельца — *апарага* (авар.) не мог, естественно, иметь мощного клана, кстати и в русских документах под 1834 г. отмечается, что Газимухаммад происходил «от незначительного рода».

Сел. Гимра расположено в Ущуккульском районе ДАССР. Традиционно оно считалось подвластным шамхалам Тарковским; в первой половине XIX в. в Гимрах было порядка 600 «домов».

8) Пророк Мухаммед принадлежал к роду Хашима арабского племени корейш.

9) Чиркей (авар. Чиклаб, кум. Чиркеей)—селение в Буйнакском районе ДАССР, в начале XIX в. там было порядка 800 дворов.

По сообщению русских документов, датированных 1830 г., Газимухаммад «в 1828 году обратился с убеждениями своими, сначала в деревне Чиркее, принадлежащей Салатавскому обществу, подвластному князьям андреевским, аксаевским и костюковским, дабы все исповедывающие закон Магомстов, оставя коренные свои обычаи, предали себя по делам судным духовной власти, называемая имя шарият». Чиркеевцы, согласно названным документам, дали «клятвенное обещание строго следовать правилам корана».

10) Возможно, что речь идет о кланах-тухумах, на которые делилась Чиркеевская община.

11) Махди-шамхал II (1797—1830) Тарковский — сын Мухаммад-шамхала.

12) Вилайат—«управляемая территория, область» (с араб.).

13) Из переписки Махди-шамхала II и Газимухаммада видно, что шамхал по меньшей мере два раза приглашал того в гости, ибо визиты к нему делали и другие «ученые Дагестана», на что Газимухаммад заявил: ты, Махди-шамхал, если бы знал цену науки, «не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их потому, что науку посещают, а не наука посещает». Тогда же Газимухаммад объявил Махди-шамхалу II, что не пойдет «к султанам», а если у них к нему «имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мои мечети или придут ко мне домой». В русских сочинениях содержится указание, что в 1829 г. Махди-шамхал пригласил Газимухаммада приехать и обучить «народ мой и меня святому шарияту», причем угрожая ему, в случае отказа, судом Аллаха: «на том свете я укажу на тебя как на виновника, которого просил, но он не хотел наставить на путь истинный». После этого Газимухаммад посетил шамхала.

14) Шейх накшбандийского тариката. Родился он в лезгинском сел. Яраг (Ярагъ), располагавшемся на территории современного Магарамкентского района ДАССР, в округе Кюрэ; в переводе с азербайджанского Курали—«Кюринский». Умер Мухаммад Ярагский в 1254/1837-38 г. в сел. Согратль, где он и был похоронен.

15) Шейх накшбандийского тариката, родился в сел. Казикумух (лак. Гъазигъумучи, кум. Гъазикъумукъ) нынешнего Лакского района ДАССР в семье, принадлежавшей к роду местных сейидов—потомков пророка Мухаммеда.

16) Речь идет о суфийском ордена накшбандия, который был основан бухарцем Бахауддином Накшбанди (1314—1389).

17) Первая сура — глава Корана, известная дагестанцам как алхам.

18) Формула: Ашхаду анна ля иляха илляллах ва ашхаду анна Мухаммад расулюллах — «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха и что Мухаммед посланник Аллаха».

19) Сел. Каранай (авар. Хъараниб; хъерен—«каранайцы»; кум. Къарнай) расположено на территории Буйнакского района.

20) Отмеченное селение расположено на территории Буйнакского района.

21) Аварский Каранай и кумыкское Эрпели входили в состав одного не- большого княжества, правители которого были родом из Хунзаха.

22) В арабских текстах, составленных в Дагестане, арабским словом «кади» обозначали как муллу (авар. дибир) — «служители культа», так и кадия (авар. къади) — «религиозного судью».

23) Сел. Араканы (авар. Гъараклуци, гъерекI — «араканцы»; кум. Гъаракан) расположено в Унцукульском районе; традиционно оно считалось подвластным шамхалам; в первой половине XIX в. там было порядка 500 дворов

В русских документах отмечается, что в феврале 1830 г. Газимухаммад, име- нующий себя «шейхом», собрав якобы около 6 тысяч воинов — гумбетовцев, кой субутлищев и салатавцев, прибыл в подвластную шамхалу «деревню Араке- новскую», где арестовал «кадиев и князей, не согласившихся подвергнуться ша- рияту», а от «прочих жителей» взял «присягу».

24) Известный в Дагестане ученый и преподаватель; этот «Сейит-кадий араканский» явился получателем «всемиловитейше пожалованной ему» па- ризмом «пенсии».

25) Унцукуль (Опсоколоб; ансал — «унцукульцы») в XVIII — начале XIX в входил в число «подведомственных шамхалу» деревень.

26) Гумбет (авар. Бакъльулал; кум. Гюнбет) — традиционное название группы сел., расположенных в бассейне реки Мехельтинки; в конце XVIII в в них было порядка 1500 дворов.

27) Сел. Мехельта (МельселтIа, мельел — «мехельтинцы») расположено на территории Гумбетовского района ДАССР, в первой половине XIX в. там было порядка 700 дворов.

28) Андийцы (Гандал) — название населения Андийского «общества», рас- полагавшегося в Андийской котловине, на территории современного Ботлих- ского района ДАССР; в первой половине XIX в. это «общество» состояло из примерно 1500 дворов.

В русских документах говорится, что в 1830 г. после подчинения Аракан «мулла» Газимухаммад якобы с 9 тыс. воинов «завладел силой Андийского вла- дения деревнями Казытлы (Гагатль — ? Т. А.) и Иркуна (Риквани — Т. А.)».

29) Гагатль (Гъагъаль; гъагъаль — «гагаглинцы») — селение на территории Ботлихского района.

30) Дочь Уммахана V Аварского (1774 — 1801), рожденная от некоей Кыс- таман из рода правителей Кайтага. Эта Бахубике была замужем за Султан- ахмадом — сыном Алисултана, правителя Мехтулы. Муж Бахубике стал править Аварией с 1802 г. После смерти последнего в 1823 г. власть в государстве, по сути дела, перешла к Бахубике.

В «городе» Хунзах, являвшемся местопребыванием Бахубике и ее предков, в первой половине XIX в. было порядка 700 дворов.

31) Хиндалал (авар. Хьиндалал; кум. Къойсубоюн) — территории по берегам Аварского и Андийского Койсу и их население, занимавшееся садоводством; в первой половине XIX в. хиндалальцев, или, как их чаще называли, койсубулин- цев было порядка 3 тыс. дворов

32) В тексте Мухаммадтахира имя героя Кавказа везде подается в форме «Шамунль» (срав. имя древнееврейского пророка «Шемуэль»), но, когда передается речь русского генерала или Саида — сына имама и т. д., приводится форма «Шамиль»; отметим, что имя собственное — «Шамиль» употреблялось аvarцами еще в XVII в.

33) Дервиш (с перс.) «нищий, бедняк; член суфийского братства»; в аvar. **дарбиш**.

34) Инхо (инхвал—«инховцы») — селение на территории Гумбетовского района.

35) На средневековом Востоке арабским словом «рафик» обозначали иног-да и бойцов. В тексте Мухаммадтахира слово «рафик» употребляется в ос-новном в значении «дружинник» (авар. **чукъа**), «нукер, телохранитель».

36) Согласно материалам, хранящимся в русских архивах, Газимухаммад после взятия Аракан направил в Хунзах мулл и хаджиев с призывом принять шариат и присоединиться к его политической линии, но хунзахская верхушка отказалась от этого. Мало того, от имени мальчика Абусултан-нуцал-хана ин-формация о предложении Газимухаммада и реакции на нее была послана ге-нералу Энгельгардту. Затем, после сражения у Гагатля, Газимухаммад, присо-единив вооруженных андийцев к своему войску, в составе которого уже нахо-дились гумбетовцы, койсубулинцы и салатавцы, в феврале 1830 г. подошел к Хунзаку якобы с 10 тыс. воинов. Было уже предпринято несколько попыток штурма столицы Аварии, но тут вдруг гумбетовцы и андийцы отделились от Газимухаммада и «стали сражаться на стороне аварского хана». В результате, потеряв до 200 человек убитыми и ранеными, а также «много знамен и ору-жия», Газимухаммад был вынужден отступить от Хунзаха.

37) «Мунапик» (**мунапикъ**) — искаженное произношение арабского слова мунафик — «лицемер». В Дагестане и Чечне в XIX в. мунапиками называли, как то отмечено и в тексте сочинения, горцев — приверженцев власти «неверных», даже если они были правоверными мусульманами.

38) В русских документах отмечается, что в начале мая 1830 г. Газимухам-мад «укрепляет шанцами и завалами селение Гимры, в коем имеет жительство».

39) В Дагестане встречаются следующие арабоязычные памятные записи: «1245/1829—30 год — дата землетрясения и разрушения селений на Равнине. 1246/1830—31 год—дата прихода чумы в вилайат Дагестан».

40) Согласно русским документам, в мае 1830 г. отряд генерала Розена, состоявший из 3656 пехотинцев, 494 казаков и 26 орудий (позднее, правда, в 1834 г., высшее командование на Кавказе сообщало, что в 1830 г. против Гази-мухаммада «был собран десятитысячный отряд»), через эрпелинскую территорию подошел к Гимрам. После перестрелки, но без серьезного боя «гемринцы да-ли... аманатов». После этого царское командование возымело даже намерение при участии Абумуслима—брата шамхала «уговорить койсуболинцев выдать возмутителя» Газимухаммада, но из этого ничего не вышло.

41) Мюридами в 1830 г. было сооружено в урочище «Чум гесген» укрепление из бревен, известное как «Агачкала» (Агъачкъала) — с кум.) — «Деревянная кре-

пость». Располагалась Агачкала на территории нынешнего Буйнакского района недалеко от сел. Казанище.

42) Джар—(Чар)—огромная сельская община с аварским языком (на 1826 г.—1260 дворов), являвшаяся на протяжении XVIII—начала XIX вв. центром независимой Джаро-Белоканской республики. Царские войска подчинили это государство и вблизи сел. Джар построили крепость, рядом с которой вырос со временем г. Закаталы (Аз, ССР).

Неподалеку от Джара на другом берегу речки находится большое (на 1826 г.—800 дворов) аварско-пахурское сел. Тала. Поэтому названную республику в XVIII—XIX вв. восточная письменная традиция именовала «Джар-Тала».

43) Голода (Гьолода в переводе с аварского «На склоне») — древнее село, находившееся в Джарском ущелье, выше Джара. Поэтому к началу XIX в. уже не существовавшему сел. Голода все население Джаро Белокан называлось по-аварски «голодищами» (гьолодисел).

44) Речь идет о союзниках жарцев.

45) По восточной традиции одежда и оружие убитого являлись как бы трофеями победителя.

46) Бухнада (авар. Бугьнада) — традиционное название группы небольших сел современного Тляртинского района ДАССР — Кардибский и Хадняльский сельсоветы; в 30-е годы XIX в. там было порядка 600 дворов.

Этот Шихшабан—«фанатик» многократно упоминается в русских документах как влиятельный сподвижник всех трех имамов, начиная с Газиму-хаммада.

47) Тбилиси.

48) Согласно русским документам, в «Джарской крепости», которую русские называли обычно «Новые Закаталы», во время пребывания Хамзата в Джаро-Белоканской «провинции было» до 8 тыс. человек царских войск. В востаннии, которое, по мнению генерала-фельдмаршала Паскевича, произошло «не иначе как от дурного управления народами или худой дисциплины в войсках там расположенных», кроме собственно жарцев приняли участие жители аварских сел: «Катех, Мацех и частью Тал», а также белоканцы. Восстание закончилось взятием Джара 14 ноября 1830 г., причем в руки царских войск перешли тогда 3 пушки, захваченные «лезгинами» месяц назад—15 октября. После этого Джар и прилегающие населенные пункты были подвергнуты разгрому, а часть их жителей было решено переселить в урочище Даначи.

В этих же документах говорится, что находившийся в заключении Хамзат был в начале 1831 г. освобожден от ареста, а потом «получивши по распоряжению» Паскевича «совершенную свободу», выехал из Тифлиса.

49) Под шамхалом здесь подразумевается Сулайманпаша-шамхал (1830—1836)—сын Махди-шамхала II.

Ахмадхан III Мехтулинский (1824—1843)—сын Хасанхана. С 1836 г. этому Ахмадхану, управлявшему наследием предков—Мехтулой (с. Охли, Джен-

гутай, Дургели и т. д.) царская администрация по просьбе хуизахцев передала власть над Аварией.

50) В переводе с кумыкского «Красивое дерево».

51) Этот Алисултан Османляв (с авар. «Османович») Унцукульский упоминается в качестве влиятельного лица—«старшины» в русских документах, например, под 1828 и 1831 гг.

52) В русских документах о первой битве при Агачкале говорится следующее: в начале 1831 г. в Койсуболу начали свою деятельность Газимухаммад и «унцукульский старшина» Алисултан. Сначала с ними было только 20 воинов, затем их стало 40, затем 100 и затем «до 800 чел.» С «сим скопищем изуверов» Газимухаммад перешел в Буйлакскую котловину и укрепился в урочище Чум гесген. Генерал-майор князь Бекович-Черкасский в сопровождении Сулайман-паша-шамхала Тарковского и Ахмадхана Мехтулинского с их 2 тыс. кавалеристов, а также с 2 пушками и 200 солдат подошел к месту, где «заял позицию в крепких местах» Газимухаммад. По приказу генерала 9-го апреля 1831 г. княжеская конница атаковала мюридов, но вынуждена была откатиться назад «не только без успеха, но и с чувствительной для себя потерей»; 19-го апреля против мюридов двигалось уже 6 рот солдат с 4 пушками и вспомогательными войсками. По мнению командира Кавказского корпуса барона Розена, обе «экспедиции сии были безуспешны».

53) В Буйнакском районе; кум. Капиркъумукъ, авар. Капургъумек.

54) Это селение находилось недалеко от Махачкала, точнее выше пос. Ленинкент.

55) Речь идет о крепости Бурной, построенной русскими на горе Тарки-тау, над сел. Тарки.

56) Согласно русским документам, по приказу командующего Кавказским корпусом графа Паскевича, генерал-майор Таубе с полком солдат и 200 казаков атаковал Газимухаммада 8-го мая 1831 г., «но был отражен», как пишет барон Розен, «и отступил по направлению к Таркам», после чего большинство шамхальцев и мехтулинцев стали сторонниками Газимухаммада.

57) В Ленинском районе.

58) В русских документах говорится, что Газимухаммад и его воины «отретировались к Параулу» в связи с приближением отряда генерал-майора Каханова.

59) Зубутль (авар. Цюбокъ; кум. Зубут)—селение, располагавшееся на территории нынешнего Казбековского района, на левом берегу Сулака; в начале XIX в. там было порядка 500 дворов.

60) В русских документах говорится, что Газимухаммад планировал взятие кр. Бурной еще весной 1830 г., а 26-го мая 1831 г., «опрокинув шамхальскую милицию», он вошел в «город» Тарки и сразу же «обложил крепость Бурную». На следующий день «мятежники» сумели «ворваться в отдельное укрепление и завладеть пороховым погребом». До генерала Каханова дошла весть о «затруднительном положении» защитников Бурной, и тогда он, подойдя к месту боев,

29-го мая «атаковал мятежников в самих Тарках и нанес им сильное поражение».

61) Сел. Ашилъта (Гашилта; геш—«ашильтинцы») расположено в Унцукском районе.

В русских документах при описании событий 1830 г. отмечается, что в июле Газимухаммад поехал в Ашилту—«местопребывание Абдуллы-муллы».

62) Салатавия (Салатав; по-аварски НахъбакI; нахъбакIад—«салатавцы») —территория большей части Казбековского и некоторой (засулакской) части Буйнакского районов. Традиционно Салатавия находилась под властью князей Засулакской Кумыкии; в начале XIX в. салатавцев было порядка 2400 дворов.

63) Сел. Андреяул нынешнего Хасавюртовского района; на 1812 г. в Эндирее было 1500 дворов.

64) Крепость Внезапная, построенная русскими чуть выше Эндирея.

65) Населенные чеченцами-аккинцами земли по берегам Акташа, Ярыксу и Ямансу (кум. Авух; авар. Гавухъ); территория нынешних Новолакского и части Казбековского районов; в начале XIX в. ауховцев было порядка 1000 дворов.

66) Ныне это селение называется Ленинаул (Казбековский район); в начале XIX в. там было порядка 200 дворов.

67) В русских документах говорится, что 23 июня Газимухаммад осадил кр. Внезапную, причем отмечается присутствие большого количества чеченцев в его войсках, а также то, что «кумыки», за исключением аксаевцев «передались ему». Генерал-майор Беконич-Черкасский сообщал, что у Газимухаммада под Внезапной было якобы более 10 тыс. бойцов. Генерал Эммануэль заставил горцев снять осаду названной крепости, но 1-го июня он «имел с мятежниками известное дело», в котором потерял пушку, доставленную затем в Чиркей.

68) Туман//тумен—золотая монета.

69) Согласно русским документам, Газимухаммад со «скопищами, простирающимися до 8 тыс.» осадил Дербент 20-го августа 1831 г. Мюриды предприняли несколько попыток захватить город, но в ночь с 26-го на 27-е августа, узнав о приближении войск генерала Каханова, отступили «к горам». Остановились они вблизи табасаранского в политическом аспекте сел. Рукель (Дербентский район), а затем перебазировались «в Табасаран в местечко Гимейды» (Дербентский район). За время осады Дербента мюридами их противники понесли следующий ущерб: в царских войсках 1 рядовой убит и 13 ранено, а кроме того, убито 2 дербентца и 3 ранено.

70) Это же говорится в биографии Мухаммада Ярагского, которую обнаружил недавно А. Р. Шихсаидов.

71) Гельбах (Гелбахъ)—традиционное название селения Верхний Чирюрт Кизилюртовского района ДАССР; в начале XIX в. там было порядка 300 дворов.

По сообщению русских документов, в октябре 1831 г. генерал-лейтенант Вельяминов «взял селение Чир-Юрт».

72) Город на территории современной ДАССР.

73) В русских документах отмечается, что Газимухаммад действовал среди чеченцев, проживающих «между Сунжей и Терекон», а в начале ноября 1831 г. он со своей конницей «успел ворваться» в Кизляр. Ему удалось таким образом совершить «удачный набег».

74) В Дагестане черкесами называли кабардинцев и прочих адыгов.

75) Сардал — аварское произношение персидского сардар — «военачальник, главнокомандующий».

Речь идет о начальнике штаба Кавказского корпуса Н. П. Панкратьеве.

76) Сел. Игали (Игъали; игъел—«игалинцы») расположено в Гумбетовском районе.

Согласно русским документам, когда в октябре 1831 г. отряд во главе с Панкратьевым подошел к Чиркею, там вместе с чиркеевцами находились чеченцы. В царских войсках было тогда 12 орудий. После артиллерийского обстрела чиркеевцы, выразив покорность, обязались: никогда в будущем не допускать в свою среду Газимухаммада и возвратить пушку, принадлежавшую отряду Эммануэля. Семейство Газимухаммада «принуждено было» тогда «бежать» к андийцам.

Под Чиркеем в отряде царских войск было убито 10 чел. и 73 ранено, а среди их противников—горцев было убито и ранено якобы до 300 чел.

77) В русских документах говорится, что в 20-х числах января 1832 г. генерал-лейтенант Вельяминов обязал «беглых андреевцев» возвратиться «в их селения».

78) Старики утверждают, что традиционным аварским названием г. Владикавказа было Бурав-кала. В данной связи нельзя не отметить, что согласно русским документам, Газимухаммад «собрал большую толпу из андийцев и других горцев» и 22 марта 1832 г. «приблизился к Владикавказу».

79) Русские документы сообщают, что неподалеку от Эрпели, в урочище Эльсют мюриды соорудили защитный комплекс, главное укрепление которого представляло собой четырехугольник (20x16 сажень, а высотой 1,5 сажени) из толстых бревен, «сколоченных деревянными кольями и болтами», имевшее 2 яруса бойниц. Вход в укрепление запирался особым срубом. «Вдоль стен, с внутренней стороны были сделаны навесы для защиты от непогоды и выстрелов». В русских документах говорится, что Газимухаммад прибыл туда якобы с 1200 воинов, «в числе которых находилось 300 конных». 21-го июня 1832 г. отряд во главе с Клюки фон Клюгенау оставил 2 роты в сел. Эрпели, подошел к укреплению мюридов—9 рот пехоты, 120 казаков и 3 пушки. В 16 часов, пользуясь туманом, русские начали наступление, а тем временем артиллерия «производила сильную пальбу по укреплению и картечью очищала деревья от хищников». Один раз дело дошло до рукопашной, в ходе которой «несколько» солдат были «заколоты» кинжалами. С наступлением ночи военные действия прекратились, и «отряд остановился ночевать на месте сражений». 21-го «мятежники... сделали вылазку, но, будучи удачно встречены картечными выстрелами, обратились в бегство». 22-го рано утром оказалось, что «укрепление оставлено неприятелем».

80) По условиям соглашения с Панкратьевым (октябрь 1831 г.), чиркевцы обязались впредь не помогать Газимухаммаду. Судя по некоторым русским документам, весной 1832 г. они еще придерживались этого соглашения.

81) В Чечено-Ингушской АССР.

82) Чеченское сел. Беной (Бена) дагестанцы называли Баян; часть аварцев—Баини. В тексте речь идет, по-видимому, о том Беное, который расположен в Ножайюртовском районе ЧИАССР. Этот ножайюртовский Беной считали в прошлом «главным селением» Ичкерии.

В русских документах говорится, что Газимухаммад, отойдя в конце марта 1832 г. от Владикавказа, «направился к Грозной», но удачная вылазка, предпринятая «из сей крепости заставила его поспешно удалиться в горы». При этом сообщается, что «тесть Казимуллы», то есть Газимухаммада—Мухаммад Ярагский, «присланный им для вооружения против нас чеченцев» продолжал действовать в так называемой Малой Чечне (Ачхой-Мартановский и Урус-Мартановский районы ЧИАССР) и был «принужден отправиться назад» лишь в первых числах августа 1832 г.

83) Сел. Ирганай (авар. Рихьуни; рихьун — «ирганайцы»; кум. Иргбанай) расположено в Унцукульском районе.

84) «Переселенец; эмигрант» (с араб.).

В эпоху Кавказской войны горцы называли так мусульман-кавказцев, которые покидали родные места, попавшие под власть царизма и переселялись на территорию имамата.

85) Это русское слово (в значении «военная экспедиция; отряд») употреблено в арабском тексте сочинения Мухаммадтахира.

86) Сын Махди-шамхала II; правил Абумуслим-шамхал с 1836 г. по 1860 г.

87) Аварский вариант произношения имени «Хаджи».

88) Орта (Гюрута) — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

89) Согласно догмам ислама, Мухаммед — последний из пророков.

90) 1245/1829—30 г.

91) Цулда (Шулда)—селение в Чародинском районе, входившее в прошлом в «общество» Карах (Къарахь; къаралал—«карахины»), в котором было в начале XIX в. порядка 2700 дворов; на 1839/40 г. дается иная цифра—1074 двора.

92) «Мощь и сила принадлежат только Аллаху» (с араб.).

93) По-видимому, месхетинские турки.

94) В Дагестане так называют шиитов.

95) Сын Адильхана-уцмия (1809—1819); с 1838 г. этот Джамав был назначен русскими правителем Верхнего Кайтага.

96) Старшина; одно время этот Джамал (1832 г.) был с русскими и даже имел чин прапорщика, затем перешел к Шамиллю (1844 г.), а когда ситуация изменилась, опять переметнулся на сторону царизма (1857 г.).

97) «Нет божества, кроме Аллаха» (с араб.).

98) Согласно биографии Мухаммада Ярагского, в Гимринской битве вместе с имамом Газимухаммадом пали героями и лезгинцы, пришедшие в Аварию вместе с Ярагским. Это были: мулла Ахмед Кубинский, Нурмухаммед Кахский, а также, по-видимому, Хаджиали-эфенди и Сулейман-эфенди.

99) Вакаат—«комплекс религиозных формул и положений тела, являющийся элементом мусульманской молитвы» (Ислам. С. 96.).

100) В русских документах говорится, что в походе на Гимры участвовали сам командующий Кавказским корпусом Г. В. Розен, генерал-лейтенант Вельяминов и генерал-майор Вольховский. Под их командованием, кроме «неустранимой пехоты» русской находились: грузины, армяне, а также «музульманы разных племен и народов». В Гимринском ущелье, перегороженном тремя линиями завалов, царские войска встречали якобы 3 тыс. горцев, а кроме того, 1 тыс. воинов во главе с Хамзатом должна была действовать «в тыл» со стороны Ирганая. Газимухаммад был убит 17 октября 1832 г. «в первом каменном завале, взятом штыками. Исколотый труп его остался в башне, защищавшей каменистую стену». На следующий день—18-го октября «неприступные Гимри заняты без выстрела», а 19-го гимринцы «явились из горных убежищ своих для прощения пощады и принесения покорности»; позднее, правда, (1834 г.) стали писать, что генерал Розен «взял приступом Гимри».

101) На месте захоронения Газимухаммада над сел. Тарки до сих пор стоит каменная плита с надписью.

102) Не позднее 22 января 1833 г.; таким образом, Шамиль проболел около 3-х месяцев.

103) Сел. Балаханы (авар. Балахъуниб; белехъ—«балаханцы»; кум. Балакан) расположено в Унцукальском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

104) Хариколо (Хариколо)—селение в Хунзахском районе.

«Хасаниль Мухаммад»—в переводе с аварского «Мухаммад—сын Хасана».

105) Под «очередными поступлениями (навба)» подразумеваются, видимо, повинности.

106) Известно, что в жилах Шамиля текла дворянская кровь; он был, например, родственником казикумухских ханов.

107) По-аварски: Къебед-хIажняв.

108) С араб. муртазика—«получающие паек; паемники».

В северокавказском имамате «муртазиками» называли отборных профессиональных воинов, получающих содержание от имама и его наибов. Они являлись военной опорой государства и костяком его секретной службы.

109) Мушули (Мушули: мушул—«мушулицы») — селение в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 120 дворов.

110) Речь идет о той части членов хунзахской «общины», которые были тесно связаны с ханским домом. В те же годы немало потомственных хунзахцев (хунз) находилось в рядах мюридов (друг имама Хамзата—Хаджиясул Мухаммад, Ахбердий Мухаммад, Хириясул Алибек, Алимчул Хусайн и т. д.).

111) Арадерих (Гъарадерихъ) — селение в Гумбетовском районе.

112) В русских документах говорится, что в 1836 г. мюриды во главе с Шамилем двинулись против жителей Арадериха, которые «отказались от последования» шариату и «вспомоществуемые хунзахцами под начальством старшины хунзахского Эмир-хана решились защищаться против мятежников». Мюриды, однако, «с ожесточением атаковав» арадерихцев и хунзахцев, «овладели деревней». Потери Шамиля — 15 убитых и 30 раненых. Потери его противников — 127 убитых и в числе их Амирхан Хунзахский.

Скорее всего именно об этом событии рассказывает Мухаммадтаhir Карахский под 1833 г.

113) Гергебиль (Хьаргаби) — селение в ДАССР; в первом половине XIX в. там было примерно 300—400 дворов.

В русских документах от 1833 г. отмечается, что имам Хамзат распространил свою власть на Гергебиль.

Гоцатль (ГьоцIалъ; гьоцIал—«гоцатлинцы») — селение в Хунзахском районе, родина имама Хамзата; в первой половине XIX в. там было порядка 300—400 дворов.

114) Корода (Кьорода) — селение в Гунибском районе.

115) Сел. Гоготль (Гьогьоль; гьагьал — «гоготлинцы») расположено в Советском районе.

116) Голотль (Гьолокъ; гьакьал—«голотлинцы») — селение в Советском районе.

117) Кюяда (Кюяда; кювал—«кюядинцы») — крупная сельская община, состоявшая из целого ряда мелких населенных пунктов; ныне Тлогобский сельсовет Гунибского района; на 1828 г.—2380 дворов.

118) Телетль (Телекъ; тIекьал — «телетлинцы») — селение в Советском районе; на 1828 г.—800 дворов. более же поздние материалы дают меньшие цифры: 400—500 дворов.

119) Князек (эмир), происходивший из рода казикумухских шамхалов

120) Кулла (Кула; кулассел — «куллабцы») и Бацада (БацIада; бецI — «бацIадинцы») — селения в Гунибском районе. Традиционно они входили в Карахское «общество». В первой половине XIX в. в них насчитывалось порядка 260 дворов (82 и 179).

121) Келеб (Кьелеб; кьел—«келебцы») — «общество» примерно соответствующее территории Ругельдинского сельсовета Советского района; на 1828 г.—1360 дворов.

122) Ругуджа (Ругьжаб; ругьеж—«ругуджинцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 600 дворов.

123) Андалальцы (IандаIал) — население территории примерно соответствующей большей части современного Гунибского района; русские считали, что в первой половине XIX в. андалальцев было порядка 12 тыс. душ.

124) Дворянин, выходец из рода казикумухских шамхалов, наследственный глава (ранс) андалальцев.

125) Согратль (Сугьраль; сугьур//сугьул—«согратлинцы») — селение в Гу-

нибском райо́не; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов, хотя иногда приводились и значительно большие цифры.

Главными населенными пунктами Андалальского «общества» были Ругуджа, Согратль, Чох.

126 Гидатль (Гыдалль; гьид — «гыдаглинцы») — крупное «общество», занимавшее большую часть Советского района ДАССР; на 1828 г. — 3870 дворов. Ядром этого «общества» служили села, занимавшие территорию нынешних Тидибского и Урадинского сельсоветов.

127) Багвалальцами (багвалал) называли жителей сел. Хуштада и соседних населенных пунктов Цумадинского района, расположенных на правом берегу Андийского Койсу, к северу от бассейна Тиндинской речки.

128) Судя по контексту, термином «чернь» (араб. — авбаш, ахлат) в сочинении Мухаммадтахира обозначаются плохо вооруженные и плохо обученные толпы ополченцев.

129) Это был мальчик примерно 12 лет.

130) Сел. Харачи (Харачи; харачи — «харачинцы») расположено в Унцукальском районе.

131) Первому из них (его полное и правильное имя «Абусултан-нуцал-хан») было тогда примерно 21 год, а второму — 18 лет.

132) Цудахар (Цудахар) — селение в Левашинском районе, являвшееся центром «общества», состоявшего примерно из 1500—2000 дворов.

133) Сел. Тануси (Тануси; танус — «танусинцы») расположено в Хунзахском районе.

134) Скорее всего, речь идет об отце знаменитого хунзахца времен Кавказской войны — «Ахварды Магомы», то есть Ахбердиль Мухаммада.

135) «Мирзал Хаджияв» (Мирзал Хаджияв) в переводе с аварского означает «Хаджи — сын Мирзы».

136) Довольно известный ученый, кадий (кьади) Хунзахского «общества».

137) В переводе с аварского «Мухаммад — сын Дибра».

138) В письме Асланхусайн-хана Казикумухского генералу Вольховскому утверждается, что с Хамзатом было якобы 30 тыс. бойцов, а взял он Хунзах после 6-дневной осады. В русских же документах говорится: во-первых, что население Хунзахского плато, за исключением собственно хунзахцев, отказалось «действовать против Гамзат-бека»; во-вторых, стычка в лагере имама произошла «впоследствии ссоры» Уммахана «с одним из приверженцев» Хамзата; в-третьих, кроме Бахубике, были казины «престарелая» ханша Китлидай и все ханские родственники за исключением Булача и жены Нуцалхана. Остальная информация, содержащаяся в русских документах по вопросу истребления Аварских ханов, в целом повторяет текст Мухаммадтахира, причем ряд интересных моментов в этих документах не нашел своего отражения.

139) Карата (КіаратIа) — селение в Ахвахском районе, являвшееся центром Каратинского «общества», в котором на 1830 г. проживало 5 тыс. душ.

140) Гишичуль (Геничуль) — селение в Хунзахском районе.

141) Сын правителя Аварии Гебек-нуцала (1801—1802); этот Сурхай являлся протеже царской администрации на Кавказе.

142) Сел. Куппа (Къуппа) расположено в Левашинском районе.

143) Сел. Салта (Салта; сулуд—«салтницы») расположено в Гунибском районе.

144) В русских документах отмечается, что летом 1834 г. имам Хамзат имел бой с акушинами (их было тогда примерно 2500 дворов), который возглавлял Мухаммад-кади, и цудахарцами во главе с Аслан-кади. Они «разбили Гамзат-бека близ селения Ходжая-меки», то есть, видимо, Хаджалмахи Левашинского района. В этих документах отмечается также, что «при нападении» Хамзата «на селение Зодухары» помощь цудахарцам оказал и Асланхусайн-хан Казикумухский.

145) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Хаджи».

146) В русских документах сказано, что имам Хамзат был убит хунзахцами вместе «со всеми его приближенными» 7-го сентября 1834 г. «когда он находился в мечети на молитве». Убийцей был член «тайной партии» хаджи Осман, который затем «пал под ударами приверженцев Гамзата».

147) На надгробии этого Султанава, стоящем в Ругуджа, написано, что «благородный юноша, потомок благородных господ (сайид)» Султанав — сын [Андия—?], сына Алисултана, скончался в 1250/1834—35 г.

148) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Раджаба».

149) В русских документах об этом вторжении в Гимры говорится следующее. К началу сентября 1834 г. в Темир-Хан-Шуре был собран отряд под командованием генерал-майора М. Л. Ланского в составе: 13 батальонов пехоты, 40 пушек и 900 казаков. 14-го сентября часть отряда начала движение к Гимрам, ибо генерал Ланской, имея главной целью «восстановить законность владетеля в Аварии», решил для начала «наказать это мятежное гнездо». У входа в селение егерские батальоны «встретили вооруженную толпу гимринцев», завязалась «убийственная перестрелка», но подошедшие «остальные батальоны отряда принудили» горцев «штыками к отступлению в селение». Гимринцы постепенно отступали, чтобы их семьи смогли «перехватиться на противоположный берег Койсу и скрыться в неприступных ущельях». К полудню 15 сентября 1834 г. «грозное Гимри было» в руках царских войск, но перестрелка с жителями продолжалась до ночи. За все это время потери в отряде Ланского «были незначительны». В Гимрах батальоны пробыли более 2-х суток. «Время это было большей частью употреблено на совершенное истребление садов, на разрушение и сожжение строений, так что из 600 домов, находившихся в Гимри, едва 16 уцелело от пожара. Зато отступление отряда в Темир-Хан-Шуру «сопряжено было с немалым затруднением». Гимринцы подвергли отступающих сильному обстрелу «со всех точек», который продолжался вплоть до перехода на восточную сторону Гимринского хребта. 18-го сентября участники похода прибыли в Темир-Хан-Шуру, где соединились с остальными батальонами отряда. «Спустя три дня по возвращении из Гимры, ген. Ланской, не привыкший к

опасностям горной войны и к влиянию самого климата, скончался после кратковременной болезни».

150) Князек из «рода Сураката», то есть из Аварских ханов, являвшийся правителем сел. Эрпели. Осенью 1834 г. Удлубий имел чин прапорщика русской армии. После взятия Ахульго в 1839 г. он был назначен царской администрацией правителем Гимр и Ашильта с «поручением вести наблюдение за койсубулинцами», то есть хиндалальцами.

151) «Риккил нохо» (РикIкIил нохъо) в переводе с аварского—«Квасовая пещера»; местность около сел. Гимры.

152) Известный военачальник эпохи Кавказской войны, преемник Ланского; с 1834 г. генерал-майор.

153) Основатель принятого на Северо-Восточном Кавказе шафнитского толка (мазхаб) в исламе—Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии (767—820).

154) Последователь толка в исламе, основанного Абу Ханифой (699—767), которого придерживаются на Северном Кавказе ногайцы, дагестанские азербайджанцы—терекемейцы, а также все мусульмане, проживающие к западу от Ингушей (осетины и т. д.)

155) Не позднее конца мая 1836 г. Шамиль уже переселился в Ашильта. В русских документах того времени он характеризовался как «мулла Шамиль, гимринский житель, изгнанный своим обществом и проживающий в койсубулинской деревне Ашильта».

156) Ахмадхан Мехтулинский.

157) Сел. Кульзеб (КIулзеб) располагалось в прошлом на территории Чародинского района и входило в подчиненное ханам Казикумуха «общество» Мукратль (Мукракь).

158) Гункар (гъункар) — производное от хункяр — «турецкий султан».

159) «Фетва» (с араб. — «официальное суждение по поводу какого-либо правового или культового вопроса», выносимое религиозным авторитетом на основании принципов ислама (Ислам, стр. 110).

160) По-видимому, в первые десятилетия XIX в. говоры аварского языка, на которых говорили жители Гимр и Унцукуля, расходились значительно больше, чем это имеет место в настоящее время.

161) В письме Шамиля генералу Ключки фон Ключенау, относящемся ко времени не позднее конца 1836 г., говорится, что клеветники постоянно делали наговоры на Шамиля Махди-шамхалу и его наследнику. Они «просили шамхала дозволить им поднять противу» Шамиля «оружие», что тот и «позволил». В результате этого, пишет Шамиль: я подвергся нападениям два раза «по переселении моем в Ашильту». Вероятно, это как раз то, о чем говорится в данной части труда Мухаммадтахира Карахского.

162) В русских документах этот Ташав-хаджи упоминается как соратник еще имама Хамзата (1834 г.) и причем он именуется «беглецом Андреевской деревни» (1835, 1836 гг.), то есть выходцем из Эндирея/Андрей-аула.

163) Произношение: Бис ГIалилав.

Сел. Чирката (Чиркътата, черкъ — «чиркатицы») расположено в Гумбетовском районе. Чирката была традиционно «подведомственна тарковскому шамхалу»; в первой половине XIX в. там было порядка 300 дворов.

164) В русских документах отмечено, что Шамиль, «соединясь с мятежниками чеченскими: Ташовом-Хаджи, муллою Уди», создал отряд бойцов («партию») числом до 2-х тыс. человек. В конце весны 1836 г. мюриды начали «увещаниями и угрозами принуждать койсубулинские и другие соседние общества деревни к принятию учения» Газимухаммада.

165) «Аликул Хусайп» (Галикул Хусайп) в переводе с аварского — «Хусанп—сын Алико». (аварское уменьшительное от «Али»).

166) В русском документе, датированном 19 марта 1836 г., названные события излагаются следующим образом. По соглашению с Шамилем, проживавшим в Ашильта, к нему прибыл с отрядом из более чем 200 чеченцев «беглец Андреевской деревни Ташав-Хаджи». Встреча его с Шамилем состоялась в Чирката. Затем Шамиль со своей «партией из мюридов» и Ташав-хаджи направились в Игали, где имели бой с игалинцами и «одержали верх». Затем Ташав-хаджи «со скипцем своим» двинулся через Ницо к сел. Орта, куда должен был прибыть гелетлинский «мулла» Кебедмухаммад «с собранной им партией», чтобы затем идти на Унцукуль.

167) Харахи (Харахъи; херехъ — «харахицы») — селение в Хунзахском районе.

168) «Технуцал» (ТехИнуцал)—название жителей нескольких селений нынешнего Ботлихского района, расположенных по течению Андийского Койсу.

169) Чеберлой (чечен. Чебирла//Чарбила; авар. Чарбилъ, «чеберлойцы» — Чарбилъал)—населенное чеченцами «общество», занимавшее часть территории нынешнего Веденского района ЧИАССР—сал. Макаджой и прилегающие земли; в первой половине XIX в. там проживало примерно 6 тыс. душ.

170) В прошлом «чеченцами» называли в Дагестане ту часть чеченоязычного этноса, которая была расселена в нынешнем Шалинском районе.

171) В русских документах указано, что не позднее июля 1836 г. мюриды имели бой с хунзахцами в сел. Арадерих, затем Шамиль совершил неудачную попытку захвата Хунзаха с целью «отомстить жителям за убийство Гамзат-бека», после чего не позднее 8-го июля того же года имам «напал на селение Унцукуль». Шамиль принудил унцукульцев к выдаче заложников, а затем «воспользовался беспечностью жителей, ночью скрыто овладел Унцукулем». При этом отмечается, что мюриды угрожали унцукульцам «истребить их хлеба и сады».

172) Этот Сурхай был то ли из сел. Коло Хунзахского района (Хиндахский сельсовет), то ли из сел. Колоб Унцукульского района (Иштибуринский сельсовет).

173) Сел. Буцра (БуцІра; буцІун—«буцринцы»).

174) Сел. Оркачи (ГІуркІачІи; ГІуркІечІ «оркачицы») — расположено в Хунзахском районе.

175) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Муртазалава».

176) Из письма Джамала Чиркеевского генералу Клюки фон Клюгенау сле-

дует, что в начале второй половины октября 1836 г.: «Хунзахские пленные еще находятся в Ашильта заключенными».

Сел. Ахалчи (ГӀахьалчи; ГӀехьел—«ахалчицы») расположено в Хунзахском районе; в первой половине XIX в. там было около 500 дворов.

177) В «Записке о сношениях с аварскими ханами с 1800-го года по 1838 год» говорится, что хунзахцы «просили» русское командование на Кавказе «о назначении к ним в правители» Ахмадхана Мехтулинского. После этого по приказу генерала Розена «в конце 1836 года было предпринято движение в Аварию». В начале 1837 г. Ахмадхан «просил с согласия самих аварцев, чтобы прислать в Хунзах часть наших войск для предупреждения всяких со стороны Шамиля покушений». С «благоизволения государя императора» просьба эта была исполнена летом 1837 г.—генерал Фезе «занял Хунзах и устроил в нем цитадель для гарнизона».

178) Под ахвацами (ГӀахьвахъал) здесь подразумевается население южной части Ахвахского района (Кудиябросо, Тадмагитль и т. д.); в начале XIX в. их было порядка 300 дворов.

179) Сел. Ассаб (ГӀасаб; ГӀес—«ассабцы») расположено в Советском районе; на 1828 г. в Ассабе было 400 дворов.

180) Эта местность, известная как «Теснина Зоноб» (Зоноб къварилън), расположена на территории Ахвахского района. В русских документах данная местность упоминается под 1838 г. как «урочище Зона».

181) Сел. Цекоб (ЦӀекӀоб; цӀекӀал—«цекобцы») расположено в Советском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 190 дворов.

182) Сел. Ратлуб (Ракуб, по почему-то данное село называют еще и Ригьникъ) расположено в Советском районе; на 1828 г. Ратлуб, в котором было 270 дворов, включали в состав Келебского «общества».

183) Мухаммадмирза-хан—сын Асланхусайн-хана Казикумухского. Правил он с 1836 г. по 1838 г.

184) По-видимому, небольшое сел. Чарах (ЧӀарахъ) Гунибского района (Тлогобский сельсовет).

185) Сел. Гочоб (Гъочоб) расположено в Чародинском районе.

186) Согласно русским документам, царские войска под командованием генерал-майора Фезе после 2-х месячного похода подошли к Телетлю. После «беспрестанного действия артиллерии с 3 по 6 июля для истребления укреплений» Телетля верхняя часть последнего была взята «приступом». Затем «в нижней части сел. Тилитли» было заключено перемирие, согласно которому Шамиля вынудили «принять покорность и выдать аманатов». Дело в том, что из-за истощения припасов, «не взирая на то, что их взято было в экспедицию весьма значительное количество» генерал Фезе «решительно не мог предпринять приступа для овладения самой укрепленной частью» Телетля.

187) Сел. Гунух (Гъунух) расположено в Чародинском районе.

Сел. Глерои (Къорои) расположено в Чародинском районе.

188) Сел. Аргвани (Аргъваниб; эргъвен—«аргванийцы») расположено в Гумбетовском районе.

189) В русских документах отмечается, что генерал Фезе разрушил «до основания Ашильту с замком Шамиля». В боях под Ашилты участвовали на стороне мюридов ополчения багвалальцев, ахвахцев и каратинцев. В этих же документах говорится, что после боев при Телетле Шамиль засел в Чирката, а его сподвижник Алибек занимался «пробисками» среди каратинцев и населения других близлежащих «обществ», в том числе среди багвалальцев.

190) Известный сподвижник Шамиля, будущий правитель Малой Чечни.

191) В русских документах, относящихся к осени 1837 г., говорится, что командующему Кавказским корпусом была сообщена в конце лета «высочайшая воля государя императора». Суть ее заключалась в том, чтобы «сделано было Шамилю с его главными сообщниками внушение воспользоваться прибытием государя императора в Закавказский край и испросить милость предстать перед самого монарха, дабы лично молить о всемилоостивейшем прощении». Во исполнение этого генерал Клюки фон Клюгенау «нашел благовидный предлог для свидания с Шамилем, и под видом личного к нему расположения убеждал его воспользоваться столь счастливым случаем». Шамиль якобы попросил небольшой отсрочки для совета со своими ближайшими сподвижниками, а затем сообщил, что последние ехать в Тифлис не соглашаются и смуте не позволяют под угрозой убийства. В письме же самого Шамиля на имя Клюки фон Клюгенау было написано: я «решился не отправляться в Тифлис, если даже и нарежут меня по кускам, потому, что я многократно видел от вас измены».

192) Сел Моксох (Моксохъ; макисал—«моксобшы») расположено в Унцукульском районе.

193) Сел. Цатаних (Цатанихъ, шетлен—«цатанихы») расположено в Унцукульском районе.

194) Сел. Зирани («зиранинцы»—зерен) расположено в Унцукульском районе.

195) В русских документах 2-й половины 1837—1838 годов упоминаются крепости, построенные царскими войсками в Хунзахе и Зирани — «стены оного сделаны из сырого кирпича на каменном фундаменте», а также деревянный блокгауз на каменном фундаменте в урочище Бурундук-кала, в верховьях Ирганайской речки.

196) Простекающее из геоморфологии местности, стратегическое положение территории Сулакского бассейна таково, что те, кто контролирует Хунзахское плато, по сути дела, контролируют и весь бассейн. В первую очередь именно в этом заключались, думается, побудительные мотивы к уходу мюридов с территории Аваристана, после того как царские войска закрепились на территории Хунзахского плато.

197) В русских документах, относящихся к весне 1838 г., сообщается, что в Чирката проходило «сборище из 100 мюридов, продолжавшееся 3 дня, в коем находился и Шамиль со своими приверженцами». Проводилось оно с целью выбора «безопасного места для жительства Шамиля».

198) По сообщению русских документов, уже в мае 1838 г. «Шамиль с 200 чел. преданных мюридов» пребывал в замке, построенном при содействии

чиркатицев и других на месте «замка, разоренного в 1837 году». В конце лета 1838 г. Шамиль «с семейством своим» находился в Чирката, «а замок Ахульго занят преданными ему мюридами, устроившими там свои жилища в подземелье».

199) Сел. Гапалух (Гьацгалухъ; гьацгел — «гапалухи») — расположено в Хунзахском районе.

200) В русских документах сообщается, что в конце июля 1838 г. главные «силы отряда» царских войск, прибывших в Аварию, расположились «близ сел. Ингирдах, дабы удобнее наблюдать за обществами, обитающими между Кахетию» и Хунзахским плато.

201) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бахзана».

202) Аят (с араб.) — «наименьшая самостоятельная часть Корана» (Ислам, с. 41).

203) В переводе с арабского: «Скажи. «Он—Аллах—един» (Коран).

204) «Тарада Инхело» (Тарада Инхело) в переводе с аварского — «Верхнее Инхело». Этот населенный пункт расположен в Ахвахском районе.

205) В переводе с аварского «Хусайн—сын Салиха».

206) Сел. Буртунай («буртунайцы» — буртинал//буртаби) расположено в Казбековском районе.

207) Традиционно считают, что здесь речь идет о генерал-майоре Пантелееве, но, судя по документам, Пантелеев в этих событиях не участвовал.

208) Произношение: Гьули.

209) Оход—гора неподалеку от Медины, где язычники-корейшты разбили мусульман и причем был ранен пророк.

210) Сел. Хварши расположено в Цумадинском районе.

Этот ученый больше известен как «Загалав».

211) Сел. Глох (Кьохъ) расположено в Ботлихском районе.

В русских документах говорится, что в сильно укрепленном (дома из «толстых каменных стен и огромные завалы») сел. Аргвани собралось до 16 тыс. бойцов из «разных лезгинских и чеченских обществ». Из них при взятии Аргвани, имевшем место в последние дни мая 1839 г., было убито якобы 600 чел. и 1500 ранено.

212) Эта местность (Саду-майдан) расположена между Аргвани и Чирката.

213) «Шулатлюл гох» (Шулалъул гохI) в переводе с аварского «Холм с укреплением».

214) Лицо, многократно упоминаемое в анналах Кавказской войны, полковник, а с 1839 г. генерал-майор.

215) Слово это является, возможно, производным от персидского калантар — «комендант»; у А. М. Барабанова — «штаб-офицер».

216) Местный вариант произношения персидского надшах.

217) В переводе с аварского «Хусайн—сын Ибрахима».

218) Командир отряда царских войск, осаждавших Ахульго, в то время генерал-лейтенант.

219) Сел. Уриб (Гуриб) расположено в Советском районе

- 220) Дылым (Дилим)—селение в Казбековском районе.
- 221) Аварский вариант произношения имени «Иса-хаджи».
- 222) Сел. Дарго (ДаьргIа; в дагестанской графике Даьргъа) расположено в Веденском районе ЧИАССР, в верховьях р. Аксайки.
- 223) Произношение: Хъази.
- 224) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Бала».
- 225) Произношение: Гъирак.
- 226) Произношение: Ханахъай.
- 227) Сел. Мачада (МачIада) расположено в Советском районе.
- 228) Сел. Хотода (ХIотода) расположено в Советском районе.
- 229) Сел. Тинди (ТIинди; тIиндал—«тиндинцы») расположено в Цумадинском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 100 дворов.
- 230) В переводе с аварского: «Мухаммад—сын Аличу».
- 231) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Силико».
- 232) Сел. Бетли (Бекиль; бекь—«жители Бетли») располагалась в прошлом на территории Унцукульского района.
- 233) Произношение: ХIизкъил.
- 234) По-аварски «Белое село» (ХъахIаб росо) называют: сел. Кахабросо Унцукульского района и сел. Ахкент Левашинского района.
- 235) Сел. Хелетури (Хелекъури; хелкъал—«хелетурицы») расположено в Ботлихском районе.
- 236) Он, как видно, был родом из сел. Султан-Янги-Юрт нынешнего Кизилюртовского района; в начале XIX в. там было порядка 150 дворов.
- 237) Произношение: ДегIеигIали—«Козел-Али» (с авар.).
- 238) Сел. Ардлух (Гъаркъух; гъаркъхал—«артлухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 239) Произношение: Иманкъулав.
- 240) Произношение: ГъитIип—«Малыш» (с авар.).
Сел. Данух (Данух; данхал—«данухцы») расположено в Гумбетовском районе.
- 241) Сел. Алмак (Алмах; алмахал—«алмакцы») расположено в Казбековском районе; в начале XIX в. там было порядка 80 дворов.
- 242) Сел. Зандак (Зандакъа) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 243) Сел. Даттых (Даттах) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.
- 244) Сел. Ведено (Ведана) расположено в ЧИАССР.
- 245) Сел. Гуш-Керт (Гуш-корта//Гуруш-корта; в дагестанской графике Гъурушкорта) расположено в Шатоевском районе ЧИАССР, в Памятовском сельсовете.
- 246) Речь идет об «обществе» Шатой (чечен. Шуйта; в языках дагестанцев Шубут/Щубутиб)
- 247) В переводе с аварского «Мухаммад—сын Худанага».
- 248) Произношение: Гъиммат.

249) Сел. Центорой (Цонтара) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

250) «Маарух» (Maġaruxъ) в переводе с аварского «В горах, в стране, где говорят на аварском языке».

251) В русских документах в связи с Ахульго говорится следующее. Шамиль имел «план» закрепиться в «замке» Ахульго, где он «собирал все возможные средства к упорной обороне убежища своего». Второй же из «главных возмутителей» Ташав-хаджи, имевший свое местопребывание в Чечне (выше Старого Аксая, близ сел. Мескиты, в урочище Ахмат-тала), опираясь на «составленный ими план для противодействия войскам» императора «должен был отвлекать» эти войска от Ахульго «посредством диверсий и набегов на линию». Состоявший из двух «замков» оборонительный комплекс Ахульго, где Шамиль собрал «до 800 человек», а также «почти насильственно» переселенные туда «знатнейшие чиркатовские семейства» плюс «семейства мюридов» и заложники (от койсубулинцев, гумбетовцев, андийцев и салатавцев, которые «вполне ему подчинились»), был прекрасно укреплен. Согласно рапорту генерал-адъютанта Граббе и генерал-майора Пулло на имя военного министра Чернышева, названный комплекс был воздвигнут «с большой тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не деэпическому инженеру: действие русской «артиллерии научило горцев весьма скоро инженерному искусству, вместо высоких и скоро разрушаемых башен, которые они возводили во времена Газимухаммада и даже в 1837 г., они начали врываться в землю, устроили крытые ходы, глубокие траншеи, углубленные каменные сакли, в местах, «не подверженных выстрелам артиллерии, заложили крепкие завалы в несколько рядов, все отлогие покатоки были срезаны», а ряд мест усилены «всеми фортификационными средствами, все подступы обстреливались сильнейшим перекрестным огнем, а горцы, невидимые в своих пещерах и подземельях, предохраняли себя от ядер и гранат». Отряду царских войск, двигавшемуся в горы, противостояло якобы «от 12 т. до 15 т. вооруженных людей, частью пеших, частью конных», находившихся под общим командованием Шамиля. Первую «встречу» царским войскам Шамиль приготовил у «неприступного» сел. Буртунай, прикрытого «со всех сторон» пропастью Теренгул, где имам собирался «удержать» наступающих «из своей фланговой позиции» в то время как 3 тыс. чиркеевцев и прочих салатавцев должны были атаковать с тыла. В случае неудачи в первом сражении мюриды «имели за собою другую более сильную позицию» у сел. Аргвани, «которую они считали вернейшим оплотом Чирката и укрепляли в продолжение года». Следующей преградой для царских войск «должна была» служить «переправа через быструю реку Койсу». Последним в этой цепи укреплений стоял «замок Ахульго».

Царские войска после взятия Аргвани двинулись 4-го июня в сторону Чирката. На следующий день сел. Чирката, покинутое местными жителями, было занято «почти без выстрела». 6-го июня царские войска увидели подходящих со стороны Хунзаха своих союзников—Ахмадхана Мехтулинского с «милицией». Тогда же было «предписано» Абумуслим-хан-шамхалу Тарков-

скому «обеспечить» продвижение транспорта из Темир-Хан-Шуры через Зирани, и вскоре он появился со стороны Унцукуля.

Отряд царских войск под командованием флигель-адъютанта полковника Катенина перешел по восстановленному имн Сагринскому мосту (Сагъри кьо) на правый берег Андийского Койсу и двинулся к Ашильта, которое к 10 июня было уже взято. В самом конце июня 1839 г. Граббе решился приступить к штурму так называемой Сурхаевой башни—возведенному на Шулатлюл гохе «укреплению, состоявшему из нескольких башен, связанных толстой каменной стеной и фланкированных завалами и бойницами в два ряда», которое защищал гарнизон из «более 100 отважнейших мюридов, известных своим удаливством и фанатической приверженностью к Шамилю». Внутри «Сурхаевой башни», получившей свое название, видимо, в честь известного «ученого Мухаджира» Сурхая из сел. Коло, были построены «сакли в два этажа, из коих нижний был врыт в землю и совершенно безопасен от выстрелов из орудий. Сакли же были соединены между собой покрытыми ходами, а верхняя часть одной из них возвышалась в виде башни и командовала всем» укреплением. 29-го июня «Сурхаева башня», то есть укрепления на Шулатлюл гохе были подвергнуты артиллерийскому обстрелу из 6 пушек, продолжавшемуся около 3 часов, а затем против 100 мюридов пошли 3 батальона под общим командованием полковника Пулло. Царские батальоны в конце концов были вынуждены отступить назад, после чего был возобновлен артиллерийский обстрел. Затем начался новый штурм силами уже 4-х батальонов. К вечеру генерал Граббе «приказал отодвинуть войска и прекратить бой». За 29-е июня «была истреблена» якобы «половина мюридов», сын Шамиля был «ранен картечью, а известному Алибеку, главному сподвижнику Шамиля, ядром оторвало руку, и он умер от раны». Царские же войска потеряли убитыми 34 солдата и 2 офицера, одним из которых был командир Моздокского казачьего полка; ранено —165 солдат и 3 офицера. В течение нескольких следующих дней царские войска проводили «осадные работы» и поставили против «Сурхаевой башни» еще 4 пушки и, кроме того, вели обстрел объекта. Уже в первые дни июля Шамиль якобы «обнаружил желание вступить в переговоры», что он сделал, «через чиркеевцев», но Граббе не принял их посредничества. 4-го июля мюриды произвели вылазку для уничтожения батареи, в ходе которой был убит один офицер. В тот же день после 3-часового обстрела «Сурхаевой башни» был предпринят новый штурм, причем атакующие употребляли для защиты «деревянные щиты, подбитые войлоком», и в полночь солдаты ворвались «в укрепление». Как сказано в русских документах, «все мюриды» были якобы «переколоты или погибли под развалинами своих завалов, исключая несколько человек», которые «успели уйти» в темноте. В руки победителей попали, как они сообщают, «два пленных, много оружия и 36 тел, кроме погребенных после первого штурма», и это в то время, когда, по сообщению Мухаммадтахира Карахского, мюриды за месяц потеряли на Шулатлюл гохе всего 17 человек убитыми. Царские же войска потеряли в этот день 11 солдат убитыми и 51 — ранеными, а кроме того, было ранено 2 офицера.

Касательно устройства лагеря в покинутом людьми Чирката говорится, что туда было послано 4-го августа 2 батальона с 2-мя пушками во главе с генерал-майором Лабинцевым, который после слабой перестрелки «занял Чиркат и предал его огню».

По вопросу выдачи Шамилем Джамалуддина в заложники в русских документах говорится, что имам «несколько раз уже подсылал» к Граббе «доверенных людей с предложением покорности», но не хотел «выдать своего сына аманатом», как того требовал генерал. Шамиль якобы предлагал в аманаты одного из своих родственников, а также «по одному человеку из находящихся при нем жителей Чирката и Ашильты»; оказывается, таким образом ашильтинцы составляли значительную часть гарнизона Ахульго!

После взятия Ахульго 22-го августа 1839 г., когда за два дня погибло еще 150 рядовых и 6 офицеров (ранено 494 солдата и 16 офицеров), царские войска в течение еще недели оставались на Ахульго — разрушали укрепления, обыскивали «пещеры над самым Койсу», в ходе чего было перебито около 40 мюридов, «но Шамиля нигде не найдено». По информации, полученной царским командованием, он с 2-мя или 3-мя «приверженцами успел спастись». Поэтому, с одной стороны, все «общества» Дагестана и Чечни были предупреждены от имени Граббе «о строгом наказании, которое их ожидает, если они примут возмутителя в свои аулы». С другой стороны—Ахмадхану Мехтулинскому и его милиции было приказано обыскать «по левому берегу Койсу, к стороне» Артлуха и Чиркея, где «глубокие балки и перелески дают средство скрываться».

К началу сентября царское командование получило информацию, что Шамиль находится в Ведено и при этом из «3 т. чел., находившихся при нем под Ахульго, спаслись только 3». Сам Шамиль ранен «навылет пулей», у него убиты: жена, сестра, дядя и один из сыновей, другой сын в русском плену, третий ранен». Шамиль якобы просил «с унижением, чтобы русское правительство приняло его покорность» и обещал дать в заложники «раненого своего сына» и «заставить покориться» Шуаиба и Ташав-хаджи. Граббе, однако, по его словам, потребовал от Шамиля «переселиться в один из мирных Сунженских аулов».

252) В декабре 1839 г., по сообщению русских документов, Шамиль ушел от ичкеринцев, так как «усматривал явные признаки недоброжелательства» и готовность «исполнять приказания русского начальства» и находился в Аргунском ущелье, где располагалось «общество» Шатой//Шубут. Его политическое и религиозное «влияние в крае совершенно» уничтожено. Опасаясь «пули или кинжала тайного врага» Шамиль не выходит «из своей сакли без 4-х вооруженных мюридов». Население якобы бежит «от него, как от заразы».

253) Еще в августе 1839 г. Граббе писал, что будет требовать с чеченцев: аманатов, «по одному хорошему ружью с каждой 10-ти сакель» и подчинения русскому приставу.

254) Старинное аварское селение, расположенное в Шатоевском районе ЧИАССР, в верховьях Шароаргуна.

255) Сел. Гаквари (Гъаквари) расположено в Цумадинском районе.

256) По преданиям, он был родом из сел. Гигатль (Гъиггаль) Цумадинского района.

«Кадиласул Мухаммад» (Къадиласул Мухаммад) в переводе с аварского — «Мухаммад сын Кадилава».

257) Сел. Шали (Шела) расположено в ЧИАССР.

258) Сел. Герменчук (Гермчига) расположено в Шалинском районе ЧИАССР.

259) Гехи (Гихта) — селение в Урус-Мартановском районе ЧИАССР.

260) Речь идет о бассейне р. Мичик (Мичиг), соответствующем части территории нынешнего Шалинского района ЧИАССР (между Качкальковским хребтом и р. Гумс).

261) Сел. Харачой (Хорочо) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

262) В русских документах говорится, что в начале марта 1840 г. отряд, сформированный из жителей «общества Аргунского ущелья», во главе с Шуанбом Центароевским, князем Маашем Зумсоевским, Джавадханом из Дарго и другими почетными чеченцами выступил в сторону Малой Чечни (Урус-Мартановский район) и успел «поколебать умы жителей покорных деревень». В Большую же Чечню «прибыл уже Шамиль», как уверяют, «по приглашению самих чеченцев». Затем «возмутитель Шамиль с двумястами мюридами» прибыл в сел. Урус-Мартан, а вслед за ним явился «аварец Ахверды Магома», который говорил, что он «собрал для Шамиля 12000 человек отборных людей» из отдаленных чеченских гор. Затем Шамиль действует уже «близ» Алхан-Юрта (Урус-Мартановский район), Куларов (Грозненский район) и Закан-Юрта (Ахчой-Маргановский район). 15-го марта генерал Пулло якобы разбил Шамиля на левом берегу Сунжи, который при этом потерял «множество людей» и затем «удалился в Гехи». Затем Шамиль «успел уйти в Шали, потом в» Мескер-Юрт (Шалинский район). Когда Шамиль прибыл в Автуры (Шалинский район) генерал Пулло «прекратил преследование». Одним словом, в марте 1840 г. Шамилю «предалась» вся страна, «начиная от Аргунского ущелья» до Алхан-Юрта в Малой Чечне и «все селения» Большой Чечни «до границы ауховцев и качкальковцев», вследствие чего «Пудло находит силы свои слишком слабыми, чтобы противустать покушениям и влиянию Шамиля».

Затем Шамиль «направляет путь» в Аух, где «народ весьма ненадежный» для царской администрации, а за ними следуют салатавцы — «ручаться за них нельзя». В середине апреля «Шамиль с своими конищами прибыл» в Акташ-Аух, где взял аманатов. Оттуда Шамиль «направился на Мичик». Наконец русские получили сведения, что «Шамиль распустил по домам для хлебопашества бывших с ним в сборе чеченцев».

263) В ряде языков и в том числе в аварском Осетия называется Гъири («осетин — гъирият»).

264) Знаменитый христианский храм Тхаба-Ерды, стоящий в верховьях р. Ассы, на территории Назрановского района ЧИАССР. В этом храме, как известно, хранились древнегрузинские рукописи религиозного содержания.

265) Есть основания полагать, что «Чуумикли» (Чуг[умикъли]) является аварским названием чеченского «Чуо-Мулка» (Чуо-Мулкъа). «Общества» Чуо и Мулка (Мулкой) располагались в бассейне одного из левых притоков Чантиаргуна, к западу от сел. Ушкалой.

266) В Чечено-Ингушетии считают, что этот Губаш (чечен. Губш; дагест. графика Гъубаш) происходил из сел. Гухой, входившего в «общество» Чуо. Топонимический материал, однако, наводит на мысль, что Губаш был из соседнего сел. Узмат-кхели.

267) Сел. Зумсой (Зумса) располагалось в бассейне одного из правых притоков р. Чантиаргун, на территории Шатоевского района ЧИАССР.

268) Сел. Шагада (Шагъада; шегъ—«шагадинцы») располагалось в прошлом в горах, на территории Хунзахского района.

269) В отмеченном «округе», точнее в ущелье, в первой половине XIX в. было примерно 250—300 дворов.

270) В русских документах сообщается, что в первой половине июня 1840 г. Шамиль «с незначительным сборищем шатоевцев и чеберлоевцев», двигаясь в сторону Владикавказа, «требовал от жителей» общества Мулкой «чтобы они также присоединились к нему». По совету князя Мааша Зумсоевского, за пассивность Шамиль казнил якобы «несколько старшин». Мулкойцы в ответ напали, однако, «на скопище его» и убили «многих из самых приверженных к Шамилю», в том числе его кунака, «у которого он жил в Аргунском ущелье»—Шабана Шатоевского «и зумского князя Мааша». Шамиль получил от мулкойцев две, «как говорят, весьма» опасные раны—«одну в руку, а другую в живот», после чего он «с трудом возвратился» назад, а «сборище его разошлось».

271) Русские документы позволяют предполагать, что «Дашмирза» (произношение: Дачмирза—?) является аварским названием чеченского сел. Дачу-Борзой (Дача-Борзие), расположенного в Грозненском районе. Дело в том, что в этих документах говорится, что Шамиль «с семейством своим в исходе июня 1840 г.» переехал в Дачу-Борзой. Он якобы поступил так потому, что «потерял уже доверие к шатоевцам» и намерен теперь «объезжать разные места и возмущать жителей».

272) Это селение (Индин юрт) располагалось в прошлом близ сел. Курчалой Шалинского района.

273) Еще в конце апреля 1840 г. по сообщению генерала Клюки фон Клюгентау жители Чиркея и Зубутля «присягнули не принимать мятежников» и даже намеревались якобы изгнать последних из Акташ-Ауха и Дылыма 5-го июля, однако, как говорят русские источники, в Салатавию прибыли Шамиль и Ташав-хаджи «с значительным числом горцев»—«иные говорят три, а другие 10 тыс.». Зубутль, Чиркей и остальные салатавские селения «передались на их сторону», и мюриды «заняли сел. Зубут».

274) Сел. Ишкарты (кум. Ишарты; авар. Ишкаталиб) расположено в Буйнакском районе.

275) В русских документах отмечено, что после взятия Ахульго царские

войска прибыли 1-го сентября 1839 г. в Гимры, Гимринцам, среди которых не осталось ни одного мюрида («уже арестованы, в плену или убиты») Граббе даровал «всеобщее прощение и назначил там русским приставом прап. Уллубея Эрпелинского».

276) Селенне в ДАССР.

277) В рапорте генерала Клюки фон Клюгенау сказано, что в начале июля 1840 в поход выступили 10 тыс. горцев — чамалинцев, багвалинцев, андийцев, гумбетовцев и салатавцев во главе с Шамилем, к которым присоединились: Ташав-хаджи, Джавадхан и Фей-мулла «с испытанными чеченскими наездниками». Целью Шамиля было овладеть стратегически важными пунктами — Ишкарты, Каранай и Эрпели. Генерал решил «атаковать неприятеля в поле», хотя он был «в двадцать раз» сильнее его. Клюки фон Клюгенау подошел к Ишкарты с 650 солдатами, 50 казаками, 200 всадниками Ахмадхана Мехтулинского, 100 всадниками Абу-муслим-хан-шамхала и пушками. Шамиль подходил туда из Чиркея через Ахатль якобы «с 8 тыс. пеших и конных горцев». Бой начался с 9-го на 10-го июля и вскоре ишкартинцы «и шамхальцы, не ожидая решительной атаки» со стороны мюридов, «бежали», за чем последовало отступление рот майора Бельгарда. В это время «Ахмедхан Мехтулинский вызвался атаковать неприятельскую кавалерию с двумястами своей милиции, которые мгновенно были опрокинуты наездниками Джаватхана. Расстроенная милиция частью рассеялась, частью искала спасение в нашем обозе, так как и шамхальцы». Затем произошла схватка внутри Ишкарты, в том числе в княжеском замке, где «заперлись отчаянные мюриды». Вскоре налицо была уже «измена ишкартынцев и каранайцев», а также «эрпелинцев», в результате чего мюриды заняли Ишкарты, Каранай и Эрпели, 14-го июля 1840 г. Шамиль, взяв заложников от эрпелинцев, ишкартынцев и каранайцев, «удалился в Чиркей». Под Ишкарты царские войска потеряли убитыми 37 солдат, а раненых было 79 солдат и 8 офицеров. «Потеря неприятеля была», по домыслам Клюки фон Клюгенау, «более 300 человек убитыми».

278) В русских источниках отмечено, что летом 1840 г. «Шамиль успел принудить к повиновению» чеберловцев (по-аварски тIад бутриял//тIад буртиял).

279) Сел. Ансалта (АнсалтIа; ансал — «ансалтинцы») расположено в Ботлихском районе.

280) Сел. Тукита (ТукитIа; тIукал — «тукитинцы») расположено в Ахвахском районе.

281) Сел. Тлайлух (ЛъагIилухъ; лъагIел — «тлайлухцы») расположено в Хунзахском районе.

282) «Тидуриль Мухаммад» в переводе с аварского — «Мухаммад — сын Тидури», то есть Теодора//Федора; имя собственное «Тидури» фиксируется среди аварцев-мусульман с XVII в.

В русских документах отмечается, что в 1840 г. Шамиль из Чечни «пропик в Аварию, присоединил к себе 8 деревень аварских, принудил милицию» Ахмадхана Мехтулинского «отступить к Хунзаху».

283) В апреле 1840 г. русское командование получило информацию «о намерениях Шамиля разграбить дер. Чир-Юрт», то есть Гельбах «и Султан-Янги-Юрт». Затем «к Султан-Янги-Юрту», на который «намерены были напасть хищники» двинулся генерал Клюки фон Клюгенау с 3-мя батальонами пехоты, 70 казаками и 6-ю пушками. Мюридов он там не встретил.

284) В русских документах указано, что 8-го сентября 1840 г. «Шамиль со скопищем, состоящим преимущественно из салатайцев», двинулся к Гимрам и «занял» это селение. Имам имел намерение «истребить дома и сады и разграбить все имущество» изменников горскому делу, но якобы «жители не дозволили ему это исполнить».

285) Происхождение: Мугьитла.

286) Происхождение: Паса ГанилгIа—«Над Ашильта» (с авар).

287) Известный мост (Сагъри кьо) через Андийское Койсу, расположенный недалеко от сел. Ашильта.

288) В русских документах упоминается «дело под Гимрами», которое «14 сентября расстроило все замыслы мятежников».

289) Сел. Саид-Юрт располагалось неподалеку от сел. Аугуры Шалинского района ЧИАССР.

290) Сел. Гелдген расположено на территории Шалинского района.

291) Согласно русским документам, генерал-лейтенант Галафеев с 6-ю батальонами пехоты, 2-мя ротами саперов, 1050 казаками и 16-ю пушками вторгся в пределы Чечни. В начале октября 1840 г. его войска «сожгли» занятые ими «селения» Шали и Герменчук, которые, однако, согласно тексту Мухаммадтахира, были оставлены и сожжены ранее самими чеченцами и причём за несколько месяцев до этого. Затем 10-го октября 1840 г. «Галафеев двинулся к Саид-Юрту, где находилось главное скопище Шамиля, опрокинул его после упорного боя» и «занял Саид-Юрт», который был после этого сожжен вместе с соседними населёнными пунктами. Затем, однако, туда подошли 2 тысячи дагестанских и чеченских горцев, которые «удержали» население Чечни «от намерения покориться».

292) Это была армянка из г. Моздока (СОАССР) по имени Анна из богатой купеческой семьи Уллухановых.

293) Часть ингушей, жившая в окрестностях русского укрепления Назрань (ЧИАССР), которое по-ингушски называлось **Наьсапе**.

294) Известно, что в 1840 г. Шамиль письменно информировал назрановцев о своем скором приходе к ним, требовал от них заложников и покорности и просил: «не скрывают мусульманскую веру».

295) Эту местность чаще называют Уркъубакълън—«Солнечная сторона Урку»; расположена вблизи Чиркея.

296) В русских документах говорится, что Шамиль в результате своих боевых действий на территории Чечни в 1840 г. лишь «отдал нам в руки Чиркей». Уже в 1841 г. там стояло «Евгениевское укрепление».

297) В русских документах отмечено, что в первой половине 1841 г. Шамиль «казнил Бай-Сулеймана, сильного, богатого андийца», а кроме того, на-

ложия штраф на «главного кадия» за «тайное расположение» андийцев «к русским», после чего названного кадия «выслали в Карату».

Отметим здесь также и то, что согласно указанным документам, весной 1843 г. Галбац (Галбац-Дибирь; Г'албацI — с авар. — «Лев») являлся Каратинским паибом, Газияв — Андийским, а Шуанб считался «генералом».

Кванада (Киванада) — селение в Цумадинском районе.

298) В русских документах отмечается, что уже в июле 1841 г. «были открыты тайные сношения» Шамиля «с андийцами». Упоминается в них и «ауховская экспедиция» и что «доверенные лица имама распускали в июне 1841 г. «слухи», что «подле дер. Ауха было дело и много потеряли русские».

299) В русских документах говорится, что для прекращения связей хунзахского гарнизона с Темир-Хан-Шурой и последующего «овладения Аварией», по мнению командования шариатской армии, было необходимо «занять Унцукуль и овладеть Балаханским ущельем», а также предпринять другие шаги. «17-го числа (ноябрь 1841 г.) Абакар-кадий с партией в две тысячи человек занял Унцукуль и Харачи, 18-го вторгнулся в Балаханское ущелье». Сложилось таким образом «критическое положение по измене Унцукуля, Балахан и Гимров».

300) Это была небольшая крепость с гарнизоном порядка одной роты и несколькими орудиями.

301) В переводе с аварского «Мухаммад — сына Омара».

302) «Ханав» — аварский вариант произношения собственного имени «Хан».

303) В русских документах от середины ноября 1841 г. говорится о «заятии деревни Куды» отрядом мюридов в 2 тыс. человек под командованием Кебедмухаммада Телетлинского и «чеченского Джаватхана». Хотя Ахмадхан Мехтулинский, стоявший на Карадахском мосту, и направил в помощь им 200 человек, «устрашенные кудяинцы не смели противустать огромному скопищу». В них при этом отмечается, что отряд Джаватхана состоял из нескольких сотен чеченцев.

304) Чох (ЧПохъ; ч!ахъал — «чохцы») — селение в Гунибском районе; в первой половине XIX в. там было порядка 400 дворов.

305) Рисор (Рис Глор) — «общество», занимавшее часть территории Чародинского района (сел. Дусрах и прилегающие земли).

306) По-видимому, речь идет о кладбище, где были похоронены Ахмад ал-Йамани (XV в.) и его потомки.

307) Бухты (Бухти; бухтал — бухтышцы) — селение в Гунибском районе.

308) Дженгутай — селение в Буйнакском районе.

309) В русских документах, относящихся к весне 1842 г., отмечается, что управляющий Казикумухским ханством Махмуд — сын Тахира «призвав Шамиля с мюридами, передался ему». Его примеру последовал брат Харун — правитель Кюринского ханства. Оба брата «надели белые чалмы в знак мюридизма». В «беспрепятственно» занятом Казикумухе были взяты в плен подполковник Снаксарев — управляющий Самурским округом, прапорщик Илья Орбелиани — представитель высшей грузинской знати, а также «несколько рус-

ских и азиатцев», среди которых были ахтынцы-нукеры. Некоторые «азиаты изрублены».

310) В начале 1843 г. «по научению» этого «Магомет-кадия Андалальского» население Андалала «приняло шариат».

311) Сыновья этого Омар-бека (в числе их известный Агалар) придерживались и тогда российской ориентации.

312) Русские документы это подтверждают.

313) Кивиди (лак. Кывиди, авар. Къибуди) — та верхняя часть сел. Казикумух, где жили в прошлом ханы и знать.

314) Сел. Унчукатль (Гъунчукъатли) расположено в Лакском районе.

315) Селения Хури (Хъур) и Хирукра (Хъурукра) расположены на территории Лакского района.

316) Даниял-бек Елисуейский, будущий наиб Шамиля.

317) Сел. Елису расположено в Кахском районе Аз. ССР. Жители его по происхождению в основном цахурцы.

318) Кули (Ккул) и Хосрех (Хъусрахи) — селение в Кулинском районе.

319) Шовкра (Шавккул) — селение в Лакском районе. Там находился мост через глубокий овраг, защищающий Казикумух от врагов, наступающих с юга.

320) Магар (Магъар) — селение в Чародинском районе.

321) Сел. Арчи (авар. Рочиб) расположено в Чародинском районе. Население его говорит на особом языке и считалось в прошлом раятами казикумухских ханов.

322) Весной 1843 г. этот ханский родственник находился в Согратле и помогал «взаимным сношениям Шамиля с казикумухцами».

323) В русских документах начала 1842 г. отмечается, что Шамиль собрал 80 дезертиров из царской армии и «составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения».

324) Эти события, произошедшие в мае 1842 г., нашли отражение в русских источниках.

325) Территория современных Веденского и Ножайюртовского районов ЧИАССР.

326) Это происходило в конце мая — начале июня 1842 г.

327) «Хасайль Муса» в переводе с аварского — «Муса — сын Хасая»; из рода аксайских князей.

Аксай (кум. Яхсай; авар. Яхси) — селение в ДАССР.

328) Из сел. Эрсеной (Веденский район); в 1843 г. — наиб Большой Чечни.

329) Сел. Белгатой (Белгата; в дагестанской графике Белгъата) расположено в Веденском районе ЧИАССР.

330) Сел. Гордали (Гъордала; в дагестанской графике Гъьордала) расположено в Ножайюртовском районе ЧИАССР.

331) Речь идет о покойном к тому времени Асланхусан-хаше Казикумухском, часть вещей которого была добровольно передана его родственниками в казну имамата.

332) В этом походе в Ичкерню, проходившем под командованием известного генерала Граббе, участвовало 12 батальонов пехоты, рота саперов, 350 казачков и 24 пушки. Им противостояло, по сообщению Зиссермана, «по самым шедрым расчетам до полутора тысяч» горцев.

333) Годы правления: 1839—1861.

334) Известный хаджи Юсуп Сафаров родом из чеченского сел. Алда; в русских документах от 1843 г. он именуется «турецким чиновником родом из дагестанцев» и «родом татаринном», чей отец «долго торговал в Кизляре». С 1843 г. хаджи Юсуп был назначен наивом части Малой Чечни, но «на этом участке» он «скорее вреден, чем полезен Шамилю», ибо как истинный выкормыш турецкой административной системы выделялся «разного рода несправедливостями и взятками», чем заслужил «ненависть чеченцев».

335) Правитель Египта.

336) Территория по берегам р. Белой (Адыгейская АО), где проживало огромное черкесское «племя» абадзехов (150—200 тыс. душ).

337) Благодаря говорливости хаджи Юсупа, которая отмечалась и русскими, последние были хорошо осведомлены о посольстве Шамиля в Турцию от 1843 г.

338) По мнению командующего Кавказским корпусом генерал-лейтенанта фон Нейдгардта, датированному началом декабря 1842 г., все «эти правила заимствовал Шамиль из арабских книг о военном искусстве и других учреждений халифов». Существует, однако, тенденция приписывать все это влиянию хаджи Юсупа, который, между прочим, ко времени составления записки генерала Нейдгардта находился еще в Закубанье.

339) В русских документах за январь—февраль 1843 г. отмечено, что хаджи Юсуп с двумя посланцами Шамиля к турецкому султану проехали «из Закубани через Кабарду в Чечню».

340) В русских документах от 1843 г. говорится, что хаджи Джабраил Унцукульский приехал «будто из Константинополя».

341) В русских документах март—апрель 1843 г. отмечается, что «в сел. Дарго льют уже орудия и, что три уже отлиты каким-то мастером азиатцем, обучившимся этому искусству в Эрзеруме». Русскими были, кроме того, перехвачены письма Шамиля Ибрахиму-паше Египетскому (с просьбой прислать «двух людей, искусных в делании оружия, военных снарядов и в извлечении железа, серебра и прочих материалов из земли») и султану Абд ал-Маджиду (дагестанцы умеют делать «большие ружья» и нечто вроде конгревых ракет) от 1843 г., имеющие отношение к указанному вопросу.

342) До царских генералов дошел в марте 1843 г. слух, что Шамиль собирается совершить поход «на Татбуринское общество (также Чаргбели), не признающее его шариата».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Блеск горских сабель в некоторых Шамилевских битвах	17
Глава о начале деяний Газимухаммада	19
Глава о начале сбора войск Газимухаммадом	23
Глава о первой битве в Хунзаде	24
Глава о битве Хамзата в Джар-Тала	26
Глава о первой битве в крепости Агач	26
Глава о битве у Таркинской крепости	27
Глава об осаде Эндиреевской крепости и сражений в Акташ-Аухе	28
Глава о взятии крепости Кизляр	29
Глава о второй битве в крепости Агач	29
Глава о сборе войска Газимухаммадом и походе в Чечню	30
Глава о сражении, в котором пал мучеником Газимухаммад и был ранен Шамиль	33
Глава о том, что произошло у Шамиля и гимринцев после того	37
Глава о назначении Хамзата халифом и разъяснение о его битвах	40
Глава о битве при Ругуджа, из-за которой перепугались мунапики той стороны и увеличилась сила мюридов	41
Глава об убийстве хунзахских главарей и что тогда произошло	42
Глава о выступлении Хамзата на Салта и разъяснение о его гибели от рук хунзахцев	45
Глава о начале халифата Шамиля и о том, что он тогда испытал	46
Глава о переселении Шамиля в Ашильта и о том, что произошло до и после этого	50
Глава о сборе войска унцукульцами против Шамиля	53
Глава о первом захвате Унцукуля в эпоху правления Шамиля	56
Глава о битве с андалальцами и хунзахцами в Гопатле	57
Глава о сборе войска Шамилем для противостояния русским, когда они устремились на Хунзах и о сражении ассабиев против него	59
Глава о сражении в Телетле и вступлении русских в Ашильта	60
Глава о том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он находился там	63

Глава с разъяснением причин подготовки к боям Ахульго	64
Глава о бое в Тарада Иххело	65
Глава о сражении в Аргвани	67
Глава о сражении при Ахульго	69
Глава о передаче Джамалуддина — сына Шамиля русским в качестве заложника для заключения перемирия	70
Глава о выходе Шамиля из Ахульго и о том трудном и радостном, что он встретил после этого, пока не дошел до селения Шатой	77
Глава о приходе к Шамилю шатоевцев и остальных чеченцев	88
Глава о начале сбора войск Шамилем после того, как он остановился в Шатое	89
Глава о том, что произошло между Шамилем и тем человеком, у которого он выколол глаза	92
Глава об ишкартынском и других сражениях	94
Глава о нападении на Саид-Юрт	98
Глава о взятии Гельбаха третий раз и нападении на Назрань	99
Глава о приходе русских в Чиркей и постройке там крепости	100
Глава о втором захвате Унцукуля, а также Гимр и Балахан	101
Глава о взятии Куяда войском Джавалхана	103
Глава о взятии Казикумуха первый раз	103
Глава о втором сражении в Казикумухе	105
Глава о нападении на Ичкерию	108
Глава о нападении на Игали	110
Отступление от темы	110
Глава о начале отливки пушек, при помощи которых усилилось могущество имама, и чем из рук неверных были взяты многочисленные крепости	113
Глава о нападении на Чеберлой	114
Примечания	116

instituteofhistory.ru

Перевод с арабского Т. Айтберова

Издатель: Общество книголюбов Дагестана, 219—ж

Ответственный за выпуск Х. И. Ильясов

Научный редактор А. Р. Шихсаидов

Техредактор Д. Б. Таиров

Сдано в набор 5.7.1990 г. Подписано в печать 25.7.1990 г. Формат 60×84^{1/4}.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ л. 8,54.
Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 10000 экз. Зак. 1780. Цена 3 руб.

Типография Госагропрома ДАССР, 367025, Махачкала, ул. Маркова, 18.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Общество книголюбов Дагестана совместно с Фондом Шамиля готовят к изданию работу Мирзы Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль».